

**Московский государственный институт
международных отношений – Университет МИД РФ**

Алексей Подберезкин

НАЦИОНАЛЬНЫЙ ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ
КАПИТАЛЪ

Том II

**Эволюция идеологии российской политической элиты
(1990–2011 гг.)**

Книга 2

**Национальный человеческий капитал
как фактор международной безопасности**

Москва, 2011 г.

СОДЕРЖАНИЕ

Книга 2

Национальный человеческий капитал как фактор международной безопасности

Глава 1. Национальная безопасность и модернизация.....	
1.1. Нация, национализм, национальная и международная безопасность России.....	
1.2. Безопасность и модернизация: неадекватность российской элиты. Часть 1.....	
1.3. Безопасность и модернизация: неадекватность российской элиты. Часть 2	
1.4. Безопасность через деидеологизацию: модернизация как «технологизация».....	
Глава 2. Новые международные реалии безопасности в период «фазового перехода».....	
2.1. «Фазовый переход» и международная безопасность.....	
2.2. Главная цель внешнеполитической идеологии модернизации.....	
2.3. Новая идеология как условие модернизации.....	
2.4. Новые международные реалии и НЧП.....	
2.5. Новые международные реалии, НЧП и безопасность России.....	
2.6. Внешняя политика России и НЧП.....	
Глава 3. Российская элита в начале XXI века: подход к проблемам международной и национальной безопасности.....	
3.1. 20 лет разрушения системы национальной безопасности ..	
3.2. Эволюция взглядов российской элиты по вопросам безопасности: вопросы методологии.....	
3.3. Эволюция взглядов российской элиты по вопросам безопасности: вопросы истории.....	

- 3.4. Новый подход к безопасности через модернизацию.....
- 3.5. Новая архитектура международной безопасности как
новый элемент модернизации внешней политики
Д.Медведевым.....
- 3.6. «Историческая» политика как альтернативный вариант
новой архитектуры международной безопасности.....

**Глава 4. Выбор сценария модернизации как
самоидентификация российской элиты**

- 4.1. Адекватность политической стратегии России
современным международным реалиям.....
- 2. Проблема международной идентификации России: точка
бифуркации
- 4.3. Возможные варианты модернизации:
«Сделано в России» или «Создано в России»?.....
- 4.4. Национально-ориентированный вариант модернизации.. .
- 4.5. Русский социализм как сценарий модернизации и
идеология национальной безопасности
- 4.6. Национально-ориентированный выбор: авторитаризм
или демократия?.....

**Глава 5. Инициатива Д.Медведева по созданию новой
архитектуры международной безопасности.....**

- 5.1. Необходимость создания новой архитектуры
безопасности.....
- 5.2. Принципы создания новой архитектуры
международной безопасности.....
- 5.3. Новая архитектура международной безопасности как
политико-идеологическое условие модернизации

**Глава 6. Идеологические аспекты новой системы
международной и европейской безопасности: за и против....**

- 6.1. Роль идеологии в политике безопасности.....
- 6.2. Как пропаганда заменила идеологию в области
безопасности.....

- 6.3. Необходимость «идеологического прорыва» России.
Россия как цивилизационный и формационный
мировой лидер

Глава 7. Международная безопасность и мировой кризис:

- ожидание перемен.....**
- 7.1. Мировой кризис: логика и последствия.....
- 7.2. Международная безопасность в условиях кризиса.....
- 7.3. Международная безопасность и новое соотношение сил.....
- 7.4. Будущее проблемы международной безопасности:
«Безопасность через развитие».....

Книга 2

Национальный человеческий капитал как фактор влияния на систему международной безопасности¹

«Я никогда не противопоставлял теорию элит классовой теории. Я пытаюсь дополнить одно другим»².

С.Кургинян

«Теперь всем нужно подумать о создании новой архитектуры безопасности, которая опиралась бы на международное право, недопустимость конфликтов и недопущение доминирования какого-либо одного государства...»³.

Д.Медведев

¹ Система международной безопасности – зд. такая система международных отношений, которая гарантирует политическими, военными, правовыми, экономическими и иными методами сохранение суверенитета государств, отсутствие угроз и устойчивое развитие нации. В XXI веке особенно выросла роль такого потенциала как НЧК.

² С.Кургинян. Качели. Конфликт элит или развал России? М.: МОФ, 2008, с. 163.

³ Д.Медведев. Организация антинаатовского договора / <http://www.kommersant.ru/doc.aspx?DocsID=1022544&print=true>

Основные дискуссии в России о будущем модернизации возникли в конце первого – начале нового десятилетия XXI века и связаны они были с переосмыслением элитой основных понятий и представлений, характеризующих национальное развитие. Многие симптомы указывали на это – от усиления критики В.Путина и Д.Медведева, событий на Манежной площади и в других регионах страны и, конечно же, неудач и неясности с модернизацией и перспективами России.

Уже в начале 2011 года в «Российской газете» с программными статьями выступили Г.Ясин, И.Юргенс, Е.Примаков. Их концепций модернизации значительно отличались друг от друга, но в главном они были схожи: нужно определиться с базовыми целями с средствами, т.е. создать стратегию модернизации, которая была бы взаимосвязана со стратегией национального развития. Примечательно, что в то же время, 17 января 2011 года, Д.Медведев на встрече с руководством Федерального Собрания РФ привлек их внимание к национальному вопросу, как вопросу о русской культуре и русской нации¹. Другими словами идея национального развития, стратегии развития стала приобретать подобающее место.

В этой работе я попыталось доказать, что национальная безопасность и государственный суверенитет в XXI веке, а, в конечном счете и международная безопасность, могут быть обеспечены только высоким уровнем и качеством национального человеческого капитала (НЧК) во всех его составляющих – национальная культура, духовность, образование, продолжительность жизни и душевые доходы.

Два основные тренда «фазового перехода» – национальный демографический и национальный научно-технический, – лежащие в основе представлений о НЧК, будут определять в конечном итоге всю систему международной безопасности будущего. Оба эти тренда так или иначе аккумулируются в НЧК.

Думать, что будущая система международной безопасности сможет основываться только на ?????? договоренностях, – ошибка. В основе ее должен находиться глобальный (биологический) интерес как **совокупность** национальных интересов, главным из которых является развитие НЧК каждой нации и государства.

¹ Д.Медведев. Российская газета, 18 января 2011 г., с. 1.

Глава 2.1. Национальная безопасность и модернизация

«... как всякое крайне затратное дело, модернизация требует ревизии и переоценки ресурсов»¹.

И.Юргенс

«... что конкретно включается в понятие «модернизация» в российских условиях, какова последовательность мер в ее осуществлении – по этим вопросам пока нет устоявшегося мнения в стране»².

Е.Примаков

Проблема модернизации России в 2008–2011 годы стала непосредственно связываться с будущим национальной безопасности страны, ее местом в мире и системой международной безопасности, которая должна существовать в будущем. При этом у российской элиты не было ни четкого видения целей модернизации, ни то, каким образом ее осуществлять, ни каким образом перераспределить национальные ресурсы.

Не было четкого видения, соответственно, и будущей системы национальной и международной безопасности, хотя инициатив в этой области, безусловно, хватало! Но все они носили частный, бессистемный характер, опирались на укрепление двусторонних личных связей и преувеличивали значение международно-правовых норм и договоренностей.

Непонимание простой аксиомы политики – национальная безопасность основывается на национальной мощи, а та, в свою очередь, является частью системы международной безопасности – вело к путанной внешнеполитической стратегии.

Модернизация, ставшая не только потребностью, но и модным лозунгом в 2008–2011 годы, еще больше запутывала ситуацию. В 2011 году российская элита так и не смогла ответить на предельно четкие вопросы: что такое национальные интересы и какая национальная безопасность нужна России. В конечном счете все упиралось в отсутствие общенациональной идеологии, которая стала предметом острого спора после событий декабря 2010 года на Манежной площади.

¹ *И.Юргенс*. Сила слабости. Российская газета, 11 января 2011 г., с. 4.

² *Е.Примаков*. Достижения не должна заслонять проблема. Российская газета, 14 января 2011 г., с. 6.

Без ответа на эти принципиальные вопросы политика модернизации 2008–2010 годов оставалась не более чем лозунгом, не подкрепленным реальными политическими, идеологическими и экономическими действиями. Даже хуже – в угоду моде ежедневно принимались решения, которые нередко прямо противоречили идее модернизации.

2.1.1. Нация, национализм, национальная и международная безопасность России

«Русский писатель начинается с преодоления русской дремучести.

С понимания что Россия – это не весь Божий мир, а лишь маленькая его часть»¹.

*М.Шишкин,
писатель*

«... особое внимание должно уделяться русской культуре. Это основа, это костяк развития всей нашей многонациональной культуры. Это нормально, и об этом должно быть не стыдно говорить»².

Д.Медведев

События на Манежной площади в Москве в декабре 2010 года высветили давно назревшую, но сознательно игнорировавшуюся проблему **самоидентификации русской нации**. Действительно, после развала СССР его преемник Россия оказалась не только в искусственно ограниченном пространстве, потеряв десятки миллионов своих граждан, но и без ясного представления о своей национальной идентичности. Термин «русский» не то, чтобы был запрещен, но его всячески пытались заменить термином «российский». И 20 лет показали, что попытки эти были в общем-то безуспешными.

Хуже того, начавшаяся еще во времена СССР волна национализма – от Прибалтики до Средней Азии – затронула все нации, но больше всех русскую. И когда сегодня рассуждают о политкорректности и толерантности хочется спросить, почему эти термины не предполагают изначально применения по отношению к русской нации?

Другой, конституционно-правовой, вопрос предполагает изначальное равенство всех национальностей в одном государстве. Но он отнюдь не предполагает, что представители некоторых наций, формально не отрицая этой нормы, в жизни, практически ее игнорируют. Руководствуются своими нормами и правилами. Ведь был же геноцид по отношению к русским в Средней Азии и на Северном Кавказе, Латвии и даже на Украине, Их не только грабили, насиловали, убивали, но и изгоняли. И очень редко под сомнение ставился принцип равенства нации в нашей федерации. Другими словами есть правовая норма (против которой никто или почти никто не выступает, но которую любят

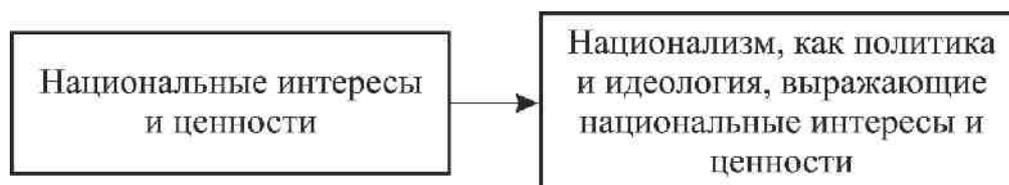
¹ *Н.Кочеткова*. Будущее наступило. Известия, 19 января 2011 г., с. 11.

² *Д.Медведев*. Национальный опрос. Российская газета, 18 января 2011 г., с. 2.

защищать политики и публицисты), а есть практика повседневной жизни, которая радикально отличается от этой нормы. Так, вот русские выступают не против нормы, а против политической практики.

В этой связи важно четко обозначить взаимосвязь между понятиями «национальные интересы» и «национализмом».

Если национализм – политика и идеология, то следует допустить, что эта политика и идеология, **отражающие национальные интересы и ценности**. Что может быть отражено на следующем рисунке.

Существуют, как известно, и другие интересы, более низкого уровня – социальные (классовые), групповые, личные¹.

При этом «национализм интересов», конечно же, не равнозначен этническому, либо какому-либо другому национализму. Национализм «национальных интересов» близок к национализму политическому, но не тождественен ему. Далеко не всегда государственные интересы, как известно, совпадают с национальными. Иногда они прямо противоречат им, когда правящая элита проводит антинациональную политику².

Национализм «национальных интересов» практически тождественен культурному национализму, ибо национальные интересы и ценности лежат в основе любой политики. Как справедливо заметила Е.Ямпольская, «Не случись в декабре «Манежки», не заговорили бы разом и повсеместно о том, что одними подразумевалось по умолчанию, другими забылось как анахронизм. А именно: в России наличествуют государствообразующая нация и доминирующая культура (обе – русские) и основная религиозная конфессия (православие).

¹ См. подробнее: М.А.Хрусталёв. Анализ международных ситуаций и политическая экспертиза. М.: НОФМО, МГИМО(У), 2008 г., с. 54–57.

² В свое время я не раз писал об этом в 90-ые гг. См., например: А.Подберезкин. Русский Путь: сделай шаг. М.: РАУ-корпорация, 1998 г.; А.Подберезкин (Отв. ред.) Россия перед выбором. М., РАУ-корпорация, 1995 г.; А.Подберезкин (Отв. ред., автор Предисловия). Российская Федерация: безопасность и военное сотрудничество. М., РАУ, 1995 г.

Это, конечно, многое объясняет, но и ко многому обязывает. **Начинается период идентификации – прежде всего самоидентификации – русскости. Какие они, эти русские? Какие мы?** (подч. – *А.П.*)»¹. И эта самоидентификация не может быть завершена без идеологии и политической практики культурного национализма.

Реакция власти и СМИ на эти события вначале была не адекватна. Сначала всех участников обвинили в национализме и хулиганстве, а некоторые – даже в фашизме. Затем, спохватившись, стали усиленно обсуждать эту проблему, поручив эту тонкую и серьезную тему штатным журналистам и политикам, которые всячески изворачиваясь стремились уйти от существа вопроса. Либо, как В.Жириновский, перевести ее в ругань. Не случайна в этой связи и острая реакция северокавказских республик, в частности, парламента ЧР, потребовавшего запретить ЛДПР.

Складывается впечатление, что участники дискуссии просто не понимали существа проблемы. Все их аргументы дискуссии в лучшем случае вызывали усмешку или непонимание, настолько далеки они были от реальной жизни.

При этом опять испуганно заговорили о ксенофобии и толерантности, забывая, что нигде в мире так не проявилась ксенофобия в последние годы, как в самых толерантных странах – Швейцарии, Дании, Франции, даже Голландии.

Суть же проблемы в другом, а именно: в течение многих лет на эту проблему было наложено фактически табу. Любое ее обсуждение немедленно вызывало политические и медийные репрессии, а люди, пытавшиеся ее поставить, клеймились, как минимум, как ксенофобы, а то и фашисты. А между тем существует явная связь между нашей историей, нашими предками и нами, сегодняшними. Как справедливо пишет писатель (татарин и мусульманин) Р.Н.Бикбаев, «Отступать некуда» – сказали их деды и прадеды под Москвой осенью и зимой 1941 года. «Отступать некуда» – сказали их деды и прадеды под Сталинградом страшной осенью и зимой 1942 года. «Отступать некуда!» – сказал себе каждый солдат когда решался вопрос быть или не быть этой стране и этому народу. Тогда по нашей земле уверенно, в полном убеждении в своей победе шла нацистская армия. Они тоже считали русский народ

¹ *Е.Ямпольская. Какие эти русские. Известия, 21 января 2011 г., с. 6.*

быдлом и рабочим скотом. И русские отступали, где-то с боями, где-то просто бежали. Бежали до тех пор пока каждый не сказал себе: Отступить некуда. А в мае 1945 деды и прадеды, тех, кто в декабре 2010 года осмелился возвысить свой голос против геноцида русского народа, подняли знамена над Рейхстагом. И этих людей плоть от плоти победителей германского нацизма называют фашистами?»¹

Уйти от признания русскости не удастся. Как бы ни изворачивались политики и публицисты. Эту тему придется обсуждать, думать о ней, а, главное, делать выводы из политики элиты за последние десятилетия. Как опять же справедливо заметила Е.Ямпольская, «Отменить пятый пункт в паспорте можно, сказки, которые рассказывала перед сном бабушка, нет»².

Проблема национальной самоидентификации является ключевой для любой нации, ибо именно в этом процессе формируется **базовая система ценностей** и **национальные интересы**, без адекватного понимания которых национальной элитой невозможна никакая национальная стратегия – ни Стратегия национальной безопасности до 2020 года, ни Концепция внешней политики, ни, тем более, Стратегия социально-экономического развития до 2020 года, либо любая иная «национальная» стратегия. Вот и сейчас, «корректируя» Стратегию социально-экономического развития, ее авторам, экспертам и консультантам неизбежно придется начинать с формулирования четких **национальных интересов**, их формализации в целях «задачах, наконец, в определении их приоритетности (на всех денег не хватит) и предельно четком подсчете ресурсов. Ресурсов, опять же, национальных потому, что рассчитывать в очередной раз на внешнюю помощь, инвестиции и т.п. всерьез не приходится. Опыт уже есть.

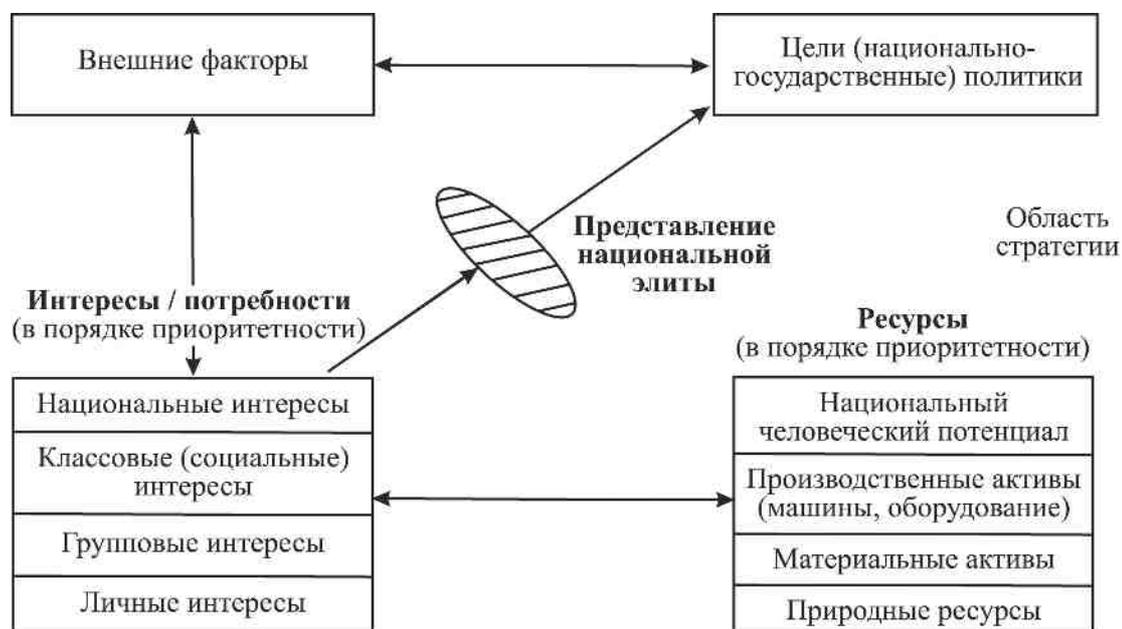
Представляется, что многие наши неудача последних десятилетий объясняются тем, что наша элита не смогла (или не захотела) адекватно оценить объективные национальные интересы, сформулировать четкие и правильные цели, распределить необходимые для этого ресурсы. Да и сама элита, мягко говоря, не была ни нравственной, ни

¹ Р.Н.Бикбаев. Русский марш. Записки не русского человека, декабрь 2010 г. / <http://rnb099.blogspot.com/p/2010.html>

² Е.Ямпольская. Какие эти русские. Известия, 21 января 2011 г., с. 6.

профессиональной, ни национально ориентированной. Может быть в этом все дело?

Взаимосвязь и взаимозависимость всех этих элементов, как на простой модели, можно выразить на рисунке¹.

Из этого рисунка видно, что **представления элиты** могут как выражать национальные интересы (с разной степенью адекватности), так и не отражать их. Да и сама элита может быть национально ориентированной, либо нет: она может, отражать групповые, либо личные интересы. Эти представления элиты (т.е. идеология) и её политическая практика могут быть национально ориентированными, либо антинациональными. Могут отражать национальные интересы (безопасности, экономические, социальные и пр.), либо отражать чьи-то иные интересы – других стран, групп, наконец, личные.

Основной национальный интерес последних десятилетий это развитие национального человеческого капитала, что выражается в **динамике роста** численности населения, его доходов, продолжительности жизни, продолжительности жизни, продолжительности образования, науке, духовности, творчестве. Причем эта динамика измеряется довольно точно, вплоть до тысячных долей, специальным индексом развития человеческого потенциала (ИРЧП),

¹ Более подробно об этой модели, предложенной более 30 лет назад М.А.Хрусталёвым, можно прочитать: А.Подберезкин. Человеческий капитал и его роль в модернизации России. Вестник МГИМО(У), № 5 (14), 2010 г.

который публикуется **ежегодно** вот уже 20 лет. Другими словами, во всех развитых странах мира давно уже осознали каковы их национальные интересы и цели развития¹. По сути дела о эффективности власти и элиты можно судить по количественным характеристикам, а не «по валу», измеряемому объемом ВВП.

Так вот, показателем ИРЧП равным 0,719 Российская Федерация в Докладе о развитие человека 2010 заняла 65 место, войдя в группу стран с высоким уровнем развития ИРЧП, и находится между Албанией сверху и Казахстаном снизу. В лидирующую пятерку по уровню развития ИРЧП попали: Норвегия, Австралия, Новая Зеландия, США, Ирландия с показателями равными соответственно: 0,938; 0,937; 0,907; 0,902; 0,895.

За весь период исследования показатель ИРЧП РФ (данные за 1990–2010 гг.) в среднем рос на 0,19% в год и смог достичь уровня 1990 г. только в 2005 г. Наибольшими темпами индекс рос во второй пятилетке двухтысячных годов, когда темпы его роста приблизились к темпам прироста наиболее быстро развивающихся стран (за период с 2005–2010 гг. индекс РФ переместился на три строки вверх, а среднегодовой прирост 2000–2010 гг. – 0,82%)².

Из этого можно сделать простые выводы:

Первое. Россия по своему развитию реально находится на 65-м месте в мире, уступая Албании и не намного опережая Казахстан. Подчеркну, что это ее реальное место и никакие разговоры о «вхождении в пятерку ведущих стран мира к 2025 году» это не меняют. Потому, что уровень развития нации измеряется не объемом продаж ресурсов, а уровнем развития человека, точнее, – уровнем **национального развития** (в противоположность уровню развития экспорта углеводородов).

Второе. Россия только к 2005 году вернулась на ИРЧП к уровню 1990 года, а затем чуть-чуть «подросла», не изменив качественно своего показателя национального развития. Это означает, что уровень управления страной в 1990–2005 годы был абсолютно неприемлемым, либо страной управляли люди, которые не отражали национальных

¹ На портале www.viperson.ru был создан базовый и дополнительный ИРЧП для всех стран и регионов России, который дает вполне адекватную картину положения в этой области.

² *М.Гебеков.* Итоги развития ИРЧП за период 1980–2010 / 25 января 2011 г. / www.viperson.ru.

интересов страны. Тогда чьи интересы они выражали? Зарубежных стран, групповые личные?

Третье. После 2005 года ситуация несколько изменилась в лучшую сторону. Наверное, в этом заслуга тех социальных программ, прежде всего приоритетных национальных проектов, которые были выдвинуты В.Путиным и Д.Медведевым. Но и здесь вряд ли можно говорить о политике национальных интересов, ведь мы катастрофически отставали от темпов развития не только самых передовых государств, но и весьма средних стран по уровню развития.

Другими словами, можно говорить – хотя это признать некоторые или нет – о том, что в целом политика элиты противоречила национальным интересам, т.е. была антинациональной. Или, продолжая логику, идеология и политическая практика **были не националистическими**. Что полностью соответствует действительности. З.Бжезинский пишет по этому поводу: «... позиция, занятая Западом, ... обозрела постсоветских «прозападников» ... Она усилила его проамериканские настроения и соблазнила членов этого истеблишмента»¹.

То же самое в полной мере можно отнести и к использованию элитой национальных ресурсов. Национальная элита может и обязана распределять национальные ресурсы, а также увеличивать их. Что же происходило в последние годы? С уверенностью, опираясь хоть на какую-то статистику, можно говорить о том, что национальные ресурсы разбазаривались и разворовывались:

Демографические ресурсы характеризуются падением с 1992 года в 4–5 млн. человек (ожидается, правда, что по окончательным итогам 2010 года впервые будет зафиксирован не отрицательный, а нулевой баланс).

Профессиональная иммиграция, т.е. отъезд наиболее профессиональных, творческих личностей, составляла от 100 тыс. человек в 90-ые годы до 60 тыс. в последние годы.

Государственная собственность в результате приватизации в значительной степени стала принадлежать зарубежным гражданам.

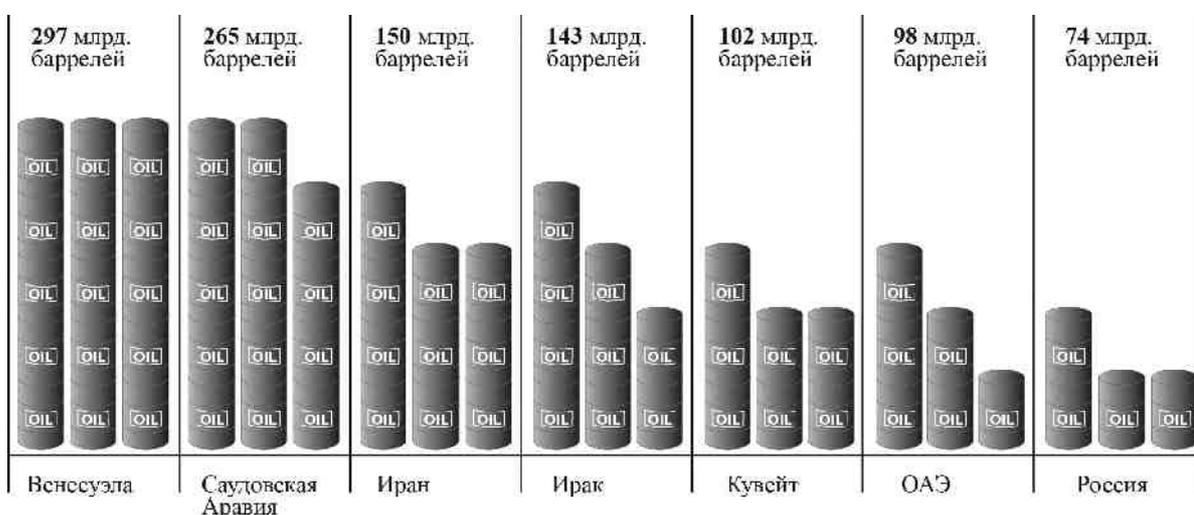
¹ Зб.Бжезинский. Великая шахматная доска. Американское превосходство и его геостратегические императивы. М., Международные отношения, 2010 г., с. 122.

Продолжительность образования неуклонно сокращалась и, вероятно, будет сокращаться в соответствии с политикой Минобрнауки.

Вывоз капитала за рубеж трудно поддается оценке, но составляет триллионы долларов. Причем в последние два года десятки миллиардов долларов, вывезенных за рубеж, принадлежат уже не финансовым спекулянтам и олигархам, но среднему классу.

Надо добавить, что у России отнюдь не неисчерпаемые природные запасы, экспорт которых в последние годы обеспечивал смягчение негативных последствий. И они стремительно сокращались в отличие, например, от американских, которые были законсервированы.

Мировые запасы нефти¹

Сегодня для модернизации нужны ресурсы. Эта проблема, как правило, сводится к перераспределению бюджетных средств. Конечно, это очень важно, в особенности, правильное определение приоритетов: на все цели денег явно не хватит, нужна концентрация на ключевых, наверное, нескольких направлениях.

Но проблема ресурсов заключается и в том, чтобы использовать огромный творческий и патриотический национальный потенциал, который сегодня очевидно не используется. Нация, перед которой поставлены великие цели, способна на очень многое. И, конечно, на успешную модернизацию. Важно только, чтобы такая общенациональная цель была сформулирована. И не абстрактно-технократически, а

¹ П.Арабов. Венесуэла обогнала всех по запасам нефти. Известия, 21 января 2011 г., с. 3.

политико-идеологически. В интересах нации. И такой целью может быть развитие национального человеческого потенциала. Подчеркну, – национального, а не чего-то. Сегодня это – ключевой вопрос политики модернизации.

Национальная элита, как это уже существует в других развитых странах, ориентируется прежде всего на развитие национального человеческого капитала (НЧК), составляющего более 50% национального богатства страны (его ресурсов). Достаточно посмотреть Стратегию национальной безопасности США, принятую в мае 2010 года¹.

В этой связи необходимо договориться о терминах. Например, о том, что мы понимаем под национальной безопасностью. И здесь очевидная разница между тем, что мы говорим, например, в Стратегии национальной безопасности до 2020 года (где речь идет о государственной безопасности) и реальностью. **Национальная безопасность** – такое состояние внешней среды и нации, когда угрозы – внешние и внутренние – сведены к минимуму, а создаваемые условия благоприятствуют развитию нации, прежде всего ее НЧП. Именно нации, а не государства.

В другом свете представляется и **международная безопасность** – как **производное от состояния национальной безопасности** большинства стран, закрепленное международно-правовыми нормами, а не кипа соглашений и договоров.

Важно также договориться о том, что мы понимаем под терминами «нация», «национализм», «национальные интересы», а, как следствие, – национальная и международная безопасность.

Итак, термин «нация», на мой взгляд, – вполне объективная реальность, имеющая глубокий смысл. Это – народ, обладающий языковой, культурной, исторической, социально-экономической и духовной общностью. Только нация имеет общую историю, общее настоящее и – что **немаловажно** – **общее будущее**. Нация, как правило, обладает и единой политической общностью, которая в международном праве и международных отношениях является синонимом государства. Общее будущее – это, чего сегодня нам не хватает. Какое общее будущее

¹ The National Security Strategy. Wash.: May 2010

может быть у парня с рабочих окраин и 200 тысяч русских, проживающих в Лондоне?

При этом нация может быть полиэтничной (многонародной. Как русская) или моноэтничной. Подчеркну, – русские всегда идентифицировали себя как полиэтничная нация, главными признаками которой являлись: культура, духовность, история, самосознание и общее будущее. В этом смысле понятие «национальность» – уже, чем «нация». В России всегда легко уживались разные национальности, которые вполне гармонично объединялись в единую нацию. Русские, украинцы, белорусы, башкиры, татары и пр. – все эти национальности, как правило, безконфликтно не просто существовали, а тем более терпели друг друга (и в этом их главное отличие от «толерантных» европейцев), но и взаимно интегрировались в единую нацию. Как и в других странах мира, это произошло в новое и новейшее время.

Другая особенность русской нации – приверженность государству, которая исторически сложилась из необходимости защиты огромных пространств, не имеющих естественных границ ни на востоке, ни на западе, ни на юге. Из-за этой особенности иногда термины «нация» и «государство», «национальные интересы» и «государственные интересы» выступают как синонимы. Что, конечно же, неверно. Если в международной практике, особенно международном праве, это иногда допустимо, то с точки зрения социально-экономической и политической, конечно же, нет. Государство, как важнейший институт нации, может быть даже враждебно нации, а государственные интересы – противоречить национальным.

Классический пример – политика Л.Троцкого и других большевиков, которые готовы были бросать российскую нацию «в пожар мировой революции». Это происходило тогда, когда классовые (социальные), групповые или личные интересы, которые выдавались за государственные, не соответствовали, либо даже прямо противоречили, национальным. Немало и современных примеров.

Соответственно если объективные национальные интересы (т.е. интересы полиэтничной русской нации) выражает **национальная элита**, то это отнюдь не означает, что она выражает их адекватно (этнический русский жулик не лучше любого другого). Это – социальная и

политическая проблема. Которая, однако, становится уже и национальной, если эта неадекватность выражается представителями не национальной элиты, и чужими элитами. Тем более, когда они сами замкнуты. В сегодняшней России, особенно в ее финансовом центре – Москве, – таких примеров немало. Не секрет ни для кого, что национальные меньшинства контролируют непропорционально большую долю экономической и политической жизни страны. Не случайно глава ОБЦО протоирей Всеволод Чаплин потребовал равноправного и пропорционального представительства русских в предложенном РПЦ Совете народов¹.

Национализм (фр. *nationalisme*) – идеология и практическая политики, базовым принципом которых является тезис о ценности нации как высшей формы общественного единства и её первичности в государствообразующем процессе. Отличается многообразием течений, некоторые из которых противоречат друг другу. Как политическое движение, национализм стремится к защите интересов национальной общности в отношениях с государственной властью. Что мы сегодня и наблюдаем. Особенно, когда власть антинациональна и действует в противовес с национальными интересами.

В своей основе национализм проповедует верность и преданность своей нации, политическую независимость и работу на благо собственного народа, объединение национального самосознания для практической защиты условий жизни нации, её территории проживания, экономических ресурсов и духовных ценностей. Он опирается на национальное чувство, которое родственно патриотизму. Эта идеология стремится к объединению различных слоёв общества, невзирая на противоположные классовые интересы. Она оказалась способной обеспечить мобилизацию населения ради общих политических целей в период перехода к капиталистической экономике. И не только. В истории развитых стран мы видим много положительных примеров.

В силу того, что многие современные радикальные движения подчёркивают свою националистическую окраску, национализм часто ассоциируется с этнической, культурной и религиозной нетерпимостью.

¹ Б.Клин. Церковь строит межнациональный мир. Известия, 21 января 2011 г., с. 2.

Такая нетерпимость осуждается сторонниками умеренных течений в национализме.

Русскоязычные СМИ, – справедливо пишут авторы электронной библиотеки, – «национализмом» часто называют этнонационализм, в особенности его крайние формы (шовинизм, ксенофобия и др.), которые делают акцент на превосходстве одной национальности над остальными. Многие проявления крайнего национализма, включая разжигание межнациональной розни и этническую дискриминацию, относятся к международным правонарушениям¹.

Именно такая ситуация возникла в российских СМИ после событий на Манежной площади в декабре 2010 года, которые поспешили окрестить «проявлением крайнего национализма». Это – неуклюжее проявление бюрократической реакции достаточно быстро сменилось более адекватным поведением власти, которая всерьез задумалась о причинах этого социального явления. Как справедливо заметил А.Караваев, «Нетрудно проследить и логику реагирования власти. Как это обычно случается в бюрократической традиции, на проблему обратили внимание лишь после того, как произошел выплеск. А между тем руководители следственных ведомств докладывали о кризисе. В апреле прошлого года Следственный комитет при прокуратуре (СКП) РФ обнародовал данные **по количеству убийств на почве национальной нетерпимости: рост со 152 зарегистрированных случаев в 2005 году до 548 в 2009-м.** Откуда это насилие? Ответ уже глубоко внедрился в массовое сознание населения и представителей власти. **Это стихийная «реакция праворадикалов» на беспредел мигрантов с юга (речь, конечно, как о внутренних – с российского Кавказа, так и о внешних – из государств Центральной Азии и Южного Кавказа)»**².

Вот почему важно договориться о терминах, ибо больше всего споров идет не о влиянии национализма на вопросы безопасности, как политики и идеологии, а о том, что каждый понимает этот термин по-своему. Более того, использует в своих интересах. Причем как отдельные социальные группы, так и элиты и, что немаловажно, целые государства.

¹ Электронные СМИ / <http://ru.wikipedia.org/wiki/>

² А.Караваев. Изъяны молодежной политики или запрос на демократию? / Независимая газета, 19 января 2011 г., с. 3.

Таким образом национализма, как идеология и политическая практика, может быть:

- национализмом нации;
- отдельных социальных групп и отдельных элитных групп;
- правящих элит;
- государств.

Существует несколько разновидностей национализма, суть которого остается прежней – это идеология и политика, трактующие нацию как **основу самостоятельного государства**. Между тем, по справедливому замечанию А.Дугина, «... национализм и национальная идея – даже в политическом, вполне приемлемом смысле (а я бы сказал, – в культурной – А.П.) – в России так и остались табуированы»¹.

При этом, рассуждая о национализме, мы часто имеем в виду совершенно разные понятия. Так, принято различать:

Гражданский национализм (другие названия: революционно-демократический, политический, западный национализм) утверждает, что легитимность государства определяется активным участием его граждан в процессе принятия политических решений, то есть, степенью, в которой государство представляет «волю нации». При этом принадлежность человека нации определяется на основе добровольного личного выбора и отождествляется с гражданством.

В рамках гражданского национализма выделяют подвиды:

Государственный национализм утверждает, что нацию образуют люди, подчиняющие собственные интересы задачам укрепления и поддержания могущества государства. Он не признаёт независимые интересы и права, связанные с половой, расовой или этнической принадлежностью, поскольку полагает, что подобная автономия нарушает единство государства.

Либеральный национализм делает акцент на либеральных ценностях и утверждает, что существуют общечеловеческие ценности, такие как права человека, по отношению к которым патриотические нравственные категории занимают подчинённое положение.

¹ А.Дугин. Национализм: русский или российский? АПН, 21 марта 2006 г. / <http://www.apn.ru>.

Этнический национализм (другие названия: этнонационализм, культурно-этнический, органический, романтический, восточный национализм) полагает, что нация является фазой развития этноса и отчасти противопоставляет себя гражданскому национализму. В настоящее время «националистическими» называют как правило те движения, которые делают акцент на этнонационализме.

Между тем представляется обоснованным выделить **отдельный вид национализма – культурный, который определяет нацию общностью языка, традиций и культуры**, а, главное, чувством **общности с ее судьбой и будущим**. С этой точки зрения легитимность государства исходит из его способности **защищать нацию и способствовать развитию её культурной и общественной жизни**. Как правило, это означает государственную поддержку культуры и языка этнического большинства, а также поощрение ассимиляции этнических меньшинств для сохранения единообразия нации.

Национализм «малых» народов, тоже, – их элит, стал одной из основных причин развала СССР. При этом такой этнический национализм сопровождался открытой русофобией, а, нередко, и **прямым геноцидом русских**. И это сегодня хорошо помнят русские. Особенно изгнанные из Средней Азии и Закавказья.

Свое отношение к нации Д.Медведев высказал на встрече с руководством Федерального Собрания в январе 2011 года: «Вне всякого сомнения, особое внимание должно уделяться русской культуре. Это основа, это костяк развития всей нашей многонациональной культуры. Это нормально, и об этом должно быть не стыдно говорить». Русские вообще являются самым большим народом России, вел мысль Медведев, русский язык – государственный, а Русская православная церковь – крупнейшая конфессия страны. «И нам нужно развивать самые лучшие черты русского характера именно потому, что в какой-то период лучшие черты нашего характера сделали нашу страну сильной, по сути, создали Россию», – считает российский лидер. Чтобы все понимали, о чем именно речь, президент обозначил контуры русского духа: терпимость, отзывчивость, умение уживаться вместе с соседями, строить совместное государство, уверенность в себе, великодушие, широкий взгляд на историю.

Однако заикливаться на прошлом не стоит, необходимо формировать современную российскую культуру, чтобы возникали, так называемые Медведевым, синтетические национальные ценности»¹.

К сожалению, Д.Медведев аккуратно обошел такие вопросы, которые сегодня имеют принципиальное значение, а именно:

Во-первых, представители какой нации (наций) получили сегодня наибольшие преимущества в результате экономических реформ, в частности, приватизации? Каким образом и в чью пользу государство перераспределяет национальный продукт, если речь идет о вполне конкретных регионах, где этнически преобладают те или иные нации?

Во-вторых, кто, представители каких национальностей, сегодня контролирует политическую экономическую и финансовую жизнь государства? Как остро ответила на этот вопрос Е.Ямпольская, «Русские (наполовину чуваша, на четверть еврей, на осьмушку грузины) работают. Не русские (пусть даже в паспорте значится «Иванов Иван Иванович») контролируют»².

Примечательно, что продвижение национальных ценностей, в т.ч. за рубежом, находится в числе основных приоритетов тех государств, которые выстраивают свою долгосрочную стратегию в мире. Например, Китая. Так, во время визита китайского лидера в США в январе 2011 года тот прямо заявил, что будет стремиться заменить доллар юанем в качестве основной мировой валюты, а кроме того, почти в ультимативной форме китайцы представили **целый список того, что должны сделать американцы ради развития партнерства со своим главным кредитором**. Ничего конкретного, но в своем интервью Ху Цзиньтао так подробно говорил о разумных позициях, о наращивании доверия, об отказе от менталитета и об уважении выбранного пути, что стало понятно – у Вашингтона просто нет выбора³.

Но не только Китая, который нередко называют исключением. В целом, как замечают авторитетные западные исследователи, «возвращение к авторитаризму великих держав» и «глобальное

¹ П.Сидибе. Национальный опрос. Российская газета, 18 января 2011 г., с. 2.

² Е.Ямпольская. Какие эти русские. Известия, 21 января 2011 г., с. 6.

³ В.Воробьев. Только бизнес. Российская газета, 19 января 2011 г., с. 8.

отступление демократии» (читай наднациональных, либеральных идеологий – *А.П.*) стало набирающей силу тенденцией последних лет¹.

Не случайно, кстати, лидерами в либерализации в 2010 году стали такие государства, как: Чехия, Словения, Тайвань, Эстония, Уругвай и др., которые не могут рассчитывать в долгосрочной перспективе на развитие собственных НЧП.

Таким образом рассуждая о национальных интересах, национальной и международной безопасности, мы неизбежно должны возвращаться к таковым ценностям русской нации, идеологии и практической политики культурного национализма. Новая идеология культурного социализма неизбежно появится как следствие развития политических процессов в России. Как и социализма, который Ф.Энгельс отнюдь не случайно «объявил» наукой², культурный национализм станет не отвлеченным академическим изыском, а практической основой изменения социальной и экономической жизни в России. И тут уж ничего не поделаешь. Можно только понять суть этого объективного процесса и упорядочить его.

¹ *A.Croissant, P.Thierry*. Eroding Democracy or the Intransigence of Democracy? in: Transformation / Index 2010, p. 68.

² См. подробнее: *Б.Славин*. Идеология возвращается. М., 2010 г., с. 5–23.

2.1.2. Безопасность и модернизация: неадекватность российской элиты. Часть 1

«Весьма влиятельные круги ... считают, что продолжение на преимущественную поддержку крупных сырьевых компаний воссоздает благоприятную докризисную ситуацию ... лица, придерживающиеся такого мнения..., на деле исходят из того, что подобный отказ следует отложить на будущее»¹.

Е.Примаков

Первое десятилетие XXI века стало периодом переосмысления основных понятий, из которых складывалась прежде система взглядов на международные отношения. И, конечно же, на специфическую область международных отношений – вопросы международной и национальной безопасности. На мой взгляд, тому было несколько причин, из которых наиболее важными я бы назвал следующие:

1. Стремление США и ведущих стран Запада сохранить однополярный мир, в котором система международной безопасности обеспечивалась единственным суперблоком – НАТО, – чья военная мощь и ответственность давно переросли региональные масштабы.

2. Это стремление и претензии обосновывались необходимостью отказа от национальных суверенитетов (либо значительной их части) под предлогом распространения универсальных ценностей и принципов развитых стран на всю территорию планеты. Особенно популярными в эти годы стали рассуждения о «конце Вестфальской системы» и пр. традициях суверенной внешней политики.

3. Кроме однополярной системы военной безопасности США, Великобритания и ряд других государств стремились законсервировать однополярную модель управления экономикой и финансами планеты, которая обеспечивала развитым государством фактически монопольный контроль над мировыми рынками и ресурсами.

4. Вместе с тем уже к концу первого десятилетия стало ясно, что прежние модели управления миром перестали быть эффективными.

¹ *Е.Примаков*. Достижения не должны заслонять проблемы. Российская газета. 14 января 2011 г., с. 6.

Изменение в соотношении сил мировой кризис, неспособность решить региональные конфликты и глобальные проблемы – эти и другие мотивы сформировали к концу десятилетия запрос на создание новой системы международной безопасности, где интересы других государств учитывались бы более полно.

К сожалению, первое десятилетие XXI века показало, что значительная часть российской элиты перестала быть национальной. Её интересы – собственность гражданство, дети во все больше мере ориентированы на зарубежье. Следите сами: более 200 тыс. представителей элиты осело только в Лондоне. Еще сотни тысяч в США, Франции, Германии. Если исходить из того, что вся российская элита – бизнесмены, политики, менеджеры, т.п. – насчитывает едва ли больше 1 млн. человек, то оказывается, что половина ее (если не больше) превратилась в тех, кто зарабатывает в России, а тратит деньги за рубежом.

Началось это, конечно, не в прошедшем десятилетии XXI века, а значительно раньше. Еще при М.Горбачеве. Как вспоминает бывший вице-премьер ельцинского правительства М.Полторанин, «Цемент и нефтепродукты, металл и хлопок, пиломатериалы и минеральные удобрения, резина и кожа – все, что государство направляло предприятиям для переработки и насыщения внутреннего рынка, пошло железнодорожными составами за рубеж. Через зеленые зоны на наших границах. И там, за рубежом, чиновники стали складывать капиталы в кубышки, а вскоре инициировали разрушительную реформу банковской системы СССР. Чтобы в час «X» легально, через свои банки, ввезти эти деньги, или, как называют экономисты, переходную ренту в страну для скупки обескровленных предприятий. Они уже тогда, задолго до 92-го года, готовились к приватизации. И, полагаю, уже тогда запланировали выпускать чеки-ваучеры не персональные, а обезличенные. Так проще было стать хозяевами новой жизни»¹.

В первом десятилетии исход элиты из России стабилизировался, как минимум, на уровне 60 тыс. человек в год по сравнению с 90-ые годы. Это означает, что порядка 2 млн. человек покинуло страны. Надо думать,

¹ М.Полторанин. Власть в тротиловом эквиваленте. Эксмо, Алгоритм, М., 2010 г., с. 56.

что не с пустыми руками. Но и те, кто остался в своем большинстве думают о «тылах» за границей. Пример с Ю.Лужковым, который за время своего правления Москвой обзавелся огромной зарубежной собственностью, – типичен. Ему следовали не только московские чиновники, но и бюрократы и бизнесмены всей страны.

Хуже, что действующие чиновники думают и поступают также. Объединенные одной идеологией – жадой наживы – они все жадно припадают к любым «финансовым потокам» будь то государственная собственность или банальный рэкет предпринимательства.

Еще хуже то, что именно в нулевые большинство элиты и даже среднего класса перестало верить в то, что у России есть будущее. Исход элиты из страны принял устойчивый характер, но уезжать стали не только те, кто уже наворовал, но и те, кто не верил, что ему, его детям «в этой стране» сохраняется перспектива.

Парадоксально, но факт: российская правящая элита перестала быть национальной. Она даже стала стыдиться этого слова. Превратившись в своем большинстве (по словам В.Суркова) в «оффшорную аристократию», она не была заинтересована ни в развитии, ни в модернизации страны. Этим объясняется невосприимчивость России к попыткам модернизации и внедрению инноваций. Мотив был потерян. И власти перестали верить.

Это необходимо понимать для того, чтобы объяснить почему внешняя политика России и политика в области безопасности в начале XXI века превратилась в политическую риторику, которая сплошь и рядом не подкреплялась практическими действиями и не вызывала доверия в стране и за рубежом.

«Идеальная» схема функционирования политической системы известна: национальная элита адекватно воспринимает национальные интересы и трансформирует их во внешнеполитические цели, обеспечивая их достижение определенными ресурсами. Но это – идеальная схема. В России первого десятилетия в этой схеме присутствовали катастрофические изъяны:

– национальная элита **наполовину** уже не была национальной. Проживая за рубежом она думала не о национальных, а о личных интересах. Но и другая половина постепенно «перетаскивала» свои

интересы за рубеж – открывала счета, покупала собственность, бизнес, учила детей и т.п. Из множества моих знакомых, работающих во всех структурах власти, так поступают большинство.

– соответственно говорить о восприятии такой элитой, тем более восприятию адекватном, национальных интересов не приходится. Произошло замещение национальных интересов личными. Соответственно и цели внешней политики трансформировались под этим влиянием. Внешняя политика и политика безопасности стали продолжением личной политики.

– наконец собственно национальные интересы перестали быть национальными. Сначала, в 90-е годы, пытались вообще запретить этот термин, т.е. убрать основу для любой политики. Потом в XXI веке – исказить его, выхолостить его суть. Так, в Стратегии национальной безопасности заявлялось о том, что «... Россия ... переходит к новой государственной политике в области национальной безопасности», которая ниже объясняется как «... создание безопасных условий реализации конституционных прав и свобод граждан Российской Федерации, осуществления устойчивого развития страны, сохранения территориальной целостности и суверенитета государства»¹.

Набор этих стратегических приоритетов мало, что объясняет в политике национальной безопасности. В принципе цели благие – защита прав и свобод, устойчивое развитие, суверенитет государства. Только вот нации в этом приоритете нет. Как нет и описания устойчивого развития (если, конечно, не считать стагнацию и развал последних лет таким развитием). Хорошо, что декларируется суверенитет и территориальная целостность, которые, надо признать, серьезно пострадали за последние 20 лет, когда Россия фактически попала под внешнее влияние, отдала свои территории (и не только Китаю и США) и превратилась в сырьевой придаток уже не только развитых стран.

Поэтому, возвращаясь к «идеальной» схеме политики, мы должны иметь в виду сказанные выше моменты, а именно главный: во-первых, в первом десятилетии XXI века российская элита уже стала (как минимум) не национальной, во-вторых, национальные интересы фактически были

¹ Стратегия национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года / Утверждена 12 мая 2009 г. / www.kremlin.ru.

замещены личными и групповыми, а, в-третьих, адекватность элиты в формировании целей можно признать условной.

Понять политику В.Путина–Д.Медведева в области безопасности можно только в том случае, если признать, что, во-первых, она **не основывалась на интересах национальной безопасности**, а, во-вторых, что она изначально была **предопределена международно-правовым подходом к вопросам** международной безопасности.

Надо сказать, что в международной практике и, особенно, политологии такой подход, когда преувеличенное значение уделяется международным нормам, имел место в прошлом веке. Особенно в США и ряде других западных стран, стремившихся создать «универсальную» международно-правовую систему. Об это писано-переписано много. Но практическая ценность таких норм незначительна. Мировой опыт показывает, что как только национальные (базовые) интересы вступают в противоречия с этими нормами, от них легко отказываются. В мире суверенных государств международные нормы имеют ценность до тех пор, пока суверенные государства считают, что их соблюдение выгоднее. Чем не соблюдение.

Те же политики, которые полагают, что такие нормы в любых случаях будут соблюдаться (даже вопреки национальным интересам), впадают в опасное заблуждение. Но и В.Путин, и Д.Медведев по образованию и по воспитанию, а также, что немаловажно, по образу мышлению – юристы. То есть принадлежат к той социальной и профессиональной группе людей, которая изначально отдает приоритет правовым нормам, а не содержанию. Как в прошлом и М.Горбачев. Как справедливо заметил по этому поводу М.Полторанин, «... главное для юристов не содержание, а форма. Эту угловатую жизнь они готовы утрамбовать в форму одной статьи закона, а эту – какой бы она ни была разноплановой – в форму другой статьи. Юристы любят громкие фразы, внешний эффект, а суть дела отводят на второй план. Юристы в большой политике непредсказуемы, как шаровая молния.

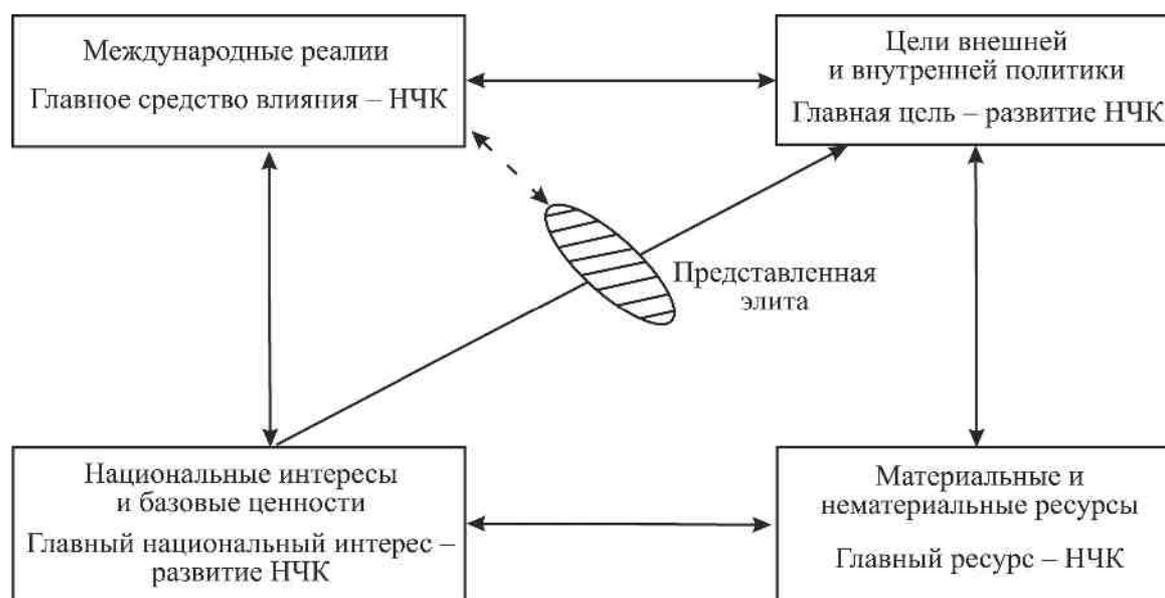
Народу России надо, кстати, быть осторожнее, двигая во главу государства юристов. От них одни беды стране. Такая закономерность: был во главе государства юрист – Александр Керенский – дело закончилось октябрьским переворотом. Потом был юрист Владимир

Ульянов (Ленин) – он создал ГУЛАГ и утопил пол-России в крови. Потом был юрист Михаил Горбачев – он подвел страну к самороспуску. Потом был юрист Владимир Путин – десятки миллионов обворованных россиян на себе испытали плоды его творений»¹.

Поэтому повторю еще раз: понять политику В.Путина и Д.Медведева в области безопасности можно только признав, что они изначально недооценивают значение национальных интересов, роли национальной элиты и формулируемых целей, с одной стороны, и переоценивают значение международно-правовых норм, с другой.

Собственно международная безопасность, как система устойчивых отношений между государствами основывается на национальной безопасности одних стран (или групп стран, например, региональных системах), адекватном понимании национальными элитами своих интересов и способности защитить эти интересы. В этом смысле в XXI веке произошли очень серьезные изменения когда роль национального человеческого капитала (НЧК) стала решающей. Способной защитить и обеспечить устойчивое развитие нации и суверенитет государства.

Анализируя влияние НЧК на систему международных отношений и **опосредовано** на политические цели и национальные интересы, необходимо вернуться к известной модели, иллюстрирующей политическую систему взаимосвязей и взаимовлияние отдельных факторов.

¹ М.Полторанин. Власть в тротиловом эквиваленте. Эксмо, Алгоритм, М., 2010 г., с. 60.

Из этой модели следует:

1. НЧК не только присутствует, но и является важнейшей частью **всех** подсистем политической системы. Элита, которая не понимает этой особенности, не адекватно воспринимает международные реалии, в т.ч. и реалии международной безопасности. Так, в последние 20 лет появилось множество сопоставлений, рейтингов, индексов, определяющих реальную мощь государства («индексы счастья», ИРЧП, индексы «инновационности», «открытости» и т.д.), которые в конечном счете отражают количество и качество НЧК. Прежде всего продолжительность жизни и численность населения, его образованность, уровень развития национальной науки, культуры, духовности качество здоровья и т.д. По этим показателям Россия из года в год сползает вниз в мировых рейтингах, уступая уже не только развитым странам, но и странам с переходной экономикой.

Соответственно слабеет и ее мировое влияние. И не столько из-за сокращения доли в мировом ВВП или даже доли в наукоемкой продукции, а именно из-за относительного и абсолютного падения НЧК.

НЧК в XXI веке выступает самым эффективным и влиятельным инструментом внешней политики. Поэтому падение НЧК означает и ослабление влияния России в мире.

2. На политические цели России оказывают **прямое** влияние международные реалии (в частности, мировой кризис). Но это влияние в 2008–2010 годы приобрело для России катастрофический характер именно из-за отставания в НЧК. Зависимость российской ресурсной экономики от внешних рынков проявилось в полной мере. Но и политика власти, которая вместо инвестирования в НЧК (как это сделали США и Германия), в частности в развитие внутреннего спроса населения, в образование, науку, культуру, продолжала проводить монетаристскую политику, сделала свое дело: у России было не только самое глубокое кризисное падение, но и самый медленный выход из кризиса, который, по оценкам В.Путина, будет преодолен только в 2012 году.

3. Цели и задачи политики России) оказывают воздействие на мировые реалии и на используемые нацией ресурсы. Вопрос только, насколько было влияние положительное. Прежде всего для национальных интересов жизни.

С точки зрения влияния на внешний мир, – оно минимально и оценивается по-разному. Активная внешняя политика России «по всем азимутам», безусловно, позитивна, но, вот, продуктивна ли она? Расширение внешнеэкономических связей с Китаем, Индией, Кореей и многими другими государствами, вроде бы, позитивный момент. Только, вот, что мы продаем и покупаем? Структура нашей торговли с Китаем за 20 лет изменилась радикально. Если в 1990 году только 10% в ней занимало сырье, а 90% продукция обрабатывающей промышленности, то в 2010 г. – с точностью наоборот. Те 10% нашего экспорта, которые сегодня приходятся на машины и оборудование, это вооружение и военная техника. И китайские, и индийские бизнесмены, как они говорят, купила бы у нас много, да нечего.

Мы не можем предложить миру, тем более развитым странам, **результаты** развития НЧК, разве что в области культуры, да еще «утечки мозгов». Поэтому степень нашего влияния стремительно падает. Примерно также как в области образования, когда мы готовили кадры в наших университетах, а сегодня эти кадры готовят нам.

Еще хуже ситуация с влиянием наших политических целей на использование национальных ресурсов, прежде всего НЧК. Как известно, НЧК составляет до 70% национального богатства. Для России, где доля природных ресурсов неоправданно высока, это порядка 50%. Так вот: наши политические цели вообще не предусматривают развитие НЧК – ни в образовании. Ни в науке, ни в технологиях. Политические цели предусматривают внешние заимствования. Это называется модернизацией. Но отнюдь не развитием НЧК, прежде всего национальных школ в науке, образовании, технологиях. И Д.Медведев в 2010 году недвусмысленно сформулировал перед МИДом эти цели заимствования.

4. Международные реалии воздействуют на представления элите **косвенно**, через осознание национальных интересов и формулирование целей внешней и внутренней политики. Но это косвенное влияние иногда проявляется очень сильно. В особенности если цели внешней политики не адекватны национальным интересам. Что, в случае с Россией, происходило нередко.

В 90-е годы мы видели нередко как руководство страны формулировало цели и шло на беспрецедентные уступки внешним акторам именно в силу того, что внешняя политика страны, ее цели и задачи были сформулированы ложно. Фактически не только внешняя, но и внутренняя политика страны потеряла основные признаки суверенитета, действовала в ущерб национальным интересам.

5. Также **косвенно** международные реалии влияют на использование национальных ресурсов. Через сформулированные цели и интерпретацию национальных интересов. Иногда это косвенное влияние проявлялось в России очень сильно. Как, например, в случае с приватизацией, утечкой капиталов и мозгов из страны¹. Можно констатировать, что **можно понятие цели в последние 20 лет привели к обескровливанию** России, ежегодно лишают ее финансовых, материальных и человеческих ресурсов. Особенно человеческих.

Для этого была создана целая система ложных целей и институтов по их реализации. Часть этой системы сохраняется и сегодня. Доказать это просто: достаточно показать, что политика США (в т.ч. в области национальной безопасности, как это следует из «Стратегии национальной безопасности 2010» ведет к тому, что в страну ежегодно приезжает 60–70 тыс. высокообразованных специалистов, а из России уезжает примерно столько же.

В немалой степени складыванию и пониманию таких ложных целей способствовала неолиберальная, компрадорская часть российской элиты, которая усиленно насаждала ложные идеологемы в 90-ые годы². Напомню некоторые из них:

– «эффективная собственность может быть только частной, государство должно уйти из экономики»;

– «государство и его институты – отжившие рудименты современного общества»;

– «рынок решит все проблемы сам»;

и т.д.

¹ Как свидетельствует, например, М.Полторанин, за назначение Е.Гайдара премьером США обещали Б.Ельцину 30 млрд. долл. См.: *М.Полторанин. Власть в тротиловом эквиваленте*. М., 2010 г., с. 242.

² См., например: *Ф.Д.Бобков. Как готовили предателей: Начальник политической контрразведки свидетельствует*. М., Эксмо, 2011 г.

В области безопасности также было внедрено немало идеологем, сознательно искажающих действительность:

– чем дальше НАТО продвинется на восток, тем лучше и безопаснее будет жить в России;

– Россия – Верхняя Вольта с ракетами;

– ВПК – разорил страну;

– Россия – не морская держава;

– Космос – заведомо убыточен и бесполезен и т.д. и т.п.

6. Наконец, как видно на рисунке, международные реалии (в данном случае система международной безопасности) и национальные интересы **непосредственно влияют друг на друга. Без всякого участия элиты.** Роль международно-правовых норм, личного общения и т.п. субъективных факторов, – минимальна, опосредована. Это взаимное влияние – объективная реальность, которую элита (если она адекватна признает, либо нет. Именно поэтому национальные интересы государств, как уже говорилось выше, формируют системы международной безопасности, а субъективные цели внешней политики могут помогать, либо мешать этому процессу.

И, соответственно, наоборот: международные реалии могут и влияют объективно на национальные интересы и государственные интересы. Хочет это признать правящая элита, либо нет.

Так, главный национальный интерес России в XXI веке, как уже говорилось, – развитие НЧК. Даже если российская правящая элита это и не признает. НЧК также оказывает **прямое** влияние на систему международной безопасности. Опять же, хочет это признать элита или нет. В случае с Россией – нет, что, однако ничуть не мешает российской элите выдвигать инициативы по созданию международно-правовой системы безопасности, которая, в лучшем случае, может стать только правовым оформлением реалий, сложившихся под воздействием национальных интересов.

Таким образом **предметом** исследования этой части работы становится влияние международных реалий на:

– формулирование целей внешней и внутренней политики;

– национальные интересы и ценности России;

– **косвенно**, опосредовано (через цели и национальные интересы) на **представления российской элиты**.

2.1.3. Безопасность и модернизация: неадекватной российской элиты.

Часть 2

«Я хотел бы, чтобы ... каждый ответил себе на такой вопрос: «Какой же все-таки должна быть власть, работающая не на себя, а на свой народ»¹.

*А.Коржаков,
бывший руководитель СБП*

«За ельцинской концепций строительства капитализма в России уже тогда просматривались некоторые контуры будущей стратегии. Небольшая прослойка людей, озолоченная украденным добром, будет все время поднимать градус враждебности»².

М.Полторанин

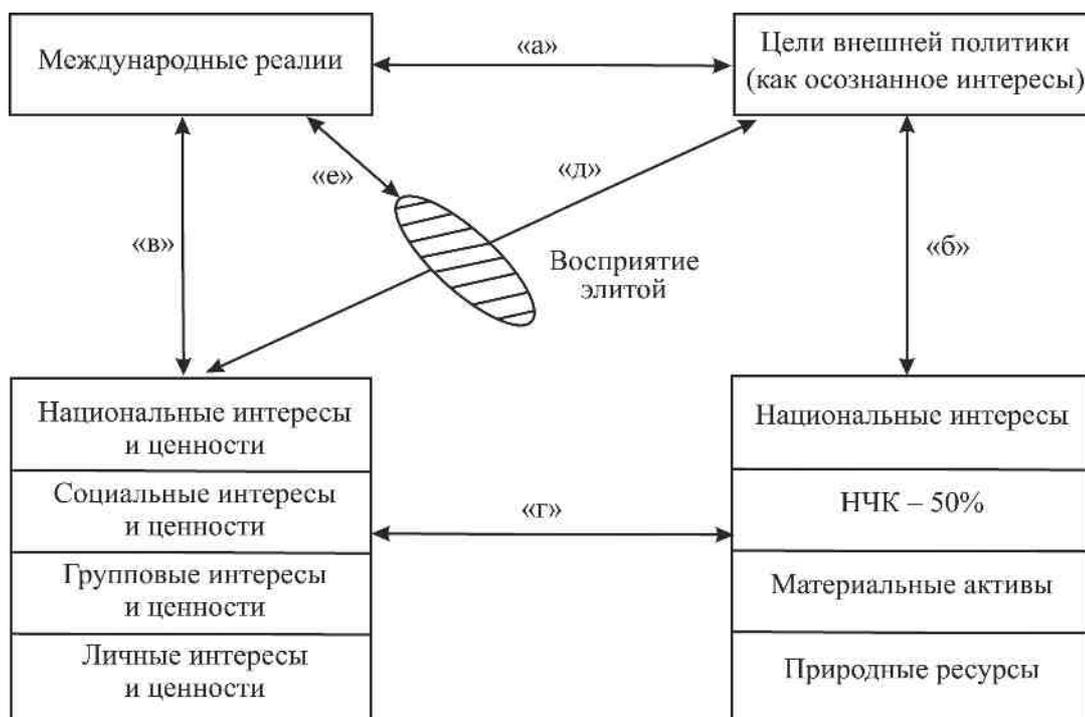
В Прологе к своей книге А.Коржаков привел пример того, как один из депутатов Госдумы (эта была) поблагодарил его за первую книгу, «очень полезную для будущих историков». Сегодня очень важно знать, как именно и кто именно, делал внешнюю политику России в предыдущие 20–25 лет потому, что нынешние международные реалии, особенно в области безопасности, стали следствием российской реальной политики, точнее – результатом реального отсутствия такой национальной внешней политики.

Последнее обстоятельство очень важно, ибо элита не воспринимает абстрактно международные реалии (если она, конечно, не оторвана от нации и государства). Она рассматривает их через призму национальных интересов и политических целей.

Точнее – должна рассматривать. В известном рисунке, на котором изображено это взаимодействие, идеальная ситуация выглядит следующим образом:

¹ *А.В.Коржаков*. Борис Ельцин: человек похожий на президента. М.: Эксмо, Алгоритм 2010, с. 6.

² *М.Полторанин*. Власть в тротиловом эквиваленте. М.: Эксмо, 2010 г., с. 324.

Что же видно из этого рисунка применительно к российской элите последних десятилетий?

Первое, самое главное, – российская элита при формулировании политических целей исходила не из национальных или государственных интересов и даже не из своих социальных, классовых, а из **личных** интересов. Для М.Горбачева это были его личные амбиции, для Б.Ельцина – личная власть¹. Для В.Путина и Д.Медведева – групповые интересы, которые выдавались за национальные.

Национальные интересы, приоритет которых имеет не только бесспорное, но и долгосрочное значение, оставались не понятными, не осознанными и не нужными. При В.Путине и Д.Медведеве, казалось, что национальные интересы вышли на приоритетное место. Это показала Чечня, Мюнхенская речь В.Путина, отношение к бывшим советским республикам, наконец, грузино-осетинский конфликт. Но и здесь не произошло главного – **осознания** национальных интересов России, а, как следствие, переподчинение других интересов – социальных, групповых, личных – национальным.

¹ Весьма примечательно признание по этому поводу А.Коржакова: «... чем меньше пользы наши руководители приносят государству, тем больше извлекают её для себя. Борис Николаевич, кстати, в этом намного превзошел своего предшественника» (См. А.Коржаков. Борис Ельцин: Человек, похожий на президента. М., 2010 г., с. 78).

Не думаю, что это было сделано сознательно. Скорее от неспособности правящей элиты ясно определить существо национальных интересов. Ведь нельзя же всерьез считать, что демократическое развитие России», о котором много говорили эти лидеры, является главным национальным интересом. Как и «обеспечение прав и свобод граждан» и прочая словесная эквилибристика, которая, кстати, декларируется главной ценностью развитыми западными государствами. Вектор «д», объективно главный, превратился в примитивно личный интерес.

Подлинный национальный интерес – опережающее развитие нации, ее НЧК, так и не стал за 10 лет приоритетом.

Второе. Исходя из такой оценки национальных интересов, в правящей российской элите формировались уже не только цели, но и отношение к национальным ресурсам. Откровенное игнорирование главной части национального богатства (ресурсов) НЧК – характерная черта российской элиты.

Все внимание было сконцентрировано на приватизации природных ресурсов и материальных активов, их изъятия из национальной собственности и передача в частные руки и иностранную собственность. Пример тому – проведенная приватизация. В посвященной этой теме специальной работе в 2005 году я писал, что первостепенное значение в рыночной экономике имеет то, как предприятие работает (какова его экономическая эффективность), а не форма собственности...»¹. Это отличает приватизацию (или национализацию), проведенную в национальных интересах от любой другой приватизации. В частности, российской, когда собственность была роздана по дешевки, причем нередко иностранцам. А.Коржаков, ссылаясь на Б.Ельцина, признает, что многое было сделано под прямую диктовку МВФ, в ущерб национальным интересам России.

Соответственно развитие ресурсов НЧК не входило в систему приоритетов правящей элиты. По простой причине: национальный человеческий капитал **нельзя продать**, он не отчуждаем. Его нельзя положить на зарубежные счета или сделать своей собственностью.

¹ М.А.Мунтян, А.И.Подберезкин, С.П.Стреляев. Приватизация и приватизаторы / Теория и практика приватизации / Теория и практика приватизации. М., Воскресенье, 2005 г., с. 11.

Значит, следуя логике правящей элиты, он не нужен. Не удивительно, что наука, образование, здравоохранение, как и демографическая ситуация в целом, в 90-ые годы пришли в катастрофическое состояние, а болезни и самоубийства дошли, даже по оценкам западных экспертов, до критерия «эпидемия». Вектор «г» оказался искаженным, даже извращенным.

Третье. Если национальные интересы подменяются групповыми или личными, то, соответственно, практически исчезает национальное целеполагание. Точнее оно заменяется целеполаганием внешних факторов. Применительно к России последних лет это означает, что национальные цели были подменены иными, внешними, навязанными России извне. На рисунке это означает, что вектор «а» значительно сильнее вектора «д», доминирует над ним.

Думаю, что эта тенденция во многом сохранилась и при В.Путине и Д.Медведеве, хотя объективно – внутри политическая стабилизация в России, рост ВВП, избавление от финансовой зависимости от МВФ и т.д. – эти внешние факторы ослабили и привели к равновесию векторов «а» и «д» в первом десятилетии.

Наконец, **четвертое.** За последние 20 лет стремительно усиливался вектор «е», который превратился из обычного фактора влияния, в фактор **управления** российской элитой.

Если происходит прямое воздействие международных реалий на представления российской (либо иной) элиты, то это означает только одно: **правлящая элита не является национальной.** Она неадекватна. Она действует под прямым, непосредственным влиянием внешних факторов и превращается из субъекта внешней политики в его объект. В данном случае – объект управления.

Сначала от этого фактора попытался избавиться В.Путин. Во время своего второго срока, уже после избавления от зависимости МВФ и восстановления управляемости в стране, он сделал попытку возвращения политики России к политике, основанной на национальных интересах, Но даже выздоравливающая Россия не могла стать равноправным партнером, а тем более вернуть себе статус великой державы и все атрибуты суверенитета. Можно сказать, что попытка В.Путина вернуть России статус СССР не удалась. Россия в лучшем случае могла более активно защищать свои национальные интересы, чем при Б.Ельцине, не более

того. У нее не осталось союзников, ее доля в мировом ВВП не превышала уровень Италии, а по ИРЧП она находилась в числе развивающихся государств.

Следующую попытку предпринял Д.Медведев. Она исходила из того, что политика защиты национальных интересов должна основываться на следующих принципах (так нигде в полной мере и не озвученных):

- «вписывании» России в Европу и ее институты, мягкую интеграцию с ведущими европейскими государствами, поиск взаимных интересов и точек соприкосновения интересов;

- декларирование модернизации основных производственных активов и общественно-политических институтов как средства модернизации страны и как инструмент вхождения в Европу;

- развитие отношений «по всем азимутам» как средства многовариантности внешней политики и усиления ее влияния в неевропейских регионах;

- модернизация военной силы и военная реформа;

- наконец, создание международно-правовых норм и институтов, которые компенсировали бы России ее международную слабость и предотвращали бы возможную изоляцию страны.

Что же общего, что объединяет столь разных представителей советско-российской элиты, формировавший внешнеполитическую стратегию сначала СССР, а потом России? На мой взгляд, два обстоятельства. **Во-первых**, у них у всех не было внятной идеологии. Идеологии как **системы политических** взглядов на будущее развитие нации и государства. Ни у М.Горбачева и его окружения, среди сторонников которого были и откровенные антикоммунисты А.Яковлев, Э.Шеварднадзе и пр. И «прагматики», не имевшие ни политического опыта, ни чутья, типа Н.Рыжкова. И коммунисты-реформаторы, и ... Как справедливо заметил Н.Рыжков, «Это были не единомышленники в решении государственных задач, а люди, несовместимые в своих взглядах и устремлениях»¹.

¹ Н.Рыжков. Премьер. Проект 2017 – миф или реальность. М.: Экспо. 2011 г., с. 362.

Не было такой идеологии и у Б.Ельцина. Точнее, его идеологией была власть. Власть любой ценой. И ни малейшего представления о будущем страны, ее национальных интересах, целях, стратегии развития. Соответственно и команда Б.Ельцина (если ее можно назвать командой) объединяла либералов-западников, чиновников, силовиков, демократитов-патриотов, авантюристов и Бог еще знает кого. Из всех них идеология, как система взглядов, была только у неолибералов. Правда к национальным интересам России она не имела отношения.

Но и у В.Путина и Д.Медведева тоже нет идеологии. Более того, они ее и не хотят иметь, предлагая взамен национальной идеологии суррогаты вроде «семейных ценностей» и «демократического развития».

Во-вторых, у всех них не было осознания приоритета национальных интересов и ценностей перед другими интересами – социальными, групповыми, личными. В лучшем случае эти интересы отождествлялись с национальными и государственными. Так, как у Людовика XIV, говорившего, что «Государство – это я». Или у В.Черномырдина, думавшего, что «Газпром» – это Россия. Или у Б.Ельцина, считавшего, что он и есть Россия.

В.Путин, правда, утверждал не раз, что он «на службе у государства». Но вот в чем вопрос: какого государства? Государство, как один из институтов нации, может быть очень разным. В том числе и враждебным по отношению к нации. Как и государственные интересы могут противоречить национальным. Вопрос заключается в понимании приоритетности одних интересов по отношению к другим.

Д.Медведев, как президент-юрист, также отдает предпочтение форме над содержанием. В данном случае – международно-правовой. И нередко это происходит при недооценке национальных интересов, которая идет из-за неверно понимаемых правовых норм. Вот почему у него нередко звучат мысли о приоритете демократического развития. Приоритете над национальным?

Из этих принципов действующего Президента России о необходимости создания новой архитектуры безопасности следует, как минимум, несколько выводов. На мой взгляд, не менее принципиальных.

Прежде всего необходимо подчеркнуть, что инициатива Д.Медведева не является рядовой инициативой, хотя вполне

определенные силы и пытаются представить её таковой. Она имеет стратегический – системный и долгосрочный – характер. Она отражает вполне адекватное восприятие российской элитой результатов развития человечества и международных отношений в начале XXI века, а также, естественно, развитие самой России, ее положение в мире в начале XXI века.

Радикальное ослабление позиций России в мире в последние 20 лет, с одной стороны, и усиление позиций других центров силы, стран и союзов (Евросоюза, Китая, США и др.), с другой, привело к **фактической девальвации существующих институтов безопасности, созданных после 2-ой мировой войны.**

Применение военной силы в Ираке, Афганистане, Югославии в одностороннем порядке привело к тому, что де-факто существование не только созданных институтов безопасности (Совбеза ООН, ОБСЕ), но и все международно-правовой системы было поставлено под сомнение. Россия в начале XXI века осталась вне союзов, вне международных гарантий, фактически предоставленная сама себе.

В этих условиях возрастает, во-первых, значение **национальных возможностей и ресурсов**, прежде всего национального человеческого потенциала, а, во-вторых, появляется объективная потребность в создании новой, дееспособной архитектуры международной безопасности. Как международно-правовой норме, компенсирующей относительную слабость России.

Инициативу Д.Медведева в этой связи следует рассматривать в качестве **долгосрочной стратегической цели**, достижение которой будет зависеть не только от готовности партнеров, но, скорее, **от усиления возможностей, в том числе внешнеполитических, самой России.** Цели, которая, скорее всего, будет недостижимой. Во всяком случае полагаться на то, что такая система защитит в ближайшем будущем национальные интересы России – наивно. Наивно думать, что эта идея понравится тем государством, которые **уже** создали для себя систему безопасности.

Кроме того, это высказывание свидетельствует о завершении определенного этапа переоценки российской элитой целей и приоритетов внешней политики страны. Что полностью подтвердилось на встрече с послами в июле 2010 года в МИДе. На мой взгляд, проблема

модернизации, поставленная на этой встрече Д.Медведевым, означает признание им необходимости концентрации всех ресурсов страны (включая дипломатических) для усиления экономических, социальных и военных возможностей страны. В этой связи модернизация, с внешнеполитической точки зрения, рассматривается как процесс усиления российских позиций в мире через укрепление экономических возможностей России. При сознательном ограничении внешнеполитических амбиций.

Это – вполне «китайская» логика. Именно в КНР уже 40 лет, придерживаются стратегии концентрации всех усилий, в том числе внешнеполитических, на модернизации страны. При этом подчеркивается необходимость «не показывать знамен». До поры до времени. Избегать не только конфронтации, но и возможного ухудшения международного климата, которое могло бы помешать модернизации.

Вплоть до самого последнего времени это стратегии не только четко придерживались, но она приносила Китаю весомые дивиденды. Общеизвестно, что КНР получала за последние годы максимальные выгоды от модернизации. Исключения в такой политике делались только для «жизненно важных» интересов:

- сохранению контроля политической элиты Китая над ситуацией в стране;
- сохранению территориальной целостности;
- поддержанию суверенитета Китая в мире и, в частности, в международных организациях.

Проще говоря, правящая китайская элита сознательно **ограничила** до поры до времени свои внешнеполитические амбиции в интересах модернизации. И только к концу 2010 года, после того как КНР стал второй экономической державой мира, в правящей элите страны началось осторожная дискуссия о необходимости «более активной» внешней политики Китая.

И второе. Понятно, что в период ограничения внешнеполитических амбиций следуя «китайской» логике, необходима активизация деятельности международных институтов безопасности или создание новых институтов, способных компенсировать ослабление национальных возможностей. Хотя бы на время. Пока Россия окрепнет, ибо объективно

в этот период способность защитить свои национальные интересы в мире ослабевает. Следуя этой логике, создание новой международной архитектуры безопасности определенно выгодно России. Но это выгодно не только ей.

Прежде всего это выгодно тем странам, которые сегодня не входят в существующие союзы и объединения, обеспечивающие совместную безопасность. А таковых большинство. Строго говоря, это все страны, не входящие в Североатлантический блок. Они, так или иначе, вынуждены рассчитывать только на себя и «мировое общественное мнение». Которым развитые страны, как показывает недавняя история, могут успешно манипулировать.

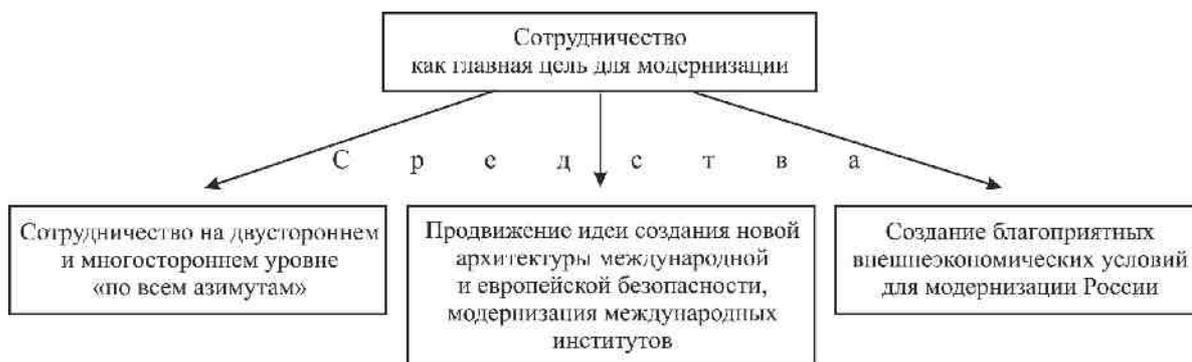
Но, в действительности, новая архитектура международной безопасности будет выгодна и развитым странам.

Во-первых, существующий эгоизм и порядок, очевидно несправедливый, сказывается и на развитых странах. Не случайно в последние десятилетия они демонстративно принимают программы помощи развивающимся странам. Кризисы, нестабильность в различных регионах планеты мешают глобальной экономике, стимулируют появление новых угроз и рисков, что, в конечном итоге, ведет к потере контроля за ситуацией со стороны Запада.

Во-вторых, стремительное изменение соотношения сил в мире неизбежно ведет к появлению новых региональных центров силы. И не только Китая, Индии, Бразилии, России, ЮАР. Их усиление также неизбежно скажется на активизации их внешней политики, появлению новых союзов, которые будут иметь свою внешнеполитическую позицию, не совпадающую с позицией развитых стран.

Поэтому развитие международного сотрудничества «по всем азимутам», наблюдаемое в 2009–2010 годах, – объективная необходимость. Причем не только для России. Такая внешнеполитическая активность Д.Медведева и В.Путина, которые превратили встречи на высшем уровне в разных форматах фактически в регулярные консультации – от лидеров ведущих стран: (особенно Германии, Франции), до лидеров Туркмении, Кореи, Венесуэлы – свидетельство ставки России на развитие двустороннего и **многостороннего сотрудничества** (Другое дело реальная эффективность

таких встреч, которая у многих наблюдателей вызывает скептицизм). «Сотрудничество» – ключевое понятие, характеризующее основную ставку Д.Медведева и В.Путина на обеспечение международной безопасности России и защиту ее национальных интересов. Его внешнеполитическая логика могла бы быть изображена, на мой взгляд, на следующем рисунке.

Сотрудничество как **самоценность**, как главная внешнеполитическая цель, – характерная черта внешней политики В.Путина и Д.Медведева. Смущает только два обстоятельства.

Первое. Сотрудничество как самоцель не должно идти в ущерб национальным интересам России. Сотрудничество не должно вести к отказу ни от национальных интересов, ни односторонним уступкам. В противном случае российская внешняя политика станет аналогом горбачевской политики односторонних уступок.

Второе. Строго говоря, сотрудничество не может быть целью. Это средство внешней политики. И неизбежно наступает время ...

2.1.4. Безопасность через деидеологизацию: модернизация как «технологизация»

«Можно соглашаться или не соглашаться с сущностью идеологии в советский период, но не уйти от крайней необходимости создания идеологической надстройки над нашим обществом»¹.

Е.Примаков

К 2011 году в России сложилось, как минимум, несколько подходов к обеспечению безопасности. При этом большинство из них вполне адекватно оценивало перспективу развития соотношения сил в мире и видело острую необходимость в модернизации. Но вот тут-то (в оценке модернизации, ее сути, последовательности и т.п.) в элите наметились существенные различия, которые были усугублены неизбежной необходимостью перераспределения национальных ресурсов в интересах модернизации. Основные течения, которые (хотя того или нет) доминировали в российской элите, были следующие. Их представители активно заявили о себе в конце 2010 – начале 2011 годов.

– модернизация как технологизация и деидеологизация (Д.Медведев, В.Путин и др.).

Будущее России прямо связано с будущим креативного класса. Такая очевидная связь сегодня, однако, вызывает острое беспокойство, ибо как раз о развитии креативного класса никто в России и не думает. А, между тем, будущее соотношение сил в мире и мощь России будет зависеть прежде всего от этого фактора, что можно изобразить на следующем рисунке.

В сентябре 2010 года американский Национальный совет по разведке (NIC) обнародовал доклад «Глобальное управление-2025: в переломной точке». Интерес наших СМИ вызвало лишь шестое, вполне приемлемое, по их мнению, место России в рейтинге мировой мощи-2025. Первенство

¹ *Е.Примаков*. Достижения не должны заслонять проблемы. Российская газета, 14 января 2011 г., с. 6.

эксперты сохранили за США, затем следуют Китай, Евросоюз, Индия и Япония. Как справедливо заметил И.Юргенс, но в нашей прессе обошли вниманием то, **что наша мощь – убывающая в отличие от китайской или индийской. И далее: «остались незамеченными и те замечания, которые содержатся в ответах российских ученых, опрошенных NIS.** «Многие полагают, что российская стратегия модернизации непоследовательна, и среди людей мало веры в перемены», – так резюмированы эти ответы в доклада»¹.

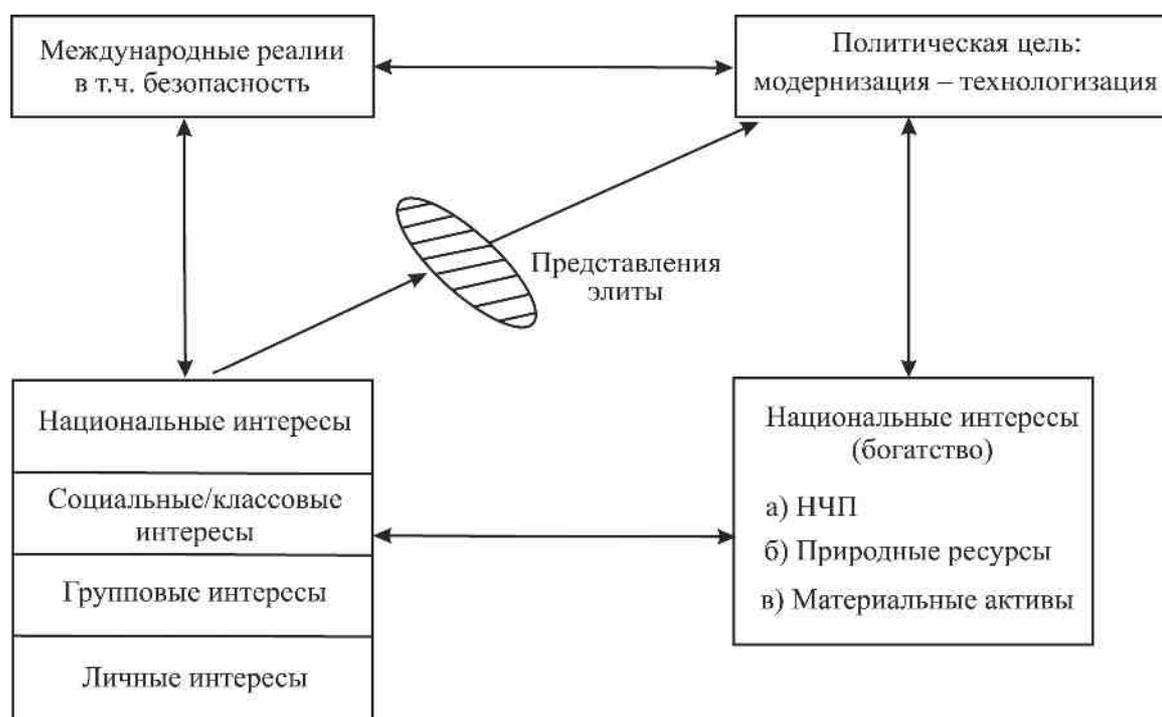
И, действительно, о малой вере в перемены свидетельствует неумножающаяся «утечка мозгов», **разрушение того «человеческого капитала», на базе которого только и может развиваться отечественный инновационный сектор.** Напомню цифры, недавно приводившиеся в прессе Национальной ассоциацией инноваций: российская профессиональная эмиграция в США в 2009 году составила 48 тысяч человек, в Израиль – 12 тысяч, в Австралию – 10 тысяч. Сейчас только в Соединённых Штатах **на постоянной основе трудится почти миллион российских ученых и специалистов.** А ведь уезжают, в большинстве своем, именно лучшие, те, кто создают сегодня более четверти американских технологических новинок.

– модернизация как идеология (Е.Примаков, А.Подберезкин и др.).

– модернизация как либерализация (И.Юргенс и др.).

«Модернизация», как заявленная политическая цель, заменила собой не только концепцию внешней политики, т.е. сознательно заменила собой гораздо более сложный и приоритетный идеологический и политический процесс, но и сведена во многом к примитивной «технологизации». На известном рисунке это выглядит следующим образом.

¹ И.Юргенс. Сила слабости. Российская газета, 11 января 2011 г., с. 4.

«Модернизация – технологизация» предполагает модернизацию преимущественно одного, причем не самого важного, вида ресурсов – промышленных активов, – который составляет 15–20% всех ресурсов и национальных богатства страны. Как видно, в числе приоритетных политических целей задача модернизации НЧП не стоит. Причем эта модернизация идет через **внешние заимствования**.

Соответственно, с точки зрения национальных интересов, такая цель отражает не столько общенациональные интересы или даже социальные/классовые), **сколько групповые**, а именно: интересы элиты, появившейся при В.Путине и Д.Медведеве.

Другой аспект проблемы – модернизация через заимствования неизбежно ведет к **чрезмерному росту влияния внешних факторов**. Прежде всего тех стран, которые обладают современными технологиями и знаниями. Получается, что такая «технологическая» модернизация оказывает негативное влияние, как минимум, следующим образом:

– не охватывает большинство национальных ресурсов, а лишь их незначительную часть. Не ведет к росту НЧП, повышению качества общества и госуправления, не влияет непосредственно на модернизацию использования природных ресурсов (косметические рассуждения об энергосбережении и т.п. не являются по сути политической, а выступают частными пожеланиями президента и премьера);

– подменяют реальную политическую цель – рост могущества нации (прежде всего за счет роста НЧП) **средством**, которым является сотрудничество. Это средство далеко не абсолютно и требует, как минимум, ответного стремления другой стороны. Это искреннее стремление может быть до определенного предела;

– усиливает чрезмерно влияние внешних факторов, превращая их в доминирование, подмену национальных интересов интересами развитых стран;

– меняет систему приоритетов, когда базовые, национальные интересы, уступают место групповым интересам части российской элиты.

Во многом эта логика, успешно апробированная Китаем, совпадает с «идеологией» В.Суркова, заявившего, что «наша идеология – технология»¹. Со всеми вытекающими из этой логики недостатками. Прежде всего в социально-политической области. Так, проведенные осенью 2010 года Центром стратегических разработок (ЦСР) исследования, показывают, что значительная часть креативного класса и часть правящей элиты по разным причинам не только не востребована и не вовлечена в процесс модернизации, но и находится в оппозиции к власти. Эту часть только в Москве оценивают в 500 000 человек!²

Этот огромный невостребованный ресурс, который может развивать наукоемкие отрасли экономики сверхбыстрыми темпами, до **40% ежегодно**. Именно это и есть реальная модернизация и опережающее развитие. Об этом я не раз писал еще в начале нынешнего десятилетия³. Это подтвердилось, в частности, в первой половине нового десятилетия XXI века, когда подотрасли ИКТ ежегодно давали прирост в 40%, что в целом способно обеспечить рост ВВП до 15% ежегодно за счет развития отечественных отраслей, т.е. реальной модернизации, в которую вовлечены отечественные мозги.

Проблема, однако, заключается в том, что на нынешнем этапе развития заимствование чужих технологий **не способно уже** обеспечить не только опережающих темпов развития, но и защиты интересов национальной безопасности. Просто потому, что заимствования всегда

¹ В.Сурков.

² М.Сергеев. Засадный полк модернизации / Независимая газета, 16.11.2010.

³ См., например: А.Подберезкин, А.В.Макаров. Стратегия для будущего президента России. М., январь 2000 г.

будут хуже и позже оригиналов, особенно в военно-технической области. Между тем, похоже, что российская элита в 2008–2011 годах избрала именно этот путь. Например, закупка французских вертолетоносцев «Мистраль» вполне укладывается в эту логику, хотя у меня возникает несколько вполне понятных вопросов:

Вопрос № 1. Зачем, для каких военно-политических задач России необходимы авианосцы и вертолетоносцы? Какова наша военная и морская доктрина, предписывающая нам тратить огромные средства на эти суда и суда сопровождения?

Вопрос № 2. Мы отдаем миллиардные заказы, чтобы поддержать французскую оборонную промышленность, вместо того, чтобы развивать собственное судостроение. Отрасль, которая за последние 20 лет практически исчезла.

Вопрос № 3. Обслуживание этих комплексов также будет происходить с помощью французских специалистов, но если случится кризис (как, например, грузино-осетинский 2008 г.), когда Франция фактически поддержала ультиматум России, сможем ли мы рассчитывать на сохранение контроля, прежде всего с точки зрения систем боевого управления, над этой группировкой?

Вопрос № 4. Не создавая своих военных судов, мы будем вынуждено привязаны к Франции, ее промышленности. В свое время Франция решила создавать собственные ядерные силы, опираясь на собственную технологическую базу, хотя и оставалась членом НАТО. Неужели этот урок нам ни о чем не говорит?

Наконец, главное: закупка чужой техники и технологии **вообще не является модернизацией**. Они могут стать таковыми, если отечественная политика (как и в Китае) будет предусматривать **дальнейшее развитие** этих технологий уже на отечественной базе.

Вот почему под реальной модернизацией следует понимать не технологические заимствования, а развитие прежде всего национального человеческого потенциала, способного:

– с научно-технической точки зрения, дать **качественно новые товары и услуги** (а это и есть, строго говоря, инновации по общепризнанному определению);

– с экономической точки зрения, – опережающие **темпы развития** экономики (как в Китае, например);

– с военно-политической точки зрения, создание **эффективных национальных вооруженных сил и средств**, соответствующих мировым требованиям;

– с социальной точки зрения, – вовлечения в процесс модернизации **главной движущей силы современного общества** – творческого (креативного) класса.

В целом внешнеполитическая концепция модернизации отражала способность – профессиональную и нравственную, – эволюцию взглядов российской элиты в последние годы, провести переоценку мировых реалий и внутрироссийских особенностей развития. Как видно, многое не удалось. Что-то – только «обнаружилось», но осталось не реализованным. И, прежде всего с точки зрения роста значения НЧП и влияния общественных институтов, превратившихся в важнейшие факторы мировой политики. Более того, такая эволюция нашла свое отражение в целом ряде нормативных документов, принятых в 2008–2010 годах, например, «Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации», где, в частности, говорилось о том, что «Увеличение добавленной стоимости в экономике происходит сегодня в значительной мере **за счет интеллектуальной деятельности**, повышения технологического уровня производства и распространения современных информационных и телекоммуникационных технологий»¹.

¹ Стратегия развития информационного общества в Российской Федерации (Утверждена Президентом Российской Федерации В.Путиным 7 февраля 2008 г. № Пр-212). Аналогичные признания были сделаны и в других концепциях и стратегиях, включая отраслевые и региональные стратегии, т.е. тема НЧП стала дежурной темой всех официальных документов. Так, даже в проекте стратегии развития легкой промышленности России до 2020 года отмечается: «Реализация мероприятий Стратегии позволит повысить конкурентоспособность российских компаний, укрепить их позиции и завоевать новые сегменты на внутреннем и внешнем рынках. Доля продукции отечественного производства на российском рынке должна составить не менее 50%. **Не менее 80% товаров** легкой промышленности России должны иметь инновационный характер и патентную защиту (товарный знак, полезная модель). Это будет способствовать обеспечению экономической и экологической безопасности, повышению обороноспособности России, развитию регионов, созданию новых рабочих мест» (См., например. Проект стратегии развития легкой промышленности России до 2020 года. Министерство промышленности России. 12.08.2009 / <http://stra.teg.ru/library/strategy>).

Вместе с тем, повторю, у этой эволюции взглядов российской элиты есть, как минимум, два существенных недостатка.

Во-первых, «технологизация» самого понятия модернизация, которая означает явно упрощенное представление, ставящее по сути знак равенства между заимствованием технологий и модернизацией. Это – ошибочная идеология, сформулированная В.Сурковым в упрощенной формуле: «Наша идеология – технология». Она, может быть, была справедлива для Китая образца 80-х годов прошлого века, не имевшего развитой научно-технической базы, но не для России, которая сохранила часть огромного интеллектуального богатства СССР.

С точки зрения угроз национальной безопасности, такая стратегия абсолютно не адекватна. Она не может противопоставить этим угрозам реальный военный потенциал, который может быть создан только на основе национальной военной промышленности, НИОКР и фундаментальных исследований. Примечательно, что в «Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года» эти угрозы описаны вполне объективно: «Угрозами военной безопасности являются: политика ряда ведущих зарубежных стран, направленная на **достижение преобладающего превосходства в военной сфере**, прежде всего в стратегических ядерных силах, путем развития высокоточных, информационных и других высокотехнологичных средств ведения вооруженной борьбы, стратегических вооружений в неядерном оснащении, формирования в одностороннем порядке глобальной системы противоракетной обороны и милитаризации околоземного космического пространства, способных привести к новому витку гонки вооружений, а также на распространение ядерных, химических, биологических технологий, производство оружия массового уничтожения либо его компонентов и средств доставки (подч. *А.П.*).

Негативное воздействие на состояние военной безопасности Российской Федерации и ее союзников усугубляется отходом от международных договоренностей в области ограничения и сокращения вооружений, а также действиями, направленными на нарушение устойчивости систем государственного и военного управления, предупреждения о ракетном нападении, контроля космического пространства, функционирования стратегических ядерных сил, объектов

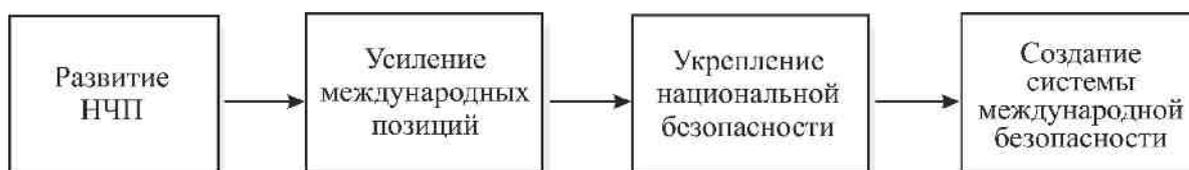
хранения ядерных боеприпасов, атомной энергетики, атомной и химической промышленности, других потенциально опасных объектов»¹.

Как видно, ни одна из этих угроз не может быть нейтрализована с помощью технологических заимствований.

Во-вторых, такая «технологическая» идеология ведет неизбежно к принижению роли и значения национального человеческого потенциала, фактическому исключению креативных социальных слоев из процесса модернизации. В самом деле, если мы ориентированы на зарубежные достижения и заимствования, то мы неизбежно перестаем считать собственную науку и образование приоритетами. В конечном счете такая идеология ведет к либерализации внешней политики (что отметили с озабоченностью многие российские партнеры в конце 2010 года), ее односторонней ориентации на Запад, а, в конечном итоге. К ослаблению национальной безопасности.

В этом смысле не следует питать излишних иллюзий: система международной безопасности, «новая архитектура» не может опираться только на сотрудничество, дипломатию и новые международные институты. Они лишь **дополняют** национальную мощь страны, которая в XXI веке предопределяется качеством НЧП. Причем дополняют тем успешнее, чем выше НЧП.

В полной мере эту идею можно было бы развить следующим образом: решающим фактором, определяющим соотношение сил в мире станет **потенциал человеческой личности**, точнее – накопленный и **эффективно реализуемый национальный человеческий капитал**. Причем внешняя политика и политика безопасности недвусмысленно должны ставиться не просто на службу идее внутренней модернизации, но **именно идее развития НЧП**. Такая связь может быть просто проиллюстрирована на следующем рисунке, где НЧП выступает в качестве инструмента влияния и даже давления.

¹ Стратегия национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года / Утверждена Указом Президента РФ от 12 мая 2009 г. / www.kremlin.ru

Другими словами, НЧП выступает как универсальное средство укрепления международных позиций России – в области внешней торговли, гуманитарных институтов, военно-технических возможностей (включая ВТС) и т.д., – которое становится реальным инструментом влияния России в мире. И, конечно же, главным национальным инструментом внешней политики и обеспечения международной безопасности.

Сегодня таких средств реального влияния у России почти не осталось:

- военное превосходство («советская угроза») не существует, а фактор российской военной силы реально девальвирован;
- союзы и союзники отсутствуют;
- внешнеэкономические инструменты влияния и давления ограничены энергоресурсами;
- технологические преимущества растеряны;
- накопленное СССР влияние в общественном секторе и образовании практически исчезло;
- культурное и духовное влияние существенно ослаблено;
- идеологическое лидерство отсутствует и т.д.

Усиление внешнеполитических позиций России и формирование реально действующей системы международной безопасности возможно только тогда, когда резко возрастет **национальная мощь России**, которая сегодня, повторю, **предопределена качеством и мощью НЧП**. Развитие НЧП позволит:

- укрепить эффективность военной силы через создание высокотехнологичных мобильных вооружений и военной техники;
- привлечь к себе союзников за счет развития связей в области науки, культуры, образования, здравоохранения;
- создать привлекательные внешнеэкономические технологии, идеи, открытия, сделать Россию, структуру ее экспорта, реально привлекательной;
- расширить систему обменов и гуманитарных связей, прежде всего в области образования, включая влияние российских институтов гражданского общества;

– заявить об идеологическом лидерстве, которое сегодня является обязательным атрибутом любой великой державы.

Необходимо провести переоценку роли НЧП во внешней и внутренней политике страны именно с точки зрения его роли в качестве внешнеполитического инструмента. Подобная переоценка роли НЧП нужна и в современных международных реалиях. Она – принципиально важна. Мир стремительно меняется и стоящая перед Россией задача модернизационного рывка зависит во многом, как справедливо подчеркивает академик Ан.Торкунов, «от «адекватной оценки современной ситуации»¹ российской элитой.

Прежде всего такая адекватность нужна в области международной и европейской безопасности, которые определяют не только реальность угроз, но и степень и качество международного сотрудничества, т.е. во многом определяют те условия, в которых будет происходить модернизационный рывок России в XXI веке.

А также такая адекватность необходима для того, чтобы выбрать правильную стратегию модернизации. В нынешних объективных условиях это прежде всего развитие НЧП. И здесь можно было бы опять учесть опыт Китая, который четко определяет приоритеты модернизации, удивительно точно совпадающие, на мой взгляд, с приоритетами модернизации России:

– рост душевых доходов, исправления катастрофических диспропорций между отдельными социальными группами и регионами страны:

– увеличение до мирового уровня расходов консолидированного бюджета на науку, образование, здравоохранение;

– повышение эффективности государственного управления и борьба с коррупцией (где весьма полезен был бы, например, опыт Гонконга)²;

В итоге модернизация, в т.ч. внешнеполитическая, выражается в показателях социальных настроений, т.е. ощущениях каждой отдельной личности, которые и составляют в совокупности НЧП. И здесь, кстати,

¹ Ан.Торкунов. Дефицит демократии и международное сотрудничество. Международные процессы, № 3 (21), сентябрь–декабрь 2009 г.

² См.: В.Андреанов. Практика и методы борьбы с коррупцией в Гонконге / Электронное СМИ, 16.11.2010. Рейтинг персональных страниц / <http://www.viperson.ru>.

можно говорить о серьезных неудачах в процессе модернизации. О чем свидетельствует, например, такой показатель, как показатель индекса социальных настроений¹. Так, 16–19 апреля 2010 г. Аналитический Центр Левады (Левада-Центр) провел опрос по репрезентативной выборке 1600 россиян в возрасте 18 лет и старше в 130 населенных пунктах 45 регионов страны. Распределение ответов на некоторые вопросы этого исследования приводится в процентах от общего числа опрошенных вместе с данными предыдущих опросов².

Как видно в апреле 2010 года Индекс социальных настроений (ИСН) снизился до 110 пунктов (падение на 4% по сравнению с февралем). С начала текущего года общественные настроения ухудшились, т.е. так и не реализовался даже слабый положительный потенциал роста общественного оптимизма, на который были надежды в конце 2009 года. Фактически ИСН к концу 2010 года опустился до надежд, связанных с приходом к власти В.Путина в 2000 году. На мой взгляд, результат – удручающий. Не случайно, что число выезжающих граждан России за рубеж в первом десятилетии стабильно оставалось высоким. Порядка 60–

¹ Индекс социальных настроений – обобщенный показатель динамики массовых настроений общества, который рассчитывается на основе соцопросов как разница между положительными и нейтральными оценками, с одной стороны, и отрицательными – с другой.

² См., например: Индекс социальных настроений. Левада-Центр / <http://www.levada.ru>.

70 тыс. человек, как правило, хорошо образованных, уезжали за границу на постоянное место жительства. Причем это были в своем большинстве представители творческих, креативных социальных слоев. Россия продолжала ежемесячно терять не только миллиарды долларов, убегающих за рубеж, но и десятки миллиардов долларов, капитализированных в ИЧП.

События декабря 2010 года на Манежной площади были весьма симптоматичны. Это, конечно же, не был ни национализм, ни, тем более, фашизм. Они охватили не только Москву, но и десятки других регионов страны. За ними стоял очевидный протест граждан, которые **не видели социальной перспективы**, не надеялись на справедливость и не верили власти.

Из этого опроса можно сделать и другой вывод: идеология «технологической модернизации» не только не встречает массовой поддержки и не создает социальной опоры власти, но и ведет к ослаблению политической поддержки Д.Медведева. Это – очень тревожный симптом: позиция России в мире и ее способность защищать национальные интересы зависят прежде всего от политической поддержке обществом **внутри** России. А такая поддержка, очевидно, падает. Падает и способность страны обеспечить международную и национальную безопасность, которая не может быть компенсирована в долгосрочной перспективе никакой новой правовой архитектурой международной безопасности.

В основе этих негативных тенденций лежит неверный путь развития, который фактически был сделан правящей элитой в 90-е годы и от которого, не смотря на декларации и, возможно, искренние попытки руководства страны, Россия не отошла в первом десятилетие XXI века, развиваясь по экстенсивно-ресурсному сценарию. Сценарию в основе которого нет внятной идеологии, отвечающей потребностям нации.

Этот сценарий продолжает вести к деградации НЧП. Даже подъем ВВП в 2000–2008 годах показал, что пределы роста НЧП в рамках существующей модели очень ограничены. Так, эпидемия убийств и самоубийств, охватившая Россию в 90-е годы, не была преодолена. Что

хорошо видно на графике, отражающем взаимосвязь между динамикой ВВП и смертностью от этих случаев¹.

Из этого графика, в частности, видно, что российский кризис к 2009 году не был преодолен. Когда же наступил мировой кризис, наиболее сильно затронувший Россию, старая модель экстенсивного развития была окончательно дискредитирована.

Предложив «технологическую» модернизацию, российская правящая элита попыталась выйти на новую модель развития. Которая также оказалась неудачной. Можно, конечно же, все списать на кризис 2008–2010 годов. Но этот кризис в минимальной степени затронул страны, которые развивались по национально-ориентированному сценарию модернизации. А значит, следует признать, такой выбор российской модернизации был неудачным. Что подтверждают все социальные параметры развития российского общества. И, прежде всего, инфляция, которая стремительно вела к обнищанию и без того узкого слоя творческого класса. На фоне ограничений заработной платы, массовых увольнений и падения ВВП инфляция в 2010 году в России оказалась

¹ Мировой кризис: угрозы для России. Материалы совместного заседания Ученого Совета ИМЭМО РАН и Правления ИНСОП / Сост. и науч. ред С.В.Чебанов. М. ИМЭМО, 2009 г.

значительно выше, чем в Европе: цены за этот период в нашей стране росли в 6 раз (!) быстрее, чем в странах Евросоюза².

Средний рост цен в Европе и в России

	(С января по октябрь 2010 года)	
	ЕС	Россия
Все продукты	1,7	10
Хлеб	1,2	9,1
Мясо	0,6	4,1
Рыба и морепродукты	2,1	2,7
Молочные продукты и яйца	0,7	13,4
Масла и жиры	2,1	4,1
Фрукты	2,9	5,3
Овощи	6,2	44,7
Сахар, конфеты, мед, шоколад	1,3	8,2

Данные Росстата и Евростата

Другими словами, предложенная Д.Медведевым модель модернизации оказалась абсолютно неэффективной. Ни с экономической, ни с демографической, ни с социальной точек зрения.

С точки зрения национальной безопасности, к 2011 году это означало, что нация перестала верить своему руководству, а внутривнутриполитическая стабильность поставлена под вопрос.

Россия ускоренно развивается по пути, предсказанному в 2002 году Г.Киссинджером развивающимся странам. Пути, основанном на сознательном выборе российской элитой ресурсного развития, который в конечном счете ведет к внешней зависимости и социальным проблемам. Как заявил в тогда Г.Киссинджер, «Пропасть между миром экономики и миром политики представляет собой ахиллесову пяту всего процесса глобализации... Около 20% такого хозяйства (в развивающихся странах – А.П.) будет принадлежать международной (экономической) системе – в основном в качестве компонентов огромных транснациональных корпораций. Остальное – что, вероятнее всего, затронет большую часть населения – будет являть собой отсталую сферу, не способную обеспечить людям ни доходов, ни рабочих мест, ни возможностей,

² А.Зюзяев. В России цены на продукты растут в шесть раз быстрее, чем в Европе / Комсомольская правда, 26 ноября 2010 г., с. 1.

связанных с глобализацией. Такая дихотомия чревата ростом негодования, обращенного против Соединенных Штатов, и социальными волнениями...»¹.

И это уже хорошо понимают в образованной России. Действительно, развитым странам сегодня интересно порядка 20% российской экономики, связанной с сырьевым бизнесом. Именно эта часть интересует международные корпорации. Но российское общество вряд ли с этим согласится. У нас был и (пока что) еще остается выбор. Выбор в пользу НЧК, возвращения себе утраченные позиции в научно-технической области. Это и будет настоящей модернизацией.

Но для этого необходимо сначала реально отказаться от идеи сырьевой экономики, точнее – от прежнего политического выбора в пользу сырьевой экономики. Сегодня на самом высшем уровне мы декларируем свое намерение идти по инновационному пути развития, но на всех остальных уровнях власти мы в действительности продолжаем идти по экстенсивно-сырьевому пути развития. Это видно на пример бюджетной политики, налоговой политики, таможенной политики и т.д. Даже в области энергетики мы становимся не конкурентоспособными. По оценкам к 2012 году тарифы на электроэнергию в России будут выше, чем в США².

По мнению гендиректора компании «Финэкспертиза» А.Микаэляна, «Из трех основных мировых конкурентных преимуществ – дешевое производство (то, чем и воспользовался Китай), технологии и сырьевые природные ресурсы – мы пошли по самому простому, третьему пути»³.

Этот «самый простой» путь неизбежно ведет нас к тем странам, которые описал Г.Киссанджер. И не стоит питать иллюзий. В первом десятилетии XXI века мы **ускоренно шли именно в этом направлении**. И политические декларации В.Путина и Д.Медведева об инновационности не в счет. Существует огромный разрыв между ними и реальностью: декларируя на политическом уровне инновационный путь

¹ Г.Киссанджер. Нужна ли Америке внешняя политика? К дипломатии для XXI века / Пер. с англ. Под ред. В.Л.Иноземцева. М.: Ладомир, 2002, с. 83.

² Ю.Саакян. Цены на энергоресурсы против модернизации экономики. Независимая газета, 13 апреля 2010 г., с. 3.

³ Ан.Башкатова. Китай установил мировой экономический рекорд / Независимая газета, 5 октября 2010 г., с. 4.

развития, мы на самом деле выбрали для себя путь превращения в сырьевой придаток развитых стран. Со всеми вытекающими из этого последствиями – отсталостью, социальной нестабильностью, архаичной экономической, зависимостью от импорта готовых продуктов. Если сегодня она составляет в медицине более 70%, продовольствии – более 50%, то тенденция ближайшего будущего прогнозируется ЦБ как нарастающая¹.

Основные показатели базового прогноза Минэкономики

	2010 год		2011 год		2012 год	
	Предыдущий вариант (декабрь 2009 г.)	Текущий вариант	Предыдущий вариант (декабрь 2009 г.)	Текущий вариант	Предыдущий вариант (декабрь 2009 г.)	Текущий вариант
Среднегодовая цена на нефть Urals (\$/bbl)	65	76	70	76	71	78
Рост ВВП (%)	3,1	4	3,4	3,5	4,2	3,5
Рост промпроизводства (%)	2,8	2,5	2,9	3,3	4,3	3,3
Рост инвестиций в основной капитал (%)	2,9	2,9	7,9	8,8	10,3	6,3
Рост реальной зарплаты (%)	0,9	3,4	2,4	2,4	3	2,1
Рост оборота розничной торговли (%)	3,3	4,4	4,1	4,5	4,1	4,8
Экспорт (\$ млрд)	350	375	380	386	401	403
Импорт (\$ млрд)	226	237	235	273	283	304
Укрепление реального эффективного курса рубля (%)	13,77	11,9	6,1	4,7	4,7	2,5
Инфляция (%)	6,5-7,5	6,0-7,0	6,0-7,0	6,0-7,0	5,0-6,5	5,5-6,5

¹ А.Шаповалов. Бюджету предложено отдать деньги в рост. Коммерсант, 30 апреля 2010 г., с. 2.

Глава 2.2. Новые международные реалии безопасности в период «фазового перехода»¹

«Фазовый переход, в широком смысле – переход вещества из одной фазы в другую при изменении внешних условий»².

Л.Ландау, Е.Лившиц

«То, что некоторые народы Европы проходили за долгие столетия ..., иные страны, вынужденные обращаться к догоняющим моделям должны проходить за краткие отрезки ..., сосредотачиваясь в основном на технологической стороне дела (подч. А.П.)»³.

Н.Симония

Мир в XXI веке находится в состоянии фазового перехода из прежнего состояния международных отношений, общества и экономики в качественно новое, пока что не известное, не изученное и даже не предполагаемое.

¹ Фазовый переход – зд. качественный переход в экономике, науке, обществе.

² *Л.Ландау, Е.Лившиц*. Статистическая физика, 2 изд., М., 1964 (Теоретическая физика т. 5).

³ Судьбы ученого, судьбы науки. В кн.: Восток-Запад-Россия. Сборник статей. М.: Прогресс-Традиция, 2002, с. 23.

Все элементы мировой системы в XXI веке переживают состояние фазового перехода из одного состояния международных отношений, общества и экономики в качественно новое, пока что не известное и не изученной. Более того, мало кто берется прогнозировать, в какое. С.П.Капица и ряд других авторов – естественников и обществоведов – заметили все признаки такого фазового перехода еще на рубеже нового тысячелетия.

Так, говоря о человечестве как системе, С.П.Капица отмечает сложность ее анализа при «... переходе от сложного к сумме более простых и, казалось бы, независимых элементов» – от стран к регионам, сословиям, общинам, отдельному человеку. Такой путь, отмечает ученый, «... часто ничем не заканчивается, поскольку не ясно, что считать элементарной составляющей общества». При этом, справедливо замечает он, – «В ложной системе, по определению, необходимо учитывать взаимодействие всех составляющих ее частей»¹.

В качестве альтернативы он предлагает «путь обобщений, когда в сложной системе выделяют самое главное... Именно такой подход использован при описании роста человечества как динамической системы, единственной характеристикой которой становится численность населения Земли².

Действительно, подобный подход многое объясняет. В том числе и феномен «сжатия исторического времени», когда вся история, весь исторический процесс являют признаки закономерного экспоненциального ускорения: 1-ая фаза – 30 тыс. лет; 2-ая – 7 тыс.; 3-я – около 2 тыс. лет; 4-ая – около 1,5 лет; 5-ая – около тысячи лет; 6-ая – около 300 лет; 7-ая фаза – немногим более 100 лет. Продолжительность 8-ой фазы пока определить невозможно. Но ясно, что поэкспоненциальному графику развивается как демографический процесс, так и научно-техническая революция, которые неизбежно должны перейти к вертикальной линии, равносильной бесконечности.

¹ С.П.Капица. Об ускорении исторического времени / В кн.: История и Математика: Проблемы периодизации исторических макропроцессов. Отв. ред. Л.Е.Грипин и др. М.: КомКнига, 2006 г., с. 15.

² С.П.Капица. Об ускорении исторического времени / В кн.: История и Математика: Проблемы периодизации исторических макропроцессов. Отв. ред. Л.Е.Грипин и др. М.: КомКнига, 2006 г., с. 15.

С.П.Капица, ссылаясь на петербургского историка И.М.Дьякова, говорит, что «если не предвидеть катастрофы ... хочется верить, что премудрый *Homo sapiens* сумеет ее предотвратить»¹.

К сожалению, сегодня политики мало озабочены решением этой проблемы, которую я бы назвал как проблема фазового перехода всей системы международных отношений и всего человечества. Она кажется слишком абстрактной и далекой.

До этого, самые первые признаки перехода в такое качественно новое состояние заметил еще В.Н.Вернадский в начале 40-х годов XX века, назвав его «ноосферой», «сферой разума». К сожалению (и я писал об этом еще в 80-е годы), «сфера разума» отнюдь не означает «разумность». Это, скорее, констатация того, что влияние человека, его интеллектуальной деятельности на биосферу стало критическим. Причем сегодня, к сожалению, до конца неизвестен знак этого влияния – минус или плюс. Ясно, что определяющими будут две мировые тенденции, развивающиеся по экспоненте – **научно-технический прогресс и демография**, – но каковы будут последствия для других областей? Прежде всего какова будет проблема обеспечения мировой (именно мировой, а не международной) безопасности, которую можно разделить в свою очередь на следующие подпроблемы.

¹ С.П.Капица. Об ускорении исторического времени / В кн.: История и Математика: Проблемы периодизации исторических макропроцессов. Отв. ред. Л.Е.Грипин и др. М.: КомКнига, 2006 г., с. 19.

2.2.1. «Фазовый переход» и международная безопасность

«Модернизация ... не означает необходимости «раствориться» нашей стране в западном мире, который в целом достиг этого уклада ...

Считаю, что многовекторная политика намного плодотворнее для модернизации России»¹.

Е.Примаков

«Невозможно проводить модернизацию, отгородившись от остального мира и углубившись в чисто российские реалии»².

Е.Примаков

Национальная безопасность России и, как следствие, международная безопасность будут непосредственно зависеть от результатов модернизации. А та, в свою очередь, от того, насколько верно правящая элита страны найдет «золотую середину», синтез между существующими мировыми реалиями в эпоху «фазового перехода» и национальными интересами и ценностями. Нам действительно нельзя ни «раствориться» в любой цивилизации, потеряв национальную идентичность, ценность, школы и культуры, ни «отгородиться» от остального мира китайской стеной, уповая на то, что все необходимое для модернизации мы сможем сделать и получить сами.

Решение ключевых проблем безопасности в XXI веке нам придется решать, исходя из того, что они находятся «на стыке глобальных, общечеловеческих интересов и национальных интересов и ценностей. Поэтому все дело в пропорции, той мере, понимание которой прежде всего и будет служить критерием оценки мудрости национальной элиты. Любая крайность – будь то примитивный западный неолиберализм, либо такой же примитивный национализм – окажется не просто контрпродуктивной, но и безрезультативной.

Между тем ресурса времени для исправления ошибок у нашей элиты уже нет. Мы потеряли, как минимум, 70–80-ые годы XX века и последние 20 лет на поиски идеологии.

¹ *Е.Примаков*. Достижения не должны заслонять проблемы. Российская газета, 14 января 2011 г., с. 6.

² *Е.Примаков*. Достижения не должны заслонять проблемы. Российская газета, 14 января 2011 г., с. 6.

Существо международной безопасности в 2025–2030 гг. и роль национально безопасности	—————>	?
Будущий характер мировой экономики в 2025–2030 гг. и место в ней России	—————>	?
Основные тенденции глобализации в 2025–2030 гг. и их влияние на Россию	—————>	?
Характер и будущее старых и новых союзов и блоков в 2025–2030 гг. и место в них России	—————>	?
Основные тенденции и результаты развития науки и техники в 2025–2030 гг. и места России	—————>	?
Характер будущего общества в 2025–2030 гг., его взаимоотношения с государством и наиболее оптимальная модель для России	—————>	?
Будущее наций и государств в 2025–2030 гг. Роль цивилизаций, наций и государств	—————>	?

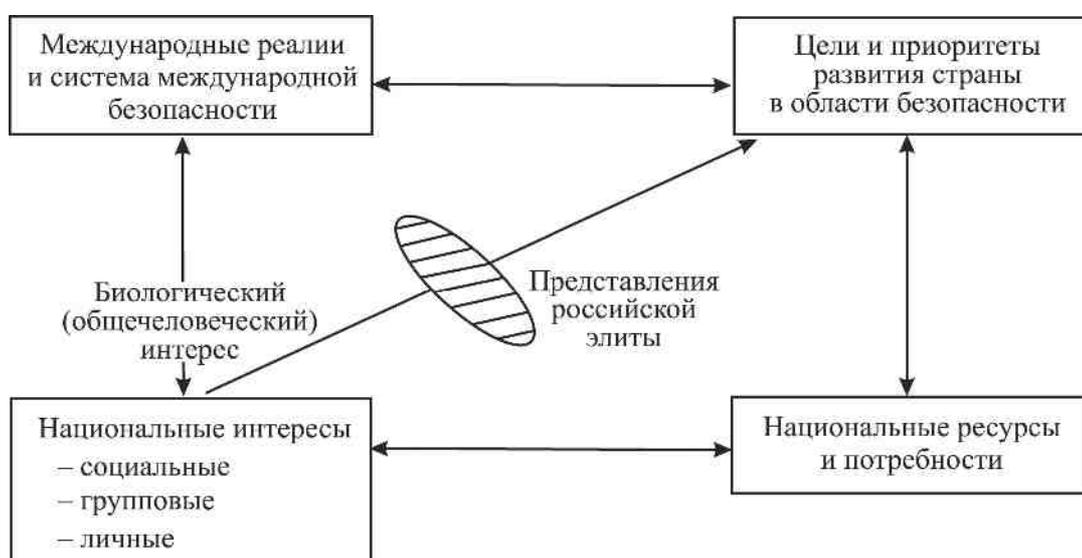
Сегодня предпринимаются отдельные попытки «заглянуть в будущее» по этим и другим направлениям. Но они, во-первых, слишком узкоспециализированы, выпадают из общего контекста, не вписаны в единую систему. Во-вторых, они, как правило, являются экстраполяции нынешних тенденций. Что в политике и в истории недопустимо. Представил себе на минуту, что в 1988 году будущее СССР и ОВД формировалось бы на основе экстраполяций (хотя именно эта инерция и существовала. Достаточно вспомнить, хотя бы, принятие в 1989 году единой военной доктрины ОВД).

Естественно, что в период такого «фазового перехода» Россия не сможет остаться в стороне, «в пробирке», развиваться по каким-то своим, исключительным, закономерностям. Совсем, наоборот: во всех ключевых областях жизни следует ожидать революционных, качественных перемен.

К сожалению, все современные стратегические прогнозы России – федеральные, региональные, отраслевые, – каковых уже более 150, совершенно **не учитывают** это обстоятельство. В лучшем случае они представляют собой простую, даже примитивную экстраполяцию нынешней ситуации, а в худшем – кальку с долгосрочного прогноза социально-экономического развития, который делается по определенной методике в МЭРе под кураторством А.Клепача. Приходится признать, что

в России не существует сколько-нибудь серьезных политико-идеологических, философских и научных прогнозов фазового перехода. Мы экстраполируем существующие тенденции, не отдавая отчета, что их вообще может и не быть, либо они претерпят колоссальные качественные изменения.

В этом смысле прогноз состояния мировой и национальной безопасности, как сложной динамичной системы, крайне необходим. В грубой форме упрощенной модели для России он может использовать модель политической системы, которая для наглядности не раз приводилась. На это раз в интересах национальной безопасности России.

Так, из этого рисунка видно, что в период фазового перехода (характерного для **всего** человечества) приоритетом высшего порядка должны стать уже не только национальные, но и **общечеловеческие интересы и ценности**. К сожалению, это банальное признание, характерное для 80-х годов XX века, оказалось подвержено серьезной девальвации из-за эгоизма отдельных государств. Сути это не меняет. Можно заменить термин «общечеловеческие интересы» на «биологические интересы» (хотя это и суживает это понятие).

В случае согласия правящих элит такой интерес должен быть положен при формировании политических целей ведущих стран.

Сегодня в реальной политике национальные интересы, как известно, доминируют. Но является ли эта аксиома истиной для периода фазового перехода? Например, перед угрозой уничтожения человечества?

Соответственно, если идея о «биологическом интересе» как самом приоритетном, даже по отношению к национальному интересу, становится доминирующей в мире, то происходит переоценка не только целей внешней политики отдельных стран, но и национальных ресурсов, а, в конечном счете, и международных реалий! **«Биологический интерес» сам становится важнейшей мировой реальией.**

Но это может произойти только (повторно) при осознании большинством правящей мировой элитой таких изменений. Очевидно, что признание такой новой реалии приведет к пересмотру политики в области национальной безопасности отдельных стран. В этом случае новая архитектура безопасности станет **международно-правовым оформлением этой нормы**, естественным процессом.

И, наоборот. Думать, что форма (в данном случае международно-правовые нормы новой архитектуры безопасности) может быть создана до осознания правящими элитами стран общего (биологического) интереса – наивность. В политике наивность, как правило, заканчивается поражениями и ошибками. Примером чему может служить опыт М.Горбачева.

Следующей важной чертой фазового перехода к непредсказуемым международным отношениям становится процесс изменения политических и экономических сил в пользу новых центров силы. Отличительной (но мало изученной и даже не признаваемой) чертой этого процесса является то, что лидерами в нем выступают те государства, чьи нации пытаются стать идеологическими лидерами в мире. Это, прежде всего, Китай, Индия и (с оговорками) политический и культурный ислам. Ситуация осложняется тем, что в начале XXI века стало ясно, что неолиберальный проект, лидером которого были США, – провалился. Как справедливо заметил А.Володин, «В начале третьего тысячелетия течение объективных геоисторических процессов обретает новое ускорение, поскольку неолиберальный проект глобализации оказался контрпродуктивным для подавляющего большинства человечества. В настоящее время в мировой системе практически отсутствует программирующий и управляющий центр, каковым в девяностые годы был Запад во главе с США. Объективно системному

ослаблению «униполю» способствовали три наиболее сильно действующих фактора.

1. Общее (несмотря на явные всплески хозяйственной активности в девяностые годы) замедление темпов экономического роста, имеющее, в частности, следствием падение доли США в мировом ВВП до уровня менее, чем 20%.

2. Относительно продолжительная (по меньшей мере в течение последних пятнадцати лет) «история» активного экономического роста на Востоке (включая, разумеется, китайскую и индийскую мегаэкономики), которая дополняется динамичным развитием Латинской Америки на основе организационных принципов, отличных от основоположений «вашингтонского консенсуса».

3. Явная, ощущаемая практически в каждом событии, активизация наиболее пассионарной силы современности – политического ислама. Следы ее деятельности заметны везде, включая самые удаленные уголки ойкумены. Основной стратегической задачей сил политического ислама является, по мнению многих исследователей, качественное перераспределение сил на глобальном уровне в свою пользу»¹.

На мой взгляд, идеологическое лидерство новых центров силы – залог их активной и даже агрессивной внешней политики. Но для этого эти нации должны пройти свой «кризис идентичности», который сегодня проходит не только Россия, но и страны Евросоюза, а также старые институты международной безопасности – ООН, ОБСЕ, НАТО². Этот кризис в период фазового перехода может привести либо к созданию новых и укреплению старых институтов, способных отражать реалии фазового перехода, либо пойдет по старому сценарию, когда вслед за изменением соотношения сил следовали войны.

В России не делаются даже попытки системного прогноза развития ситуации в мире в период фазового перехода. Который даже не обсуждается. Налицо типичная инерция мышления, в т.ч. внешнеполитического, когда, как и в экономике, господствует метод экстраполяции, абсолютно не допустимый в этом случае. Что,

¹ *А.Володин*. Индия – Россия – Китай в свободной геометрии мировой политики / Электронный ресурс. Интелрос / <http://www.intelros.ru/2007/04/16>.

² См., например: *С.Лавров*. Как преодолеть кризис идентичности. Российская газета, 30 ноября 2010 г.

естественно, вызывает тревогу. Мы не только не можем, но даже **не пытаемся** представить себе возможные последствия революционных изменений в результате «фазового перехода». Соответственно даже не пытаемся готовиться к ним. Происходит это прежде всего потому, что мы сами для себя не предложили сколько-нибудь продуманную социальную концепцию. Если хотите, – идеологию. Прагматизм, которому мы стали преклоняться после периода господства либерализма, **не способен на это в принципе**. Значит мы обречены на рефлексию в политике.

Здесь, конечно, требуется система взглядов, т.е. идеология, предполагающая, во-первых, качественный стратегический прогноз, во-вторых, качественное стратегическое планирование, но, главное, переосмысление целей, стоящих перед Россией в условиях «фазового перехода», вытекающих из анализа новых реалий. Как внешнеполитических, так и, прежде всего, внутривнутриполитических, ибо внешняя политика, в т.ч. политика безопасности, является, как известно, продолжением политики внутренней.

К сожалению, сегодня ни первого, ни второго, ни третьего в России нет. Похоже, что такая задача даже и не ставится. «Прагматизм», ставший российской идеологией, этого и не требует. Но этот же прагматизм может ставить (и ставит) очередные ложные цели, что, как известно, из нашей недавней истории, самое опасное. Прагматизм, переходящий в беспринципность и бессистемность, – вот наша политика сегодня.

Поэтому вновь остро встает вопрос о **системе взглядов российской элиты** в период «фазового перехода», т.е. о национальной (не пугать с государственной) идеологии. При этом надо понимать, что эта идеология нужна, конечно, прежде всего «**для себя**». Но она также очень важна для внешнего мира, ибо культурно-идеологическое влияние России в мире значительно.

Кроме того важно понимать, что только **собственная, национальная идеология** может сделать российскую элиту реальной силой, управляющей страной и влияющей на мировые процессы. В данном случае ключевое слово – «собственная», т.е. основанная на национальной культурно-исторической почве продуманная и выстраданная.

Получается, что в период «фазового перехода» та нация, которая быстрее и качественнее других осознает новые реалии, предложит новую систему взглядов, станет не просто идеологическим, но и мировым лидером.

Как справедливо заметил А.Кива, «Вначале Россия, ведомая В.Лениным, выстрадала возникший в Германии марксизм, потом, под руководством Е.Гайдара и сотоварищей появившийся в Америке неолиберализм. Но выстрадать можно что-то свое, оригинальное, как, например, реформы Ф.Рузвельта или Дэн Сяопина ...»¹.

Собственно этого пока что и не происходит: «идеология модернизации» заменяет идеологию развития, т.е. частная задача, даже, строго говоря, процесс становится общенациональной целью. Подобная «технологичность», «прагматизм», «менеджеризм», конечно же не смогут ответить на вызовы «фазового перехода». Такая задача сегодня даже и не ставится. Во всяком случае глубоких и осмысленных выступлений на этот счет лидеров нации не известно. Поэтому, например, проблема международной безопасности сводится только к политико-правовой, а сотрудничество (важность которого никто не отрицает) становится самоцелью российской внешней политики. В этой связи возникает вопрос: а если в интересах сотрудничества (и модернизации) придется жертвовать национальными интересами и ценностями, пойдет ли на это в очередной раз российская элита, которая, может быть, в силу своей молодости забыла катастрофические последствия такой политики М.Горбачева? На это обстоятельство наводят серьезные размышления, например, вызванные некоторыми заявлениями в США. Так, во время визита Д.Медведева в апреле 2010 года американский Совет по

¹ А.Кива. Тернии российской демократии / Мир перемен. 2010 г., № 1, с. 150.

международным отношениям (CFR) опубликовал Специальный доклад **Джеффри Манкоффа** «Российский экономический кризис». «Экономический кризис в РФ и посткризисный период представляют Западу такую возможность **еще глубже вовлечь Россию в либеральный экономический порядок, которой у него не было на протяжении 10 лет**», – считает автор. Несмотря на то что пик потрясений, кажется, пройден, РФ будет ощущать на себе негативные последствия кризиса дольше, чем промышленно развитые страны, утверждает он. По мнению Манкоффа, экономическая интеграция способствовала бы сопряжению экономических, а потом, возможно, и политических интересов РФ и Западу»¹.

Смею утверждать, что в эпоху «фазового перехода», в которой сегодня находится человечество, качественные изменения ожидают все основные элементы и реалии международных отношений. Поэтому прогнозировать эти перемены, опираясь на экстраполяции, – бессмысленно. Но пытаться это сделать просто необходимо, хотя бы для того, чтобы понимать масштабы и последствия возможных изменений. Так, к 2030 году ожидается, например, что КНР станет более мощным экономическим центром силы, чем США, а удельный вес ее экономики в мире может достигнуть 30%, что вместе с экономиками других стран АТР – прежде всего Японии, Индии, Индонезии, превысит половину мировой экономики. Это – экстраполяция нынешних темпов развития этих стран. Но мы не знаем главного, а именно динамики двух важнейших тенденций фазового перехода – научно-технической и демографической. Что произойдет, если КНР сможет обеспечить не только явное превосходство в ВВП, но и в НЧП?

Уже к 2011 году в КНР было подготовлено более 350 млн. граждан, имеющих высшее образование. Темпы развития НЧП Китая поражают, особенно, если допустить, что к 2030 году ИРЧП в Китае будет равняться или даже превосходить американской. В этом случае подавляющее преимущество Китая в НЧП, умноженное на демографический рост (который при всех ограничениях сегодня составляет 15 млн. человек

¹ *А.Терехов*. Москву и Вашингтон может сблизить экономика. Независимая газета, 15 апреля 2010 г., с. 7.

ежегодно) означает **новое качество безопасности** не только в Евразии, но и в мире.

Подобное изменение в соотношении мировых сил неизбежно приведет к **изменениям во всей в системе международной безопасности**. Можно, например, предположить, что новым военно-политическим центром силы станет КНР, которая сумеет объединить (или подчинить себе) вокруг себя ряд государств Центральной, Южной и Юго-Восточной Азии, да и другие страны. Напомню, что китайский менталитет предопределен более 5000 историей существования «срединной империи», окруженной варварами.

Еще труднее предположить последствия постоянно ускоряющегося научно-технического прогресса. В условиях «фазового перехода» не только можно, но и обязательно нужно ожидать реализации «прорывных» идей и технологий, способных внести радикальные изменения в экономическую и общественно-политическую жизнь человечества. Так, революция в информации и связи в 90-е годы привела не только к появлению общедоступной мобильной связи и широкополосного интернета, но и к революции во всех отраслях экономики и общественных институтов (появлению сетевых сообществ, росту влияния институтов гражданского общества и т.д.). Полагаю, что в ближайшие годы информационная революция **будет усилена революциями в области биологии, психиатрии, общественных наук**.

Здесь важно подчеркнуть, что модернизационно-инновационная политика, провозглашенная в России, должна учитывать:

- невозможность предсказать или спрогнозировать масштаб и последствия изменения международных реалий;
- невозможность сведения процесса модернизации только к модернизации экономики или даже технологий.

Странным образом Россия в очередной раз подтвердила эту закономерность («догоняющего развития»), замеченную академиком Н.А.Симония в начале десятилетия: встреча Президента России Д.Медведева с послами и постоянными представителями в МИДе в июне 2010 года, на которой, по мнению многих, была провозглашена новая внешнеполитическая доктрина, справедливо истолкована большинством экспертов как переориентация внешней политики страны на нужды

модернизации. Хотелось бы, чтобы это не стало узкотехнологическим приоритетом, в котором будет формироваться «догоняющая модель» развития. В условиях «фазового перехода» такая политика абсолютно бесперспективна, заведомо обречена на отставание и неизбежность нанесения ущерба интересам безопасности и суверенитету России. К сожалению, реальность такова, что отставание в понимании этих перемен, а тем более в реальных мерах по изменению ситуации до сих пор удручающа.

Так, с точки зрения конкурентоспособности России огромное значение имеют условия ведения бизнеса в стране, о создании которых постоянно говорят 20 лет, но которые не улучшаются, а даже ухудшаются. При сопоставлении российских условий с условиями в других странах, наша страна стабильно занимает место аутсайдера. Так, по оценкам Всемирного банка, в 2009 году Россия занимала 120-е место из 183, **уступая** Молдове (90), Кении (95), даже Бангладеш (119)¹.

Полезно внимательнее присмотреться как к лидерам, так и аутсайдерам рейтинга, попытавшись вывести некоторые закономерности, прежде всего с точки зрения развития НЧП. Страны, как известно, ранжируются по благоприятствию ведения бизнеса с 1 до 183 места, первое место – наиболее высокое. Высокая позиция в индексе легкости ведения бизнеса означает, что регуляторный климат благоприятствует ведению бизнеса. Индекс является средним показателей страны по 10 индикаторам, каждый из которых имеет равный вес.

<u>Страна</u>	<u>Рейтинг легкость ведения бизнеса</u>	<u>Регистрация предприятий</u>	<u>Получение разрешений на строительство</u>	<u>Наём рабочей силы</u>	<u>Регистрация собственности</u>	<u>Кредитование</u>	<u>Защита инвесторов</u>	<u>Налогообложение</u>	<u>Международная торговля</u>
<u>Сингапур</u>	1	4	2	1	16	4	2	5	1
<u>Новая Зеландия</u>	2	1	5	15	3	4	1	9	26
<u>???????</u>	3	18	1	6	75	4	3	3	2
<u>Соединенные Штаты Америки</u>	4	8	25	1	12	4	5	61	18

¹ Рейтинг экономик. Всемирный банк / <http://russian.doingbusiness.org/economyrankings>

Соединенное Королевство	5	16	16	35	23	2	10	16	16
Дания	6	28	10	9	47	15	27	13	6
Ирландия	7	9	30	27	79	15	5	6	21
Канада	8	2	29	17	35	30	5	28	38
Австралия	9	3	62	1	34	4	57	47	27
Норвегия	10	35	65	114	8	43	20	17	9

Прежде всего обращает внимание, что высокая позиция в ведении бизнеса **совпадает с высокой позицией в развитии национального человеческого потенциала и с ИРЧП**. Это не случайно, ведь высокий уровень развития НЧП во многом является **производным от качества и степени развития институтов гражданского общества и общественной инфраструктуры**, т.е. общественные критерии НЧП очевидно коррелируют с критериями конкурентоспособности.

Уровень развития НЧП коррелируется и в финансовой области с таким, например, показателем, как финансовая глубина¹. Чем выше душевой доход и ИРЧП, тем выше показатель финансовой глубины. Причем, закономерность, подмеченная Всемирным банком, заключается в том, что финансы развиваются опережающими темпами по отношению к экономике².

	1990	2006	2008
Весь мир	1,9	3,5	2,9
США	2,6	4,2	3,8
Великобритания	2,0	4,2	3,2
Зона евро	–	3,5	3,3
Япония	3,2	4,4	5,4

Глобальные финансовые активы состоят из банковских депозитов, акций, частных и государственных долговых ценных бумаг.

¹ Финансовая глубина отношений финансовых активов к ВВП.

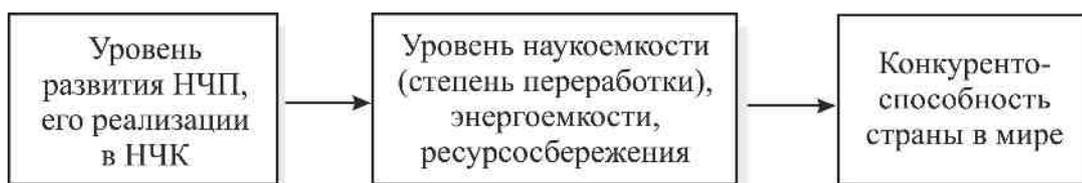
² Россия и мир: 2010. Экономика и внешняя политика. Ежегодный прогноз. М., ИМЭМО РАН 2009 г., с. 34.

Причем, как видно, кризиса прерывают этот процесс. Но не надолго: сбрасывая излишние финансовые инструменты в сравнении с реальной экономикой, затем, в период подъема, снова начинается рост.

Финансовая и банковская система страны это прежде всего люди. Специально обученные профессионалы, создающие финансовые институты. Это подтвердит любой финансист. Поэтому связь между ИРЧП и финансовой глубиной весьма показательна: нельзя создать национальную финансовую, кредитную системы, не имея достаточно подготовленных кадров.

В России финансово-банковская система не просто слаба. Она не ориентирована на развитие НЧП, не способна обеспечить инвестиции, а тем более кредитование наукоемких производств. Отсюда и невосприимчивость «экономики к любым инновациям, которая не может быть решена частными способами по примеру Сколково.

Этот вывод подтверждается примером стран которые по уровню благоприятствования бизнесу относятся к странам занимающим 115–120 места: эти же государства занимают аналогично низкие рейтинги по уровню развития НЧП. Думается, что если бы к числу критериев, определяющих условия ведения бизнеса, отнести такие, как: уровень образованности граждан, ожидаемая продолжительность жизни, уровень культуры и духовности (т.е. критерии НЧП), **то совпадение было бы полным**. Это не случайно, ведь **качество трудовых ресурсов** в условиях XXI века будет определяющим фактором не только развития НЧП, но и экономики страны, которая становится все более наукоемкой. В развитых странах сегодня до 90% прироста ВВП обеспечивается за счет наукоемких отраслей. На рисунке это можно было бы изобразить следующим образом:

Если согласиться с этой логикой, то можно упростить этот рисунок до простого тождества:

НЧП = Конкурентоспособность

Причем понятие «конкурентоспособность» сводится не только к экономическому, но и социальному и международному критериям.

Неизбежно следует согласиться и с другим выводом: говорить о повышении конкурентоспособности товаров и услуг (а тем более экономики, даже страны) в мире бессмысленно без того, чтобы страна достигла высокого уровня развития НЧП. Даже отдельные группы товаров, а тем более отрасли, в отдельной стране **не могут быть конкурентоспособными** у страны, не обладающей высоким уровнем развития НЧП. Причем, наверное, этот вывод справедлив не только для продукции высокой степени переработки, но и по отношению к сырьевым товарам. Исключения могут составить только узкие группы сырьевых ресурсов, занимающих монопольное положение на рынке: в этом случае сырье, даже низкого качества будут покупать для последующей глубокой переработки. Но, следует признать, что само понятие «мировая конкурентоспособность» для таких групп товаров теряет смысл, ведь монополизм изначально исключает конкуренцию. Удивительно, но эта закономерность подтверждается и при сопоставлении конкурентоспособности стран-аутсайдеров, в т.ч. России.

Страна	Рейтинг легкость ведения бизнеса	Регистрация предприятий	Получение разрешений на строительство	Наём рабочей силы	Регистрация собственности	Кредитование	Защита инвесторов	Налогообложение	Международная торговля
Свазиленд	115	158	24	55	158	43	180	54	158
Босния и Герцеговина	116	160	136	111	139	61	93	129	63
Никарагуа	117	95	137	84	143	87	93	165	99
Аргентина	118	138	168	101	115	61	109	142	110
Бангладеш	119	98	118	124	176	71	20	89	107
Российская Федерация	120	106	182	109	45	87	93	103	162

Россия, занимающая 120-е место в рейтинге конкурентоспособности, полностью подтверждает этот вывод. Даже наличие энергоресурсов,

прежде всего газа, занимающих заметное место в структуре энергопотребления Европы, не влияет на изменение рейтинга конкурентоспособности. Поэтому, если мы хотим изменить место России в мире, которое зависит во многом от конкурентоспособности ее экономики, то мы должны изменить сначала ее место в области развития НЧП. Технологичность, наукоемкость произведенного продукта или услуги – прямое следствие развития НЧП.

Не случайно эта логика вполне коррелирует и с рейтингом наукоемкой продукции, по которому Россия занимает одно из самых низких позиций. Так, как известно, на Россию приходится порядка 2% мирового ВВП, но только 0,3% наукоемкой продукции (для сравнения, эти показатели у США соответственно 20% и 30%)..

Это означает, что если соотношение экономик России и США можно охарактеризовать как 1:10, то **в области наукоемкой продукции это соотношение будет примерно 1:100**, что, на самом деле, гораздо полнее характеризует реальность. Означает ли это такое же соотношение между НЧП России и США? Уверен, что нет. Парадоксально, но соотношение НЧП России и США приблизительно равно (даже без учета в разнице численности населения этих стран), но **реализация** национальных человеческих потенциалов, сильно, качественно отличается: НЧК России, вероятно, аналогична пропорциям экспорта наукоемкой продукции, т.е. 1:100.

Сказанное имеет прямое отношение к международной и национальной безопасности. Обладая таким огромным технологическим превосходством, США в XXI веке будут заинтересованы в ликвидации ядерного оружия не только в России, но и в других странах. Это оружие сегодня уравнивает в какой-то мере военные возможности наших стран. Поэтому Б.Обама в числе важнейших своих приоритетов заявил о своем стремлении к безъядерному миру. Как пишет обозреватель М.Волкова, « Строго говоря, еще в своей знаковой пражской речи Обама наметил контуры американской политики в этом направлении. Во-первых, Вашингтон стремится укрепить режим нераспространения в мире, и прежде всего с прицелом на Иран. Во-вторых, при Обаме снова заговорили о необходимости ратификации Договора о всеобъемлющем запрещении ядерных исследований (ДВЗЯИ) сенатом, отказавшимся это

сделать в отличие от России еще 10 лет назад. В-третьих, США предлагают подумать над разработкой еще одного договора – об обращении ядерных материалов и продуктов. Все это и обсуждалось на вчерашнем саммите, но с добавлением сколь красивой, столь и почти сказочной идеи о стремлении к безъядерному миру»¹.

Но вот нужно ли это в ближайшие годы России? Вопрос, на мой взгляд, однозначно «нет». Наше технологическое отставание, в т.ч. В области обычных вооружений, таково, что Россия потеряет последние гарантии своего суверенитета.

Низкий показатель НЧК также означает, что крайне низкая эффективность российского государственного, местного и общественного управления является **главной причиной**, кроме, естественно, отставания в развитии собственно НЧП. Такой вывод имеет принципиальное значение для современной России: необходимо проводить срочные и масштабные мероприятия в этой области. И прежде всего использовать такой мощный ресурс как идеологию, которая выступает в **качестве самого эффективного инструмента управления**.

Другой вывод: «деидеологизация», «прагматизм», отрицание идеологии, наверное, главная причина низкого качества государственного и общественного управления, а, как следствие, низкой конкурентоспособности, а, главное, неэффективного использования огромного национального человеческого потенциала, **вполне сопоставимого с НЧП США**. Это и есть главный ресурс развития России. Что подтверждается множеством частных примеров.

На практике это видно, например, на положении России в Интернет индустрии². Компания Google, например, опубликовала список тысячи самых популярных сайтов в Интернете по количеству ежемесячных посетителей. На первом месте в рейтинге находится крупнейшая в мире социальная сеть Facebook.com, которую посещают **540 млн.** уникальных посетителей в месяц, просматривая при этом 570 млрд. страниц. На втором месте – Yahoo.com (490 млн. уникальных посетителей), на третьем – Live.com (370 млн.). В первую десятку также вошли:

¹ М.Волкова. Движение в одном направлении. Российская газета, 16 апреля 2010 г., с. 1.

² Компания Google представила, список тысячи самых популярных сайтов в интернете. 28.05.2010 / URL:<http://gtmaret.ru>.

Wikipedia.org (310 млн.), MSN.com (280 млн.), Microsoft.com (230 млн.), Blogspot.com (230 млн.), Baidu.com (230 млн.), QQ.com (170 млн.) и Mozilla.com (140 млн.).

Среди российских сайтов лидирует поисковая система Yandex.ru, которая занимает **57 место** (38 млн. уникальных посетителей). Вторым по посещаемости российским ресурсом стал портал Mail.ru (37 млн.). На **81 месте** находится крупнейшая социальная сеть российского Интернета – Vkontakte.ru (26 млн.), на 118 месте – социальная сеть Odnoklassniki.ru (21 млн.). На 148 месте – Narod.ru (17 млн. уникальных посетителей), на 178 – Rambler.ru (15 млн.). Самый посещаемый российский новостной ресурс – сайт РИА Новости (Rian.ru) – занял на 568 строчку (6,200 тыс. уникальных посетителей)¹.

Иными словами «срез» положения России в Интернете показывает, что и в этой области наша страна находится в списке аутсайдеров, занимая место, которое в принципе совпадает **как с ИРЧП, так и местом на рынке экспорта наукоемкой продукции**. Подобные совпадения – ИРЧП, конкурентоспособности, технологичности – не случайны. Они отражают реальное положение вещей, а именно нарастающее отставание России в мире, которое определяется степенью реализации НЧП, т.е. НЧК, а не только его частью – технологиями.

Соответственно это непосредственно отражается на соотношении сил в мире, возможностях России и степени внешних угроз. Это должно очень беспокоить нас. Хотя бы потому, что в оценке соотношения сил в мире стремительно меняется не в пользу России. Как справедливо заметил бывший министр иностранных дел России И.Иванов, само «... содержание понятия «мощь государства»,.. когда ... на первый план все больше выдвигаются экономические, финансовые, интеллектуальные и информационные ресурсы влияния ...»². Эта мощь, а, соответственно, и влияние государства в мире сегодня выглядит следующим образом (по сравнению с серединой XX века):

Середина XX века:

Начало XXI века

¹ Компания Google представила, список тысячи самых популярных сайтов в интернете. 28.05.2010 / URL:<http://gtmaret.ru>.

² *И.Иванов*. Международная безопасность в эпоху глобализации / Россия в глобальной политике, № 1, январь–март 2003 г.

Мощь государства в мире

- военный потенциал;
- экономический потенциал;
- финансовый потенциал;
- демографический потенциал;
- морально-идеологический потенциал;
- морально-идеологический потенциал;
- социо-культурный потенциал;
- научно-технический (военно-технический) потенциал;
- наличие союзников;
- географическое положение.

Мощь государства в мире

- национальный человеческий потенциал, **производным** от которого являются:
- экономический;
- научно-технический;
- демографический;
- морально-идеологический потенциал;
- финансовый потенциал;
- информационный потенциал;
- военный потенциал;
- общественный потенциал.

В период «фазового перехода», когда динамика изменений достигает своей высшей точки, неизбежно возникновение **новых угроз**. Сегодня это признается, но в редакции, которая определяется развитыми странами:

- международный терроризм;
- распространение ОМУ;
- экономические проблемы и т.д.

Но так ли это на самом деле? На мой взгляд, и приоритетность, и сами угрозы выглядят иначе, а именно:

- неравномерность развития отдельных государств;
- несправедливое распределение ресурсов, прежде всего финансовых;
- неэффективность международных институтов.

Представляется, что необходимо внести ясность в базисные представления национальной элиты о масштабах и реальности возможных угроз, стратегии развития России и, как следствие, ее внешней политике в XXI веке.

2.2.2. Главная цель внешнеполитической идеологии модернизации

«Но бывает так, что эти возможности искусственно ограничиваются. И здесь проявляются ... не только объективные причины, но и недостаточная решимость президента ...»¹.

Е.Примаков

«Философия совместной работы лежит в основе внешней политики России. Ее сверхзадача – создание благоприятных внешних условий для комплексной модернизации страны, диверсификации экономики и ее перехода к инновационной модели развития»².

С.Лавров

Внешнеполитическая идеология модернизации может быть только частью общей идеологии модернизации, причем **производной** от общей идеологии как **системы взглядов национальной элиты**. Не может быть «отдельной» внешней политики от политики внутренней, от взглядов на экономику, оборону, безопасность, социальную политику.

И прежде всего, когда речь идет о главной составляющей внешнеполитической стратегии – ее цели. В 2010 году в качестве главной внешнеполитической цели была заявлена модернизация, что, как я уже говорил, является абсолютным непониманием существа стратегии. В том числе внешнеполитической, ибо модернизация – это процесс, средство. Какова же может быть цель?

Ответ на этот вопрос, на самом деле, лежит на поверхности. Для этого необходимо просто ответить себе на вопрос, что является стратегической целью развития любой нации в XXI веке, вытекающей из особенностей фазового перехода. Как известно, в агрегированном виде это – ускоренное развитие НЧК, которое включает два основных, ведущих тренда «фазового перехода» – демографический и научно-технический. И эта констатация имеет принципиальное значение. Если в качестве главной цели развития мы признаем национальный человеческий капитал, а его основными **производными** – демографический и научно-технический, – то мы должны:

– «забыть» о всяческих макроэкономических показателях и прочих неолиберальных глупостях, которые де-факто являлись главными целями

¹ *Е.Примаков*. Минное поле политики. М., Изд-во «Молодая гвардия», 2007, с. 354.

² *С.В.Лавров*. Полный текст статьи Министра иностранных дел России С.В.Лаврова. МИД России. 24.05.2010 / <http://www/mid.ru/ns-dos.nsf>.

декларируемой Правительством последние 20 лет экономической и финансовой политики;

– понимать, что мощь нации и государства в XXI веке заключается во все большей степени в его людях, науке, образовании, культуре, а не в абсолютных и относительных показателях ВВП, которые являются абстрактными критериями, имеющими очень мало общего как с мощью нации, так и ее возможностями внять в мире;

– национальная мощь и государственная становятся все более и более различимыми, а роль государства, как института нации, возрастает, но государство не может и не должно ассоциироваться с нацией;

– понимать, что мощь нации и государства – понятия **относительные**. В данном случае, относительно других наций и государств. Так, растущая экстенсивная мощь России, которая может войти даже в пятерку мировых лидеров по ВВП, в реальности стагнирует, если ее оценивать по уровню НЧП, а тем более его реализации в НЧК. ИРЧП, другие индексы, показатели и критерии свидетельствуют о том, что Россия в реальности **находится на 65-ом – 85-ом месте в мире**.

Измерить НЧП, как уже говорилось, можно количественными методами. Но даже если апеллировать к упрощенному показателю – ИРЧП, – те и здесь многое ясно: Россия по этому индексу в 2010 году занимала 65-е место. Для сравнения необходимо посмотреть на другие государства, чьи ИРЧП оценивались ПРООН в 2010 году. Их ИРЧП и является реальным критерием, который свидетельствует о степени развития нации. Как видно, Россия находится на 65-ом месте, уступая, например, не только Литве, но и Малайзии.

Указатель стран (в алфавитном порядке) и рейтинг по ИРЧП, 2010 г.¹

Австралия	2	Италия	23	Польша	41
Австрия	25	Йемен	133	Португалия	40
Азербайджан	67	Кабо-Верде	118	Российская Федерация	65
Албания	64	Казахстан	66	Руанда	152
Алжир	84	Камбоджа	124	Румыния	50
Ангола	146	Камерун	131	Сальвадор	90

¹ Доклад о развитии человека 2010. 20-е юбилейное издание. Реальное богатство народов: пути к развитию человека. Опубликовано для ПРООН, Изд-во «Весь мир», 2010 г. (Статистическое приложение), с. 142.

Андорра	30	Канада	8	Сан-Томе и Принсипи	127
Аргентина	46	Катар	38	Саудовская Аравия	55
Армения	76	Кения	128	Свазиленд	121
Афганистан	155	Кипр	35	Сенегал	144
Багамские острова	43	Китай	89	Сербия	60
Бангладеш	129	Колумбия	79	Сингапур	27
Барбадос	42	Коморские острова	140	Сирийская Арабская Республика	111
Бахрейн	39	Конго	126	Словакия	31
Беларусь	61	Конго (Демократическая Республика)	168	Словения	29
Белиз	78	Корея (Республика)	12	Соединенное Королевство	26
Бельгия	18	Коста-Рика	62	Соединенные Штаты Америки	4
Бенин	134	Кот-д'Ивуар	149	Соломоновы Острова	123
Болгария	58	Кувейт	47	Судан	154
Боливия (Многонациональное государство)	95	Кыргызстан	109	Суринам	94
Босния и Герцеговина	68	Лаосская Народно-Демократическая Республика	122	Сьерра-Леоне	158
Ботсвана	98	Латвия	48	Таджикистан	112
Бразилия	73	Лесото	141	Таиланд	92
Бруней Даруссалам	37	Либерия	162	Танзания (Объединенная Республика)	148
Буркина-Фасо	161	Ливийская Арабская Джамахирия	53	Тимор-Лешти	120
Бурунди	166	Литва	44	Того	139
Бывшая Югославская Республика Македония	71	Лихтенштейн	6	Тонга	85
Венгрия	36	Люксембург	24	Тринидад и Тобаго	59
Венесуэла (Боливарианская Республика)	75	Маврикий	72	Тунис	81
Вьетнам	113	Мавритания	136	Туркменистан	87
Габон	93	Мадагаскар	135	Турция	83
Гаити	145	Малави	153	Уганда	143
Гайана	104	Малайзия	57	Узбекистан	102

Гамбия	151	Мали	160	Украина	69
--------	-----	------	-----	---------	----

Продолжение таблицы

Гана	130	Мальдивские Острова	107	Уругвай	52
Гватемала	116	Мальта	33	Фиджи	86
Гвинея	156	Марокко	114	Филиппины	97
Гвинея-Бисау	164	Мексика	56	Финляндия	16
Германия	10	Микронезия (Федеративные Штаты)	103	Франция	14
Гондурас	106	Мозамбик	165	Хорватия	51
Гонконг, Китай (САР)	21	Молдова (Республика)	99	Центральноафриканская Республика	159
Греция	22	Монголия	100	Чад	163
Грузия	74	Мьянма	132	Черногория	49
Дания	19	Намибия	105	Чешская Республика	28
Джибути	147	Непал	138	Чили	45
Доминиканская Республика	88	Нигер	167	Швейцария	13
Египет	101	Нигерия	142	Швеция	9
Замбия	150	Нидерланды	7	Шри-Ланка	91
Зимбабве	169	Никарагуа	115	Эквадор	77
Израиль	15	Новая Зеландия	3	Экваториальная Гвинея	117
Индия	119	Норвегия	1	Эстония	34
Индонезия	108	Объединенные Арабские Эмираты	32	Эфиопия	157
Иордания	82	Пакистан	125	ЮАР	110
Иран (Исламская Республика)	70	Панама	54	Ямайка	80
Ирландия	5	Папуа – Новая Гвинея	137	Япония	11
Исландия	17	Парагвай	96		
Испания	20	Перу	63		

В этой связи возникает естественный вопрос: почему правящая советская и российская элита с момента создания первого ИРЧП (в 1990 г.) не взяла в качестве цели развития экономики и общества стремление повысить место СССР–России в этом индексе? Почему все последние годы реальные критерии развития, в т.ч. ИРЧП, игнорировались правящими элитами? Почему вместо них ставились ложные цели – «перестройка», «демократизация», «приватизация» и т.д.

Наконец, а не пора ли эту цель сформулировать в качестве стратегической цели развития нации, включая сюда и относительно-тактический компонент – модернизацию. Кстати, модернизацию **чего?** Если только машин и оборудования, т.е. технологическое переоснащение, то это будет означать опять игнорирование главной цели – опережающего развития НЧП. Что именно сегодня, и происходит, когда недофинансируется культура, образование, наука и НИОКР. Например, на 2011 год, как минимум, в 2 раза!

Не трудно увидеть по каким именно критериям (компонентам в терминологии ПРООН) ИРЧП Россия опережает, а по каким отстает от других стран. Причем на протяжении опять же последних 20 лет. Эти критерии (компоненты) также известны. Как и место России в отдельности по каждому из них. Это видно в специальной таблице ИРЧП, представляющей его компоненты¹.

Индекс развития человеческого потенциала и его компоненты

	Индекс развития человеческого потенциала	Ожидаемая продолжительность жизни при рождении	Средняя продолжительность обучения	Ожидаемая продолжительность обучения	Валовой национальный доход (ВНД) на душу населения	ВНД на душу населения минус рейтинг по ИРЧП	Значение ИРЧП, не связанное с доходом
Рейтинг страны по ИРЧП		(лет)	(лет)	(лет)	(ППС в долл. США 2008 г.)		
	2010	2010	2010	2010	2010	2010	2010
Страны с очень высоким уровнем РЧП	0,878	80,3	11,3	15,9	37 225	–	0,902
Страны с высоким уровнем РЧП	0,717	72,6	8,3	13,8	12 286	–	0,749
Страны со средним уровнем РЧП	0,592	69,3	6,3	11,0	5 134	–	0,634
Страны с низким уровнем РЧП	0,393	56,0	4,1	8,2	1 490	–	0,445

¹ Доклад о развитии человека 2010. 20-е юбилейное издание. Реальное богатство народов: пути к развитию человека. Опубликовано для ПРООН, Изд-во «Весь мир», 2010 г. (Статистическое приложение), с. 143–146.

Наименее развитые страны	0,386	57,7	3,7	8,0	1 393	–	0,441
Весь мир	0,624	69,3	7,4	12,3	10 631	–	0,663

Как видно, в 2010 году Россию опережали такие страны, как Албания, Перу, Коста-Рика, Панама, Уругвай и т.д. И видно, кстати, из-за каких показателей. В основном из-за ожидаемой продолжительности жизни. Как правило, нас опережают на 8–12 лет.

Но не только. Средняя продолжительность обучения в Албании, например, составляет 10,4 года, а в России – 8,8лет (ниже только у арабских государств).

	Индекс развития человеческого потенциала	Ожидаемая продолжительность жизни при рождении	Средняя продолжительность обучения	Ожидаемая продолжительность обучения	Валовой национальный доход (ВНД) на душу населения	ВНД на душу населения минус рейтинг по ИРЧП	Значение ИРЧП, не связанное с доходом	
Рейтинг страны по ИРЧП		(лет)	(лет)	(лет)	(ППС в долл. США 2008 г.)			
	2010	2010	2010	2010	2010	2010	2010	
СТРАНЫ С ОЧЕНЬ ВЫСОКИМ УРОВНЕМ РАЗВИТИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА								
1	Норвегия	0938	810	126	173	58 810	2	0954
2	Австралия	0937	819	120	205	38 692	11	0989
3	Новая Зеландия	0907	806	125	197	25 438	30	0979
4	США	0902	796	124	157	47 094	5	0917
5	Ирландия	0895	803	116	179	33 078	20	0936
6	Лихтенштейн	0891	796	103	148	81 011	-5	0861
7	Нидерланды	0890	803	112	167	40 658	4	0911
8	Канада	0888	810	115	160	38 668	6	0913
9	Швеция	0885	813	116	156	36 936	8	0911
10	Германия	0885	802	122	156	35 308	9	0915
11	Япония	0884	832	115	151	34 692	11	0915
12	Корея, Республика	0877	798	116	168	29 518	16	0918
13	Швейцария	0874	822	103	155	39 849	-1	0889
14	Франция	0872	816	104	161	34 341	9	0898
15	Израиль	0872	812	119	156	27 831	14	0916

16	Финляндия	0871	801	103	171	33 872	8	0897
17	Исландия	0869	821	104	182	22 917	20	0928
18	Бельгия	0867	803	106	159	34 873	3	0888
19	Дания	0866	787	103	169	36 404	-1	0883
20	Испания	0863	813	104	164	29 661	6	0897
21	Гонконг, Китай (САР)	0862	825	100	138	45 090	-11	0860
22	Греция	0855	797	105	165	27 580	8	0890
23	Италия	0854	814	97	163	29 619	4	0882
24	Люксембург	0852	799	101	133	51 109	-18	0836
25	Австрия	0851	804	98	150	37 056	-9	0859
26	Соединенное Королевство	0849	798	95	159	35 087	-6	0860
27	Сингапур	0846	807	88	144h	48 893	-19	0831
28	Чешская Республика	0841	769	123	152	22 678	10	0886
29	Словения	0828	788	90	167	25 857	3	0853
30	Андорра	0824	808c	1041	115	38 056	-15	0817
31	Словакия	0818	751	116	149	21 658	12	0854
32	Объединенные Араб. Эмираты	0815	777	92	115	58 006	-28	0774
33	Мальта	0815	800	99	144	21 004	11	0850
34	Эстония	0812	737	120	158	17 168	13	0864
35	Кипр	0810	800	99	138	21 962	6	0840
36	Венгрия	0805	739	117	153	17 472	10	0851
37	Бруней Даруссалам	0805	774	75	140	49 915	-30	0769
38	Катар	0803	760	73	127	79 426	-36	0737
39	Бахрейн	0801	760	94	143	26 664	-8	0809
40	Португалия	0795	791	80	155	22 105	0	0815
41	Польша	0795	760	100	152	17 803	4	0834
42	Барбадос	0788	777	93	134	21 673	0	0806
СТРАНЫ С ВЫСОКИМ УРОВНЕМ РАЗВИТИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА								
43	Багамские Острова	0784	744	111	116	25 201	-9	0788
44	Литва	0783	721	10 9	160	14 824	7	0832
45	Чили	0783	788	9 7	145	13 561	11	0840
46	Аргентина	0775	757	9 3	155	14 603	6	0821

		Индекс развития человеческого потенциала	Ожидаемая продолжительность жизни при рождении	Средняя продолжительность обучения	Ожидаемая продолжительность обучения	Валовой национальный доход (ВНД) на душу населения	ВНД на душу населения минус рейтинг по ИРЧП	Значение ИРЧП, не связанное с доходом
Рейтинг страны по ИРЧП			(лет)	(лет)	(лет)	(ППС в долл. США 2008 г.)		
		2010	2010	2010	2010	2010	2010	2010
47	Кувейт	0,771	77,9	6,1	12,5	55 719	-42	0,714
48	Латвия	0,769	73,0	10,4	15,4	12 944	13	0,822
49	Черногория	0,769	74,6	10,6	14,4	12 491	16	0,825
50	Румыния	0,767	73,2	10,6	14,8	12 844	13	0,820
51	Хорватия	0,767	76,7	9,0	13,8	16 389	-2	0,798
52	Уругвай	0,765	76,7	8,4	15,7	13 808	3	0,810
53	Ливийская Араб. Джамахирия	0,755	74,5	7,3	16,5	17 068	-5	0,775
54	Панама	0,755	76,0	9,4	13,5	13 347	4	0,796
55	Саудовская Аравия	0,752	73,3	7,8	13,5	24 726	-20	0,742
56	Мексика	0,750	76,7	8,7	13,4	13 971	-3	0,785
57	Малайзия	0,744	74,7	9,5	12,5	13 927	-3	0,775
58	Болгария	0,743	73,7	9,9	13,7	11 139	10	0,795
59	Тринидад и Тобаго	0,736	69,9	9,2	11,4	24 233	-23	0,719
60	Сербия	0,735	74,4	9,5	13,5	10 449	11	0,788
61	Беларусь	0,732	69,6	9,3	14,6	12 926	1	0,763
62	Коста-Рика	0,725	79,1	8,3	11,7	10 870	7	0,768
63	Перу	0,723	73,7	9,6	13,8	8 424	14	0,788
64	Албания	0,719	76,9	10,4	11,3	7 976	19	0,787
65	Российская Федерация	0,719	67,2	8,8	14,1	15 258	-15	0,729
66	Казахстан	0,714	65,4	10,3	15,1	10 234	6	0,756
67	Азербайджан	0,713	70,8	10,2	13,0	8 747	8	0,769
68	Босния и Герцеговина	0,710	75,5	8,7	13,0	8 222	12	0,771
69	Украина	0,710	68,6	11,3	14,6	6 535	20	0,794
70	Иран (Исламская Республика)	0,702	71,9	7,2	14,0	11 764	-3	0,725
71	Бывшая Югославская Респ. Македония	0,701	74,5	8,2	12,3	9 487	3	0,742

На мой взгляд, удивительно, что при разработке стратегии развития (если, уж, ее действительно кто-то хотел разрабатывать) не была положена простая и понятная схема: главная цель перемещение России по ИРЧП выше по списку стран (хотя бы в число стран, входящих в группу «с очень высоким уровнем развития человеческого потенциала»), имея в виду, что стратегическая сверхзадача войти не в пятерку мировых лидеров по ВВП, а в пятерку мировых лидеров по ИРЧП. Таким образом ясна **долгосрочная цель**.

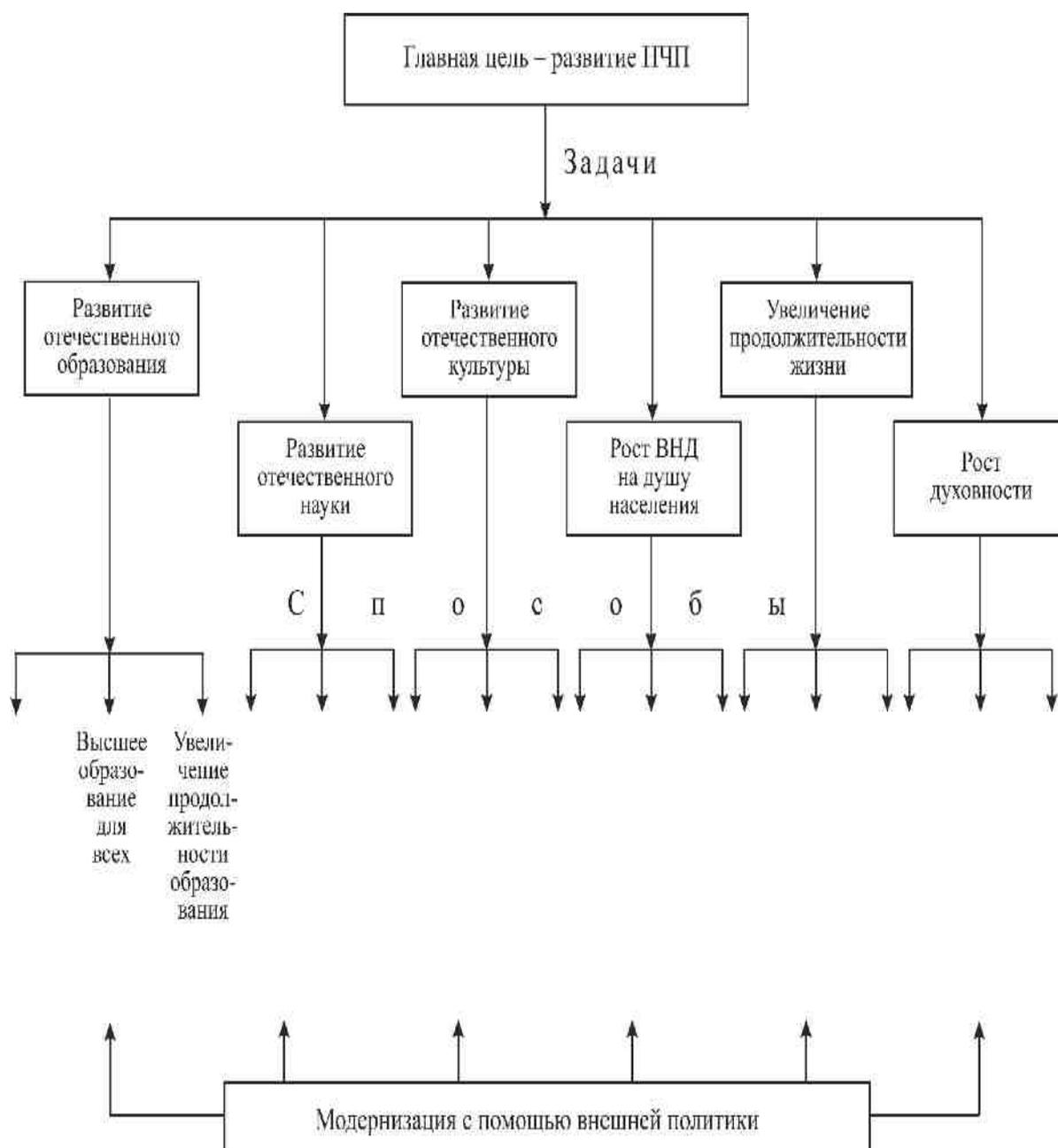
Другой аспект – стратегия. Здесь тоже можно было бы пойти по упрощенной схеме: если известно из чего складывается ИРЧП, то и развивать свои усилия, включая политические, финансовые и усилия, включая политические, финансовые и др., нужно в этих направлениях. То есть, развивать компоненты ИРЧП, а именно:

- ожидаемую продолжительность жизни при рождении;
- среднюю продолжительность обучения;
- валовой национальный доход на душу населения (а по ВВП страны).

К этим компонентам я бы добавил ряд других, которые я включаю в понятие НЧП, а именно:

- культуру;
- духовность;
- отечественную науку.

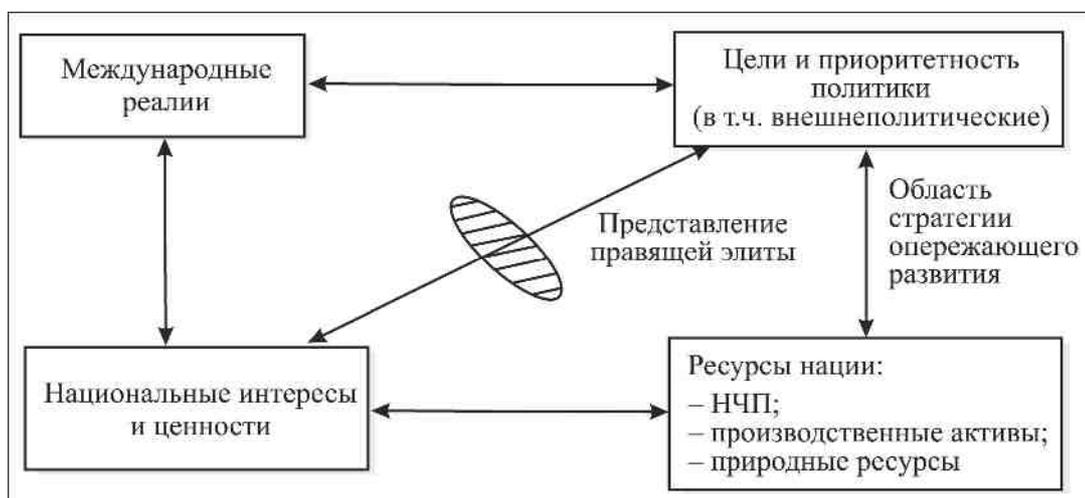
Из этой стратегии развития страны становится понятной и роль внешней политики. Не абстрактная («создание условий») и не надуманная («модернизация»), а реальная: **создание дополнительных благоприятных возможностей для развития НЧП и его компонентов** – национального образования, культуры, науки, душевого дохода и увеличения продолжительности жизни. На схеме внешней политики, этом можно было бы изобразить следующим образом.

Не вдаваясь в детали стратегии, можно лишь сказать, что внешнеполитическая стратегия относится к способам решения основных задач, а модернизация – является одним из способов. И, уж, никак не целью, а тем более самоцелью внешней политики.

У нас же в 2008–2010 годах все оказалось перевернутым с ног на голову: модернизация (как один из способов развития НЧП) стала самоцелью. Это произошло из-за отсутствия внятной и общепризнанной системы взглядов у российской элиты. То есть идеологии.

Если мы обратимся в очередной раз к принципиальной схеме идеологии, то эту «внешнеполитическую область» стратегии нетрудно выделить. Она будет носить, очевидно, подчиненную, а не самостоятельный характер.

Из этого рисунка видно, что:

– **модернизация**, в т.ч. внешнеполитическая, это наиболее эффективное использование и развитие национальных ресурсов (прежде всего НЧП, производственных активов, природных ресурсов) в политических целях;

– на формирование целей развития по-прежнему оказывают главное влияние **национальные интересы**. В качестве главного, как уж говорилось, выступает НЧП. Поэтому внешняя политика, сотрудничество с развитыми государствами, **не могут** стать определяющими в политике модернизации, а тем более противопоставляться им;

– **модернизация** – процесс, а не внешнеполитическая цель, тем более не самоцель. Это средство, которое может быть более эффективно, если для этого использовать активную внешнюю политику;

– главной целью, в т.ч. внешнеполитической, развитие становится НЧП¹.

Стремление России максимально использовать внешние факторы в интересах модернизации особенно проявилось в 2009–2010 годы после

¹ Я не однократно писал об этом в 1990–2000-е годы, например: *А.Подберезкин, М.Карпенко / XXI век: стратегия для России. М., 2009 г.*

установочного выступления Д.Медведева перед послами и представителями России в МИДе летом 2010 года. Причем в целом ряде стран, например, в Китае, где уже многие годы внешняя политика была ориентирована на приоритетную задачу – модернизации страны, – как естественное, нормальное и правильное стремление воспользоваться преимуществами глобализации и международного сотрудничества.

С одной, весьма существенной, оговоркой. В Китае, да и в ряде других стран, где очень чутко следят за изменениями в концептуальных основах внешней политики России, были очевидно обеспокоены возможным «разменом» выгод модернизации, полученных от США Евросоюза, на изменение позиции нашей страны по вопросам безопасности. В частности, возможной ускоренной интеграцией России в военно-политическую структуру Евросоюза и НАТО. Подобный «обмен», надо сказать, откровенно предлагался рядом либеральных политиков летом–осенью 2010 года, хотя, естественно, на уровне реальной политики он не имел серьезной перспективы.

Интересно, что примерно в это же время в Китае обсуждались решения 5–го пленума КПК, которые содержательно удивительно полно совпадали с поставками основных проблем развития России, а, главное, как заявил мне в ноябре 2010 года Президент китайского института международных отношений Ку Хинг, «Китайской элите и обществу нужна научно-обоснованная концепция развития, а также модель экономического развития применительно к новым условиям существования Китая». Среди основных положений этой новой концепции развития китайские эксперты подчеркивали (в приоритетном порядке) следующие:

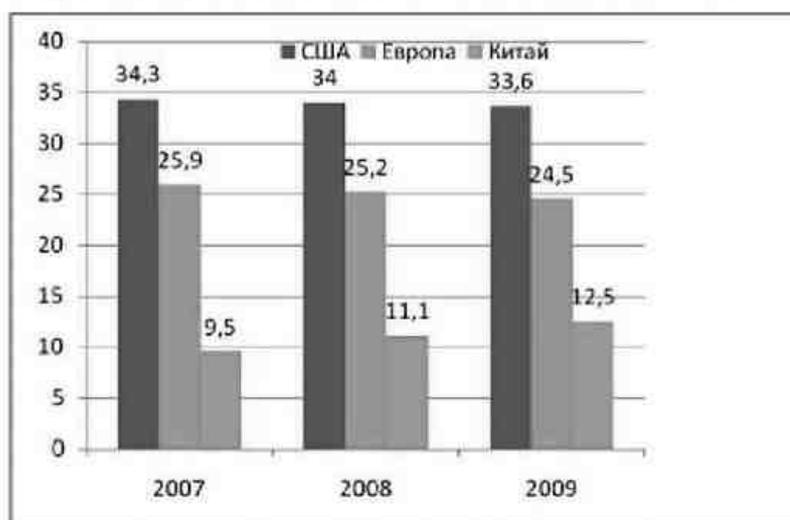
- необходимость роста внутреннего потребления как главного стимула развития экономики и уменьшения зависимости от внешних рынков, проявившегося в период кризиса 2008–2010 годов (Подчеркну, что рост экономики в этот период составил 9,8% ВВП);
- ликвидацию нарастающих социальных противоречий и диспропорций в китайском обществе;
- увеличение инвестиций в образование, науку, здравоохранение и другие области человеческого потенциала;
- совершенствование качества государственного управления;

– ускорение модернизации и внедрение наукоемких технологий как ответ на рост издержек на инновации.

Как видно, в Китае и России осенью 2010 года стояли примерно аналогичные проблемы развития и модернизации, что объясняется приблизительно равным уровнем развития НЧП этих стран.

Разница между Россией и Китаем, причем разница принципиальная, заключалась в том, что в Китае разрабатывали **свою** концепцию модернизации, а в России пытались по-прежнему использовать западную. Причем эта «своя» концепция оказалась очень удачной, а не просто оригинальной. Так, учение ИМЭМО РАН уже в 2009 году признали, что «Перспективы глобального технологического развития все больше формируются в быстрорастущих странах Азии, лидером которой как по масштабам, так и по динамике в настоящее время является Китай. Одним из важнейших проявлений этой тенденции является быстрое наращивание Китаем ресурсов для развития сферы научных исследований, а также бурный рост численности научно-инженерных кадров. Ожидается, что удельный вес Китая в мировых расходах на ИР возрастет с 9,5% в 2007 г. до 12,5% в 2009 г. (см. рис.). Соответственно, уменьшатся доли США, Японии и стран ЕС. Более того, в **2009–2010 гг. азиатские страны (включая Японию) в сумме превзойдут американский показатель затрат на исследования и разработки.** Кроме того, сохранение позитивной динамики экономического роста в Китае и Индии создаст дополнительные стимулы для активизации инновационных процессов в мире, а также существенно укрепит позиции стран Азии в глобальной инновационной сфере. Таким образом, в 2010 г. центр тяжести глобального развития научных исследований впервые в послевоенной истории может переместиться из Америки в Азию.

Доля США, ЕС и Китая в глобальных расходах на ИР, %

Источник: Research Magazine, 2008. December 12.

Китай объявил и реализует всеми доступными средствами амбициозные долгосрочные планы превращения страны в инновационное общество, которые в 2009 г. были подкреплены чрезвычайными антикризисными мероприятиями. В середине мая Госсовет принял решение выделить дополнительные средства на ИР – около 5 млрд. долл. Обосновывая это решение, премьер Госсовета КНР Вэнь Цзябао заявил, что инновации должны способствовать китайским компаниям в конкурентной борьбе за мировые рынки, и что Китай должен играть лидирующую роль в развитии инноваций»¹.

¹ Росси и мир: 2010. Экономика и внешняя политика. Ежегодный прогноз. М., ИМЭМО, 2009 г., с. 29–30.

2.2.3. Новая идеология как условие модернизации

«Идеология необходимой России модернизации не должна быть «пристегнутой» к одному или другому человеку, каким бы способным ни был такой политический лидер»¹.

Е.Примаков

«Из десяти политических решений, которые должен принять человек, на каком бы месте он ни находился, девять будут ему всегда предписаны обстоятельствами. И чем выше его пост, тем ограниченнее его свобода выбора».

Лион Фейхтвангер

Действительно, тот или иной политический лидер может выступить знаменем, брендом модернизационной программы, но никак не ее содержанием. Ее содержание принадлежит нации, точнее, – элите, к которой я отношу и наиболее креативные социальные группы всего общества. В этом случае модернизационная программа становится **общенациональной**, а не произведением «властной вертикали» или творчеством узкой группы лиц. Тем более, если эти лица, как и правящая элита, не пользуются авторитетом. Тем более, когда их субъективные решения год за годом доказывают их непрофессионализм и неспособность к достижению общенациональных целей.

Новая идеология, включающая и концепцию модернизации, должна **заменить субъективизм чиновников системой взглядов**, которую разделяет общество и элита. Эта система способна выступить тем элементом управления, которой сегодня фактически отсутствует, когда власть год за годом демонстрирует свою неэффективность и неспособность достигать результатов.

Мы не предлагаем себе и миру **что-то качественно новое**, а значит мы **даже не претендуем на идеологическое лидерство**, без которого не может быть лидерства вообще, в т.ч. в реальной модернизации. Ведь мировой опыт показывает, что лидерами в мире являются страны, которые опережают другие государства не только по темпам роста ВВП, но которые являются прежде всего **мировыми лидерами в идеологии**², т.е. выдвигают **наиболее привлекательные идеи, ценности и**

¹ *Е.Примаков*. Достижения не должны заслонять проблемы. Российская газета, 14 января 2011 г., с. 6.

² Идеология – зд. система устоявшихся взглядов доминирующей части элиты и общества, в которых отражаются интересы и ценности, цели, а также основные реалии. Идеология – как упрощенное представление о действительности элиты – предлагает идеологемы и систему управления обществом и государством.

инновации. Эти же страны являются, как правило лидерами в области технологий и могут предложить свои проекты модернизации.

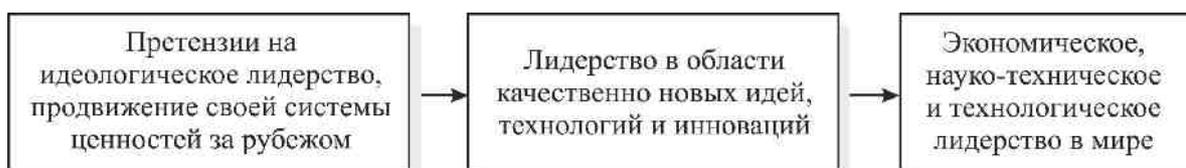
Именно такими лидерами на протяжении многих десятилетий являются Соединенные Штаты, которые ставят эффективность своей стратегии развития и безопасности в прямую зависимость от своего идеологического лидерства. Причем речь идет прежде всего о системе ценностей, т.е. базовых положений идеологической системы США. Даже если такая идеологическая система официально не признается в качестве таковой. В своем предисловии к «Стратегии национальной безопасности» США в 2010 году президент Б.Обама откровенно декларировал: «В то время, когда мы боремся со стоящими перед нами проблемами, мы должны видеть горизонт, находящийся за ними – мир, в котором Америка будет сильнее, безопаснее и способна к преодолению вызовов, **одновременно отвечая ожиданиям всех людей на планете.** Для достижения этого мы должны реализовать стратегию **национального обновления и глобального лидерства**, стратегию, которая восстановит основы американского могущества и влияния»¹. «Глобальное лидерство», «отвечающее желаниям всех людей на планете», – недвусмысленная претензия на глобальное идеологическое лидерство. Причем – важно подчеркнуть – официально признаваемое на высшем политическом уровне. США не только не скрывают своих амбиций. Они подчеркивают их идеологическое значение.

Это положение становится особенно актуальным в связи с идеологическим кризисом либерализма в мире, который во многом был усилен наступившим экономическим кризисом 2008–2010 годов в развитых странах: США отнюдь не отказываются от идеологического лидерства, пытаясь адаптировать свои амбиции к меняющимся условиям. В США прекрасно понимают необходимость изменений. Они также не могут игнорировать очевидные кризисы явления в идеологии. Примером остроты этого кризиса стал соцопрос, проведенный летом 2010 года в Германии, когда более 80% опрошенных высказались против капитализма и его ценностей. Как справедливо заметил Министр иностранных дел России С.В.Лавров, выступая 1 сентября 2010 года в МГИМО(У), «Сегодня весь мир находится на переломном этапе своей

¹ National Security Strategy. Wash.: May 2010, p. 1.

эволюции. Либеральный капитализм прошел по кругу за последние 300 лет и уперся в те же ограничители, прежде всего нравственно-мотивационного порядка, которые были составной частью его «родовых мук». Это во многом уравнивает всех перед лицом общего модернизационного вызова...»¹.

Подчеркну, что идеологический кризис либерализма **не вынуждает отказываться США от претензий** на идеологическое лидерство. Наоборот, этот кризис **стимулирует** их к поиску новых идеологических решений, предложению своих ценностей в новой редакции. «Смена упаковки» не отражается, естественно, на содержании американских ценностей или на стремление уступить свое идеологическое лидерство. Таким образом можно зафиксировать ясную взаимосвязь между идеологией и модернизацией в США.

Как видно из рисунка, модернизация и инновации являются **следствием идеологического** (в т.ч. концептуального) лидерства. Это предполагает, что простое заимствование инноваций и идей **не может** стать основой для технологического лидерства, так как «выпадает» главный, концептуальный (ценностной) элемент идеологической системы.

Это же означает, что если в России начинают с разработки «стратегии модернизации» или «стратегии инноваций», вырывая ее из общего концептуального, идеологического контекста, то подобная искусственная конструкция очевидно «провисает», во-первых, не являясь логическим продолжением идеологической концепции и, во-вторых, не находя практического внедрения в экономику страны. Сегодня эти недостатки регулируются частными решениями на высшем уровне, фактически на «ручном управлении» или на частных примерах (Сколково, например).

¹ Стенограмма выступления Министра иностранных дел России С.В.Лаврова в МГИМО(У) МИД России, 1 сентября 2010 года / МИД России, 1 сентября 2010 г. / <http://www.nid.ru/brp>.

Понятно, что требуется переосмысление развития ситуации в мире. Причем совместно, рядом государств и их элит. Но это-то и является самым трудным: поиск идеологического, ценностного компромисса гораздо тяжелее поиска совместных частных решений. Необходимость такого поиска российской стороной признал С.В.Лавров (что отнюдь не означает, что его точку зрения разделяет, например, американская сторона): «О реальной повестке дня в Евро-Атлантике, к примеру, говорят дискуссии по поводу т.н. конца прогресса, то есть по таким вопросам, как поиск путей сохранения достигнутого в Европе уровня жизни, приведение потребностей человечества в соответствие с возможностями ресурсной базы планеты, сопряжение стратегий национального развития с необходимостью обеспечения развития в глобальном масштабе. По сути, идет переосмысление самого понятия прогресса»¹. «Переосмысление прогресса» действительно происходит во многих государствах. Понимание необходимости экологичных, ресурсосберегающих технологий неизбежно ведет к пониманию необходимости модернизации. Причем не только с экономической и технологической, но и социальной. Можно сказать, что началась конкуренция между государствами за лучшую модель модернизации.

Другими словами речь идет о том, в мире назрела необходимость (но пока не происходит) системная переоценка ценностей, отказ от прежних идей и концепций, объединенных в идеологии либерализма. В США и России это фактически признается. Но выводы из этого пока не делаются. Для России это означает, например, что просто скопировать чужой, а тем более казавшийся удачным, опыт, в основе которого лежат либеральные идеи, не удастся, что модернизировать предстоит не только всю экономику, **но и все общество и, наверняка, государство**. Это, в свою очередь означает, что **нужна идеология такой модернизации как система** взглядов элиты (а не отдельный набор часто противоречивых идей) на цели, приоритеты развития, национальные ресурсы и эффективность их использования, а также адекватную оценку (или переоценку) мировых и внутривосточных реалий. Такая идеология

¹ Стенограмма выступления Министра иностранных дел России С.В.Лаврова в МГИМО(У) МИД России, 1 сентября 2010 года / МИД России, 1 сентября 2010 г. / <http://www.mid.ru/brp>.

модернизации может быть только частью идеологии. Наконец, как **часть** идеологии, нужна **общенациональная стратегия**, которая, но может быть сведена, например, только к социально-экономической стратегии, но представляет собой науку и искусство достижения поставленных целей при отсутствии достаточных ресурсов (а ресурсов, как известно, никогда не бывает достаточно).

По сути дела выдвинутая Д.Медведевым идея модернизации предназначалась для компенсации растущих требований общества к элите о внятной идеологии, проявившемся, например, в дискуссии вокруг выдвинутого Н.Михалковым в октябре 2010 года манифеста «просвещенного консерватизма». Н.Михалков почувствовал быстрее других политическую конъюнктуру публичного прощания с либерализмом и необходимостью общенациональной идеологии, идеологии, которая не только отвечала бы на вызовы модернизации, но и стала бы реальным инструментом управления. В том числе и управления модернизацией.

Надо сказать, что именно в этом своем качестве – способа управления – потребность в идеологии к 2010 году стала особенно острой. То, что большинство деклараций и программ оставались лишь заявлениями, более или менее удачными, – к этому уже даже привыкли. Даже те, кто делал такие заявления. Не только В.Путин и Д.Медведев, но и руководители меньшего ранга уже перестали реагировать на неисполнительность, пытаясь лишь в исключительных случаях довести дело до конца. Но когда дело касалось внешней политики, обязательств, взятых на государственном уровне, то их неисполнение (о котором другая сторона не забывала напомнить) вело «к потере лица» руководителей. Для «внешнего потребления» нужна была, кроме того, **внятная позиция по модернизации**, которая характеризовала бы внешнеполитический курс страны, позиционировала бы самого президента.

Другими словами, по разным причинам потребность в идеологии – как стратегии развития, как инструмента управления, как внешнеполитического позиционирования – к 2010 году стала не просто актуальной, а **неизбежной**. И в качестве такой идеологии была предложена модернизация. Не очень углубляясь в суть, не раскрывая содержания этого определения, а тем более стратегии, модернизация

быстро превратилась в политическую самоцель и самоценность. В этом смысле Россия была ничуть не лучше и не хуже Китая и других стран, сделавших модернизацию целью и стратегией, превратив ее из процесса создания качественно новых идей, товаров и услуг **в политический процесс и самоцель**.

Конечно же попытка подмены объективной необходимости в идеологии модернизацией окажется неизбежно неудачной. В очередной раз попытаются решить частные, тактические задачи, не определились с общими. Не веря в идеологию, не понимая ее необходимости, верхняя часть элиты в очередной раз прибегнул к «прагматизму».

К сожалению, в России продолжается болезнь, связанная со страхами реанимации доминирующей партийной идеологии, когда во второй половине 80-х годов А.Н.Яковлевым был провозглашён курс на «деидеологизацию» идеологии. Эта ошибка так и не была позже никем исправлена. Хуже элита оказалась не способной выйти на уровень больших обобщений и сделать идеологию своим инструментом управления. Действительно, а кто же конкретно принимает стратегические решения? Неужели это только президент или премьер? У нас ведь нет в реальности такого органа, как в СССР, который принимал бы стратегические решения. В Китае – понятно, США – тоже, а кто в России? Где орган стратегического планирования? Сегодня некоторые политологи и журналисты даже апеллируют к Конституции России, запрещающей государственную идеологию. (Чувствуют, по-видимому, куда идет дело). Речь идет о Статье 13 (1) Конституции Российской Федерации, где говорится: «В Российской Федерации признается идеологическое многообразие», и (2), где констатируется, что «Никакая идеология не может устанавливаться в качестве государственной или обязательной»¹.

Но, **во-первых**, речь не идет о «государственной» идеологии, а, тем более, «обязательной». Нет идет речь и о запрете иных идеологий. Я имею в виду доминирующую (общенациональную) идеологию правящей элиты и общества, где существует система взглядов на общие ценности,

¹ Конституция Российской Федерации. Раздел первый. Основные положения. Глава I. Основы конституционного строя / <http://www.constitution.ru/10003000/10003000-3.htm>.

интересы, цели и способы развития, допускающая многовариантные толкования, в т.ч. заложенные в Конституции России, ее федеральных законах, традициях и нынешних объективных потребностях.

Во-вторых, такая общенациональная идеология не может быть «обязательной» или «устанавливаться в качестве «государственной», т.е. монополией государственных институтов. Но она может и должна быть доминирующей хотя бы потому, что победившая на выборах партия обязана иметь свою идеологию. Такая идеология может и должна быть идеологией правящей элиты, основой для ее стратегии управления и развития государства.

В-третьих, опыт управления (в т.ч. российский), показывает что корпорация, отрасль, предприятие, СМИ имеют **свои идеологии** развития в качестве инструмента управления. Более того идеология сегодня рассматривается в качестве обязательного атрибута повышения эффективности управления. И самые либеральные СМИ, и частные корпорации, как оказывается, очень четко (а иногда даже жестко) придерживаются этой идеологии.

В-четвертых, «отказываясь» от идеологии, элита на самом деле просто дает возможность **чужой идеологии**, формировать систему ценностей, цели и стратегии (часто ложные) развития страны. Что, собственно, мы и наблюдаем последние 20 лет.

Наконец, **в-пятых**, нельзя создать эффективную стратегию или долгосрочный план без идеологии. Они – ее частный случай. Так происходит, например, с нынешним «частным случаем» – программами модернизации и инноваций, которые **вне системы** общепринятых взглядов сплошь и рядом допускают разные толкования и даже крупные ошибки. Отсутствием идеологии, на мой взгляд, объясняется та низкая эффективность государственного управления, которое существовало в России все последние десятилетия, то, что большинство планов, концепций, стратегий и других решений оказались декларациями, не только плохо связанными между собой, но и не обязательными к выполнению. Любовь к «технологическим решениями» объясняет это: как только мы пытаемся выйти за рамки только технологий, мы сталкиваемся с нерешенными идеологическими вопросами, которые имеют большое практическое значение. Особенно это бросается в глаза

во внешней политике, где сложилась традиция воспринимать внешнеполитический курс государства как доктрину, стратегию или, как минимум, личностную концепцию. Хочет того её автор, либо нет. Вся история международных отношений является подтверждением этому: «доктрина Брежнева»,.. доктрина Никсона», доктрина Рейгана, наконец, Путина¹. Так, американские авторы справедливо подчеркивают, например, что «... строительство в России инновационной экономики, экономики знаний, должно стать непрерывным процессом, а не рассматриваться как цель ...»². Хотя именно это и происходит в России. Но тогда, что же формулируется в качестве цели? Тем более внешнеполитической? Пока что модернизация и инновации рассматриваются чаще как цель или даже самоцель, а не процесс. Но, если это так, то тогда для достижения **цели модернизации** второстепенное значение имеют другие внешнеполитические цели и даже национальные интересы. Остается одно: либо объявить, что модернизация стала главным национальным интересом, либо назвать ее тем, чем она и является – процессом, – но тогда неизбежно придется внятно сформулировать цель (в данном случае внешнеполитическую).

Здесь возникает множество практических коллизий.

Так, если модернизация – главная внешнеполитическая цель, то ради нее можно отказаться от второстепенных? Например, традиций, национальных интересов, ценностей, суверенитета и пр. понятий, лежащих в основе внешней политики?

Как ни странно, но, как показывает дискуссия 2009–2010 годов, – можно. Некоторые авторы, призывая вступить в НАТО на условиях этого союза (а других и не может быть), фактически призывают к отказу от суверенитета. Ограниченный суверенитет предлагает и членство в Евросоюзе, где после декабря 2009 года существуют наднациональные органы власти и управления. Есть и откровенные заявления о том, что модернизация «несовместима с традицией».

¹ **Доктрина** – зд. рассматривается как система официально принятых взглядов элиты на цели, средства и механизмы внешней политики, т.е. часть нормативно оформленной идеологии.

² Ярославский план 10-15-20: 10 лет пути, 15 шагов, 20 предостережений / The New York Academy of Science, August 20, 2010. p. iii.

Проблема формулирования целей внешней политики и модернизации – наименее проработанная сегодня. Она изначально «натывается» на нерешенные вопросы мировоззренческого и иного плана. Так, например, как увязывается с внешней политикой России и модернизацией такая важная цель как сохранение окружающей среды, имеющая не только внутривнутриполитическое, но и международное значение. Причем это значение стремительно возрастает и неизбежно увязывается как со стратегией модернизации (ресурсосбережением, в частности), так и международными обязательствами России. И не только по киотскому протоколу, но и множеству глобальных и региональных вопросов, имеющих все возрастающее политическое и общественное значение.

Так, кельтским университетом в 2010 году был составлен Индекс реализации программ по охране окружающей среды правительствами различных стран. Он включает 163 страны и 25 показателей и позволяет провести сравнения между 5 группами стран¹. Россия заняла 69-е место (третья группа). Примечательно, что в первой и второй группе находятся преимущественно страны, лидирующие также и в развитии человеческого потенциала, а российский индекс практически совпадает с ИРЧП. Это совпадение не случайно. Оно говорит в пользу того, что состояние окружающей среды и политика элиты в этой области являются новым важным критерием, который должен учитываться при оценке НЧК.

EPI SCORES	EPI SCORES	EPI SCORES	EPI SCORES	EPI SCORES
100–85	85–70	70–55	55–40	40–25
1 Iceland 93.5	5 Norway 81.1	26 Belize 69.9	100 Eritrea 54.6	154 Benin 39.6
2 Switzerland 89.1	6 Mauritius 80.6	27 Antigua and Barbuda 69.8	101 Swaziland 54.4	155 Haiti 39.5
3 Costa Rica 86.4	7 France 78.2	28 Singapore 69.6	102 Côte d'Ivoire 54.3	156 Mali 39.4
4 Sweden 86.0	8 Austria 78.1	29 Serbia and Montenegro 69.4	103 Trinidad and Tobago 54.2	157 Turkmenistan 38.4
	9 Cuba 78.1	30 Ecuador 69.3	104 Guatemala 54.0	158 Niger 37.6
	10 Colombia 76.8	31 Peru 69.3	105 Congo 54.0	159 Togo 36.4
	11 Malta 76.3	32 Denmark 69.2	106 Dem. Rep. Congo 51.6	160 Angola 36.3
	12 Finland 74.7	33 Hungary 69.1	107 Malawi 51.4	161 Mauritania 33.7

¹ Environmental Performance Index 2010: Country scores/ 07.09.2010 / URL: <http://epi.yale.edu/Countries>

13 Slovakia 74.5	34 El Salvador 69.1	108 Kenya 51.4	162 Central African Republic 33.3
14 United Kingdom 74.2	35 Croatia 68.7	109 Ghana 51.3	163 Sierra Leone 32.1
15 New Zealand 73.4	68 Egypt 62.0	110 Myanmar 51.3	
16 Chile 73.3	69 Russia 61.2	111 Tajikistan 51.3	
17 Germany 73.2	70 Argentina 61.0	112 Mozambique 51.2	
18 Italy 73.1		113 Kuwait 51.1	

Таким образом нерешенность мировоззренческих и идеологических задач становится серьезным препятствием для реализации планов модернизации. «Модернизация, «инновация» «опережающее развитие России», – термины, ставшие наиболее популярными в конце первого десятилетия XXI века, неизбежно натываются на известную излишнюю абстрактность, размытость и бессистемность. Насытить эти понятия конкретным содержанием – важнейшая задача, ведь как только мы начинаем рассуждать о модернизации, экономики (не говоря уже об обществе), мы немедленно выходим за рамки только технологических инноваций. Как справедливо отмечают американские эксперты, подготовившие в августе 2010 года доклад о модернизации, «... в России идет более общий процесс модернизации экономики и всего общества, что является главной задачей власти. Для этого важно добиться создания современных и прозрачных институтов, установить эффективную правовую систему, развить демократические процедуры»¹.

Отсутствие идеологии модернизации в качестве неизбежного следствия имеет непоследовательность, слабое целеполагание и стратегическое планирование, а, в конечном счете, – слишком большое количество невыполненных решений и тактических ошибок. На уровне общественного сознания это нередко выражается в восприятии действий власти как декларативных мер, отсутствии реальных результатов, «партийной пропаганды».

Вместе с тем, уже можно говорить о том, что идеи «модернизации» и «инноваций» стали не только модными терминами, и декларациями

¹ Ярославский план 10-15-20: 10 лет пути, 15 шагов, 20 предостережений / The New York Academy of Science, August 20, 2010. p. ii.

политического руководства страны. В 2007–2010 годы они были положены в основу реального политического курса Д.Медведева, который стал оформлять в 2007–2010 годы. Точнее – эти идеи попытались положить в основу реальной политики. Они же, эти идеи, стали предлогом острой идеологической дискуссии, суть которой, в конечном счете, сводится к тому, что ряд влиятельных сторонников модернизации, прежде всего из либерального лагеря, полагают, что ради неё необходимо «пожертвовать национальными интересами и ценностями», отказаться, в конечном счете, даже от многих атрибутов суверенитета.

Важнейший **идеологический вопрос** вызывающий острые споры сегодня, – роль государства в развитии современной экономики, общества и человека. Предпринятая во второй половине 80-х годов кампания «борьбы с этатизмом» привела не просто к ослаблению роли государства и развалу экономики, но и институтов, государства, которые не восстановлены полностью до сих пор. «Возвращение» государства, начатое при В.Путине, встречает жесточайшее сопротивление и стало предметом острой дискуссии в 2005–2010 годах, поводом для которой может послужит любой частный случай – глупость чиновника, реальная трагедия, либо ошибка власти.

Мне кажется, очень важно разделить реальную, экономически и политически оправданную, роль, которую должно играть современное государство в развитии нации, общества и экономики и те бюрократические и нравственные издержки, которые слишком часто становятся реалиями современной российской действительности.

Таким образом идеи модернизации стали (хотя того или нет) предметом идеологического спора в 2008–2010 годах внутри правящей элиты и общества. Вновь был поднят вопрос о роли государства, вообще, и в модернизации и внедрении инноваций, в частности. Так, в фундаментальном исследовании ученых МГИМО(У) один из авторов (И.В.Данилин, глава 27 «Инновационные циклы в политике России») пишет: «Важнейшим фактором научно-технологического развития передовых стран в XX веке стало формирование феномена Национальных инновационных систем (НИС). НИС представляет собой систему институтов, обеспечивающую постоянный процесс создания и

овеществления знаний и технологий и рост динамизма инновационных процессов – условия формирования и развития «экономики знаний». Определяющую, центральную роль в этой сложной системе **играет бизнес** (подч. *А.П.*). На его долю приходится основной объем НИОКР и большая часть коммерческих инноваций (сердце НИС). Иными словами, бизнес-процессы выполняют роль двигателя и движителя НИС. Однако особенностью НИС и залогом их эффективности является то, что они обеспечивают сложную и динамичную систему отношений между всеми основными акторами инновационного процесса: государством, наукой, бизнесом»¹.

На самом деле в реальности в России бизнес и вся банковская система финансируют инновации на доли процентов, а решающая роль и инициатива принадлежит государству. Как, впрочем, и в других развитых странах, наиболее преуспевших в научно-технологической области. Президент Д.Медведев, например, «с удивлением» узнал во время поездки в Калифорнию в 2010 году, о том, что даже в либеральных США более 50% инвестиций в фундаментальную науку и НИОКР идет от государства, либо от институтов, созданных государством. Так, что **вина за деградацию науки в России, как и за возможный будущий подъем, лежит прежде всего на государстве**, а, точнее, на проводимой правящей элитой в последние десятилетия политике. В конечном счете эта вина – следствие ложной либеральной идеологии, в соответствии с которой с конца 80-х годов XX века в СССР и России пытались доказать возможность и необходимость «самофинансирования» российской науки, приоритета в этой деятельности бизнеса или зарубежных институтов (доля которых, кстати, в общем объеме инвестиций в науку, образование и другие области человеческого капитала составляет в 2008–2010 годах несколько процентов от общего объема).

В этой связи вновь встает по сути идеологический вопрос о роли государства в модернизации, которую пытались свести к минимуму в последние десятилетия. Примечательно, что анализ инновационной политики США, сделанный нью-йоркской академией наук, показывает,

¹ *И.В.Данилин*. Инновационные циклы. В кн. Современная мировая политика. Прикладной анализ / Отв. ред. А.Д.Богатуров. М.: Аспект Пресс, 2009 г., с. 514.

что эта страна максимально использовала инструмент государства (как впрочем, и другие страны-лидеры) для быстрой модернизации¹:

Так, Соединённые Штаты предлагают как налоговый кредит, так и налоговые вычеты для покрытия издержек на научно-исследовательские цели. Большой размер поддержки предоставляется на научно-исследовательские цели бизнеса путём прямого финансирования, нежели чем через налоговые льготы. Налоговые кредиты в США облагаются налогом. Однако существует ряд таможенных льгот.

До конца 2009 года США давали налоговые кредиты на увеличение затрат на научно-исследовательские цели и позволяли списывать до 14% от суммы налога к уплате на определенного вида издержки, при этом малый бизнес может списывать **все затраты на НИОКР на себестоимость** (подч. – *А.П.*). Если объём возможных списаний превышает величину налога к уплате, льгота может быть перенесена на следующий фискальный год или амортизирована в течение 60 дней.

Для того чтобы иметь право воспользоваться льготами, исследования необходимо проводить на территории США. Для получения налогового кредита расходы на НИОКР в текущем году должны составлять более высокую долю от дохода компании, чем в предыдущем.

Примечательны «уроки», которые выносят американские исследователи из существующей практики, применительно к роли государства²:

«← Государственные закупки создают рынок, необходимый для ускоренного развития технологий.

– Сильная система высшего образования является критическим фактором для кадрового обеспечения инноваций. Важно, чтобы университеты не только занимались образованием и наукой, но и сосредоточили свое внимание на формировании среды для коммерциализации.

¹ Ярославский план 10-15-20: 10 лет пути, 15 шагов, 20 предостережений / The New York Academy of Science, August 20, 2010. p. 38.

² Ярославский план 10-15-20: 10 лет пути, 15 шагов, 20 предостережений / The New York Academy of Science, August 20, 2010. p. 39.

– **Чёткие законы и правила создают открытую и прозрачную среду, необходимую для привлечения, сохранения и создания высокотехнологических фирм.**

– **Правительство может и должно быть катализатором отношений, необходимых для коммерциализации технологий.**

– **Государственный финансовый капитал – основа поддержки исследований и развития технологий на ранней стадии, поскольку частный сектор считает инвестиции на этом этапе слишком рискованными.**

– **Правительственная поддержка важна как для стартапов, так и более зрелых компаний».**

Для меня осуществление модернизационного проекта в России, как, впрочем, и в любой другой стране, требует прежде всего идеологически обоснованной концепции, т.е. **идеологии модернизации**, которая выступает самым эффективным инструментом управления. Модернизация это прежде всего ясное определение цели (ибо, как уж говорилось, сама по себе модернизация только процесс) и, как следует из определения стратегии, ясности с ресурсами и возможностями для достижения поставленных целей. При этом ресурсов всегда будет не хватать, поэтому необходимы приоритеты (а это – уже идеология), нужна **мобилизация** – идеологическая политическая, организационная, ресурсная – власти, элиты и общества. Причем такую мобилизацию необходимо провязать ради **общенациональной цели**, понятной каждому, сформулированной в виде идеологемы (идеологем) – образно, привлекательно, мобилизующее.

Сегодня, к сожалению, в российском обществе превалирует одна идея – потребительство, – унаследованная от господства либеральной идеологии. «Благополучие» людей, семей и в целом нации рассматривается (в том числе и на самом высоком уровне) как материальное благополучие, способность приобретать все большее

количество товаров и услуг. Эта тенденция хорошо видна из десятилетних опросов социологов¹.

Динамика представлений населения о целесообразности совершения крупных потребительских расходов и накопления сбережений
(Индекс построен как разность положительных и отрицательных ответов плюс 100)

Если целью модернизации станет общество, которое много (даже чрезмерно) потребляет, то это общество перестанет быть нацией, а государство превратится в государство-потребитель. Как это произошло с США. Ни о какой внутренней, а тем более международной, гармонии в таких обществах говорить будет нельзя. Борьба за уровень потребления и ресурсы станет целью внешней политики.

Модернизация требует, кроме того, **полной концентрации ресурсов и воли**, даже куража, убежденности в правильности поставленных целей и в своих силах, расширение круга сторонников, более того, искусственного создание социальной базы таких сторонников (т.е. политических действий). Сами по себе сторонники модернизации не рождаются. Все это может обеспечить **только идеология**. Соответственно, продолжая «отречься» от идеологии, мы лишаем себя изначально такой возможности, хотя видим как тщательно продумывают идеологию развития, например, корпорации ее руководители. Так, руководство «Ростехнологии», например, приняло решение, что, во-

¹ Левада-центр. URL: <http://www.levada.ru/ecsavings.html>

первых, управление и идеологию развития корпорации осуществляет Управляющая компания. **Во-вторых**, эта компания вырабатывает и отвечает за общую концепцию, **в-третьих**, осуществляет контроль и мониторинг, **в-четвертых**, периодически координирует отдельные бизнес-единицы по вопросам общей стратегии¹.

В этой связи у меня возникают закономерные вопросы, на которые до сих пор не получены ответы: **кто** конкретно отвечает за «Концепцию» модернизации? **Кто** контролирует и осуществляет мониторинг? **Кто** координирует единую стратегию (если она есть) и **какова эта стратегия?**

Ответ – Правительство РФ – не годится. Правительство в принципе не может сконцентрироваться на модернизации по многим причинам, но главная – текущая деятельность, решение многочисленных проблем, которые являются его исключительной компетенцией. Кроме того, Правительство не может непосредственно заниматься политикой, отношениями с партиями, обществом, Федеральным Собранием РФ.

Очевидно, что нужен как главный координирующий орган, «Управляющая» компания, способная руководить не только бизнес-структурами, исполнительной властью, Федеральным Собранием, но и обществом. Это в российских условиях – прерогатива исключительно Президента России, его администрация или созданного им специального органа (либо существующего которому даны такие полномочия, например, Госсовету, который уже сыграл в реформах России за 300 лет важную роль).

Применительно к современной России, это **идеология опережающего развития**², т.е. система современных взглядов на цели, приоритеты и способы развития, где главной целью и основным средством является развитие национального человеческого потенциала (НЧП).

¹ С.В.Чемезов, Н.И.Турко, С.А.Куликов. Перспективные направления формирования системы стратегического управления инновационным развитием высокотехнологических отраслей промышленности / Международное сотрудничество и менеджмент в сфере высоких технологий. М., МГИМО(У), 2010 г., с. 8.

² Опережающее развитие – зд. количественный критерий, определяющий темпы роста ВВП страны выше, чем в среднем общемировые, при которых основной прирост обеспечивается за счет прироста наукоемкой продукции, т.е. развития, а не роста.

По мнению экспертов, ситуация в этих областях за последние год–полтора не претерпела никаких изменений. Россия продолжает оставаться привлекательным торговым партнером, особенно в энергетической сфере, однако существуют серьезные опасения по поводу долгосрочных инвестиций и протекционистской политики. Позитивные сдвиги, произошедшие в России за 2009–2010 годы, участники опроса относят на счет внешнеполитической и дипломатической деятельности. Также, по мнению экспертов, некоторое улучшение отмечается в области безопасности¹. НЧК, на мой взгляд, может быть в простой схеме изложено следующим образом:

¹ Участники дискуссионного клуба «Валдай» передала Путину доклад о развитии России / Фонд «Русский мир». 07.09.2010 г. / <http://www.russkiymir.ru/news/common/news>.

Принципиальная схема формирования национального человеческого капитала (НЧК)

Человеческий потенциал

Включает:

1. Уровень душевого ВВП;
2. Образование;
3. Ожидаемую продолжительность жизни;
4. Качество здравоохранения;
5. Уровень культуры;
6. Уровень духовности нации

Еще в XVII веке родоначальник английской классической политэкономии В.Петти впервые предпринял попытку оценить денежную стоимость производительных свойств человеческой личности. По его методу «ценность основной массы людей, как и земли, равна двадцатикратному годовому доходу, который они приносят». Ценность всего населения Англии того времени он оценивал примерно в 520 млн. фунта стерлингов, а стоимость каждого жителя в среднем 80 фунта стерлингов. Он отмечал, что богатство общества зависит от характера занятий людей и их способности к труду. Так, взрослого Петти оценивал вдвое дороже, чем ребенка, а «моряк в действительности равен трем крестьянам».

$$n = (n_1 - n_2) + (n_3 \times 10)$$

для России в 2010 году:

$$n = (70 \text{ млн.} - 10 \text{ млн.}) + (15 \text{ млн.} \times 10) = 210 \text{ млн. чел.}$$

где: n – число жителей страны, но оно состоит

из: n_1 – активное население (для России примерно 70 млн. чел.), где его часть, примерно, 20% принадлежит к креативному классу;

n_2 – неактивное население (для России примерно 10 млн. чел.);

n_3 – креативная часть общества (примерно 15 млн. чел.).

10 – «коэффициент полезности» индивидуального человеческого потенциала

У – степень реализации (от 0 до 1).

Национальный человеческий капитал (НЧК) это реализованный НЧП в экономической, научной и общественной деятельности. У – может составлять величину от 0 до 1 (минимум и максимум самореализации). Степень реализации прямо зависит от качества управления, качества общества и адекватности элиты.

Национальное богатство в развитых странах состоит из:

1. НЧК – до 80%;
2. Машины, оборудование, здания – 5–15%;
3. Природные ресурсы – 5–15%.

Таким образом, очевиден вывод: во-первых, величина национального богатства **во все большей степени определяется НЧК**, а, во-вторых, следуя логике, модернизация, как процесс и идея, должна предполагать для элиты, власти и общества не только и не столько модернизацию техники и технологий, сколько **опережающее развитие НЧП** и его эффективную реализацию, т.е. превращение потенциала в капитал (НЧП – НЧК).

Необходимость этого подкрепляется дополнительно еще двумя важными обстоятельствами. Во-первых, тем, что широко рекламируемое условие развития – иностранные инвестиции – не идут в области, связанные непосредственно с развитием НЧП, что видно, например, из структуры иностранных инвестиций в 1 квартале 2010 года, отражающей общую тенденцию¹.

Критерий «опережающее развитие» принципиально важен для России, которая в целом за период 1990–2010 годов показала нулевые темпы прироста ВВП в то время как КНР, например, увеличил свой ВВП в 10–15 раз! За эти же годы развитие страны в среднем обеспечивали прирост ВВП в 2–3%, а ряд других стран (Индия, Бразилия, Пакистан и др.) – 5–7%.

В целом мировая экономика в 2008–2010 годы (и соотношение экономических сил) выглядело следующим образом².

¹ Р. Федосеев. Держаться курса / ВВП, № 8 (58), 2010 г., с. 36.

**Развитие мировой экономики, в долл. США,
в ценах и по ППС 2008 г.***

	Общий объем ВВП, млрд. долл.			Доля в мировом ВВП, %			ВВП на душу населения, тыс. долл.		
	2008	2009	2010	2008	2009	2010	2008	2009	2010
ВЕСЬ МИР	69698	69560	71930	100	100	100	10,4	10,3	10,5
РАЗВИТЫЕ СТРАНЫ	37790	36965	37690	54,2	53,1	52,4	38,2	37,2	37,8
США	14441	14370	14870	20,7	20,7	20,7	47,5	46,9	48,1
Япония	4355	4225	4290	6,2	6,1	6,0	34,1	33,1	33,6
ЗОНА ЕВРО	10899	10535	10620	15,6	15,1	14,8	33,4	32,3	32,4
ЕС 27	15272	14770	14900	21,9	21,2	20,7	30,7	29,7	29,9
Германия	2925	2825	2865	4,2	4,1	4,0	35,6	34,4	34,9
Франция	2112	2070	2100	3,0	3,0	2,9	34,0	33,3	33,7
Италия	1841	1770	1785	2,6	2,5	2,5	30,8	29,5	29,7
Великобритания	2176	2100	2130	3,1	3,0	3,0	35,4	34,1	34,4
РАЗВИВАЮЩИЕСЯ СТРАНЫ	26650	27595	29145	38,2	39,7	40,5	5,0	5,1	5,3
КНР	7903	8615	9475	11,3	12,4	13,2	6,0	6,5	7,1
Индия	3388	3585	3830	4,9	5,2	5,3	3,0	3,1	3,3
Бразилия	1977	1970	2035	2,8	2,8	2,8	10,3	10,2	10,5
СТРАНЫ С ПЕРЕХОДНОЙ ЭКОНОМИКОЙ	5258	5000	5095	7,5	7,2	7,1	13,1	12,4	12,6
Россия	2288	2105	2160	3,3	3,0	3,0	16,1	14,8	15,2

*Данные за 2009 и 2010 год рассчитаны по прогнозируемым нами темпами прироста ВВП и затем округлены

Это означает, что Россия «потеряла» 20 лет в своем развитии, за которые другие страны стремительно ушли вперед. Как результат произошло изменение в соотношении сил в мире явно не в пользу России, который можно компенсировать только стремительными темпами (опережающими) роста ВВП страны. На мой взгляд, эти темпы могут (особенно в новых отраслях) и **должны быть** не ниже 10–12%, а в новых отраслях – до 30–40%. если Россия сохранит нынешнюю модель развития и модернизации, то она окончательно «уравняется» по основным показателям с латиноамериканскими государствами².

² Росси и мир: 2010. Экономика и внешняя политика. Ежегодный прогноз. М., ИМЭМО, 2009 г., с. 17.

² Современная российская политика. Курс лекций. Вып. 7 / Под ред. В.А.Никонова. М.: Изд-во Международного университета. М., 2010 г., с. 157, 164.

	Территория (тыс. кв. км)	Население (млн. чел.)	ВВП (ППС) (млрд. долл.)	Подушевой ВВП (ППС) (тыс. долл.)
Бразилия	8547	193	1701	9,1
Мексика	1967	105,3	1171,5	11,2
Аргентина	2767	39,1	621	15,9
Колумбия	1139	45,6	378	8,1
Венесуэла	910	27,2	193,2	7,2
Россия	–	140,0	1400,0	14,5

Удивительно, насколько основные критерии – душевой ВВП и средняя продолжительность жизни (они же главные критерии НЧП) – латиноамериканских государств и России совпадают.

	Год	Средняя продолжительность жизни
Латинская Америка	1960	56,5
	1980	64,7
	2001	70,6
Восточная Азия	1960	39,2
	1980	60,0
	2001	69,2
Россия	2001	67,0

Понятно, что для решения задачи опережающего развития нынешняя стратегия (концепция социально-экономического развития и модернизации) не пригодна. Она даже и не ставит такой задачи, экстраполируя существующие темпы роста на будущее. Нужна политически сформулированная цель опережающего роста, где технологическая модернизация стала бы одним из инструментов. Тем более такая технологическая модернизация, которая основывается на зарубежных заимствованиях.

Если в КНР, например, планируют к 2035–2050 годам увеличить душевой доход до уровня развития стран, т.е. уровня, который будет у них к 2050 году, то это означает, что страновой ВВП КНР (населения которой не смотря на все меры растет на 15–20 млн. человек в год и

достигнет 1400–1450 млн.) вероятно будет составлять не менее 35–40% мирового ВВП. Можно ожидать, что относительно всей мировой экономики, доля ВВП стран Евросоюза и США снизится с нынешних 20 и 22% до 15 и 17% соответственно.

Если допустить, что Россия предпримет все меры для опережающего роста, то ее ВВП может вырасти с нынешних 2,5% до 9–10% от всей мировой экономики, что позволит ей остаться в качестве суверенной страны и сохраниться в качестве самостоятельного центра силы.

Но главное, всё-таки, не в абсолютном или относительном объеме ВВП, а в его качестве, который через 20–30 лет будет определяться практически на 90% уровнем НЧК. Это означает, что и соотношение сил в мире также будет определяться соотношением национальных человеческих капиталов.

2010 г. (Доля НЧК в ВВП ~ 70%)		2035 г. (Доля НЧК в ВВП ~ 90%)
США, Япония и страны Евросоюза ~ 50% мирового ВВП	→	30%
Китай ~ 6%	→	35–40%
Индия ~ 2%	→	10%
Россия ~ 2%	→	6%

Таким образом, абсолютный и относительный рост НЧК в стратегической перспективе 20–30 лет окажется решающим при определении соотношения сил в мире и, как следствие, всей международной системы безопасности, международных институтов и национальных внешнеполитических стратегий. В этих условиях принципиально важно разработать такую государственную стратегию развития, которая отражала бы тенденцию роста значения НЧК. Прежде всего с точки зрения политики модернизации, которая должна быть ориентирована на ускоренную модернизацию НЧК. Сегодня, как известно, структура национального богатства развитых стран выглядит следующим образом.

Из этого рисунка следует, что будущее соотношение сил государств в мире уже сегодня предопределяется темпами развития НЧП и в значительно меньшей мере модернизацией производственных активов или использованием природных ресурсов. И абсолютно, и относительно. Соответственно и вся система международной безопасности будет определяться государствами-лидерами в НЧК.

При этом очень важно понимать, что национальная система ценностей, традиции и приоритеты государств-лидеров неизбежно станут доминировать при формировании новой системы международной безопасности. Именно они, а не международно-правовые нормы и соглашения станут основой для создания системы международной безопасности. Право, в т.ч. международное право, во всё большей степени будет определяться НЧП стран-лидеров.

В современных условиях эти темпы роста может обеспечить только быстрый рост НЧП. Причем это не только опережающее развитие национального человеческого потенциала (НЧП) и всех его составляющих, но и его **реализация, т.е. превращение в национальный человеческий капитал (НЧК)**. Это уже зависит в основном от качества государственного и общественного управления. Ясно, что если наша страна выберет либеральную идеологию модернизации (т.е. технологические заимствования), то этот выбор не обеспечит решение задачи опережающего развития. Отсюда следует неизбежный вывод: нужна **национальная идеология модернизации**.

Вообще-то говоря, вся история человечества это история идей и идеологий¹. Включая, конечно же, современный период, который, на мой

¹ От слова «идея» производными являются слова «идеал» и «идеология», что для настоящей работы имеет значение: «идеальный образ» России является например, наиболее адекватным восприятием национальных интересов элитой страны, а

взгляд, является наиболее идеологизированным. В идеологической форме выражаются наиболее актуальные потребности и интересы наций и их элит, отдельных социальных слоев и групп, которые трансформируются в цели. Идеология во многом предопределяет выбор средств их реализации, а также какие ресурсы, сколько и когда будут затрачены. Если же мы изначально ориентируемся на заимствования и на отказ от собственной, национальной концепции модернизации, то ставим себя, в т.ч. и с внешнеполитической точки зрения, в прямую зависимость. Хуже, мы добровольно отказываемся от лидерства.

Весь процесс – от целеполагания, прогноза и стратегического планирования до методов реализации и использования ресурсов, то, что называется государственной стратегией развития¹, является **производной частью идеологии**. Поэтому невозможно «изобрести» эффективную стратегию или концепцию развития вне идеологии, нельзя ее «заимствовать», как, впрочем, нельзя и заменить идеологию технологиями. Нельзя и, как это пытаются сделать сегодня, заменить общенациональную стратегию развития социально-экономической стратегией, даже если она и рассчитана на долгосрочную перспективу (например, до 2020 года). Это стратегии разного уровня. Они отражают разные приоритеты. В отличие, например, от Китая, который, провозгласив модернизацию, четко определил свои приоритеты. «Уже в самом начале реформ Дэн Сяопин, – пишет академик Ан.Торкунов, – потребовал, чтобы внешняя политика была подчинена исключительно интересам модернизации ...»². Д.Медведев, напому, заявил об этом только в июне 2010 года на совещании в МИДе с послами и постоянными представителями. Причем модернизация понимается в узком, «технологическом» смысле этого слоя, как заимствования технологий и оборудования, т.е. то части национального богатства, которая сводится к производственным активам.

«идеология» может рассматриваться как система мер по достижению идеала (См., например: Федорова Т.М., Щеглова О.А. Словообразовательный словарь русского языка. М.: ЛадКом, 2009 г., с. 250).

¹ Государственная стратегия развития – зд. **общей план**, развития государства и общества, **способ** достижения сложной цели, охватывающий **длительный период времени**.

² А.В.Торкунов. По дороге в будущее, ред.-сост. А.В.Мальгин, А.Л.Чечевицников. М.: Аспект-Пресс, 2010 г., с. 11.

Подобный подход малоперспективен. Как уже показана выше на рисунке, производственные активы не только наименьшая часть национального богатства (для России ее доля еще меньше, чем для развитых стран и составляет не более 10–15%), но и в перспективе будет сокращаться относительно доли НЧП.

В этой связи становится особенно актуальным исследование позиций представителей отдельных групп правящей российской элиты, которые существенно отличаются в зависимости от их профессиональной принадлежности. Попытка такого анализа на примере элит США и СССР на рубеже 60-х годов прошлого века сделаны профессором МГИМО(У) М.А.Хрустальевым. Картина, которая сложилась после проведенного конвент-анализа, показала различные подходы, существовавшие у разных групп советской и американских элит¹.

Фактор тип элиты	Международная обстановка, % СССР–США	Экономика, % (финансовые расходы) СССР–США	Внутренняя ситуация, % СССР–США
политическая	45–20	20–25	35–55
военная	70–25	10–15	20–60
экономическая	15–5	40–35	45–60
научная	30–15	0–20	70–65

Как отмечал М.А.Хрустальев, исследование показало «единодушие» американских элит в ориентации на внутреннее положение в США как решающего фактора при разработке внешней политики. Действительно, от 55 до 65% всех представителей американской элиты думали именно так.

Если мы попробуем по такой аналогии провести исследование относительно российской элиты, то мы наверняка придем к следующим выводам:

– влияние военной и научной элиты ничтожно и его можно вообще не учитывать;

¹ М.А.Хрустальев. Методология прикладного политического анализа. М., МГИМО(У), 2010 г., с.22–23.

– влияние экономической элиты, заинтересованной в создании благоприятных внешних условий, оказывается решающим. При этом интересы безопасности волнуют эту элиту меньше, чем любых других;

– влияние политической элиты, безусловно, определяющее, но оно акцентировано не на международной безопасности, а на внутренней ситуации.

В целом матрица, на мой взгляд, выглядит следующим образом.

Фактор тип элиты	Международная обстановка, % Россия	Экономика, % (финансовые расходы) Россия	Внутренняя ситуация, % Россия
политическая	20	40	40
военная	–	–	–
экономическая	20	40	40
научная	–	–	–

Очевидна, на мой взгляд, недооценка российской правящей политико-экономической элитой факторов международной безопасности, что может негативно отразиться на суверенитете и положении России в будущем мире. Ради решения сложных проблем модернизации и внутренней политики правящая российская элита оказывается не способной заглянуть на 20–30 лет вперед. Подход к модернизации как самоценности может поставить Россию в будущем в зависимость от Запада.

2.2.4. Новые международные реалии и НЧП

«... если «однополярность» – знак возросшей политической зависимости России от США, то «многополярность» – воплощение реального, но плохо осознаваемого в Москве, превращения российского Дальнего Востока в часть геоэкономического пространства Китая ...»¹.

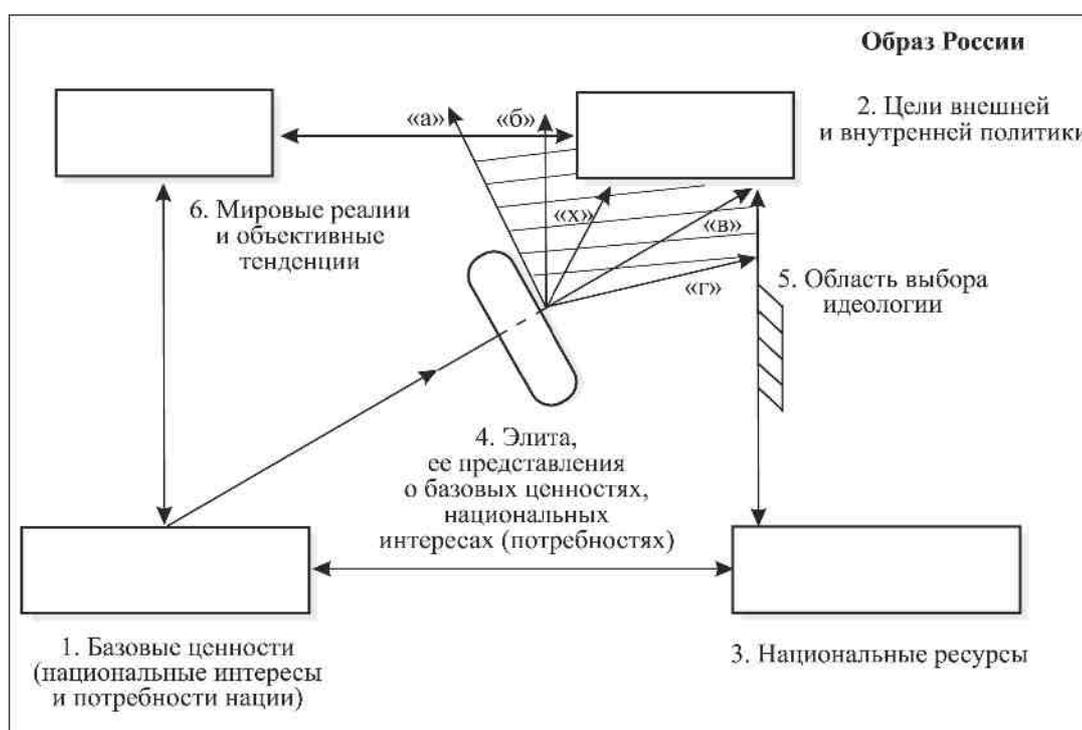
*А.Богатуров,
профессор МГИМО(У)*

«Фактически последние полтора года США содержат армию и производят социальные выплаты за чужой счет ...»².

Википедия

В вопросах международной безопасности в XXI веке важную роль играют новые факторы – как международные реалии, так и роль НЧП³.

Международные реалии – группа факторов, оказывающих серьезное воздействие как на цели, формулируемые элитой, особенно во внешней политике, так и на всю систему национальных интересов и ценностей.

Это место, отводимое международным реалиям, в системе взглядов элиты очень важно понимать. Так международные реалии:

¹ А.Богатуров. Великие державы на Тихом океане. М.: Конвент. МОНД, 1997 г., с. 6.

² См. например: Человеческий капитал / <http://ru.wikipedia.org>.

³ См. подробнее: А.Подберезкин. Человеческий капитал и его роль в модернизации России / Вестник МГИМО(У), № 5, 2010 г., с. 75–101.

– непосредственно влияют на цели внутренней и внешней политики, но не формируют их, если элита самостоятельна, а государство сохраняет суверенитет;

– влияет также непосредственно на национальные интересы и ценности, но не заменяет их, если, конечно, суверенитет государства и самостоятельность нации не ставится под сомнение;

– косвенно (через цели и национальные интересы) влияет на ресурсы и стратегию развития государства;

– косвенно влияет на саму элиту, ее представления (если, элита самостоятельна и отражает национальные интересы, а не компрадорская).

В зависимости от того, насколько правящая элита страны адекватно воспринимает национальные интересы (которые, как правило, являются компромиссом, некой «равнодействующей силой» между внешними факторами и ресурсами), она формулирует свои внешнеполитические цели. Условно, это может быть названо вариантами «а», «б», «в». Если она переоценивает влияние международных реалий, то, соответственно, выбирается вариант «б». Если переоценивает значение внутренних факторов – вариант «в». Понятно, что идеальный баланс соблюсти трудно. Этот выбор – своего рода выбор оптимальной стратегии между факторами глобализации и внутренними, прежде всего, ресурсными факторами.

На практике этот выбор ежедневно подтверждается множеством решений. Например, решением об опоре на национальную или международную безопасность. Или открытие внутреннего рынка, вступление в ВТО на любых условиях, либо на вступление в эту организацию на своих условиях и т.д.

В любом случае такой внешнеполитический выбор это **выбор идеологический** – хотя бы это признавать в правящей элите, либо нет, Идеологический выбор – значит выбор определенной системы взглядов, ориентированной в той или иной степени на национальные интересы и ценности, но учитывающий международные реалии и национальные возможности.

Станным образом, отрицая идеологию во внешней политики, правящая элита страны в своем большинстве не задумываются о том, что

именно XXI век стал **веком борьбы идеологий**. Прежде всего с точки зрения «продвижения» вовне своей системы ценностей.

Международный терроризм – это прежде всего идеология. Агрессивного ислама или другой религии. Или нации, но в любом случае это **насильственное продвижение своей системы ценностей** и своих идеологических интересов.

Такая же идеология находится в основе внешней политики США, которые также **насильственными способами** продвигают свою систему ценностей, оформленную в свои идеологемы.

Такая же идеология есть и у Евросоюза, обретающего в последнее время во все большей степени черты самостоятельного субъекта международных отношений.

Такая же идеология внешней политики есть и у Китая, который последовательно и четко фиксирует свои позиции, не продвигая ее вовне до поры до времени.

В любом случае, можно констатировать, что каждое государство, претендующее на самостоятельную внешнюю политику, продвигает свою идеологию защищая свои национальные интересы и ценности.

«Отказываясь» от идеологии во внешней политике, российская правящая элита просто дезориентирует себя и окружающих, которые вынуждены додумывать, предполагать, трактовать истинные мотивы внешней политики страны.

Какие же новые международные реалии стали влиятельными факторами, оказывающими серьезное воздействие на формирование целей внешней политики России и ее внешнеполитической стратегии в начале XXI века? На мой взгляд, следующие:

– **глобализация** во всех сферах экономической, политической, экономической и общественной жизни, с которой уже нельзя не считаться. Даже Северная Корея, изолированная от внешнего мира, не устояла под давлением этого фактора;

– стремление государств сохранить (даже продвинуть) свою систему ценностей вовне как противодействие глобализации. Этим объясняется, в том числе усиление значения идеологии, в т.ч. и во внешней политике;

– непредсказуемость научно-технического и общественного развития в период «фазового перехода»;

– изменение соотношения сил между ведущими государствами и группами государств, появление новых центров силы, союзов и блоков;

– скачкообразность, неравномерность в развитии отдельных государств и регионов планеты.

На мой взгляд, правящей российской элите следует в полной мере учитывать объективную тенденцию усиления роли **идеологии во внешней политике**. Эта тенденция может стать мощным фактором в продвижении интересов и национальных ценностей России за рубежом, консолидации вокруг нашей страны **не только бывших, но и новых союзников**. В том числе из числа стран, которые в ближайшие годы сохранятся или станут новыми центрами силы и влияния.

Россия может стать безусловным мировым идеологическим лидером, прежде всего в области культуры, искусства, образования, а затем и науки, и технологий. Но для этого сначала нужно сформулировать такую задачу и предпринять определенные усилия.

Понятно, что если изначально такая задача поставлена не будет, либо – что хуже – сформулирована цель на технологические заимствования, то это будет означать отказ от претензий на идеологическое лидерство. В конечном счете – отказ от своей системы ценностей и национальных интересов в пользу чужой.

По сути дела сегодня началась борьба за **новую модель мирового развития и международных отношений**, которая закончится тем, что определенные государства-лидеры не только предложат, но и навяжут остальным странам свои «универсальные» нормы, принципы и ценности. Либо эта новая модель будет учитывать интересы и ценности других государств, в конечном счете, окажется более справедливой и эффективной.

И здесь огромную роль будет играть такой фактор как национальный человеческий капитал, концентрирующий в себе не только последние достижения науки и образования, но и **культуры и духовности**. Именно они, а не технологии будут определять преимущества тех или иных стран в мире, их возможность влияния на международные отношения.

Известно, что анализ соотношения сил является началом любой политики. Как справедливо заметил Министр иностранных дел России С.В.Лавров, «История человечества время от времени подходит к

поворотным моментам, когда ее относительно плавное развитие сменяется новой эпохой. Как неоднократно отмечал Президент РФ Д.А.Медведев, такой переломный момент мир переживает и сейчас. С этим тезисом сегодня согласны повсеместно»¹. Действительно, мы станем свидетелями вступления человечества в эпоху «фазового перехода» с непредсказуемыми последствиями. Думать, что будущее, даже в среднесрочной перспективе, можно экстраполировать отталкиваясь от нынешних реалий, – ошибка.

«На наших глазах, – продолжает С.В.Лавров, – радикально трансформируются международные отношения, их парадигма, сама система глобального управления. Мощным катализатором перемен стал мировой финансово-экономический кризис, который обозначил завершение полосы геополитической неопределенности, последовавшей за окончанием холодной войны. Стал очевидным **кризис западноцентричной международной системы** (подч. *А.П.*). Многие признают, что завершается пятисотлетнее доминирование Запада в мировой политике, экономике и финансах, лежавшее в основе претензий на универсальность западных моделей развития и систем ценностей. Укрепляются новые центры силы и влияния, что ведет к изменению соотношения сил в мировых делах. Все более явственно проявляются неоднородность мира, его многоукладность и культурно-цивилизационное многообразие, а в соответствии с этим новое содержание приобретает задача поиска общих знаменателей как основы международного сотрудничества»¹.

Сегодня, сравнивая экономическую мощь ведущих центров силы, военные потенциалы и прочие факторы, следует помнить, что ведущую роль в таких сравнениях приобрел национальный человеческий капитал, составляющий более 70% национального богатства ведущих стран мира. Именно его величина и темпы роста стали в XXI веке главным фактором развития и влияния государств в мире.

¹ С.В.Лавров. «Российская дипломатия в меняющемся мире» / «Федеральный справочник», т. 23 / 30.04.2010 / МИД России / http://www.mid.ru/us_dos.nsf

¹ С.В.Лавров. «Российская дипломатия в меняющемся мире» / «Федеральный справочник», т. 23 / 30.04.2010 / МИД России / http://www.mid.ru/us_dos.nsf

Сложившаяся за 20 лет система в России, не заинтересована в развитии экономики и человеческого потенциала. Основные ее недостатки можно выделить в следующих областях:

- пассивность государства и его институтов, вытекающая из избранной нелиберальной макроэкономической модели, когда считается, что роль государства ограничивается «созданием макроэкономических условий»;
- отсутствие промышленной политики;
- отсутствие кредитно-финансовой политики, ориентированной на развитие наукоемких отраслей и НЧП;
- игнорирование приоритетов образования, науки, культуры и здравоохранения;
- отсутствие стимулов для инновационного развития бизнеса.

Вместе с тем существовала и до сих пор существует очевидная недооценка этого фактора российской правящей элитой. Как справедливо признают американские исследователи, **«За годы подъёма Россия потратила на модернизацию своей экономической инфраструктуры гораздо меньше, чем её развивающиеся конкуренты. За 2000–2007 годы объём российских инвестиций в основной капитал составлял около 20% ВВП, тогда как в Китае этот показатель в среднем достигал 40%, а в Индии – 30%.** Это привело к отставанию спроса на современное оборудование и инновационные товары в частном секторе внутреннего рынка.

Доля факторов, характеризующих структуру экономики страны, относящихся к НЧП в развитых государствах.

	1980		2010
Здравоохранение	1% ВВП	□	12–13% ВВП
Образование	2% ВВП	□	5–7% ВВП
Наука	1% ВВП	□	3–4% ВВП
Культура	1% ВВП	□	3% ВВП
Информатика	1% ВВП	□	5% ВВП
Связь	1% ВВП	□	5% ВВП
Общественные и некоммерческие организации, благотворительность	5% ВВП	□	10% ВВП
Инвестиции	~2–3% ВВП	□	более 15% ВВП

Всего	40%	□	более 65% ВВП
-------	-----	---	---------------

Большинство российских бизнесменов не склонны вкладывать деньги в собственные производственные активы, а предпочитают максимизировать краткосрочную прибыль. Они стараются избегать долгосрочных капиталовложений как из-за неуверенности в будущем, так и вследствие того, что им удаётся получать достаточную прибыль и на существующих мощностях. Ограниченная конкуренция на внутреннем рынке также позволяет обойтись без повышения эффективности, которого можно было бы достичь инвестируя в инновации. Однако в структурах российских компаний, действующих на внешнем рынке, инновации внедряются на том же уровне, что и у их местных конкурентов, либо в большем объёме. Следовательно, **отсутствие инвестиций в высокие технологии на внутреннем рынке вовсе не является чем-то свойственным российской деловой культуре, а представляет собой трезвый расчёт.** Скорее всего, это указывает на недоверие к российскому экономическому климату, непрямую связь между качеством продукта и уровнем его продаж, а зачастую и на отсутствие должных навыков у промышленных менеджеров внутри России.

В таких обстоятельствах **государственное финансирование становится одним из ключевых двигателей внутреннего спроса на инновации** (подч. *А.П.*). Важность роли государства для высокотехнологичных отраслей ярко продемонстрировало 30–40-процентное сокращение в ИТ-секторе в 2009 году, которое связывают с решением российского правительства передать средства в рамках ФЦП «Электронная Россия» от участников рынка государственной компании «Ростелеком»¹.

Россия, обладающая уникальными основаниями для воспроизводства человеческого капитала, имеет все условия для того, чтобы претендовать не только на сохранение за собой статуса великой державы, но и превращение в страну-лидера в этой области. Надо лишь понять значение

¹ Ярославский план 10-15-20: 10 лет пути, 15 шагов, 20 предостережений. Доклад нью-йоркской академии наук / The New York Academy of Science, August 20, 2010. p. 93.

человеческого потенциала и сделать все возможное для его опережающего развития. Принципиальная новизна современных международных отношений заключается в радикальном усилении значения фактора человеческого потенциала при сопоставлении сил на международной арене. До XXI века соотношение сил оценивалось по следующим критериям:

Соотношение основных сил между государствами до XXI в

Потенциалы (ресурсы)	Факторы (реализованный потенциал)
1. Экономический	→ ВВП
2. Военный	→ Военная мощь
3. Демографический	→ Людские ресурсы
4. Промышленно-технологический	→ Техническое оснащение
5. Геополитический	→ Размер территории, выход к морю, отношения с приграничными государствами и т.д.
6. Морально-психологический	→ Моральный фактор
7. Природные ресурсы	→ Запасы сырья

Но в XXI веке ситуация радикально изменилась. Основные факторы, влияющие на мощь государства, которые были непосредственно производными от потенциалов, стали производными преимущественно от человеческого потенциала, ставшего практически агрегированным показателем всех имеющихся потенциалов (ресурсов) государства. Показатель мощи государства XXI века на 75–80% определяется именно этим совокупным потенциалом, который можно назвать национальным человеческим потенциалом.

Из этого сопоставления следует сделать несколько принципиальных выводов:

1. Факторы, влияющие на соотношение сил в мире, роль государства и благополучия нации, на две трети **предопределяются**, качеством человеческого капитала страны, являются его производными.

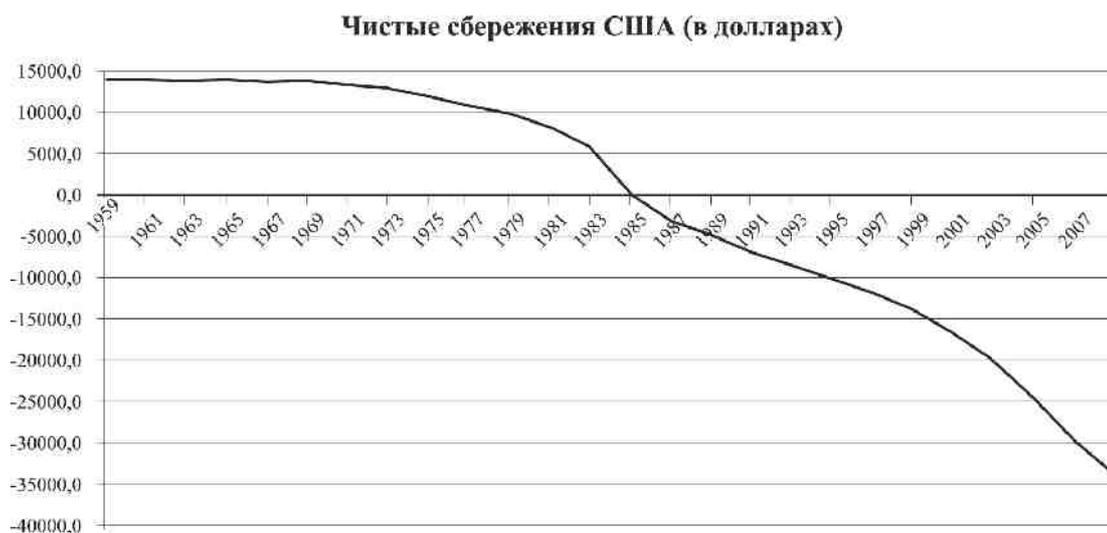
2. Факторы, которые традиционно (военная сила) или в различное время играли решающее значения для положения государства и проведения его внешней политики (в т.ч. технологии, инновации и др.) стали **производными** от качества человеческого потенциала.

3. Лидерство того или иного государства в мире в XXI веке будет предопределено качеством его национального человеческого капитала. Ни армия, ни ЗВР, ни ВВП не будут в этой ситуации играть решающего значения.

Мировой кризис 2008–2010 годов показал, что существующая система миропорядка не просто несовершенна, но она не в состоянии создать условия для развития абсолютного большинства государств. По той простой причине, что эту систему создавали «под себя», в своих национальных интересах несколько государств. В результате оказывается, что США, например, производят 20% мирового ВВП, потребляют 40% мирового национального богатства, т.е. фактически **обкладывают данью десятки государств**. Как отмечает группа

российских экспертов¹, «за 12 последних месяцев (июнь 2009 – май 2010) средний месячный доход бюджета США составил 173 млрд. долларов, расход – 287 млрд., а госдолг рос со средней скоростью 139 млрд. (80% от дохода). Для сравнения: два года назад в период июнь 2007 – май 2008 средний месячный доход бюджета составлял 214 млрд. расход – 242 млрд., а госдолг США рос со средней скоростью 46 млрд. (21% от дохода). Даже без учета инфляции мы видим огромное сокращение поступлений в бюджет США в сочетании с ростом расходов и, как следствие, почти кратный разрыв между доходами и расходами.

Как справедливо считают эксперты, 1985 год стал годом, с которого финансовая система США живет **исключительно за счет остальных стран мира**. Более того, уже собственное производство не способно обеспечить нужды граждан США. Реальное состояние американской экономики видно из динамики чистых сбережений США¹.

Обеспечить свое дальнейшее существование на этих комфортных условиях США (а также ряд других стран, например, Великобритания) могут только **с помощью сохранения контроля над системой международных отношений**. И, прежде всего, доказывая абсолютную значимость американских ценностей, защищать которые они готовы, как уже многократно показала, история, **любыми способами**.

¹ А.Перочинный, М.Лихачев, Д.Никифоров. Финансовая глобализация: эндшпиль. ВВП, 2010 г., № 7 (57), с. 56.

¹ А.Перочинный, М.Лихачев, Д.Никифоров. Финансовая глобализация: эндшпиль. ВВП, 2010 г., № 7 (57), с. 56.

При таких обстоятельствах критическое значение приобретает **национальный человеческий капитал**. По следующим причинам.

Первое. В отличие от капитала, собственности, даже суверенной территории, НЧП не может быть отдан или насильно продан, т.е. «Суверенитет» НЧП – абсолютен. Но при одном, очень важном, условии: если этот человеческий капитал будет продолжать оставаться национальным, связанным социокультурно с нацией и государством.

Второе. Качество НЧП не только сегодня определяет основную часть национального богатства. Как следствие, – НЧП в решающей степени влияет на расстановку сил в мире, как непосредственно – через уровень развития образования, здравоохранения, науки и техники, – так и опосредовано: военная мощь, общественные институты, моральный дух нации во многом предопределяются качеством НЧП.

Третье. Качество НЧП выступает единственной гарантией сохранения наций в эпоху глобализации, не давая «размывать» социокультурные традиции и ценности. Отстающая в развитии НЧП страна неизбежно начинает терять свою идентичность, перенося сначала на свою почву технологии и инновации, а затем – отказываясь от своих ценностей и традиций.

Четвертое. НЧП постепенно, но неуклонно вытесняет капитал как главный источник воспроизводства и власти, заменяя в итоге финансовую систему, основанную США в качестве механизма управления в мире. Так, по некоторым оценкам, продолжение образования на один год ведет к увеличению ВВП на 5–15%(!)¹.

Основной акцент в современной стратегии модернизации должен быть сделан на приоритетном развитии **национально человеческого потенциала** (НЧП), как цели развития российского общества и государства. Роль НЧП, его значение, структура, влияние на все области экономики и социальной жизни имеет огромное значение. Вот почему важно дать ясное определение, что же он собой представляет.

В последние годы стало общим мнением, что эффективность развития экономики современных государств в огромной степени зависит от того, сколько **средств оно вкладывает в своих людей**. В последние годы также общепризнанной и актуальной стала задача изучения

¹ Человеческий капитал / <http://abc.informbureau.com/html/>.

эффективности этих инвестиций или «отдача» от таких вложений, чему было посвящено немало работ. Так, например, норма отдачи от образования оценивается на уровне 20%, при этом для стран с низким доходом, эта норма выше, а **норма отдачи от каждого дополнительного года обучения достигала 2–4%**. Это наблюдение очень актуально в связи с намерением некоторых российских чиновников увеличить долю учащихся ПТУ за счет сокращения студентов университетов¹.

Нормы отдачи от образования для мужчин и женщин²

Уровень образования	Мужчины	Женщины
Начальное	20,1	12,8
Среднее	13,9	18,4
Высшее	11,0	10,8
В целом	8,7	9,8

Национальный человеческий потенциал (НЧП) и Национальный человеческий капитал (НЧК), на мой взгляд, являются новыми фундаментальными понятиями, определяющими сегодня как основные цели и задачи экономического и социального развития, так и способы, методы, а, в конечном счете, – стратегию развития общества и экономики.

НЧК – реализованная часть НЧП, т.е. доля от потенциальных возможностей нации, зависящая от многих объективных и субъективных факторов, но прежде всего от понимания элитой и обществом основных тенденций мирового развития, их **умения реализовать этот потенциал нации**. Реализовать потенциал **каждой личности**, из которых состоит нация, это значит создать для неё максимально благоприятные условия для самореализации – экономические, социальные, политические. При этом такую реализацию нельзя свести к простой экономической выгоде, как считают некоторые экономисты, но общим критерием реализации потенциала личности становится общественная польза.

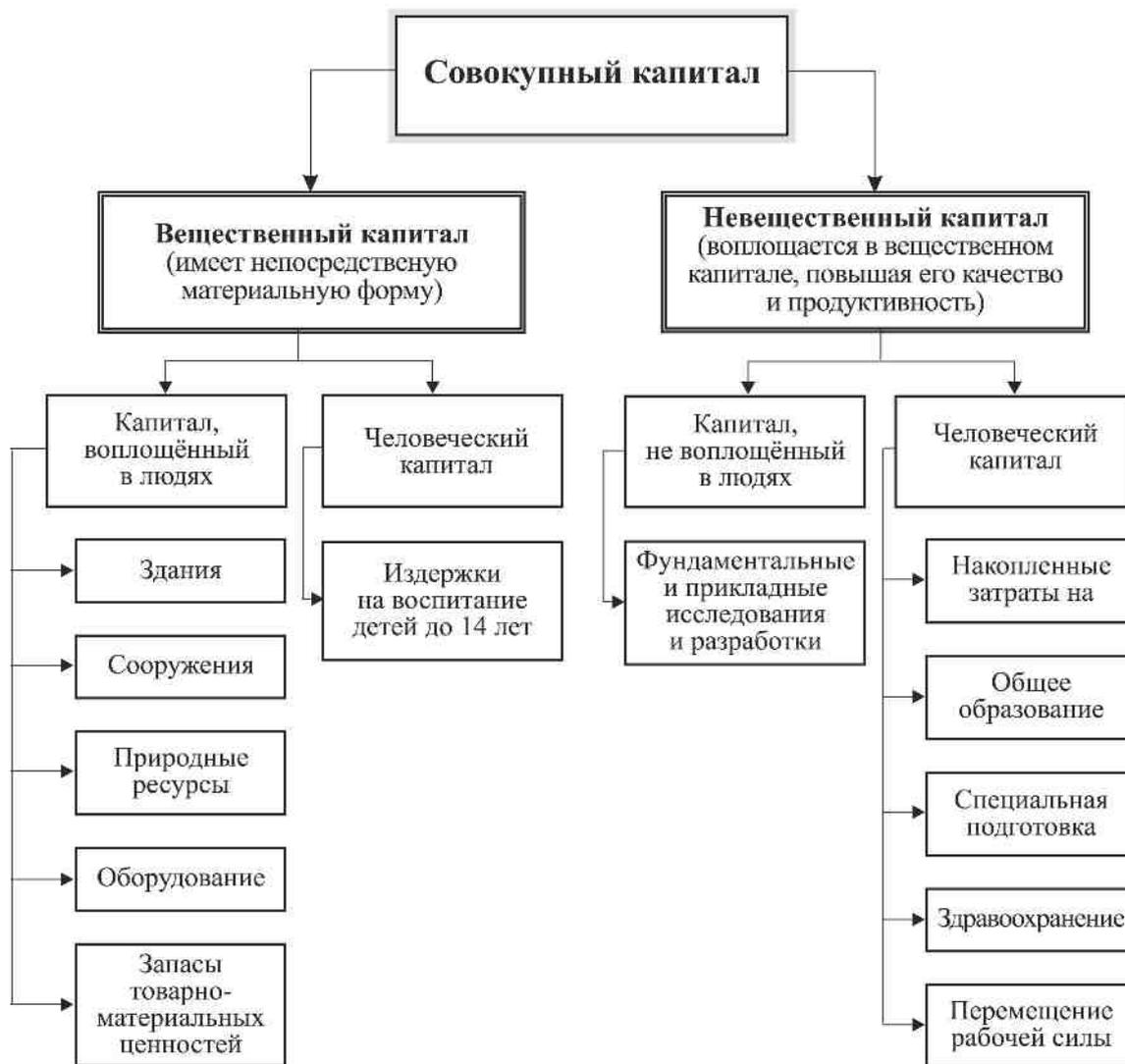
Я полагаю, что в интегрированном виде весь человеческий капитал нации может отражаться в таком понятии как НЧК, хотя существует

¹ См., например, материалы заседания Госсовета России от 1 сентября 2010 года.

² Policy Reserch Working Paper 2881. Returns to Investment in Education. Futher Update. Patrinos H. 2002.

множество иных подходов к изучению и оценке как человеческого капитала в целом, так и его отдельных частей. Так, известный американский экономист Дж.Кондрик классифицирует человеческий капитал следующим образом¹.

Разделение совокупного капитала по Дж.Кондрику

Этот подход иллюстрирует всю сложность проблемы. Для нас же сегодня важно, что НЧК является не только основной частью национально богатства страны, но и главной движущей силой национально развития. Без понимания этого значения, как и без понимания, например, приоритетности инвестиций в НЧК невозможно обеспечить быстрое и поступательное развитие нации. Так, в США по

¹ Цит. по: *О.А.Гилёва*. Анализ отдачи инвестиций в человеческий капитал на пример образования в России. Магистерская диссертация. ГУ-ВШЭ, 2006 г., с. 9.

некоторым оценкам, доля инвестиции в человеческий капитал составляет **более 15% ВВП**, что превышает «чистые» **валовые инвестиции** частного капитала в заводы, оборудование и складские помещения. И даже если специальные исследования по этому вопросу не проводились, можно с высокой долей **уверенности** предположить, что один из самых высоких показателей уровня вложений в человеческий капитал в мире положительно связан с самыми высокими в мире показателями уровня развития экономики¹.

Так, по оценкам В.А.Мельянцева, «Общие (учтенные) расходы на образование, здравоохранение и науку в среднем по ведущим странам Запада и Японии выросли с 2,4–2,8% их ВВП в 1910–1913 гг. до 7,5–8,0% – в 1950 г., 14–15% – в 1973 г. и **18–19% ВВП в 2006 г.** Доля инвестиций в человеческий капитал (затраты на образование, здравоохранение и НИОКР) в их совокупных расходах на формирование человеческого и физического капитала (без учета жилья) увеличилась с одной пятой в 1913 г. до **двух пятых в 1950 г., половины – в 1973 г. и не менее трех пятых – в 2006 г.** Показатель среднего числа лет обучения взрослого населения, скорректированный с учетом качества, вырос с 7,3 в 1913 г. до 10 – в 1950 г., 12–13 – в 1973 г. и 17–17,5 лет – в 2006 г.²

И наоборот. В последние годы в развитых странах (РС) обнаружена тенденция – снижение среднегодовых темпов прироста совокупной факторной производительности (СФП) и душевого ВВП, что пытаются объяснить достижением РС высокого уровня развития. Между тем я согласен с В.А.Мальянцевым, который считает, что по этой причине можно объяснить снижение только отчасти «на четверть или треть»³. Главные же причины торможения роста заключены **в недооценке влияния фактора ЧК на развитие даже в передовых государствах.**

Феномен торможения роста обусловлен также падением престижности труда в сфере науки и образования на фоне галопировавшего в финансовом секторе, доля которого в США в общем

¹ Теория человеческого капитала / <http://exsolver.narod.ru/Books/Managment/Staff1/c18.html>.

² В.А.Мельянцева. Перспективы мировой экономики: изменяющаяся роль основных участников / Вестник МГИМО(У), № 4 (13), 2010 г., с. 163.

³ См. подробнее: А.Подберезкин. Человеческий капитал и его роль в модернизации России / Вестник МГИМО(У), № 5 (14), 2010 г., с. 75–100.

объеме корпоративных прибылей выросла с 1/6 в 1973–1985 гг. до 2/5 в середине первого десятилетия 2000-х годов»¹.

Следует отметить, что проблема стремительного роста ЧК описывается во многих научных работах, более того, используется в различных методиках достаточно давно. У нее есть уже не только история, но и признание со стороны большинства исследователей и международной общественности. Достаточно сказать, что по оценке Всемирного банка на него приходится до 70–75% национального богатства развитых стран и более 50% – развивающихся. Развитие НЧК, который в разных странах называется по-разному, ставится в качестве политического приоритета **во всех ведущих странах**. Показателен в этой связи пример США – безусловного лидера сегодня по развитию НЧК. В «Стратегии национальной безопасности» США за 2010 год – относительно небольшом по объему документе, отражающем высшие политические приоритеты действующей администрации – в качестве **первого**, важнейшего приоритета выдвигаются меры, объединенные под общим названием «Укрепление образования и человеческого капитала». Представляется важным коротко перечислить эти меры:

– Совершенствование образования на всех уровнях, включая «... восстановление лидерства США в высшем образовании, преследуя цель (внимание! Эта цель прямо противоречит сути дискуссии о высшем образовании 31 августа 2010 года на Госсовете) **лидерства в мире в процентном отношении по числу выпускников колледжей**»;

– Инвестирование науки, технологий и инженерии и продолженного образования, т.к. американское долгосрочное лидерство зависит от образования и производства в будущем ученые и инноваторов ...»;

– Увеличение международных обменов и образовательных связей;

– Продвижение иммиграционных программ, которые способствуют приезду образованных профессионалов со всего мира»².

Комментировать эти политические приоритеты, выдвинутые на высшем уровне, не трудно. Важно подчеркнуть, что эти приоритеты – суть политики, включая бюджетной политики, не только администрации

¹ В.А.Мельянцева. Перспективы мировой экономики: изменяющаяся роль основных участников / Вестник МГИМО(У), № 4 (13), 2010 г., с. 164.

² National Security Strategy, Wash. May 2010, p. 1.

и конгресса, но и всей американской элиты. Они предельно конкретны, предполагая, в частности, что **американское лидерство в мире будет обеспечено лидерством в образовании и человеческом капитале.**

При анализе факторов роста, прежде всего НЧК, мы не уйдем от социально-политических проблем, которые сегодня в России в основном рассматриваются как приоритетное, но абстрактное увеличение доходов населения. Между тем проблема **справедливого распределения** национального богатства это проблема не только политическая, но и экономическая, которая характеризует степень вовлеченности всего населения и эффективность использования НЧП в общественном производстве. По официальным данным Росстата положение здесь крайне неблагоприятное.

Распределение общего объема денежных доходов по 20-ти процентным группам населения, в % к итогу, процент, Российская Федерация, январь–декабрь

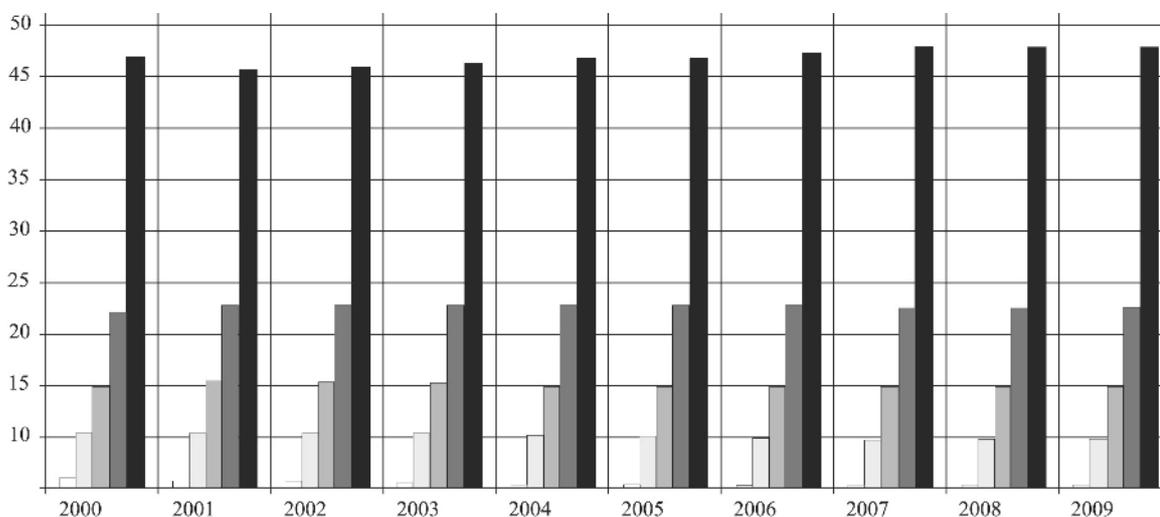
	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009
первая (с наименьшими доходами)	5,9	5,7	5,7	5,5	5,4	5,4	5,3	5,1	5,1	5,1
вторая	10,4	10,4	10,4	10,3	10,1	10,1	9,9	9,7	9,8	9,8
третья	15,1	15,4	15,4	15,3	15,1	15,1	14,9	14,8	14,8	14,8
четвертая	21,9	22,8	22,7	22,7	22,7	22,7	22,6	22,5	22,5	22,5
пятая (с наивысшими доходами)	46,7	45,7	45,8	46,2	46,7	46,7	47,3	47,9	47,8	47,8

Как видно из обработанных данных, как минимум, три из пяти социальных групп можно отнести к категории нищих, а 20% самых богатых съедают более 45% всего пирога доходов. Самым бедным достается только 5%, причем эта картина со временем только усугубляется. И это только денежная масса, капитал в виде заводов и лачуг сравнивать даже не хочется¹.

С экономической точки зрения, можно констатировать, что 80% населения страны, как минимум, работают непроизводительно, в минимальной степени используя ЧП. Соответственно и общий уровень

¹ Федеральная служба государственной статистики. Центральная База Статистических Данных / <http://www.gks.ru/dbscripts/Cbsd/>.

НЧП будет низким, ведь душевой ВВП рассчитывается как среднестатистический, средний уровень между 4 группами (80% граждан) с низкими доходами и 1 группы – относительно высокими.

На диаграмме видно, что подобная ситуация характеризуется уже многие годы как стагнация, более того, она даже несколько ухудшилась с 2000 года, что свидетельствует лишь об одном: огромные ресурсы российского общества до сих пор задействованы в минимальной степени, что, собственно, отражено в крайне низкой производительности труда в России, которая в 4–5 раз ниже, чем в странах-лидерах глобализации.

Это же свидетельствует, что ни власть, ни общество, не бизнес до сих пор не обратили внимание на это обстоятельство. В противном случае мы наблюдали бы иную динамику.

Рост доходов граждан, как и повышение спроса, – **главный инструмент увеличения производительности труда**, что, собственно, и должно стать ближайшей целью модернизации. Таким образом социальная справедливость выступает уже не только политическим, но и экономическим фактором успешного развития.

Следует понимать, что **национальный человеческий капитал (НЧК)** – производное понятие от целого ряда факторов. Так, участники дискуссионного клуба «Валдай» передали в 6 сентября 2010 года премьер-министру Российской Федерации Владимиру Путину доклад «Индекс развития России 2009–2010 годов», в котором отражено совокупное мнение ведущих мировых экспертов о динамике развития

российского государства. Этот индекс основывается на экспертных опросах.

В ходе первого опроса фокус-группы, составленной из участников седьмого заседания клуб, были опрошены 25 человек из числа ведущих экспертов по России из США, Великобритании, Германии, Франции, Италии, Китая, Польши, Канады, Японии. Участникам было предложено ответить на девять вопросов и дать свою оценку по десятибалльной шкале: от «минус 5» – принципиальное ухудшение, до «плюс 5» – принципиальное улучшение. Полученные результаты показали наблюдающуюся в России тенденцию к стагнации, проявляющуюся наибольшим образом в отношении экономического, научного и культурно-цивилизационного развития страны.

По мнению экспертов, ситуация в этих областях за последние год–полтора не претерпела никаких изменений. Россия продолжает оставаться привлекательным торговым партнером, особенно в энергетической сфере, однако существуют серьезные опасения по поводу долгосрочных инвестиций и протекционистской политики. Позитивные сдвиги, произошедшие в России за 2009–2010 годы, участники опроса относят на счет внешнеполитической и дипломатической деятельности. Также, по мнению экспертов, некоторое улучшение отмечается в области безопасности¹. НЧК, на мой взгляд, может быть в простой схеме изложено следующим образом:

¹ Участники дискуссионного клуба «Валдай» передала Путину доклад о развитии России / Фонд «Русский мир». 07.09.2010 г. / <http://www.russkiymir.ru/news/common/news>.

Принципиальная схема формирования национального человеческого капитала (НЧК)

Человеческий потенциал

Включает:

1. Уровень душевого ВВП;
2. Образование;
3. Ожидаемую продолжительность жизни;
4. Качество здравоохранения;
5. Уровень культуры;
6. Уровень духовности нации

Еще в XVII веке родоначальник английской классической политэкономии В.Петти впервые предпринял попытку оценить денежную стоимость производительных свойств человеческой личности. По его методу «ценность основной массы людей, как и земли, равна двадцатикратному годовому доходу, который они приносят». Ценность всего населения Англии того времени он оценивал примерно в 520 млн. фунта стерлингов, а стоимость каждого жителя в среднем 80 фунта стерлингов. Он отмечал, что богатство общества зависит от характера занятий людей и их способности к труду. Так, взрослого Петти оценивал вдвое дороже, чем ребенка, а «моряк в действительности равен трем крестьянам».

$$n = (n_1 - n_2) + (n_3 \times 10)$$

для России в 2010 году:

$$n = (70 \text{ млн.} - 10 \text{ млн.}) + (15 \text{ млн.} \times 10) = 210 \text{ млн. чел.}$$

где: n – число жителей страны, но оно состоит

из: n_1 – активное население (для России примерно 70 млн. чел.), где его часть, примерно, 20% принадлежит к креативному классу;

n_2 – неактивное население (для России примерно 10 млн. чел.);

n_3 – креативная часть общества (примерно 15 млн. чел.).

10 – «коэффициент полезности» индивидуального человеческого потенциала

У – степень реализации (от 0 до 1).

Национальный человеческий капитал (НЧК) это реализованный НЧП в экономической, научной и общественной деятельности. У – может составлять величину от 0 до 1 (минимум и максимум самореализации). Степень реализации прямо зависит от качества управления, качества общества и адекватности элиты.

Национальное богатство в развитых странах состоит из:

1. НЧК – до 80%;
2. Машины, оборудование, здания – 5–15%;
3. Природные ресурсы – 5–15%.

Таким образом, очевиден вывод: во-первых, величина национального богатства **во все большей степени определяется НЧК**, а, во-вторых, следуя логике, модернизация, как процесс и идея, должна предполагать для элиты, власти и общества не только и не столько модернизацию техники и технологий, сколько **опережающее развитие НЧП** и его эффективную реализацию, т.е. превращение потенциала в капитал (НЧП – НЧК).

Необходимость этого подкрепляется дополнительно еще двумя важными обстоятельствами. Во-первых, тем, что широко рекламируемое условие развития – иностранные инвестиции – не идут в области, связанные непосредственно с развитием НЧП, что видно, например, из структуры иностранных инвестиций в 1 квартале 2010 года, отражающей общую тенденцию¹.

¹ Р. Федосеев. Держаться курса / ВВП, № 8 (58), 2010 г., с. 36.

Иностранные инвестиции в отрасли экономики РФ

Иностранные инвесторы в I квартале 2010 года в основном вкладывали средства в обрабатывающие производства, добычу полезных ископаемых, транспорт и связь

Иностранные инвестиции по видам экономической деятельности в I квартале 2010 г., в млн. долл.

Это означает, что приоритетные области модернизации не инвестируются (и вряд ли будут) из-за рубежа. Во-вторых, только государство, таким образом, может инвестировать национальный человеческий капитал. Может быть, когда для этого будут созданы благоприятные условия, вырастет до заметной и доля отечественного бизнеса, которая сейчас символично мала.

Одно из определений человеческого потенциала, к сожалению, до сих пор ограничивается только его производственно-экономической функцией: «Человеческий капитал (human capital): чистая дисконтированная величина прироста объема производства, за счет дополнительного опыта и квалификации персонала, по сравнению с объемом производства неквалифицированного труда».

Человеческий капитал может быть создан в результате профессионального обучения или накопленного производственного опыта (learning by doing – обучение в процессе деятельности). Он подвержен технологическому или моральному износу, также как и материальные активы. Однако он не может быть продан или передан

другому лицу (фирме), а значит, не может служить залогом в обеспечение кредита»¹.

Другое определение – как **способность** людей: «**Человеческий капитал – способность людей** к участию в процессе производства, их знания, опыт, трудовые навыки. **Инвестициями** в человеческий капитал считаются затраты на здравоохранение, образование, техническое обучение и другую деятельность, способствующую повышению **производительности людей**»².

Понятие человеческого капитала возникло достаточно давно, однако полное развитие эта теория получила только во второй половине XX века. В разное время внимание этому понятию уделяли внимание такие известные экономисты как В.Петти, А.Смит, Дж.С.Милль, К.Маркс, Жан-Батист Сэй, Джордж Маккуллох, Нассау Сениор, Вальтер Рошер, Генри Маклеод, Леон Вальрас, Иоганн фон Тюнен, Ирвин Фишер. Основное развитие, теория человеческого капитала получила благодаря Гэри Бэккеру, а также его коллегам по Чикагскому университету Т.Шульцу, Б.Вейсброду, Д.Мисцеру, Ли Хансену.

В 50–60-е годы XX века, усилился интерес к экономической активности человека, возврату произведённых в него затрат. Тогда же утвердился термин «человеческий капитал», под которым понимались приобретенные знания, навыки, мотивации, которые могут использоваться в течение определённого промежутка времени **для получения дохода**.

Особо следует оговориться об **условиях** развития национального человеческого капитала. Так, например, в криминализованной и коррумпированной стране ЧК не может функционировать эффективно по определению. Даже если это «ввезенный», внешний, высококачественный ЧК, обеспеченный за счет его притока извне. Он либо деградирует, ввязываясь в авантюры. Либо «работает» неэффективно³.

Человеческий капитал принципиально отличается от трудовых ресурсов. Трудовые ресурсы – это непосредственно люди, образованные и необразованные, определяющие квалифицированный и

¹ Человеческий капитал / <http://analizprompter.ru/glava5>.

² <http://www.worldbank.org/depweb/glossary>.

³ Человеческий капитал / <http://ru.vikipedif.org/wiki/>.

неквалифицированный труд. Человеческий капитал – понятие гораздо более широкое и включает, помимо трудовых ресурсов, накопленные инвестиции (с учетом их амортизации) в образование, науку, здоровье, безопасность, в качество жизни, в инструментарий интеллектуального труда и в среду, обеспечивающую эффективное функционирование ЧК¹.

Инвестиции в **формирование эффективной элиты, в том числе в организацию конкуренции**, являются одними из важнейших инвестиций в ЧК. Ещё со времен классиков науки Д.Тойнби и М.Вебера известно, что именно элита народа определяет вектор направления его развития: «вперед, вбок или назад». Это положение – одно из ключевых в работе, – которому уделяется значительное место.

Различают в этой связи три формы человеческого капитала:

- индивидуальный человеческий капитал;
- человеческий капитал фирмы (предприятия);
- национальный человеческий капитал.

Этим формам, их анализу (в т.ч. количественному и математическому) посвящено в последние годы много работ. В том числе и в России. В настоящем издании речь идёт преимущественно о национальном человеческом капитале (НЧК), который рассматривается в различных преломлениях к тем или иным проблемам. По отношению к НЧК, например, не подходит **наиболее полное определение человеческого капиталу, которое дал Р.И.Капелюшников**. С его точки зрения, человеческий капитал есть «воплощенный в человеке запас способностей, знаний, навыков и мотиваций, формирование которого подобно накоплению физического или финансового капитала, требует **отвлечения средств от текущего потребления ради получения дополнительных доходов в будущем**»². Тем более не подходит под описание, предлагаемое экономистами, когда под человеческим капиталом подразумевается оценка воплощенной в индивиде потенциальной способности приносить доход.

Сегодня у некоторых авторов сложилась следующая классификация **видов человеческого капитала по уровням и собственности**³. При этом

¹ Человеческий капитал / <http://ru.vikipedif.org/wiki/>.

² Р.И.Капелюшников. Теория человеческого капитала. <http://www.libertarium.ru>.

³ Цит по: И.Н.Ильченко, Г.Н.Арустамян. Значимость человеческого капитала в укреплении здоровья и профилактике заболеваний. Профилактическая медицина,

в наименьшей мере описан и изучен национальный человеческий капитал (НЧК). К сожалению, эта часть человеческого капитала фактически игнорируется в российской науке и действительности. Но отнюдь не в американской, где она выступает нередко в качестве основы для общенациональных документов, таких, например, как Стратегия национальной безопасности.

Понятно, что для международных отношений приоритетное значение имеет НЧП, который в концентрированном виде собирает всё национальное богатство.

Но, если присмотреться внимательнее, то и индивидуальный человеческий потенциал, а также человеческий потенциал фирмы становятся все **более важными** факторами международного влияния. Это связано с тем, что развитие информационных технологий сделало виртуальный мир реальностью. Не только в политике, но и в экономике и в общественной жизни. Как сказал З.Бауман, «Посмодернизм – не столько эпоха в развитии социальной реальности, сколько в сознании»¹.

В российской экономической литературе, посвящённой управлению персоналом и человеческому капиталу зачастую между понятиями «человеческий капитал» и «человеческий потенциал» ставится знак равенства. Между тем между ними существует принципиальная разница: НЧК – реализованный НЧП. Эта реализация зависит от множества обстоятельств, но прежде всего эффективности государственного и местного управления. Потенциал (в т.ч. человеческий), если он реализован, то превращается в фактор. В том числе политический.

В международной области далеко не всегда потенциал превращается в фактор (капитал). Так, в 90-ые годы Россия не смогла реализовать огромный потенциал советской внешней политики ни в политической, ни в финансовой, ни в идеологической областях.

¹ В.С.Глаголев, Н.И.Бирюков и др. Межкультурная коммуникация в условиях глобализации. М.: МГИМО(У), Проспект, 2010 г., с. 27.

2.2.5. Новые международные реалии, НЧП и безопасность России

«Наш долг – не забывать о нашей общности, чтобы вместе созидать новый мир. Россия – великая страна, и эта ее роль сохранится и в будущем»¹.

*Ш.Перес
президент Израиля*

«... главной задачей внешней политики или главным смыслом модернизации внешней политики является ее перенацеливание с задачи укрепления статуса страны в мире на задачу привлечения ресурсов извне для модернизации страны»².

Д.Тренин

Так, что же в действительности является или должно быть главной целью внешней политики России: укрепление ее позиций в мире, ее безопасности, как утверждает Ш.Перес, либо модернизация, как считает Д.Тренин? Два взаимоисключающих мнения о главной задаче внешней политики России (второе, как считается, – поддержано Д.Медведевым в июле 2010 г) породили множество споров внутри страны, в т.ч. в экспертном сообществе, и за рубежом, летом и осенью 2010 года. Попробуем рассмотреть это противоречие (если оно существует) и найти логическое объяснение этим полярным позициям. Слова мудрого израильского политика могут коротко охарактеризовать не только его отношение к роли России в мире и обеспечению международной безопасности, но и подход большинства российской элиты к этим проблемам: Россия стремится не только не забывать свою цивилизационную, в т.ч. **европейскую общность** и **совместно** решать имеющиеся проблемы, но и справедливо полагает, что она остается, и будет оставаться великой страной, на которой лежит особая ответственность за обеспечение международной и европейской безопасности.

Была бы странным, если бы правящая российская элита так не думала. Хотя следует сделать две существенные оговорки: во-первых, иногда большинство (или влиятельная часть) российской элиты все-таки сказывалась на эту позицию. Как, например, на рубеже 90-х годов, когда считалось, что «цивилизационное превосходство» Запада, успехи

¹ *Ш.Перес*. Цена победы – чудовищная, результаты – блестящие. Выступление Ш.Переса в МГИМО(У) присвоении звания почетного профессора Университета / <http://mgimo.ru/news/>. 11.05.2010 г.

² *Д.Тренин*. Модернизация внешней политики России / Полит.ру / Публичные лекции / <http://www.polit.ru/lectures/2010/03/25>.

рыночной экономики обесценили не только все советские достижения, но и само понятие «национальной безопасности».

Во-вторых, и сегодня значительная либеральная часть российской элиты готова поступиться суверенитетом, даже территориальной целостностью, а тем более национальными интересами и ценностями ради «вхождения России в круг цивилизованных держав». В 2010 году эта неудобная, антипатриотичная позиция была заменена новой неолиберальной формулой – «модернизация в обмен на национальные интересы и ценности», – суть которой остается старой.

Казалось бы, уже была проведена оценка внешней политики М.Горбачева и Б.Ельцина, сделаны выводы и даже подготовлены нормативные документы, характеризующие внешнюю политику и политику в области безопасности России, – Концепция национальной безопасности, Концепция внешней политики, Военная доктрина России и пр., – но вновь, уже под предлогом модернизации, приоритеты и национальные интересы России ставятся под сомнение.

Мировой кризис 2008–2010 годов показал, что существующая модель международных отношений отнюдь не идеальна. Как заметил профессор МГИМО(У) А.Д.Богатуров, «Финансовый кризис 2008 г. не заслонила беду более общую – **кризис миросистемный. Политики, деловой мир и общественность больше тревожатся** из-за первого. Это понятно. Но финансовые потери – не единственная угроза. Деградирует международный порядок, сложившийся после распада СССР, а с ним – **модель партнерских отношений между Россией и Западом**. Между тем эта модель представляет собой несомненную ценность, пусть условия российско-западных отношений и были выработаны с **явным преобладанием интересов США и ЕС**»¹.

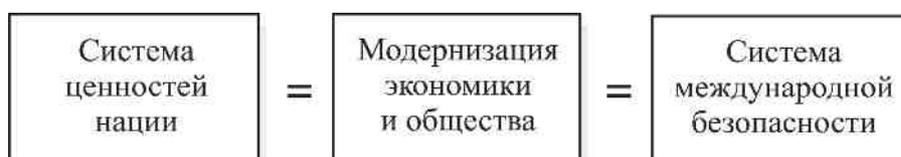
«Деградирующая модель», – безусловно, не лучший выбор для России.

В этом контексте странным, например, выглядит требование «платы за модернизацию» через отказ России от своего статуса великой державы или своей системы ценностей. В разных вариантах эта, мысль звучит из

¹ А.Д.Богатуров. Контрреволюция ценностей и международная безопасность. В кн.: Лидерство и конкуренция в мировой системе: Россия и США / Отв. ред. А.Д.Богатуров, Т.А.Шаклеина, М., МГИМО(У), 2010 г., с. 3.

разных уст. Как, например, у А.Аузана, который считает, что «... для того, чтобы выйти на высокую траекторию, нужно пожертвовать парадигмой. Нужно сменить парадигму, то есть набор национальных ценностей»¹.

Другими словами не только политики в США и странах Евросоюза, но и в России (а А.Аузан представляет, безусловно, влиятельное неолиберальное направление в политике), пытаются поставить знак равенства между модернизацией и либеральными ценностями. Но этот же знак равенства, продолжая логически, должен быть в таком случае поставлен между национальной системой ценностей и системой безопасности. И западные политики его ставят. Формула, упрощенно выражающая тождество, выгладит следующим образом:

Применительно к современным международным реалиям это означает, что если Россия хочет проводить процесс модернизации и «вписаться» в систему международной безопасности, то ей предстоит **сменить свою систему ценностей** на существующую в США и странах Евросоюза. При этом всем трем системам ценностей пытаются придать некий универсальный характер, доказать, что подлинная система международной безопасности возможна только при «подлинной» системе (либеральных) ценностей.

Модернизация в этой логике выполняет очень важную роль. Она выступает неким общим знаменателем, универсальным набором принципов, правил и норм, которые – де способны обеспечить создание современной экономики, общества и государства. Отрицая эти универсальные правила модернизации и ее самоценность, государство лишает себя возможности войти в число развитых стран. «Входной билет» в этот избранный круг стран, охваченных модернизацией, – отказ от национальных интересов (в т.ч. интересов безопасности) и ценностей.

¹ А.Аузан. Национальная формула модернизации / Полит.ру / Публичные лекции / <http://www.polit.ru/lectures/2009/10/16>.

Но к системе национальных ценностей относятся не только социокультурные и исторические, которые, собственно, и делают народ нацией, но и суверенитет и весь комплекс государственных интересов. Продолжая эту логику, вы неизбежно должны признать, что отказ от национальных интересов ведет и к отказу от государственных интересов, в т.ч. и суверенитета государств. С этой точки зрения логика формулы может быть продолжена и изображена на следующем рисунке

Другими словами выбор чужих ценностей и чужой системы международной безопасности предполагает в конечном счете отказ (целиком или частично) от национальных интересов и государственного суверенитета. Что, собственно, мы и наблюдаем в странах Евросоюза после вступления в декабре 2009 года в силу лиссабонских соглашений. Но с той лишь разницей, что эти страны добровольно уступают часть своего суверенитета и национальных интересов в пользу Евросоюза, а Россию пытаются **принудить** это сделать вопреки ее национальным интересам. Разница, как видно, принципиальная.

Между тем модернизация, на мой взгляд, может и должна быть осуществлена в России во многом **именно в интересах укрепления суверенитета государства и национальной безопасности**. Что, безусловно, требуется сегодня в условиях глобализации, ослабления позиций России в мире и ее способности влиять на эти процессы. Этому отнюдь не противоречат мировой опыт. Совсем даже наоборот. Так, в Израиле, например, модернизация и технологический рывок во многом были сделаны именно из-за необходимости развития ВПК, который рассматривался в качестве **гаранта защиты** от высшей угрозы, в условиях ослабления поддержки со стороны Франции, США и других стран. По признанию американских специалистов, основными уроками, которые можно извлечь из опережающего технологического развития Израиля, были следующие:

– Постоянная угроза национальной безопасности и наличие долгосрочных стратегических задач **могут способствовать развитию науки и технологических достижений мирового уровня** (подч. – *А.П.*).

Действительно, постоянная внешняя угроза и неизбежные огромные расходы на оборону не помешали, а способствовали модернизации Израиля.

Этот вывод прямо противоречит либеральной «аксиоме» о том, что СССР разрушили огромные издержки на поддержание ВПК». Но эта же «аксиома» стала причиной развала ВПК СССР как наиболее наукоемкого и передового комплекса советской экономики.

Теперь уже можно сказать, что если бы в свое время в СССР и России избрали **стратегию конверсии** ВПК в гражданско-военный научно-технический комплекс (что предлагал в т.ч. и я в 1989 году), а не развал и уничтожение ВПК, то можно было бы ожидать эффекта, сопоставимого с израильским. Но выбор неверной стратегии был за неолибералами, которые исходили из представлений либеральной идеологии, а не национальных интересов страны.

Следующий вывод американских экспертов:

«– Научное и технологическое образование, а также доступ к системам социальной и финансовой поддержки являются важной основой для предпринимательства и развития перспективных технологий. Фонд BIRD сыграл особо важную роль в обмене технологиями между многонациональными (с базированием преимущественно в США) ИКТ-компаниями и малыми высокотехнологичными предприятиями Израиля. Эффективно управляемые частные партнёрства могут содействовать выходу компаний на международные рынки, налаживанию отношений с другими компаниями и нахождению источников финансирования».

И здесь трудно ни согласиться с американскими экспертами. Действительно, государство и общество должны были обеспечить в России в интересах модернизации как широкий доступ к качественному образованию, так и государственную поддержку внедрению инноваций в экономику страны. Ни того, ни другого за последние 20 лет сделано не было. Наоборот, финансирование науки и образования стремительно снижалось под либеральным лозунгом «наука и образование должны быть самокупаемыми». В результате мы столкнулись с уничтожением

профессионального образования и снижением качества высшего образования.

Не было создано и системы финансовой, либо иной поддержки инноваций. Хуже – сложившаяся к 2010 году система в России оказалась абсолютно не восприимчива к инновациям. Число предприятий, внедривших инновационные продукты и услуги, никогда не превышало 5%.

Пример Израиля мог бы сослужить и хорошую службу для России, если бы ее правящая элита последовала следующему совету:

– «Знание мировых рынков, в особенности технологических потребностей крупных наукоемких корпораций, помогает местным малым предприятиям в разработке своих собственных программ технологического развития. Кроме того, наличие хорошо образованной, взаимосвязанной еврейской диаспоры в других странах мира, в особенности в США, сыграло важную роль в понимании международных рынков.

– Возвращение в Израиль части диаспоры было связано с представлениями об экономических возможностях самореализации в своей стране и о национальной гордости; правительство Израиля не предоставляло работавшим за рубежом специалистам каких-либо официальных государственных преференций».

В самом деле, государство – ни СССР, ни Россия – ничего не сделало в 1990–2000-ые годы для продвижения российских товаров и услуг за рубеж. Ни посольства, ни торговые представительства не были ориентированы всерьез на эти функции. Не были использованы и огромные возможности российской диаспоры за рубежом, которая сегодня является, например, «самым крупным нацменьшинством» в Европе. Не были использованы и огромные ресурсы влияния, созданные СССР в других странах, в интересах развития.

Еще более справедлив следующий вывод американских экспертов:

– «Правительство Израиля не пыталось реформировать существующие научные организации; вместо этого оно разработало новую политику и программы в ходе нескольких циклов развития для заново возникающих структур».

Правительство России делало иные раз наоборот: уничтожались «до основания» отраслевые институты, были обречены на вымирание институты РАН и других академий.

Одновременно не создавалось ничего нового ни в фундаментальной, ни в прикладной науке.

– Бюро главного ученого (OCS) сыграло важную роль в определении задач научно-технологического развития и координировании исследований. В начале своей деятельности OCS столкнулось с некомпетентностью руководства и низкой эффективностью небольших грантов. Однако благодаря уверенному руководству выпускника Массачусетского технологического института Ицхака Якова и международной сети OCS смогло создать гибкую, восприимчивую культуру, отвечающую интересам промышленности.

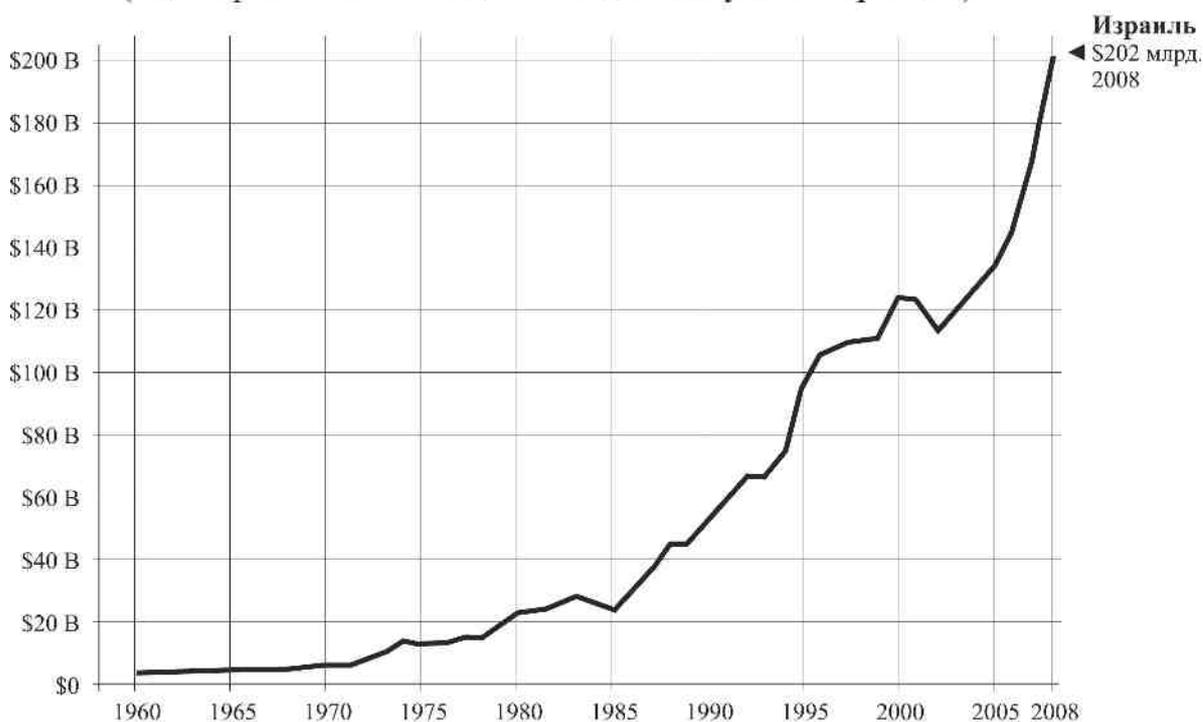
– Венчурные компании представляют собой важный источник инвестирования высокотехнологического бизнеса. Не менее значимым для предпринимателей является руководство в области управления и обслуживания¹.

Результатом развития экономики Израиля стал ее стремительный рост – как количественный, так и качественный².

¹ Ярославский план 10-15-20: 10 лет пути, 15 шагов, 20 предостережений. Доклад нью-йоркской академии наук / The New York Academy of Science, August 20, 2010. p. 8.

² Ярославский план 10-15-20: 10 лет пути, 15 шагов, 20 предостережений. Доклад нью-йоркской академии наук / The New York Academy of Science, August 20, 2010. p. 7.

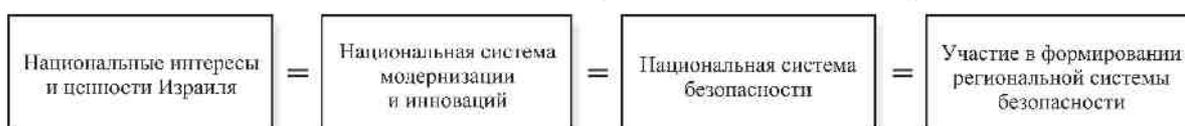
Валовой внутренний продукт Израиля
(в долларах США на сегодняшний день без учета инфляции)

Источник: Всемирный банк, показатели мирового развития (по состоянию на 15 июня 2010 года).

Таким образом опыт Израиля показал, что логика модернизации может быть иной. Более того, именно ориентация на национальные интересы и ценности стала условием успешной модернизации и создания эффективной системы национальной безопасности. Эта логика может быть изображена на следующем рисунке.

Национальная система модернизации и безопасности Израиля

Как видно, Израиль, не поступаясь интересами национальной безопасности смог не только быстро осуществить модернизацию в **труднейших внешних условиях** враждебного окружения и отсутствия природных ресурсов, но и укрепить свою национальную безопасность. При этом вопрос о международной и региональной безопасности

ставится им в качестве **производного** от национальной безопасности, а не в качестве **условия** ее обеспечения.

В России к 2010 году остро встал вопрос об обеспечении национальной безопасности в прямой связи с модернизацией, прежде всего развитием отечественных НИОКР. Обещание Д.Медведева в конце ноября 2010 года о том, что военные расходы до 2020 года будут сохраняться на уровне 2,8% ВВП»¹, относится, видимо, к денежному содержанию военнослужащих. Что же касается расходов на НИОКР, которые в развитых странах традиционно составляют до 10% военных бюджетов, то здесь ясности нет. Как, впрочем, и относительно всей структуры военного бюджета страны.

Ответы на вопросы о новой роли России в XXI веке и отношении к этой проблеме российской элиты можно получать при анализе двух ведущих тенденций: эволюции мировой политической системы, влияния на этот процесс глобализации, в т.ч. европейской интеграции, а также процесса эволюции взглядов самой российской элиты на проблемы европейской безопасности, которые за последние десятилетия претерпели радикальные изменения.

В связи с первой тенденцией эволюции системы международных отношений отчетливо просматриваются как минимум, два крайних, диаметрально противоположных, сценария возможного развития событий², которые сегодня объективно существуют, по мнению российской элиты, в мире.

«Первый, пессимистический и трагический сценарий – это продолжение ныне преобладающей модели глобализации, получивший название неолиберальной. Данная модель осуществляется в интересах и под руководством ТНК и западной цивилизации, направленность ее на реализацию однополярного мира, она ведет к углублению пропасти между богатыми и бедными странами. Итогом осуществления этой модели станет унификация по западному образцу и иерархизация мирового сообщества, на вершине которой – североамериканская цивилизация, с тенденцией подавления и ликвидации цивилизационного

¹ Д.Медведев: Финансирование армии увеличится втрое / Электронные СМИ «Росбизнесконсалтинг», 26 ноября 2010 г. / <http://top.ebc.ru/politics/26/11/2010/505317>.

² См. подробнее: *Г.Н.Смирнов*. Политический процесс, глобализация и Россия. Мир и политика, 2010 г., № 2(41), с. 51–52.

(незападного) и культурного разнообразия, являющегося гарантом сохранения и источником саморазвития глобального сообщества»¹.

Этот сценарий или модель многим в российской элите представляется неизбежным, однако у российской элиты есть справедливые возражения: однополярный мир неизбежно порождает ответную реакцию остального мира, который будет отчаянно защищать цивилизационное разнообразие. Как правильно полагает профессор МГИМО(У) А.Д.Богатуров, «На практике получилось совсем иное. В основе своей пацифистская идея общечеловеческого интереса как воплощения идеологического компромисса и глобального примирения была по сути дела отброшена и заменена фактически воинственной и в тот момент торжествующей идеей глобальной демократизации, которая сама по себе ни мира, ни взаимной терпимости, ни компромисса не сулила – потому что она означала подчинение одной части мира другой, причем если при У.Клинтоне это подчинение мыслилось как в основном «добровольно-принудительное» и по возможности мирное, то при Дж.Буше его стали откровенно провозглашать обязательным и подкрепленным американской военной машиной»².

Подавить это сопротивление можно только военной силой, возрождая тоталитаризм и неоколониализм в глобальных масштабах, что абсолютно неприемлемо для большинства стран и народов. Это неизбежно поставит под угрозу международную безопасность, более того, возможно приведут к новой мировой войне, вероятность которой не исключил Д.Медведев, выступая в мае 2010 года в газете «Известия».

Развитие по этому сценарию **не влияет** на стабилизацию военно-политической ситуации по периметру границ России. Скорее наоборот: мы видим, что все последние 20 лет ситуация объективно ухудшается. Как совершенно справедливо замечает исследователь из МГИМО(У) В.Н.Земсков, «Дополнительную неопределенность приносят в военно-политическую ситуацию сохраняющаяся напряженность и продолжающаяся нестабильность в Ираке, на Ближнем Востоке в целом, в Афганистане.

¹ А.Подберезкин. Новые международные реалии / www.allrus.info/main.php?ID=626131&ar3=508

² Экономика и политика в современных международных конфликтах / Под общ. ред. А.Д.Богатурова. М., МГИМО(У), 2010 г., с. 31.

В центральноазиатском регионе, да и на территории самой России все еще сохраняют свой деструктивный потенциал экстремистские группировки и бандформирования, которые еще не отказались от планов использования силовых методов для достижения своих целей захвата власти в отдельных государствах региона или на части их территорий для создания там исламистских режимов.

На западном и кавказском направлениях набирает обороты процесс милитаризации соседних государств, наращивающих свои арсеналы сверх того, что необходимо для нужд обороны. По периметру пространства СНГ в последние годы заметно возросло присутствие элементов военной машины НАТО, что само по себе может создать условия для обострения международных отношений.

При таком наборе сценариев **нужен совершенно иной инструментарий для нейтрализации или ликвидации возникающей угрозы.** Во всяком случае задействование крупных группировок в составе нескольких дивизий и/или с участием целых родов вооруженных сил отдельных стран региона или их формирований вряд ли будет уместно.

Как само Содружество Независимых Государств, так и созданные с участием его членов структуры, такие как ОДКБ, ШОС, ЕврАзЭС, Совещание по взаимодействию и мерам доверия в Азии (СВМДА) **идеальным современным требованиям коллективной безопасности не соответствуют** (подч. *А.П.*).

С учетом всех существующих обстоятельств система евразийской коллективной безопасности в лучшем случае остается фрагментированной...»¹.

Таким образом сохранение в перспективе этого сценария развития неизбежно приведет в будущем к сохранению и даже развитию неблагоприятных в целом для России отношений по периметру ее границ: от северо-запада до юго-востока. Пока что Россия не втянута

¹ *В.Н.Земсков.* Характер и возможные направления развития региональной системы коллективной безопасности на евразийском пространстве. МИ МГИМО(У), ноябрь 2010 г., с. 3.

прямо в военные конфликты, но, во-первых, нет гарантии, что этого не будет в будущем, а, во-вторых, непонятно **с кем и какими силами и средствами** она будет решать эти военно-политические конфликты, вероятная уже в недалеком будущем. Как справедливо отмечает тот же В.Н.Земсков, «Не создает каких-либо преимуществ для интеграционных процессов на постсоветском пространстве резкое снижение уровня, за пределами взаимодействия по линии ОДКБ и ШОС, двусторонних политических, хозяйственных, гуманитарных и иных связей между отдельными странами региона, которые на порядок слабее по сравнению с их же контактами, например, с Россией или дальним зарубежьем. Более того, как в ОДКБ, так и в ШОС явно недостает политической солидарности, гармонизации позиций государств-членов по важнейшим мировым и региональным проблемам. Достаточно в этой связи вспомнить определенные трения и напряженность между Арменией, с одной стороны, и центральноазиатскими государствами, с другой, из-за голосования последних на сессиях ОИК за резолюцию с осуждением «армянской агрессии». Возникали поэтому же поводу трудности в отношениях между государствами-членами ОДКБ и в ООН.

Отдельно и крайне ответственно встает вопрос о соотношении сил и степени сотрудничества созданных с участием государств-участников СНГ различных интеграционных структур, прежде всего, ОДКБ и ШОС»¹.

Ответ может быть только один: Россия должна рассчитывать только сама на себя, точнее, на ту модернизацию, которая может привести к созданию не только нового общества и новой экономики, но и реальных военно-политических инструментов влияния – эффективных военных сил и средств. Эти силы и средства не появятся в результате технологических заимствований извне, которые по определению будут хуже, чем у тех стран, которые их производят.

Кроме того, важно развитие двусторонних и междунациональных отношений «по всем азимутам» с государствами, расположенными по

¹ В.Н.Земсков. Характер и возможные направления развития региональной системы коллективной безопасности на евразийском пространстве. МИ МГИМО(У), ноябрь 2010 г., с. 3.

периметру границ с Россией. Это – огромный ресурс развития, который не должен ставиться в зависимость от отношений с другими странами. Например, как это было сделано по отношению к Ирану, которому оказали в поставках систем ПРО.

Так, по свидетельству ученых МГИМО(У) за 2000–2008 годы торговля России со странами Центральной Азии¹.

Торговля между Россией и странами Центральной Азии в период 2000–2008 гг., млн. долл. США

Годы	Товарооборот*	Экспорт России в Центральную Азию	Импорт России из Центральной Азии	Торговое сальдо России
2000	6 469	2 730	3 739	-1 009
2001	5 924	3 517	2 407	1 110
2002	5 464	3 492	1 972	1 520
2003	7 088	4 520	2 568	1 952
2004	10 463	6 103	4 360	1 743
2005	13 227	7 525	5 702	1 823
2006	14 869	7 982	6 887	1 095
2007	21 787	13 489	8 298	5 191
2008	29 267	16 144	13 123	3 021

Источники: Национальные статистические органы стран Центральной Азии.

* Объемы торгового оборота между Россией и странами Центральной Азии подсчитаны путем суммирования объемов двусторонних торговых оборотов.

Можно констатировать, что игнорирование в течение многих лет этого направления внешней политики России, в т.ч. внешнеэкономических связей, очевидно. Рост товарооборота за 8 лет почти в 5 раз, можно назвать только началом этого процесса. Очевидно, что резервы такого сотрудничества огромны.

Альтернатива сценарию глобализации есть. Суть её в постепенной смене модели глобализации на гуманистическую модель, реализуемую в интересах и под контролем «глобального гражданского общества» при максимально бережном отношении к национальным ценностям. Эта

¹ В.В.Пармонов, А.В.Строков, О.А.Столковский. Россия в Центральной Азии: политика, экономика, безопасность. В сб. докладов ИМИ МГИМО(У) Центральная Азия: актуальные акценты международного сотрудничества. М., МГИМО(У), 2010 г., с. 54.

альтернативная модель может быть реализована лишь на принципах диалога и партнерства стран и цивилизаций в совместном решении острейших глобальных проблем XXI в. – экологической, демографической, технологической, экономической и социокультурной. В этом заинтересованы не только отстающие и бедные страны и цивилизации, но и авангардные: «и богатые, и бедные – все в одной лодке». Только на этом пути возможно построение геополитической системы постиндустриального общества. Именно эта модель и легла в основу инициативы Д.Медведева о создании новой архитектуры европейской безопасности, которая может стать прообразом мировой безопасности.

Надо только понимать, что диалог может вестись между равноправными партнерами. Россия сегодня таким партнером не является. Она только может им стать, если ее правящая элита в очередной раз не проспит новый этап научно-технической революции, либо выберет, опять же в очередной раз, тупиковый путь развития.

И, конечно же, при учете современных реалий, а они таковы. Как совершенно справедливо замечает профессор МГИМО(У) А.Д.Богатуров, «... синергетика дала важную подсказку: поведением системы управляют не все ее характеристики, а только набор ключевых из них. Для целей анализа таковых должно быть выделено не более пяти (число «лямбда»). Если следовать этой логике, то набор лидерских черт будет выглядеть приблизительно так:

(1) военная сила, (2) научно-технический потенциал, (3) производственно-экономический потенциал, (4) организационный ресурс, (5) совокупный креативный ресурс (потенциал производства востребованных жизнью культурных, идейных, научных и иных инноваций).

Военная сила с целью возможности ее прямого или косвенного применения для установления контроля над поведением других стран была ключевым параметром лидерства в 1945–1962 годах. В 1963–1973 годах ее роль понижалась. В 1974–1985 годах она стабилизировалась,

затем снова упала (1986–1990), чтобы в 1990-х обнаружить тенденцию к росту и резкий взлет в первом десятилетии XXI века»¹

Как видно, синергетический эффект, в т.ч. и отраженный на эффективности использования военной силы, во многом зависит от качества и величины НЧП.

Российская элита вполне трезво оценивает нынешнее место России в мире, которая по основным показателям серьезно отстает от группы развитых стран, а тем более США. Так, соотношение сил в мире можно оценить традиционно, исходя из величины ВВП, – показателя, который, следует напомнить, уже не раз менялся за последние 100 лет. Как подчеркивает исследователи МГИМО(У), еще в начале XIX в., как и в предыдущие столетия, ведущими по экономической мощи были две крупные древние цивилизации: Китай и Индия. На них приходилась почти половина производимого в мире ВВП.

К 1913 г. ситуация радикально изменилась: Китай и Индия производили всего 8,8 и 7.5% ВВП мира, т.е. примерно столько же, сколько Германия и Великобритания. Вся Западная Европа вместе с США давала уже более половины мирового ВВП. Увеличилась также доля России и ЦВЕ.

Доля различных стран и регионов в ВВП мира, %

	1500 г.	1820 г.	1870 г.	1913 г.	1950 г.	1973 г.	2001 г.
Западная Европа	17,8	23,0	33,0	33,0	26,2	25,6	20,3
США	0,3	1,8	8,8	18,9	27,3	22,1	21,4
Другие страны переселенческого капитализма*	0,1	0,1	1,2	2,5	3,3	3,2	3,1
Япония	3,1	3,0	2,3	2,6	3,0	7,8	7,1
ЦВЕ	2,7	3,6	4,5	4,9	3,5	3,4	2,0
Россия (СССР, СНГ)	3,4	5,4	7,5	8,5	9,6	9,4	3,6
Китай	24,9	32,9	17,1	8,8	4,5	4,6	12,3
Индия	24,4	16,0	12,1	7,5	4,2	3,1	5,4
Остальные страны Азия	12,6	7,5	6,9	6,0	6,8	8,7	13,2

¹ Современная мировая политика. Прикладной анализ / Под ред. А.Д.Богатурова. М., МГИМО(У), 2009 г., с. 163.

Латинская Америка	2,9	2,2	2,5	4,4	7,8	8,7	8,3
Африка	7,8	4,5	4,1	2,9	3,8	3,4	3,3
Мир в целом	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0

* Оценка.

Источник: Maddison A. The World Economy: Historical Statistics. Paris, OECD, 2001. P. 261

За последующие сорок лет картина опять изменилась и в 1950 г. выглядела так: доля Западной Европы заметно снизилась, а доля США резко возросла. Продолжала расти доля СССР, превратив его во вторую по экономической мощи державу мира¹.

Примечательны демографические показатели, которые являются одним из важнейших критериев в оценке соотношения сил.

Структура мирового населения, млрд. человек²

	1980 г.	2002 г.	2004 г.	2015 г. (прогноз)	Средне годово й темп прирос та населе ния в 1980– 2002 гг., %	2000– 2005 гг. (%)	Населе ние в возраст е старше 65 лет (в 2003 г., %)	Демогр афичес кая нагрузк а
Весь мир	4,4	6,2	6,3	7,0	1,5	1,2	6,0	0,5
Страны с низким доходом на душу населения	1,6	2,5	2,3	3,2	2,1	1,8	3,4	0,6
Страны со средним доходом на душу населения	2,0	2,7	3,0	3,0	1,3	0,9	5,8	0,4
Страны с высоким доходом на душу населения	0,8	1,0	1,0	1,0	0,7	0,7	12,8	0,3

В российском обществе, следует признать, существует определенный парадокс в оценке действительности, который для многих на Западе выглядит как противоречие. С одной стороны, российская элита и все общество признает огромный потенциал России, а, с другой, – его очевидно слабую современную реализацию. Отсюда – разница

¹ Мировая экономика. Изд. 2-е, переработанное, дополненное. / Под ред. А.С.Булатова. М.: МГИМО(У), изд-во «Экономист», 2007 г., с. 113.

² Там же.

между амбициями и действительностью. Эта оценка реальной реализации потенциала в первом десятилетии XXI века строится на сопоставлении и сравнении важнейших критериев, среди которых регулярно используются: доля Российского ВВП в мировом ВВП (чуть более 3%), душевой ВВП (около 12 тыс. долл. США), доля в экспорте наукоемкой технологии (0,3%) и др. Это видно из публикуемых официальных данных¹, сведения о которых широко используются не только в российской печати и исследователями, но и руководителями страны.

Основные показатели международных сопоставлений ВВП отдельных стран мира за 2009 г.

	ВВП по ППС, млрд. долл. США	Доля страны в совокупном ВВП по ППС Мир = 100	ВВА на душу населения по ППС		Паритет покупательной способности, единиц национальной валюты за долл. США	Сопоставимый уровень цен (отношение ППС к валютному курсу), процентов
			долл. США	США = 100		
Азербайджан	38,4	0,07	4648	11,2	1631,6	35
Армения	12,6	0,02	3903	9,4	178,6	39
Беларусь	83,5	0,15	8541	20,5	779,3	36
Грузия	15,3	0,03	3505	8,4	0,7	41
Казахстан	131,8	0,24	8699	20,9	57,6	43
Киргизия	8,9	0,02	1728	4,1	11,4	28
Республика Молдова	8,5	0,02	2362	5,7	4,4	35
Россия	1697,5	3,09	11861	28,5	12,7	45
Таджикистан	9,7	0,02	1413	3,4	0,7	24
Украина	163,0	0,48	5583	13,4	1,7	33
СНГ	2269,2	4,13	9202	22,1	–	43
Австралия	671,5	1,22	32798	78,7	1,4	106
Австрия	280,8	0,51	34108	81,8	0,9	109
Албания	16,8	0,03	5369	12,9	48,6	48
Бельгия	336,0	0,61	32077	77,0	0,9	112

¹ Социальное положение и уровень жизни населения России. 2009: Стат. сб. / Росстат. М., 2009 г., с. 499–500.

Болгария	72,2	0,13	9353	22,4	0,6	38
Босния и Герцеговина	25,0	0,05	6506	15,6	0,7	46
Венгрия	171,6	0,31	17014	40,8	128,5	64
Германия	2514,8	4,57	30496	73,2	0,9	111
Соединенное Королевство (Великобритания)	1901,7	3,46	31580	75,8	0,6	118
США	12376,5	22,51	41674	100,0	1,0	100
Турция	61,1	1,02	7786	18,7	0,9	64
Финляндия	159,8	0,29	30469	73,1	1,0	122
Франция	1862,2	3,39	29644	71,1	0,9	115
Хорватия	58,8	0,11	13232	31,8	3,9	66
Черногория	4,9	0,01	7833	18,8	0,4	45
Чешская Республика	207,6	0,38	20281	48,7	14,4	60
Швейцария	266,3	0,48	35520	85,2	1,7	140
Швеция	288,9	0,53	31995	76,8	9,2	124
Эстония	22,4	0,04	16654	40,0	7,8	62
Япония	3870,3	7,04	30290	72,7	129,6	118

Как видно отставание России по страновому и душевому ВВП очень существенно. Эта обеспокоенность стала причиной того, что в начале десятилетия стали стремительно появляться концепции и стратегии опережающего развития, декларировавшие, например «удвоение ВВП страны» в качестве главной стратегической задачи. Эти документы, включая и выступления В.Путина в первой половине нынешнего десятилетия, ориентированы на экстенсивный рост российской экономики.

Между тем, как справедливо признают исследователи МГИМО(У), «... для современного мира характерно быстрое увеличение доли **третичного сектора** (услуг) в экономике. Так, в России в третичном секторе уже работает около 60% всех занятых, а численность занятых во вторичном секторе перестала расти еще в 70–80-е гг., а в 90-е гг. сокращалась. В США в третичном секторе занято 75% работающих.

Причем быстрый рост этого сектора происходит прежде всего за счет образования, науки и научного обслуживания, культуры и искусства, здравоохранения и физической культуры, жилищно-коммунального хозяйства и бытового обслуживания, социального обеспечения, индустрии отдыха (т.е. рост НЧК – *А.И.*). В России в этих отраслях (у нас они часто называются отраслями социальной сферы) занято уже более ¼ работающих (в 1970 г. – около 1/5)»¹.

Эта тенденция еще больше усилилась к концу первого десятилетия. Ожидается, что в ближайшие 10–15 лет прирост ВВП до 95% в развитых странах будет обеспечен именно за счет прироста НЧП.

Преодолеть отставание страны по уровню НЧП (т.е. обеспечить «догоняющее развитие») можно выбрав одну из двух моделей – импортозамещения или экспортоориентирования Первая характеризуется ростом государственного участия и протекционизмом. Вторая (нелиберальная) – ориентацией отраслей на внешний рынок и невозможностью создать многоотраслевую и наукоемкую экономику. Похоже, к сожалению, Д.Медведев в очередной раз выбрал именно эту модель развития страны по «догоняющему сценарию».

Между тем существует и еще одна модель, которая, на мой взгляд, в наибольшей степени подходит России. Модель «опережающего развития», основанная на преимущественном развитии НЧП. Которая сегодня фактически игнорируется. Как справедливо считают учение МГИМО(У), «В России, как и в большинстве других стран мира, национальное богатство подсчитывается на базе реального капитала, оставляя в стороне такие важные элементы капитала (богатства) нации, как природные ресурсы, человеческий капитал, финансовый капитал. Национальное богатство России, рассчитанное по стандартной методике Федеральной службы государственной статистики, на 80% состоит из основных фондов, на 7% – из материальных оборотных средств и на 13% – из домашнего имущества длительного пользования.

Подсчитанное таким образом национальное богатство России на начало 2005 г. Составляло **50,3 трлн. руб.** По оценке Института экономики РАН, оно составляло примерно 6 трлн. долл. По паритету

¹ Мировая экономика. 2-е изд. / под ред. А.С.Булатова. М., МГИМО(У), 2007 г., с. 108.

покупательной способности. По этой же оценке весь **реальный капитал** мира на рубеже XX и XXI вв. **равнялся 95 трлн. долл.**, что позволяет сделать вывод, что на Россию падает примерно **пятнадцатая часть реального капитала** мира.

Учет стоимости природных ресурсов резко увеличит национальное богатство России, выведя его на одно из первых мест в мире. По оценке ИЭ РАН, минеральные, земельные и лесные ресурсы России составляют около **24 трлн. долл.** (по среднегодовым мировым ценам), что равно пятой части природных богатств всего мира.

Еще больше увеличит национальное богатство России учет в нем человеческого капитала. Если оценивать его на базе вложенных в каждого гражданина затрат на образование, науку, здравоохранение, культуру и искусство, информационное обслуживание, то, по оценке ИЭ РАН, человеческий капитал России **равен примерно 30 трлн. долл.** (США – **95 трлн.**, Китая – 25 трлн., Индии – 7 трлн., Бразилии – 9 трлн. долл.), что составляет двенадцатую часть человеческого капитала мира.

Исчисленное на базе реального, природного и человеческого капитала **национальное богатство России является очень большим, вторым по величине в мире – 59 трлн. долл.** (США – 124 – трлн., Япония – 54 трлн., Китай – 35 трлн., Индия – 12 трлн., Германия – 31 трлн., Франция и Великобритания – по 21 трлн. долл.).

Однако учет финансового капитала, который в России невелик по сравнению с экономически развитыми державами мира, уменьшит вес России в мировом богатстве. Так, капитализация рынка акций составляет 0,5 трлн. долл. В России в 2005 г. Против 3,7 трлн. в Японии и 16,3 трлн. в США. По данным Всемирного банка, доля России на мировом рынке акций мира составляла в 2005 г. Примерно 1,4%»¹.

Из этих данных МГИМО(У) понятны преимущества России, которые по разным причинам сегодня не используются. Так, за 2000–2009 годы медленно росли расходы на образование в России.

¹ Мировая экономика. 2-е изд. / под ред. А.С.Булатова. М., МГИМО(У), 2007 г., с. 789–790.

Бюджетные расходы на образование в 2000–2009 гг.¹

	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009
Консолидированный бюджет	214,8	277,8	408,0	475,6	593,2	80,8	1033,3	1342,3	1664,2	1 691,9
– Федеральный бюджет	38,1	54,5	81,7	99,8	121,6	162,1	201,6	278,5	354,9	413,1
– Территориальные бюджеты	176,7	223,3	326,3	375,8	471,6	628,6	831,7	1063,8	1309,8	1278,8
Доля расходов консолидированного расходов консолидированного бюджета на образование, % ВВП	2,9	3,1	3,8	3,6	3,5	3,7	3,9	4,1	4,1	4,0
– Федеральный бюджет	0,5	0,6	0,8	0,8	0,7	0,8	0,8	0,8	0,8	1,0
– Территориальные бюджеты	2,4	2,5	3,0	2,8	2,8	2,9	3,1	3,3	3,3	3,0
Доля расходов на образование в консолидированном бюджете РФ, %	9,7	9,7	10,2	12,0	12,7	11,8	12,3	11,9	11,8	10,5
Доля расходов на образование федерального бюджета в расходах консолидированного бюджета РФ, %	1,7	1,9	2,0	2,5	2,6	2,4	2,4	2,5	2,5	2,6
Доля расходов на образование территориальных бюджетов в расходах консолидированного бюджета РФ, %	8,0	7,8	8,2	9,5	10,1	9,4	9,9	9,4	9,3	7,9

Источник: Росстат, Федеральное казначейство.

Основным в определении человеческого капитала является понятие капитала как самовозрастающей стоимости. С этих позиций человек рассматривается как определённый объект, который в результате произведённых в него инвестиций представляет собой экономический объект с определённой стоимостью. На данном этапе человек не является

¹ Российская экономика в 2009 году. Тенденции и перспективы. Институт экономики переходного периода. Выпуск 31. М., 2010 г., с. 405.

капиталом и представляет собой пока только определённый потенциал. В этой связи человеческий потенциал можно также трактовать как набор инвестиций (образовательных, здравоохранительных и воспитательных) произведённых в человека. **Капиталом человек становится только будучи субъектом экономической деятельности, то есть когда произведённые в него инвестиции начинают работать и приносить прибыль¹**, как считают экономисты. Или, на мой взгляд, – **общественную пользу, что гораздо, принципиально, точнее**. Капитал – реализованный потенциал человека или нации. И не обязательно только для прибыли. Общественная и государственная польза – вот критерий оценки реализации потенциала, превращения его в капитал и фактор развития. Более того, общественная польза, в отличие от прибыли, становится все чаще политической категорией.

В условиях социальной и экономической справедливости, более квалифицированные, более активные работники получают более высокую заработную плату, таким образом, получая более высокую отдачу от своего человеческого капитала. Но такое положение в экономике, как и в международных отношениях, – идеализация, скорее – желательная тенденция, которая однако, безусловно, усиливается в последние десятилетия.

Важно также подчеркнуть, что как личный человеческий капитал, так и человеческий капитал фирмы и нации, принадлежат **исключительно этим субъектам**. Его нельзя отнять, взять займы или заложить. Для страны и нации это имеет огромное значение: увеличение НЧК объективно ведет к укреплению суверенитета и национальной безопасности. Если, например, НЧК в России составляет по некоторым оценкам более 55% национального богатства (в развитых странах – более 80%), то увеличение его доли до 80% в процессе модернизации объективно ведет **к резкому укреплению суверенитета, способности защищать национальные интересы и ценности, быть более устойчивым к вызовам глобализации**.

И, наоборот (кризис 2008–2010 годов это наглядно показал): сохранение ресурсной экономики, низкого удельного веса НЧК, ведет к

¹ *Е.Е.Лимачко*. Человеческий капитал в современной экономике – некоторые теоретические аспекты. Институт экономики РАН, Новосибирск.

ослаблению национального суверенитета, возможностей защищать национальные интересы и ценности. Поэтому выбор стратегии модернизации не случайно вызывает споры и даже попытки противопоставить модернизацию национальным ценностям. Стратегия модернизации, ориентированная на зарубежные заимствования технологий и инноваций, очевидно отличается от стратегии модернизации, ориентированной на развитие НЧК. В том числе и с точки зрения интересов национальной безопасности.

Для оценки человеческого потенциала широко используется так называемый индекс развития человеческого потенциала (ИРЧП), который ежегодно публикуется под эгидой ООН (Human Development Index – HDI). Он является инструментом универсальных сравнений и пользуется значительным авторитетом как в академической среде, так и в политическом сообществе.

Непосредственно составлением рейтинга стран по данному индексу занимается Программа развития ООН (ПРООН). В создании Докладов о развитии человека¹ принимает участие группа независимых экспертов, которые в своей работе опираются на другие исследования, проводимые ООН, а также на официальные данные национальных исследовательских центров.

Идея расчета ИРЧП как совокупного индекса, включающего в себя показатели социального и экономического развития, была предложена в 1990 г. группой экспертов ПРООН. Создание такого индекса объяснялось необходимостью оценки эффектов развития на человеке, который таким образом становился объектом исследования проблем развития².

Значение ИРЧП призвано показывать уровень благополучия населения в стране, а также существующие в ней возможности для реализации жизненных потребностей и приоритетов. В качестве важнейших критериев развития человека выбраны долгая здоровая жизнь, высокий уровень образования и достойный (в материальном отношении) уровень жизни.

¹ Human Development Reports / UNDP/ <http://hdr.undp.org>.

² Отчет о научно-исследовательской работе по теме «Динамика мирового политического развития и проблемы, конкурентоспособности России». МГИМО(У), 2010 г., с. 30–31.

Этот подход имеет не только методическое, но и политическое значение. Если элита страны, например, недооценивает значение высшего образования, то такое отношение безусловно скажется (причем быстро и непосредственно) не только на ИРЧП, но и на эффективности экономики и НЧП в целом. В этой связи не понятна логика состоявшегося в сентябре 2010 года совместного заседания Госсовета и Комиссии по модернизации при Президенте России, где отчетливо прозвучал тезис о том, что в условиях модернизации «... необходимо устранить сложившийся в 90-х годах перекос в сторону высшего образования. «Очевидная нехватка специалистов, выпускников начального, среднего профобразования», – заявил Д.Медведев»¹. При этом в качестве аргумента было приведено мнение М.Прохорова, что современное образование готовит 80 процентов выпускников с высшим и только 20 – с начальным и средним образованием, тогда как «рынок требует обратной пропорции».

Аргумент – крайне неубедительный. Если развалили систему профобразования, – что истинная правда, то и надо ее восстанавливать, т.е. **увеличить число выпускников**, создав для этого необходимые условия, а не пытаться кастрировать высшее образование.

Известно, что высшее образование дает максимальный экономический и социальный эффект. Поэтому вопрос надо ставить – как это сделано, например, в Японии, – вопрос **о всеобщем** (не путать с обязательным!) высшем образовании, а не искусственно сокращать число студентов. Напомню, что в Стратегии национальной безопасности США 2010 года в качестве важнейшего приоритета ставится задача достижения максимального уровня выпускников высших учебных заведений.

Кроме того очередной аргумент – «рынок требует» – не подтверждается практикой наиболее развитых стран, где доля студентов университетов заметно растет. Они (выпускники университетов) и формируют будущий рынок экономики знаний. В США, Японии, Китае это прекрасно понимают.

¹ В.Кузьмин. Профессионалы модернизации / Российская газета, 1 сентября 2010 г., с. 2.

На этом же Госсовете министр А.Фурсенко фактически подтвердил идею искусственного сокращения вузов, что, конечно же, совершенно не отражает мировые тренды в развитии¹.

Со временем, помимо собственно ИРЧП, эксперты ПРООН стали рассчитывать ИРЧП с учетом пола и индекс человеческой бедности. Сам же ИРЧП претерпел изменения в методологической части – изменился принцип определения уровня грамотности населения и механизм подсчета ВВП на душу населения.

ИРЧП является композитным индексом, который подсчитывается на основании индекса ожидаемой продолжительности жизни, индекса образования и индекса ВВП на душу населения по паритету покупательной способности².

Источником данных для определения индекса ожидаемой продолжительности жизни (Life Expectancy Index) является официальное издание ООН «Перспективы народонаселения мира». Индекс образования (Education Index) рассчитывается исходя из уровня грамотности взрослого населения и совокупного валового коэффициента поступивших в начальные, средние и высшие учебные заведения. Данные о грамотности населения берутся из официальных результатов национальных переписей населения и сравниваются с показателями, вычисляемыми Институтом статистики ЮНЕСКО. Для развитых стран, которые уже не включают вопрос о грамотности в анкеты переписи населения, принимается уровень грамотности 99%. Данные о числе граждан, поступивших в учебные заведения, агрегируются Институтом статистики ЮНЕСКО на основе информации, предоставленной соответствующими правительственными учреждениями стран мира. Индекс ВВП на душу населения по паритету покупательной способности (GDP Index) понимается в исследовании как индекс достойного уровня жизни. Данные по уровню ВВП на душу населения предоставляются Всемирным Банком.

На основе рассчитанных показателей ИРЧП страны (в Докладе 2009 г. ИРЧП рассчитан для 182 государств) ранжируются на государства

¹ *Н.Косенко*, др. из МГУ в ПТУ / Ведомости, 1 сентября 2010 г., с. 2.

² См. подробнее: *Л.М.Капица*. Индикаторы мирового развития / Л.М.Капица. 2-е изд. М.: МГИМО(У) МИД России, 2008 г.

с высоким уровнем ИРЧП (83, включая Россию; на первом месте – Норвегия), со средним уровнем ИРЧП (75) и низким уровнем ИРЧП (75) и низким уровнем ИРЧП (24; на последнем месте – Нигер).

ИРЧП по факту предоставляет чуть ли не стандартную классификацию государств мира, пользующуюся доверием, часто применяемую в различных исследованиях, в том числе сугубо прикладных. Не в последнюю очередь это объясняется тем, что в его основу положены не субъективные оценки экспертов или политиков, а реальные числовые показатели, взятые из официальных источников (конечно, это может создавать некоторые проблемы, связанные с тем, что правительства могут сознательно приукрашивать реалии своих стран), он относительно объективен и поддается верификации. ИРЧП, помимо названных достоинств, ежегодно обновляется.

Вместе с тем ИРЧП достаточно устарел, требует модернизации. Он уже сегодня подвергается справедливой критике.

Два недостатка отмечают критиками особенно часто:

– ИРЧП учитывает очень мало факторов и потому весьма неточен, соответственно он не учитывает таких данных факторов, как уровень развития науки, производительность труда, а, главное, творческие и культурные особенности;

– для развитых стран он уже вплотную приблизился к единице, т.е. нет пространства для роста. В ряде случаев, индекс даже «выскакивает» за единицу, что, естественно, недопустимо. Приходится искусственно снижать этот показатель.

Кроме того у ИРЧП есть и другие очевидные недостатки. Так, определение РВВП на душу населения – «валовой» показатель, который не свидетельствует ни о степени развития экономики, ни о ее структуре, ни о ее наукоемкости. Он говорит только о душевых реальных доходах, которые могут быть получены, например, от экспорта углеводород. По этому показателю, например, Катар превосходит все страны мира.

Не главная проблема все-таки в том, что ИРЧП должен характеризовать **социальную**, а не только экономическую сущность человеческой деятельности. **Человеческий капитал** – как показатель прибыли должен измениться и стать **Человеческим капиталом** – **показателем общественной пользы**. Это требует введение новых

частных индикаторов, которые должны отражать и качество человеческой личности, например, ее способность к творчеству. Как справедливо замечают В.В.Бушуев, В.С.Голубев, А.М.Тарко, – индексы – более сложные интегральные показатели, которые конструируются и рассчитываются на основе частных индикаторов. Если число индикаторов велико (в США используется 400 индикаторов), то индексов мало. При этом индексы конструируются индуктивным методом – от частного к общему, что связано с отсутствием теории социума и человека¹.

Предлагаемый национальный индекс человеческого капитала (НИЧК) пытается исправить оба эти недостатка. Однако, будучи простым для понимания и не используя сложную математику (это плюсы), он достаточно трудоёмок, так как требует большего количества достоверных данных. Кроме того при определении весовых коэффициентов трудно избежать субъективизма (это минусы).

Эти минусы, впрочем, преодолимы. Даже небольшая группа исследователей сможет выполнить эту работу, в достаточно короткие сроки.

Методика подсчета ИРЧП хорошо документирована, поэтому здесь мы приведем ее просто в виде таблицы-примера:

Расчет индекса развития человеческого потенциала для России

Исходные данные	Мин	Мах	Значение
Ожидаемая продолжительность жизни при рождении, лет	25	85	67,6
Уровень грамотности взрослого населения, %	0,0%	100,0%	98,7%
Совокупная доля учащихся начальных, высших и средних уч. заведений, %	0,0%	100,0%	69%
Реальный ВВП на душу населения, \$	\$100,00	\$5 448,00	\$5 184,00
Индекс ожидаемой продолжительности жизни			0,710
Индекс грамотности			0,987
Индекс доли учащихся			0,690
Индекс уровня образования			0,888

¹ В.В.Бушуев, В.С.Голубев, А.М.Тарко. Качество жизни и его индексы: мир и Россия. Уровень жизни населения регионов России. № 1 (143). 2010 г.

Индекс ВВП			0,951
Индекс Развития Человеческого Потенциала (ИРЧП)			0,850

Введем понятие **Дополнительный национальный индекс (Доп. НИ)**. Аналогичный индекс можно будет разработать и для регионов, что будет значительно точнее, но пока сосредоточимся на национальном уровне.

Данный индекс является открытым, т.е. рассчитывается из тех данных, которые достоверно известны для данной страны на текущий год. Доп. НИ рассчитывается из составляющих индексов. Их число может меняться, но ясно, что чем их больше, тем Доп. НИ, а значит и НИЧК более точно отражает реальное соотношение человеческого капитала, которым обладают страны мира.

Принимаем, что составляющие индекса могут быть положительными и отрицательными.

Дополнительные индексы для России

Положительные	Значение	Вес	Индекс	По весу
Индекс духовности (% население исповедующее религию)	50	0,3	0,500	0,150
Индекс культуры (% население посещающее театры, музеи, библиотеки)	70	0,3	0,700	0,210
Индекс креативности (% работников творческих профессий)	20	0,4	0,200	0,080
		1		
Отрицательные				
Индекс преступности (% заключенных)	7	- 0,6	0,070	- 0,042
Индекс здоровья (% инвалидов)	10	- 0,3	0,100	- 0,030
Индекс свободы (% чиновников)	20	- 0,1	0,200	- 0,020
		- 1		
Дополнительный национальный индекс (Доп. НИ)				0,348

В данной таблице, это следует подчеркнуть, нет ни одной достоверной цифры, – все приведенные значения условны и приведены здесь, лишь для иллюстрации механизма расчета Доп. НИ.

Из этого примера видно:

– все значения приведены в % к общему населения страны, т.е. все значения единообразны;

– весовые коэффициенты (здесь взяты условно – в реальности требуют отдельного обоснования/исследования) в сумме должны быть равны 1 для положительных индексов и минус 1 для отрицательных, это гарантирует удержание суммарного Доп. НИ в пределах от нуля до единицы;

– при вводе новой строки в состав положительного или отрицательного списка индексов, веса подлежат обязательному пересчету, с тем чтобы сумма осталась равной 1 (или –1);

– собственно Доп.НИ является простой суммой всех строк (положительных и отрицательных).

Национальный индекс индивидуального человеческого капитала для России

$$\text{НИЧК} = (\text{ИРЧП} + \text{Доп.НИ}) / 2 \quad \mathbf{0,599}$$

При такой методике расчета оба главных недостатка ИРЧП нивелируются:

– НИЧК существенно точнее отражает реальность;

– скорость приближения его к 1, даже для очень благополучных стран, значительно снизится.

В качестве иллюстрации, можно привести, как будет выглядеть рейтинг НИЧК первых 20 стран (данные условны):

Место в 2007	Страна	ИРЧП Данные 2007 (опубл, 2009)	Доп.НИ	НИЧК = (ИРЧП + Доп.НИ) / 2
1.	Франция	0,961	0,355	0,658
2.	Италия	0,951	0,353	0,652
3.	Нидерланды	0,964	0,340	0,652
4.	Дания	0,955	0,342	0,649
5.	Республика Корея	0,937	0,360	0,649
6.	Канада	0,966	0,330	0,648
7.	Япония	0,960	0,333	0,647
8.	Австрия	0,955	0,329	0,642
9.	Новая Зеландия	0,950	0,310	0,630
10.	Гонконг	0,944	0,340	0,642
11.	Швеция	0,963	0,300	0,632
12.	Бельгия	0,953	0,305	0,629

13.	Израиль	0,935	0,320	0,628
14.	Россия	0,850	0,348	0,599
15.	Швейцария	0,960	0,207	0,584
16.	Австралия	0,970	0,195	0,583
17.	Лихтенштейн	0,951	0,167	0,559
18.	Финляндия	0,959	0,153	0,556
19.	Германия	0,947	0,145	0,546
20.	Норвегия	0,971	0,113	0,542

Существует очевидная потребность в создании как международного, так и общероссийского индекса развития национального человеческого капитала, который смог бы стать инструментом **оценки эффективности деятельности правительств**. В конечном счете, именно такой результат – уровень НЧК – должен говорить **о качестве управления страной и быть главным аргументом, например, на выборах**.

Этот же вывод справедлив и для оценки эффективности управления всех регионов Российской Федерации, которые радикально отличаются по уровню своего развития и качеству жизни друг от друга. Региональный душевой ВВП Тувы, например, может отличаться от московского показателя в 15–20 раз, но национальный индекс является усредненным показателем **всех российских регионов**, а не только тех, где развитие идет относительно успешно.

Уверен, что рассуждая о современной модернизации мы должны **насытить это понятие конкретным содержанием** в том числе и конкретными критериями, показателями, индексами и т.п. Это внесло бы и больше содержания в дискуссию, ведь не случайно понятия «модернизация», «инновация», «инновационное развитие», «конкурентоспособность» занимают центральные места в российском политическом дискурсе. Создается впечатление, что после ряда инициатив Д.А.Медведева, содержавших призыв «сделать нашу страну современной и благоустроенной», требуется больше конкретики, и больше дискуссий, в ходе которых яснее стала бы и стратегия. Так, была учреждена Комиссия по модернизации и технологическому развитию экономики России во главе с президентом России¹, однако практических

¹ <http://archive.kremlin.ru/articles/216634.shtml>.

результатов, публикаций, выступлений и публичных дискуссий крайне мало.

Вместе с тем достаточно широко эти понятия были использованы Д.А.Медведевым в 2006–2008 годах. Они были положены в основу Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года, утвержденной распоряжением Правительства Российской Федерации от 17 ноября 2008 г. № 1662-р². Одной из главных целей был провозглашен переход к инновационному социально ориентированному типу экономического развития, специфика которого «состоит в том, что России предстоит одновременно решать задачи и догоняющего, и опережающего развития», ответить на «долговременные системные вызовы», отражающие развитие, как мировых тенденций, так и внутренних барьеров развития».

В этой связи особенно важным становится процесс мониторинга усилий по модернизации экономики и общества, сопоставления и сравнения результатов деятельности в России с мировыми тенденциями. Для этого необходимы инструменты подобных сравнений и сопоставлений, которые не только разработаны, но и успешно используются. Одним из таких инструментов может стать национальный (региональные) индекс индивидуального человеческого капитала (НИЧК), о котором говорилось выше. Можно и нужно использовать и другие, в т.ч. международные инструменты. Так, профессор МГИМО(У) Л.М.Капица приводит следующие 14 критериев, разработанные международными институтами, которые объединены в 4 кластера¹. Этот упрощенный вариант был назван протоколом измерения результатов прогресса.

Общие результаты развития
Среднегодовые темпы роста ВВП (в %);
Индекс человеческого развития.
Экономическое стимулирование и институциональный режим
Тарифные и нетарифные барьеры;

² Концепция долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года. <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online>.

¹ Л.М.Капица. Индикаторы мирового развития / Л.М.Капица. 2-е изд. М.: МГИМО(У) МИД России, 2008 г., с. 100.

<p>Качество правового регулирования; Приоритет закона.</p>
<p>Образование и человеческие ресурсы Уровень грамотности взрослого населения (% населения в возрасте от 15 лет и старше); Совокупный охват молодежи средним образованием; Совокупный охват молодежи высшим образованием.</p>
<p>Инновационная система Численность научных работников в сфере НИОКР на млн. населения; Число патентов, выданных Офисом патентов и торговых марок США на млн. населения; Научные и технические статьи, опубликованные в журналах, на млн. населения.</p>
<p>Информационная инфраструктура Число телефонов на 1000 человек (проводные + мобильные); Число компьютеров на 1000 человек; Число пользователей Интернета на 1000 человек</p>

Эти критерии могут иллюстрировать динамику модернизации в стране и ее готовность к экономике знаний. Однако это не снимает идеологических и политических вопросов **относительно целей модернизации**, которые сегодня трактуются как **некоторые частные задачи**, и даже самоцель. Что и признали в сентябре 2010 года авторы «Индекса Валдая», в котором, в частности, говорилось о том, что «культурное и цивилизационное развитие России предлагается оценить по критериям **созревания цивилизационной идеологии** (подч. – *А.П.*) и модели, степени свободы слова, религии, терпимости»¹.

¹ «Единая Россия». Официальный сайт / 07.09.2010 / <http://er.ru/about/15/3333>.

2.2.6. Внешняя политика России и НЧП

«Кремль меняет курс российской дипломатии. Первостепенной задачей становится модернизация страны, а главными партнерами являются Германия, Франция, Италия, Евросоюз в целом, а также США»¹.

Французские СМИ

«... для крупных государств, а тем более великих держав наличие собственной внешнеполитической идеологии обязательно»².

*М.Хрусталеv,
профессор МГИМО(У)*

Это выступление Д.Медведева перед российскими послами серьезно отличалось от предыдущего, состоявшегося в 2008 году (Президент России выступает с установочной речью раз в два года перед Послами России в МИДе), где он потребовал от высшего дипсостава «давать оценку, а иногда и просто отпор любым попыткам обеспечения национальных или групповых интересов в ущерб международному праву»³. Подобное сравнение наводит на мысль о том, что в 2010 году Д.Медведев внес слишком радикальные изменения не только в прежний внешнеполитический курс, но и на им самим утвержденную Концепцию внешней политики, подчинив задачу обеспечения национальных интересов частной задаче модернизации страны, опираясь на развитые страны Запада. Более того, в интересах модернизации (во всяком случае, так считают многие СМИ) он предложил провести модернизацию демократии и демократических институтов путем глобальных реформ. По его словам, международное сообщество должно составить список норм современной демократии и привлечь к участию в этом процессе все заинтересованные страны. «В целом интересам российской демократии отвечает следование как можно большего числа государств демократическим стандартам в их внутренней политике», сказал президент, подчеркнув при этом, что они «не могут быть навязаны в одностороннем порядке»⁴.

¹ Россия пересматривает дипломатические приоритеты 27.07.2010 г. / <http://www.inosmi.ru/20100721/161496074/>.

² М.А.Хрусталеv. Структура внешнеполитического курса государства, с. 127. В кн.: Современная мировая политика: Прикладной анализ / Отв. ред. А.Д.Богатуров. М.: Аспект-Пресс, 2009 с.

³ М.Зытарь, В.Соловьев. За МИД во всем мире / Коммерсант, 16 июля 2008 г.

⁴ Россия пересматривает дипломатические приоритеты 27.07.2010 г. / <http://www.inosmi.ru/20100721/161496074/>.

Эффективность внешней политики России в 2000–2010 годах непосредственно связана с темпами развития НЧП в мире. Количественный рост ВВП страны в 2000–2007 годы сопровождался укреплением внешнеполитического курса, но до определенного предела. Он, в частности, вызывал беспокойство на Западе, который ассоциировал выздоровление России с «возрождением империи», с одной стороны, и ее **отставанием** в качественном развитии, выражавшемся как в стагнации ИРЧП, так и развитии общественных институтов. Эти последствия и стали ?????? к выступлению Д.Медведева в июле 2010 года в МИДе.

Примерно со второй половины первого десятилетия, особенно после 2007 года, в российской элите стала звучать озабоченность качественными параметрами развития экономики и общества, особенно теми, которые определяют качество человеческого потенциала¹.

Надо сказать, что для этого были все основания. В качестве примера обычно используется сопоставление такого показателя, как индекс человеческого развития – ИЧР (human development index, HDI). Он является среднеарифметическим трех субиндексов – ожидаемой продолжительности жизни, уровня образования, душевого уровня ВВП по ППС. Идеалом считается, когда каждый из субиндексов и ИЧР в целом достигает 1, т.е. максимально возможного в современных условиях значения.

Использование этого индекса вместе с тем, на мой взгляд, вызывает несколько принципиальных вопросов.

Во-первых, конечно, хорошо, что появились некоторые инструменты количественных оценок уровня развития государств в мире, но необходимо понимать, что, как и все индексы и критерии, они не **совершенны**. Так, ИРЧП не включает многие важные показатели – уровень культуры, творческий потенциал, развитие науки, духовные и нравственные качества человека и нации.

Во-вторых, те, кто готовит и оперируют индексами и рейтингами, должны понимать их политическое и идеологическое значение. Тем более это должны осознавать те, кто **пользуется** этими рейтингами. Так, использование этих оценок исследователями кафедры «мировая экономика» МГИМО(У) привело к следующим выводам.

¹ См. подробное: *А.Подберезкин*. Человеческий капитал. Т. I. М.: Европа, 2007 г.

По данным ПРООН, в 2007 г. первые три десятка мест по величине ИЧР (от 0,929 до 0,971) занимали развитые страны из списка МВФ (за исключением Кипра, Мальты, Португалии и Словакии). Из постсоветских экономик неплохие места были у стран Балтии – в середине пятого десятка стран (0,866–0,883), хуже у Белоруссии, России и Казахстана (0,826, 0,817 и 0,804 соответственно). Остальные постсоветские страны вообще не входили в список стран с очень высоким (не ниже 0,900) и высоким уровнем человеческого развития (не ниже 0,800), находясь в группе стран со средним уровнем человеческого развития (85-е место у Украины – 0,796 и 127-е место у Таджикистана – 0,688).

Выводы, следуют, на самом деле, уже политические: Россия, как великая держава, единая общность, делится по уровню регионального (по сути дела) развития на три группы стран, которые находятся **на разной стадии своего развития**.

Следующий вывод ученых, безусловно, справедлив, более того, свидетельствует о правильности избранных в 2005–2010 годах демографических приоритетах.

Отставание большинства постсоветских стран по уровню и качеству жизни неравномерно по разным индексам, входящим в ИЧР (т.е. субиндексам). Так, у России очень низок индекс ожидаемой продолжительности жизни (0,686 против 0,708 в среднем по миру), неплох индекс душевого уровня ВВП по ППС (0,833 против 0,784 среднемирового). Можно сделать вывод, что по мировым меркам Россия не бедная страна, с весьма образованным населением, но очень низкой продолжительностью жизни.

**Россия и другие страны схожего уровня развития:
индекс глобальной конкурентоспособности
и составляющие его субиндексы**

	Россия	Латвия	Польша	Турция	Чили	Справоч но: США
Индекс глобальной конкурентоспособности (в баллах от 1 до 7, где 7 – максимально высокий балл, в скобках – номер места страны в списке из 133 стран)	4,2 (63)	4,1 (68)	4,3 (46)	4,2 (61)	4,7 (30)	5,6 (2)
в том числе:						

– институциональная среда	3,2	3,9	3,9	3,5	4,8	4,8
– инфраструктура	3,6	4,0	2,9	3,9	4,9	5,9
– макроэкономическая стабильность	5,2	4,2	4,6	4,7	5,5	4,3
– здравоохранение и начальное образование	5,6	5,7	5,9	5,3	5,4	5,9
– высшее образование и переподготовка кадров	4,3	4,7	4,8	3,9	4,4	5,6
– эффективность товарных рынков	3,7	4,3	4,3	4,3	4,8	5,1
– эффективность рынка труда	4,7	4,7	4,5	3,7	4,7	5,8
– зрелость финансового рынка	3,3	4,3	4,6	4,1	4,7	5,0
– восприимчивость к новым технологиям	3,4	4,0	4,0	3,8	4,3	5,6
– размер рынка	5,8	3,3	5,1	5,2	4,4	6,9
– зрелость бизнеса	3,6	3,8	4,3	4,3	4,5	5,7
– инновационный потенциал	3,4	3,9	3,3	3,1	3,4	5,8

Источник: World Economic Forum. The Global Competitiveness Report 2009–2010. Geneva, 2009.

Россия и другие страны схожего уровня развития: некоторые показатели уровня социального развития

	Россия	Латвия	Польша	Турция	Чили	Справоч- но: США
Индекс человеческого развития (в баллах, где максимально высокий показатель равен 1, в скобках указано место страны в списке из 182 стран)	0,817 (73)	0,866 (50)	0,880 (42)	0,806 (78)	0,878 (43)	0,956 (12)
в том числе:						
– индекс ожидаемой продолжительности жизни	0,686	0,788	0,842	0,779	0,891	0,902
– индекс уровня образования	0,933	0,961	0,952	0,828	0,919	0,968
– индекс душевого ВВП по ППС	0,833	0,851	0,847	0,812	0,823	1,000
– доля низшего дециля в доходах или потреблении, процент	2,6	2,7	3,0	1,9	1,6	1,9
– доля высшего дециля в доходах или потреблении, процент	28,4	27,4	27,2	33,2	41,7	29,9
– индекс Джини (от 1 до 100 – максимальная дифференциация)	0,375	0,375	0,349	0,432	0,520	0,408
Индекс глобальной конкурентоспособности (в баллах от 1 до 7, где 7 – максимально высокий балл, в скобках указано место страны в списке из 133 стран)	4,2 (63)	4,1 (68)	4,3 (46)	4,2 (61)	4,7 (30)	5,6 (2)
в том числе:						
– субиндекс здравоохранения и начального образования	5,6	5,7	5,9	5,3	5,4	5,9
– субиндекс высшего образования и	4,3	4,7	4,8	3,9	4,4	5,6

переподготовки кадров						
-----------------------	--	--	--	--	--	--

Источник: UNDP. Human Development Report 2009. New York, 2009; World Economic Forum. The Global Competitiveness Report 2009–2010. Geneva, 2009.

**Россия и другие страны схожего уровня развития:
показатели коррупции и организованной преступности**

	Россия	Латвия	Польша	Турция	Чили	Справочно: США
Индекс восприятия коррупции (в баллах от 10 до 0, где 0 – максимально высокий уровень)	2,2	4,5	5,0	4,4	6,7	7,5
Этническое поведения фирм (место страны в списке из 133 стран)	112	79	50	83	21	22
Организованная преступность (место страны в списке из 133 стран)	96	26	77	108	29	72

Источник: Transparency International. Corruption Perception Index (www.transparency.org); World Economic Forum. The Global Competitiveness Report 2009–2010. Geneva, 2009.

**Россия: валовая добавленная стоимость
по отраслям и видам экономической деятельности
(в постоянных основных ценах; в процентах к итогу)**

в ценах 2000 г.			в ценах 2003 г.		
Отрасли	2000 г.	2003 г.	Виды экономической деятельности	2003 г.	2008 г.
Сельское и лесное хозяйство (вкл. организации, обслуживающие сельское хозяйство)	6,7	6,9	Сельское хозяйство, охота и лесное хозяйство	6,3	5,4
Промышленность	31,7	31,4	Рыболовство, рыбоводство	0,5	0,4
Строительство	6,6	7,2	Добыча полезных ископаемых	6,7	5,0
Прочие виды деятельности по производству товаров	0,5	0,5	Строительство	6,1	7,8
Транспорт и шоссейное х-во	7,6	7,3	Транспорт и связь	10,8	11,2

Связь	1,5	2,1			
Торговля, общественное питание и заготовки	23,9	25,2	Оптовая и розничная торговля; ремонт автотранспортных средств, мотоциклов, бытовых изделий и предметов личного пользования	22,2	26,7
Информационно-вычислительное обслуживание	0,1	0,1	Гостиницы и рестораны	0,8	0,9
Операции с недвижимым имуществом	3,2	3,1	Операции с недвижимым имуществом, аренда и предоставление услуг*	10,8	13,2
Общая коммерческая деятельность по обеспечению рынков	3,7	2,7			
Геология и разведка недр, геодезическая и гидрометеорологическая службы	0,3	0,3			
Жилищное хозяйство	1,2	1,1			
Коммунальное хозяйство	1,3	1,0			
Непроизводственные виды бытового обслуживания населения	0,1	0,1			
Финансы, кредит, страхование	1,4	1,9	Финансовая деятельность	3,4	4,0
Наука и научное обслуживание	0,9	0,8			
Здравоохранение, физическая культура и социальное обеспечение	2,3	2,0	Здравоохранение и предоставление социальных услуг	3,2	2,5
Образование, культура и	2,8	2,6	Образование	2,7	2,0

искусство					
Управление (вкл. оборону)	4,7	4,3	Государственное управление и обеспечение военной безопасности; обязательное социальное обеспечение**	5,6	4,5
Общественные объединения	0,2	0,1	Предоставление прочих коммунальных, социальных и персональных услуг***	1,9	1,9
Косвенно измеряемые услуги финансового посредничества****	- 0,8	- 0,8	Косвенно измеряемые услуги финансового посредничества****	- 1,7	- 4,7

*Вкл. жилищное и коммунальное хозяйство (кроме элетро-газо-водо-и теплоснабжения), а также информационно-вычислительное обслуживание, науку и научное обслуживание

**Вкл. государственное (обязательное) пенсионное обеспечение

***Вкл. культуру и искусство, физкультуру и спорт, общественные организации

****Включены в продукцию отдельных отраслей и поэтому при выделении в отдельный вид экономической деятельности идут со знаком «- «

Источники: Национальные счета России в 2000–2008 годах. М., 2009, с. 125, 128; Национальные счета

Постсоветские страны: темпы роста ВВП
(в процентах)

	1992 – 2000*	2001 – 2008*	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008
Россия	– 4,0	6,5	5,1	4,7	7,3	7,2	6,4	7,4	8,1	5,6
Белоруссия	– 1,2	8,2	4,7	5,0	7,0	1,4	9,4	10,0	8,2	10,0
Молдавия	– 9,2**	6,3	6,1	7,8	6,6	7,4	7,5	4,8	3,0	7,2
Украина	– 8,0	6,9	9,2	5,2	9,6	12,1	2,7	7,3	7,6	2,1
Азербайджан	– 5,6	17,0	9,9	10,6	11,2	10,2	26,4	34,5	25,0	11,6
Армения	– 2,9	11,9	9,6	13,2	14,0	10,5	13,9	13,2	13,8	6,8
Грузия	– 7,9	7,6	4,8	5,5	11,1	5,9	9,6	9,4	12,4	2,1
Казахстан	– 2,7	9,3	13,5	9,8	9,3	9,6	9,7	10,7	8,9	3,2
Киргизия	– 3,6	4,7	5,3	0,0	7,0	7,0	– 0,2	3,1	8,2	7,6
Таджикистан	– 9,4**	8,8	9,6	10,8	11,0	10,3	6,7	7,0	7,8	7,9
Туркмения	– 2,1**	14,3	20,4	15,8	17,1	14,7	13,0	11,4	11,6	10,5

Узбекистан	-0,1	6,6	4,2	4,0	4,4	7,4	7,0	7,3	9,5	9,0
<i>В среднем по СНГ**</i>	-4,3	7,0	6,1	5,2	7,8	8,2	6,7	8,4	8,6	5,5
Латвия	-3,7**	7,3	8,0	6,5	7,2	8,7	10,6	12,2	10,0	-4,6
Литва	-2,8**	7,3	6,6	6,9	10,2	7,4	7,8	7,8	8,9	3,0
Эстония	-0,1**	6,6	7,7	7,8	7,1	7,5	9,2	10,4	6,3	-3,6
Справочно:										
Польша	4,7**	4,1**	1,2	1,4	3,9	5,3	3,6	6,2	6,8	4,9
Турция	3,9**	5,9**	-5,7	6,2	5,3	9,4	8,4	6,9	4,7	0,9
Чили	6,6**	4,5**	3,5	2,2	4,0	6,0	5,6	4,6	4,7	3,2
Китай	10,6**	10,3**	8,3	9,1	10,0	10,1	10,4	11,6	13,0	9,0
Индия	5,9**	7,8**	3,9	4,6	6,9	7,9	9,2	9,8	9,4	7,3

Бразилия	2,7**	3,3**	1,3	2,7	1,1	5,7	3,2	4,0	5,7	5,1
----------	-------	-------	-----	-----	-----	-----	-----	-----	-----	-----

*Среднегодовые темпы

**1990–2000 гг. и 2000–2007 гг. соответственно

Тема развития потенциала личности стала центральной в ходе избирательной кампании Д.Медведева и первые два года его президентства (2008–2010). Можно сказать, что российская элита в числе основных своих приоритетов в этот период сформулировала социальные и технологические (инновационные), в том числе и в международной области и сфере безопасности. Принятые в 2005–2010 годах многочисленные концепции и стратегии, в которых были сформулированы угрозы безопасности страны, отчетливо определяли в качестве приоритета опережающее технологическое и инновационное развитие, чему в немалой степени обязана «обеспечить благоприятные условия» внешняя политика, а также политика в области обороны и безопасности¹.

¹ См., например: Стратегия национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года; Концепция национальной безопасности Российской Федерации (утратила силу); Военная доктрина Российской Федерации; Морская доктрина Российской Федерации на период до 2020 года; Федеральный закон «О военно-техническом сотрудничестве Российской Федерации с иностранными государствами»; Федеральный закон «О государственном оборонном заказе»; Основы государственной политики в области обеспечения химической и биологической безопасности Российской Федерации на период до 2010 года и дальнейшую перспективу; Основы государственной политики в области обеспечения ядерной и радиационной безопасности Российской Федерации на период до 2010 года и дальнейшую перспективу; Концепция внешней политики Российской Федерации; Основы политики Российской Федерации в области развития науки и технологий на период до 2010 года и дальнейшую перспективу; Государственная стратегия экономической безопасности Российской Федерации (Основные положения); Экологическая доктрина Российской Федерации; Основы государственной политики Российской Федерации в Арктике на период до 2020 года и дальнейшую перспективу; Доктрина продовольственной безопасности Российской Федерации; Основные положения региональной политики в Российской Федерации; Концепция государственной национальной политики Российской Федерации; Основы пограничной политики Российской Федерации; Концепция приграничного сотрудничества в Российской Федерации; Проект стратегии государственной антинаркотической политики Российской Федерации (версия для обсуждения); Федеральный закон «О борьбе с терроризмом»; Федеральный закон «О противодействии экстремистской деятельности»; Федеральный закон «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма»; Доктрина информационной безопасности Российской Федерации; Стратегия развития информационного общества в Российской Федерации; Приоритетные проблемы научных исследований в области обеспечения информационной безопасности Российской Федерации; Основные

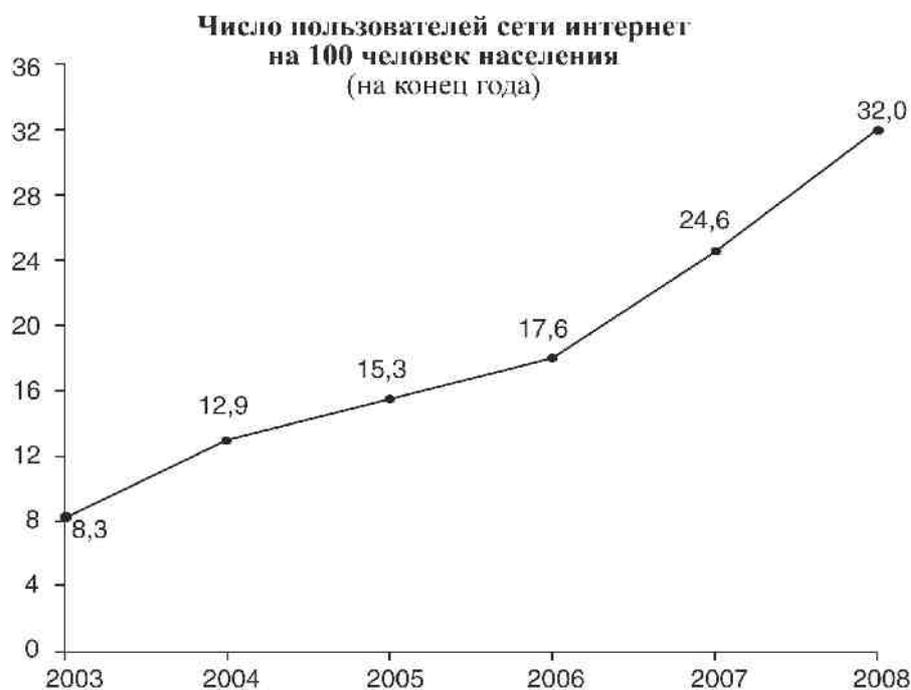
Так, среди таких международных сопоставлений со второй половины десятилетия особое место стали занимать уже не количественные, а качественные сопоставления и сравнения критериев, определяющих индекс развития человеческого потенциала – душевой ВВП, образование, здравоохранение, продолжительность жизни. Так, неблагоприятные демографические тенденции в последние 20 лет, которые стали известны еще в начале 90-х гг., но которые долгое время рассматривались как «естественные», привели к принятию специальной программы «Демография» (2007 год) и комплексу социальных программ в области строительства жилья, образования и здравоохранения, получивших название «Приоритетные национальные проекты»¹. На реализацию этих проектов были выделены огромные суммы, а курировать их было поручено специально выделенному первому заместителю Председателя Правительства РФ и будущему Президенту России Д.Медведеву. Произошла переориентация не только внутренней, но и внешней политики, что, однако, не всегда было замечено на Западе.

Состояние дел в социально-экономических областях, внимание к ним элиты, объективно понизило интерес к вопросам национальной и международной безопасности, в том числе и с точки зрения выделения национальных ресурсов. Можно сказать что во второй половине первого десятилетия социальные критерии стали в центре общественного внимания, а критерии, определяющие военную мощь – отошли на второй план. Такие показатели, как «пользователи Интернетом», «численность студентов», «продолжительность жизни» стали наиболее обсуждаемыми в российской элите. Как следствие, – именно в этих областях в 2007–2010 годах наблюдался определенный прогресс², который свидетельствует о потенциальных возможностях российской экономики и общества.

направления научных исследований в области обеспечения информационной безопасности Российской Федерации.

¹ См., подробнее: *Карпенко М., Казанцев В., Подберезкин А.* (псевдоним). Приоритетные национальные проекты и новая идеология. М.: СГА, 2006 г., тт. I, II.

² Социальное положение и уровень жизни населения России. 2009: Стат. Сб. / Росстат. М., 2009 г., с. 424.

Начала меняться и тенденция сокращения численности населения. Если в 2000–2006 годах численность населения России сокращалась ежегодно на 500–800 тыс. человек, то после принятия программ правительства, она уменьшилась до 100–120 тыс., а в 2009 году даже составила небольшой прирост (по предварительным оценкам)¹.

Компоненты изменения численности населения

Годы	Численность населения (на 1 января), тыс. чел.	Изменения за год				Численность населения (на 31 декабря), тыс. чел.	Общий прирост (убыль) за год, процентов
		Общий прирост (убыль)	в том числе				
			естественный прирост (убыль)	миграционный прирост (убыль)	из-за перемены категории населенных пунктов		
Все население							
2003	144963,6	-795,4	-888,5	93,1	-	144168,2	-0,55

¹ Социальное положение и уровень жизни населения России. 2009: Стат. Сб. / Росстат. М., 2009 г., с. 52.

2004	144168,2	-694,0	-792,9	98,9	-	143474,2	-0,48
2005	143474,2	-720,7	-846,6	125,9	-	142753,5	-0,50
2006	142753,5	-532,5	-687,0	154,5	-	142221,0	-0,37
2007	142221,0	-212,2	-470,4	258,2	-	142008,8	-0,15
2008	142008,8	-104,8	-362,0	257,2	-	141904,0	-0,07

Таким образом именно в 2007–2010 годы социальные критерии в сопоставлении России и развитых стран стали занимать ведущее значение в анализах российских политиков и ученых. Некоторые из них привели к тому, что для их исправления были разработаны специальные федеральные программы, выделены крупные средства, рассчитанные на долгосрочную перспективу, что в целом говорит о смене приоритетов в области национальной безопасности **в пользу социальных приоритетов**. Это особенно видно на проводимой военной реформе, где социальные критерии сегодня играют ведущую роль.

За последние 25 лет произошли таким образом, серьезные, даже радикальные, изменения в мировой политике и расстановке сил в мире, что позволяет говорить о том, что международные отношения в XXI веке стала качественно иными, нежели во второй половине XX века. Этот бурный процесс изменений отнюдь не завершен. Более того, можно говорить о том, что через 10–15 лет результаты происходящих сегодня изменений приведут к созданию совершенно новой конфигурации в расстановке мировых сил. Соответственно неизбежно появление новых центров силы, новых угроз, вызовов, а, как следствие, и новых коалиций государств.

В этой связи особое внимание привлекают процессы, проходящие на европейском континенте, особенно в связи с подписанием в декабре 2007 года Лиссабонского Договора. Его ратификация 27 странами-участниками к концу 2009 года и вступление в силу означает, что фактически появился **новый субъект** международных отношений – конфедерация европейских государств. Но это же означает (в связи с взятыми странами-участниками обязательствами), что была создана **новая военно-политическая коалиция государств**, в которую не входят не только США, но и ряд европейских стран. Так, по признанию

Н.Саркози, «Стратегическое партнерство между Европой и Китаем... актуально как никогда»¹.

Понятие, что такая коалиция еще делает только первые шаги и у нее нет пока ни собственных институтов военной силы, ни единой военной политики. Но уже сейчас можно видеть, что возросло влияние, например, Европарламента, который, хотя и находится на промежуточной стадии своего развития от сугубо декларативного института к полноценному политическому субъекту, но обсуждал в марте 2010 года такие специальные вопросы, как европейская оборонная стратегия и размещение элементов ПРО США в Европе².

Серьезные, даже принципиальные изменения во взглядах на международную и европейскую безопасность произошли и в российской элите³. Прежде всего, следует оговориться, что за последнее десятилетие изменилась **сама российская элита, ее идеология, степень адекватности восприятия международных и внутривнутриполитических реалий**. Она прошла мучительную для себя и страны эволюцию идеологии с конца 80-х годов – от идеалистического представления о международной безопасности, даже эйфории, к прагматизму, осознанию национальных интересов и вполне адекватному восприятию действительности. Эта дистанция огромной протяженности была пройдена за 25 лет, но особенно быстро за последнее десятилетие. Сегодня мы видим совершенно другую российскую элиту, чем в конце 80-х годов, чье восприятие международных реалий еще далеко не идеально, но уже вполне соответствует реальной действительности: она трезво оценивает ситуацию и опирается в своем анализе на национальные интересы, а не мифы.

Более того, сегодня мы уже можем говорить, **во-первых**, о вполне консолидированном подходе российской элиты к внешней политике и видение ею долгосрочной внешнеполитической стратегии России, получивших не так давно эпитет «умной» внешней политики.

¹ *А.Габуев*. Китай меняет Америку на Европу / Коммерсант, 30.04.2010 г., с. 1.

² См., подробнее: *Резников А.* Нужно учитывать мнение России. Взгляд / <http://www.vz.ru/politics/2010/3/10/>.

³ См., подробнее: *Ю.А.Булатов, М.А.Мунтян, А.И.Подберезкин* и др. Современная Россия: на пути к удвоению ВВП. М.: Научная книга, 2005 г.

Во-вторых, о реальных внешнеполитических результатах, даже успехах, которые неизбежно следуют за последовательной реализацией такой стратегии¹. К таким безусловным успехам российская элита относят позицию России в ходе осетино-грузинского конфликта в 2009 году, подписанные российско-американского договора об СНВ-3 в апреле 2010 года, позицию России в отношении событий в Киргизии в апреле 2009 года, российско-польских отношений, но, главное, соглашений с Украиной, достигнутых в марте–апреле 2010 года.

Применительно к вопросам международной и европейской безопасности, таким образом, мы можем говорить о **двух параллельных процессах**, которые в последние 20 лет стремительно развивались. К сожалению, не всегда в одном направлении. Первый процесс – хаотизации международных отношений, отхода от старой системы, получившей название «Вестфальской», но не оформившейся в новую систему международных отношений, где соблазн использования военной силы стал сильнее, чем он был до 90-х годов. В рамках этого процесса и одновременно с ним развивался интеграционный процесс в Европе, который 2010 году фактически превратил Европу в Конфедерацию 27 государств, связанную военно-политическими обязательствами, т.е. **в военно-политическую коалицию**.

Второй процесс происходил в эти же годы на постсоветском пространстве. Он означал эволюцию во взглядах (не только российской элиты, но и элит постсоветских государств) от посткоммунистических до национально-демократических, от эйфории в отношении США и Европы времен М.Горбачева, до трезвой оценки роли и места своих стран в мире и в Европе. Эта эволюция – результат, попыток элиты адаптироваться к новым международным реалиям, учитывая собственные национальные интересы. В этом процессе эволюции огромная роль принадлежит Европе и Евросоюзу, которые рассматриваются постсоветскими элитами не только как партнеры, но и как будущие союзники и члены общего политического и экономического пространства.

¹ Вполне современный и реалистический подход к вопросам национальной безопасности изложен, например, в Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года, утвержденная Указом Президента РФ от 12 мая 2009 г.

Таким образом формирование позиции России относительно проблем безопасности происходило у вполне повзрослевшей, опытной и прагматичной российской элиты, которая прошла сложный период политического и идеологического взросления, неудач, даже поражений и кризисов за последние 25 лет. И Россия, и ее элита к концу первого десятилетия XXI века **стали другими**. Россия, даже не смотря на кризис, вернула полный суверенитет и независимость во внешней политике, а элита – избавилась от эйфории неоправданных надежд и идеализации международных отношений, которые ей были свойственны в период М.Горбачева и Б.Ельцина. Естественно и закономерно, что изменился и подход российской элиты к проблемам международной и европейской безопасности. Причем на диаметрально противоположный: от блокового подхода середины 80-х годов – к отказу от национальных интересов и потере суверенитета периода 90-х, а затем – к политикам выстраивания системы европейской безопасности совместно с бывшими противниками в первом десятилетии XXI века.

Глава 2.3. Российская элита в начале XXI века: подход к проблемам международной¹ и национальной² безопасности

«... наша задача сегодня заключается в том, чтобы создать прочную систему международной безопасности»³.

Д.Медведев

«Чаще всего об элите говорят в узком значении этого термина как о политико-административной, управленческой элите»⁴.

*М.Мунтян,
профессор МГИМО(У)*

Чем сложнее становилась система национальной безопасности в мире и в России тем меньше советская и российская элиты соответствовали требованиям управления этими сложными процессами в последние 20 лет. Тем хуже с каждым годом находилось состояние национальной безопасности в стране. Если развитие научно-технического прогресса в мире привело к радикальному расширению представлений о национальной безопасности, появлению новых угроз и смене приоритетов, то в российской правящей элите шел такой же быстрый процесс деградации представлений о безопасности и нравственных норм.

¹ **Международная безопасность** – зд. состояние международных отношений, гарантирующее нации стабильные и благоприятные условия для ее развития, а государству – суверенитет.

² **Национальная безопасность** – зд. степень защищенности национальных интересов от высоких и внутренних угроз.

³ *Д.Медведев*. Нам не надо стесняться рассказывать правду о войне – ту правду, которую мы выстрадали. Известия, 7 мая 2010 г., с. 2.

⁴ *М.А.Мунтян*. Политология: курс лекций для студентов вузов. М.: МАКС-пресс, 2008 г. с. 167.

В итоге к концу первого десятилетия де-факто сложилась ситуация, когда состояние национальной безопасности в стране стало катастрофическим, а качество управления элитой страны – самым низким за всю историю России.

Соответственно попытки инициировать создание новой системы международной безопасности оказались в огромном разрыве с российской действительностью. Прежде всего, состоянием собственной системы национальной безопасности. Претендуя на роль великой державы, выдвигая соответствующие глобальные инициативы, наша страна не могла демонстрировать ни образцы экономики, ни образца общественного устройства, а, главное, – пример отношения к своему главному национальному достоянию – человеку, его потенциалу. А ведь именно этот потенциал за те же 20 лет стал главным критерием в оценке как качества управления страной, так и уровня ее развития.

Очередная попытка элиты при Д.Медведеве использовать модернизацию не удалась. Во всяком случае, вплоть до второго десятилетия нового века «Призывы Д.Медведева к модернизации, скорее всего, ограничатся очередной попыткой технического совершенствования, не дающего перспектив для устойчивого экономического развития»¹. Но не только. Эта попытка не дала перспектив национального развития, которое выражается прежде всего в развитии национального человеческого капитала.

И.Харичев

¹ *И.А.Харичев. О культурных заимствованиях России / Мир перемен, 2010 г., № 3, с. 186.*

2.3.1. 20 лет разрушения системы национальной безопасности

«С 1992 по 2008 год на 40 процентов сократилось число организаций, выполняющих научные исследования. Число сотрудников на них уменьшилось на 50 процентов ...»¹.

Е.Примаков

Существует заблуждение, искусственное поддерживаемое значительным числом политиков и авторов, о том, что международная безопасность является простым следствием международно-правовых договоренностей, либо даже «личных» контактов на высшем уровне. Это заблуждение основывается на слепой вере вправо, обязательность соблюдения его норм, которого никогда в действительности в истории не существовало.

Международная безопасность действительно может основываться на договоренностях и соглашениях, которые, однако, базируются на мощи государств, интересах их друзей и союзников и в немалой степени на воле и готовности руководства этих стран защищать свои национальные интересы. Иными словами, говоря проще, система международной безопасности состоит из подсистем военных союзов и коалиций, а те, в свою очередь – на национальной безопасности отдельных государств и воле их политического руководства.

В 1990–2000-ые разрушал НЧП, правящая элита страны системно и безответственно подрывала ее национальную безопасность.

Подход российской элиты к вопросам международной и национальной безопасности отражает в целом эволюцию ее взглядов за 1990-е–2000-е годы. В этой области также подтверждается правило, что законы общественного развития, формулируемые элитой, даже когда эти представления ложны, «могут быть взяты на вооружение государственной политикой, растиражированы СМИ, стать официальной идеологией, подчинить себе поведение миллионов людей и изменить саму природу общества, по крайней мере, на какое-то время. Объект исследования оказывается в зависимости от господствующей идеологии и

¹ *Е.Примаков*. Достижения не должны заслонять проблемы. Российская газета, 14 января 2011 г., с. 6.

теоретических воззрений... Но рано или поздно ... научная истина, оставшаяся непризнанной, берёт верх в сознании политической элиты и общественности»¹.

Сегодня мало говорить о том, что подход российской элиты к вопросам международной и национальной безопасности неправилен. Прежде всего потому, что методологически национальная безопасность вытекает и в основном определяется уровнем развития НЧП. Но и международная безопасность, в свою очередь, является результатом укрепления национальной безопасности отдельных стран, а не результатом неких абстрактных, в т.ч. Международно-правовых договоренностей. По сути, существует простая и единственная формула международной безопасности в XXI веке, которая может быть изображена следующим образом.

В России со времен М.Горбачева сложился другой подход, который получил свое развитие при Д.Медведеве. Он заключается в абсолютизации последнего, международно-правового этапа создания системы международной безопасности **при фактическом игнорировании** первых трех этапов. Особенно первого. Если судить о динамике развития ИРЧП России за последние 20 лет, то этот вывод находит свое полное подтверждение. Мы увидим, в частности, что за 1990–2005 годы ИРЧП России не изменился вообще (при существенном падении в 90-е годы), а в 2009–2010 годах вопрос не значительно, не повлияв на относительный рейтинг страны в мире².

Тенденции Индекса развития человеческого потенциала, 1980–2010

Рейтинг страны по ИРЧП	Индекс развития человеческого потенциала (ИРЧП)	Рейтинг страны по ИРЧП	Среднегодовой прирост ИРЧП	Рейтинг улучшения
------------------------	---	------------------------	----------------------------	-------------------

¹ О.Богомолов. Наши исследования не были напрасными / Мир перемен, № 3, 2010 г., с. 14–15.

² Доклад о развитии человека 2010. 20-е юбилейное издание. Реальное богатство народов: пути к развитию человека. Опубликовано для ПРООН, Изд-во «Весь мир», 2010 г. (Статистическое приложение), с. 148–151.

		Значение							Изменения		(%)			ИРЧПа
		1980	1990	1995	2000	2005	2009	2010	2005-2010	2009-2010	1980-2010	1990-2010	2000-2010	1980-2010
СТРАНЫ С ОЧЕНЬ ВЫСОКИМ УРОВНЕМ РАЗВИТИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА														
1	Норвегия	0,788	0,838	0,869	0,906	0,932	0,937	0,938	0	0	0,58	0,56	0,34	34
2	Австралия	0,791	0,819	0,887	0,914	0,925	0,935	0,937	0	0	0,57	0,67	0,25	35
3	Новая Зеландия	0,786	0,813	0,846	0,865	0,896	0,904	0,907	0	0	0,48	0,55	0,47	47
4	США	0,810	0,857	0,873	0,893	0,895	0,899	0,902	0	0	0,36	0,25	0,10	65
5	Ирландия	0,720	0,768	0,799	0,855	0,886	0,894	0,895	0	0	0,72	0,76	0,45	26
6	Лихтенштейн	–	–	–	–	0,875	0,889	0,891	5	0	–	–	–	–
7	Нидерланды	0,779	0,822	0,853	0,868	0,877	0,888	0,890	3	0	0,44	0,40	0,25	59
8	Канада	0,789	0,845	0,857	0,867	0,880	0,886	0,888	0	0	0,39	0,25	0,24	64
9	Швеция	0,773	0,804	0,843	0,889	0,883	0,884	0,885	-3	0	0,45	0,48	-0,04	61
10	Германия	–	0,782	0,820	–	0,878	0,883	0,885	-1	0	–	0,62	–	–
11	Япония	0,768	0,814	0,837	0,855	0,873	0,881	0,884	1	0	0,47	0,41	0,33	56
12	Корея, Республика	0,616	0,725	0,776	0,815	0,851	0,872	0,877	8	0	1,18	0,95	0,74	11
13	Швейцария	0,800	0,824	0,836	0,859	0,870	0,872	0,874	0	0	0,30	0,30	0,18	76
14	Франция	0,711	0,766	0,807	0,834	0,856	0,869	0,872	5	2	0,68	0,65	0,45	37
15	Израиль	0,748	0,788	0,809	0,842	0,861	0,871	0,872	0	-1	0,51	0,51	0,35	50
16	Финляндия	0,745	0,782	0,810	0,825	0,863	0,869	0,871	-2	-1	0,52	0,54	0,54	49
17	Исландия	0,747	0,792	0,815	0,849	0,881	0,869	0,869	-10	0	0,50	0,46	0,23	55
18	Бельгия	0,743	0,797	0,840	0,863	0,858	0,865	0,867	-1	0	0,51	0,42	0,05	52
19	Дания	0,770	0,797	0,821	0,842	0,860	0,864	0,866	-3	0	0,39	0,41	0,27	69
20	Испания	0,680	0,729	0,789	0,828	0,848	0,861	0,863	1	0	0,79	0,84	0,42	24
21	Гонконг, Китай (САР)	0,693	0,774	0,797	0,800	0,842	0,857	0,862	2	0	0,73	0,53	0,75	31
22	Греция	0,707	0,753	0,761	0,784	0,839	0,853	0,855	3	0	0,63	0,64	0,86	43
23	Италия	0,703	0,764	0,795	0,825	0,838	0,851	0,854	4	0	0,65	0,56	0,35	42
24	Люксембург	0,719	0,784	0,812	0,845	0,856	0,850	0,852	-6	0	0,57	0,42	0,08	48
25	Австрия	0,727	0,777	0,801	0,826	0,841	0,849	0,851	-1	0	0,52	0,45	0,30	58
26	Соединенное Королевство	0,737	0,770	0,824	0,823	0,845	0,847	0,849	-4	0	0,47	0,49	0,31	63
27	Сингапур	–	–	–	–	0,826	0,841	0,846	1	0	–	–	–	–
28	Чешская Республика	–	–	0,774	0,801	0,838	0,841	0,841	-2	0	–	–	0,50	–
29	Словения	–	–	0,743	0,780	0,813	0,826	0,828	0	0	–	–	0,59	–
30	Андорра	–	–	–	–	0,803	0,822	0,824	2	0	–	–	–	–
31	Словакия	–	–	0,738	0,764	0,796	0,815	0,818	5	0	–	–	0,69	–
32	Объединенные Араб. Эмираты	0,627	0,693	0,732	0,756	0,794	0,812	0,815	5	1	0,87	0,81	0,76	23
33	Мальта	0,683	0,735	0,754	0,783	0,806	0,813	0,815	-3	-1	0,59	0,51	0,39	57
34	Эстония	–	–	0,700	0,762	0,805	0,809	0,812	-3	–	–	–	0,63	–

35	Кипр	0,662	0,723	0,766	0,768	0,793	0,809	0,810	4	0	0,67	0,57	0,54	44
36	Венгрия	0,689	0,692	0,723	0,767	0,798	0,803	0,805	-1	1	0,52	0,76	0,48	66
37	Бруней Даруссалам	–	0,773	0,787	0,792	0,801	0,804	0,805	-5	-1	–	0,20	0,16	–
38	Катар	–	–	–	0,764	0,799	0,798	0,803	-5	0	–	–	0,49	–
39	Бахрейн	0,615	0,694	0,738	0,765	0,793	0,798	0,801	-1	0	0,88	0,72	0,46	25
40	Португалия	0,625	0,694	0,745	0,774	0,775	0,791	0,795	3	1	0,80	0,68	0,27	36
41	Польша	–	0,683	0,710	0,753	0,775	0,791	0,795	3	-1	–	0,76	0,54	–
42	Барбадос	–	–	–	–	0,775	0,787	0,788	-1	0	–	–	–	–

СТРАНЫ С ВЫСОКИМ УРОВНЕМ РАЗВИТИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА

43	Багамские Острова	–	–	–	–	0,776	0,783	0,784	-3	0	–	–	–	–
44	Литва	–	0,709	0,677	0,730	0,775	0,782	0,783	-2	0	–	0,50	0,71	–
45	Чили	0,607	0,675	0,707	0,734	0,762	0,779	0,783	2	0	0,85	0,74	0,65	30
46	Аргентина	0,656	0,682	0,709	0,734	0,749	0,772	0,775	4	0	0,56	0,64	0,55	70
47	Кувейт	0,675	–	0,760	0,763	0,764	0,769	0,771	-2	0	0,44	–	0,10	80

Рейтинг страны по ИРЧП	Индекс развития человеческого потенциала (ИРЧП)							Рейтинг страны по ИРЧП		Среднегодовой прирост ИРЧП			Рейтинг улучшения ИРЧПа	
	Значение							Изменения		(%)				
	1980	1990	1995	2000	2005	2009	2010	2005-2010	2009-2010	1980-2010	1990-2010	2000-2010		1980-2010
48	Латвия	0,651	0,679	0,652	0,709	0,763	0,769	0,769	-2	0	0,55	0,63	0,81	71
49	Черногория	–	–	–	–	0,755	0,768	0,769	-1	0	–	–	–	–
50	Румыния	–	0,688	0,674	0,690	0,733	0,764	0,767	1	1	–	0,54	1,06	–
51	Хорватия	–	–	0,690	0,720	0,752	0,765	0,767	-2	-1	–	–	0,63	–
52	Уругвай	–	0,670	0,691	0,716	0,733	0,760	0,765	0	0	–	0,67	0,67	–
53	Ливийская Араб. Джамахирия	–	–	–	–	0,726	0,749	0,755	3	1	–	–	–	–
54	Панама	0,613	0,644	0,672	0,703	0,724	0,751	0,755	4	-1	0,69	0,79	0,70	54
55	Саудовская Аравия	0,556	0,620	0,649	0,690	0,732	0,748	0,752	-2	0	1,01	0,96	0,85	21
56	Мексика	0,581	0,635	0,660	0,698	0,727	0,745	0,750	-2	0	0,85	0,83	0,73	38
57	Малайзия	0,541	0,616	0,659	0,691	0,726	0,739	0,744	-2	1	1,06	0,94	0,73	19
58	Болгария	0,649	0,678	0,678	0,693	0,724	0,741	0,743	-1	-1	0,45	0,46	0,69	82
59	Тринидад и Тобаго	0,656	0,660	0,662	0,685	0,713	0,732	0,736	1	1	0,38	0,54	0,71	84
60	Сербия	–	–	–	–	0,719	0,733	0,735	-1	-1	–	–	–	–
61	Беларусь	–	–	–	–	0,706	0,729	0,732	1	0	–	–	–	–
62	Коста-Рика	0,599	0,639	0,668	0,684	0,708	0,723	0,725	-1	0	0,63	0,63	0,59	68
63	Перу	0,560	0,608	0,644	0,675	0,695	0,718	0,723	4	0	0,85	0,87	0,69	41

64	Албания	–	0,647	0,633	0,670	0,700	0,716	0,719	-1	0	–	0,52	0,70	–
65	Российская Федерация	–	0,692	0,644	0,662	0,693	0,714	0,719	3	0	–	0,19	0,82	–
66	Казахстан	–	0,650	0,620	0,614	0,696	0,711	0,714	-1	0	–	0,47	1,51	–
67	Азербайджан	–	–	0,563	0,597	0,655	0,710	0,713	16	0	–		1,77	–
68	Босния и Герцеговина	–	–	–	–	0,698	0,709	0,710	-4	0	–			–
69	Украина	–	0,690	0,644	0,649	0,696	0,706	0,710	-3	0	–	0,14	0,89	–
70	Иран (Исламская Республика)	–	0,536	0,576	0,619	0,660	0,697	0,702	10	2	–	1,35	1,27	–
71	Бывшая Югославская Респ. Македония	–	–	0,634	0,660	0,678	0,697	0,701	1	-1	–	–	0,61	–
72	Маврикий	0,525	0,602	0,631	0,657	0,685	0,697	0,701	-2	-1	0,96	0,76	0,64	28
73	Бразилия	–	–	–	0,649	0,678	0,693	0,699	0	4	–	–	0,73	–
74	Грузия	–	–	–	–	0,679	0,695	0,698	-3	0	–	–	–	–
75	Венесуэла (Боливарианская Респ.)	0,611	0,620	0,633	0,637	0,666	0,696	0,696	3	-2	0,44	0,58	0,90	85
76	Армения	–	–	0,571	0,620	0,669	0,693	0,695	0	0	–	–	1,15	–
77	Эквадор	0,576	0,612	0,630	0,642	0,676	0,692	0,695	-2	1	0,62	0,64	0,79	72
78	Белиз	–	–	–	–	0,690	0,694	0,694	-9	-3	–	–	–	–
79	Колумбия	0,537	0,579	0,612	0,637	0,658	0,685	0,689	2	1	0,83	0,87	0,79	46
80	Ямайка	0,589	0,620	0,648	0,665	0,676	0,686	0,688	-6	-1	0,52	0,52	0,35	83
81	Тунис	0,436	0,526	0,568	0,613	0,650	0,677	0,683	5	0	1,49	1,30	1,07	7
82	Иордания	0,509	0,564	0,595	0,621	0,652	0,677	0,681	2	0	0,97	0,94	0,92	32
83	Турция	0,467	0,552	0,583	0,629	0,656	0,674	0,679	-1	1	1,24	1,03	0,76	14
84	Алжир	0,443	0,537	0,564	0,602	0,651	0,671	0,677	1	1	1,42	1,16	1,18	9
85	Тонга	–	0,619	0,641	0,651	0,663	0,675	0,677	-6	-2	–	0,45	0,39	–

СТРАНЫ СО СРЕДНИМ УРОВНЕМ РАЗВИТИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА

86	Фиджи	0,551	0,612	0,636	0,651	0,667	0,667	0,669	-9	0	0,65	0,45	0,28	75
87	Туркменистан	–	–	–	–	0,642	0,662	0,669	0	0	–	–	–	–
88	Доминиканская Республика	–	0,560	0,591	0,624	0,638	0,660	0,663	0	0	–	0,85	0,61	–
89	Китай	0,368	0,460	0,518	0,567	0,616	0,655	0,663	8	0	1,96	1,83	1,57	2
90	Сальвадор	0,456	0,511	0,562	0,606	0,635	0,655	0,659	0	0	1,23	1,27	0,85	16
91	Шри-Ланка	0,513	0,558	0,584		0,635	0,653	0,658	0	0	0,83	0,82		51
92	Таиланд	0,483	0,546	0,581	0,600	0,631	0,648	0,654	1	0	1,01	0,90	0,86	29
93	Габон	0,510	0,593	0,610	0,616	0,628	0,642	0,648	1	1	0,80	0,45	0,50	62
94	Суринам	–	–	–	–	0,636	0,643	0,646	-5	-1	–	–	–	–
95	Боливия (Многонациональное)	–	–	–	0,593	0,631	0,637	0,643	-3	0	–	–	0,80	–

	Государство)													
96	Парагвай	0,528	0,557	0,580	0,593	0,619	0,634	0,640	0	1	0,64	0,69	0,75	79
97	Филиппины	0,523	0,552	0,569	0,597	0,619	0,635	0,638	-2	-1	0,66	0,72	0,67	78
98	Ботсвана	0,431	0,576	0,589	0,572	0,593	0,627	0,633	2	0	1,28	0,47	1,01	15
99	Молдова, Республика	-	0,616	0,547	0,552	0,606	0,620	0,623	0	0	-	0,06	1,21	
100	Монголия	-	0,520	0,502	0,539	0,588	0,616	0,622	2	0	-	0,90	1,43	
101	Египет	0,393	0,484	0,523	0,566	0,587	0,614	0,620	2	0	1,52	1,23	0,90	8
102	Узбекистан	-	-	-	-	0,588	0,612	0,617	-1	1	-	-	-	-
103	Микронезия (Федеративные Штаты)	-	-	-	-	0,614	0,612	0,614	-5	-1	-	-	-	-
104	Гайана	0,500	0,472	0,522	0,552	0,585	0,605	0,611	1	0	0,67	1,29	1,02	81
105	Намибия	-	0,553	0,582	0,568	0,577	0,603	0,606	2	0	-	0,46	0,64	-
106	Гондурас	0,436	0,495	0,523	0,552	0,579	0,601	0,604	0	0	1,09	0,99	0,91	27

Рейтинг страны по ИРЧП		Индекс развития человеческого потенциала (ИРЧП)							Рейтинг страны по ИРЧП		Среднегодовой прирост ИРЧП			Рейтинг улучшения ИРЧПа
		Значение							Изменения		(%)			1980-2010
		1980	1990	1995	2000	2005	2009	2010	2005-2010	2009-2010	1980-2010	1990-2010	2000-2010	
107	Мальдивские Острова	-	-	-	0,513	0,560	0,595	0,602	4	0	-	-	1,60	-
108	Индонезия	0,390	0,458	0,508	0,500	0,561	0,593	0,600	2	2	1,43	1,35	1,82	12
109	Кыргызстан	-	0,577	0,515	0,550	0,572	0,594	0,598	0	-1	-	0,18	0,84	-
110	Южно-Африканская Республика	-	0,601	0,634	-	0,587	0,594	0,597	-6	-1	-	-0,03	-	-
111	Сирийская Арабская Республика	0,470	0,519	0,546	-	0,576	0,586	0,589	-3	0	0,75	0,63	-	74
112	Таджикистан	-	0,592	0,501	0,493	0,550	0,576	0,580	0	0	-	-0,10	1,61	-
113	Вьетнам	-	0,407	0,457	0,505	0,540	0,566	0,572	1	0	-	1,70	1,24	-
114	Марокко	0,351	0,421	0,450	0,491	0,536	0,562	0,567	1	0	1,59	1,49	1,44	5
115	Никарагуа	0,440	0,454	0,473	0,512	0,545	0,562	0,565	-2	0	0,84	1,10	1,00	67
116	Гватемала	0,408	0,451	0,479	0,514	0,533	0,556	0,560	0	0	1,05	1,08	0,85	39
117	Экваториальная Гвинея	-	-	-	0,477	0,510	0,536	0,538	1	0	-	-	1,21	-
118	Кабо-Верде	-	-	-	0,500	0,519	0,531	0,534	-1	0	-	-	0,64	-
119	Индия	0,320	0,389	0,415	0,440	0,482	0,512	0,519	1	0	1,61	1,44	1,66	6
120	Тимор-Лешти	-	-	-	-	0,428	0,497	0,502	11	0	-	-	-	-
121	Свазиленд	-	0,511	0,523	0,490	0,474	0,492	0,498	0	0	-	-0,13	0,17	-
122	ЛНДР	-	0,354	0,388	0,425	0,460	0,490	0,497	4	1	-	1,69	1,56	-
123	Соломоновы	-	-	-	0,459	0,483	0,492	0,494	-4	-1	-	-	0,73	-

	Острова													
124	Камбоджа	–	–	0,385	0,412	0,466	0,489	0,494	1	0	–	–	1,81	–
125	Пакистан	0,311	0,359	0,389	0,416	0,468	0,487	0,490	-2	0	1,52	1,55	1,64	10
126	Конго, Респ.	0,462	0,499	0,469	0,458	0,470	0,483	0,489	-4	1	0,19	-0,10	0,65	90
127	Сан-Томе и Принсипи	–	–	–	–	0,466	0,485	0,488	-3	-1	–	–	–	–
СТРАНЫ С НИЗКИМ УРОВНЕМ РАЗВИТИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА														
128	Кения	0,404	0,437	0,435	0,424	0,443	0,464	0,470	-1	0	0,50	0,37	1,03	87
129	Бангладеш	0,259	0,313	0,350	0,390	0,432	0,463	0,469	1	0	1,99	2,03	1,86	3
130	Гана	0,363	0,399	0,421	0,431	0,443	0,463	0,467	-2	0	0,84	0,79	0,82	77
131	Камерун	0,354	0,418	0,408	0,415	0,437	0,456	0,460	-2	0	0,87	0,48	1,02	73
132	Мьянма	–	–	–	–	0,406	0,444	0,451	6	0	–	–	–	–
133	Йемен	–	–	–	0,358	0,403	0,431	0,439	8	2	–	–	2,04	–
134	Бенин	0,264	0,305	0,347	0,386	0,418	0,432	0,435	0	0	1,67	1,78	1,19	4
135	Мадагаскар	–	–	–	0,399	0,420	0,436	0,435	-2	-2	–	–	0,86	–
136	Мавритания	–	0,337	0,368	0,390	0,411	0,429	0,433	0	0	–	1,25	1,05	–
137	Папуа – Новая Гвинея	0,295	0,349	0,386	–	0,408	0,426	0,431	0	1	1,27	1,07	–	22
138	Непал	0,210	0,316	0,344	0,375	0,400	0,423	0,428	5	2	2,37	1,52	1,34	1
139	Того	0,347	0,361	0,374	0,399	0,414	0,425	0,428	-4	0	0,70	0,85	0,72	86
140	Коморские Острова	–	–	–	–	0,423	0,426	0,428	-8	-3	–	–	–	–
141	Лесото	0,397	0,451	0,452	0,423	0,404	0,423	0,427	-1	0	0,24	-0,27	0,10	91
142	Нигерия	–	–	–	–	0,402	0,419	0,423	0	0	–	–	–	–
143	Уганда	–	0,281	0,312	0,350	0,380	0,416	0,422	4	0	–	2,03	1,87	–
144	Сенегал	0,291	0,331	0,338	0,360	0,388	0,408	0,411	0	1	1,15	1,08	1,34	40
145	Гаити	–	–	–	–	0,406	0,410	0,404	-6		–	–	–	–
146	Ангола	–	–	–	0,349	0,376	0,399	0,403	2	1	–	–	1,45	–
147	Джибути	–	–	–	–	0,382	0,399	0,402	-1	–	–	–	–	–
148	Танзания, Объединенная Респ.	–	0,329	0,330	0,332	0,370	0,392	0,398	1	1	–	0,95	1,81	–
149	Кот-д'Ивуар	0,350	0,360	0,369	0,379	0,383	0,394	0,397	-4	–	0,42	0,48	0,47	89
150	Замбия	0,382	0,423	0,371	0,345	0,360	0,387	0,395	1	0	0,11	-0,34	1,35	92
151	Гамбия	–	–	0,312	0,343	0,362	0,385	0,390	-1	0	–	–	1,29	–
152	Руанда	0,249	0,215	0,192	0,277	0,334	0,379	0,385	2	0	1,45	2,92	3,31	13
153	Малави	0,258	0,289	0,344	0,344	0,336	0,376	0,385	0	0	1,33	1,44	1,13	20
154	Судан	0,250	0,282	0,310	0,336	0,360	0,375	0,379	-2	0	1,39	1,47	1,19	18
155	Афганистан	–	–	–	–	0,307	0,342	0,349	1	0	–	–	–	–
156	Гвинея	–	–	–	–	0,323	0,338	0,340	-1	0	–	–	–	–
157	Эфиопия	–	–	–	0,250	0,287	0,324	0,328	3	0	–	–	2,73	–
158	Сьерра-Леоне	0,229	0,230	0,226	0,236	0,292	0,313	0,317	1	0	1,09	1,62	2,95	53
159	Центральноафр	0,265	0,293	0,294	0,299	0,299	0,311	0,315	-1	0	0,58	0,37	0,52	88

	иканская Респ.													
160	Мали	0,165	0,187	0,212	0,245	0,279	0,305	0,309	2	0	2,10	2,53	2,34	60
161	Буркина-Фасо	–	–	–	–	0,285	0,303	0,305	0	0	–	–	–	–
162	Либерия	0,295	–	–	0,294	0,264	0,294	0,300	2	0	0,05	–	0,20	93
163	Чад	–	–	–	0,269	0,299	0,293	0,295	-6	0	–	–	0,90	–
164	Гвинея-Бисау	–	–	–	–	0,278	0,286	0,289	-1	0	–	–	–	–
165	Мозамбик	0,195	0,178	0,186	0,224	0,263	0,280	0,284	0	0	1,25	2,34	2,37	33
166	Бурунди	0,181	0,236	0,216	0,223	0,239	0,276	0,282	1	0	1,47	0,87	2,33	17
167	Нигер	0,166	0,180	0,192	0,212	0,241	0,258	0,261	-1	0	1,51	1,87	2,09	45
168	Конго, Дем. Респ.	0,267	0,261	0,226	0,201	0,223	0,233	0,239	0	0	-0,37	-0,44	1,75	94
169	Зимбабве	0,241	0,284	0,262	0,232	0,159	0,118	0,140	0	0	-1,81	-3,53	-5,05	95

Рейтинг страны по ИРЧП	Индекс развития человеческого потенциала (ИРЧП)							Рейтинг страны по ИРЧП		Среднегодовой прирост ИРЧП			Рейтинг улучшения ИРЧПа
	Значение							Изменения		(%)			
	1980	1990	1995	2000	2005	2009	2010	2005-2010	2009-2010	1980-2010	1990-2010	2000-2010	
Развитые страны													
Страны ОЭСР	0,754	0,798	0,827	0,852	0,868	0,876	0,879	–	–	0,51	0,48	0,31	–
Страны – не члены ОЭСР	0,701	0,761	0,779	0,799	0,829	0,840	0,844	–	–	0,62	0,51	0,54	–
Развивающиеся страны													
Арабские государства	0,396	0,470	0,505	0,525	0,562	0,583	0,588	–	–	1,32	1,12	1,14	–
Вост. Азия и Тихоокеанский регион	0,383	0,466	0,519	0,559	0,600	0,636	0,643	–	–	1,73	1,61	1,40	–
Европа и Центральная Азия	0,503	0,660	0,628	0,648	0,679	0,698	0,702	–	–	1,11	0,31	0,80	–
Латинская Америка и Карибский бассейн	0,573	0,614	0,640	0,660	0,681	0,699	0,704	–	–	0,68	0,68	0,64	–
Южная Азия	0,315	0,387	0,415	0,440	0,481	0,510	0,516	–	–	1,65	1,44	1,61	–
Африка к югу от Сахары	0,293	0,354	0,358	0,315	0,366	0,384	0,389	–	–	0,94	0,46	2,10	–
Страны с очень высоким уровнем РЧП	0,753	0,797	0,827	0,851	0,867	0,875	0,878	–	–	0,51	0,48	0,31	–
Страны с высоким уровнем РЧП	0,556	0,633	0,634	0,659	0,692	0,712	0,717	–	–	0,85	0,62	0,84	–
Страны со средним уровнем РЧП	0,361	0,440	0,480	0,510	0,555	0,586	0,592	–	–	1,65	1,49	1,49	–

Страны с низким уровнем РЧП	0,271	0,310	0,324	0,332	0,366	0,388	0,393	–	–	1,24	1,19	1,68	–
Наименее развитые страны	0,251	0,292	0,311	0,325	0,357	0,382	0,386	–	–	1,44	1,40	1,7	–
Весь мир	0,455	0,526	0,554	0,570	0,598	0,619	0,624	–	–	1,05	0,85	0,89	–

Как видно, за 20 лет российская элита игнорировала непосредственную причинно-следственную связь между НЧП и национальной безопасностью страны. Более того, очень долго само понятие «национальная безопасность» не имело права на существование, а сегодня существует в нормативных документах, которые фактически игнорируются в реальной политике. Повторю именно такой путь прошла российская элита за последние 20 лет: от полного отрицания самого понятия «национальная безопасность» до формального признания ее приоритетности во внутренней и внешней политике. Но с полным непониманием ее существа в XXI веке. От идеализации современной системы международной безопасности – при М.Горбачеве и Б.Ельцине – до осознания необходимости создания принципиально новой системы международной безопасности, отвечающей новым реалиям XXI века – при В.Путине и Д.Медведеве. Подчеркну, – понимание необходимости создания новой системы отнюдь не означает понимания ее существа. Более того, представляется, что существо-то этой новой системы как раз и не понимается.

Эта эволюция отчетливо прослеживается на всех этапах современной российской политической истории, которые условно можно разделить на три периода:

Первый период – идеализации существующей системы международной безопасности и фактическое отрицание не только национальных интересов безопасности, но и самой постановки такого вопроса (1991–1996 гг.)¹. Суть этого периода заключается в том, что российская правящая элита не просто идеализировала международную

¹ В свое время, в первой половине 90-х годов, автор со своими коллегами опубликовал первые варианты концепций национальной безопасности России, которые не встретили понимания в Российской элите. Даже сам термин ставился под сомнение. См.: *А.Подберезкин. Концепция национальной безопасности России. М., РАУ-Корпорация, 1995 г.*

систему безопасности, но фактически отрицала суть политики – национальные интересы и ценности.

Дело даже не в том, что правящая советско-партийная элита шла на неоправданные уступки и даже предательство. И не в том, В.Путин сказал в своем послании Федеральному Собранию в 2006 году: « ... ни власть, ни бизнес не оправдали этих надежд ..., пренебрегая нормами закона и нравственности, перешли к беспрецедентному в истории нашей страны личному обогащению за счет большинства граждан»². Все это было – и предательство и разграбление.

Но, все-таки, дело в том, что правящая элита оказалась не способной, не готовой и не стремящейся хоть сколько-нибудь соответствовать своей функции в управлении государством. Она, даже предавая и разворовывая, не делала своей работы, не управляла государством даже в целях самосохранения. Как показывает все тот же ИРЧП за 1990–2005 годы, элита системно занималась уничтожением нации. Спohватившись, она попыталась неуклюже и неумело исправить положение. И добилась ... стагнации, реальные параметры которой заменили на экстенсивный рост ВВП. При сохранении все-той же стагнации.

Второй период – постановка проблемы, ее признание, но неадекватное освещение, анализ и разработка механизмов, сил и средств обеспечения национальной безопасности. В этот период появилась первая концепция национальной безопасности, отрицающая, в частности, сам факт существования военной угрозы (1996–1999 гг.).

На деле это означало все-то же продолжение первого периода, которое попытались **нормативно** оформить некоторыми документами, которые были удобны для того, чтобы узаконить управление страной антинациональной ельцинской политико-финансовой группировкой.

Финансовая олигархия, фактически пришедшая к власти в стране после выборов 1996 года, попыталась легализовать свои взгляды, свою либеральную идеологию, свое право на управление страной не только в реальной политике, но и на концептуальном уровне.

Третий период – движение в осознании элитой национальных государственных интересов и интересов безопасности, которое было

² В.Путин. Послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию. М., 2006 г., с. 5.

вызвано испугом: потерей управления страной, ее дезинтеграцией, грозящей в том числе и потерей капиталов и доходов. Разработка серии нормативных документов, которые в целом относительно адекватно описывали проблему национальной безопасности (1999–2007 гг.). Но восприятие угроз национальной безопасности свидетельствовало о том, что правящая элита воспринимала их традиционно, как военные, политические и экономические угрозы. Элита не поднялась до понимания значения НЧП, особенно традиционных национальных ценностей и роли идеологии в формировании стратегии страны. Основная проблема заключалась в отождествлении национальных и групповых интересов путинской элиты, прежде всего в сохранении контроля над развитием ситуации в стране.

Четвертый период – уточнение, корректировка и дальнейшая формализация в нормативных документах представлений о международной и национальной безопасности, которые можно охарактеризовать как более адекватную систему взглядов, в большей степени соответствующую реалиям XXI века. Более того за последние годы появилось немало работ, конкретизирующих и уточняющих критерии, отражающие НЧП, что свидетельствует о том, что сами эти идеи постепенно берут верх в сознании политической элиты и общественности.

Выдвижение и реализация приоритетных национальных проектов, особенно демографического, говорило о том, что понимание роли НЧП становится реальностью. Эта эволюция взглядов и политики в четвертом периоде привела к незначительному росту ИРЧП России относительно других государств.

Вместе с тем, говорить о масштабном понимании роли НЧП в обеспечении национальной безопасности нельзя. И не только потому, что в период кризиса 2008–2010 годов эти программы были существенно свернуты, но и потому, что субъективная концепция модернизации, предложенная Д.Медведевым, пытались подметить стратегию развития НЧП. Что, естественно, не получилось. Отрицательные результаты модернизационной политики говорят не только о том, что власть не в состоянии реализовать свои идеи, но, прежде всего, о том, что сами эти идеи не правильны.

Между тем объективные тенденции возрастания роли НЧП в самых различных областях и формах становились в 2008–2011 годы повседневной, рядовой практикой. В этот период появилось множество международных индексов, как правило, производных от индекса человеческого потенциала, которые, во-первых, реально отражали место того или иного государства в мире и системе международной безопасности, а, во-вторых, коррелировали друг с другом. Тем, обращает на себя внимание индекс политического руководства, разработанный в 2010 году фондом Бертелсмманна, где, в частности, приводятся не только количественные, но и качественные оценки состояния государства и эффективность его политического руководства. Понятно, что эти критерии так или иначе разработаны с оценкой результатов перехода государств к рыночной экономике и «совершенной демократии», но – подчеркну – все они, в конечном счете являются производными от НЧП. Даже, когда и оперируют исключительно критериями «стабильность валюты», «организация рынка», «тренды политической трансформации», «стабильность демократических институтов» и т.д.¹. Примечательно, что лидерами «индекса трансформации» выступают такие страны, как: Чехия, Словения, Тайвань, Эстония, Литва, Коста Рика, которые, как правило, находятся в группе стран с «очень высоким уровнем человеческого потенциала» по методике ПРООН.

Важно и то, что в отечественной специальной литературе НЧП стало уделяться больше внимания. Так, в книге «Рейтинг готовности регионов России к информационному обществу» признавалось, что на формирование такого общества решающую роль оказывают такие характеристики человеческого капитала, как:

- научно-инновационный потенциал, определяемый числом исследователей на 10000 человек населения;
- уровень образования населения, который определяется на основе следующих показателей: доля учащихся в возрастной группе 7–24 лет; доля занятого населения, имеющего высшее образование; число студентов вузов на 1000 человек населения;

¹ Transformation Index 2010: Political Management in International Comparison Bertelsmann Stiftung.

– кадровый потенциал сферы ИКТ, характеризуемый числом принимаемых студентов и выпускаемых специалистов, бакалавров, магистров по направлениям подготовки (специальностям) высшего профессионального образования в сфере ИКТ на 10000 человек населения.

Рейтинг регионов по этому подындексу приведен в таблице 3 и проиллюстрирован с помощью гистограммы.

Подындекс «человеческий капитал»

Место	Регион	Баллы	Место	Регион	Баллы
1	Москва	6,449	42	Ханты-Мансийский автономный округ	2,105
2	Санкт-Петербург	5,670	43	Тамбовская область	2,104
3	Томская область	4,787	44	Тверская область	2,081
4	Новосибирская область	3,588	45	Магаданская область	2,078
5	Нижегородская область	3,128	46	Мурманская область	2,075
6	Самарская область	3,080	47	Смоленская область	2,070
7	Тюменская область	2,988	48	Волгоградская область	2,058
8	Воронежская область	2,931	49	Кабардино-Балкарская Республика	2,037
9	Ростовская область	2,797	50	Белгородская область	2,019
10	Пензенская область	2,784	51	Республика Хакасия	1,998
11	Калужская область	2,697	52	Республика Башкортостан	1,991
12	Московская область	2,660	53	Ивановская область	1,958
13	Рязанская область	2,656	54	Республика Алтай	1,953
14	Республика Татарстан (Татарстан)	2,648	55	Республика Адыгея (Адыгея)	1,916
15	Приморский край	2,513	56	Алтайский край	1,908
16	Камчатский край	2,494	57	Краснодарский край	1,889
17	Ярославская область	2,492	58	Брянская область	1,881
18	Хабаровский край	2,491	59	Республика Коми	1,864
19	Республика Северная Осетия – Алания	2,462	60	Новгородская область	1,853
20	Свердловская область	2,458	61	Карачаево-Черкесская Республика	1,853
21	Владимирская область	2,442	62	Оренбургская область	1,848
22	Челябинская область	2,412	63	Республика Дагестан	1,829
23	Красноярский край	2,398	64	Вологодская область	1,804
24	Республика Саха (Якутия)	2,357	65	Кемеровская область	1,798

25	Омская область	2,317	66	Кировская область	1,788
26	Республика Мордовия	2,302	67	Республика Ингушетия	1,786
27	Иркутская область	2,286	68	Курганская область	1,772
28	Курская область	2,286	69	Республика Калмыкия	1,758
29	Ставропольский край	2,279	70	Костромская область	1,718
30	Астраханская область	2,239	71	Республика Карелия	1,674
31	Архангельская область	2,195	72	Амурская область	1,672
32	Ульяновская область	2,193	73	Липецкая область	1,669
33	Орловская область	2,192	74	Забайкальский край	1,629
34	Пермский край	2,176	75	Республика Тыва	1,627
35	Саратовская область	2,168	76	Еврейская автономная область	1,622
36	Удмуртская Республика	2,162	77	Псковская область	1,614
37	Республика Марий Эл	2,160	78	Ямало-Ненецкий автономный округ	1,565
38	Калининградская область	2,159	79	Сахалинская область	1,558
39	Тульская область	2,139	80	Чукотский автономный округ	1,454
40	Республика Бурятия	2,132	81	Ленинградская область	1,436
41	Чувашская Республика – Чувашия	2,113	82	Ненецкий автономный округ	1,320

Как и два года назад, рейтинг российских регионов возглавляют Москва, Санкт-Петербург, «Томская, Новосибирская и Нижегородская области. Группа субъектов РФ, замыкающих рейтинг, также не претерпела значительных изменений, за исключением того, что в результате федеративных преобразований ее покинули Агинский Бурятский и Усть-Ордынский Бурятский автономные округа¹.

Был разработан даже индекс международной безопасности, регулярно публикуемый в «Коммерсанте».

Так, например, в ноябре 2010 года «Коммерсант» опубликовал очередные данные, в соответствии с которыми этот индекс вырос до отметки 2964 пункта. Позитивно на него повлияло решение профсоюзов Франции приостановить общенациональную забастовку, что несколько стабилизировало ситуацию в стране. Для преодоления проблем зоны евро на саммите ЕС в Брюсселе принято решение об укреплении

¹ Индекс готовности регионов России к информационному обществу 2007–2008. М., ИНСОП, 2009 г., с.25–26.

экономического сотрудничества и возобновлении деятельности Трансатлантического экономического совета. Иран подтвердил готовность возобновить переговоры с шестеркой международных посредников в середине ноября. В Кот-д'Ивуаре прошли первые за десять лет выборы президента.

С другой стороны, негативно на Индексе отразилась перестрелка в демилитаризованной зоне между КНДР и Южной Кореей. Произошли столкновения ультраправых в Израиле с арабской молодежью.

Антиправительственные акции прошли в Румынии, Великобритании, Германии. Извержение вулкана Мерапи на острове Ява стало причиной гибели людей. Не удастся остановить эпидемию холеры на Гаити.

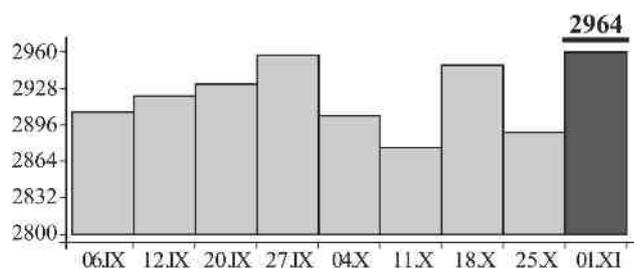
Иными словами видно, что на состояние международной безопасности влияют множество факторов. И не только политических или военных, но и социальных, гуманитарных, этнических, экологических и иных. Это понимание изменения содержания понятия международной и национальной безопасности, безусловно, эволюционирует в направлении признания новых угроз и необходимости совместного решения проблем.

В политической практике это выразилось в создании новых механизмов. Прежде всего регулярных встреч (G8 и G20) на высшем уровне, модернизации существующих и создании новых международных институтов по обеспечению безопасности и сотрудничества, которые прежде сводились к ООН и ОБСЕ, а также военно-политическим союзам и блокам.

Кризис 2008–2010 годов подстегнул эту тенденцию, которая, безусловно, будет усиливаться по мере изменения соотношения сил в мире в пользу стран БРИК и других быстро развивающихся государств¹.

¹ **Индекс международной безопасности** – зд. Индекс, предназначенный для того, чтобы показать насколько международная ситуация с точки зрения безопасности отличается от идеальной (идеальная – 4210 пунктов).

Индекс международной безопасности ISI

Источник: ПИР-Центр

Вопросы международной безопасности – традиционно компетенция узкой части профессиональной элиты, хотя участвовать в обсуждении, как и футбола, считают себя вправе многие. Проблема позднего СССР и России в том, что часто, слишком часто для государства, эту проблему решали в элите не профессионалы, а любители, обладавшие амбициями и слишком субъективным походом.

Эффективная элита создает эффективное государство. Соответственно, если государство неэффективно, то винить надо прежде всего элиту. «Сильная страна создается компетентной, национально-ориентированной элитой. Из-за того, что правящая элита не защищает национальные интересы России и некомпетентна, она до сих пор не создала эффективного государства – главного инструмента устойчивого и благополучного развития страны. Ибо именно эффективное государство обеспечивает работу закона и верховенство права в стране, то есть создает благоприятные условия для мотивации высокой производительности труда, развития малого и среднего бизнеса, внедрения инноваций. Все это создает эффективную экономику, обеспечивающую процветание страны.

Отсутствие эффективного государства в России угрожает национальным интересам¹.

Отдельно следует сказать о соотношении авторитаризма и демократизма в нашей правящей элите. Это был вынужден признать осенью 2010 года Д.Медведев, говоря о 20 годах демократии в России. Действительно, «авторитарная власть периодически замечала русскую отсталость и бросалась ее преодолевать. Наша власть всегда была сильной и могла преодолеть едва ли не любую конкретную отсталость,

¹ Д.Фурман. Последняя модернизация / Независимая газета, 25 августа 2010 г., с. 5.

которую могла увидеть. Но, естественно, только ту, которую могла увидеть. А увидеть, что главная причина отсталости – в ней самой, она не могла. Не может же правитель сказать себе: «Вся беда в том, что никто меня не ограничивает и не контролирует»¹.

Но и насаждать «эффективную демократию» сегодня занятие бесполезное. Ниже я подробнее скажу о политических условиях модернизации. Здесь же подчеркну: мы имеем ту элиту, которую имеем: полупрофессиональную, полуобразованную, коррумпированную, малоэффективную и т.д., но другой элиты у нас в ближайшие годы **не будет**. «Нанимать варягов» – бессмысленно и опасно, да и пробовали уже. Толку нет. Ответ может быть один: **надо поставить нашу элиту в жесткие авторитарные рамки необходимости делать модернизацию**.

За последние 20–25 лет, как уже говорилось, эволюция взглядов российской элиты на проблемы международной безопасности прошла значительный путь. Причем в разные периоды менялся как доминирующий взгляд внутри самой элиты, так и число и влияние его сторонников. Не завершился этот процесс и сегодня. В 2010 году, можно сказать, начался новый этап переосмысления, особенностью которого стала признание приоритета модернизации в качестве главной цели внешней политики России.

Это связано как с внутренними особенностями развития, так и внешними, прежде всего переоценкой характера внешних угроз, среди которых, С.В.Лавров выделил следующие: «На первый план выходят общие для всех глобальные вызовы – распространение оружия массового уничтожения, терроризм, трансграничная преступность, наркотрафик, массовая бедность и дефицит продовольствия, эпидемии, незаконная миграция, изменение климата и многое другое. Масштаб этих вызовов диктует объединительную повестку дня в международных делах, необходимость гармонизации отношений между государствами на основе сближения и взаимопроникновения экономик и культур.

Соответственно преобразуется предмет международных отношений. Это больше не кабинетная политика вокруг интересов, сводившихся исключительно к территориальному переделу мира и рынков сбыта и

¹ *А.Н.Аринин*. Модернизация России – необходимость эффективного развития Дальнего Востока / Мир и политика, № 6 (45), 2010 г., с. 59.

формированию в этих целях коалиций в преддверии военных конфликтов. Современная дипломатия, по существу, занимается всем спектром вопросов национальной жизни – от обеспечения безопасности в ее «глобальном» прочтении до вопросов эффективного и устойчивого социально-экономического развития и защиты окружающей среды»¹.

¹ *С.В.Лавров*. «Российская дипломатия в меняющемся мире» / «Федеральный справочник», т. 23 / 30.04.2010 / МИД России / http://www.mid.ru/us_dos.nsf

2.3.2. Эволюция взглядов российской элиты по вопросам безопасности: вопросы методологии

«... наличие «армии» специалистов по международной политике ... не обеспечило перехода России на то, что в литературе принято считать западными «нормами» формирования внутренней и внешней политики»¹.

А. Богатуров

«... в своем большинстве российская олигархическая буржуазия состоит из представителей диаспор (в 2006 году из 53 российских долларовых миллиардеров около 60% – представители диаспор). В этом отношении современная Россия сравнима с Индонезией»².

М. Хрусталеv

Действительно, на протяжении всего периода «перестройки», «демократических реформ» и «стабилизации» наблюдается удивительный парадокс: существующая армада квалифицированных специалистов, подготовленная еще в советское время, практически никак не влияла на принятые политических решений. При М. Горбачеве и Э. Шеварднадзе мнение не только экспертов, но и МИДа, Генштаба откровенно игнорировалось группой ученых, собранных А. Н. Яковлевым. Такая же ситуация сложилась при Б. Ельцине и А. Козыреве, где только приход Е. М. Примакова смог частично нейтрализовать вмешательство невежд. Сегодня, правда, либералы оправдывают это тем, что «... пришлось заново создавать все то, что для любой страны ... является данностью – национальные границы, национальную пограничную стражу, национальный банк»³.

Сложилось устойчивое впечатление, что внешняя политика России последних десятилетий формировалась где-то за пределами экспертного сообщества, в неких очень узких кругах. Крайне субъективно, но, главное, в разрыве с национальными интересами и стратегией развития. Более того, казалось, что правящая российская элита имела свою, узко групповую систему взглядов, которая мало коррелировала как с идеологией (от которой она всячески отрецивдалась и отрецивдается), так и практикой. Некоторое понимание этого верхушечного подхода дают

¹ Современная мировая политика: Прикладной анализ / Отв. ред. *А. Д. Богатуров*. М.: Аспект-Пресс, 2009 с. 116.

² *М. А. Хрусталеv*. Структура внешнеполитического курса государства, с. 127. В кн.: Современная мировая политика: Прикладной анализ / Отв. ред. *А. Д. Богатуров*. М.: Аспект-Пресс, 2009 с. 126.

³ *В. Мау*. Именно тогда были заложены основы современной экономики. Известия, 11 января 2011 г., с. 10.

признания очевидцев, например, бывшего вице-премьера ельцинского правительства М.Полторанина. Так, ссылаясь на личный разговор с Б.Ельциным в самом начале его правления, он по памяти цитирует основную президентскую установку: «Роль государства в регулировании экономики должна быть сведена к нулю. С этого начал Ельцин. Никаких ограничителей – только свободный рынок. Перед новым правительством будет поставлена задача перевести Россию в кратчайшие сроки **на американскую модель либерального капитализма** (подч. – *А.П.*). Пусть стихия рынка оставляет на плаву только сильных, конкурентоспособных. Говоря это, президент вычеркивал из комментариев к структуре правительства контрольные функции, которыми я наделял Кабинет министров»¹.

Понятно, что такую мысль трудно уложить в некую стратегию развития страны, но она вполне вписывается в либеральную (без всяких ограничений) идеологию, в которой роль государства, в т.ч. во внешней политике, сводилась к нулю.

Другая сторона вопроса заключается в том, кто отвечал за такую политику во времена М.Горбачева – Б.Ельцина. Ответ на этот вопрос также пытается дать М.Полторанин: «В умах наших людей все заметнее созревает вывод, что развал страны – это не пьяная выходка трех бывших партийных функционеров. И рыдания пропагандистов нынешней власти при упоминании Беловежья – отвлекающий треп. (Будто бы не было у хозяев тогдашней державы сил специального назначения). Да и выкормыши КГБ – первые российские банкиры-олигархи успели кое-что выболтать. Выстраивается такая следственная версия: группка ушлых ребят (партийно-кэгебистская мафия?) **готовила страну к расчленению, чтобы прибрать к рукам богатую недрами Россию с населением, которому все до лампочки. Готовила под чью-то диктовку.** Организовали хаос. В пыли и грохоте развала дали харизматическому Ельцину поуправлять осколком СССР, не ослабляя контроля за ним и заставляя брать все плевки на себя. А потом устроили тихую передачу власти своему человеку – он должен быть весь в белом и постепенно

¹ *М.Полторанин. Власть в тротиловом эквиваленте. М., Эксмо: Алгоритм, 2010 г., с. 236.*

утверждать диктатуру спецслужб в открытую, якобы демократическими методами» (подч. – *А.П.*)².

Таким образом, если версия одного из руководителей России тех лет верна, то внешняя политика России тех лет сознательно направлялась узкой группой элиты к развалу страны и разделу ее национального богатства. Во всяком случае эта версия много объясняет: и отказ от любой публично выраженной стратегии во внешней политике, и субъективизм (групповщину), и зависимость от внешних сил, которая к концу 90-х годов привела к фактическому отказу от суверенитета и внешнему управлению.

Понятно, что при таких политических установках и отказе от суверенитета, у России **не могло** быть политики в области безопасности, которая основывалась бы на реальных национальных интересах. Да и сами национальные интересы отрицались как таковые. Вместо них предлагались абстрактные идеологемы: сначала «перестройка», «гласность», «демократия», а затем – «права человека», «свободный рынок» и т.д. Собственно эти идеологемы заменили национальную идеологию и внешнюю политику, включая политику безопасности, тех лет.

Очень осторожно эту ситуацию охарактеризовал бывший Посол РФ, заведующий кафедрой МГИМО(У) И.А.Мелихов: «Международные отношения, ситуация в мировом сообществе на рубеже XX и XXI веков свидетельствовали о том, что стратегические расчеты и ставки, связанные с формированием новых – равноправных, взаимовыгодных – партнерских отношений России с окружающим миром, предотвращением продвижения НАТО на восток, **не оправдались**. Нужно было менять концепцию внешней политики Российской Федерации, принятой при Б.Н.Ельцине в 1993 году, поскольку она дезориентировала российское руководство и дипломатическую службу. Задача по выработке новой концепции была возложена на МИР России, возглавляемый И.С.Ивановым. Разумеется, не он один ее разрабатывал, а коллектив министерства. Однако многое зависело от министра, его стратегического видения ситуации, выверенной оценки состояния и тенденций в

² *М.Полторанин*. Власть в тротиловом эквиваленте. М., Эксмо: Алгоритм, 2010 г., с. 59.

международных отношениях. Новый документ, одобренный В.В.Путиным 28 июня 2000 года, гласил: усилия должны быть направлены на достижение обеспечения надежной безопасности страны, прочных и авторитетных позиций в мировом сообществе, которые в наибольшей мере отвечают интересам России как великой державы и которые необходимы для роста ее политического, экономического, интеллектуального и духовного потенциала; воздействие на общемировые процессы в целях формирования стабильного, справедливого и демократического миропорядка, строящегося на общепризнанных нормах международного права, включая прежде всего цели и принципы Устава ООН; создание благоприятных внешних условий для поступательного развития России, подъема ее экономики, повышения уровня жизни населения; формирование пояса добрососедства по периметру российских границ; поиск согласия и совпадающих интересов с зарубежными странами в процессе решения задач, определяемых национальными приоритетами России; всестороннюю защиту прав и интересов соотечественников за рубежом. Новая концепция явилась подтверждением того, что Российская Федерация состоялась как демократическое государство с самостоятельной и предсказуемой внешней политикой»¹.

Таким образом можно констатировать, что концептуально, на уровне внешнеполитической стратегии, с приходом В.Путина начался выстраиваться процесс формирования внешней политики, которая основывалась не на личных и групповых, а на национальных интересах. К сожалению, этот процесс, во-первых, затянулся, а, во-вторых, так до конца и не оформился так как **понимание** национальных интересов и, соответственно, целей внешней политики продолжается до сего дня. Причина – прежняя: отсутствие у правящей элиты внятной национальной идеологии.

Вне национальной идеологии элита не может внятно сформулировать главного – целей национального развития, расставить их в приоритетном порядке, эффективно распределить ресурсы. Соответственно, невозможен стратегический прогноз и стратегическое

¹ *И.А.Мелихов. Личность в дипломатии. На исторических параллелях. М.: Восток-Запад. 2011 г., с. 191–192.*

планирование, которые вне идеологии становятся просто макроэкономической (или социальной) экстраполяцией. И первое, и второе, и третье – главные элементы эффективной стратегии модернизации без которых она превращается просто в набор мероприятий. Не всегда, кстати, безвредных.

Между тем практическая потребность таких, по сути дела идеологических, продуктов чрезвычайно важна. Причем во всех областях и отраслях, например, для подготовки кадров. Как заявил на Госсовете 31 августа 2010 года А.Фурсенко, «... необходим качественный (наверное, не случайно он использовал это определение – *А.П.*) долгосрочный прогноз социально-экономического и научно-технического развития в увязке с обеспечивающими этот прогноз кадровыми потребностями»¹.

Отсюда во многом и нежизнеспособность разного рода стратегий и концепций, разработанных в первом десятилетии XXI века в России. От федеральных, до отраслевых и региональных: они не вписываются в единую систему взглядов, которая не существует как система, а лишь как самые общие контуры социально-экономического развития. Такие попытки создания стратегий и концепций, которые мы нередко видим сегодня, выливаются в лучшем случае в некий нормативный документ, о котором забывают на следующий день после его принятия. Даже чиновники, которые его писали. К сожалению, в полной мере это относится и к таким концептуальным документам, как Стратегия национальной безопасности до 2020 года, Концепция внешней политики, Военная доктрина и пр., которые так и не стали основой для практического планирования российской внешней политики. По этому поводу эксперт ИНСОРа Н.Масленников справедливо заметил: **«За последние три-четыре года в России на уровне правительства появилось около 300 разного рода «стратегий».** Такое «стратегическое увлечение» порождает в итоге беспомощность и дезориентацию, запутывает и лишает понимания, что именно надо делать с экономикой и как стране позиционировать себя на международной арене»².

¹ *А.Фурсенко.* Стенограмма выступления на Госсовете. 31 августа 2010 г. / <http://www.president.ru>.

² *Ан.Баикатова.* Программа – 2020 взята на семейный подряд. Независимая газета, 11 января 2011 г., с. 4.

Речь в данном случае идет не только о корректировке Стратегии 2020, о необходимости которой заявил В.Путин в декабре 2010 года, но и о **всех без исключения** «концепциях» и «стратегиях», подготовленных в 2000–2010 годах. И начинать надо, безусловно, с одной, базовой, политико-идеологической. В противном случае появится вновь очередная, частный вариант стратегии развития страны. Такой, например, как предложенный тем же ИНСОРОм весной 2010 года альтернативный вариант Стратегии 2020 под названием «Структурная модернизация финансовой системы России».

Вот почему разговор о формировании идеологии развития государства имеет сугубо **практический даже прагматический характер**, прежде всего применительно к обсуждению модели¹ модернизации России и новой модели международной безопасности. Или концепции ее опережающего социально-экономического развития, которые являются, повторю, **следствием, частным случаем**, идеологии, охватывающей все области стратегии – от экономической, научно-технической и социальной до внешнеполитической.

При этом идеология не означает «идеологизированность», когда прагматические, конкретные интересы ставятся в зависимость от узкоидеологических норм и штампов. Наоборот. Идеология выступает синонимом стратегии. Только действительно стратегии развития страны, а не одной из многих частных стратегий. В рамках этой идеологии правящая элита определяет место **внутренней политики**, распределения национальных ресурсов, а также внешней политики и политики безопасности.

Сегодняшние споры о модернизации это споры прежде всего о ресурсах, точнее, тех долях национального богатства, которые должны направляться в соответствии с определенными приоритетами на нужды развития. Если например, в 2011 году выделяется на культуру 0,73% расходов бюджета (около 80 млрд. рублей), а для развития, даже скромного, нужно, 120 миллиардов, то результат очевиден². Как заметил

¹ **Модель** – зд. упрощенный мысленно представляемый объект, сохраняющий важнейшие его свойства, который необходим для практической реализации намеченных целей. В настоящее время может представлять различные, в т.ч. математические, логические, социологические и др. формы.

² А.Авдеев. Культ. Личности. Российская газета, 13 января 2011 г., с. 28.

С.В.Лавров, «Статус России, как и любой страны, в современном мире будет зависеть от способности к комплексной модернизации. Модернизации, которая будет охватывать не только социально-экономическую политику, включая стабилизацию финансового сектора и структурную перестройку экономики, но и **все остальные стороны жизни общества, в том числе образование, образ жизни, общественное сознание, включая философию политических элит** (подч. – *А.П.*). Это также предполагает необходимость проводить внешнюю политику на основе **четко определенных национальных интересов**, прагматично, творчески, отбрасывая идеологическую и иную предвзятость»¹.

Представляется, что эта мысль российского министра – ключевая. Из нее следует, что политика модернизации,

во-первых, должна основываться на четко определенных национальных интересах (добавлю – и ценностях);

во-вторых, охватывать все стороны жизни общества и, прежде всего, на мой взгляд, связанные с НЧП;

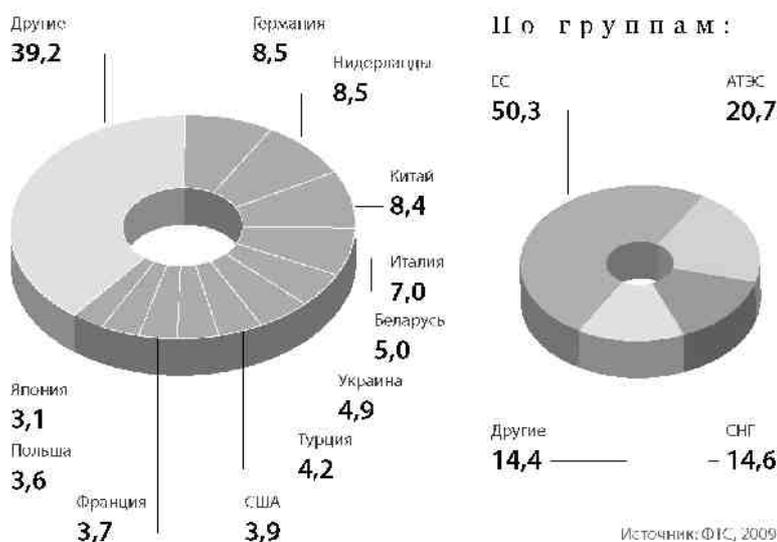
в-третьих, статус, России будет зависеть от такой модернизации, а не от внешних факторов.

Другими словами, даже отрицая идеологию, С.Лавров предлагает **систему взглядов**, которая основывается на адекватном восприятии российской элитой национальных интересов и эффективном использовании его национальных ресурсов. Причем не только природных ресурсов и производственно активов, но, прежде всего, НЧП.

Влияние внешних факторов на модернизацию – второстепенно. Что подтверждается структурой товарооборота России со странами Евросоюза, отношения с которыми некоторые политологи в 2010 году, а также часть элиты, восприняли как главное условие модернизации.

¹ Стенограмма выступления Министра иностранных дел России С.В.Лаврова в МГИМО(У) МИД России, 1 сентября 2010 года / МИД России, 1 сентября 2010 г. / <http://www.nid.ru/brp>.

Доля стран в товарообороте РФ

1

Завышенная оценка влияния стран Евросоюза на эффективность модернизации превратилась в политический фактор, который, безусловно, серьезно искажает действительность. Прежде всего потому, что принижает значение внутренних факторов. А, кроме того, принижает значение интеграционных процессов на постсоветском пространстве. Между тем, только за первые 100 дней деятельности Таможенного союза товарооборота России и Белоруси вырос на 25–30%².

Из сказанного можно сделать вывод, что к 2011 году решающими факторами обеспечения безопасности и модернизации страны оставались:

во-первых, внутренние факторы;

во-вторых, отношения России с бывшими советскими республиками.

Между тем российская элита почему-то связывает до сих пор свои успехи в модернизации с отношениями с развитыми странами, прежде всего, странами Евросоюза. Причина этой ошибки – методологическая.

В качестве иллюстрации я вновь обращаюсь к модели идеологии, элементы которой рассматриваются поэтапно, шаг за шагом в предлагаемой публикации. Эта модель (модернизированная мною) в свое время была описана покойным ныне профессором МГИМО(У) М.А.Хрусталёвым, который хотя и, не претендовал на авторство, но настойчиво, даже

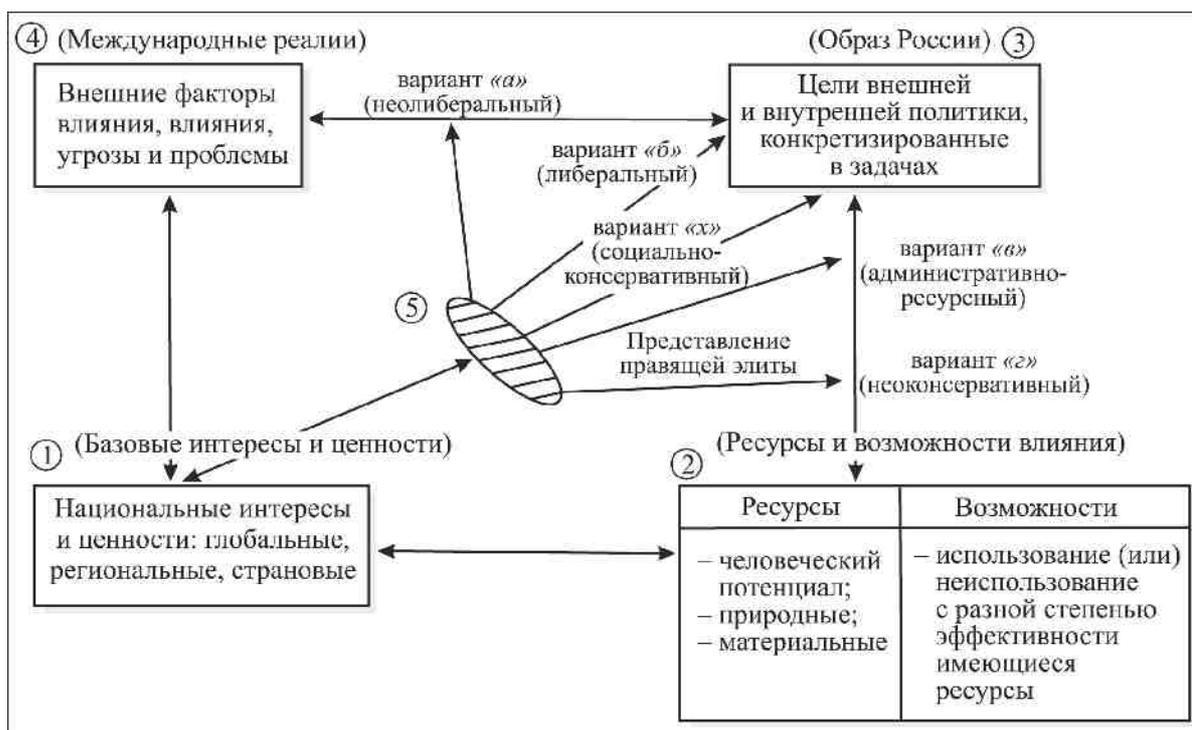
¹ К Союзу Европы. Аналитический доклад российской группы международного дискуссионного клуба «Валдай». Август–сентябрь 2010 г., с. 18.

² В.Бибиков. Логика общей территории. Союз, 13 января 2011 г., с. 1.

талантливо, проповедовал эту идею. Он справедливо утверждал, что подобная модель может быть одним из адекватных вариантов формализации. В данном случае идеологии безопасности и модернизации. Эта модель, как справедливо пишет М.А.Хрусталёв, «дает лишь самое общее представление ... и нуждается в пояснениях и уточнениях необходимых для того, чтобы избежать неправильной интерпретации»¹. Что и делается применительно к вопросам безопасности.

В самом общем виде она выглядит следующим образом. (При этом, учитывая особую актуальность проблемы модернизации, надо выделить один из блоков системы, а именно – взаимоотношение и взаимосвязь целей и ресурсов, который и составляет собственно стратегию):

Модель системы взглядов элиты на вопросы безопасности и модернизации

Основные элементы модели такой системы следующие:

1. Базовые (национальные) интересы и ценности, которые представляют собой как национальную ценностную систему, так и комплекс национальных интересов (потребностей), т.е. объективные, не зависящие от восприятия элитой, категории. Среди таких базовых

¹ М.А.Хрусталев. Анализ международных ситуаций и политическая экспертиза: очерки теории и методологии. М.: НОФМО, 2008, с. 33.

интересов выделяется основной – сохранение («сбережение») и развитие нации, а также сохранение национальной идентичности.

Осознать эти национальные интересы и ценности, как оказалось, для российской элиты не просто, а ведь именно это является **главным условием** проведения эффективной внешнеполитической стратегии и первым шагом к целеполаганию. На протяжении последних 20 лет происходит **сознательное** искажение национальных интересов и ценностей, их подмена мнимыми, либо чужими ценностями. Этот процесс отнюдь не завершился и теперь, когда массированно происходят попытки переписывания истории. Как справедливо пишет И.Гусев, **«Сейчас прослеживается четкая тенденция: когда русский народ и все с ним связанное поливают помоями и мажут грязью – это называется «стиранием белых пятен в истории», а в противном случае – это, понимаете ли, политиканство и фальсификация, чем занимаются шовинисты. А история русского народа даже на территории Прибалтики занимает чуть ли не главнейшее место! Только об этом в Латвии говорить почему-то неудобно... Но на самом деле не просто удобно, а необходимо!»**¹

2. Ресурсы (материальные и нематериальные) и возможности государства и нации. К ресурсам относится самый широкий спектр возможностей нации, государства и общества, среди которых особое место в последнее десятилетие занимает комплекс ресурсов, объединенных в национальный человеческий капитал (НЧК).

К важным, но пока недооцененным ресурсам НЧК, следует отнести духовные и социальные потенциалы, эффективное использование которых ведет к синергетическому эффекту. Во время 2-ой Мировой войны, например, **моральный ресурс** (фактор) позволил СССР компенсировать огромное материальное и военное превосходство, которое сконцентрировала Германия после оккупации Европы.

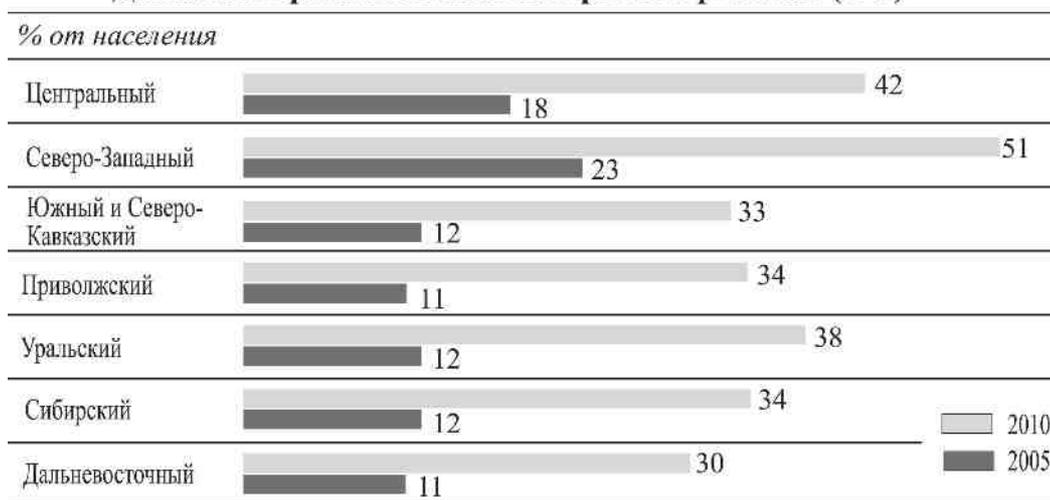
Особое значение в этой связи приобретает такой производный от идеологии фактор, как эффективность государственного управления, которая, во-первых, не допускает игнорирования, либо недооценки

¹ Гусев: на основе бесспорных данных доказано, что подлинные арийцы – русские. 11.01.2011 / www.d-pils.lv/news.

важных видов ресурсов (например, морального, нравственного, духовного НЧП), а, во-вторых, обеспечивают их реализацию, т.е. превращение потенциала в фактор.

К другому важному виду ресурсов следует отнести психологические и волевые качества НЧП, которые являются (вместе с другими потенциалами) основой для развития творческого, или креативного, потенциала нации, сознательного содействия созданию целого социального слоя – креативного класса. Сегодня мы наблюдаем, как стремительно происходит процесс нарастания информационных и творческих возможностей общества. Это видно на примере проникновения Интернета в российские регионы за последние 5 лет¹.

Динамика проникновения Интернета в регионы (ФО)

Источник: Фонд общественное мнение

Но, вместе с тем, мы уже более 20 лет наблюдаем фантастически высокие цифры оттока наиболее образованных и творческих граждан из России, которые ежегодно достигают 80 тыс. человек! Это означает, что за последние десятилетия мы уже потеряли более 2 млн. граждан, составляющих гордость национального интеллекта. Кстати, по некоторым оценкам благодаря выходцам из России в США сегодня создается до 30% новых технологий в год.

На мой взгляд, именно эта проблема является сегодня проблемой №1 в национальной безопасности страны. И не случайно в Стратегии национальной безопасности Б.Обамы, озвученной в мае 2010 года, важнейшим приоритетом заявлено привлечение наиболее

¹ М.Жебит. Русские введут. Российская газета, 13 января 2011 года, с. 5.

профессиональных кадров из других стран. Повторю, что из России в США ежегодно уезжает не менее 50 тыс. человек. Если оценить каждую голову «хотя бы в 1 млн. долл., то окажется, что отток капитала в США достигает ... 50 млрд. долларов.

При этом для власти и общества принципиально важно не противопоставлять в процессе модернизации одни ресурсы (например, материальные) – другим, а **интегрировать все ресурсы нации**, мобилизовать их и обеспечить идеологическую поддержку. Такое противопоставление, к сожалению нередко случается. Так, на Госсовете 31 августа 2010 года А.Фурсенко и М.Прохоров фактически противопоставили количество и долю студентов университета доле специалистов с начальным и средним профессиональным образованием, предложив изменить пропорции в сторону последних. Но менять надо было не пропорции. Нужно было принять решение о восстановлении разрушенного профобразования, которое фактически было ликвидировано в угоду «всесильной руке рынка».

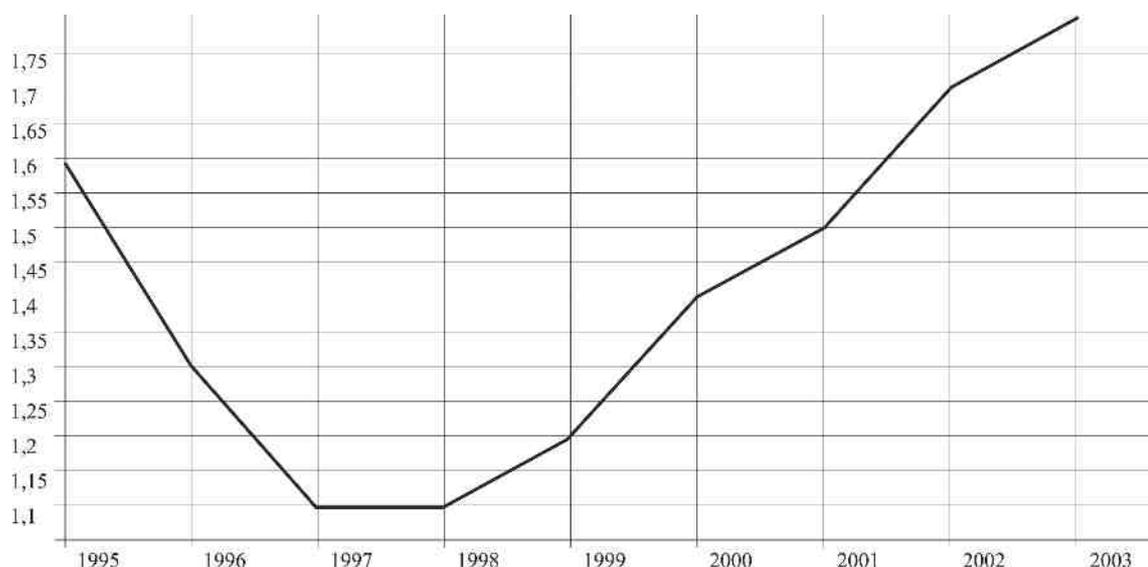
С точки зрения ИРЧП, напомню, продолжительность образования является важнейшим критерием. Поэтому любое сокращение сроков образования, а, тем более, превращение части высшего в среднее, – глупость.

Аналогичная ситуация возникает и с традиционными отраслями обрабатывающей промышленности, которые в 90-ые годы фактически разрушались. Это отчетливо видно из официальных данных Росстата, регулярно публикующего данные о коэффициенте обновления основных фондов¹.

**Коэффициент обновления основных фондов, процент,
Российская Федерация,
значение показателя за год в ценах 1990 г.**

	1995	1996	1997	1998	1999	2000	2001	2002	2003
Всего	1,6	1,3	1,1	1,1	1,2	1,4	1,5	1,7	1,8

¹ Федеральная служба государственной статистики. Центральная База Статистических Данных / <http://www.gks.ru/dbscripts/Cbsd/>.

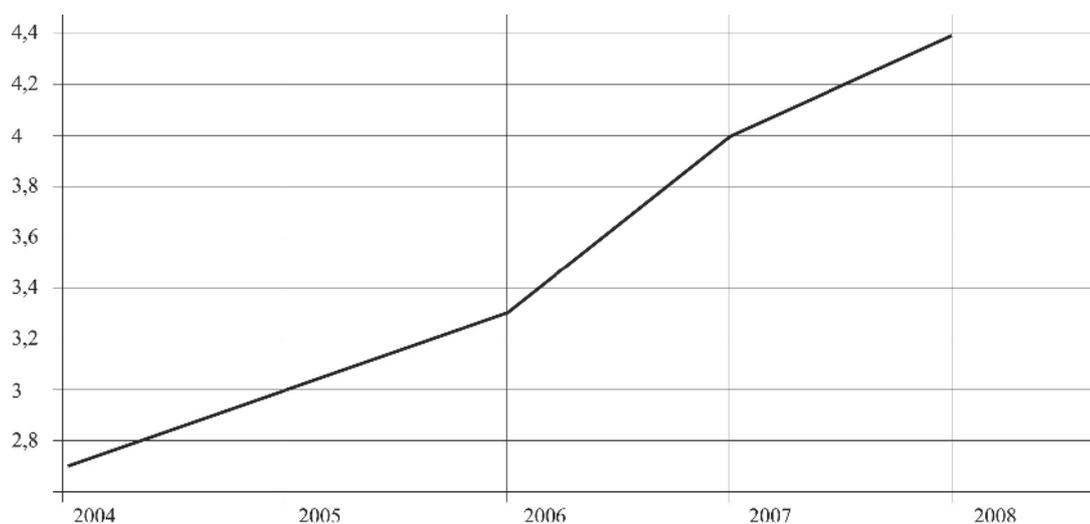
Как видно из графика, составленного на данном Росстата, коэффициент обновления основных фондов стремительно снижался и привел к фактическому разрушению производственной базы традиционных отраслей. Это в полной мере отражает подход господства идеологии неолибералов в 90-ые годы, которые фактически устранили государство из обрабатывающих отраслей экономики страны.

Хуже другое: программы модернизации сегодня слабо ориентированы на модернизацию традиционных отраслей. Почему-то считается, что инновации применимы только к высокотехнологичным отраслям экономики, хотя В.Путин и Д.Медведев не раз говорили о необходимости модернизации традиционных отраслей. И те только ТЭКа, оборудование которое обветшало на 60%,¹ но и других обрабатывающих отраслей промышленности, прежде всего машиностроения.

Коэффициент обновления основных фондов, (продолжение)

	2004	2005	2006	2007	2008
Всего	2,7	3	3,3	4	4,4

¹ С.Жизнин. Модернизация или индустриализация. НГ-энергия, 11 января 2011 г., с. 11.

Устойчивый рост обновления основных фондов наблюдается с 1998 года (с 1,1% до 4,4%), который однако **совершенно не соответствует потребностям страны**. Модернизация, как справедливо отмечают американские исследователи, «... должна не допустить разрушения своего производственного и образовательного потенциала – даже под флагом самых правильных преобразований и благих намерений»¹. На мой взгляд, сегодня, чтобы добиться серьезных структурных изменений коэффициент обновления основных фондов, прежде всего в машиностроении, должен достигать 25–30%, что позволит в среднесрочном периоде (до 5 лет) обновить основные фонды этой отрасли.

Очевидно, что стратегия модернизации – как часть идеологии – заключается прежде всего **в искусстве** достижения поставленных целей с использованием имеющихся ресурсов. В идеале – максимально эффективным, т.к. ресурсов, как известно, всегда не хватает. Поэтому принципиально важно, во-первых, учесть и задействовать **все имеющиеся ресурсы**, а, во-вторых, использовать их **эффективно**, с самым высоким КПД.

3. Общациональные цели и задачи, которые формулируются элитой как государственные цели и задачи под влиянием основных четырех групп факторов:

– объективно существующих национальных интересов и ценностей (группа № 1);

¹ Ярославский план 10-15-20: 10 лет пути, 15 шагов, 20 предостережений / The New York Academy of Science, August 20, 2010. p. iii.

- наличия ресурсов и возможностей влияния (группа № 2);
- международных реалий (группа № 3);
- адекватности (способностей и профессионализма) элиты (группа № 5), Последний, субъективный, фактор имеет для России огромное значение. Именно либеральная идеология 90-х годов оказалась неадекватным отражением объективных процессов, происходивших в мире и в России. Финляндия, которая в 90-ые годы столкнулась с таким же;

4. Международные реалии, которые представляют собой группу факторов влияния (экономических, финансовых, военно-политических и др.) Среди таких факторов возрастающее значение в последние годы стал иметь человеческий потенциал в его различных формах: институты гражданского общества, образование, наука, туризм и т.д.

5. Представления правящей элиты, – субъективный фактор – как совокупность доминирующей в данное время в элите идеологий, которые имеют определенные рамки ограничений объективными реалиями (ресурсами, международными факторами, национальными интересами). Также представления с разной степенью адекватности (а, иногда, неадекватность), выражаются элитой в формулируемых его целях и задачах.

В предлагаемом варианте не обсуждаются неадекватные представления и действия элиты, которые выходят за рамки рациональных. При этом вариант «х» рассматривается как идеальный, а варианты «а» и «г» как допустимые, но наименее эффективные и даже опасные.

Структура работы построена таким образом, чтобы последовательно рассмотреть все элементы идеологической модели, а также, что очень важно, их влияние и взаимодействие друг на друга. Так, в предлагаемой модели, стрелками указаны **факторы влияния**, которые могут быть **непосредственными** (группа факторов «1» влияет на группу факторов «4» или «2»), а также **опосредованы**. Например, цели (группа «3») не линейно (идеально) отражают национальные интересы (группа «1»), а через «преломление» в сознании элиты. Или элита воспринимает ресурсы и возможности не прямо, а **через национальные интересы и цели**.

Как видно из рисунка, стратегии (в т.ч. социально-экономическая, модернизации и т.д.) является **частью** идеологической системы. Точнее, они зависят прежде всего от адекватности **целей** (которые формулируются элитой) и **ресурсов**, которые можно использовать для достижения этих целей. Подчеркну – с разной степенью эффективности. Искусство политики и качество стратегии определяется результатом достижения цели (полным, неполным, – с одной стороны, быстрым или медленным, – с другой), затрачивая наименьшие национальные ресурсы.

Конечно, если элита адекватно отражает национальные интересы (потребности) в своих целях, то это уже хорошо, ведь эффективность используемых ресурсов, т.е. «цена», – вопрос менее важный. Двигаться к верной цели можно с разной скоростью. Хуже, если элита, как в 90-ые годы в России, выбрала ложные цели. Тогда любые затраченные ресурсы (а, тем более, крупные) – бесполезны, даже вредны, ибо достижение ложных целей может угрожать жизненно важным интересам. Представляется, что изначально, с начала 90-х годов, в основу стратегии России должна была быть положена объективная методика, **основанная на постоянном росте ИРЧП**. По сути, так и было сделано в развитых странах.

Индекс развития человеческого потенциала (ИРЧП) является суммарным показателем развития человека. Он демонстрирует средний уровень достижений страны по трем базовым измерениям человеческого развития: долголетию и здоровью, доступу к знаниям и достойному уровню жизни. ИРЧП представляет собой среднее геометрическое трех нормализованных индексов, отражающих достижения по каждому измерению (кубический корень из произведения трех индексов).

Источники данных

- Ожидаемая продолжительность жизни при рождении: UNDESA (2009d).
- Средняя продолжительность обучения: Barro and Lee (2010).
- Ожидаемая продолжительность обучения: UNESCO Institute for Statistics (2010b).
- Валовой национальный доход (ВНД) на душу населения: World Bank (2010c) и IMF (2010a).

Создание индексов по измерениям

Первый этап состоит в том, чтобы создать подиндексы для каждого измерения. Чтобы преобразовать показатели в индексы со шкалой от 0 до 1, необходимо установить минимальные и максимальные значения (или целевые ориентиры). Поскольку для агрегирования используется среднее геометрическое, максимальное значение не влияет на сравнение (в процентах) между любыми двумя странами или периодами времени. Максимальные значения присваиваются фактически наблюдаемым высшим значениям страновых индикаторов во временном ряду, т.е. за период 1980-2010 гг. На сравнение будут влиять минимальные значения, поэтому используются величины, надлежащим образом задуманные как прожиточный минимум или «естественный» нуль. Таким образом, прогресс измеряется по сравнению с минимальными уровнями, которые необходимы обществу для выживания в течение определенного времени. Установлены следующие минимальные значения: для ожидаемой продолжительности жизни при рождении – 20 лет, для обеих переменных в сфере образования – 0 лет и для ВНД на душу населения – 163 долл. США. Минимальное значение ожидаемой продолжительности жизни основано на долговременных исторических данных, заимствованных из работ Maddison (2010) и Riley (2005)¹. Представление о минимальном уровне образования оправдано тем, что общества могут существовать без формального образования. Базовый уровень дохода, необходимый для выживания и составляющий 163 долл. США, – это наименьшее значение, достигнутое какой-либо страной по имеющимся историческим данным (Зимбабве, 2008 г.), эквивалентное 45 центам в день, что несколько превышает 1/3 установленной Всемирным банком черты бедности в 1,25 долл. США в день.

Целевые ориентиры для Индекса развития человеческого потенциала в данном Докладе о развитии человека 2010

Измерение	Наблюдаемое максимальное значение	Минимальное значение
Ожидаемая продолжительность жизни при рождении	83,2 (Япония, 2010 г.)	20,0
Средняя продолжительность обучения	13,2 (США, 2000 г.)	0

Ожидаемая продолжительность обучения	20,6 (Австралия, 2002 г.)	0
Сводный индекс образования	0,951 (Новая Зеландия, 2010 г.)	0
Доход на душу населения (по паритету покупательной способности – ППС – в долл. США)	108 211 (Объединенные Арабские Эмираты, 1980 г.)	163 (Зимбабве, 2008 г.)

После определения минимальных и максимальных значений подындексы рассчитываются следующим образом:

$$\text{Индекс измерения} = \frac{\text{фактич. значение} - \text{миним. значение}}{\text{максим. значение} - \text{миним. значение}} \quad (1)$$

Для сферы образования уравнение 1 применяется к обоим субкомпонентам, в результате чего рассчитывается их среднее геометрическое, после чего уравнение 1 используется вторично. Это эквивалентно применению уравнения 1 непосредственно к среднему геометрическому этих двух субкомпонентов.

Поскольку индекс каждого измерения является замещающим показателем возможностей применительно к соответствующему измерению, функция трансформации от дохода к возможностям, по всей вероятности, будет представлять собой вогнутую кривую (Anand and Sen 2000). Таким образом, для дохода используются натуральные логарифмы от минимального и максимального значений.

Агрегирование подындексов для расчета Индекса развития человеческого потенциала

ИРЧП представляет собой среднее геометрическое трех индексов измерений:

$$(I_{\text{Жизнь}}^{1/3} \cdot I_{\text{Образование}}^{1/3} \cdot I_{\text{Доход}}^{1/3}) \quad (2)$$

Выражение 2 предусматривает неполную взаимозаменяемость всех измерений ИРЧП. Таким образом, оно учитывает одно из самых серьезных возражений в отношении формулы линейного агрегирования, которая допускала полную взаимозаменяемость измерений. Некоторая взаимозаменяемость неизбежно присуща определению любого индекса и повышается с увеличением значений его компонентов.

Пример: Китай

Индикатор	Значение
Ожидаемая продолжительность жизни при рождении (кол-во лет)	73,5
Средняя продолжительность обучения	7,5
Ожидаемая продолжительность обучения	11,4
ВНД на душу населения (ППС, в долларах США)	7,263

$$\text{Индекс ожидаемой продолжительности жизни} = \frac{73,5 - 20}{83,2 - 20} = 0,847$$

$$\text{Индекс средней продолжительности обучения} = \frac{7,5 - 0}{13,2 - 0} = 0,568$$

$$\text{Индекс ожидаемой продолжительности обучения} = \frac{11,4 - 0}{20,6 - 0} = 0,553$$

$$\text{Индекс образования} = \frac{\sqrt{0,568 \cdot 0,553} - 0}{0,951 - 0} = 0,589$$

$$\text{Индекс дохода} = \frac{\ln(7,263) - \ln(163)}{\ln(108,211) - \ln(163)} = 0,584$$

$$\begin{aligned} \text{Индекс развития человеческого потенциала} &= \\ &= \sqrt[3]{0,847 \cdot 0,589 \cdot 0,584} = 0,663 \end{aligned}$$

2.3.3. Эволюция взглядов российской элиты на вопросы безопасности: вопросы истории

«Непомерную щедрость Ельцина в раздаче интересов России я объяснял для себя его ревностью. Он очень ревновал мировую элиту к Михаилу Сергеевичу Горбачеву ... Поэтому Борис Николаевич старался изо всех сил прыгнуть в обещаниях выше Михаила Сергеевича, пойти в ступках – дальше его»¹.

М.Полторанин

Исторический экскурс необходим для того, чтобы понять каким образом российская (а до этого советская) элита последние 25 лет **понимала** национальные интересы и как трансформировала эти интересы в цели политики безопасности. Без этого невозможно понять сегодняшнее положение в этой области, являющееся основополагающим для разработки адекватной стратегии национальной безопасности, ибо ошибки, совершенные в недавнем прошлом, к сожалению, повторяются в ряде своих моментов и сегодня.

На мой взгляд, многое объясняется тем, что новая страна перманентно находилась в состоянии переходного периода – политически, экономически, социально, – когда ее внешняя политика была зачастую предоставлена сама себе и не находилась в системе приоритетов правящей элиты. Но это – справедливая, но слишком общая констатация. Которая должна, на мой взгляд, быть конкретизирована в важных деталях, иллюстрирующих как профессиональную неспособность, так и игнорирование национальных интересов правящей элитой СССР и России.

По существу вся политика российской элиты в области безопасности была антинациональна, т.е. противоречила национальным и государственным интересам России. Еще ее можно было бы назвать и предательской, антигуманной, античеловеческой. С определенной степенью условности она делится на следующие этапы:

¹ *М.Полторанин*. Власть в тротиловом эквиваленте. Наследие царя Бориса. М.: Эксмо: Алгоритм, 2011 г., с.266.

I этап: 1987–1995 годы. Период «романтизма» во внешней и оборотной политике, когда отказ от противостояния и «холодной войны» рассматривался правящей элитой в качестве главного вектора внешней политики. В период правления М.Горбачева основным «теоретическим» постулатом выступала концепция «нового мышления» (которая, впрочем так никогда и не была сформулирована внятно до конца). Этот этап характеризовался отказом от таких основополагающих понятий как «национальный интерес» (этот термин вообще исчез из политического лексикона на время), «стратегический паритет», защита интересов СССР и России за рубежом.

Сторонники этого подхода, прежде всего министры иностранных дел СССР Э.Шеварднадзе и России – А.Козырев, проводили политику «уступок» по всем азимутам, которая в итоге привела к частичной потере суверенитета России и ее позиций в мире. Применительно к Европе внешнеполитические интересы России носили абстрактно-подчиненный, даже романтический характер, когда изначально предполагалось, что «всё, что делает Запад, – хорошо для России».

В этот период у правящей элиты, определявшей внешнеполитический курс России, была влиятельная оппозиция, которую условно можно разделить на два лагеря – коммунистов и националистов. Причем оба эти лагеря, даже с учетом влиятельного сегмента неполитизированной административной элиты, составляли **большинство российской элиты**. По вопросам внешней политики оппозицию поддерживала даже значительная часть правящей элиты и бюрократии, включая МИД, силовые структуры. Относительная и абсолютная слабость неolibералов объясняет, почему их влияние продержалось так недолго во внешней политике.

II этап: 1995–1999 годы. Этот этап характеризуется избавлением российской правящей элиты от части внешнеполитических иллюзий. «Протрезвляющими аргументами», которые воздействовали на элиту в эти годы, были такие факторы, как: политика расширения НАТО на восток, фактическая поддержка чеченских сепаратистов, антироссийская активность Запада на постсоветском пространстве и целый «букет» действий США и НАТО, игнорирующих интересы России.

В этот же период начинаются процесс консолидации российской элиты по внешнеполитическим вопросам. Примечательно, что уже на президентских выборах 1996 года практически отсутствовала критика Б.Ельцина по вопросам внешней политики со стороны всех оппозиционных кандидатов. Не являлась предметом острой критики внешняя политика и со стороны оппозиционных партий.

Стал меняться и кадровый состав лиц, влияющих на формирование внешней политики: А.Козырева сменил Е.Примаков, а затем И.Иванов. Менялся и состав советников Б.Ельцина в Кремле, аппарате Белого Дома, из которых «уходили» старые кадры – идеологически ориентированные либеральные демократы.

В этот период политические взгляды российской элиты на европейскую безопасность становились все более прагматичными, а политика вынужденных и добровольных уступок постепенно сменилась на политику прагматизма и профессионализма.

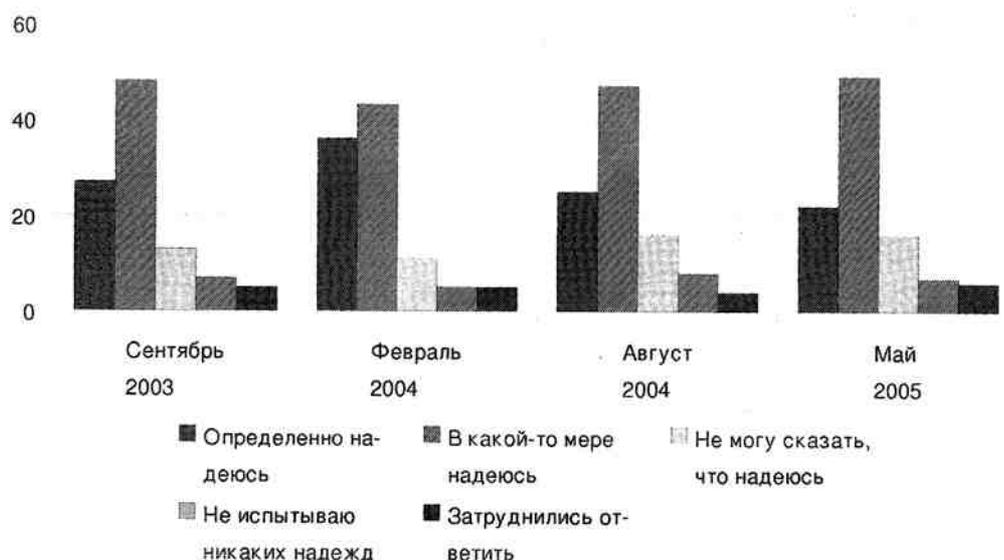
III этап: 1999–2010 годы. Этот этап характеризуется постепенным переходом от голого прагматизма к системной внешней политике и политики безопасности, в основу которых положены долгосрочные политические концепции (Концепция внешней политики, Концепция (Стратегия) национальной безопасности, Военная доктрина России, Концепция информационной безопасности и др.).

Эти документы отражают:

Вместе с тем в годы президентства В.Путина сложился колоссальный разрыв между появившимися концептуальными наработками и позитивными результатами внешней политики страны для развития ее экономики и общества. Внешняя политика В.Путина, оцененная как «прагматизм», отнюдь не была таковой. Правящая элита страны избавилась от крайностей 90-х годов во внешней политике, но не сделало ее инструментом развития экономики и общества. Не изменилось к лучшему и состояние безопасности. Наступила «внешнеполитическая стабильность», в том числе и в вопросах безопасности, которая на самом деле означала потерю Россией позиций в области безопасности.

Надеетесь ли Вы на то, что Владимир Путин сможет улучшить отношения России с Западом?¹

	Сентябрь 2003	Февраль 2004	Август 2004	Май 2005
Определенно надеюсь	27	36	25	22
В какой-то мере надеюсь	48	43	47	49
Не могу сказать, что надеюсь	13	11	16	16
Не испытываю никаких надежд	7	5	8	7
Затруднились ответить	5	5	4	6

Как видно из приведенных данных, в период первого срока правления В.Путина почти две трети граждан в той или иной степени надеялись на улучшение отношений с Западом и лишь четверть не рассчитывало на это. Стабильность социальных групп, ориентированных как на улучшение отношений с Западом, так и безразлично относящихся к этой проблеме, свидетельствует, что в российском обществе в начале века **уже сложилось** сдержанно-объективное восприятие Запада. В отличие от эйфории 90-х годов, эта сдержанность опиралась на реальные результаты (точнее, их отсутствия) в отношении с Западом в период Б.Ельцина. Уже никто не испытывал иллюзий и не полагался на чью-то помощь.

— **во-первых**, взгляд российской элиты на национальные интересы и ценности как основы внешней политики. В июле 2010 года на встрече с послами в МИДе Д.Медведев уточнил формулировку главной

¹ База данных ВЦИОМ.

внешнеполитической цели России: «Внешняя политика нашей страны при всей сложности и многомерности этой политики преследует главную, но, может быть, если хотите, единственную цель, цель достаточно простую – **всячески способствовать росту материального благосостояния наших граждан и их культурному развитию, развитию нашей страны, защите здоровья наших граждан и их человеческого достоинства в тех случаях, когда это необходимо, созданию условий для их безопасной и свободной деятельности во всех сферах** современной общественной жизни. Поэтому приоритеты внутренней политики самым тесным образом влияют на выбор наших стратегий в международных отношениях. Так было всегда в истории Российского государства»¹. Надо сказать, что этот взгляд вполне соответствует принципам консерватизма как идеологии. Это:

1) вера в универсальность морального порядка и, напротив, в ограниченность человеческого разума;

2) стремление к постепенности и осмотрительности в политических преобразованиях (следование пословице «семь раз отмерь, один раз отрежь»);

3) следование обычаям и традициям;

4) приоритет стратегии над тактикой в принятии решений (для практикующих политиков);

5) убежденность в неравенстве (классов, сословий, групп, элит и отдельных индивидов);

6) антиутопизм (негативное отношение к либеральным и леворадикальным проектам социально-политического переустройства);

7) уважение к институту частной собственности – праву наследования и т.д.;

8) догмат о несовершенстве человеческой природы, а как следствие – убежденность в том, что несовершенный человек неспособен создать совершенное общество;

9) приоритет общества над индивидом;

¹ Д.Медведев. Российская дипломатия: защита национальных интересов и содействие комплексной модернизации. 12 июля 201 г. / Международная жизнь, № 8, 2010 г., с. 2–3.

10) приоритет того, что есть перед тем, что может быть (т.е. практики перед теорией, реальности перед утопией и т.д.)

Кроме того, как справедливо отмечает Д.А.Витушкин, уже был сформулирован список «идей-врагов» – тех антиценностей, «против кого дружили» консервативные мыслители и политики в разных странах. Такими антиценностями для консерваторов стали: «индивидуализм, равенство, атеизм, моральный релятивизм, культ рассудка» (И.Д.Осипов даёт ещё более полный список антиценностей консерватизма: «абстрактный разум, универсализм, механицизм, индивидуализм, нигилизм, моральный релятивизм и цинизм, социальное и имущественное равенство, культ личных прав и свобод, атеизм, революционаризм, буржуазность»)¹.

При этом надо признать, что граждане России в основном не видят в лице Запада врагов, виноватых в нынешних проблемах России. Они, скорее, винят в этом собственную элиту, ее неспособность к эффективному управлению. Так, опрос общественного мнения, проведенного центром Левады, показал следующее²:

Почему Запад не вкладывает свои средства в экономику России?

	01.04.2005
– Запад по-прежнему видит в России врага	18
– Плохое состояние российской экономики	55
– Дефолт 1998 года	13
– Государственное вмешательство в экономику	9
– Отсутствие гарантий частной собственности в России	32
– Дело «ЮКОСа»	7
– Другое	5
– Затруднились ответить	10

Новая архитектура международной безопасности неизбежно связана с финансовой безопасностью, той системой, которая сложилась к XXI веку и неизбежно вызывает все новые и новые риски. Как справедливо

¹ Д.А.Витушкин. Правоконсервативная идеология в современной России. «Золотой Лев», № 95–96 / http://www.zlev.ru/95_32.htm.

² Центр Левады. 01.04.05. URL.:/http://www.levada.ru/economic.html. p. 6.

заметил Л.Белоусов, «Рост валютно-финансового рынка все больше отрывается от реального сектора экономики. Складываются «ножницы» между стоимостью реальных товаров и услуг и объемом финансовых потоков. В 1996 году в мире ежедневно продавался 1 трлн. долл. Это было в 30 раз больше, чем стоимость всех товаров и услуг, продававшихся в тот же день.

К началу нашего века на 1 долл. В реальной экономике приходилось, по разным подсчетам от 20 до 50 долл. В финансовой сфере. Это уже была аномалия. Как образно выразился один из помощников президента Клинтона: «Маги-финансисты превратили весь мир в гигантское казино».

Купля-продажа валюты и различных финансовых инструментов приносила фантастические прибыли. Деньги производили не материальные ценности, а новые деньги. То есть на смену классической формуле «деньги – товар – деньги» пришла формула «деньги – деньги», а это и есть схема казино. Долго так продолжаться не могло, пузырь не мог не лопнуть»¹.

¹ Л.Белоусов. Мировой финансовый кризис и Россия. В кн.: Современная российская политика: курс лекций. Вып. 7 / Под ред. В.А.Никонова. М.: Изд-во Международных университета, 2010 г., с. 136–137.

² К Союзу Европы. Аналитический доклад российской группы международного дискуссионного клуба «Валдай». Август–сентябрь 2010 г., с. 24.

Ещё более конкретно позиция граждан раскрывается в следующих результатах соцопроса³.

Почему в России сейчас нет серьезного экономического роста?

	2003	2004	2005	2006
1. Бюрократический произвол, коррупция и взяточничество в высших органах власти	34	34	31	34
2. Грабительская политика крупного российского бизнеса/«олигархов», их незаинтересованность в экономическом возрождении страны	38	34	29	33
3. Неправильная экономическая политика властей	27	22	34	32
4. Отсутствие у властей определенной экономической программы	22	22	29	27
5. Вывоз капиталов из России/перевод капиталов в офшоры	25	27	26	26
6. Воровство менеджеров (увод прибыли в собственный карман)	28	20	21	24
7. Изношенность основных фондов	13	11	11	17
8. Высокие налоги на предпринимательскую деятельность	15	10	13	13
9. Неконкурентоспособность российских товаров по сравнению с западными	9	10	10	12
10. Отсутствие инвестиций (вложений) в российскую экономику	11	11	12	12
11. Отсутствие законодательной защиты бизнеса	9	7	7	9
Другое	7	7	6	5
Затруднились ответить	12	12	9	11

Таким образом возник очевидный антагонизм между либерализмом ведущих развитых стран и консерватизмом, который имеет прямое отношение к проблеме модернизации России.

Сравнительная характеристика либерального и консервативного стилей мышления¹

Стиль мышления/Критерий	Либеральный	Консервативный
Приоритет	Разум	История, Жизнь, Нация
Отношение к действительности	Дедуктивные наклонности	Иррационализм

³ Центр Левады. 01.04.05. <http://www.levada.ru/economic.html>. p. 7–8.

¹ Д.А.Витушкин. Правоконсервативная идеология в современной России. «Золотой Лев», № 95–96 / http://www.zlev.ru/95_32.htm.

Отношение к инновациям	Универсализм, изоляция отдельных областей культуры	Органицизм, синтез и обобщение
Отношение «целое – частное»	Изоляция индивидуумов в рассмотрении	Формирование понятия целого
Отношение к Разуму	Его нормы неизменны, он статичен	Динамическая теория Разума, идея его перманентного становления

– **во-вторых**, профессиональный подход российской элиты к этим проблемам. Надо сказать, что развал государственных институтов в 90-ые годы привел к тому, что некоторые органы и министерства фактически перестали выполнять свои функции. Это в наименьшей степени сказалось на МИДе и других внешнеполитических органах, хотя, неизбежно, и отразилось на эффективности их работы;

– **в-третьих**, долгосрочный и системный характер внешнеполитических акций и инициатив. МИД, в частности, перестал лихорадочно заниматься «поиском новых инициатив», либо рефлексивной реакцией на действия других стран, что говорит в пользу предсказуемости внешней политики России;

– **в-четвертых**, Россия сменила в конечном итоге один вектор своей внешней политики в пользу США и Европы на многовекторность, «вернулась» в те регионы мира, где было сильно традиционно ее влияние (Куба), и даже новые регионы (Венесуэла, Боливия);

– **в-пятых**, в качестве особого внешнеполитического приоритета было обозначено постсоветское пространство и, прежде всего, отношения с Украиной, Белоруссией, Казахстаном, Азербайджаном, Арменией, другими бывшими республиками, в т.ч. и перестала снимать ответственность за региональные конфликты (Ю.Осетия, Абхазия, Приднестровье, Карабах и др.).

– **в-шестых**, в этот период стало более актуальным и значимым сотрудничество России с США и Евросоюзом, в таких областях, как международный терроризм, новые вызовы и угрозы, распространение ядерного оружия и новых технологий, борьба с наркотиками и отмыванием денег и ряда других направлений, которые объективно ведут к расширению сфер сотрудничества в области международной и европейской безопасности;

– **в-седьмых**, Россия и Евросоюз стали медленно, но неуклонно продвигаться по всему спектру сотрудничества между Западной и Восточной Европами, включая политические институты, энергетику, туризм, финансы и другие направления. Эти процессы, не смотря на все трудности, развиваются, втягивая в свою орбиту все новые и новые области сотрудничества.

В основе этого сотрудничества лежат **общие ценности** – демократия, международное право, социально ориентированная экономика, соблюдение фундаментальных прав человека, которые неизбежно воспринимаются с национальной спецификой, но **не меняют общей значимости**. Как признает бывший представитель России в Брюсселе, а ныне заместитель Министра юстиции В.Лихачёв, «взяв старт с подписания Соглашения о стратегическом партнерстве и сотрудничестве в 1994 г., российско-ЕСовское взаимодействие получило сильный многовекторный импульс к развитию с учетом новых политико-правовых и социально-экономических реалий в 2005 году, когда на московском саммите РФ–ЕС были утверждены четыре «дорожные карты». Они касались совместных планов Москвы и Брюсселя построить общие пространства в области экономики; внешней безопасности; свободы, безопасности и правосудия; науки, образования, включая культурные аспекты.

Запущенный пять лет назад проект был новым словом в европейской дипломатии. Политический по своему характеру, он опирался на нормативную базу партнерства РФ–ЕС, утверждал ориентиры для его совершенствования. Только число планируемых международно-правовых договоренностей сторон приближалось к 30. Содержащиеся в документах позиции имели прямой выход на различные юридически обязательные источники, разработанные ООН, ОБСЕ, Советом Европы, другими международными институтами. Это, несомненно, усиливало текст «дорожных карт» и придавало политический авторитет содержащимся в них положением. В целом появление таких специфических документов-целей для партнерства России и ЕС было воспринято позитивно»¹.

¹ В.Лихачёв. Эпоха «Дорожных карт». Российская газета, 7 мая 2010 г., с. 1.

2.3.4. Новый подход к безопасности через модернизацию

«Россия сегодня не участвует в глобальной дискуссии о мировой повестке дня, о текущем состоянии и путях будущего развития человечества»¹.

И.Федюкин

«... нам в ряде случаев нужно находить в себе силы отрешаться от стереотипов ...»².

Д.Медведев

К 2010 году в правящей элите России вызрело понимание того, что безопасность не может быть обеспечена только внешнеполитическими и военно-политическими средствами. В послании Президента России 30 ноября 2010 года им по-прежнему уделялось немало внимания, но, как и в ряде, предыдущих документах, был сделан акцент на обеспечении безопасности через сотрудничество. И связано это было непосредственно с модернизацией.

Хотя в 2009–2010 годах Д.Медведев и В.Путин значительно, а бы даже сказал радикально, расширили географию своих поездок – от Туркмении, Кореи и Вьетнама до Китая, Индии и Украины – акцент на сотрудничестве делался прежде всего со странами Евросоюза.

Это не случайно. Многие в России и прежде всего В.Путин и Д.Медведев определились «для себя» с моделью модернизации страны через заимствования. Заимствования технологий, идей и институтов у развитых стран Западной Европы.

Произошло это во многом, на мой взгляд, потому, что собственные попытки модернизации, предпринятые в 2007–2010 годах, оказались неудачными. Риторика, в том числе и на самом высшем уровне, было много, а конкретных результатов – практически нет. Россия стремительно теряла остатки советской промышленной мощи, а период стабилизации не привел ни к существенному росту промышленности, ни НЧП. Ежегодно из страны по-прежнему уезжало 65–79 тыс. человек, преимущественно в США, а уровень ВВП 1990 года В.Путин в декабре 2010 года обещал достигнуть в 2012 году.

Нынешнее положение России в мире, как и ее экономика, определяется экстенсивными факторами и ресурсами, которые не могут

¹ *И.Федюкин*. Вернуться на карту мира / Ведомости, 17 сентября 2010 г., с. 4.

² *Д.Ермолаев*. Послы России критично отнеслись к речи Дмитрия Медведева на совещании в МИД. 19.07.2010 / <http://www.regnum.ru/news/1305717>.

иметь долгосрочного значения. За исключением территории, эта внешнеполитические ресурсы не определяют сегодня реальное место государства в мире, а именно:

– ядерное оружие стремительно девальвируется по мере появления у других стран ядерных потенциалов и высококачественных обычных вооружений;

– демографический потенциал России сокращается и деградирует. За последние годы ИРЧП постоянно сокращался;

– природные ресурсы, которые являются пока что основой российской экономики, стремительно истощаются и не могут гарантировать в будущем того влияния нашей стране, которое они обеспечивали в последние годы. Это видно по двум главным статьям российского экспорта – сырой нефти и газа.

Достоверные запасы, добыча и спрос на нефтяное сырье, млн. барр./сут

	Запасы ¹	Добыча			Спрос		
	2008	2008	2009	2010	2008	2009	2010
Весь мир	1258,0	86,0	84,5	85,4	85,6	84,2	85,0
ОПЕК, в т.ч.:	955,8	36,7	36,9	36,5	6,5	6,6	6,7
Саудовская Аравия	264,1	10,8	10,7	10,8	2,2	2,2	2,3
Иран	137,6	4,3	4,4	4,4	1,7	1,7	1,7
Ирак	115,0	2,4	2,4	2,4
Кувейт	101,5	2,8	2,8	2,8	0,3	0,3	0,3
ОАЕ	97,8	2,9	2,9	2,9	0,5	0,5	0,5
США	30,5	6,7	6,7	6,6	19,4	19,4	19,3
Канада	28,6 ²	3,2	3,1	3,1	2,2	2,1	2,2
Мексика	11,9	3,2	3,1	3,1	2,0	2,0	2,1
Западная Европа, в т.ч.:	12,5	4,4	4,3	4,3	15,3	15,2	15,2
Великобритания	3,4	1,5	1,5	1,4	1,7	1,7	1,7
Норвегия	7,5	2,5	2,5	2,4	0,2	0,2	0,2
Россия	60,0	9,9	9,9	9,9	2,8	2,8	2,9
Китай	15,5	3,9	3,9	3,9	8,0	8,1	8,4

¹На конец года, млрд. барр.

²Без учета 151 млрд. барр. в нефтеносных песчаниках.

Как видно известные запасы нефти в России не так уж и велики. Строить внешнеполитическую стратегию и безопасность на «нефтяных песках» – заблуждение. Даже если и предположить, что правящая элита ни на что другое не способна.

**Запасы, производство и потребление
природного газа в мире, млрд. м³.¹**

	Запасы ¹	Производство			Потребление		
		2008	2009	2010	2008	2009	2010
Весь мир	177,1	3065,6	3142,0	3170,0	3018,7	3080,0	3110,0
Россия	47,6	568,0	575,0	580,0	287,0	289,0	290,0
США	6,7	582,2	590,0	597,0	657,2	659,5	662,8
Канада	1,6	175,2	173,5	172,0	100,0	102,5	103,4
Иран	28,1	116,8	118,0	120,5	117,6	119,6	122,8
Норвегия	2,3	99,2	100,0	102,8	4,4	4,5	4,5
Алжир	4,5	86,5	87,5	89,2	25,4	25,9	26,6
Саудовская Аравия	7,3	78,1	80,2	81,4	78,1	78,9	81,4
Великобритания	0,3	69,6	67,5	65,0	93,9	94,8	95,4
Китай	2,3	76,1	82,5	87,4	83,3	86,7	89,5
Туркмения	2,7	66,1	67,5	68,0	19,0	18,8	18,5
Катар	25,3	76,6	79,8	80,3	19,8	20,2	20,7
Япония	0,0	0,0	0,0	0,0	93,7	95,0	96,4
Германия	0,2	13,0	12,5	11,8	82,0	82,4	82,8
Италия	0,1	8,4	8,0	7,2	77,7	77,9	78,6
Всего по 14 странам	129,0	2015,8	2042,0	2062,6	1739,1	1755,7	1773,4

¹ Достоверные запасы на 1.01.2009 г.. трлн. м

Модернизация и сотрудничество, как синонимы безопасности, стала главной внешнеполитической идеей 2009–2010 годов. Причем вполне конкретно ориентированной на развитие отношений прежде всего с развитыми странами Евросоюза.

Общее понимание выразила исследователь этой проблемы И.Селихова, которое в целом сводится к внешне простой мысли о

¹ Россия и мир: 2010. Ежегодный прогноз, ИМЭМО РАН, 2009 г., с. 50.

необходимости сотрудничества: «Важность сотрудничества России и НАТО очевидна. Более двенадцати лет, начиная с 1997 года, они говорят об объединении своих усилий по обеспечению европейской и глобальной безопасности в рамках Основополагающего акта. Сегодня отношения строятся на новой, более прагматичной основе с целью придания им стабильного характера. Этому способствует общее понимание того, что:

- «вечная мерзлота» в отношениях НАТО и России – непродуктивна;
- Россия и НАТО – слишком крупные «игроки» на поле европейской и глобальной политики, чтобы бесконечно игнорировать интересы друг друга;
- уровень сотрудничества между Россией и НАТО во многом определяет способность европейского сообщества обеспечить мир и стабильность как в Европе, так и в глобальном масштабе;
- без участия России европейская безопасность не может быть эффективной.

Если альянс действительно желает безопасной и стабильной ситуации в Европе, то он должен непременно учитывать российские интересы. Россия сегодня имеет четкую стратегию на европейском направлении. Она базируется на развитии всестороннего сотрудничества, открытости, конструктивизма, решении всех спорных вопросов политическими средствами, расширении доверия¹.

Однако возникает вопрос, почему так трудно продвигается это сотрудничество?

При этом остается открытым вопрос о возможности воздействия невоенными средствами внешней политики на Россию, использование которых однако, может привести к военному конфликту. В этом ключе – военная опасность отнюдь не перестала быть реальностью.

Идеологическим обоснованием использования военной силы против других государств (или организаций) выступает идея «гуманитарных интервенций»², которая направлена не на обеспечение интересов

¹ *И.Селихова*. Россия и НАТО: политические взаимоотношения / Мир и политика, № 6 (45), июнь 2010 г., с. 122–123.

² **Гуманитарная интервенция** – зд. применение силы или угрозы силы государством за пределами своих границ без согласия страны, на территории которой применяется сила. Считается, что такая интервенция направлена на пресечение грубых нарушений прав человека.

нападающего государства, что было бы явным нарушением международного права, а на защиту прав человека. Либо «защиту» иных гуманитарных ценностей, например, экологии, свободы торговли и т.д. Список, как говорится, не закрыт.

«Таким образом, – справедливо отмечает Колотий Ю.Я., – и преступления против наций и народов, борющихся за свою независимость, и преступления против окружающей среды, и международный терроризм могут быть квалифицированы как международные преступления. И они должны получать не только соответствующую правовую, но и политическую оценку.

По мнению Орешкина Р.В., с окончанием «холодной войны» произошло кардинальное изменение расстановки сил на международной арене. Соединенные Штаты стали единоличным лидером демократического мира, единственной мировой сверхдержавой. Вслед за этим последовало расширение зоны американских «жизненно важных» национальных интересов. Америка стала воспринимать как внутригосударственные конфликты, так и факты массовых нарушений прав человека в каком-либо государстве в качестве угрозы не только международной безопасности, **но и непосредственно своим национальным интересам**. Данный подход ограничивает возможность компромисса с другими участниками международных отношений, поскольку уступки в пользу их достижения и определения общего подхода к какому-либо конфликту и варианту его разрешения означают для США ущемление собственных национальных интересов. Деятельность в рамках Совета Безопасности ООН, основанная на принципе консенсуса, достигаемого путем взаимных уступок, представляется для государственного департамента США далеко не всегда целесообразной.

Отражением этого факта стала расширявшаяся практика военных интервенций Соединенных Штатов.

Такую же точку зрения разделяет американский политолог М.Мандельбаум: «... с окончанием холодной войны родилась новая американская политика: гуманитарная интервенция»¹.

¹ Ю.Я.Колотий. Постсоветское пространство в прицеле «гуманитарной интервенции» / Мир и политика, № 6 (45), июнь 2010 г., с. 110.

Безопасность как модернизация – эти процессы оказались запараллелены в 2008–2010 годы. Не только в сознании, но и политической практике. Как отмечали американские исследователи, «... Предвыборная программа Президента Медведева называлась «4 И: инновации, институты, инфраструктура и инвестиции» и была основана на широко известном тезисе о необходимости модернизации экономики России. Первоначально молодой лидер страны сосредоточился на координации проводимой государственной политики, устранении дублирования усилий и противоречий между созданными ранее институтами, выделив пять приоритетных направлений развития инновационной экономики:

- биотехнологии и медицина;
- альтернативная энергетика и энергосбережение;
- стратегические информационные технологии и создание суперкомпьютеров;
- космические и телекоммуникационные технологии;
- ядерные технологии.

Эти пять приоритетных направлений представляют собой сочетание традиционно сильных в России секторов, например космических и ядерных технологий, слабых, таких как разработка экологически чистых источников энергии, и секторов, развитие которых Россия считает необходимым условием сохранения национальной конкурентоспособности, таких как биотехнологии и суперкомпьютеры.

Насколько успешной окажется реализация заявленной повестки дня, будет зависеть от того, удастся ли России создать национальную инновационную экосистему. **Внедрение элементов этой системы осуществляется посредством заимствования инновационных мер и институтов, апробированных в других странах, и их переосмысления в российском институциональном и историческом контекстах.** Перечисление и анализ существующих в мире элементов инновационных экосистем через призму российского опыта чрезвычайно важны для предоставления каких бы то ни было рекомендаций»¹.

¹ Ярославский план 10-15-20: 10 лет пути, 15 шагов, 20 предостережений. Доклад нью-йоркской академии наук / The New York Academy of Science, August 20, 2010. p. 94.

В 2010 году наметился новый подход российской элиты к вопросам международной безопасности, который был озвучен Д.Медведевым на регулярной встрече с российскими послами в июле 2010 года в МИДе. Главную, даже «единственную цель» внешней политики, которая прежде в том или ином виде сводилась к защите национальных интересов, Д.Медведев сформулировал предельно четко: «Внешняя политика нашей страны при всей сложности и многомерности этой политики преследует главную, но, **может быть, если хотите, единственную цель, цель достаточно простую – всячески способствовать росту материального благосостояния наших граждан и их культурному развитию, развитию нашей страны, защите здоровья наших граждан и их человеческого достоинства в тех случаях, когда это необходимо, созданию условий для их безопасной и свободной деятельности во всех сферах современной общественной жизни.** Поэтому приоритеты внутренней политики самым тесным образом влияют на выбор наших стратегий в международных отношениях. Так было всегда в истории Российского государства»¹.

По мнению Президента РФ, эта цель конкретизируется в трех основных задачах:

Первая: «модернизация нашей экономики и прежде всего модернизации производства, создание элементов инновационной экономики»;

Вторая: «укрепление институтов российской демократии и гражданского общества, «способствовать гуманизации социальных систем повсюду в мире ...», не поступаясь при этом нашими национальными интересами».

Как справедливо заметил российский представитель в НАТО Д.Рогозин, «На Западе популярен термин «умное могущество» (smart power), и или «мягкая сила» (soft power) – способность добиваться желаемого на основе добровольного участия союзников, а не с помощью принуждения. Сегодня «умная мощь» НАТО вооружена новейшими средствами коммуникации и технологиями работы с общественным мнением. Без преувеличения можно сказать, что пропаганда и

¹ Цит. по: *Д.Ермалаев*. Послы России критично отнеслись к речи Дмитрия Медведева на совещании в МИД. 19.07.2010 / <http://www.regnum.ru/news/1305717>.

самореклама – это важнейший приоритет деятельности НАТО, на который выделяются огромные бюджеты, привлекаются пиарщики и технические специалисты из коммерческих структур, где эта работа поставлена очень эффективно.

Фактически вся работа военно-гражданской бюрократической машины блока подчинена принципам и целям этого ключевого направления – ни одно серьезное решение не может быть принято без учета возможного общественного резонанса.

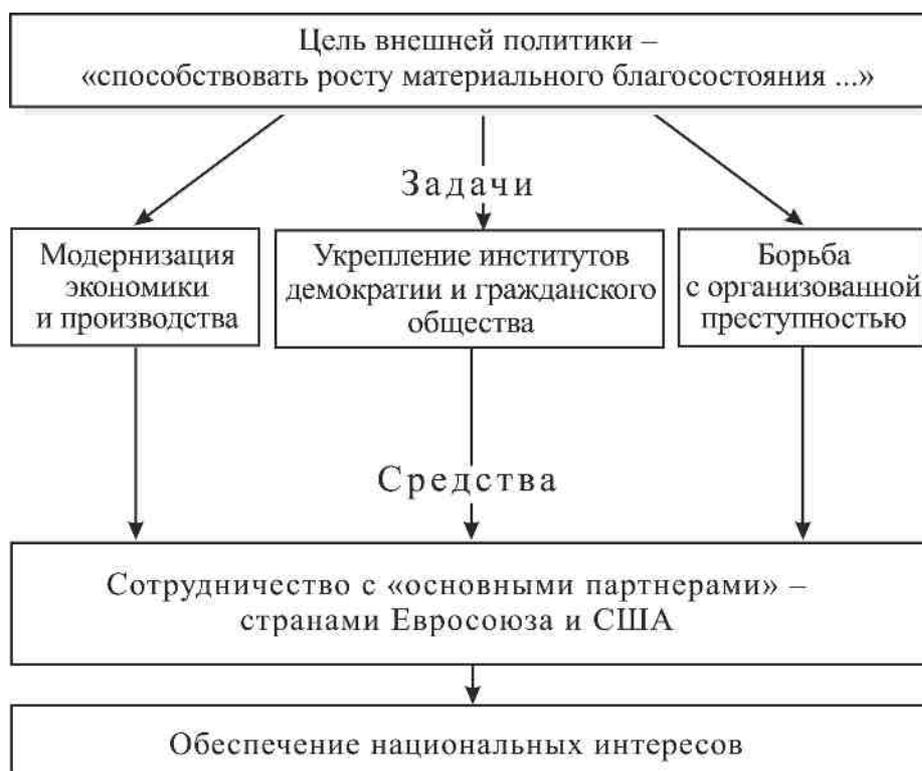
Стратегические коммуникации и публичная дипломатия – важнейшая часть единого гражданско-военного политического планирования и исполнительной деятельности НАТО. В эту работу встроены все публичные мероприятия: поездки и встречи генерального секретаря и высших военных и политических фигур НАТО, министерские саммиты и переговоры глав государств и правительств, регулярные и экстренные пресс-конференции и публичные выступления, статьи и интервью в прессе и Интернете, военные учения, миротворческие операции и боевые действия – абсолютно любой информационный повод используется для того, чтобы напомнить о себе»¹.

Третья: борьба с организованной преступностью.

В рамках решения первой задачи Д.Медведев определил «специальные модернизационные альянсы с нашими основными международными партнерами – Германией, Францией, Италией, с Евросоюзом в целом, с Соединенными Штатами Америки.

Таким образом основная цель внешней политики России, приоритетные задачи, главное средство – модернизация – стали восприниматься в Кремле в июле 2010 года через призму модернизации и сотрудничества с «основными партнерами» – странами Евросоюза и США, что можно выразить в следующем дереве целей.

¹ Д.Рогозин. Россия перед вызовом «публичной дипломатии» Запада / Международная жизнь, № 8, 2010 г., с. 85.

Понятие, что при таком восприятии целей и задач внешней политики, а, главное, средств их решения, вопросы национальной безопасности становятся во многом **в зависимости от сотрудничества**, которое может обеспечить модернизацию экономики, производства и гражданского общества. Вопрос только до какой степени интереса национальной безопасности и национальная система ценностей будут зависеть от желания и действий наших партнеров из Евросоюза и США? Не секрет, что у них есть **своя** система ценностей и **свои** интересы безопасности, в которые до настоящего времени Россия не вписывалась.

«В настоящее время российское государство не справляется со своими прямыми обязанностями – это обеспечением закона. Неэффективное российское государство не может справиться с монополизмом и, как следствие, с инфляцией. Не способно оно справиться и с нелегальной продукцией теневого производства, контрабандой, контрафактом и фальсификатом товаров.

В России в настоящее время из 196 мини-нефтеперерабатывающих заводов 116 не зарегистрированы, но при этом исправно отгружают свою продукцию на экспорт. По этому поводу 12 февраля текущего года на совещании в Омске, президент страны Дмитрий Медведев, возмущенный

криминальностью нефтяной отрасли, потребовал: «Я не знаю, куда эти деньги идут, а может быть, на поддержку терроризма? Разберитесь»!

Безусловно, разобраться надо. Вместе с тем до тех пор, пока государство не обеспечит соблюдение закона всеми субъектами экономических отношений – не создаст условия ответственности власти, бизнеса и граждан – всегда будут существовать возможности теневых отношений.

Между тем теневое производство налажено не только в нефтяной отрасли. Так, нелегальная продукция по легкой промышленности составляет сегодня 40%, а по программному обеспечению – 68%. Оборот фальсифицированной и контрафактной продукции в России составляет, в зависимости от конкретной отрасли, от 30 до 90%. Это в 10–20 раз превышает аналогичный показатель в развитых странах Западной Европы и США.

Российское государство не в состоянии успешно противодействовать коррупции, справиться с рейдерскими захватами частной собственности, обеспечить свободу деятельности малого и среднего бизнеса, равные права конкуренции – главной движущей силы рыночной экономики. Все это препятствует формированию и развитию полноценной рыночной экономики, обеспечивающей высокие социальные стандарты жизни, успешно конкурирующей на мировых рынках¹.

Такой новой внешней политике должна соответствовать и новая система международной безопасности, которая несколько раньше была названа Д.Медведевым **новой архитектурой международной безопасности**, предназначением которой является **обеспечение благоприятных условий для модернизации**.

Не только Евросоюз, который видится сегодня главным партнером России в модернизации, но и другие регионы, становятся взаимосвязаны с новой концепцией безопасности. Это можно выразить в формуле, имеющей глобальное значение для российской внешней политики:

¹ А.Н.Аринин. Модернизация России – необходимость эффективного развития Дальнего Востока / Мир и политика, № 6 (45), июнь 2010 г., с. 59.

Из этой формулы нельзя вычленить какой-либо отдельный регион, ибо тогда безопасность будет неизбежно формироваться по геополитическим приоритетам – в Европе, на Дальнем Востоке, на Юге и в Арктике, – что, конечно же, не верю. Так, «Азиатско-Тихоокеанский регион представляет собой наиболее динамично развивающийся регион мира. В этом районе, и, прежде всего, в Северо-Восточной Азии формируется новый центр мировой экономики и политики, который по своим масштабам производства, объемам финансовых, производственных, сырьевых, энергетических и информационных ресурсов заметно опережает, к примеру, Европейский Союз (ЕС). В этом регионе действуют и сталкиваются интересы крупнейших мировых держав – США, Китая, России, Японии, а также стран АСЕАН.

Главными локомотивами экономической жизни АТР являются экономики таких стран, как США, Япония, Китай, Республика Корея, велика роль транснациональных корпораций перечисленных стран. На АТР приходится свыше 60% мирового ВВП, такая же доля мирового экспорта, а размер ВВП на душу населения на 40% выше среднемирового уровня.

Интересы России как евразийской державы в АТР стратегически существенны и весьма разнообразны. Как показывает беспристрастный анализ, главные из них связаны с возможностью использования экономических связей со странами региона, его огромных инвестиционных ресурсов и емкого рынка для ускорения экономического развития не только Сибири и Дальнего Востока, но и всей страны в целом. Как показывают материалы СОПС и ВсеГинГео им. А.Карпинского, но своему минерально-сырьевому потенциалу Дальневосточный федеральный округ является наиболее перспективным. Из 26872 объектов геолого-экономического районирования по минерально-сырьевым ресурсам в целом по России на ДВФО приходится 11927 объектов. Однако для разработки месторождений полезных ископаемых, доходы от экспорта которых составляют весомую долю российского бюджета, доля расходов в государственном бюджете не превышает 0,2%. Для освоения дальневосточных территорий необходимо в разы увеличить финансирование, связанное как с разработкой месторождений полезных ископаемых, так и с развитием

инфраструктуры на российском Дальнем Востоке. Эти интересы могут быть реализованы только путем усиления взаимодействия России со странами АТР и его региональными межгосударственными организациями, причем как в экономической, так и в политической сфере»¹.

¹ *А.В.Островский. Дальневосточный регион в социально-экономическом пространстве России: проблемы и пути их решения / Мир и политика, №6(45), 2010 г., с. 76.*

2.3.5. Новая архитектура международной безопасности

как новый элемент модернизации внешней политики Д.Медведевым

«События последних лет показали, что для американцев целостность других государств – ценность всегда относительная. Когда целостность теряет вероятный противник или его союзник – это приветствуется»¹.

М.Перевозина

«В архитектуре взаимосвязаны функциональное, техническое, эстетическое начала (польза, прочность, красота)»².

Краткая российская энциклопедия

Задачам модернизации российской экономики и общества соответствует два важнейших внешнеполитических условия, которые Д.Медведев озвучил в июле 2010 года в МИДе: **во-первых**, высокий уровень безопасности, а, **во-вторых**, высокая степень сотрудничества с развитыми государствами, точнее, – «основными партнерами».

«Нынешняя политика, – по словам Д.Медведева, – «несколько отличается от той внешней политики, которая была (можно предположить, что речь идет о внешней политике России после мюнхенской (2007 г.) речи В.Путина – *А.П.*). Это не значит, что поменялись наши приоритеты. У России приоритеты прежние, но какие-то элементы внешней политики меняются, если хотите, это модернизация»³.

Действительно, осенью 2010 года, как заметили многие западные СМИ (но, кстати, не российские), во внешней политике России «произошел колоссальный поворот». На поверхности это выглядело как череда неожиданных, иногда противоречивых, встреч на высшем уровне: от традиционных, но ставших уже почти интимными, встреч с Н.Саркози и А.Меркель, до переговоров с президентом Венесуэлы Уго Чавесом, лидером Туркмении Г.Бердымухамедовым и переговоров в Южной Корее и Японии. Видимо расширение контактов в целях модернизации «по всем азимутам», прагматизм в этих же интересах, стал визитной карточкой уже внешней политики собственно Д.Медведева. Апогеем этому стала серия комплиментов российско-американскому сотрудничеству и лично

¹ *М.Перевозина*. Всем спасибо, все свободны / Московский комсомолец, 26 августа 2010 г., с. 4.

² Краткая российская энциклопедия. М.: ОНИКС 21 век, 2003 г., т. I, с. 164.

³ Цит. по: *Ю.Гиренко*. Модернизация внешней политики / № 10 (60), 2010 г., с. 69.

Д.Медведеву, в которых рассыпался на встрече G20 в Японии в ноябре Б.Обама.

Первое условие связано с необходимостью концентрации национальных ресурсов на модернизации. Это очень важное обстоятельство, ведь в конце прошлого века считалось, что затраты на оборону и безопасность, превышающие 8% ВВП, ведут к милитаризации экономики и стагнации в ее развитии. По оценке многих экспертов, именно эти сверхусилия в гонке вооружений (когда, по некоторым оценкам, такие расходы достигали 20% ВВП), навязанной США, привели к краху советской экономики. Сегодня развитие страны тратят 3% ВВП и менее. Также как и Россия, хотя в некоторые периоды опережающего развития в ряде стран эти расходы не превышали 1% ВВП. На мой взгляд, российскому руководству следовало бы подумать об этом.

Во-вторых, необходим новый, более высокий уровень сотрудничества с развитыми странами, который сегодня сдерживается рядом факторов. Как со стороны России, но так и со стороны Запада. Официальная позиция России по этому вопросу излагалась не раз. Приведу один из таких примеров, ссылаясь на С.В.Лаврова: «Россия принимает самое активное участие в работе различных многосторонних форматов, призванной способствовать определению основных параметров нового многополярного мироустройства, которое должно опираться на коллективное лидерство ведущих государств, представительное в географическом и цивилизационном отношении. Речь идет, прежде всего, о Совете Безопасности ООН, но также о «двадцатке», «восьмерке» и других международных и региональных структурах. Приметой времени явились оперативные действия мирового сообщества под эгидой «Группы двадцати» в ответ на вызов мирового финансово-экономического кризиса. «Двадцатка» утверждается в качестве основного механизма согласования подходов по глобальной макроэкономической проблематике. Полагаем, что удалось задать правильное направление многосторонним усилиям по преодолению кризиса, реформированию международной финансовой архитектуры, повышению эффективности регулирования финансового сектора, восстановлению доверия на рынках. Однако предстоит сделать еще очень многое, в том числе определить в этом форуме четкие правила игры как с

точки зрения равноправия всех его участников, так и в плане взаимодействия «двадцатки» с универсальными организациями, прежде всего ООН»¹.

Главное же заключается в другом. Наивно и ошибочно думать, что Западу нужна как новая система безопасности, так и новый уровень сотрудничества с Россией. **Его вполне устраивает нынешний уровень.** Кроме того, намерения, как показывает история (и правительства), меняются быстро, а соотношение сил – значительно медленнее. Вот и сегодня Б.Обаму поддерживают уже только 45% американцев, а ведь еще год назад он пользовался феноменально поддержкой².

Хотя также было бы ошибкой думать, что Запад, включая США, не делают вывода из серьезных изменений в расстановке политических сил. На мой взгляд, сохраняя прежнюю внешнеполитическую стратегию, администрация США **тактически** модернизирует ее в новых условиях, внимательно наблюдая за изменением ситуации во всех без исключения регионах планеты. Типичный пример – развития отношений России и КНР на Дальнем Востоке, где Вашингтон, по признанию российского эксперта А.Фененко, «ищет противовес экономической политике КНР на российском Дальнем Востоке»³.

Как справедливо считает А.Фененко, «Интерес США к Дальнему Востоку на первый взгляд выгоден России. Участие американского бизнеса в развитии дальневосточной инфраструктуры помогло бы решить многие социально-экономические проблемы. Но дальневосточная политика Вашингтона может иметь для Москвы и негативные последствия.

Во-первых, в Соединенных Штатах не раз обсуждались сценарии ослабления контроля России над Дальним Востоком. В первой половине XX века в Белом доме обсуждали вопрос о противодействии Японии на Дальнем Востоке в случае поражения России/СССР. В начале 1920-х годов США всемерно поддерживали независимость Дальневосточной

¹ С.В.Лавров. «Российская дипломатия в меняющемся мире» / «Федеральный справочник», т. 23 / 30.04.2010 / МИД России / http://www.mid.ru/us_dos.nsf.

² С.Стрекань. Пятикратный сенатор равен президенту / Коммерсант, 26 августа 2010 г., с. 6.

³ А.Фененко. Дальневосточная стратегия Вашингтона / Независимая газета, 1 сентября 2010 г., с. 3.

Республики. В 1990-е годы американские эксперты дискутировали об опасности превращения Дальнего Востока в часть геоэкономического пространства Китая. Это не официальная позиция США, но повод задуматься у России есть.

К новым феноменам будущей архитектуры международной безопасности можно отнести формирование региональных союзов вокруг новых центров силы. Эта тенденция отчетливо видна на примере стран Латинской Америки и Юго-Восточной Азии. Как пишет исследователь из МГИМО(У) А.Иванов, ... страны региона начинают подумывать о создании у себя чего-то вроде **Евросоюза**. С похожими инициативами выступали не так давно лидеры Австралии Кевин Радд и Японии Юкио Хатояма. Китай ратует за построение общеазиатского дома на основе АСЕАН. Россия тоже видит залог укрепления азиатской стабильности и безопасности в развитии уже существующих в АТР региональных структур. Но реализация любой из моделей азиатско-тихоокеанского союза потребует от его потенциальных участников самоограничения и готовности играть по общим правилам»¹.

Россия может активно участвовать в этих процессах. И на Западе, и на востоке, и на юге. И стремиться к тому, что новые организации создавались не только при ее активном участии, но и претендовать на ключевую роль в этих союзах.

Во-вторых, у России и США есть комплекс территориальных противоречий. Москва не ратифицировала Вашингтонское соглашение 1990 года о передаче Соединенным Штатам спорного сектора в Беринговом море. Вашингтон оспаривает эксклюзивные права российской стороны на ряд участков Северного морского пути. США связаны с Японией союзным договором 1960 года и поддерживают претензии Токио на острова Курильской гряды. Американцы не признают Охотское море территориальным морем России.

В-третьих, привлечение американских инвестиций потребовало бы от России более глубокой интеграции в структуры АТЭС. Но стратегическая цель этого форума – создание к 2020 году системы свободной торговли на Тихом океане. Быстрая реализация этой

¹ А.Иванов. В Азии стало тесно от «драконов» / Эхо планеты, № 46, 3–9 декабря 2010 г., с. 7.

инициативы создала бы трудности для многих российских предприятий. Под вопросом оказалось бы и обеспечение пограничного контроля над миграционными потоками.

В-четвертых, активная экономическая политика США на российском Дальнем Востоке насторожит Китай. В Пекине могут рассматривать варианты противодействия американской стратегии в этом регионе. Под вопросом могут оказаться «большой» российско-китайский договор 2001 года и весь комплекс соглашений по пограничному размежеванию России и КНР.

Россия нуждается в американских инвестициях для развития Дальнего Востока. Но более инвестиций она нуждается в сохранении эффективного контроля над дальневосточными регионами. Поэтому России нужно быть максимально осторожной в отношении прорывных экономических проектов США по «совместному освоению» Дальнего Востока»¹

И все-таки попытку Д.Медведева следует рассмотреть подробнее. Применительно к сформировавшемуся у современной российской элиты новому подходу к международной и европейской безопасности речь идет о следующих **принципиальных моментах**:

Во-первых, речь идет о создании именно **новой** архитектуры безопасности вообще и европейской безопасности, в частности, а не о модернизации прежней системы, основы которой были оформлены Хельсингским актом в 1975 году. С тех пор прошло 35 лет: и мир, и Европа радикально изменились, в результате чего радикально изменилось соотношение сил в мире, прежде всего в военной области. К наиболее важным изменениям следует отнести:

– Нет больше двух противостоящих идеологических и политических систем, а также военно-политических блоков – Организации Варшавского Договора и Североатлантического Союза, – но сохранился лишь один из них – НАТО. Более того, этот блок существенно изменился: и географически, и по количеству стран, и своей совокупный экономической и военной мощи.

¹ А.Фененко. Дальневосточная стратегия Вашингтона / Независимая газета, 1 сентября 2010 г., с. 3.

– Нет противостоящих идеологических и экономических систем, которые не просто конкурировали, но и соперничали в глобальном масштабе. Нет и государственных структур, которые обеспечивали такое противостояние. Во всяком случае у бывших стран социалистического содружества.

– Нет проблемы прав человека. Во всяком случае в том масштабе, как она стояла или виделась в 70-ые годы.

То есть основные три группы проблем, стоявшие в 1975 году при подписании Заключительного Акта, сегодня выглядят **принципиально иначе**. Но система обеспечения европейской безопасности осталась прежней, той, которая была создана и позже дополнена для решения именно этих групп проблем. Как дипломатично отметил Д.Медведев, «... нынешняя система международной безопасности не идеальна ... Именно поэтому появилась наша идея создания новой европейской конструкции безопасности – Договора о европейской безопасности»¹.

Во-вторых, система безопасности по-Медведеву, должна опираться на **международное право**, а не политическую целесообразность, идеологические мотивы или экономические интересы. Сегодня это не так. Мы видим много примеров того, как в качестве обоснования для тех или иных действий используется не нормы права, а самые разные мотивы и аргументы, включая идеологические, даже частные. И здесь важное значение имеет целый комплекс договоренностей между Россией и Евросоюзом, который может и должен базироваться на нормах международного права. Так, в рамках только первого, экономического, направления, утвержденного в числе «четырёх дорожных карт» на саммите России и Евросоюза в 2005 году, сложилась система из 16 отраслевых диалогов (инвестиции, энергодиалог, транспортное регулирование, промышленная политика и предпринимательство, космос, сельское хозяйство, финансовая и экономическая политика, госзакупки, рыболовство и др.

Вторая «дорожная карта» посвящена внешней безопасности и имеет свои специфические задачи – поддержание международного порядка, неделимой безопасности, уважение ООН и др. Как признает В.Лихачёв,

¹ Д.Медведев. Нам не надо стесняться рассказывать правду о войне – ту правду, которую мы выстрадали. Известия, 7 мая 2010 г., с. 2.

«В ходе реализации документа ЕС и РФ неоднократно демонстрировали свою индивидуальную и кооперативную способность воздействовать на мировые процессы, добиваться оптимизации мироуправления. Наглядный пример их сотрудничество в сферах: борьбы с терроризмом (в соответствии с международными стандартами в области прав человека, беженским правом и гуманитарным правом, на площадках международных и региональных форумов, в частности, Контртеррористического комитета СБ ООН); нераспространение, экспортный контроль и разоружение, универсализация международных инструментов – ДНЯО, КЗХО, КБТО, ДВЗЯИ, укрепление всеобъемлющих гарантий МАГАТЭ, ядерное досье Северной Кореи и Ирана, поддержка конференции по разоружению в Женеве). Значение имеет диалог по вопросам безопасности и кризисного регулирования с целью реагирования на современные глобальные и региональные вызовы и основные угрозы. Важной вехой явилось задействование (по просьбе ЕС) российской вертолетной группы для обеспечения военной операции Евросоюза в Чаде и ЦАР в 2008–2009 гг. В настоящее время налажено рабочее взаимодействие между российскими кораблями, действующими в Аденском заливе, и операцией ЕС «Аталанта» по борьбе с пиратством у берегов Сомали»¹.

В-третьих, недопустимость конфликтов, использованные военной силы в качестве внешнеполитического инструмента. Сегодня европейская система безопасности это допускает, в том числе и за пределами Европы. В свое время бывший госсекретарь США К.Райс сказала, что «подобно тому, как действуют на шахматной доске фигуры сильные и слабые, так и в политике сверхдержава определяет и направляет поступки остальных государств. И сильному может противостоять только более сильный»². Наверное, это признание, – нынешняя реальность, но должно ли влияние одной державы неизбежно переходить в использование военной силы? Из первого тезиса российского президента, определяющего приоритет международного права, вытекает, что нет: военная сила не должна применяться в одностороннем порядке. Она – как исключительная мера, –

¹ В.Лихачёв. Эпоха «Дорожных карт». Российская газета, 7 мая 2010 г., с. 1.

² Цит. по: М.И.Труш. Кондолиза. Путь к Олимпу. М.: «Редакция «Историческая газета», 2009 г., с. 127.

может быть лишь результатом коллективного решения, основанного на международном праве.

В-четвертых, новая архитектура европейской безопасности должна исключать доминирование любого государства или нескольких государств. Сегодня эта возможность есть у США, но завтра она может появиться и у других стран, например, Китая. Альтернатива доминированию – гуманизация международных отношений, включая гуманитарную экспертизу и гуманитарное прогнозирование возможных последствий тех или иных политических решений. Как справедливо отмечают авторы фундаментальной работы, подготовленной в МГИМО(У), «Реальная международная гуманитарная практика является, как правило, запоздалой и не всегда адекватной реакцией на проблемы, вызывающие в течение длительного времени»¹.

Наконец, **в-пятых**, не случайно Д.Медведев сказал слово «теперь», обращаясь не только к международному сообществу, но и российской элите. Как мне представляется, он хотел подчеркнуть, что именно в конце первого десятилетия нового века наступило время **переоценки сложившихся международных реалий** не только периода «холодной войны», но и последующих лет. И действительно: противостояние между Востоком и Западом закончилось, завершился (или почти завершился) переходный период в России и странах, которые были союзниками СССР, но система международной безопасности, сложившаяся после 2-ой Мировой войны осталась прежней. **«Теперь» – означает отказ от концепции атлантизма, которая лежала в основе системы обеспечения безопасности Запада после Второй мировой войны.**

Такое намерение России в целом соответствует и интересам Запада, который по большому счету не заинтересован в односторонних действиях. Как справедливо заметила бывший государственный госсекретарь США К.Райс, «Изоляция России не дает нам никакого выигрыша и не соответствует нашим интересам»². Но это слишком революционный отказ от стереотипов атлантизма, который вряд ли реален в ближайшие годы. Мы понимаем, что стабильную и надежную

¹ Современная мировая политика: Прикладной анализ / Отв. ред. *А.Д.Богатуров*. М.: Аспект-Пресс, 2009 с. 96.

² Цит. по: *М.И.Труш*. Кондолиза. Путь к Олимпу. М.: «Редакция «Историческая газета», 2009 г., с. 127.

будущую систему безопасности нельзя выстраивать, исходя из тактических расчетов.

Другое дело **конкретные механизмы** обеспечения международной безопасности какими они видятся из Москвы и Вашингтона (Брюсселя). В этой связи у российской элиты появились новые точки зрения, отличные от зафиксированных в нормативных документах – Концепции внешней политики, Военной доктрине и Стратегии национальной безопасности. Так, председатель правления ИНСОРа И.Юргенс предложил в сентябре 2010 года несколько «позитивных сценариев «развития отношений Россия–НАТО», включая вступление нашей страны в Союз, «Союз с Союзом» на основе двустороннего стратегического договора о безопасности и, в-третьих, создание координационного совета международных организаций (НАТО, ЕС, ОДКБ, ШОС, возможно, с участием ООН).

Такое развитие событий потребует коренного пересмотра всех трех основополагающих документов, определяющих политику безопасности России. Как справедливо отмечает доцент МГИМО(У) Е.Пономарева¹, «...согласно Концепции внешней политики, «реально оценивая роль НАТО, Россия исходит из важности поступательного развития взаимодействия в формате Совета Россия–НАТО в интересах обеспечения предсказуемости и стабильности в Евроатлантическом регионе, максимального использования потенциала политического диалога и практического сотрудничества при решении вопросов, касающихся реагирования на общие угрозы, – терроризм, распространение оружия массового уничтожения, региональные кризисы, наркотрафик, природные и техногенные катастрофы. Россия будет выстраивать отношения с НАТО с учетом степени готовности альянса к равноправному партнерству, неукоснительному соблюдению принципов и норм международного права, выполнению всеми его членами взятого на себя в рамках Совета Россия–НАТО обязательства не обеспечивать свою безопасность за счет безопасности Российской Федерации, а также обязательств по военной сдержанности. Россия сохраняет отрицательное отношение к расширению НАТО, в частности, к планам приема в члены

¹ Е.Пономарева. Ляжет ли Россия под НАТО? / Столетие. Интернет-газета, 10.09.2010 / <http://www.stoletie.ru/print.php>.

альянса Украины и Грузии, а также к приближению военной инфраструктуры НАТО к российским границам в целом, что нарушает принцип равной безопасности, ведет к появлению новых разъединительных линий в Европе и противоречит задачам повышения эффективности совместной работы по поиску ответов на реальные вызовы современности» (выделено мною. – А.П.)¹.

Стратегия национальной безопасности содержит более жесткую позицию по этому вопросу. Цитирую: «п.17. Определяющим фактором в отношениях с Организацией Североатлантического договора останется неприемлемость для России планов продвижения военной инфраструктуры альянса к ее границам и попытки придания ему глобальных функций, идущих вразрез с нормами международного права. Россия готова к развитию отношений с Организацией Североатлантического договора на основе равноправия и в интересах укрепления всеобщей безопасности в Евroatлантическом регионе, глубина и содержание которых будут определяться готовностью альянса к учету законных интересов России при осуществлении военно-политического планирования, уважению норм международного права, а также к их дальнейшей трансформации и поиску новых задач и функций гуманистической направленности»².

Эту взаимосвязь модернизации и демократизации вполне ясно выразил профессор МГИМО(У) А.Богатуров: «Между тем переосмыслить уроки двадцатилетней давности в духе современности полезно. Модернизация России – фундаментальная задача, и решить ее **вне сотрудничества с западными странами нельзя** (подч. – А.П.). Идея правильная. И все же очевидно, что если вместо «модернизация» в известном лозунге написать «демократизация», то получится в точности тот тезис, слепое следование которому в начале 1990-х годов привело систему международных связей России в упадок, из которого их до сих пор так и не удастся окончательно вывести. Поэтому, говоря о цели модернизации, ошибкой было бы не думать о ее цене и стоимости.

¹ Концепция внешней политики РФ (12 июля 2008. Пр – 1440). Гл. 4. Региональные приоритеты.

² Стратегия национальной безопасности РФ до 2020 г. (утверждена Указом Президента Российской Федерации от 12 мая 2009 г. № 537).

Во что обойдется решение такой задачи с точки зрения ситуации внутри России, жизни россиян – это, грубо говоря, стоимость. А сколько денег из нефтяных доходов за это придется заплатить западным партнерам и отечественному жулью, которые на этом партнерстве станут неизбежно пробовать нажиться, – это, так сказать, цена. Обратим внимание: тема цели в речах лидеров и СМИ звучит громко и уже назойливо, а темы цены и стоимости даже не слышно. Снова «не пожалеем живота своего» или, наученные опытом, дадим себе труд определить: как быстро и на каких условиях разумно строить новую гармонию партнерства с Западом?»¹

В Военной доктрине зафиксировано, что деятельность Российской Федерации по сдерживанию и предотвращению военных конфликтов предполагает «д» укрепление системы коллективной безопасности в рамках Организации Договора о коллективной безопасности (ОДКБ) и наращивание ее потенциала, усиление взаимодействия в области международной безопасности в рамках Содружества Независимых Государств (СНГ), Организации по безопасности и сотрудничеству в Европе (ОБСЕ) и Шанхайской организации сотрудничества (ШОС), развитие отношений в этой сфере с другими межгосударственными организациями (Европейским союзом и НАТО)»².

Сегодня в Концепции архитектуры международной безопасности, на мой взгляд, не хватает главного – демонстрации исключительной роли, которую может и должна играть Россия в этой системе. Хотя даже на Западе серьезные исследователи это признают и всегда признавали.

По мнению главного редактора журнала «Евразия» и Т.Грациани (Италия), «Доминирующие державу нацелены на распространение своего влияния ... на всю планету. ...В конце первого десятилетия XXI века мы станем свидетелями возврата к **модели организации политики по континентальному принципу** (подч. – *А.П.*) ...

И далее: «Ключевая роль России как хартленда евро-афро-азиатской суши ... сегодня подтверждается, а понимание функции России в

¹ *А. Богатуров*. Противоречия тандемной дипломатии / Электронная СМИ: Портал МГИМО(У). 6 октября 2010 г. / <http://www.mgimo.ru/system/php>.

² Военная доктрина (Указ Президента РФ № 146 от 5 февраля 2010 г.).

процессе становления новой многополярной системы представляет собой значительно более сложную задачу»³.

Примечательно, что итальянский профессор полагает, что России удалось вновь утвердиться в качестве важной евразийской силы благодаря следующим мерам:

- ряд стратегически важных производств был возвращен в государственную собственность;
- были обузданы сепаратистские поползновения;
- энергетические ресурсы были поставлены на службу геополитики;
- политика России была нацелена на возвращение в ее орбиту стран ближнего зарубежья;
- было учреждено партнерство Россия – НАТО и проведены дискуссии с целью остановить процесс расширения атлантического военного альянса;
- структура российских внешнеполитических связей была сориентирована на решение задач континентального масштаба, интеграцию с республиками Средней Азии, Китаем и Индией;
- был учрежден ряд организаций для обеспечения коллективной безопасности (ОДКБ).

Хотя реализация данной совокупности мер, сначала Путиным, а затем Медведевым, и сделала очевидной роль России как станового хребта Евразии и центра притяжения процессов континентальной интеграции, данные шаги не имели структурного характера, как того требовали отношения России с Европой и России с Японией, то есть **не были нацелены на создание евразийского моста между европейским полуостровом и японской островной дугой.**

Если считать Россию евразийским мостом между Европой и Японией, обязанность Кремля должна состоять в том, чтобы **принять стратегическое решение относительно сценария будущего развития – оно должно состоять в том, что западная система подлежит разрушению...**» (подч. – *А.П.*).

³ *Т.Грациани.* Россия – краеугольный камень системы многополярного мира / Международная жизнь, № 7, 2010 г., с. 101–102.

2.3.6. «Историческая» политика как альтернативный вариант новой архитектуры международной безопасности

«Полагать после этого (войны в Ираке – *А.П.*), что международная система регулируется преимущественно посредством права, не было никаких оснований. Как и в 1950-х годах прошлого века, мир стал тяготеть к регулированию на основе силы»¹.

А.Богатуров

«Я думаю, что одна из величайших трагедий для России – принятие православия»².

В.Познер,
публицист и телеведущий

У российского предложения о создании новой архитектуры международной безопасности существует влиятельная альтернатива – уже существующая система международной безопасности, основанная на мощи США и НАТО, их готовности использовать для этого «мягкую силу»³.

После кризиса 2008–2010 годов очевидно усилилась консервативно-традиционалистская тенденция в действиях правящей элиты ведущих государств мира. Что, как представляется, не случайно. Политика по отношению к нацменьшинствам Н.Саркози во Франции, высказывания А.Меркель о христианской основе европейской культуры и ее критика мультикультурализма в Германии, усиление позиций консерваторов-республиканцев после промежуточных выборов в конгрессе США осенью 2010 года и т.д. – звенья одной цепи, иллюстрирующие тенденцию, которую можно обозначить как **укрепление национальной идентификации и национальных интересов**⁴. На мой взгляд, это

¹ *А.Богатуров.* Лидерство и критерии лидерства в мировой системе. В кн.: Современная мировая политика: Прекладной анализ / Отв. ред. А.Д.Богатуров. М. Аспект-Пресс, 2009 г. с. 158.

² *В.Познер.* «Православие – это тяжелая ноша для России». 22.07.2010 г. / <http://www.online812.ru/2010/07/22/021/>.

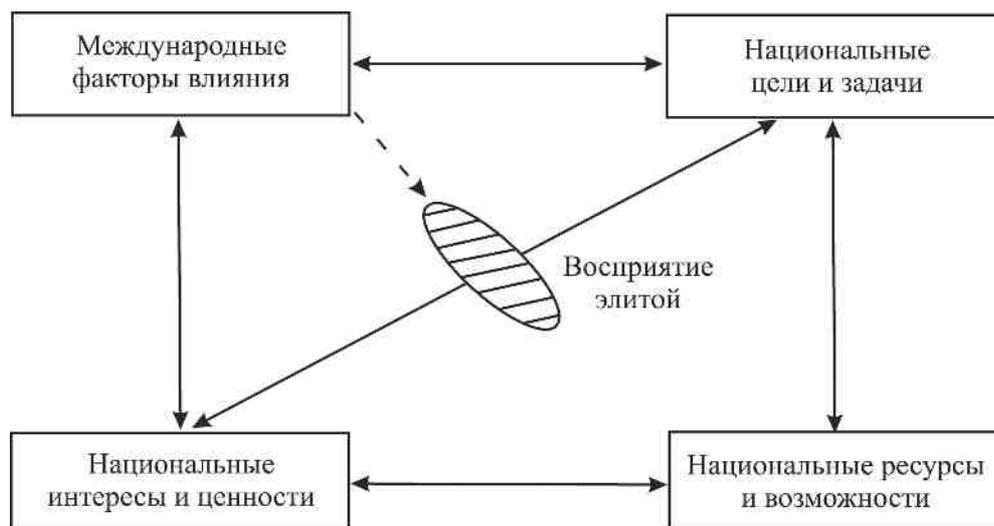
³ «Жесткая» сила, или «жесткое» могущество, — это способность к принуждению, обусловленная военной и экономической мощью страны. Мягкое могущество возникает, когда страна привлекает своей культурой, политическими идеалами и программами. Жесткая сила не теряет ключевого значения в мире, где государства стремятся оградить свою независимость, а внегосударственные группы, такие, как террористические организации, готовы прибегать к насилию. Но мягкая сила обретает все большее значение для сужения круга новых сторонников терроризма, а также для решения вопросов, требующих многостороннего сотрудничества. См., например: *Дж.Най.* «Мягкая сила» и американо-европейские отношения / http://www.situation.ru/app/j-art_1165.

абсолютно естественно противостоит как позиции либералов, так и левых.

В русле этой же тенденции шло и развитие внешнеполитического курса России с 2007 года (после речи В.Путина в Мюнхене). Тенденции, которая однако встретила разное неприятие, даже испуг, в некоторых странах «новой Европы». Прежде всего Польше, странах Балтии, Грузии. Процесс самоидентификации российской элиты, таким образом, вызвал негативную реакцию Запада, который во многом инспирировал нападки на Россию в 2007–2010 годы.

Эта, казалось бы, неожиданные тенденции свидетельствуют о многом. И прежде всего о стремлении национальных элит защитить свои национальные ценности и базовые интересы от внешнего вмешательства, сохранив тем самым свою национальную идентичность. Это, так сказать, ответная реакция. Такая же, как и на Манежной площади в декабре 2010 года, которая, на мой взгляд, стала главным событием во внутриполитической жизни России.

Вместе с тем необходимо более глубокое осмысление взаимосвязи таких понятий, как: «национальные ценности», «внешнее влияние» (особенно в форме «мягкой силы»), национальной и международной безопасности. Если вернуться к модели политико-идеологического процесса, то она выглядит следующим образом.

⁴ См., например: Ю.Гиренко. Модернизация внешней политики / ВВП, № 10 (60), 2010 г., с. 66–68.

Как видно, внешнее влияние отдельных государств (групп) осуществляется:

– во-первых, непосредственно на формирование элитой целей и задач государства;

– во-вторых, косвенно (через цели и задачи) на элиту страны;

– в-третьих, непосредственно на систему национальных интересов и ценностей;

– наконец, в-четвертых, в последние годы проявилась новая особенность, которая не была ярко выражена в прошлом и не имела решающего значения: **непосредственного** влияния на общественное мнение и национальную элиту внешних сил, прежде всего, правительств, международных и иных общественных организаций и институтов, получившее название «мягкой силы».

На этой особенности необходимо остановиться подробнее, ибо национальная и международная безопасность становятся **предметом прямого воздействия** с помощью «мягкой силы» других государств, прежде всего, мировых лидеров. Суть проблемы, как представляется, заключается в следующем. Если до недавнего времени основным инструментом внешней политики государств являлась военная сила, экономическая и финансовая мощь государств, то с конца XX века таким основным инструментом внешней политики стали гуманитарно-информационные средства – негосударственные институты, СМИ, Интернет, туризм и др. Что можно было бы изобразить на следующем рисунке.

При этом **главной целью** такого влияния выступает национальная система ценностей и национальные интересы, включая осознанные

элитой ценности и цели. Политический результат влияния (воздействия) всегда был и остается главным («война – средство политики» – К.Клаузевиц). Наилучший результат – «абсолютная победа» – это не отнюдь не военное поражение противника, даже не оккупация его территории, а **смена системы ценностей, изменение национальных интересов.**

Война, как инструмент внешней политики, точнее – военная сила – всегда применялась в двух основных формах: прямой («со стрельбой») и косвенной («без стрельбы», угроза, шантаж). Причем, косвенная форма, когда политический результат достигался без прямого использования военной силы, была многократно эффективнее. Но с появлением ядерного оружия, арсеналов, военная сила, как инструмент внешней политики, во многом обесценилась.

Ослабли и другие, например, финансово-экономические инструменты влияния. Глобализация сделала экономическую блокаду труднореализуемой.

На фоне этих процессов стремительно росло влияние гуманитарных факторов. В особенности после появления новых технологий в области связи и информатики, которые выступили их усилителями, своего рода «транзисторами». Это относительное усиление сделало «мягкую силу» практически абсолютным оружием, способным внедрять в сознание не только элиты, но и общественности чужую систему ценностей, чужие национальные интересы, чужие цели и задачи политики. Возможность достижения не только полной, но и окончательной политической победы **стала реальностью.** Именно это и произошло с СССР, который не потерпел ни военного, ни экономического, ни технологического поражения, но оказался **политически разгромленным** к началу 90-х годов.

Вот как описывает значение «мягкой силы» известный политик Д.Най в своей нашумевшей книге «Мягкая сила. Средства достичь успеха в мировой политике (N.Y.: Public Affairs, 2004): «Джозеф Най определяет смысл силы как возможность добиться от других желаемых результатов. Такая возможность зависит от наличия у тебя тех или иных ресурсов осуществления власти, умения их применять, а также «контекста», то есть условий для их эффективного применения. В рамках

международных отношений, иные ресурсы власти выглядят очевидными – это экономическая и военная мощь государства. Именно эти ресурсы Най определяет как «жесткую силу» по силе и однозначному характеру их воздействия. Однако только на этом властные ресурсы государства не исчерпываются – по мнению Джозефа Най важную роль при стремлении добиться от других желаемых результатов играют также и другие факторы: культура страны, исповедуемые государством политические принципы и проводимая им внешняя политика. В том случае, если данные факторы могут работать на повышение привлекательности образа государства, они образуют особый ресурс, определяемый Наем как мягкая сила. Она, по его мнению, побуждает политических лидеров или общественность с большим пониманием относиться к политике, проводимой твоим государством, и тем самым зачастую позволяет добиться желаемых целей без непосредственного использования военных или экономических ресурсов.

По мнению Джозефа Най при современных тенденциях развития значение мягкой силы в общем властном балансе каждого государства должно неминуемо возрастать. В частности Най анализирует тенденции к сокращению возможностей применения развитыми государствами военной силы для разрешения собственных проблем – из-за взаимного переплетения экономик, больших издержек, связанных с применением некоторых форм современного оружия, прежде всего, ядерного, а также снижение значения военной доблести и славы в шкале ценностей современных постиндустриальных обществ. Особое внимание он обращает на то, что в нынешнюю эпоху информационной революции фактор привлекательности той или другой страны играет гораздо большее значение, чем раньше. Что же касается экономического аспекта вопроса, то мягкая сила позволяет сократить многие издержки, связанные со стимулированием других государств к необходимым действиям исключительно путем материального поощрения. В настоящее время, по мнению автора книги, мягкая и жесткая сила в мире крайне переплетены и увязаны друг с другом.

Внимание автора сосредоточено главным образом на исследовании природы мягкой власти Соединенных Штатов Америки. Исходя из собственного определения мягкой власти как совокупности

привлекательных для других государств аспектов национальной культуры, исповедуемых политических ценностей и проводимой внешней политики, Джозеф Най подробно останавливается на каждом из этих источников мягкой власти применительно к Америке.

В частности автор высоко оценивает возможности американской культуры в качестве источника мягкой силы Америки. В первом случае Най обращает внимание на большую роль американских образовательных центров, служащих точками притяжения для студентов из разных государств. Значительное количество выпускников Американских университетов, составляющих государственные элиты, формирует крайне важный ресурс благожелательного отношения к Америке за ее рубежами. Среди прочего, Джозеф Най указывает на важную роль проведения американо-советского студенческого научного и культурного обмена в годы «холодной войны» и в частности обращает внимание на то, какое влияние оказала стажировка в Колумбийском университете в 1958 году на мировоззрение будущего «прораба перестройки» Александра Яковлева¹.

Чужой образ, идеалы, ценности, внедренные в СССР, оказались способными разрушить мощное в военном и политическом отношении государство. Обязательным условием для этого послужила кампания «деидеологизации», проведенная под руководством одного из лидеров государства – А.Н.Яковлева.

Аналогичная кампания сегодня начата против России. Ее задача – дискредитация национальной системы ценностей.

Не случайно в 2007–2010 годах на Западе усилилось внимание к политической истории России, которое нередко превращалось в попытки фальсификации. Связано это, прежде всего, со стремлением пересмотреть нынешнюю политическую роль и место России в системе международной безопасности через переоценку российской системы ценностей и представлений о ней в мире.

Но не только. Существующая сегодня система международной безопасности основана на господстве США и НАТО. Наивно было бы отрицать, что эта система их не устраивает. Поэтому ставится задача, во-

¹ С.Кувалдин. Бархатная перчатка для железного кулака / Эл. СМИ / <http://sr.fondedin.ru/new/admin/print.php?id=1084173688&archive=1086854170>.

первых, укрепить эту монополию в военно-политической области, а, во-вторых, не дать создать альтернативную, новую систему международной безопасности. Для этого важно изначально дискредитировать её возможных инициаторов. Кто же они?

Теоретически новая система международной безопасности может сложиться по инициативе государства (союза государств), способного стать блокообразующим. Понятно, что такое государство должно обладать большим экономическим, демографическим, военным (включая ядерный) и человеческим потенциалом. Сегодня это могут быть США, Китай, Россия, страны Евросоюза, а также Япония (пока не обладающая ядерным потенциалом).

Соответственно объектом экспансии «мягкой силы» становятся те государства, которые сегодня не входят в существующую систему международной безопасности, – Китай и Россия. Что, собственно, мы сегодня и наблюдаем, когда попытки дискредитировать политические системы и внедрить свои ценности очевидной усилились.

Сегодня уже стало очевидным, что история, как наука, перестала быть только историей, но превратилась в политический инструмент, средство для достижения вполне конкретных, а иногда и сугубо меркантильных целей. С этой точки зрения фальсификация истории, – т.е. заведомо ложное описание, либо трактовка тех или иных событий – становится острым идеологическим и политическим оружием, которое используется как в политических (закрепить за тем или иным государством историческое право на территорию, обосновать легитимность/нелегитимность той или иной правящей элиты), так и в экономических или иных целях.

В последнее время такими целями стало, во-первых, российское государство, во-вторых, русская история и национальные культурные и духовные ценности, а в-третьих, русская нация, как таковая. Именно три этих направления стали главными объектами фальсификации. И не случайно, ведь именно эти три составляющие являются основой существования современной России, обоснованием её национальных интересов и ценностей.

Так, огульно критикуя, а по сути дела, фальсифицируя историю России – СССР – Российской Федерации, фальсификаторы на деле

целятся в современное российское государство как таковое, государство, которое, как правило, является наиболее эффективным институтом нации и общества. Объектом критики кроме того становится современная политическая система, легитимность которой ставится под сомнение. Логика таких псевдоисторических аналогий проста: сначала ставится знак равенства между «тоталитарными режимами» Сталина и Гитлера, затем – между СССР и его преемником Россией, – а затем между «режимом Сталина и Путина».

Можно экстраполировать и дальше. Как показывает югославский опыт, любой политический режим можно назвать сначала тоталитарным, а затем и... нелегитимным. Можно даже начать против него (режима) войну. Конечно же, Россия это не Югославия, и применить против неё военную силу смогут планировать только психопаты (хотя грузинская агрессия показала, что и такие могут быть в руководстве некоторых государств), но вот санкции ввести или испортить международный климат – это, пожалуйста.

Не случайно и то, что декларируя авторитарность, даже тоталитаризм российского режима, на самом-то деле выступают против укрепления российского государства, усиления его международных позиций и влияния на постсоветском пространстве. И здесь прослеживается аналогия с концом 80-х годов. Не случайно попытки развалить СССР начались в конце 80-х годов именно с декларирования концепции «борьбы с этатизмом», провозглашённой А.Н.Яковлевым. Суть сегодняшних обвинений в «неоимпериализме» та же самая – ослабить влияние России.

Именно поэтому история сегодня становится предметом политической борьбы. Важно помнить, что молодое российское государство возникло на прочном фундаменте, заложенном многие столетия тому назад нашими героическими предками. Его история по праву считается важнейшей частью мировой истории. Особенно важную роль оно сыграло в истории формирования современного облика Европы. Достаточно сказать, что три самые крупные нашествия, угрожавшие самому представлению о современной Европе, – татаро-монголов, французов и гитлеровской Германии – были отражены и оплачены огромными жертвами народов России.

Причём фальсифицируют историю отнюдь не только политические противники из-за рубежа, но и наши соотечественники. Как справедливо заметил академик Н. Левашов, «Нас долгое время пытаются убедить в том, что наши предки были дикарями, которые вылезли из ям, в которых они жили, только в IX веке. Нас пытаются убедить, что славяне всегда были и сейчас остаются совершенно дикими и никчёмными людьми, которые сами никогда ничего создать не могли и не могут. Когда мы слышим это от наших врагов, это ещё более-менее понятно: на то они и враги. Но очень странно слышать такие речи от наших соотечественников, от наших учёных-историков, которые, по идее, не должны бездумно повторять чужие измышления, а отыскивать и популяризировать правдивую историю своей Родины. Многие страны просто придумывают себе красивое прошлое, используя для этого красивые легенды. А наша официальная историческая наука занимается только тем, что поливает грязью всё и всех в нашем многотысячелетнем прошлом, и истерично повторяет, что до крещения Руси практически не существовало. Хотя сегодня в эту незатейливую ложь уже не верят даже самые ленивые.»

Эта историческая роль России в истории Европы неоднократно подвергалась сомнениям. Прежде всего, в политических целях. Сегодня мы наблюдаем очередную попытку «политического переосмысления» современной истории. И понятно почему. Многим, к сожалению, хочется воспользоваться временной слабостью России для того, чтобы добиться вполне конкретных политических и экономических выгод. А для этого необходимо, если не переписать историю, то изменить хотя бы отношение к известным историческим фактам, сложить удобное общественное мнение. Таким образом, за попытками фальсификации стоят вполне конкретные материальные интересы. На мой взгляд, это:

- во-первых, исказить историческую и правовую основу на те территории, которые сегодня занимает Россия;
- во-вторых, на те права, которые она получила после Второй мировой войны.

Действительно, если на одну доску ставится гитлеровская Германия и сталинский СССР, то и итоги – военные, политические, экономические

– Второй мировой войны можно поставить под сомнение. И, ведь, ставятся!

У этой проблемы есть и более фундаментальная сторона, имеющая прямое отношение к будущему России. Занимаясь неотложными делами по созиданию нового общества и новой экономики, решая самые острые социально-экономические проблемы, мы не можем и не должны забывать простые истины: всё новое, в том числе и качественно новое, создаётся только на прочном национальном фундаменте, заложенном предыдущими поколениями наших предков. На том огромном историческом, духовном и культурном наследии, которое тысячелетиями создавалось нашими пращурами. Убери этот фундамент – и не будет нации, государства и общества.

Сегодня уже многие понимают, что историческое наследие во многом определяет и даже предопределяет современную систему ценностей, а та, в свою очередь, реальные политические интересы и цели. В том числе, и национальной безопасности. Вот почему любое государство стремится сохранить свою систему ценностей, а некоторые даже навязать её другим странам. Как отмечается в Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года, «возрождаются российские идеалы, духовность, достойное отношение к исторической памяти».

У этой проблемы есть ещё одна сторона: историческое наследие во многом предопределяет и политическое будущее государств, их место в глобальном мире. Искажённое представление о прошлом не только подрывает современные основы общественного и политического устройства, но и превращает нацию в примитивную ассоциацию граждан «не помнящих родства. Более того, искажение истории – как показывает опыт многих стран – создаёт предпосылки для межнациональных и государственных конфликтов. В последние десятилетия мы не раз наблюдали, как исторические искажения превращаются в человеческие трагедии. Это, кстати, хорошо понимают на Западе. Недавно получила огласку позиция лидеров неоконсерваторов Д.Чейни по отношению к России. Напомню, что Чейни – не просто флагман американских «неоконсерваторов», он – их рупор, порой способный говорить открыто вещи, о которых другие предпочитают умалчивать. Так, дочка бывшего

вице-президента Лиз Чейни выступила со статьёй в «Уолл стрит джорнэл», проливающей свет на истинные взгляды американских неоконсерваторов на отношения с Россией. (Напомню, что помимо того, что мисс Чейни выполняет роль своеобразного идеологического оруженосца при чиновном отце, она и сама в недавнем прошлом была важным чиновником – заместителем госсекретаря, отвечающим за политику США на Ближнем Востоке при обеих «бушевских» администрациях в 2002-2004 и в 2005-2006 годах). Так что выраженные в статье взгляды лишь формально являются её частным мнением, отражая на самом деле истинное отношение неоконсерваторов к нашей стране. Каково же это отношение?

«Есть две разные версии того, как кончилась холодная война: русская версия и правдивая версия», – с места в карьер начинает статью бывшая замглавы американской дипломатии и добавляет: «Президент Обама на прошлой неделе в Москве подкрепил русскую версию». Далее идёт цитата из выступления Обамы в Москве, в котором американский президент всего лишь повторил то, что все три предыдущих американских президента неоднократно заявляли во время своих визитов в Россию. Обама напомнил, что «перемена» (то есть конец холодной войны) не была делом одной нации (те, кто хоть изредка читал газеты в 1986-1991 гг., прекрасно это знают и без напоминаний, добавим от себя). А вот и следующая фраза Обамы, выведшая Лиз Чейни из себя: «Холодная война закончилась из-за действий многих народов в течение многих лет, а также потому, что народы России и Восточной Европы встали вместе и решили, что конец этой войны будет мирным».

«Правда, конечно же, в другом – в том, что Советы содержали жестокий авторитарный режим, – возражает в своей статье мисс Чейни, беззастенчиво путая Горбачёва со Сталиным. – КГБ убивал своих оппонентов или утаскивал их в ГУЛАГ. Не было ни свободной прессы, ни свободы слова, ни свободы религии, ни вообще какой-либо свободы. Основой холодной войны было не соревнование в астрофизике и спорте, а глобальная битва между тиранией и свободой... Холодная война прекратилась не потому, что Советы решили её закончить, а потому, что им не удалось устоять перед решимостью сил свободы и готовностью свободных наций защитить свободу и разгромить коммунизм».

Это – типичный пример политической фальсификации истории, когда ставится прямая задача дискредитации современной политической власти России. Под сомнение ставится отнюдь не будущее политического режима, а будущее самой России.

Сегодня, только те государства добьются успеха в экономике и социально-экономическом развитии, которые смогут синтезировать новейшие достижения с национальной традицией, тем огромным историческим наследием, которое позволяет нации называться нацией. Примеры Японии, Китая, Индии и других стран, – показательны. Те же страны, которые в условиях глобализации не смогут сохранить свою национальную идентичность, свою систему ценностей, не только не смогут стать мировыми лидерами, но и не сохранятся как самостоятельные государства. Поэтому проблема исторической точности является одновременно и проблемой опережающего развития, и проблемой укрепления суверенитета государства. И, наоборот, – неосознанное, либо сознательное «исправление» истории негативно влияет на фундаментальные основы общества.

Это очень хорошо понимают в мире. Глобализация, как это не может показаться странным, усилила стремление в целом ряде государств подчеркнуть свою идентичность, и это отчётливо видно на примере всех развитых стран. Особенно в период кризиса. Вот почему мы наблюдаем всплеск интереса к истории во всех странах. И прежде всего к отечественной истории. Видимо, прав был известный фантаст И.Ефремов, предсказавший, что в XXI веке ведущую роль из всех наук займёт история.

Другой аспект взаимосвязи исторического наследия и глобализации заключается в том, что институты государства отнюдь не отмирают. Наоборот, их эффективность во многом определяет способность государств решать самые острые политические, экономические и социальные проблемы. В том числе и в периоды острых кризисов. Причём не только экономических, но и политических, даже мировоззренческих.

Одним из таких инструментов государства стала созданная решением президента России Комиссия по противодействию фальсификации истории. Подчеркну – не переписывания истории, не

приглаживания исторических фактов, а именно противодействия попыткам некоторых современных историков и стоящих за ними политиков её фальсифицировать. Основными задачами комиссии являются обобщение и анализ информации о фальсификации исторических фактов и событий, направленной на умаление международного престижа России, и подготовка соответствующих докладов президенту РФ. Полагаю, что Комиссия ускорит публикацию, готовящихся в настоящее время работ. Более того, по её инициативе – как в случае с нынешней работой – выйдут новые крупные исследования по отечественной истории.

Главной задачей Комиссии, конечно же, будет разработка стратегии противодействия попыткам фальсификации исторических фактов и событий. Мы исходим из того, что государству нельзя отказываться от участия в формировании исторического и общественного сознания граждан. В противном случае это сознание будет формироваться другими силами и – почти наверняка – в ущерб самим гражданам. Историческими подделками сегодня завалены все книжные полки магазинов, а труды серьёзных авторов выходят крошечными тиражами.

Заслуживает, в этой связи, внимания мнение известного израильского публициста А.Эскина: «Естественным союзником России в борьбе против фальсификации истории могут быть Израиль и еврейская диаспора. Наш народ хорошо знает, кто был палачом, и кто был освободителем. В эти дни, когда намечается отдаление Израиля от США и Западной Европы, мы должны особо тщательно стяжать конструктивные и эффективные пути для реализации широкого потенциала российско-израильского сотрудничества. Совместная борьба против новых тенденций, отражённых в резолюции ОБСЕ, должна стать важной составной в отношениях между нашими странами.

Не умаляйте меры опасности того, что произошло в ОБСЕ. Это не только новый удар по памяти. Это будет способствовать оживлению всего, что было повержено во прах нашими дедами во время Второй мировой войны. Попытка возродить то, что никогда не должно более повториться».

Государство – и в его лице Комиссия – может внести свой вклад в процесс рассекречивания архивов и превращения их в доступную не

только для специалистов, но и всех граждан информацию. И первый опыт МГИМО-Университета, который вводит в научный оборот значительное число уникальных документов – только самый первый шаг в этом направлении.

Кстати, рассекреченные недавно и публикуемые документы, наглядно свидетельствуют о реальной политике, как гитлеровской Германии, так и других европейских стран. Любой читатель вправе сам делать выбор о том, какую роль сыграл СССР или Германия в подготовке и начале первой мировой войны.

Отдельный вопрос – политическая интерпретация известных фактов. Не секрет, что ряд государств и институтов намерены переписать историю. И здесь, как говорится, все средства хороши. В том числе, и откровенно недобросовестные. Так, среди документов, принятых 18-й сессией Парламентской Ассамблеи ОБСЕ в Вильнюсе, была и резолюция «Воссоединение разьединённой Европы: поощрение прав человека и гражданских свобод в регионе ОБСЕ в XXI веке», в которой предпринята откровенная попытка искажения истории в политических целях, а именно сталинизм приравнивается к нацизму. Тем более кощунственным выглядит предложение ввести общеевропейский день памяти жертв тоталитаризма, приурочив его к дате подписания пакта Молотова-Риббентропа (23 августа 1939 года).

Запад уже готов в корне пересмотреть историю Второй мировой войны и назвать решающий вклад, который внесла в освобождение Европы от фашизма наша страна, «опасной фальсификацией», пишет Юрий Филатов в портале «Кирилл и Мефодий».

«Я думаю, что речь идёт о кампании, причём организованной кампании по фальсификации истории... Об этой фальсификации говорят прибалтийские страны, Украина и Польша», – заявил на круглом столе, прошедшем в американском политологическом центре Негкаде Рошпёайоп (Фонд «Наследие»), профессор университета Мэриленда, американец польского происхождения Майкл Шпорер, слова которого приводит РИА «Новости».

Со Шпорером тут же солидаризировался глава комиссии по иностранным делам эстонского парламента Свен Миксер. «Целью Советского Союза была экспансия. Так называемое освобождение

Европы на самом деле было завоеванием и аннексией», – заявил он, получив в благодарность за своё выступление в Негкаде Рошпёайоп галстук цветов эстонского флага. «А между тем, – сетует Шпорер, – эта фальсификация встречает большую поддержку в России. Согласно недавнему опросу, 77% населения считают, что Красная армия освободила Европу». По его мнению, такая «фальсификация» связана с «кризисом самоидентификации» России, с тем, что она сама ещё не понимает, остаётся ли она, по сути, советской страной или «двигается куда-то ещё».

Здесь очевидна политическая подоплёка. Во-первых, страна-агрессор ставится на одну доску со страной, которая всё сделала для того, чтобы в Европе сложилась дееспособная система коллективной безопасности, вынужденно подписав пакт с Германией только после того, как провалились все попытки создать механизм противодействия агрессору.

Во-вторых, ведущие западные страны к тому времени уже фактически развязали руки Гитлеру, позволив ему не только аннексировать целые государства, но и развязав руки для дальнейшей агрессии.

Наконец, в-третьих, тоталитарный сталинский режим уж точно не был виновен ни в холокосте, ни в уничтожении цыган или других наций.

МИД России регулярно привлекает внимание к попыткам пересмотреть историю в ряде стран бывшего СССР. Так, в частности, российское внешнеполитическое ведомство неоднократно выражало возмущение слётами ветеранов 20-й эстонской дивизии СС в Эстонии. По мнению российской стороны, поддержка подобных акций – потакание попыткам популяризовать нацизм и подобные неонацистские проявления недопустимы в стране-члене Евросоюза.

Двусторонние отношения России с Латвией серьёзно отягощает продолжающаяся в этой стране героизация бывших латышских формирований СС. Хотя в 2008 году президент и премьер-министр Латвии осудили неонацистские акции 16 марта, посвящённые «годовщине» создания латышского легиона СС, и призвали граждан страны воздержаться от участия в них, власти Риги разрешили проведение собрания легионеров и их последователей, отмечают в МИД РФ.

В конце ноября 2009 г. МИД России осудил создание во Львове на Украине рядом с Мемориалом советским воинам, погибшим в годы Великой Отечественной войне, «пантеона» нацистским приспешникам – боевикам ОУН-УПА, виновным в массовых убийствах советских солдат, гражданских лиц, мирных польских граждан на Волыни». При этом, как заявил МИД РФ, могилы советских солдат оскверняют. Украинский МИД заявил в комментарии, что путь Украины – «в цивилизованную Европу, где уважают прошлое и современное каждого народа».

В январе этого года, выступая на заседании Российского организационного комитета «Победа», посвящённого подготовке к празднованию 65-летия Победы в Великой Отечественной войне, Д.Медведев заявил, что вести диалог с теми странами, которые реабилитируют и возвеличивают фашизм, надо без аккуратных дипломатических формулировок. «Мы оказываемся в ситуации, когда должны отстаивать историческую истину и даже ещё раз доказывать те факты, которые ещё совсем недавно казались абсолютно очевидными. Это трудно, иногда даже, честно сказать, противно. Но это необходимо делать», – сказал Президент России.

Сегодня, например, некоторые пытаются поставить под сомнение хорошо известные факты. И, наоборот, замолчать очевидное. Напомню одно из авторитетных высказываний. «С точки зрения большой стратегии, – подчёркивал ещё в мае 1942 года президент США Ф.Рузвельт, – трудно уйти от того очевидного факта, что русские армии уничтожают больше солдат и вооружения противника, чем все остальные 25 государств Объединённых Наций вместе взятые».

Но все эти свидетельства непосредственных участников тех событий (более того – людей, во многом вершивших тогда судьбы мира) новоявленным «экспертам» пришлось бы явно не по душе. И о них на круглом столе, который собрал под своей крышей Негшаде Рошпёайоп, предпочли не упоминать вовсе.

Тем более, что ситуация развивается, к сожалению, «по восходящей» – в мае 2009 года День памяти жертв нацизма и сталинизма был учреждён в Эстонии, а в июле – в Латвии. Некоторые политики даже считают, что их страны могут воспользоваться решением ОБСЕ, чтобы потребовать у

России, как правопреемника СССР, возмещения ущерба, понесённого за годы советской оккупации.

История всегда влияла и влияет на политический фон в отношениях между государствами, а сегодня, к сожалению, видно, что есть заинтересованные лица и даже государства в том, чтобы осложнить международные отношения.

Понятно, что те силы, которые заинтересованы в развитии мирного климата на континенте, будут делать всё от них зависящее, чтобы противостоять не только неоправданным политическим амбициям, но и попыткам использовать в этих целях общеевропейское историческое наследие.

В качестве основных задач Комиссии определены: обобщение и анализ информации о фальсификации исторических фактов и событий, направленной на умаление международного престижа России, и подготовка докладов об этом Президенту РФ; выработка стратегии противодействия попыткам фальсификации и конкретных рекомендаций по адекватному реагированию на такие попытки, по нейтрализации их возможных негативных последствий и другие.

Критики в адрес едва созданной Комиссии уже предостаточно. Даже сторонники её учреждения обращают внимание на неудачное название. Если комиссия намерена противодействовать попыткам фальсификации истории в ущерб интересам России, то будет ли она мешать фальсификации «во благо»? И почему противодействие только «попыткам»? А как будут определяться «интересы России»?

Вопросов, действительно, много. Однако и назначение Комиссии, и круг проблем, которыми она должна заниматься, в общем-то, ясны всем. Президентский указ – одна из главных мер по подготовке к предстоящему через год 65-летию Великой Победы.

Многие бывшие республики СССР, как и ряд других стран, при поддержке НАТО, ПАСЕ и иных международных организаций в последние годы не брезгают исключительно вольными трактовками прошлого, отказывают Красной Армии в освободительной миссии, реабилитируют фашистских пособников, ставят вопрос о «равной ответственности» гитлеровской Германии и СССР за развязывание

Второй мировой войны. Давно пришла пора ответить на такие действия всей силой государства Российского.

О необходимости защитить историю от фальсификаций Дмитрий Медведев сказал ещё 27 января на заседании Российского оргкомитета «Победа», подчеркнув, что «противостоять такого рода ложным трактовкам истории – наш гражданский долг»¹.

Понимая, что сохранение в существующем виде системы международной безопасности, основанной на военно-политической коалиции НАТО – Евросоюз, является ведущим трендом, определенные силы пытаются «приспособить» к этой реалии Россию. Но для этого нужно в значительной степени переписать ее историю и сменить ее систему ценностей.

Надо сказать, что в России у этой точки зрения есть немало сторонников в числе правящей элиты, которые регулярно используют, в том числе возможности, предоставляемые государственными СМИ, для изложения своей точки зрения.

Подобный подход к совместным действиям по укреплению международной безопасности не только российской, но и западной элиты может быть единственно конструктивным. Надо признать, что в ряде стран Европы, особенно в новых членах Евросообщества, в последние годы возникла и иная точка зрения. Под различными «историческими» предложениями прежде всего 30-х и 40-х годов, предпринимаются сознательные и настойчивые попытки не столько поиска исторической истины, сколько пересмотра итогов Второй мировой войны, а значит и сложившейся после конференций в Ялте и Потсдаме международных реалий. В том числе известны попытки «приравнять» ответственность СССР и Германии, отождествить гитлеровский и сталинский режимы.

Использовать историю в качестве политического инструмента для пересмотра сложившихся международных реалий пытаются всегда, но в России очень болезненно и внимательно следят за этим процессом. Именно поэтому в мае 2009 года Президентом России была создана специальная Комиссия по противодействию попыткам фальсификации

¹ А.Подберезкин. Политические аспекты фальсификации истории России / Электронное СМИ / <http://www.viperson.ru>. 13 августа 2009 г.

истории в ущерб интересам Российской Федерации¹, которая проделала большую работу историко-просветительского характера, подготовив и выпустив только за один год десятки теле- и радиопередач, книг, сотни статей и журналов².

Следует подчеркнуть, что в России попытки пересмотра итогов 2-ой Мировой войны и сложившейся системы международной безопасности непосредственно связывают с инициативой Д.Медведева **о совместной модернизации** системы международной безопасности, создании ее новой архитектуры. Отказывая в поддержке этой инициативы Д.Медведева, но одновременно инспирируя кампания по пересмотру итогов войны и сложившейся системы безопасности, Запад ставит себя в двусмысленную позицию, которую можно истолковать как намерения предпринять **односторонние действия** по замене одной системы безопасности на другую³.

На международную и европейскую безопасность гипотетически могут оказать воздействие и другие государства, в т.ч. и расположению на Ближнем и Среднем Востоке. Современные технологии, в т.е. ядерные и ракетные, не исключают такой возможности в ближайшем будущем.

Эта часть инициативы России – внешняя, но для понимания позиции российской элиты нужно ясно представлять себе ее нынешнюю мотивацию. Она, на мой взгляд, может быть изложена в следующих тезисах:

Радикально меняется вся система международных отношений и система безопасности в мире в сторону хаоса и нестабильности. Россия в этих условиях должна найти свое место. Как подчеркнул ректор МГИМО(У) Ан.Торкунов, «Глубокие и ускоряющиеся изменения в мировой политике после окончания «холодной войны» стали общепризнанным явлением современного политического процесса... Совершается, замена международной системы, появившейся в результате Вестфальского мира, на новую систему. Последняя, по признанию

¹ Указ Президента Российской Федерации о Комиссии при Президенте Российской Федерации по противодействию попыткам фальсификации истории в ущерб интересам России № 549

² Известия, 30 апреля 2010 г.

³ См.: *С.М.Миронов. Фальсификация истории – угроза современности. Вестник МГИМО(У). Специальный выпуск. М.: МГИМО(У), 2009 г., с. 11–16.*

аналитиков, является гораздо более сложной, динамичной, неустойчивой и намного менее предсказуемой, чем существовавшая в годы «холодной войны»¹.

Хаос и непредсказуемость стали нормой, а в международных отношениях постоянно появляются новые факторы неопределенности и глубоких перемен: распадаются старые и появляются новые, подчас неожиданные взаимосвязи, – продолжает Ан.Торкунов, – возникают новые оси и узлы противоречий, меняются стратегические парадигмы. Формируется плотная транснациональная политическая и экономическая среда, в том числе усиливаются наднациональные структуры, механизмы и институты. Все чаще стирается грань между международной и внутренней политикой.

Сильное негативное воздействие на систему международной безопасности оказали события в Южной Осетии. Для российской элиты 8 августа 2008 года по своей значимости стало тем же, что для США 11 сентября. Она утратила последние иллюзии о позиции Запада и о системе безопасности в современном мире. Как неоднократно отмечал президент Д.А.Медведев, «существующая до 8 августа архитектура международной безопасности доказала свою слабость». Более того, Д.Медведев считает, что «если бы у нас были действенные институты европейской безопасности, то, может быть, событий, которые произошли в августе 2008 года, удалось бы избежать»². Наверное это не наивность, а убеждение российского президента.

Акт агрессии Грузии против Южной Осетии и последующее принуждение агрессора к миру со стороны российских миротворцев вызвали кризис в системе международных отношений. С одной стороны, казалось, что демократические страны мира должны были поддержать стремление России спасти целый народ от геноцида, то с пониманием отнестись к ее позиции на самом деле сложилась ситуация, когда эти же силы фактически стали на сторону агрессора. Причем фактически в ультимативной форме. В действиях России они увидели лишь

¹ Ан.Торкунов. Мир становится другим / Мир и политика, № 1(28), январь 2009 г.

² Д.Медведев. Нам не надо стесняться рассказывать правду о войне – ту правду, которую мы выстрадали. Известия, 7 мая 2010 г., с. 2.

«имперские амбиции» и стремление «взять под контроль пространство бывшего СССР».

Отношение российской элиты к нынешнему состоянию международной безопасности было подготовлено рядом конкурирующих концепций, которые пытались объяснить происходящих перемен. В первой половине 1990-х годов всеобщее внимание привлекла теория «столкновения цивилизаций», предложенная С.Хантингтоном. Сегодня она переживает своеобразный ренессанс. С ее помощью пытаются объяснить мощный всплеск международного терроризма в начале XXI века, примером чему явились события в США, России, Пакистане, и Индии и других странах.

Широкое распространение в 90-ые годы получила концепция «однополярного мира». И сегодня у нее немало сторонников. В известной мере ее поддерживают сторонники неолиберальных взглядов, предполагающие постепенное растворение национальных государств в «постнациональных» процессах и институтах. Одни исследователи с надеждой, другие – с острой тревогой говорят о гипотетическом становлении глобальной «либеральной империи» с центром в Соединенных Штатах. Надо сказать, что в основе этой концепции лежит реальная доктрина, в которой США заявляют о том, что «не допустят в будущем военного равновесия, а, значит, равной безопасности Программы военного строительства США, в т.ч. стратегических наступательных и оборонительных вооружений, преследуют именно эту цель. Речь сегодня идет фактически о создании наступательно-оборонительного комплекса стратегических вооружений, с помощью которого они планируют вернуть себе возможность использования военной силы в качестве инструмента внешней политики. Как минимум, в его косвенной форме – шантажа.

В этом смысле переговоры по ограничению и сокращению вооружений, в т.ч. ядерных, всегда являлись **частью** военной доктрины и внешней политики США. Они в реальности не ограничивают качественную гонку вооружений, направляя ее в нужное для США русло.

Пражский договор, для нашей страны – это, по сути, соглашение не об ограничении и сокращении стратегических наступательных вооружений, а об их наращивании. Уже сегодня мы имеем 620

развернутых стратегических носителей ядерного оружия по сравнению с 700 плюс 100 на складах, к которым должны подойти через 10 лет после вступления в силу СНВ-3. По словам министра обороны Анатолия Сердюкова, по количеству пусковых установок, обозначенных в СНВ-3, **мы сможем выйти только к 2028 году, а что касается боезарядов (1550), то к 2018-му.** И где тут патриотизм по отношению к США, непонятно.

Тем не менее есть проблемы, связанные с некоторыми пунктами резолюции Сената США, посвященной ратификации Пражского договора. В том числе и с ее утверждением, что связь между стратегическими наступательными и стратегическими оборонительными вооружениями, которая зафиксирована в преамбуле договора, **не носит для США юридически обязывающего характера.**

Новый договор по СНВ предполагает развертывание новых типов стратегических наступательных вооружений, причем таких, которые имеют преимущества по преодолению противоракетной обороны. «Многое из этого реализовано в таких ракетных системах, как «Тополь-М», «Ярс», «Синева» и других», – утверждает он.

Наконец, в происходящих изменениях подчас видят глубокую, но хаотическую реструктуризацию мировой политики, в которой до сих пор не обозначились сколько-нибудь устойчивые тренды развития.

Чаще всего перемены, происходящие в мировой системе, объясняют глобализацией. Этот термин прочно вошел в современный политический и научный лексикон. Скорее всего, – я согласен с Ан.Торкуновым, – речь идет о совокупности происходящих как параллельно, так и во взаимодействии друг с другом изменений, глубоко затрагивающих мировую экономику и политику. Одни из этих изменений проявились достаточно отчетливо, другие – только намечаются»¹.

¹ Ан.Торкунов. Мир становится другим. – Мир и политика, № 1 (28), январь 2008 г.

Глава 2.4. Выбор сценария модернизации как самоидентификация российской элиты

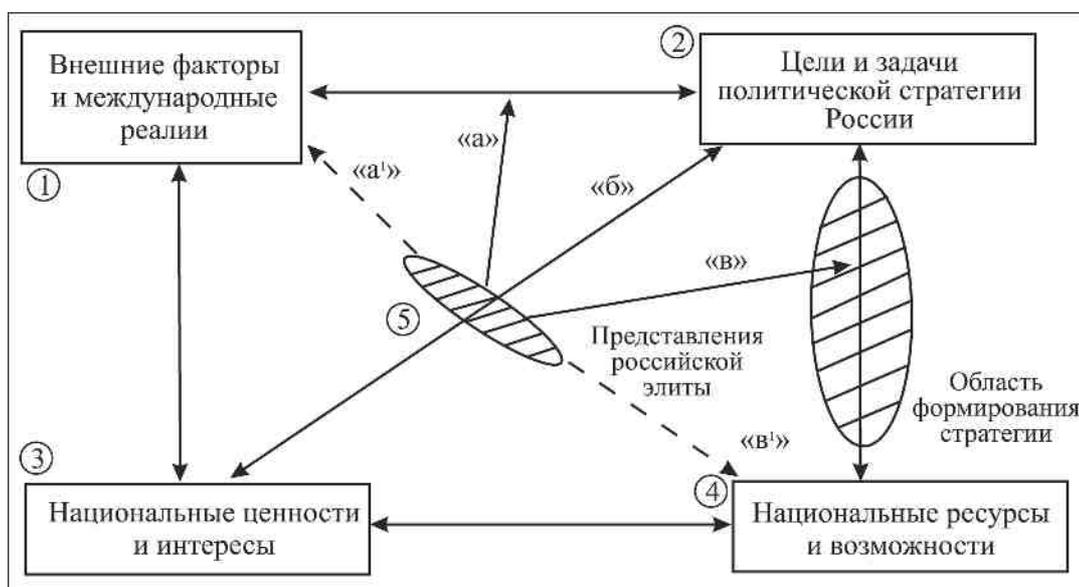
«Цивилизационная самоидентификация¹ открывает путь к социальному творчеству»².

И.Ионов

«Достаточно уехать 300 интеллектуалам, и Франция превратится в страну идиотов»³.

Б.Паскаль

В этой части работы предстоит рассмотреть как стратегия модернизации России, оформленная в 2010 году в ряде документов, влияет на формирование международной системы безопасности. Для этого необходимо вновь вернуться к принципиальной схеме, в которой рассматривается взаимосвязь основных элементов политико-идеологической системы. Из нее, в частности, видно, как политическая стратегия России влияет на формирование международной системы безопасности. И, наоборот, как внешняя среда влияет на политическую стратегию российской элиты.

Из рисунка видно:

¹ **Самоидентификация** – процесс, посредством которого человек развивает привязанность к другому человеку, обладающему качествами, которыми он сам хотел бы обладать / Оксфордский толковый словарь по психологии / Под ред. А.Ребера. 2002.

² *И.Н.Ионов*. Цивилизационная самоидентификация как форма исторического сознания / Искусство и цивилизационная идентичность / Отв. ред. Н.А.Хренов. М.: Наука, 2007 г., с. 173.

³ *О.Ускова*. Брейн-хантеры / Ведомости, 15 декабря 2010 г., с. 4.

1. Что цели и задачи политической стратегии формируются правящей элитой на основе национальных интересов и ценностей с учетом национальных ресурсов (группа 3 и группа 5).

2. Что политическая стратегия определяется взаимоотношением целей и ресурсов (группа 2 и группа 4).

3. Что на цели и задачи оказывают значения внешние факторы (группа 1).

4. Элита, формулируя цели, может по-разному их воспринимать (варианты «а», «б» и «в»).

Наконец, что цели и задачи также оказывают влияние на внешние факторы. Это влияние и есть, собственно говоря, влияние внешней и внутренней политики государства на систему международной безопасности. Политическая стратегия России, как заявил в своем послании Федеральному Собранию Д.А.Медведев 30 ноября 2010 года, была сформулирована в послании 2009 года. В 2010 году он повторил ее основные положения: «Год назад в этом зале я представил свою **политическую стратегию: опираясь на ценности демократии, модернизировать экономику** и создать стимулы для прогресса во всех областях; воспитать поколение свободных, образованных, творчески мыслящих граждан; поднять стандарты жизни людей на качественно новый уровень; утвердить статус России как современной мировой державы, достигшей успехов на инновационной основе»¹.

Как видно из приведенной цитаты и последующих шагов российской власти, правящая элита выбрала либеральный (вариант «а») политической стратегии, который являлся одним из возможных вариантов выбора. Этот вариант в большей мере, чем другие, ориентирован на учет внешних условий в ущерб в определенной степени национальным интересам.

На практике это означает, что **выбраны неправильные приоритеты**. Так, например, огромные деньги будут вложены в проект «Сколково». Сама по себе идея неплоха, но эти деньги сегодня, сейчас требуются для более важных приоритетов. Например, создания условий для ученых и аспирантов, которые продолжают уезжать за рубеж,

¹ Д.А.Медведев. Послание Президента Федеральному Собранию. 30 ноября 2010 г. / <http://www.kremlin.ru>.

обескровливая нацию. Как подсчитал В.Иноземцев, «Исчерпывающей статистики новейшей российской эмиграции не существует, так как обычно оценивается число лишь тех лиц, которые снимаются с регистрации по месту жительства в России. Их и впрямь становится меньше: после 140 тыс. отъездов в 1993 г. и в среднем по 100 тыс. в год во второй половине 1990-х в середине 2000-х число эмигрантов стабилизировалось на уровне 55–65 тыс. человек ежегодно. Однако эта статистика не должна успокаивать, причем по нескольким причинам. Во-первых, в последние годы практически сошла на нет немецкая и еврейская эмиграция, а доля русских, которая в первой половине 1990-х годов составляла 20–25%, достигла во второй половине 2000-х 70–75%. Во-вторых, если раньше уезжали в основном жители крупных городов, то с середины 2000-х годов начинается эмиграция из областных центров, а значительная часть потенциальных эмигрантов перебирается в Москву и Петербург в желании уехать. В-третьих, сегодня готовятся уезжать и уезжают не оставшиеся не у дел специалисты, а те, кто только стал ими: опросы в вузах показывают, что такую возможность не исключают до 45% выпускников, а твердо намерены добиваться отъезда от 18 до 24%. Готовы покинуть страну до 30% предпринимателей. В-четвертых, сейчас к отъезду готовятся намного тщательнее, чем прежде: не менее 4 млн. россиян имеют вид на жительство в странах ЕС и США, сотни тысяч семей отправляют детей учиться за рубеж, значительное число россиян скупают недвижимость»¹.

По его мнению, не менее 2-х млн. молодых человек сегодня готовы к отъезду, имея для этого все необходимые документы.

Д.Медведев считает, что мы не можем железный занавес опустить или каким-то другим образом предотвратить «утечку мозгов»². В том-то и дело, что можем: достаточно дать достойную зарплату и жилье, как показывают опросы, и отъезжающих резко станет меньше. Деньги «Сколково» могли бы существенно исправить ситуацию уже сегодня, сейчас, а не через 5–7 лет.

¹ В.Иноземцев. Тихий исход энергичных и молодых граждан / Известия, 15 декабря 2010 г., с. 6.

² В.Кузьмин. Первопроходцы Сколково / Российская газета, 15 декабря 2010 г., с. 2.

Другой пример: в 2011 году рост госрасходов на образование, по оценкам депутата Госдумы О.Смолина, составит 1%. Что, естественно не говорит о приоритете отрасли.

К сожалению, это типичный пример избранной модернизационной стратегии, где игнорируется НЧП в угоду технократическим решениям. Его типичность говорит о **системной ошибке** в избранной политической стратегии – игнорировании приоритетов развития НЧП.

2.4.1. Адекватность политической стратегии России современным международным реалиям

«Реализуемая государственная политика в области национальной обороны, государственной и общественной безопасности, устойчивого развития России, адекватная внутренним и внешним условиям»¹.

Возникает вопрос относительно адекватности избранной стратегии развития и адекватности нынешней российской элиты. С одной стороны, выбрав вариант «а», российская элита вполне «вписалась» в границы адекватного выбора, ведь могло бы быть и значительно хуже, как, например, в начале 90-х годов, когда элита выбрала неадекватную стратегию, в которой внешние интересы учитывались больше, чем национальные. Или как в 70-ые годы (вариант «в»), когда внешние факторы минимально учитывались из-за идеологического догматизма внешней политики.

Но, с другой стороны, видно, что у избранного варианта есть недостатки.

Повторю, выбор сценария модернизации российской элиты, таким образом, был сделан фактически в 2010 году, хотя основные идеи были заложены значительно раньше. К сожалению, этот выбор означает, что наша страна избрала в очередной раз догоняющую модель развития, основанную целиком на чужом опыте, которая характеризуется следующими параметрами:

– эта модель модернизации основывается на идее заимствований западных технологий, опыта и знаний, того, что в эпоху фазового перехода уже **не является** лучшей моделью экономического и общественного устройства. И мировой кризис 2008–2010 годов это наглядно продемонстрировал;

– эта модель **не опирается** на национальные ценности, отечественные научные и культурные достижения, оставляя приоритет за достижениями других стран. Это означает, что мы изначально будем

¹ Стратегия национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года. Утверждена Указом Президента РФ от 12 мая 2009 г.

повторять чужой (не всегда лучший) опыт, неизбежно отставая от развитых стран;

– эта модель **не является** продолжением, конкретизации национальной идеологии развития, т.е. она **не является** продолжением стратегии. Она вырвана из общенационального контекста, эклектична, внесистемна;

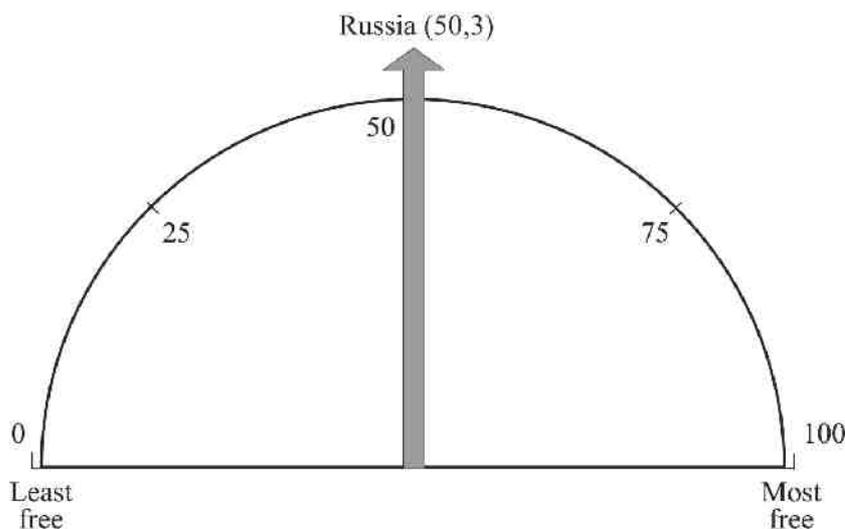
– эта модель **не может** стать механизмом укрепления национальной безопасности. В лучшем случае она предназначена «приспособить» Россию к системе европейских ценностей, угрожая потерей национальной идентичности;

– наконец, эта модель **не претендует** на идеологическое лидерство, а значит, в условиях глобализации, неизбежно обрекает Россию на роль аутсайдера.

Подытоживая, можно сказать, что эта модель **не ведет** к опережающему развитию нации (которое может быть только за счет темпов опережающего развития НЧП), укреплению государства, а, как следствие, и реализации планов по созданию новой архитектуры международной безопасности.

Но эта модель не ведет и к «идеальной» еще в недавнем прошлом либеральной модели развитых государств, которая основывается на приоритетах и принципах свободного предпринимательства и индивидуальной свободы. Что наглядно видно из следующего примера, характеризующего соответствие модели основному принципу либерализма.

Индекс экономической свободы

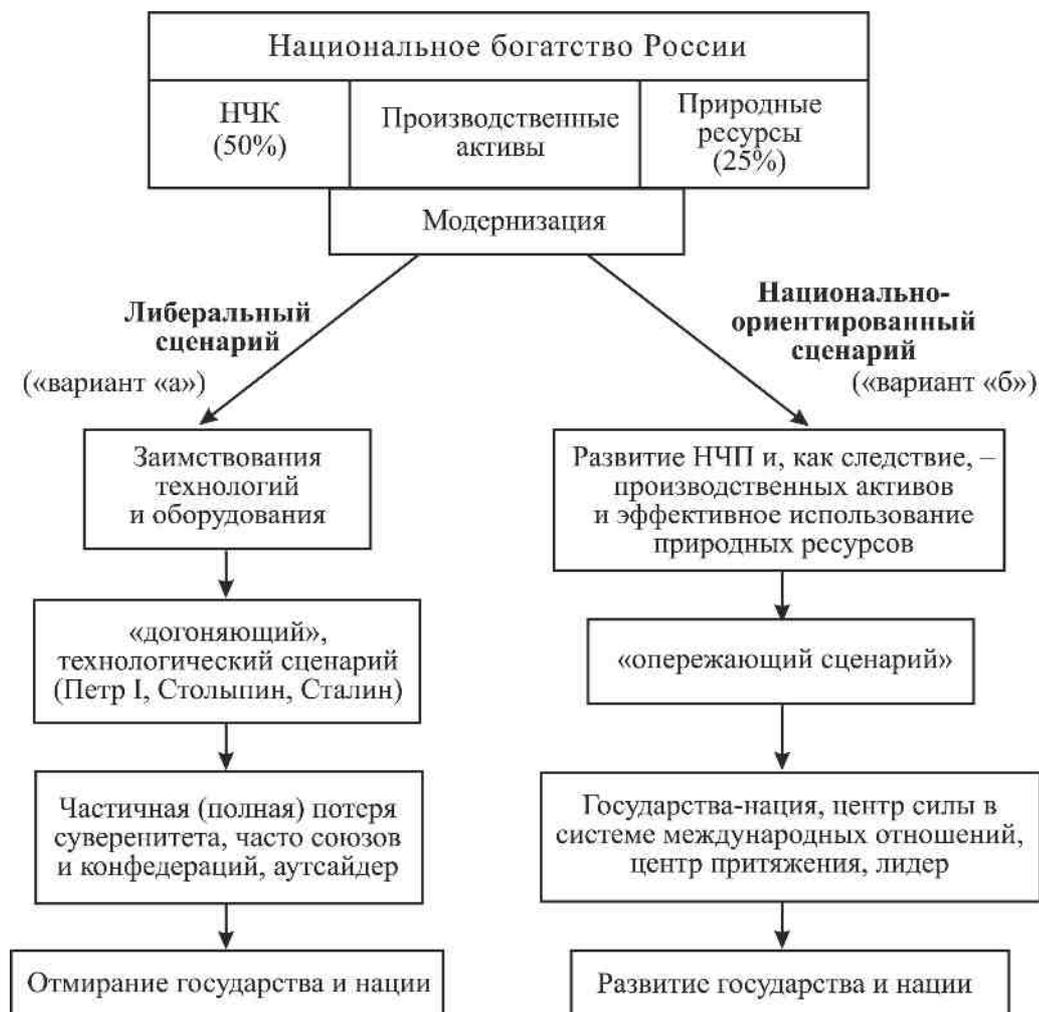
В «общем зачете» по «Индексу экономической свободы» за 2009 год – исследованию, подготовленному The Heritage Foundation, Россия заняла 143 место из 183, набрав 50,3 балла (Украина – 46,4; КНДР – 1,0; Гонконг – 89,7).

Таким образом избранная модель модернизации государства и общества не является ни национально ориентированной моделью развития НЧП (что соответствовало бы критериям XXI и требованиям фазового перехода), ни относительно старой либеральной моделью, с помощью которой развитые страны Запада достигли максимальных успехов в XX веке. Россия в очередной раз оказалась на полпути или между двумя стульями: полусоветское, полулиберальное, полудемократическое, полуавторитарное государство, не имеющее ясной национальной стратегии развития. В качестве главного преимущества, как было неоднократно заявлено, избрана «демократическая модернизация в противоположность проводившихся прежде в истории страны «сверху» модернизаций – Петра I, Столыпина, Сталина.

Между тем такой выбор (о котором В.Сурков сказал 16 декабря 2010 года: «надо бы попробовать»)¹ мне лично отнюдь не представляется наиболее эффективным. В силу совершенно разных обстоятельств. И прежде всего известного приоритета, признанного к 2010 году, в развитии национального человеческого потенциала (НЧП), которому в этом

¹ В.Сурков.

выборе уделяется наименьшее влияние. Между тем именно НЧП составляет основную часть национального богатства России.

Как видно из рисунка, основной акцент в модернизации сделан на технологиях, а не на НЧП. Это ведет в международной области к следующим последствиям:

- росту «технологической зависимости «России от Запада, которая неизбежно перерастает в политические уступки и ограничения суверенитета;
- отказу от наиболее эффективного способа модернизации через развитие НЧП, т.е. выбор заведомо не самой эффективной стратегии развития;
- постепенному ограничению инициативы и активности внешней политики, которые неизбежно будут обретать условиями, формулируемыми странами-экспортерами технологий;

– неизбежному заимствованию не только технологий, но и социальных и политических моделей и норм, которые могут противоречить национальным интересам и ценностям России;

– неизбежному затягиванию кризиса идентичности российской нации, которой придется «примерять» в очередной раз западные стандарты и нормы.

Представляется, что стратегия развития России должна исходить из более широких, политико-идеологических принципов. В этом случае она способна ясно сформулировать и задачи модернизации, которые далеко не сводятся к технологической модернизации, а включают в себя:

- задачи модернизации всей экономики;
- задачи модернизации общества;
- задачи модернизации политической системы;
- наконец, задачи модернизации государства и его институтов.

Сегодня происходит наоборот: частная, технологическая задача **предопределяет** остальные задачи. Более того, такая частная задача выступает в качестве базовой для постановки задачи национальной и международной безопасности. Хотя должно было бы быть наоборот. Это означает, что избранная Д.Медведевым в 2009–2010 годах политическая стратегия не вполне отражает международные и национальные реалии, иначе, что она не вполне адекватна.

Главное, что связывает в XXI веке проблему национальной самоидентификации и развития, в т.ч. модернизации, это то, что «цивилизационная самоидентификация открывает путь к социальному творчеству». Творческий процесс, креативный класс являются **главными движущими силами** развития экономики и социальной сферы в XXI веке, но путь для них «открывает» национальная самоидентификация.

Универсализация, интеграция российской нации в чуждые культурные, экономические и социальные системы неизбежно ведет нацию к уменьшению творческого потенциала, а, значит, сокращает потенциал развития.

2.4.2. Проблема международной идентификации России: точка бифуркации

«Запад нам не указ и не тюрьма ...»¹.
И.Ильин

«В Евросоюзе последовательно
изживают. ... суверенитет отдельных
государств ...»².
Ан.Торкунов

В 2010 году стратегия модернизации вновь поставила вопрос о выборе цивилизационной модели для России, что, собственно, и стало предметом широкой общественной и научной дискуссии в стране. Россия, как нация и как государство, должна ясно позиционировать себя в мире. Такое позиционирование возможно при выборе одного из следующих вариантов:

1. Россия – часть Европы, европейской традиции и европейской системы ценностей. В конечном счете это означает, что ее национальные интересы идентичны европейским, а дальше продолжая логику, что ее национальные интересы тождественны интересам Евросоюза.

– Что, наверное, вряд ли возможно. Во всяком случае в ближайшие годы.

2. Россия – евроазиатская страна, чья система ценностей и национальных интересов во многом совпадает с национальными интересами огромного материка, называемого Евразией.

– Что, наверное, вряд ли возможно вообще – слишком разные интересы у Китая, Великобритании и Афганистана.

3. Россия – самостоятельная часть развитого мира. Также как Австралия, Новая Зеландия и ряд других государств.

– Что возможно, даже реально, но из-за огромной территории и природных богатств, геополитического положения и других факторов опасно.

4. Наконец, Россия вынуждена быть самостоятельным центром силы, эпицентром экономических и политических союзов, носителем специфической культуры и духовного наследия.

¹ *И.А.Ильин.* О русской идее. Цит. по: Русская идея: Сборник произведений русских мыслителей. М., 2002 г., с. 410.

² *Ан.Торкунов.* Дефицит демократии и международное сотрудничество. Международные процессы. № 3 (21), сентябрь–декабрь 2009 г.

Для меня очевидно, что процесс национальной идентификации в России не только может, но и должен развиваться **исключительно по четвертому сценарию**. Это – бремя для нации, ее крест, который она должна нести в истории человечества.

Более того, если мы попытаемся пойти в своем развитии по первым трем вариантам, то неизбежно столкнемся с глубоким кризисом идентичности, который приведет к самоуничтожению нации.

Сценарий модернизации должен логично вытекать из политической стратегии, а та, в свою очередь, базироваться на внятной цивилизационной основе. Россия не просто нация. Это – цивилизация. Также как и китайская и индийская цивилизации.

Россия не просто государство, обладающее государственными интересами. Государство – всего лишь институт нации, которая, в свою очередь, составляет еще более широкую общность – цивилизацию.

Соответственно внешняя политика, являясь **лишь частью политической стратегии**, может основываться на одном из вариантов самоидентификации. В 2009–2010 годах сложилось впечатление, что Россия выбрала первый, «общеευропейский» вариант. Расставленные Д.Медведевым акценты на встрече в МИД, лиссабонский саммит НАТО, наконец, послание Президента РФ 30 ноября 2010 года, в котором подчеркивалась идея «модернизационного партнерства», – всё говорит в пользу этого вывода¹.

Но не угрожает ли такое «модернизационное партнерство» национальной и цивилизационной идентичности России? Если в Евросоюзе, как справедливо заметил Ан.Торкунов, «последовательно изживается суверенитет отдельных стран», то насколько сближение России с Европой приведет к такому же процессу в России?

Эти вопросы в той или иной форме были в центре внимания в 2010 году не только в России, но и за рубежом. В это время я посетил, например, Китай и Индию, где быстрое сближение России с Евросоюзом и НАТО было воспринято с тревогой. Там видели Россию в качестве

¹ Д.А.Медведев. Послание Президента Федеральному Собранию. 30 ноября 2010 г. / <http://www.kremlin.ru>.

самостоятельного центра силы и во многом стратегического партнера, а не как часть Европы, а тем более НАТО².

Такому восприятию способствовало и усиление активности НАТО в последние годы в Центральной Азии и в бывших среднеазиатских советских республиках.

За рубежом различные исследовательские центры также активно включались в эту работу. Один из примеров – доклад нью-йоркской академии наук, представленный в сентябре 2010 года на ярославском форуме: «Ярославский план 10–15–20» представляет собой обзор и обобщение исторического опыта пяти стран: Израиля, Финляндии, США, Индии и Тайваня. Он также анализирует состояние дел в области инноваций в России и дает 15 конкретных рекомендаций, учитывающих полученный опыт и уже заявленные приоритеты развития страны. Кроме того, в докладе содержатся 20 предостережений, сделанных на основе анализа ошибок и провалов, допущенных другими странами.

Примечательно то, что авторы американского доклада делают акценты на **национальном опыте** стран, успешно совершивших модернизацию. Они отнюдь не стремятся давать «универсальные» советы, что выгодно отличает их от отечественных и зарубежных апологетов либерального опыта. Нет в этом докладе и какого-нибудь стремления доказать преимущества американской системы, что также нередко встречалось в прошлом. «Нью-Йоркская академия наук искренне полагает, – пишут авторы, что, если реализовать предложенные меры и постараться не совершать указанные ошибки, путь к построению инновационной экономики можно будет пройти намного быстрее, «чем считают большинство российских экспертов». «В то же время мы понимаем, что эти рекомендации не носят всеобъемлющего характера, могут потребоваться и другие меры. Поэтому данный документ должен служить лишь ориентиром и творчески развиваться в процессе работы»¹.

² А.В.Лукин, А.В.Иванов. О некоторых проблемах российско-индийских отношений и путях их решения. Аналитическая записка. ИМИ МГИМО(У), 17 декабря 2010 г., с. 2.

¹ Ярославский план 10–15–20: 10 лет пути, 15 шагов, 20 предостережений. Доклад нью-йоркской академии наук / The New York Academy of Science, August 20, 2010.

Вообще в 2009–2010 годах появилось немало сравнений и сопоставлений позиций России в той или иной области, подготовленных ведущими зарубежными центрами. Например, либеральный фонд «Наследие» (The Heritage Foundation), где анализируется «Индекс экономической свободы». Авторы проекта определяют экономическую свободу как одно из основных прав человека. Для нас эта оценка очень важна, так как реально свидетельствует насколько либеральна экономическая стратегия России, насколько она идентифицируется в мире с либеральной системой ценности. Эта оценка также важна потому, что позволяет, на мой взгляд, судить о том, насколько Россия уже стала частью мировой либеральной экономики, т.е. насколько неизбежен выбор его либеральной модели самоидентификации.

В рамках проекта фонда «Наследие» оценивались десять показателей экономической свободы. Оценка велась по 100-бальной шкале (100 баллов означают максимальную свободу). По этим результатам был получен средний балл – показатель степени экономической свободы в каждой стране. Итоговый рейтинг государств делится на 5 групп: «полностью свободные», «преимущественно свободные», «средне свободные», «преимущественно несвободные» и «полностью несвободные».

В «общем зачете» Россия заняла 143 место из 183 возможных, набрав 50,3 балла. Для сравнения – у Гонконга эта цифра равна 89,7; у США – 78,0; у Великобритании – 76,5; у Белоруссии – 48,7; у Украины – 46,4; у КНДР – 1,0. Наша страна со своим показателем является самой «преимущественно несвободной» из всех представленных в рейтинге.

Все 10 показателей выглядят следующим образом:

- Свобода бизнеса – 52,2;
- Свобода торговли – 68,4;
- Налоговые свободы – 82,3;
- Внедрение государства в экономику – 66,5 (в процентном отношении к ВВП), что выше, чем у развитых государств. Для сравнения: у Японии – 61,6; у США – 58; Германии – 41,4;
- Финансовая свобода – 62,6;

- Инвестиционная свобода – 25,0 и имущественные права 25,0 (на уровне Таджикистана и Эквадора);
- Свобода труда – 59,6;
- Отсутствие коррупции – 21,0 (Для сравнения: США – 73, Великобритания – 77), т.е. на уровне Бангладеш, ЦАР и Таджикистана¹.

Таким образом мы видим, что по либеральной шкале ценностей экономической свободы Россия **оказалась в очередной раз у точки бифуркации**², т.е. перед выбором: либо двигаться в неолиберальном направлении, избрав либеральную модель развития, которая в принципе не характеризуется национальными особенностями, либо формировать свою собственную модель политического и экономического развития.

Многим покажется, что точка бифуркации Россией уже пройдена и она идет по западноевропейскому пути развития. На мой взгляд, это еще не так. У страны и нации существуют настолько значительные национальные особенности, которые определяют ее специфику именно как своеобразный, специфический, а не «недоразвитый» либеральный элемент мировой системы. Низкие показатели, данные фондом «Наследие», отражают поэтому не либеральную «недоразвитость», а национальную специфику нашей страны. Конечно, можно иронизировать по поводу показателя «отсутствие коррупции», но вообще-то это тоже национальная специфика, а именно – **коррупция сознательно создавалась и создается либеральной российской элитой как альтернативная (государственной) система управления не только экономикой, но и страной и обществом**. Поэтому борьба с коррупцией должна привести к смене системы управления, точнее – ее замены на другую.

В этой связи интересен опыт правящей элиты Китая. Ее логика модернизации выглядит сегодня следующим образом: необходимо

¹ Russia information on economic freedom / Facts, data, analysis, charts... / <http://www.heritage.org/index/Country/Russia>

² **Бифуркация** – раздвоение, валлообразное разделение, например, рек. Зд. Возможность выбора одного из двух разных путей развития, при приобретении **принципиально нового качества**. Эта теория помогает облегчить исследование не только реальных систем в химии, физике, но, на мой взгляд и в политической науке См.: Краткая российская энциклопедия. Т. 1, 2003 г., с. 303.

перейти из стадии «Сделано в Китае» на стадию «Создано в Китае». При этом порядок и приоритетность задач выглядят следующим образом¹:

- увеличение душевого ВВП до уровня развитых государств;
- ликвидация дисбаланса в уровне развития регионов;
- превращение производящей экономики в наукоемкую экономику;
- социализация экономики: акцент на образовании, здравоохранении, уровне доходов;
- дальнейшая демократизация государственных общественных институтов;
- укрепление международных позиций и статуса Китая по мере укрепления его экономики. Признается, в частности, что «пока» КНР занимает относительно пассивную международную позицию, что потребует определенных усилий по ее изменению. «Это – первый вызов на пути превращения Китая в мировую державу». При том, что «не прекратятся попытки разделить и вестернизировать Китай, превратить его в младшего партнера,.. используя в этих целях свои ценности и принципы ...»².

Как видно, Китай прошел свою точку бифуркации, выбрав свой, **китайский путь** развития. При этом он отнюдь не выпал из процесса глобализации. Совсем наоборот – получил от глобализации максимум преимуществ. Что видно, например, по его внешнеторговому балансу по сравнению с другими странами³ «большой 20-и».

¹ Ma Zhangguang. The Way of China toward a World Power in: Great Transformation of the World a China`s Opportunities and Cholleuses. World Affairs Press, 2009, p. 97.

² Ma Zhangguang. The Way of China toward a World Power in: Great Transformation of the World a China`s Opportunities and Cholleuses. World Affairs Press, 2009, p. 98.

³ А.Санжиев. Валютам указали курс / Российская газета, 25 октября 2010 г., с. 4.

G20: Торговля

Текущий расчетный баланс 2010

в млрд. долл. США, по штатным оценкам, в сентябре 2010

Китай		269,87	4,7% от ВВП
Германия		200,19	6,1
Япония		166,46	3,1
Россия		69,83	4,7
Сауд. Аравия		29,13	6,7
Корея		26,04	2,6
Индонезия		6,40	0,9
Аргентина		6,02	1,7
Мексика	-11,63		-4,3
ЮАР	-15,19		-2,4
Австралия	-29,83		-1,2
Турция	-38,02		-5,2
Индия	-44,09		-3,1
Канада	-44,25		-2,8
Франция	-45,74		-1,8
Британия	-50,31		-2,2
ЕС	-51,61		-1,2 (Данные Eurostat за 2 кв. 2010)
Бразилия	-51,82		-2,6
Италия	-58,27		-2,9
США	-466,51		-3,2

Источник: IMF, Eurostat 1,39 доллара США = 1 евро

2.4.3. Возможные варианты модернизации: «Сделано в России» или «Создано в России»?

«Пока же в России очевидна тенденция деградации человеческого капитала. Для экономически активного населения характерна декавалификация (то есть потеря профессиональных навыков из-за невозможности работы по специальности), деградация, люмпенизация и даже дебилизация»¹.

И.Юргенс

«Недостаточная разработанность внешнеполитической программы делает внешнеполитический курс непоследовательным, что создает государству имидж «непредсказуемости»².

*М.Хрусталеv,
профессор МГИМО(У)*

Следует признать, что у России существует, как минимум, три основных варианта цивилизационного выбора и, соответственно, три сценария модернизации, которые условно можно назвать «проамериканским», «прокитайским» и «пророссийским». Хотя, как показывает история последних 50 лет, **каждая страна**, преуспевшая в модернизации, – Финляндия, Израиль, Тайвань, Индия, США, – сделали это опираясь прежде всего на **свою национальную специфику**. Общие закономерности, конечно, есть, но специфических, национальных – значительно больше. Об этом в последние годы писалось много, например, в подготовленном в августе 2010 года докладе американских ученых «Ярославский план 10–15–20», в котором систематизированы именно специфические, национальные стратегии модернизации³.

В основе любого из них лежит выбор той или иной системы ценностей, соответствующих приоритетов и вытекающих из этого выбора национальных интересов. Но не только цивилизационный выбор, но и выбор модели модернизации, непосредственно связан с развитием национального человеческого капитала, который не случайно имеет определение «национальный».

¹ М.Сергеев, С.Куликов. В провалах модернизации виноват народ / Независимая газета, 16 сентября 2010 г. с. 1, 4.

² М.А.Хрусталеv. Структура внешнеполитического курса государства, с. 127. В кн.: Современная мировая политика: Прикладной анализ / Отв. ред. А.Д.Богатуров. М.: Аспект-Пресс, 2009 с. 122.

³ См. подробнее: Ярославский план 10–15–20: 10 лет пути, 15 шагов, 20 предостережений. Доклад нью-йоркской академии наук / The New York Academy of Science, August 20, 2010.

На тесную взаимосвязь цивилизационного и модернизационного сценариев указывает баланс интеллектуальной эмиграции/иммиграции. В 90-е годы из России ежегодно уезжало по 100–150 тыс. человек. Сегодня эта цифра (кстати, не очень точная) опустилась до 55–65 тыс. Что катастрофично для НЧП и страны в целом.

Вместе с тем в 2009 году, например, профессиональная эмиграция в США составила 48 тыс. в Израиль – около 12 тысяч, в Австралию – 10 тыс., в Германию – 9 тыс. и в Канаду – 7 тыс. человек. Многие эти граждане являются выходцами из России. Россияне, например, создают более 28% всех технологических новинок в США¹.

Происходит это потому, что в этих странах абсолютный приоритет отдан созданию условий для привлечения научной иммиграции. Более того, в «Стратегии национальной безопасности США» от мая 2010 года Б.Обама объявил этот приоритет – важнейшим интересом национальной безопасности страны².

В России таких условий нет. И создавать их не спешат. Реальная политика такова, что ученый не может выжить и плодотворно работать в своей области. Он постоянно должен искать приработок.

Призывы к внедрению научных разработок в действительности безосновательны. По некоторым оценкам и опросам, только 1% ученых готовы заниматься внедрением.

Неясность внешнеполитической позиции или программы, внесение в нее неоправданных, а тем более радикальных корректив, как правило, отрицательно сказываются на внешней политике государств. Мировые лидеры и международная практика – весьма консервативны и с осторожностью относятся даже к самым благоприятным переменам во внешней политике других государств. Предсказуемость, пожалуй, самое ценное и востребованное качество во внешней политике любых государств. В этом смысле идеология, как фундамент для внешнеполитической программы, не просто обязательный, но и очень **прагматичный атрибут государства, гарантирующий от быстрых субъективных изменений во внешней политике**, т.е. требуемую предсказуемость.

¹ О.Ускова. Брейн-хантеры / Ведомости, 15 декабря 2010 г., с. 4.

² См.: National Security Strategy of the US / 10 May, 2010.

Следует понимать и то, что выбор цивилизационной модели и модели модернизации российской элитой во многом изначально **предопределен** исторической, культурной и духовной традиций нации, ее специфическими геополитическими, климатическими и иными условиями. Игнорировать их, а тем более навязывать некие «идеальные», абстрактные или западные модели бессмысленно,

Но попытки неолибералов доказать это продолжают. Временами даже усиливаются. Очередная волна подобных попыток проявилась в 2010 году. Типичный пример – интервью популярного телеведущего В.Познера, сделавшего весьма примечательное заявление: «Если оттолкнуть от таких определений, как демократия, качество жизни, уровень жизни, и распределить страны именно по этим показателям, то на первом месте будут именно протестантские страны, все. Потом католические. И лишь потом такие, как Россия, Греция, Болгария и т.д. И это совершенно не случайные вещи, потому что более темной и закрытой религией является православие»(!)¹. По существу этим заявлением В.Познер поставил под сомнение **всю российскую** систему ценностей, а также ее историю.

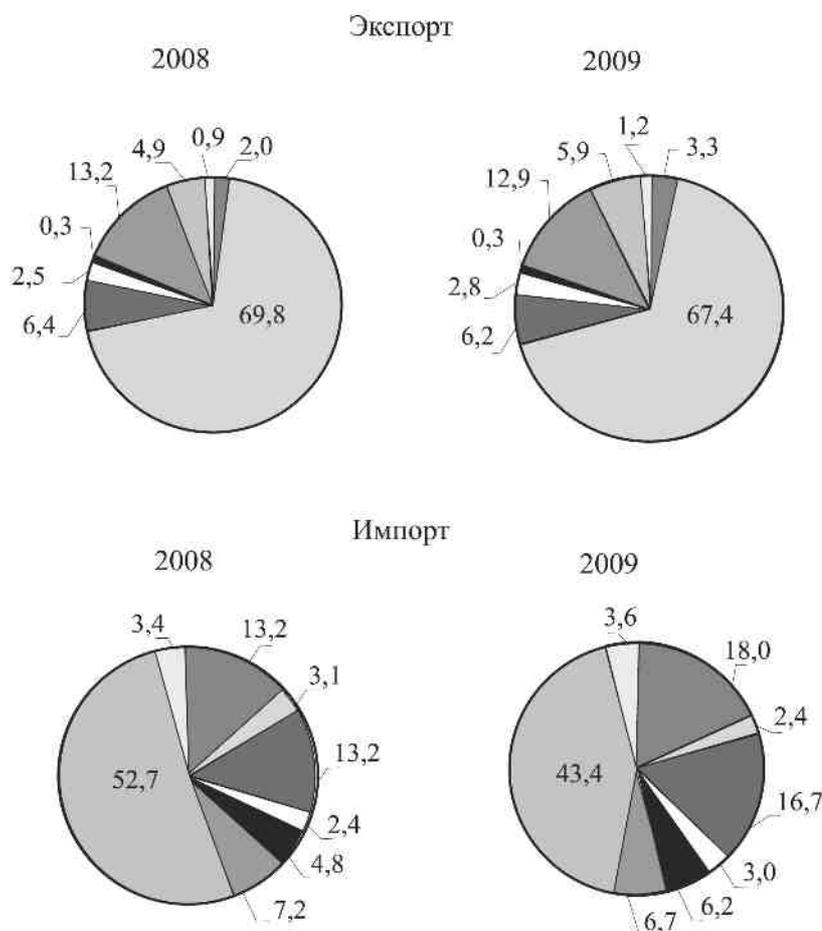
И российская элита эту реальность в своем большинстве сегодня достаточно хорошо это понимает (в отличие от начала 90-х годов), не зависимо от того, какой мировоззренческой или идеологической концепции она придерживается. Примером выделения такой российской специфики может быть ее обоснование профессором Г.Н.Смирновым (хотя существует множество и других обоснований и авторов, рассуждающих аналогичным образом)²:

Кроме того, нельзя отрицать и сложившуюся структуру российской экономики, в том числе и структуру ее экспорта/импорта, которые имеют не только отсталой, но и инерционный характер. Игнорировать эти реалии невозможно.

¹ В.Познер. «Православие – это тяжелая ноша для России». 22.07.2010 г. / <http://www.online812.ru/2010/07/22/021/>.

² Г.Н.Смирнов. Политический процесс, глобализация и Россия. Мир и политика. 2010 г., № 2 (41), с. 49.

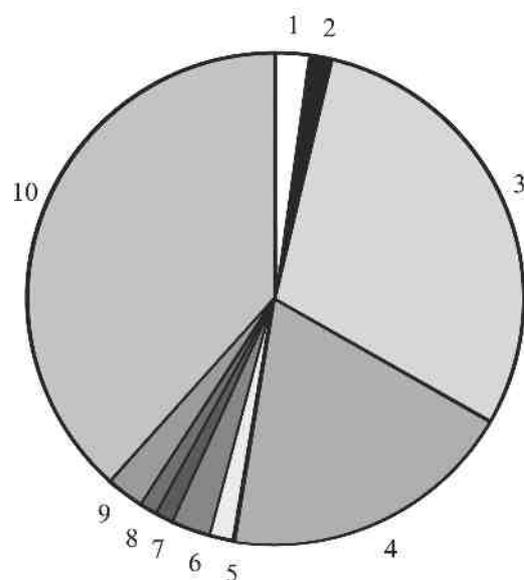
Товарная структура экспорта и импорта Российской Федерации (в процентах)

- Продовольственные товары и сельскохозяйственное сырье (кроме текстильного)
- Минеральные продукты
- Продукция химической промышленности, каучук
- Древесина и целлюлозно-бумажные изделия
- Текстиль, текстильные изделия и обувь (включая кожевенное сырье, пушнину и изделия из них)
- Металлы, драгоценные камни и изделия из них
- Машины, оборудование и транспортные средства
- Прочие товары

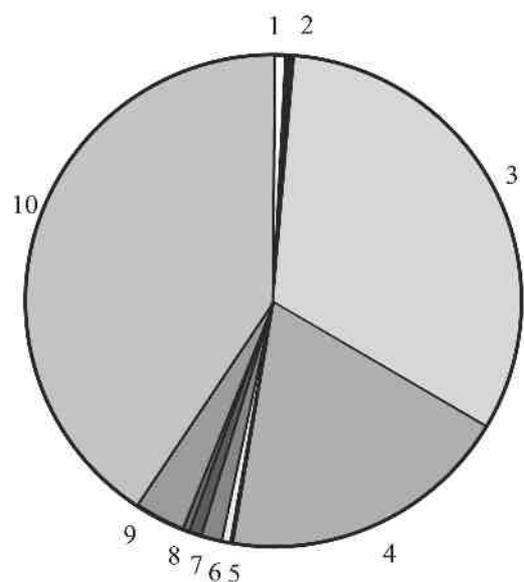
Россия в цифрах – 2010 г.
Copyright © Федеральная служба государственной статистики

**Структура экспорта России по странам СНГ
в январе-марте 2010 г., в %**

1. Азербайджан	2,2
2. Армения	1,3
3. Беларусь	29,9
4. Казахстан	19,1
5. Киргизия	1,8
6. Республика Молдова	2,6
7. Таджикистан	1,2
8. Туркмения	1,1
9. Узбекистан	2,5
10. Украина	38,3

**Структура импорта России по странам СНГ
в январе-марте 2010 г., в %**

1. Азербайджан	0,9
2. Армения	0,4
3. Беларусь	32,4
4. Казахстан	19,0
5. Киргизия	0,7
6. Республика Молдова	1,2
7. Таджикистан	0,9
8. Туркмения	0,2
9. Узбекистан	3,4
10. Украина	40,9

С точки зрения **национальной**, Россия – сложная этническая общность, в основе жизнеспособности которой лежит мощное мононациональное ядро великороссов, взаимодействующих на добровольной, равноправной основе с другими народами, которые выразили готовность жить в едином с этим славянским ядром государстве.

С точки зрения **исторической**, Россия – носитель славянского «культурно-исторического типа», законный наследник двухтысячелетней

цивилизации первохристианских апостольских общин, Киевской Руси, Московского царства, Российской империи, Советского Союза.

С точки зрения **геополитической**, Россия – стержень и главная опора европейского блока, противовес гегемонистским устремлениям США и атлантического большого пространства.

С точки зрения **экономической**, Россия – автономный хозяйственный организм, принципиально отличающийся по законам своей деятельности от западной модели «свободного рынка» и нуждающийся не в перестройке или шоковой терапии, но в эволюционном самобытном развитии, разработке собственной экономической модели.

С точки зрения **мировоззренчески-идеологической**, Россия – хранитель древней духовной традиции, фундаментальными ценностями которой являются соборность или коллективизм, державность или государственная самодостаточность и стремление к воплощению высших «небесных идеалов справедливости и братства в земной действительной». Отрицать этот факт, как это делает В.Познер, конечно, можно, но от этого объективная реальность не перестает быть объективной.

Вместе с тем, признавая эту специфику, российская элита не отрицает, а **признает общеевропейскую общность, которая, по ее мнению, не противопоставляет особенностей России**. Более того, национально-ориентированный вариант вполне совпадает с концепцией безопасности человека, которая является **частью НЧП** и, по мнению, большого числа экспертов включает в себя¹:

- экологическую безопасность;
- экономическую безопасность;
- социальную безопасность;
- политическую безопасность;
- культурную безопасность.

На последний элемент – культурную безопасность – хотел бы обратить особенное внимание, ведь концепция безопасности предполагает как низкий уровень риска, защищенность, так и влияние на

¹ *Л.М.Каница*. Индикаторы мирового развития. 2-е изд. М.: МГИМО(У), 2008 г., с. 197.

глобальную безопасность, а также на национальную безопасность, которые тесно взаимосвязаны.

В рамках этого доминирующего подхода есть свои частные и даже маргинальные взгляды, которые могут существенно отличаться. Таким образом следует признать, что в первом десятилетии XXI века Россия, ее элита, **не выработала окончательной позиции** в отношении своего пути развития, включая и такие принципиальные положения как, например, пути своей **модернизации**. Споры и дискуссии по этой теме вылились по сути дела в общенациональную дискуссию в 2010 году, носящую порой острый политический характер и проявившуюся в самых разных ипостасях – от споров относительно роли КПСС и истории СССР, до часто бытовых вопросов, которые «вдруг» всплыли в СМИ.

Модернизация, используя выражение известного отечественного социолога В.Ядова, – это наш «философский камень». Согласно генеральному замыслу, именно модернизация должна совершить долгожданный прорыв, который позволит: избавить страну от «унизительной сырьевой зависимости», диверсифицировать экономику, подтолкнуть общество к гражданской активности и предпринимательству, молодежь к образованию и саморазвитию, отечественную науку к новым открытиям, а промышленность к эффективности и инновациям. В строгом соответствии с расчетами теории «волнового цикла» Н.Кондратьева, мы через 10–12 лет должны вместе со всем развитым демократическим миром осуществить двойной скачок»: завершить в основном пятый цикл технологического развития («информационный») и начать шестой (экобиотехнологический). Ожидается, что такой значительный «формационный» сдвиг изменит в человеческой цивилизации практически все: тип общества, его социально-функциональную структуру и даже сам образ жизни человека¹.

Казалось бы, для проведения модернизации сегодня у государства есть все необходимые ресурсы: денежные, сырьевые, научные. Однако не нужно забывать, что осуществление модернизации – это не просто обновление «железок», но и одновременное проведение колоссальных сдвигов в социально-политической сфере. Опыт успешных стран

¹ Д.В.Мун. Современная Россия: риски, порождаемые «обществом риска» / Мир и политика, №6(45), 2010, с. 92–93.

свидетельствует: полноценные модернизации постиндустриальной эпохи основываются на свободе и достоинстве индивида, раскрепощении его творческих способностей, энергии и инициативы. **Поэтому в России модернизация экономическая невозможна без осуществления в первую очередь модернизации социальной.**

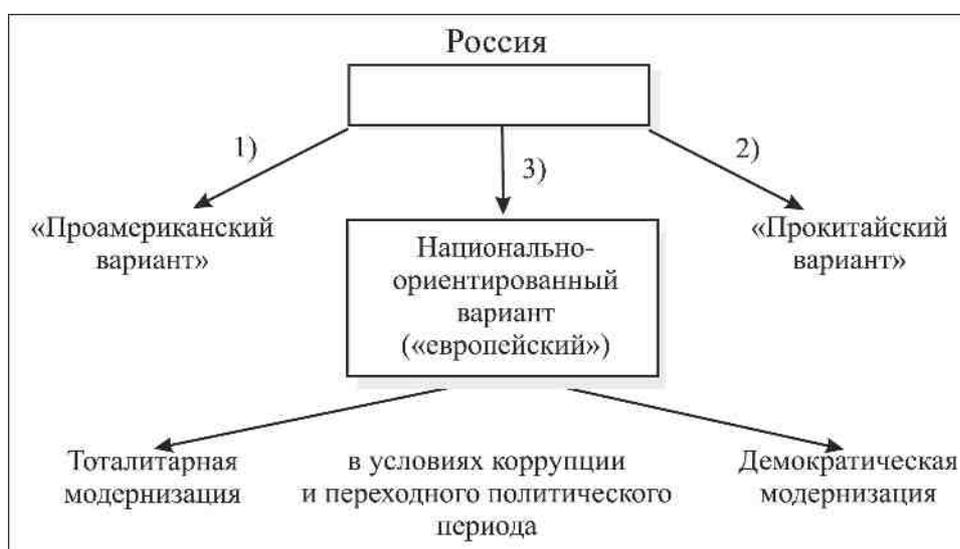
Надо признать, что этот процесс **самоидентификации и выбора сценария модернизации в России очевидно затянулся.** Еще в 2004 году я писал о том, что перед Российской элитой стоит выбор из трех вариантов модернизации: инерционного (продолжения политики до 2004 г), экстенсивно-ресурсного (попытку «удвоения» ВВП); интенсивно-технологического¹. В результате российская элита де-факто «выбрала» второй, экстенсивно-ресурсный вариант развития, которого придерживается вплоть до 2010 года, декларируя на словах необходимость перехода к инновационному сценарию развития. На самом же деле никакой выбор так и не состоялся, если под выбором понимать не выбор настроений в ту или иную пользу, а выбор решений и реальных действий. Проблема в том, что на самом деле никакого выбора нет. Просто элита этого еще не осознала. Как справедливо заметили Т.В.Добрынина и В.Л.Севостьянов, «в российском обществе (включая и представителей органов государственной власти) ещё не развилось понимание комплексности проблем перехода к инновационной экономике, в результате нет и системного подхода к решению этих проблем. Между тем проблемы вовсе не исчерпываются чисто технологическими и экономическими аспектами – по сути дела, **инновационная экономика основана на эффективном использовании «человеческого капитала»**, а это требует учета сложных социально-политических и социально-экономических процессов. Вот почему, в частности, невозможно слепо копировать даже наиболее успешный зарубежный опыт – специфика ситуации в России требует разработки, основанной на отечественных реалиях **национальной идеологии модернизации страны.** Именно идеологические регуляторы обеспечат адекватность принимаемых стратегических и тактических

¹ Ю.А.Булатов, М.А.Мунтян, А.И.Подберезкин. Современная Россия: на пути к удвоению ВВП. М.: Дипломатическая академия, 2005 г., с. 5.

управленческих решений базовым российским национальным интересам»¹.

Сегодня этот выбор выглядит следующим образом. Россия может выбрать условно «проамериканский вариант», «прокитайский» или национально-ориентированный вариант модернизации. Примечательно, что речь не идет об иных вариантах или моделях – «исламском», «сингапурском», либо каком-либо еще, хотя некоторые из них выглядят для части российской элиты вполне привлекательно².

У всех этих вариантов есть как свои сторонники, так и свои противники. И не только в российской элите. Так, бывший премьер-министр Югославии (2001–2002 гг.) М.Панич, выступая в конце апреля 2010 года в МГИМО(У) заявил: «России нужно углублять экономическое взаимодействие с соседями. Россия может вступить в Евросоюз, поскольку они заинтересованы друг в друге. Другим вариантом была бы тесная экономическая интеграция России и Китая»³. В любом случае у России сохраняется многовариантность развития и выбора модели модернизации. Как цивилизационный выбор. Графически это выглядит следующим образом.

¹ Т.В.Добрынина и В.Л.Севостьянов. Идеологические регуляторы формирования национальной инновационной системы. Мир и политика, 2010 г. № 4 (43), с. 50.

² См., например, удивительно привлекательный пример, описанный в книге Ли Куан Ю «Сингапурская история: 1965–2000 гг. Из третьего мира – в первый. М.: МГИМО(У), 2010 г., с. 657.

³ М.Панич. Выступление в МГИМО(У) 29 апреля 2010 г. / http://mgimo.ru/new/international_contacts/151527

Очень важное обстоятельство заключается в общественной поддержке того или иного варианта модернизации. Эта поддержка – не только огромный политический ресурс, не учитывать который элита не имеет право, – но и **огромный ресурс самой модернизации**. Как показывают исследования, национально-гражданская идентичность не только стабильно достаточно устойчива, но и является **катализатором** экономического развития, потому служит взаимному доверию и сотрудничеству, содействует мотивации и экономической активности¹.

**Гражданская идентичность на региональном уровне
по данным Проекта «Будущее России», в %**

Воронежская, Свердловская, Томская области, Республика Саха (Якутия)	Новгородская и Саратовская области	Калининградская область, Приморский край, Республика Бурятия	Чеченская республика
90–95	82	66–77	25–40

Данные по Чеченской республике – ИЭА РАН.

При этом следует понимать, что выбор первого или второго варианта предполагает существенную потерю суверенитета, а, в конечном счете, и национальной идентичности, что в условиях глобализации вероятно приведет к размыванию и исчезновению нации. Также важно понимать, что первой вариант модернизации предполагает ее осуществление теми способами, которые свойственны для США и Китая, условно-демократическими способами и инструментами, а второй – тоталитарными.

¹ Л.М.Дробижьева. Динамика национально-гражданской идентичности. Мир и политика, 2010 г., № 4 (43), с. 64–65

Если же попытаться проанализировать, какая часть российской элиты поддерживает тот или иной вариант, то окажется, что сторонников первого или второго варианта в России явное меньшинство. Даже сторонники КПРФ, которые любят ставить в пример КНР, по любому поводу, имеют в виду, что контроль КПК и государства в переходный период доказал свои очевидные преимущества, но отнюдь не склонны во всем, тем более в политике, следовать по китайскому фарватеру.

Другое дело, что на европейский выбор неизбежно будут оказывать влияния азиатские реалии – исторические, экономические, политические – России. Так, участие в Шанхайской организации сотрудничества не может не сказаться положительно на всей модели модернизации¹.

Территория ШОС, включая страны-наблюдатели, занимает более 60% Евразийского континента. В регионе проживают свыше 2,8 млрд. человек, сосредоточено около 45% мирового рынка

Страна	площадь (млн. кв. км)	население (млн. чел.)	рост/спад ВВП (%, 2009 г.)		ВВП на душу населения (тысяч \$ США, 2009 г.)
Казахстан	2,72	15,6		1,2	7,0
Киргизия	0,20	5,4		2,3	0,9
Китай	9,60	1 334,7		8,7	3,7
Россия	17,08	141,4	– 7,9		8,7
Таджикистан	0,14	6,5		3,4	0,8
Узбекистан	0,45	27,9		8,1	1,2
Индия	3,29	1 199,1		5,7	1,0
Иран	1,65	74,1		1,8	4,5
Монголия	1,56	2,7	– 1,6		1,6
Пакистан	0,80	163,8		2,0	1,0
Белоруссия	0,20	9,5	0,2	5,2	
Шри-Ланка	0,07	20,2		3,5	2,0

Значительно больше сторонников у второго, проамериканского варианта, но и они, даже среди неолибералов находятся в явном меньшинстве. Прежняя идеализация американской модели ушла далеко в прошлое.

¹ Д.Поляк. ШОС готова к расширению. ВВП, 2010, № 7 (57), с. 89.

В этой связи принципиальное значение приобретает субъективный фактор – адекватность восприятия элитой интересов (потребностей) нации. В данном случае объективной потребности модернизации. Уместно, применительно к внешней политике, повторить общую схему, сформулированную профессором МГИМО(У) М.А.Хрустальевым¹:

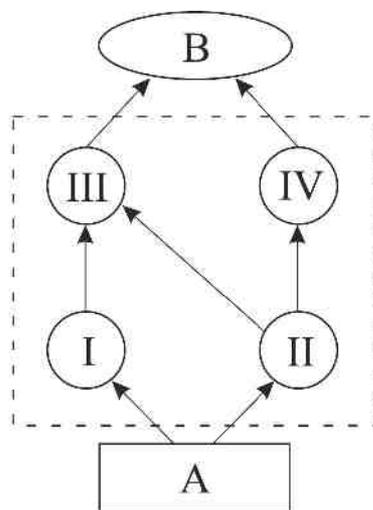

Рис. 1. Внешнеполитическая программа и ее составляющие:

- А – субъект международных отношений (государство);
- В – внешнеполитический курс;
- - - внешнеполитическая программа;
- I – интересы;
- II – ресурсы;
- III – цели;
- IV – образ действий

Исходным мотивом любой жизнедеятельности является **потребность**, однако, в отличие от животных, человек осознает свои потребности и **в известных пределах может регулировать их удовлетворение**. Соответственно, осознанная потребность выступает как **интерес**. Иначе говоря:

интерес = потребность + осознание

Интерес, таким образом, имеет дуалистическую природу: объективную в виде **потребности** и субъективную в виде ее **осознания**. Поскольку когнитивные возможности сознания всегда ограничены

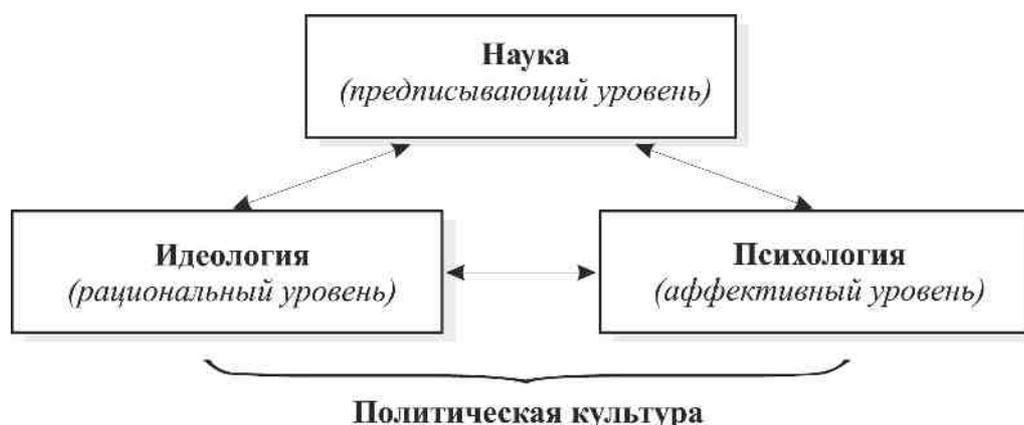
¹ М.А.Хрустальев. Структура внешнеполитического курса государства, с. 127. В кн.: Современная мировая политика: Прикладной анализ / Отв. ред. А.Д.Богатуров. М.: Аспект-Пресс, 2009 с. 122–124.

(невозможность познания абсолютной истины), то в процессе осознания всегда в большей или меньшей мере возникают **различного рода ошибки и недостатки**.

Принципиальное несовершенство осознания в наибольшей степени сказывается тем сильнее, чем дальше социальные потребности удаляются от биологически детерминированных (материальных потребностей индивида). Соответственно, возрастает значимость их адекватного осознания. Потребность населения страны в продуктах питания, воде, энергии и т.п. осознается автоматически, а внешнеполитические потребности в принципе требуют немалых интеллектуальных усилий для своего осознания. Исключение тут, как правило, составляет потребность защиты от сильного и агрессивного врага.

В этой связи нельзя не остановиться на самом политическом сознании, хотя бы в самой общей форме. Оно имеет трехчленную композицию: **психология – идеология – наука**.

Два первых компонента обычно объединяются в понятие «политическая культура». Научная корректность такого объединения вызывает серьезные сомнения, как в силу самого термина «культура», который предельно многозначен, так и принципиального различия этих двух типов сознания. Что касается науки, то ее включение в политическое сознание – явление относительно недавнего времени, и далеко не везде это уже произошло. Пока это удел великих держав и крупных государств.

Хотя роль науки непрерывно возрастает, что находит свое выражение в развитии все более плотной системы научно-исследовательских институтов и центров, тем не менее особую значимость продолжает сохранять идеология. В этом нет ничего

удивительного, так как именно **идеология формулирует тот политический идеал** (в данном случае идеальное состояние СМО), **достижение которого становится самоцелью (самоценностью)**. Следует заметить, что политический идеал есть синтез соответствующих (имеющих отношение к любой рассматриваемой сфере) **ценностей, то есть он всегда аксиологичен**¹.

Американские исследователи, сделавшие подробный анализ российской инновационной экосистемы, отмечают следующие ее основные элементы:²

Кадровый потенциал

Наличие адекватной потребностям экономики кадровой основы в лице подготовленных и творчески настроенных учёных и инженеров, а также ориентированных на создание новых предприятий предпринимателей и финансистов является ключевым фактором успеха. Нынешняя институциональная база российской науки и технологии отражает наследие системы, построенной Советским Союзом. Организации, ответственные за стимулирование и развитие научно-технической мысли в советское время, подразделялись на четыре основные категории:

– **Российская академия наук**. На самом верхнем уровне находились научно-исследовательские институты РАН, на долю которых приходилось порядка двух третей фундаментальных научных исследований. Академия наук существует с досоветских времен и является продуктом модернизации, проведённой еще Петром I. В 1990 году АН СССР насчитывала 535 институтов. В постсоветский период эти институты серьезно пострадали ввиду недофинансирования и стали сворачивать свою деятельность. Наиболее пострадал биологический сектор, в меньшей степени – физико-математический.

– **Высшая школа**. Вторая группа состояла из вузов, отвечавших за подготовку учёных, инженеров и исследователей. Университеты занимались не столько фундаментальными исследованиями, сколько исследованиями по договорам с предприятиями и институтами. На

¹ См. подробнее: М.А.Хрусталева.

² Ярославский план 10-15-20: 10 лет пути, 15 шагов, 20 предостережений. Доклад нью-йоркской академии наук / The New York Academy of Science, August 20, 2010. p. 94–95.

начало 1992 года в стране насчитывалось 450 вузов, занимавшихся научными исследованиями на договорной основе. Они также пережили катастрофический упадок в связи с недофинансированием постсоветского периода.

– **Отраслевые и ведомственные научно-исследовательские институты (НИИ).** Эти институты были важным элементом развития производства в рамках плановой экономики. Все предприятия, находившиеся в ведении того или иного министерства, получали свои технологии от принадлежавшего данному министерству НИИ; разработки собственных КБ передавались в НИИ для доработки и распространения в отрасли (коммерциализации в современном понимании). В 1990 году на долю отраслевых НИИ приходилось 75% всех прикладных исследований, 88% конструкторских исследований и 78% всех научных исследований за этот год. Большая часть этих институтов либо прекратила своё существование, либо перешла на бизнес по сдаче в аренду своих площадей. Некоторые вошли в состав крупных корпораций.

– **Научно-исследовательские институты и опытно-конструкторские бюро предприятий.** Эти институты были связаны с конкретными промышленными предприятиями и отвечали за адаптацию разработанных отраслевыми НИИ технологий к условиям данного завода, фабрики или объединения. Большая часть из них исчезла полностью, однако некоторые из них в ходе реформ превратились в коммерчески успешные проектные организации, особенно в нефтегазовом и металлургическом секторах.

Стоит заметить, что, хотя в других государствах с развитой экономикой центрами научно-исследовательских разработок являются преимущественно университеты, в России центрами фундаментальных исследований исторически были институты Российской академии наук. **Университеты были высшими учебными заведениями, но не исследовательскими центрами.** Только наиболее передовые университеты и институты, среди которых Московский государственный университет, Московский физико-технический институт, Московский инженерно-физический институт, Московский государственный технический университет имени Н.Э.Баумана, Новосибирский государственный университет, Ленинградский государственный

университет и некоторые другие, были интегрированы с научно-исследовательскими институтами АН СССР для проведения фундаментальных исследований с участием студентов старших курсов.

2.4.4. Национально-ориентированный вариант модернизации

«... нельзя, как в 1990-х годах, свести дело к изучению одной только либерализации и демократизации как инструмента модернизации – причем на базе зарубежных теорий. Сегодня «нерв» исследований модернизации – вопрос о формировании в незападных ареалах мира (от Северной Африки до Восточной Азии) собственных жизнеспособных моделей государственного устройства»¹.

Ан.Торкунов
ректор МГИМО(У)

«... рынок инноваций – особый рынок ... «закрытый клуб», «входным билетом» в этот клуб служит наличие собственных (подч. *А.П.*) инноваций, деньги здесь вторичны»².

В.Ивантер

Как уже говорилось, развитию национального человеческого капитала в наибольшей степени соответствует национально-ориентированный цивилизационный выбор и модель модернизации. Прежде всего почему, что такой выбор позволяет России использовать **ее исторические конкурентные преимущества**: культуру, духовность, историю, творческие способности и волю нации по защите своего государства, а также специфические реалии – геополитическое положение в мире и обладание природными ресурсами.

Эти критерии сегодня пока что не входят в ИРЧП и в ИРНП, но это только пока: развитие человечества в XXI веке неизбежно приведет к тому, что культурные и духовные, психологические и другие национальные особенности будут стремительно превращаться в факторы развития. Более того, на мой взгляд, в ближайшем будущем они и станут ведущими факторами развития.

Условия для модернизации, а не «конкретные проекты», которые спешат сегодня реализовать.

Такой подход, на мой взгляд, ошибочен. Невозможно **конкретными проектами мотивировать инновационное развитие**, если в стране не соблюдается закон, разворовывается бюджет, процветает монополизм, душит коррупция, преобладает выпуск нелегальной продукции, рушится крупнейшая в стране ГЭС, взрываются поезда, десятками тысяч гибнут люди в дорожно-транспортных происшествиях, от паленой водки и

¹ *Ан.Торкунов*. Фундаментальность в общественных науках / Независимая газета, 07.12.2007.

² *В.Ивантер*. Мы равны самим себе. Эксперт, 2010 г., № 29, с. 38.

пожаров. Иными словами, невозможно отдельными проектами перевести страну на инновационный путь развития, если государство неэффективно.

Попытки «заниматься конкретикой» без создания оптимальных условий для эффективного функционирования государства характеризуют нежелание власти перестраивать институты. Так оно проще: не надо много знать, и не столь велика ответственность. Однако сейчас требуется не «подстраивать институты», но кардинально менять принципы и структуру отношения к развитию НЧП.

Невозможно, например, не создав условий для привлечения профессиональной иммиграции (даже, наоборот, сделав все, для того, чтобы таланты уезжали), ликвидировать страшный дисбаланс в этой области: ежегодно из России уезжает до 100000 человек, в то время как в страны, создавшие такие условия (США, Израиль, Австралия и др.), – приезжают десятки и сотни тысяч.

Невозможно, не создав условий для развития ИКТ в России, стать информационным обществом. Как справедливо описывает эту ситуацию эксперт А.Лукиянов, «...российские компании и общество в целом не используют ИТ как инструмент достижения конкурентных преимуществ, как средство пресловутой модернизации, культурной трансформации...»¹.

Те скромные попытки внедрения ИТ с помощью государства (например, в школы) не могут называться системными. Они могут претендовать на внимание лидеров, популяризирующих эти способы, но **не становятся системой** информатизации экономики и общества. В лучшем случае – некоторых институтов государства.

Подлинные инновации начинаются с **прочищения умов** (с изменения состояния сознания, прежде всего, элиты), обретения воли и веры, а также наведения элементарного порядка в системе государственного управления с помощью инструментов прозрачности.

С чего начать создание инноваций в экономики? Сурков считает, что «начинать надо с создания спроса, с заказа». Но как его обеспечить, если в России до сих пор по настоящему не работает рыночная экономика?

¹ А.Лукиянов. Сектор упущенных возможностей / Ведомости, 15 декабря 2010 г., с. 12.

Скорее, надо начать с создания **условий для функционирования эффективного государства.**

Именно оно обеспечивает работу закона, запускающего рыночный механизм, при котором инновационная деятельность становится выгодной. Законность обеспечивает свободное развитие бизнеса, защиту частной собственности, а главное – это равенство прав конкуренции. Чтобы выжить в условиях конкуренции, бизнес вынужден наращивать производительность труда с помощью инноваций и новых технологий. Пока в современной России нет конкурентной борьбы, выживание на рынке достигается за счет коррупционных связей, теневых отношений и монополизации¹.

Наконец, есть и сугубо прагматическое соображение, которое странным образом мало учитывается нашей элитой. Идея купить технологии и новейшее оборудование отнюдь не нова. То же самое пытался делать М.С.Горбачев в 80-ые годы. Закончилось это огромными долгами и массой неустановленного и незапущенного оборудования. Не факт, что такого, которое было нужно. Не факт, что самого современного. Не факт, что самого нужного. Рынок наукоемкой продукции отличается от всех рынков (кроме рынка оружия) способностью государства жестко его контролировать. Как справедливо заметил В.Ивантер, «...деньги здесь вторичны. Допущенные к рынку инноваций могут и обмениваться технологиями, и покупать новые. Мы, безусловно, входим в этот клуб по космосу, ядерной энергетике, ряду военных направлений. Но там, где мы не располагаем результатами мирового уровня, рынок для нас закрыт. История с «Опелем» – великолепная тому иллюстрация. Это же подтверждает и опыт развития Китая.

Экономически оправданный масштабный спрос на отечественные инновации возникнет через восстановление гражданского авиапрома, судостроения, энерго- и сельхозмашиностроения, медицины и т.д. Это, так сказать, рутинные процессы инновационного развития. Но ведь хочется и чего-нибудь необычного»².

¹ *А.Н.Аринин*. Модернизация России – необходимость эффективного развития Дальнего Востока / Мир и политика, № 6 (45), июнь 2010 г., с. 64.

² *В.Ивантер*. Мы равны самим себе. Эксперт, 2010 г., № 29, с. 39.

Абсолютное большинство российской элиты является сторонниками третьего варианта модернизации и развития, **который условно ассоциируется с «европейской» моделью**. Естественно, с российской спецификой, которая отражает геополитические, исторические и прочие реалии. Этот выбор объясняется прежде всего идентификаций российской элиты с историей и культурой Европы, которая рассматриваются как неотъемлемая часть российской культуры и истории, а та, в свою очередь, как предмет национальной гордости. Любопытен в этой связи результат социологического опроса, проведенного в 2009 году¹. Так, на вопрос: **Если Вы гордитесь Россией, чем это обусловлено?** (Сумма ответов не равна 100%, так как по методике опроса можно было выбрать несколько вариантов. Данные приведены от количества респондентов испытывающих чувство гордости), россияне ответили следующим образом:

В целом историческим прошлым России	77,6
Достижениями в области литературы и искусства	57,2
Большой территорией и богатством природных ресурсов	42,1
Красотой природы	40,1
Научными и техническими достижениями	38,8
Духовностью российского народа	36,2
Достижениями в спорте	16,4
Образованностью российского народа	15,1
Обороноспособностью страны	11,8
Политическим влиянием России в мировом сообществе стран	9,9
Другое	1,3

Примечательно, что среди результатов соцопросов обращает на себя внимание опрос о роли государственных деятелей России, где наивысшие баллы получили те личности, которые так или иначе связываются с борьбой за суверенитет России, сохранение её государственности².

¹ Материалы Комиссии при Президенте Российской Федерации по противодействию попыткам фальсификации истории в ущерб интересам России. М.: Кремль, 19 января 2010 г., с. 4.

² Материалы Комиссии при Президенте Российской Федерации по противодействию попыткам фальсификации истории в ущерб интересам России. М.:

Национально-ориентированный вариант модернизации предпочтителен и с социальной точки зрения. «В целом, – как отмечается в отчете РАН за 2009 год, – у российского населения преобладают пессимистические настроения по поводу развития взаимопонимания и сотрудничества между «простыми людьми» и теми, у кого «много власти». Практически половина опрошенных россиян – 48,6% – полагают, что сегодня в России это невозможно. Треть опрошенных (32,6%) считают, что оно «в чем-то возможно, в чем-то нет». Оптимистически настроенных людей оказалось не более 15%. Социальная база для формирования гражданского сознания в целом в России невелика, но она уже формируется – это молодежь от 15 до 24 лет, у которой отсутствует личный опыт жизни в авторитарном советском обществе»¹.

Кроме того, этот вариант совпадает по своему идеологическому вектору с мнением и авторитетом не только православной церкви (РПЦ), но и других основных российских религий и конфессий. Возможен новый социальный конфликт, связанный с тем, что кто-то будет жить в «модернизированном» обществе, а кто-то – в архаическом.

«Дело в том, что модернизация – можно честно сказать, догоняющая модернизация, тип реформ, которые Россия в своей истории уже не раз переживала, – не может не вести к глубокому социальному расслоению. Разделение общества на современное и архаичное – это, к сожалению, для России данность. Явление, которое воспроизводится на каждом этапе догоняющей модернизации.

Счастье момента в том, что мы больше не должны модернизироваться за счет этих отстающих. Наоборот, прогресс предполагает общий рост уровня жизни. А чтобы при этом не было социальных конфликтов – это утопия. Отраднее то, что отсталые, но сытые вряд ли устроят бунт против существующего порядка вещей»².

Наконец, никто из-за рубежа не будет вкладывать инвестиции в человеческий капитал России, т.е. фактически в ее модернизацию. Сегодня эта доля составляет несколько процентов от всего объема

Кремль, 19 января 2010 г., с. 3

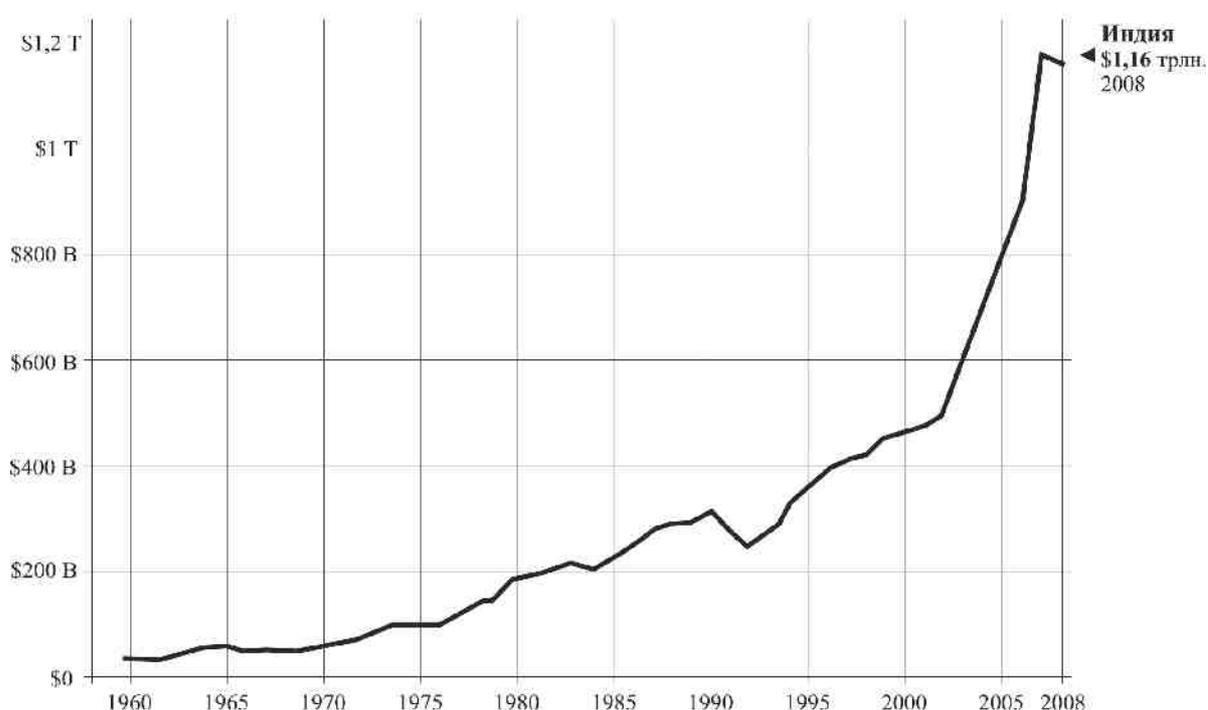
¹ Отчет о научной и научно-организационной деятельности научных учреждений за 2009 г. РАН, 2010 г., с. 13.

² А.Перла. Новый социальный конфликт. ВВП, 2010 г. № 7 (57), с. 168.

иностранных инвестиций. Между тем, здравоохранение, например, – самая перспективная область для инноваций, а, кроме того, дает большой социальный эффект. Усилия последних лет привели к тому, что в первом квартале 2010 года рождаемость в стране увеличилась на 1,3%, а смертность сократилась на 2,4%.

Эти выводы подтверждает и успешный опыт модернизации Индии, которая за последние 20 лет сделала стремительный рывок в своем развитии. При этом внешние инвестиции выросли примерно в 3 раза, а ВВП – более чем в 30 раз¹.

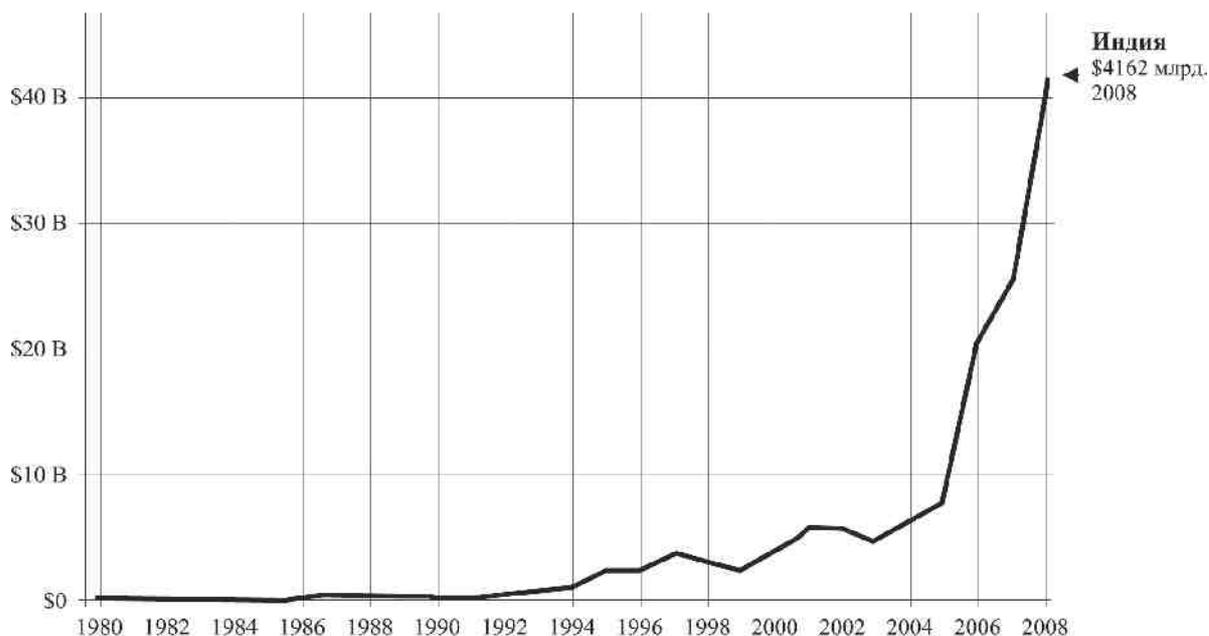
Прямые иностранные инвестиции в Индию
(платёжный баланс в долларах США)

Источник: Всемирный банк, показатели мирового развития (по состоянию на 15 июня 2010 года).

¹ Ярославский план 10–15–20: 10 лет пути, 15 шагов, 20 предостережений. Доклад нью-йоркской академии наук / The New York Academy of Science, August 20, 2010. p. 61.

Валовой внутренний продукт Индии
(в долларах США по нынешнему курсу без поправки на инфляцию)

Источник: Всемирный банк, показатели мирового развития (по состоянию на 15 июня 2010 года).

Как Вы оцениваете роль следующих государственных деятелей и военачальников в судьбе России?

	В основном положительная	Незначительная	В основном отрицательная	Затруднились ответить
Александр Невский	90,0	3,5	1,0	5,5
Дмитрий Донской	84,0	8,0	0,5	7,5
Иван Грозный	45,0	6,0	31,0	18,0
Петр I	90,5	1,5	3,5	4,5
Екатерина II	76,5	13,5	4,0	6,0
А.Суворов	93,0	5,5	–	1,5
Николай II	24,0	28,5	36,5	11,0
В.Ленин	36,0	5,0	42,5	16,5
И.Сталин	42,0	3,0	39,0	16,0
Г.Жуков	84,5	7,0	2,0	6,5
Н.Хрущев	37,5	29,5	18,5	14,5
Л.Брежнев	21,0	40,5	25,0	13,5
М.Горбачев	25,5	14,5	48,0	12,0
Б.Ельцин	24,0	11,5	52,0	12,5

В.Путин	63,5	13,5	7,0	16,0
---------	------	------	-----	------

Национальная европейская специфика России имеет очень важную особенность – **историческую память многих поколений о нашествии с Запада**. Не случайно в числе величайших деятелей России под номером 1 был назван в 2009 году А.Невский, вся деятельность которого – как государственного деятеля, полководца, дипломата и сторонника православия – была связана с отражением агрессии Запада на Восток. Подчеркну – не одного или двух нападений, а **движения** Запада на Восток. Как пишут сегодня российские историки, «... каковы бы были (оценки и данные о сражении), политическое, морально-психологическое и дипломатическое значение победы не может быть поставлено под сомнение – в 1242 г. русские отстояли свою независимость и свои территории перед лицом агрессии с Запада, или, если воспользоваться словами современника Александра Невского, захватчикам не удалось ... «подчинить славянский народ себе»¹.

Огромная популярность А.Невского в России может быть понята только тогда, когда примут восприятие этого политика как человека, отстоявшего национальную идентичность, государство и православие от агрессии Запада.

В этом же контексте следует рассматривать и другой исторический опыт России – нашествие армий Наполеона в 1812 году, объединившего под своими знаменами практически всю Европу в агрессии против России.

В XX веке нападение Германии на СССР также может рассматриваться как нападение «большой» Европы, ведь в войсках рейха, напавших на СССР в июне 1941 года, были румынские, венгерские, болгарские, австрийские, испанские и пр. дивизии.

Сложнее с выбором российской элиты между тоталитарной и демократической формой модернизации и развития. Российский и мировой опыт нередко свидетельствуют в пользу тоталитарной формы политического правления в переходный период, даже в пользу

¹ *Ан.Торкунов*. Александр Невский и российская дипломатия. В кн.: Исторические ориентиры российской государственности. Александр Невский: материалы общественно-научной конференции. М.: МГИМО(У), 2008 г., с. 15.

диктатуры. Примечательно, что такой позиции сегодня придерживаются не только убежденные государственники, но и многие либералы, которые полагают, что только диктатура сможет справиться с тотальной коррупцией и всевластием чиновников.

Важно однако, что как тоталитарный метод модернизации, так и демократический **не ставят под сомнение ни европейскую идентичность России, ни необходимость самого широкого сотрудничества со странами Евросоюза, ни необходимость находиться в единой системе безопасности.** Во всяком случае до тех пор, пока в Европе с пониманием относятся к интересам безопасности России. Даже в период осетино-грузинского конфликта, когда критика России со стороны Запада резко усилилась, в России не появилось сторонников иной точки зрения, хотя позиция НАТО добавила трезвости и адекватности восприятия реалий российской элите.

Таким образом для абсолютного большинства российской элиты и общества более предпочтителен третий выбор, тем более, что он означает по сути дела **сохранение традиции европейского выбора России,** естественно, с присущей ей культурной, исторической и прочей спецификой, которую (специфику) не следует слишком преувеличивать.

При этом очень важное значение приобретает роль государства, системное и долгосрочное управление модернизаций **из единого центра.** С этим выводом согласны американские специалисты, которые перечисляя органы, «направляющие инновационную политику» России, делают справедливый вывод: «На первый взгляд в обязанности этих министерств входят все аспекты распространения инноваций в России. Однако **на практике за инновационную экосистему в целом, равно как и за внедрение новых технологий в общественных учреждениях и государственных компаниях, никто персональной ответственности не несет.**

В результате практические действия, осуществляемые этими и другими министерствами и ведомствами, мало содействуют инновационному развитию. Так, действующее налоговое законодательство РФ ориентировано на интересы добывающих отраслей с высокими капитальными затратами и сравнительно небольшой долей затрат на выплату заработной платы. В России персональные доходы

облагаются очень низким налогом, уплачиваемым по плоской шкале, однако при этом предприятию на каждого сотрудника необходимо платить значительные социальные и пенсионные отчисления. **В результате отрасли, полагающиеся преимущественно на умственную деятельность своих сотрудников, например отрасль ИКТ, вынуждены платить очень высокие налоги»¹.**

Вопрос в том, что такое модернизация и как она вписывается **в более общую мировоззренческую картину, планы нации, наконец, стратегию ее развития?** Все это, в конечном счете, объединено понятием «идеология» Примечательно, что даже частные (военные, социально-экономические, финансовые, инвестиционные и др.) стратегии являются в конечном счете **производными** от идеологии. Это хорошо видно как на примере политической Стратегии национальной безопасности США (в которой отдельная часть документа посвящена американским ценностям)², так и Национальной военной стратегии, где, в частности, оценка обстановки в мире начинается с констатации того, что она будет в обозримом будущем «определяться глобальной борьбой с экстремистской идеологией»³.

К сожалению, ответов на большинство этих вопросов нет. Как справедливо отмечает главный редактор журнала «Мир и политика» Э.А.Галумов, «Сейчас мы говорим о модернизации страны, о радикальном преобразовании российской экономики – и ситуация повторяется: большинство населения просто не понимает, в чём суть-то? И вместо «президентских факторов» в человеческих головах либо гулко гудит пустота, либо рождаются какие-то отвлечённые картинки ...

На этом фоне с ностальгией вспоминаются советские пятилетки. У каждого их года был свой лозунг: первый – определяющий, второй – направляющий, третий – решающий ...

С высоты российского демократического опыта всё это кажется наивным. С другой стороны, в том далёком теперь прошлом каждый худо-бедно представлял свою собственную перспективу и перспективу

¹ Ярославский план 10–15–20: 10 лет пути, 15 шагов, 20 предостережений. Доклад нью-йоркской академии наук / The New York Academy of Science, August 20, 2010. p. 98.

² National Security Strategy, Wash. May 2010, p. 35–40.

³ National Defense Strategy, Wash. June 2010, p. 2.

страны. Существовал рациональный посыл: руководство государства демонстрировало народу рубежи, к которым он должен был прийти; «генеральные цели» чётко разбивались на «подцели», контролировавшие общее направление движения ... Да, не все задачи были реально достижимы, некоторые – типа «всемирной победы коммунизма» – большинством населения признавались просто иллюзорными. Тем не менее, «вектор развития» определялся довольно точно, что и делало каждый маневр, как минимум, исполнимым.

Какая цель у России сегодня? Какое общество мы хотим построить?

Может быть есть смысл для начала нарисовать, описать самыми простыми словами, чего же мы добиваемся ... А ведь было бы совсем неплохо организовать всероссийскую дискуссию на эту тему. Да и на другие тоже. Например – каким мы хотим видеть свой город? Свой дом? Свою семью? Какого гражданина должно воспитывать наше общество?¹.

К концу первого десятилетия в России сложились условия для превращения идей развития государства и общества в новую идеологию, т.е. систему взглядов, которую условно можно назвать «социально-консервативной» идеологией. Эта внешне теоретическая задача имеет огромное значение для современной России: наступило время, когда решение совершенно конкретных практических задач развития государства, экономики и общества становится абсолютно невозможным без ясного определения приоритетов и целей развития, методов их достижения, национальной самоидентификации в глобальном мире, т.е. без решения идеологических задач. Конечно же, существуют и более «простые» объяснения. Как, например, у Д.Фурмана, полагающего, что «При Путине общество как бы отдохнуло после смуты в родной атмосфере авторитарной власти. Но когда оно отдохнуло, ему начинает хотеться «чего-нибудь прогрессивного», а привычное начинает ощущаться как «застойное». Время начинает работать на лозунги типа «модернизация» и людей, их воплощающих. «Модернизация» – мобилизующее, оптимистическое слово. Оно должно дать обществу ощущение перспективы, веру в свои силы и надежду на будущее. В теперешнем контексте лозунг модернизации может сыграть положительную роль и помочь нам сдвинуться с мертвой точки, в

¹ Кирпичики модернизации / Мир и политика, № 6 (45), 2010 г., с. 7, 8, 9.

которую мы попали в путинское время, когда впереди виделось в самом лучшем случае лишь то, что уже было в прошлом»².

Другими словами каждый вкладывает в термин «модернизация» свой смысл. Которые, в свою очередь, могут быть совмещены только в рамках общей системы взглядов, доминирующей в обществе идеологии. В данном случае идеологии социального консерватизма.

² Д.Фурман. Последняя модернизация / Независимая газета, 25 августа, 2010 г., с. 5.

2.4.5. Русский социализм как сценарий модернизации и идеология национальной безопасности

«В условиях глобализации процессов мирового развития... Россия в качестве гаранта благополучного национального развития переходит к новой государственной политике в области национальной безопасности»¹.

Стратегия национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года

«Внешняя политика должна выражаться не только в ракетах, но и в конкретных и понятных нашим гражданам достижениях...»².

Примечательно, что политика России в области безопасности, в частности, ее внешняя политика, ставит знак равенства между понятиями «государственная безопасность» и «национальная безопасность». Даже, как видно из цитаты, в основополагающем нормативном документе. Между тем очень важно понимать разницу, имеющую принципиальное значение. В том числе и для понимания сути внешней политики России в области международной безопасности и ее значения в модернизации страны. Это непонимание – **прямое следствие** отсутствия у правящей российской элиты идеологии, в том числе идеологии развития и модернизации. Включая, естественно, и важнейшие аспекты международной безопасности.

Если для государственной безопасности, как говорит Д.Медведев, важны ракеты, то для национальной безопасности – люди, точнее – национальный человеческий капитал. Если для государственной безопасности основной объект воздействия – внешняя политика, то для национальной – гуманитарные области. Не случайно в своем Послании от 2010 года Д.Медведев акцентировал свое внимание в соглашении с Евросоюзом «Партнерство для модернизации» именно на трех гуманитарных аспектах: сотрудничество в области технологий, гармонизации норм и регламентов, упрощение визового режима и расширении профессиональных и академических обликов.

¹ Стратегия национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года. Утверждена Указом Президента Российской Федерации от 12 мая 2009 г. № 537 / <http://www.kremlin.ru>.

² Д.Медведев. Послание Президента Федеральному Собранию. 30 ноября 2010 г. / <http://www.kremlin.ru>.

Здесь видна явная взаимосвязь между концепцией национальной безопасности и концепции внешней политики России, с одной стороны, и идеологии, с другой. Гуманитарные области сотрудничества и модернизации становятся в XXI веке не просто основными сферами международного сотрудничества, но и прямо вытекают из идеологии правящей элиты. Прежде всего видения ею приоритетов такого сотрудничества, его форм, а, главное, готовности идти до определенного предела в таком сотрудничестве.

Этот предел, в свою очередь имеет важнейшее значение, что проявилось уже в 70-ые годы XX века, когда гуманитарная область (так называемая «третья корзина») на Совещании по безопасности и сотрудничеству в Европе и в отношениях СССР и США стала областью, в которой давление на СССР было особенно ощутимым. Не секрет, что вопросы безопасности прямо связывались с гуманитарными проблемами (выездом из СССР, свободы СМИ и т.д.).

По сути дела в XXI веке взаимосвязь между проблемами безопасности гуманитарными проблемами сохранилась. Не смотря на то, что Россия уже 20 лет, казалось бы, отменила все ограничения и перестала быть авторитарным государством. И сегодня на различных уровнях – двусторонних отношений, институтах Европы и Евросоюза и т.д. – отчетливо прослеживается стремление Запада навязать в качестве эталонов свои нормы и правила. Примечательно, что прошедший в Астане 1 декабря 2010 года саммит ОБСЕ (не собиравшийся 11 лет) реанимировал эту структуру взаимосвязи военно-политических и гуманитарных вопросов во многом из-за инициативы Д.Медведева о заключении Договора о европейской безопасности. Эта инициатива президента, по мнению С.В.Лаврова, помогла преодолеть СБСЕ «кризис идентичности»¹.

Примечательно, что кризис идентичности СБСЕ не случайно совпадает с кризисом идентичности российской внешней политики и политики вообще. И в первом, и во втором случае эти кризисы имеют под собой фундаментальную основу. В России из-за незавершенности идеологических процессов и отсутствия общенациональной идеологии. В

¹ С.В.Лавров. Как преодолеть кризис идентичности / Российская газета, 30 ноября 2010 г.

Евросоюзе – из-за потребности создать такую идеологию для нового субъекта международных отношений – конфедерации европейских государств.

Вот почему для России важно самой определиться прежде всего с той частью своей идеологии – как системы общепринятых взглядов российской элиты, – которая касается международной и европейской безопасности, сути и форм сотрудничества, границ и пределов такого сотрудничества и т.д.

На мой взгляд, следует выделить несколько особенностей формирования этой внешнеполитической идеологии в последнее время. Из них главными, на мой взгляд, являются следующие, элементы, которые можно объединить в единую идеологическую систему взглядов русского социализма.

Во-первых, идеология русского социализма – это российская, специфическая для российской истории и существующих экономических и социокультурных реальностей, форма идеологии социального консерватизма. Следовательно, она может стать основой стратегии национальной безопасности страны и основой концепции государственной безопасности России. Она (ее разновидность) становится также ведущей в ряде развитых странах, стремительно вытесняя как неолиберализм, так и неоконсерватизм. В разных странах она проявляется по-разному, но чаще всего в специфических формах социально-консервативной идеологии.

Похоже, что в начале XXI века именно эта идеология сохраняет перспективу в развитых странах, а не только в России. Особенно это проявилось в период кризиса 2008–2010 годов. Примечательно в этой связи, что масштабный соцопрос, проведенный летом 2010 года в Германии, где традиционно сильна социально-консервативная идеология, показал, что 80% граждан **не поддерживают капиталистическую идеологию**. Вместе с тем, опрошенные не вполне ясно представляют себя какой должна быть идеология.

Во-вторых, основа этой идеологии в своих главных проявлениях уже сложились за годы президентства В.Путина и Д.Медведева. Её отдельные элементы – сильное государство, традиции, социальная ориентированность. Думается, что ближайшие годы станут периодом ее

формализации, а, может быть, и нормативного оформления уже в некую идеологическую систему или доктрину, представляющую собой систему доминирующих взглядов российской элиты.

Это означает, что в реальной политической жизни основные элементы, «смыслы» и принципы этой идеологии **уже существуют**. Поэтому неверно расхожее утверждение о том, что у В.Путина и Д.Медведева нет никакой идеологии и долгосрочной стратегии. Элементы и принципы уже просматриваются, но **системы нет**. Все последние послания президента Федеральному Собранию, а, главное, их действия показывают, что целенаправленно и методично **закладывается фундамент под долгосрочную стратегию развития страны**. К сожалению, этот фундамент должен быть системой, которой он пока не **является**. Такой фундамент просто не может **не быть идеологическим**. Даже если В.Путин или Д.Медведев, как «главные идеологи», это и отрицают, апеллируют к абстрактному прагматизму.

Когда наши современные либералы противопоставляют национальные интересы и ценности идее модернизации, они делают серьезную, даже роковую ошибку. Модернизация возможна только как синтез традиционных ценностей и новых реалий. Только в результате такого синтеза возможно производство качественно нового продукта или услуги, что, собственно и является инновацией. Заимствования извне – это всего лишь заимствование. Это касается всех областей, в т.ч. политики, но особенно – международной. Как справедливо заметил С.В.Лавров, «Когда мы говорим о модернизационной перенастройке нашей дипломатии, мы отнюдь не отказываемся от базовых принципов своей внешнеполитической философии: прагматизм, открытость, многовекторность, неконфронтационное продвижение национальных интересов. Наоборот, речь как раз идет о максимальном задействовании этих принципов применительно к сегодняшним императивам развития страны»¹.

То же самое происходит и в экономике и в технологии: модернизация, основанная на базовых национальных ценностях,

¹ Стенограмма выступления Министра иностранных дел России С.В.Лаврова в МГИМО(У) МИД России, 1 сентября 2010 года / МИД России, 1 сентября 2010 г. / <http://www.nid.ru/brp>.

позволяет реализовывать стратегию опережающего развития, а заимствования всегда будут обрекать экономику страны на отставание.

Аналогично и для общественных систем. Примитивный перенос чужого опыта – политического, социального, гуманитарного – программирует наше отставание относительно других государств.

В-третьих, в основе идеологии русского социализма лежит главная идея – развитие человека, его потенциала, который выполняет в условиях глобализации ключевую **роль цели** и, одновременно, **средства развития**. **Подчеркну** – национального развития, т.е. развития НЧП. Человеческий потенциал даже отдельной личности не может развиваться вне национальной культуры и национального наследия. Тем более человеческий потенциал нации.

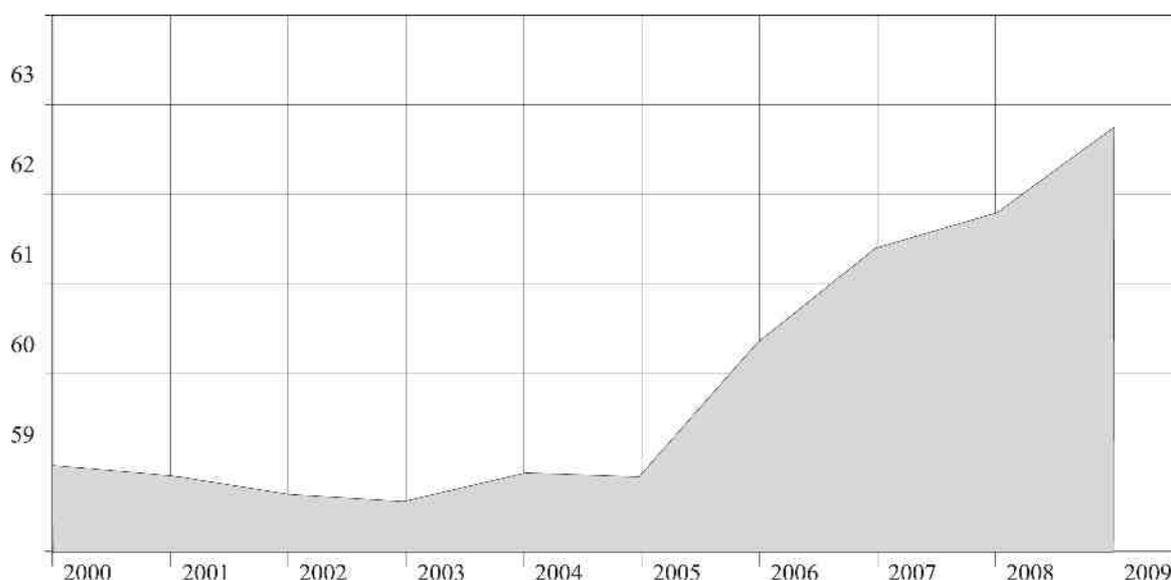
Эта ключевая идея стала общепринятой в XXI веке в развитых странах. В той или иной форме она стала формироваться в сознании правящего класса в России еще до начала кризиса, в 2005–2008 годы. Мы можем признать, что в этот период произошло определенное переосмысление правящей элитой приоритетов развития, более того, даже приняты и реализованы некоторые решения.

Результаты, безусловно, есть. Они очевидны. Так, по ключевому, демографическому, показателю НЧК они свидетельствуют прежде всего о важнейшей роли субъективного фактора – осознания и принятия решения элитой страны. По данным Росстата видно как практически отражаются усилия власти на важнейших показателях, характеризующих НЧК. Диаграмма, составленная по этим данным, наглядно иллюстрирует вполне субъективный, т.е. **зависящий от воли элиты**, демографический тренд, отчетливо проявившийся с 2005 г., т.е. **после принятия решения** о приоритетных национальных проектах¹.

Ожидаемая продолжительность жизни при рождении, лет, лет,
Российская Федерация
(мужчины),
значение показателя за год

	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009
все население	59	58,9	58,7	58,6	58,9	58,9	60,4	61,4	61,8	62,8

¹ Федеральная служба государственной статистики. Центральная База Статистических Данных / <http://www.gks.ru/dbscripts/Cbsd/>.

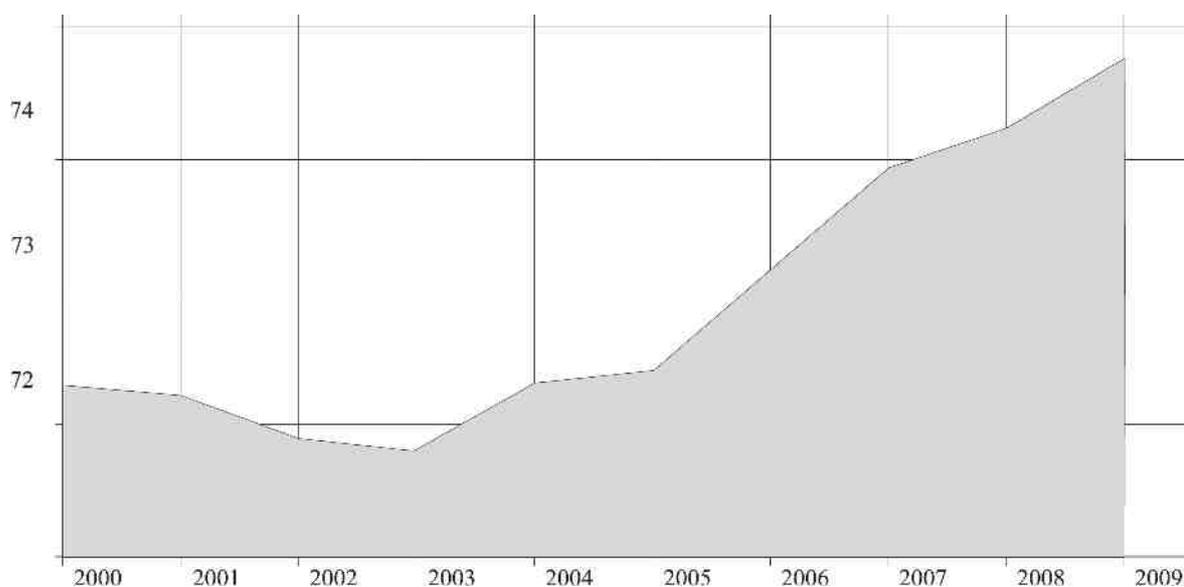

Ожидается, что впервые в 2010 году в результате увеличения продолжительности жизни мужчин и сокращения смертности Россия покажет пусть небольшой, но прирост населения.

Еще заметнее эта тенденция для женщин, где показатели еще более выразительнее. Как видно из приведенных ниже данных, ситуация стала меняться с 2005 года. Не случайно этот показатель НЧП, считающейся наиболее важным, вполне совпадает с политической тенденцией в политике В.Путина и Д.Медведева в 2005–2010 года, которая несмотря на мировой кризис приобрела социальную направленность.

**Ожидаемая продолжительность жизни при рождении, лет, лет,
Российская Федерация
(женщины),
значение показателя за год**

	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009
все население	72,3	72,2	71,9	71,8	72,3	72,4	73,2	73,9	74,2	74,7

Этот процесс – подчеркну – еще не только не завершился, но даже не набрал необходимой силы. Однако уже совершенно ясна **общая тенденция, направленность вектора движения**. Впервые за многие десятилетия в России человек, его потенциал стали в центре внимания элиты, действий власти.

Социальная сторона жизнедеятельности общества и государства, включая социальную политику, объективно становятся ведущими областями, определяющими темпы не только социального, но и экономического развития. Повторю, что этот процесс находится в стадии, когда от политических деклараций пока ещё только начинают переходить к конкретным действиям. Деятельность В.Путина и Д.Медведева по реализации нацпроектов – пример того как в 2005–2010 годы власть настойчиво, иногда даже не осознавая, может быть, до конца всей «идеологичности», масштабности задач, продвигалась в этом направлении.

Конечно же, еще нельзя говорить вполне определенно о том, что политика элиты стала социально ориентированной, направленной на главную цель – развитие НСП, – но поворот в этом направлении, безусловно, произошел.

Накопленные антисоциальные ошибки и тенденции 90-х годов еще придется долго изживать, ведь в этот период в стране, очевидно, господствовала не только антисоциальная, но и антинациональная внутренняя и внешняя политика. То, что сохранилось к 2011 году, можно

целиком отнести на счет российских либералов 90-х годов, их псевдоидеологии и того правящего класса, который сформировался в тот период.

Но сегодня уже важен не политико-идеологический поворот – он произошел. Сегодня важно избавиться от остатков либеральной идеологии и ее носителей в правящей элите, законов, правил и норм, созданных в период их господства.

В-четвертых, идеология русского социализма может стать идеологией формирующегося ведущего класса современности – «креативного класса», который в современных реалиях уже стал ведущей производительной силой в других странах мира. Как считают некоторые эксперты, сегодня до 85% прироста ВВП в развитых странах обеспечивает креативный класс. Но этот класс (как в свое время пролетариат) еще не осознал своего значения и не занял подобающего политического места в системе власти. Причем не только в России, но и в мире.

Во многом это происходит из-за того, что политические системы развитых государств уже не соответствуют требованиям времени, в частности, роли креативного класса в экономике и политической жизни страны.

Для России этот вывод еще более справедлив. За годы правления либералов креативный класс, прежде всего ученые, инженеры, деятели культуры, искусства, образования пострадали больше остальных социальных групп. И не только количественно. Их численность сократилась в разы. Но и качественно: лучшие представители уехали за границу, либо сменили профессии, которым в «демократической» России не нашлось применения.

Поэтому сегодня, в том числе и в интересах национальной безопасности и модернизации, необходима идеология, носителем которой стал бы креативный класс. Но не только. Важно, чтобы в политике, в том числе внешней, стало преобладать творческое начало. Важно, чтобы креативный класс, выбитый из органов власти, политически окреп, стал политической силой.

И здесь очень важно, что осознавая себя политической силой, креативный класс сохранил свою национальную суть и

государственническую ориентацию. Чтобы он не превратился в наднациональную социальную группу.

Эти и другие положения социального консерватизма – суть новой политической концепции, которая еще ждет своей идеологемы¹. Можно признать, что основные идеи сформировались в последние годы в условиях глобализации в развитых странах и в России, т.е. это вполне объективная тенденция, которая пока еще сдерживается в нашей стране в силу известных факторов. Можно сказать и проще: плутова последние десятилетия по бездорожью, Россия почти вышла на твердую почву – магистральный путь развития. Увидена не только цель, но и вектор. Проблема теперь только в том, чтобы, во-первых, быстро по нему двигаться, т.е. проблема в стратегии. А, во-вторых, в том, чтобы полностью использовать имеющиеся ресурсы, в т.ч. идеологии, чтобы очередные идеологические шаманы не столкнули с этого пути общество.

В-пятых, сегодня модернизацию и глобализацию пытаются противопоставить национальным ценностям и интересам. В том числе и вроде бы в интересах модернизации. Такая очередная деидеологизация снова приведет только к отказу от попытки совершить скачок в развитии нации и страны. Глобализация и идеология – два тесно взаимосвязанных процесса, чья взаимозависимость, однако, обнаруживается далеко не всегда. Только тогда, когда ее хотят обнаружить: во вред или на пользу нации. Так, **идеологическая установка** на развитие национального человеческого потенциала, прежде всего его научных и образовательных школ, является **условием** для создания качественно нового, оригинального продукта или услуги, а не примитивным повторением, пусть лучших, но чужих достижений. Как справедливо заметил В.Путин, «Недостаточно просто копировать чужой опыт, либо чужие образцы, так мы всегда будем отставать»².

В-шестых, позитивные аспекты глобализации – если подходить к ним с точки зрения национальных интересов – в России остаются без внимания. Между тем пример Китая показывает, что выигрыш от глобализации, который получила эта страна за последние годы, во

¹ Идеологема – зд. эмоционально окрашенная часть идеологической системы, не имеющей четкого определения. Пример – «перестройка», «гласность» и т.п.

² Р.Федосеев. Держаться курса / ВВП, № 8 (58), 2010 г., с. 36.

многим объясняется именно новыми идеологическими установками, вытекавшими из понимания сути глобальных процессов. Как признает директор Института изучения России (Тайвань) В.Малявин, «Китай выиграл от глобализации едва ли не больше всех остальных стран мира. Он вошел в мировой порядок и во многом уже **сам определяет его**. Естественно, за этими новшествами последовали идеологические новации. Вражда и борьба теперь в Китае не в почете»¹. Идет мирная экспансия. Уже на технологической стадии. Но следует помнить, что при этом Китай никогда не поступался идеологическими, культурными и историческими ценностями.

Впрочем как и Индия, которая в этой связи заслуживает отдельного разговора. Так, в 2010 году социальная политика страны получила самую высокую оценку: рост зарплат прогнозируется на 10,6% (по сравнению с 6,6% в 2009 году), а устойчивый рост ВВП страны – около 9%. Ряд аналитиков даже считает, что Индия способна обогнать китайскую².

В-седьмых, процесс модернизации в России, если он будет осуществлен правильно (т.е. через синтез национальных ценностей и реалий глобализации), может иметь огромное международное значение. Российский успех может стать примером для многих. Наша страна **может вновь стать мировым идеологическим лидером**, дать своим примером ответы на многие вызовы, связанные с фазовым переходом. Как справедливо считает И.Дискин, «... Россия не просто способна представить новую концепцию глобализации, но многие в мире заинтересованы, чтобы такая работа была проведена. Прежняя модель глобализации уже не работает. И в этом смысле Россия оказывается, возможно, единственной страной из крупных держав, которая способна поставить вопрос о ее смене», – заметил Дискин. Тем более что на такую модель «уже фактически сформирован запрос» у многих членов мирового сообщества (например, в рамках БРИК – Бразилия, Россия, Индия, Китай)³.

В-восьмых, не только США, стремящиеся сделать привлекательными свою систему ценностей в мире (в т.ч. и

¹ В.Малявин. Стратегическое подполье Китая / Ведомости. 28 марта 2007 г., с.А4.

² Е.Кравченко. Обогнать Китай / Ведомости, 1 сентября 2010 г., с. 3.

³ Новая модель глобализации родится в Ярославле / Известия, 1 сентября 2010 г., с. 2.

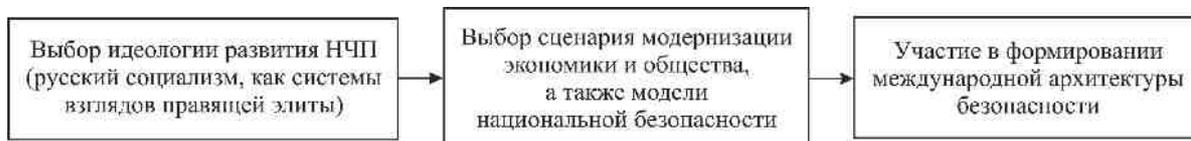
государственными средствами), но и Россия способна предложить человечеству привлекательные идеи, инновации и концепции. То, что в действительности соответствует критериям инноваций, а именно: **качественно новый продукт** в экономике и социальной жизни. Для этого у России всё есть. Кроме ясной идеологической системы и мобилизации. И первое, и второе нужно для того, чтобы сконцентрировать усилия нации на решении задач опережающего развития. Но и первое, и второе нужно для активной внешней политики России в области международной безопасности. Для этого нужна внятная идеология, ориентированной на человека, развитие его возможностей и способностей. Это означает, что прежде всего потребуется уйти от приверженности и приверженцев макроэкономики, заменяющей сегодня России идеологию и составляющих большинство правящей элиты страны. Уйти к приоритетам социального и гуманистического порядка. В качественной работе, посвященной такой идеологии и человеческому потенциалу, ее авторы делают принципиальный вывод, с которым трудно ни согласиться: «Для России особенно актуален **социогуманитарный переход** – от экономики, ориентированной на прибыль, к экономике для гармоничного развития человека. Последнее означает согласованный, соразмерный рост составляющих человеческого капитала – витальной, интеллектуальной и духовной. Такой переход невозможен без коренного изменения культурной политики государства – отхода от коммерциализации культуры к политике, обеспечивающей гармоничное развитие человека.

Успешному государству необходима и собственная идеология, показывающая цель развития, своя «Национальная Идея». Такой на настоящем этапе является идеология социогуманизма, утверждающая жизнь высшей ценностью бытия, приоритет гуманитарных ценностей над материальными»¹.

Добавлю, что, по сути, альтернативы этому курсу у России нет. Время неизбежно заставит избрать именно этот курс. Важно не потерять время, которое является таким же важным ресурсом, как и финансы, экономика. Следовательно выбор сценария модернизации это прежде

¹ В.В.Бушуев, В.С.Голубев, А.Тарко. Качество жизни и его индексы: мир и Россия / Уровень жизни регионов России, № 1 (143), 2010 г., с. 18.

всего **идеологический выбор не только во внутренней, но и во внешней политике России.** Этот выбор, в конечном счете, и предопределяет реалистичность идеи создания международной архитектуры безопасности. Последовательность этих действий такова:

Проблема, повторяю, во времени. Мы откровенно пренебрегаем этим ресурсом последние 20 лет, запаздывая в формулировании четких целей, и не спешил выполнить поставленные задачи. И сегодня, заявив о стремлении создать новую архитектуру безопасности, мы начинаем с конца, а надо бы с самого начала – разработки собственной идеологии и стратегии развития, в которой центральное место занимает развитие НЧП. Тогда и международному сообществу, может быть, наши планы не показались такими абстрактными. Они выглядели бы как естественное, внешнеполитическое, продолжение общенациональной стратегии развития нации, государства, экономики и общества.

2.4.6. Национально-ориентированный выбор: авторитаризм или демократия?

«... когда у власти оказался либеральный Альянс, идет лишь одна взаимоиспепеляющая война кланов (в Молдове – А.П.), в страну вернулись все криминальные авторитеты ...»¹.

*О.Воронин,
предприниматель*

«... власти (Казахстана – А.П.) решили кардинально поменять ситуацию, увеличив расходы на образование только в 2010 году на 30%»².

России необходима самоидентификация и с точки зрения **выбора политической системы**, т.е. отождествления себя с вполне определенной политической системой, архетипом и т.д. Это имеет огромное значение и с международной точки зрения, ведь соблюдение взятых на себя обязательств является значимой мотивацией для сохранения своего идентификационного статуса. Психологи так трактуют это качество: «Под самоидентификацией (СИ) мы будем понимать именно отождествление себя с определенной социальной группой, образом, архетипом и т. д. Например, я – инженер; я – отец; я – мужчина и т.д. Самоидентификация тесно связана с моралью. Одной из наиболее значимых мотиваций выполнения моральных норм или соблюдения взятых на себя обязательств является именно **сохранение своего идентификационного статуса**». Слово офицера, слово дворянина, честное купеческое. «Так себя порядочные женщины не ведут», «ты мужчина или кто?» – примеры таких ситуаций. Если я не выполню этого, значит, я не настоящий офицер (дворянин, купец, женщина, мужик...), другие не будут относиться ко мне как к настоящему офицеру (купцу, женщине...)»³.

Система международной безопасности во многом зависит от того политического устройства и режима, который существует в той или иной стране. Этот вывод, справедливый во многих отношениях, не является вместе с тем универсальным правилом. Действительно, появление агрессивных идеологии и политических режимов, как показывает история

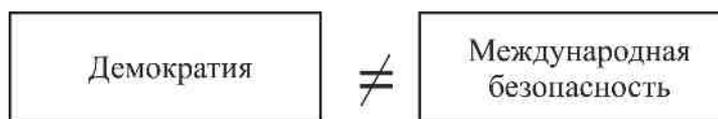
¹ *О.Воронин*. Политические корни винного эмбарго / Известия, 24 августа 2010 г., с. 10.

² Индустриализация и образование. ВВП, 2010, №7 (57), с. 102.

³ См. «Психологический словарь / <http://www.ucheba.ru/referats/5435>.

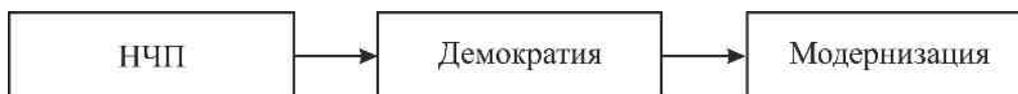
XX века, ведет часто к дестабилизации системы международной безопасности и мировым войнам. Но мы знаем и немало примеров того, как характер политических режимов не влияет на международную безопасность, либо даже укрепляет ее.

Так, начало разрядки и процесса ограничения стратегических вооружений, подписание Заключительного акта в Хельсинки и другие события относятся к началу 70-х годов XX века, когда у власти в СССР находился авторитарный режим, а в США – консервативные республиканцы. Сегодня вполне авторитарный режим Китая очень осторожно ведет себя в мире, способствуя в реальности укреплению международной безопасности. Тоталитарный режим С.Хусейна уничтожил в десятки раз меньше граждан страны, чем демократические Соединенные Штаты. Поэтому ставить знак равенства между демократией и безопасностью нельзя.

Сегодня многие не только на Западе, но и в России пытаются доказать, что условием создания системы международной безопасности и модернизации является демократия. Путают в очередной раз цель (безопасность) и средство (демократия), абсолютизируя демократию, превращая ее в самостоятельную цель. Это неправильно для внутренней политики, а тем более, – внешней.

Еще хуже, когда главная цель – развитие НЧП – становится средством для достижения демократии, а не наоборот. Так, генеральный директор журнала «Знание – США» И.А.Харичев пишет, рассуждая о модернизации: «Только приоритет человека перед государством рождает демократические формы»¹, которые ведут к модернизации. Его «формулу» можно изобразить следующим образом.

¹ И.А.Харичев. О культурных заимствованиях России / Мир перемен, № 3, 2010 г., с. 182.

Национально-ориентированный выбор модели модернизации отнюдь не тождественен авторитаризму, чего так боятся нынешние либералы, проклиная по всякому поводу и без того И.Сталина. Он также не исключает **использование авторитарных методов**, даже предполагает их применение время от времени. Главное при определении такого выбора чётко вычленить **его цель**, самоценность которой является развитие НЧП, а отнюдь не демократия. Тем более когда «подлинную демократию» связывают с существованием партийной системы. Еще в 1990 году в своей статье «Как нам обустроить Россию» А.И.Солженицын писал: «Разделиться нам на партии – значит разделиться на части. Партия как часть народа – кому же противостоит? Очевидно – остальному народу, не пошедшему за ней... Соперничество партий искажает народную волю. Принцип партийности уже подавляет личность и роль ее, всякая партия есть упрощение и огрубление личности... **Никакое коренное решение государственных судеб не лежит на партийных путях и не может быть отдано партиям. При буйстве партий – кончена будет наша провинция и вконец заморочена наша деревня. Не дать возможности «профессиональным политикам» подменять собою голоса страны»¹.**

Может быть поэтому эту статью сегодня не любят цитировать наши демократы, которые по любому поводу используют имя А.Солженицына, пытаясь переписать в очередной раз нашу историю?

В данном случае – развитие НЧП, – где инновации возможны **только** при использовании государством вполне авторитарных методов, включая главный – создание искусственного спроса на инновации. Как справедливо заметил А.Н.Аринин: ««Спрос» на инновации появится, как только государством будут **созданы условия, при которых заниматься ими станет выгодно. А инновационный бизнес будет защищен законом и от чиновников, и от недобросовестных конкурентов.** Именно такую «безопасность» и связанную с ней «открытость» надо иметь в виду. Деньги непременно появятся, как только государством будут созданы необходимые условия для инноваций.

Чтобы запустить проект «инновационного чуда», России, по мнению Суркова, необходимо улучшить «политический имидж». В этих целях

¹ Цит. по: *А.Варламов*. Слово Солженицына / Известия, 17 сентября 2010 г., с. 6.

важно запустить «механизм энергии, амбиции элит, азарта и интереса к жизни». Для этого следует пригласить в создающийся инновационный центр иностранцев – создать новую «немецкую слободу». «Нам критически необходимо, чтобы сюда проникла более высокая культура производства, технологий и исследований – вместе с живыми ее носителями», – подчеркивает Сурков.

«Политический имидж», однако, зависит не столько от «энергии, амбиции элит, азарта и интереса к жизни», а от эффективности управления, ответственности и компетентности элиты, которая реализует эффективность ее главного инструмента – государства. Политический имидж начнет улучшаться, как только элита приведет **в порядок этот свой инструмент, создав условия для эффективного функционирования государства**. А опираться на иностранцев, создавая очередную «немецкую слободу» в науке – бессмысленно и опасно, тем более, что мы имеем печальный опыт привлечение иностранных «варягов» в российские политику и бизнес»¹.

Другой аспект, который как-то забывают, когда рассуждают о демократии в России. Уже сегодня Запад делит постсоветское пространство по принципу «демократических» и «авторитарных» государств, используя для этого различные поводы – от увязки проблемы визового режима до решения вопросов сотрудничества в области безопасности. При этом Россию специально противопоставляют другим постсоветским республикам – «менее демократической Белоруссии, Туркмении и Таджикистану» и «более демократической» Украине, Грузии, Молдавии. И этот раскол, в т.ч. благодаря нашей бездарной политике последних 20 лет, продолжает углубляться. Как справедливо заметил А.Лившиц, «скоро придет к власти в этих республиках новое поколение. Тогда будет поздно. Станем думать не о том, как подружиться. А о том, как бы не подраться»².

Национально-ориентированная модель модернизации в России, Казахстане, Азербайджане, Украине – в каждой республике по-своему, – не только отражает специфику этих республик, но и **не противоречит**

¹ А.Н.Аринин. Модернизация России – необходимость эффективного развития Дальнего Востока / Мир и политика, № 6 (45), июнь 2010 г., с. 65.

² А.Лившиц. Из сказки быль не сделать / Известия, 17 ноября 2010 г., с. 6.

общеинтеграционным процессом. Работает на единство. Но как только в дело вступают рассуждения о «демократичности режимов», то, естественно, правящие элиты занимают оборону по всем фронтам, И выступать в этом процессе России в качестве участника это значит идти против не только режимов, но и всей интеграции.

Вопрос о демократии и авторитаризме, на самом деле, оказывается вопросам о том, какая модель модернизации – национально-ориентированная или «демократическая» будет выбрана. Судя по заявлениям Д.А.Медведева, была выбрана «демократическая». В своем послании от 2010 года он так и сказал описывая свою политическую стратегию: «... опираясь на ценности демократии, модернизировать экономику...»¹.

У нас своих научных кадров и передовых разработок – предостаточно. Надо лишь **создать нормальные условия для их эффективной работы**, о чем речь шла выше. А что касается высоких технологий, то, раз Запад препятствует их ввозу в Россию, надо идти по пути Китая, который ради своих национальных интересов игнорирует авторские права»².

Примечательно, что и авторы американского доклада на ярославском форуме, посвященного инновациям, видят также главную задачу государства в создании искусственного спроса на инновации: «... **успех или фиаско этих мер, как и прочих, будет зависеть от качества их исполнения, а также того, насколько хорошо учтены в них конкретная ситуация в стране и мире, политические проблемы и насколько хорошо осознаны причины, по которым те или иные меры сработали или провалились в других странах.** То есть, в любом случае новая инновационная политика должна учитывать российские реалии и принимать во внимание специфику географии, истории и культуры России, а не состоять из механически перенесенного на российскую почву чужого опыта.

Как было отмечено во введении, **настройку национальной инновационной системы следует производить в более широком**

¹ Д.Медведев. Послание Президента Федеральному Собранию / 30 ноября 2010 г. / <http://www.kremlin.ru>.

² А.Н.Аринин. Модернизация России – необходимость эффективного развития Дальнего Востока / Мир и политика, № 6 (45), июнь 2010 г., с. 65.

контексте национальных реформ налогообложения, права, торговли...

Наконец, не стоит забывать о постоянном искушении рассматривать возникающий в результате инновационных процессов экономический рост не как процесс, а как цель»¹.

Так, еще в 50-х годах XX века в США появился термин «качество жизни», который означал «более высокий стандарт уровня жизни» в новом обществе потребления. Он включал в себя такие параметры, как обладание товарами длительного пользования, домом и т.д. Позже к этим критериям были добавлены свободное время, состояние здоровья, а в 1967 году президент Л.Джонсон заявил, что задачи его администрации должны оцениваться «на базе критериев качества жизни, а не банковских операций»². – Вполне авторитарное решение, реализованное также авторитарными методами.

С тех пор произошло множество изменений в оценке качества жизни, но главное, пожалуй, заключается в том, что критерий качества жизни стал не только ведущим критерием в оценке деятельности управления, оттеснив показатель душевого ВВП, но и **целью** – практической и политической – развития.

Пример Казахстана, руководство которого упрекают в авторитаризме, – показателен. Эффективность модернизации может быть высокой при любом режиме. Более того, даже служить некоторым примером. Так, в 2010 году в стенах нового университета были подведены итоги первого полугодия пятилетней **программы форсированного индустриально-инновационного развития страны (ПФИИР)**. С участием Нурсултана Назарбаева прошел общенациональный телемост «Сильный Казахстан построим вместе!», в рамках которого руководители всех регионов страны информировали главу государства о запуске в эксплуатацию объектов индустриальной программы. В результате было презентовано 72 инвестиционных проекта первого полугодия на сумму 2,5 млрд. долларов, из них 68 пришлось на

¹ Ярославский план 10-15-20: 10 лет пути, 15 шагов, 20 предостережений. Доклад нью-йоркской академии наук / The New York Academy of Science, August 20, 2010. p. 105.

² Цит. по: *Л.М.Катица*. Индикаторы мирового развития. 2-е изд. М.: МГИМО(У), 2008 г., с. 189.

принципиально новое производство. В 2010 году будет запущена 144 проекта, всего в 2010–2011 годах планируется реализовать 191 индустриальный объект общей стоимостью 20 млрд. долларов.

При этом для элиты сохраняются не только варианты тоталитарной или демократической модернизации, но и широкий спектр промежуточных вариантов, а также переходы от одной модели (варианта) к другому в зависимости от обстоятельств, времени и результативности. Авторитарные, даже тоталитарные методы модернизации для России, сегодня вполне приемлемы для значительной части элиты, которая видит в них единственное средство борьбы с воровством и коррупцией, бесчинством чиновников и силовых структур. Это подтверждают бесконечные дискуссии о «судьбе демократии» в России, которые ведутся с 2025 года по настоящее время. Как справедливо заметила профессор МГИМО(У) И.Бусыгина, «Во-первых, демократия за крайне редкими исключениями обсуждается только в связке с суверенным государством. Во-вторых, очевидно ключевыми при обсуждении являются два тезиса: 1) демократия имеет выраженные национальные особенности; 2) демократия небезгрешна и подвержена коррозии. Я предполагаю, что выбор именно таких фокусов для обсуждения не случаен – здесь **виден замысел** (подч. – *А.П.*), поскольку на следующей стадии фокусы эти весьма интересно интерпретируются для российской ситуации¹.

Действительно, у российской элиты «есть замысел». Он прост: она устала от демократии в том ее абстрактно-либеральном, идеализированном виде, который существует в умах части либерального общества. Она пытается «приспособить» демократию к своим конкретным потребностям, а не оставлять ее самоцелью.

Кроме того, в пользу авторитарных методов модернизации говорит опыт Чили, Китая, ряда других стран. На мой взгляд, авторитарные методы – единственно эффективные способы модернизации России в условиях переходного периода. Более того, я допускаю, что в переходные периоды возможен безболезненный переход от одного состояния в другое экономики, политической системы и общества **только при диктатуре**.

¹ *И.Бусыгина*. Методы дискуссии: присвоение демократии / Ведомости, 12 ноября 2010 г.

С этим связана, например, проблема инвестиций. Сегодня главным и по сути единственным инвестором модернизации выступает государство. Иностранные инвесторы **не заинтересованы**, как показывает данные, в модернизации России.

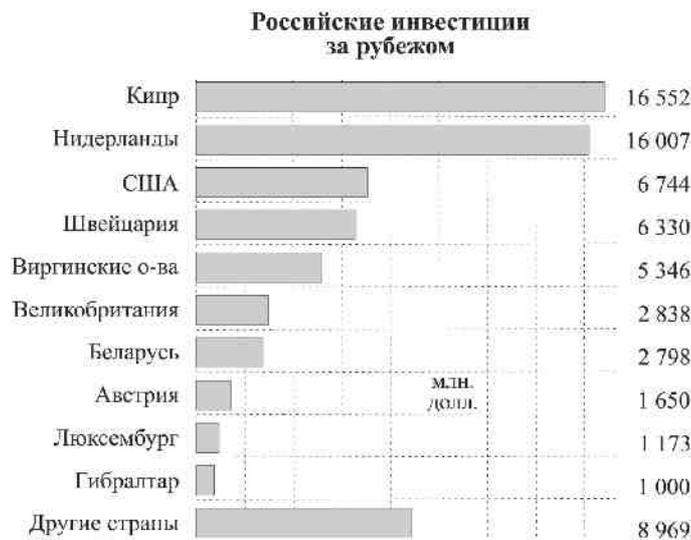
Иностранные инвестиции

В I полугодии 2010 г. в экономику России поступило 30,4 млрд долларов иностранных инвестиций, что на 5,5 проц. меньше, чем в I полугодии 2009 г.

Основные страны-инвесторы в I полугодии 2010 г. – Германия, Нидерланды, Кипр, Великобритания, Китай, Люксембург

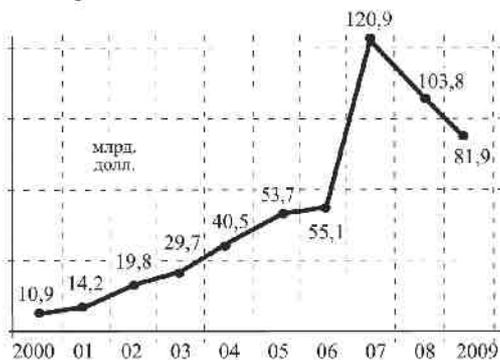

Всего на конец июня 2010 г. Накопленный иностранный капитал в экономике России составил 262 632 млн. долл., что на 8,3 проц. больше по сравнению с соответствующим периодом 2009 г.

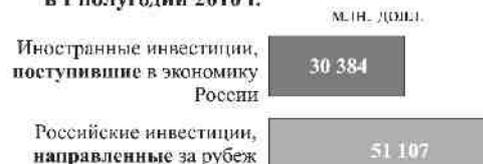
Объем инвестиций из России, накопленных за рубежом, на конец июня 2010 г. Составил 69 407 млн. долл.

Иностранные инвестиции

Иностранные инвесторы в основном вкладывали средства в обрабатывающие производства, добычу полезных ископаемых, торговлю

Инвестиции в I полугодии 2010 г.

Источник: Федеральная служба государственной статистики, www.gks.ru

Из них в ЧК – менее 3%.

Но и отечественный бизнес **также не заинтересован в инвестициях в НЧК**. Это хорошо видно на примере отечественной банковской системы.

Финансовая и банковская системы, как ни странно, **не заинтересована в привлечении денег не только у населения, но и бюджетных средств**. Существующие ставки по вкладам практически вышли в отрицательную зону.

Доходность сбережений (с июля 2009 года по июль 2010 года)

%	
Банковские вклады в рублях	4,48
Банковские вклады в долларах	-6,37
Банковские вклады в евро	-13,02
Наличные сбережения в долларах	-9,90
Наличные сбережения в евро	-16,29
ПИФы акций	121,55
ПИФы облигаций	27,57
Обезличенные металлические счета	12,92
Недвижимость в Москве	3,03

Источник: Центр макроэкономических исследований и стратегических разработок ВДО

Таким образом в качестве инвестора остается только государство, его ресурсы, которые можно мобилизовать и использовать лишь под жестким, авторитарным контролем. Все «рыночные» механизмы ведут, как показывает опыт, только к банальному разворовыванию средств. В этой связи абсолютно согласен с А.Лившицем, который привел следующий интересный пример: А.Лившиц: «Имел разговор на эту тему со старым знакомым. Тоже когда-то советовал президенту. Только своему, заокеанскому. Выразил недоумение: на словах выступаете за свободную экономику, а проход в свою перегораживаете. Как совместить? **Получил ответ: мы защищаем национальные интересы США. Иначе не умеем. На все остальное наплевать. Нам бы так.**

Вывод: просматриваются три варианта поведения. Первый – для развивающихся стран. Суть: любыми путями привлекать иностранных инвесторов. Сулить им господдержку. Затаскивая в экономику изо всех

сил. Второй, противоположный, выбрали развитые страны. Суть: дотошно проверять. Придираться. Не пускать. Третий должен быть российским. Суть: ничего специально не делать. **Те инвесторы, которые заинтересованы в отечественной экономике, сами придут. Несмотря ни на что.** А прочие пусть остаются дома. Они нам не нужны. По-моему, будет правильно»¹.

Сегодня пытаются внедрить демократические процедуры, в т.ч. правовые нормы и правила в общество, которое не завершило период своей трансформации. В результате появляется множество представителей бюрократии и надзирающих органов, законов, правовых норм. Почему-то считается, что это способствует формированию демократического государства. На самом деле эти демократические атрибуты формируют аморфное, недееспособное, крайне неэффективное государство. Так, за последние годы добавилось огромное число новых чиновников и миллионы документов – нормативных актов, регламентов, предписаний и т.п. Стала ли Россия в результате демократичнее?

Диктатура в переходный период позволяет решить многие проблемы. Прежде всего «отсечь» от ресурсов значительную часть чиновников, принудить бизнес-элиту не вывозить деньги за рубеж, а создавать собственные производства, ограничить коррупцию, упростить процедуры управления страной и многое другое. При этом собственно общество, особенно его главная движущая сила – креативный класс, от такой формы управления не страдают: на процессы творческой деятельности, как ни странно, диктатура чаще влияет положительно, чем отрицательно. Примеры творчества А.С.Пушкина и М.Ю.Лермонтова периода абсолютизма Николая I – лишь малая толика таких примеров. При советском тоталитаризме миллионными тиражами издавались «толстые» художественные журналы, тираж которых сегодня не дотягивает до нескольких тысяч.

Но у российской элиты нет общей точки зрения по этому вопросу. Наверное большинство этой элиты, включая Президента и премьера, а также правящую партию, придерживаются модели демократической модернизации в её самых разных формах – от «суверенной демократии» В.Суркова до «либеральной демократии имперского типа» Д.Медведева,

¹ А.Лившиц. Третий вариант / Известия, 25 августа 2010 г., с. 6.

осознанно выбрав в качестве образца «европейскую модель». При этом мы полагаем, как заметил ректор МГИМО(У) Ан.Торкунов, что «Нужна не обязательно идеальная, но обязательно работающая, эффективная модель демократического государства. В поиске такой модели неизбежно могут случаться ложные шаги и ошибки. Однако в целом надо четко усвоить, что демократия не только постулирует плюрализм, но и сама, как модель общественного устройства, – плюралистична.

Действительно, научное и политическое сообщество уже сравнительно давно начало говорить о разнообразии не только цивилизационных, но и демократических моделей. Причем бессмысленно и вредно говорить о преимуществе одной мировоззренческой демократической или цивилизационной модели над другой. Нужно думать и говорить об организации их плодотворного взаимодействия, ибо, если и этого не делать, то будет их противостояние. Особенно в области таких вопросов как безопасность. Отстаивание преимуществ своей цивилизационной или демократической модели с помощью силы – нонсенс. Но это имеет место в сегодняшних международных отношениях, когда пытаются силовыми методами насадить «симпатичные режимы» или «внедрить прогрессивные формы управления»

Необходима дискуссия на самых разных уровнях, в т.ч. и на высшем, где бы обсуждались формы сотрудничества разных систем, мировоззрений и форм правления, изначально исходя из двух посылов: во-первых, что ни одна система ценностей, либо моделей государственного управления не может быть идеальной и единственно правильной, а, во-вторых, что преимущества одной системы над другой должны доказываться вне силовых категорий на основе норм международного права.

Однако сегодня эти дискуссии не удалось перевести в плоскость реального политического анализа, а тем более внешнеполитической практики. Именно поэтому мы сталкиваемся с серьезными проблемами при попытках адекватной интерпретации событий, происходящих в мире – от Северного Кавказа до Ближнего Востока или Центральной Азии. «Примитивный универсализм, – считает Ан.Торкунов, – подменяет собой желание реально понять другую культуру, выявить в ней как позитивное,

так и опасное для неконфликтного сосуществования»¹. Более того, я полагаю, что такой «примитивный универсализм» на самом деле отражает стремление утвердить в качестве идеальной одну модель – либеральную. Это также неверно, как и пытаться с помощью такого универсализма утвердить китайскую или исламскую цивилизационные модели.

На самом деле в реальной политике всегда будут политические силы, которые будут стремиться это сделать в любом лагере – китайском, мусульманском или либеральном, ибо идеи мессианства стары как мир и лежат в основе любой идеологии. Важно, чтобы эти идеи не начинали приобретать агрессивные, насильственные формы. И это правило должно лежать в основании, фундаменте любой системы международной или региональной безопасности.

Особо необходимо сказать о модном сегодня понятии «толерантность», которое означает терпимое отношение к особенностям другой расы, цивилизации, религии. На мой взгляд, эта «терпимость» должна перейти в уважение и стремление понять и обогатить культуры, а не приспособиться к ним. И это тоже проблема международной безопасности. Суть ее заключается в том, чтобы сохранить систему национальных традиционных ценностей, которая бы не только «терпела» присутствие другой ценностной системы, но и взаимодействовала, обогащала её. В этом смысле уникален опыт России и русского народа, который на протяжении многих столетий не просто уживался, но и мирно сосуществовал с другими культурами. В России не было преследований ни по национальным, ни по религиозным признакам на всем протяжении ее истории. Национальные и религиозные меньшинства сохранили свою идентичность при князьях, царях, генсеках. Это – огромное достижение, которым не могут похвастаться другие государства и нации.

Отдельно – о демократии. Споры о ней в сегодняшней России имеют не столько научную, сколько политическую основу. Противники нынешнего режима занимают позицию, в соответствии с которой они заявляют об отсутствии демократии в России. Но это позиция, а не аргумент. Эти противники в качестве образца берут некую идеальную

¹ *Ан. Торкунов. Европейский выбор и национальный интерес. – Космополис, № 3 (19), зима 2007/2008 г., с. 37.*

демократическую модель, которая не существует в природе. Более того, никогда и не существовала. Даже в «идеальных», но их представлению, США, на протяжении последних лет произошли серьезные идеологические изменения. Как справедливо заметил профессор МГИМО(У) А.Богатуров, «Десятилетие 2000-х годов поражает динамизмом своих первых и завершающих лет в такой же степени, как поражало оно унылым консерватизмом своей середины. События 11 сентября 2001 г. и совпавший с мировым финансовым кризисом приход к власти Б.Обамы резко контрастируют с рутинной «по-техасски» традиционного империализма США между 2002 и 2009 годами. И в начале, и в конце десятилетия мир был испуган. В первом случае – давно вызревавшей в недрах глобализации, но все же внезапно открывшейся угрозой транснационального терроризма. Во втором – глобальным кризисом виртуальных финансов, повергшим в рецессию всю мировую экономику.

Но есть и существенная разница. После нападения террористов на Нью-Йорк и Вашингтон США метнулись к идейному и политическому фундаментализму – любимой республиканцами идее «глобального лидерства при помощи силы»¹.

Наконец, они объявляют о том, что несоответствие этой модели – угрожает международной безопасности. Отсюда следует «простой» логический вывод, чтобы укрепить международную и европейскую безопасность необходимо создать аналогичную, идеальную демократическую модель государства. Как подчеркнул Ан.Торкунов, «В России медленно, но неуклонно складывается собственная, национально-своеобразная модель демократии. Объективно, независимо от воли правителей или зарубежных советников, она возникает из соединения двух разнородных оснований. Во-первых, из принципов классической западной демократии. Во-вторых, из комплекса традиционных российских представлений о допустимых, с точки зрения общественной морали, соотношениях между свободой и порядком, вольностью и долгом, терпением и воздаянием, верностью и покровительством»².

¹ А.Богатуров. Равновесие недоверия. Приоритеты России на фоне смены власти в США / Международные процессы, 2009 г., т. 7, № 3 (21).

² Ан.Торкунов. Европейский выбор и национальный интерес / Космополис № 3(19), 2007–2008, с. 35.

К 2010 году, особенно в связи с празднованием 65-летия Победы, вновь обострилась дискуссия вокруг демократии, которая приобрела форму «борьбы со сталинизмом». Некоторые СМИ и представители элиты даже расценили эту дискуссию как «попытку вернуться к сталинизму». В действительности же «сталинская история» не имеет ничего общего ни с политикой, ни с будущем демократии. Она свидетельствует только об одном: история России, история ее идеологических течений, – продолжается. Как справедливо заметил В.Данилов, – ... «Это симптом возвращения исторической перспективы. Возвращение Сталина – на портретах и автобусах, в телесериалах и документальных фильмах – реконструкциях обозначает очень важную вещь: признание того, что **конца истории удалось избежать**. Известно, что **крах СССР позволил идолу неолиберализма Фрэнсису Фукуяме написать оду на победу либеральной демократии**. Связь истории с борьбой тоталитаризма и либеральной демократии восходит к постгегельянским идеям русского эмигранта Александра Кожева, для которого сталинский СССР как раз и означал «конец истории». «Сегодня возвращение Сталина значит **завершение дискурса о конце истории в любом режиме**. Но отнюдь не означает, как считают либералы, сталинский реванш – то есть признание сталинизма как легальной альтернативы. «Конец истории» фиксировал тоталитарные режимы как форму политического изъятия из истории, но, одновременно, тем же самым жестом полагал счастливый хэппи-энд так же вне исторического процесса. Сталинизм формально оказывался тождественен либеральной демократии как вероятный конец истории и конец большой политики. Возвращение Сталина означает, что либеральная демократия так же не снята с исторической повестки, а политика снова имеет возможность стать «большой»¹.

В этой связи отражает внимание доклад, сделанный в апреле 2010 года основоположником российской социологии В.Ядовым, посвященный современным социальным реалиям.

По его мнению, Россия интенсивно включена в мировой рынок и соответственно – в международные политические процессы, и поэтому

¹ В.Данилов. Тема: Гламурный сталинизм / <http://www.liberty.ru/layout?get/print/Thewes/>.

воздействие внешних факторов сопоставимо по значимости с внутренними. «Я считаю, что «особый путь» России может быть таковым лишь в смысле определения её уникального положения в экономическом пространстве на рынке природных ресурсов. В пространстве мировой политики настоящее и будущее страны испытывает влияние множества принципиально непредсказуемых воздействий, хотя общий вектор движения в будущее определён со времён Петра Первого». Профессору Ядову представляется адекватным термин «национальный стиль» трансформационных процессов, что предполагает комплекс национальных особенностей социальных институтов, культуры, менталитета и повседневных практик граждан страны – от разнорабочего на предприятии до президента. Например, он называет такие особенности нашего менталитета, как работа рывками и желание действовать не столько по закону, сколько по разумению.

«На политическом поприще данные массовых опросов не предсказывают радикальных перемен. Однако, судя по недавним действиям президента и правительства в направлении поддержки науки и образования, поправок к законодательству о выборах в Госдуму, перезагрузки взаимоотношений с США, возможны неожиданности и в области внутренней политики»¹, – говорит Ядов.

Это два равнозначных основополагающих начала нашей модели демократии. Они одинаково важны для россиян, и оба определяют наше политическое поведение. Мы видим, что традиционное, специфически российское не вымывается, не отмирает, а приспосабливается к заимствованному, обновляется вместе с ним, порождая тот синтез, который и определяет особенности нашей демократической модели. Российская модель демократии идейно восходит к тем же источникам, что и демократии в западном мире. По формам же воплощения эта модель близка японской, индийской или южнокорейской.

Главное отличие последних от классических образцов состоит в том, что они складывались в другое «историческое время» и, как следствие, исходили из других предпосылок и факторов. Это же можно сказать и о российской демократии.

¹ *И. Тимофеева.* «Рукотворная неопределённость» рискованной западни / <http://www.mgimo.ru/system/php/>

Даже отрешившись от эмоционального подхода, не допускающего «общий аршин», можно констатировать, **что укоренённость в традиции как раз и обеспечивает российской демократии необходимую ей опору в национальном сознании**, жизнеспособность в условиях именно нашей страны»¹.

В пользу этого, третьего, выбора российской элиты говорит очень многое. Среди важнейших аргументов можно привести следующие.

1. Выбор системы (архитектуры) безопасности это прежде всего **цивилизационный выбор, выбор национальной идентичности**. Во многом он предопределен культурной. Исторической и духовной традицией. Граждане России считают себя европейцами, а Россию – частью Европы. И, действительно, Россия – старейшее государство Европы, которое было сведено династическими связями ещё с XI века.

2. Выбор системы европейской безопасности для России рассматривается ее элитой как система безопасности **от Ванкувера до Владивостока**, т.е. географически это территория охватывает не только зону ответственности НАТО, но и Сибирь, и российский Дальний Восток.

3. Россия зависит очень сильно от внешней политики. Напомню, что Россия граничит не только со странами, но и **всеми цивилизациями**, оставаясь сама самобытной частью европейской цивилизации. Она вынуждена считаться с влиянием исламской и китайской цивилизаций, которые не только успешно отстаивают свои национальные традиции и систему ценностей, но и реально продвигают их на российскую территорию. В последнее время, например, в КНР открыто издаются работы, написанные влиятельными авторами, в которых утверждается, что страна должна активно, в том числе и с использованием армии и флота, обеспечивать свои экономические мировые ресурсы и их распределение. В 2009 году, например, бестселлером стала книга «Китай недоволен», где прямо говорилось о том, что Пекин должен управлять мировыми ресурсами «на благо человечества», а один из ее авторов уже писал о «нехватке жизненного пространства»².

¹ *Ан.Торкунов*. Европейский выбор и национальный интерес. – Космополис, № 3 (19), зима 2007/2008 г., с. 36.

² *А.В.Лукин*. Внешняя политика Китая – новый поворот? / Россия в глобальной политике, № 2, март-апрель 2010 г., с.

В целом же российскую политическую элиту не может не настораживать, что в отдельные периоды времени возникают в той или иной форме территориальные проблемы у всех приграничных с Россией государств.

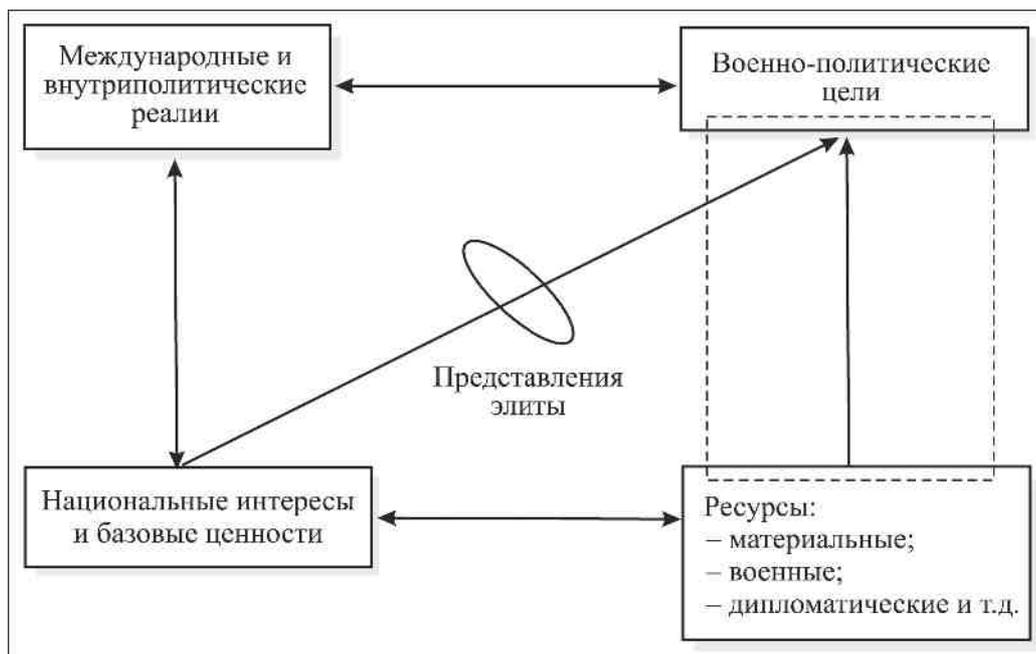
Учитывая же огромную протяженность границ, периметр который составляет десятки тысяч километров, такое положение не может не вызвать беспокойства. Естественно, что это вносит свои трудности в текущую политическую жизнь, когда, например, возникает «вдруг» проблема использования шельфа Каспийского моря у Ирана.

4. Наконец, российская элита хорошо понимает, что какая бы риторика не присутствовала в США и странах Западной Европы, Россия остается глобальной державой, позицию которой нельзя не учитывать. Как справедливо сказала в свое время бывший госсекретарь США К.Райс, «игнорировать Россию не следует. Россия является влиятельной силой, без которой нельзя решать многие международные проблемы... Изоляция России не дает никакого выигрыша и не соответствует нашим интересам»³.

Конечно, в российской элите есть и другая точка зрения, а именно, что США и Запад в целом хотят изолировать Россию и даже лишить ее суверенитета и независимости. Но сторонники этого взгляда находятся в явном меньшинстве и начинают оказывать реальное влияние только в случае резкого обострения отношений или неудач во внутренней политике.

Идея о новой архитектуре европейской безопасности, предложенная Д.Медведевым, отнюдь не абстракция, а **конкретный план**, который он предложил в октябре на Конференции по мировой политике в Эвиане (Франция). Схематично его можно выразить следующим образом.

³ *А.В.Лукин. Внешняя политика Китая – новый поворот? / Россия в глобальной политике, № 2, март-апрель 2010 г., с.*

«План Медведева» представляет собой, **во-первых**, перенести процесс формирования военно-политических целей с блокового или национального уровня на **уровень международного согласования, дискуссии с участием всех сторон** потенциального конфликта. **Во-вторых**, исключать изначально использование военной силы в ее непосредственной прямой форме, оставив другие инструменты влияния, защиты и обеспечения национальных интересов. Это два принципиальных момента в отношении обеспечения международной и европейской безопасности, которые стали частью российской внешней политики **до** выдвижения Д.Медведевым своей идеи. Сама по себе идея – частный случай этой концепции. Не более того.

Глава 2.5. Инициатива Д.Медведева по созданию новой архитектуры международной безопасности¹

«Такой конфликт (сопоставимый с масштабами Второй мировой войны), к сожалению, возможен, и это связано с тем, что существуют очень разные страны с очень разными интересами»².

Д.Медведев

«... безопасность в Европе – важнейшая проблема национальной безопасности Российской Федерации»³.

Ан.Торкунов

Термин «архитектура безопасности» прочно укоренился в начале XXI века в качестве определения состояния глобальной и региональной безопасности. В первом десятилетии нового века много говорят об «архитектуре международной безопасности», «архитектуре европейской безопасности», «архитектуре евроатлантической безопасности», «архитектуре безопасности ШОС», «архитектуре энергетической безопасности», «архитектуре безопасности АТР», а также более частных «архитектурах»: «месте ОБСЕ в архитектуре европейской безопасности», «архитектуре мировой безопасности третьего поколения» и т.д. и т.п.

Российская элита, как и элиты других развитых стран, осознала в первом десятилетии XXI века, что коренным образом изменился характер войны и использование военной силы в качестве внешнеполитического инструмента. Как заметил профессор Болонского университета К.Галли, «Век глобализации можно рассматривать и как эпоху, когда насилие и властные тенденции уже вряд ли будут ограничены **географической территорией**. И терроризм, и мощные миграционные потоки наглядно показывают, что национальному государству (даже если речь идет о мировой супердержаве – Соединенных Штатах) все труднее устанавливать различие между внешним и внутренним, а также проводить отбор и регулировать происходящее внутри собственных границ. Начиная с 11 сентября 2001 года – хотя предпосылок к тому

¹ **Архитектуры международной безопасности** – зд. система обязательных международных норм и обязательств, регулирующая поведение государств в мире. В отличие от искусства архитектуры или науки архитектуры (в IT, например), это система обязательных международно-правовых норм.

² *Д.Медведев*. Нам не надо стесняться рассказывать правду о войне – ту правду, которую мы выстрадали. Известия, 7 мая 2010 г., с. 2.

³ *Ан.Торкунов*. Дефицит демократии и международное сотрудничество. Международные процессы. № 3 (21), сентябрь–декабрь 2009 г.

моменту накопилось множество – **лицо войны изменилось радикально**. Она перестала быть конфликтом наций (или общественных систем, как в случае «тотальных войн» XX столетия) и превратилась в **асимметричную и глобальную войну**. То есть война стала напоминать чисто механическое соединение политических/военных действий, которым пытались найти оправдание с правовой (посредством международной полиции и миротворческих или гуманитарных миссий) либо моральной («справедливая война», превентивная война во имя демократии и т. п.) точек зрения. Сопротивление подобным действиям принимало форму народных бунтов или деятельности боевых групп, мотивируемой **идеологическими либо религиозными соображениями**.

Национальному государству, чтобы вести такого рода войны, в которых резко стираются грани между гражданским и военным населением (грани, которые были естественны в период Второй мировой войны и постколониальный период), приходится претерпевать глубокие структурные и этико-политические трансформации и нередко прибегать к крайне спорным видам насильственных действий.

Еще одним вызовом монополии государства на насилие, а также внутренним и международным правилам его применения являются крупные картели, которые занимаются торговлей наркотиками, а плюс новоявленное пиратство, среди мотивов которого наряду с прочим часто выступают религия и идеология.

Национальное государство также переживает серьезный кризис своих внутренних демократических структур. Страхи и неуверенность в результате соответствующей манипуляции порождают призывы к протекционизму и сплочению граждан, иногда интерпретируемые чуть ли не в ущерб демократическим свободам. Общество раздроблено и сегментировано по самым разным причинам: иммиграция, угроза безработицы либо общее расчленение социального пространства-времени, начавшееся в 1980-х, по таким параметрам, как культура, доходы или социальная мобильность.

Социальное и экономическое неравенство растет и закрепляется, способствуя иерархическому переустройству общества и приходу корпоративного эгоизма на смену гражданскому мышлению и классовой солидарности. И это на фоне безудержной конкуренции и

пренебрежения всеми и всяческими общими правилами. При этом «за кадром» продолжают действовать крупные монолиты экономической и медийной власти, чья динамика в основном ускользает из-под контроля общественного мнения и политических институтов. **Политики и национальное государство часто способны что-то предпринять лишь вдогонку социо-экономическому неравенству и ограничиваются лишь тем, чтобы сделать его более или менее функциональным»¹.**

Это происходит не случайно. К началу нового века стало ясно, что в международных отношениях происходят опасные процессы, в основе которых находились следующие радикальные изменения, произошедшие в конце XX века:

– в конце 89-х годов была разрушена во многих своих элементах система международной безопасности, существовавшая после 2-ой Мировой войны. Она была несовершенна, чревата вспышками войн и конфликтов, по тем не менее смогла не допустить глобального конфликта и крупных войн за 40 лет своего существования. В ее основе лежало примерное равновесие военных сил между НАТО и ОВД и угроза взаимного гарантированного уничтожения;

– ликвидация одного центра силы в лице СССР и ОВД привела к неадекватному усилению другого центра силы – НАТО, который не только расширил географически зону своей ответственности, превратившись из регионального военно-политического союза в глобальный, но и усилен акцент на использование военной силы в качестве инструмента внешней политики. Прежде всего одной глобальной державы – США;

– за последние 20 лет стремительно изменилось соотношение сил в мире в пользу новых мировых гигантов, прежде всего КНР, Индии, Бразилии, которые усиливают влияние своей внешней политики уже в глобальном масштабе, превращаясь из региональных в глобальных политических игроков;

– ослабление России за последние 20 лет также повлияло на расстановку военно-политических сил в мире. Оставаясь ядерной державой, она стремительно теряла свое влияние не только в мире, но и

¹ *К.Галли.* Национальное государство в глобальную эпоху / Россия в глобальной политике, № 5, сентябрь–октябрь 2009 г., с. 152–153.

на постсоветском пространстве, создавая вакуум военно-политического присутствия, который незамедлительно заполнялся другими политическими игроками. Прежде всего США и их союзниками. Но не только¹;

– в эти же годы происходила деформация и даже частичная деградация крупнейших международных институтов безопасности, чье влияние в ряде случаев игнорировалось ведущими государствами. Речь идет об ООН и Совете Безопасности ООН, ОБСЕ, других международных институтах;

– в эти же годы проявилась новая тенденция – создание новых политических и экономических коалиций и союзов: ОДКБ, ШОС и др.

– также за эти годы укрепилось влияние некоторых международных институтов гуманитарной направленности – ПРООН, ЮНКТАД, ЮНЕСКО и др.;

– резко возросло влияние национальных и международных негосударственных организаций, а также информационного сообщества, которые превратились в самостоятельный фактор силы и влияния в мире;

– наконец, усилилось влияние традиционных идеологий и агрессивных идеологических концепций, создавших мировоззренческую и экономическую основу для такого феномена как международный терроризм, наркоторговля и работорговля, пиратство и другие нетрадиционные для XX века угрозы;

Таким образом к концу 2010 года в мире существовали различные, иногда противодействующие друг другу тенденции, которые в отсутствие (иногда умышленном игнорировании) устойчивых нравственных норм и правил серьезно дестабилизируют международную ситуацию.

Потребность упорядочения отношений между государствами стала очевидной для абсолютного большинства стран, которые не были включены в систему евроатлантической безопасности. Это, конечно, относится не только без союзников, но и фактически без защищенных границ, но и к другим странам. Эту потребность де-факто попытались реализовать прежде всего через резко возросшее двустороннее

¹ См. подробнее: *А.Подберезкин*. Национальный человеческий капитал: как фактор влияния на систему международной безопасности. Электронное СМИ. Рейтинг персональных страниц. 19 ноября 2010 г. / www.viperson.ru.

сотрудничество, встречи «двадцатки» и «восьмерки», а также через попытки создания новых институтов безопасности. Эти попытки, естественно, не компенсировали недостаток эффективной системы международной безопасности.

Иными словами, в начале XX века в международных отношениях наблюдается **нарастающий хаос**, который угрожает мировой дестабилизацией. По сути дела остался единственный стабильный институт безопасности – НАТО, – который однако размывается обретением странами Евросоюза фактически статуса самостоятельного субъекта международных отношений.

Налицо и другая тенденция, а именно: противодействие стран-членов НАТО – в явной, либо скрытой форме – созданию новых институтов и архитектур международной безопасности. Это и понятно, ведь существование одного доминирующего центра силы в мире крайне выгодно членам этого альянса.

Таким образом в конце первого десятилетия XXI века мир вошел в период, который характеризуется не только изменением всех его качественных параметров, связанных с «фазовым переходом», но и состоянием нарастающего международного хаоса, стремлениям некоторых держав вернуться к широкому использованию военной силы в качестве инструмента своей внешней политики. Эти противоречия означают, что мировому сообществу так или иначе предстоит **сделать выбор** между двумя основными тенденциями развития – сохранением доминирования военно-блокового подхода или созданием новой архитектуры международной безопасности.

Существующая архитектура

Блоково-силовая система
международной безопасности
для некоторых

- безопасность для членов блока
- силовая составляющая
- политическая зависимость, частичный суверенитет (отсутствие равенства прав)
- отрицание принципа территориальной целостности
- допустимость применения военной силы в прямой и косвенной форме
- стремление к военному превосходству
- географическая ограниченность государственными интересами стран-членов блока

Новая архитектура

Нравственно-правовая система
международной безопасности
для всех

- безопасность для не членов блока (равная безопасности)
- правовая составляющая
- политическая независимость, суверенитет (равенство прав)
- территориальная целостность
- недопустимость применения военной силы ни в какой форме за исключением решения Совбеза ООН
- принцип, разумной достаточности в вооружениях
- географическая ответственность регулируется правовыми соглашениями

Во многом потребность создания эффективной архитектуры международной безопасности диктуется вполне объяснимым стремлением государств умаляя свое влияние через союзы «По отдельности и Россия, и Евросоюз обречены на роль второстепенных и третьестепенных игроков в новом мире»¹, – считают справедливо некоторые эксперты.

Признание в мае 2010 года российским президентом самой возможности мировой войны многое значит, ведь в последние годы

¹ К Союзу Европы. Аналитический доклад российской группы международного дискуссионного клуба «Валдай». Август–сентябрь 2010 г., с. 18.

политики, ученые и общественные деятели как-то избегали этой темы. Такое признание фактически означает признание усиления риска глобальной войны, а, кроме того, ослабления механизмов противодействия увеличению этому риску. Между тем мировая (глобальная) война, напомним, это война между военно-политическими коалициями, блоками, либо военными союзами, как минимум, нескольких государств. Таким образом существование блоков, коалиций **является серьезной и опасной предпосылкой** возможной мировой войны уже само по себе. Государства, не входящие в блоки, будут либо создавать их в противовес существующим, либо пытаться войти в эти блоки. И то, и другое, может быть, и решает проблемы отдельных государств, но точка не способствует укреплению международного мира.

Особенно, когда радикально меняется соотношение сил в мире между потенциальными противниками, (а именно этот процесс мы сегодня наблюдаем), возникают военные кризисы и конфликты. Именно это сегодня мы наблюдаем, но в еще большей степени столкнемся в будущем. Как справедливо отмечают многие авторы, «Современное положение России и Европейского союза характеризуется долгосрочной тенденцией к снижению их удельного веса в мировой экономике и политике и определяется сочетанием целого ряда факторов:

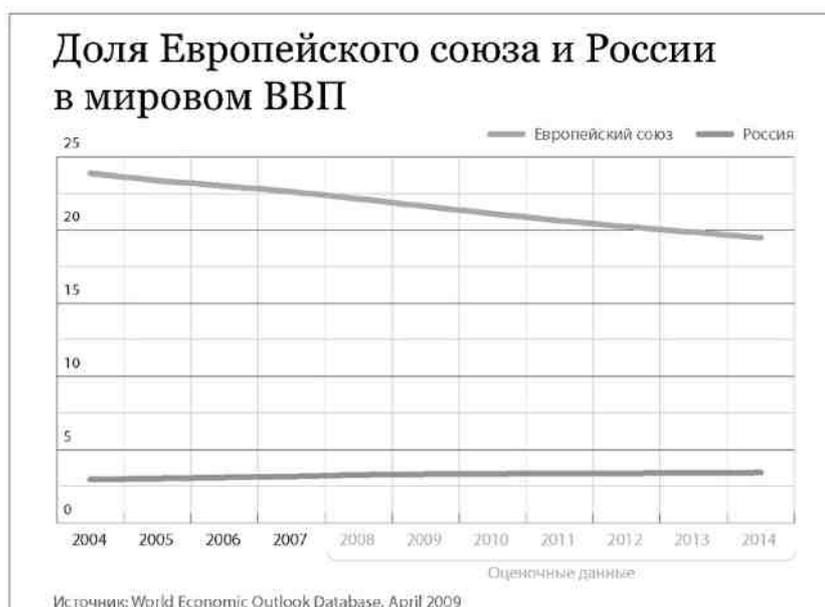
- недостаточно эффективная экономика, провал в сфере развития науки и технологий (больше относится к России);

- высокие административные барьеры для бизнеса (больше Россия), сокращение численности, а в недалекой перспективе и качества трудоспособного населения (и Россия, и ЕС);

- недостаточно динамичная политика на рынке труда и склеротичная социальная политика (больше относится к Евросоюзу).

Негативные тенденции внутреннего развития отмечаются на фоне обострения глобальной конкуренции и быстрого роста новых центров силы, в первую очередь в Азии¹.

¹ К Союзу Европы. Аналитический доклад российской группы международного дискуссионного клуба «Валдай». Август–сентябрь 2010 г., с. 12.

Другая сторона вопроса – то, что, как заметил Д.Медведев, «существуют очень разные страны с очень разными интересами». Это – аксиома международных отношений. Поэтому существуют теоретически три возможных сценария согласования этих интересов, не превращая их в конфликты:

- первый, **приспособить свои интересы** под интересы более сильных участников, пойти на уступки, которые могут привести к размыву суверенитета и даже потере национальной идентичности;

- создать **систему согласования этих интересов**, «правила игры», т.е. архитектуру международной безопасности, основанную на обязательных нормах и разумных компромиссах;

- в-третьих, **приспособить чужие интересы под свои**.

Французский исследователь А.Валладао, например, отмечал в этой связи: «Особое преимущество мирового положения США состоит в том, что в силу свое экономической, политической и военной мощи они являются государством, которое может позволить себе не приспособливаться к мировому сообществу, **а приспособивать это сообщество к себе**»¹ (подч. *А.П.*). Собственно это подтверждает и новая Стратегия национальной безопасности США, с которой в мае 2010 года

¹ Цит. по: *М.Мунтян. Идеология глобализма и современный мир* / <http://medvedev.viperson.ru>.

выступил Б.Обама. Суть ее заключается в том, чтобы «... реконструировать основы американской силы и влияния»¹.

Таким образом в мире существует несколько, порой взаимоисключающих подходов, которые трудно, если вообще возможно, согласовать. Так, не смотря на все желание США «приспособить» КНДР под свои национальные интересы, это государство, как показывает конфликт осенью 2010 года, готово идти на радикальные меры, вплоть до военных, чтобы не оказаться в качестве «приспособленного»².

По сути, чтобы избежать войн необходимо признать, что возможен единственный вариант – согласования интересов национальных государств в рамках общей архитектуры международной безопасности, которая может гарантировать справедливое согласование таких интересов.

Вопрос принципиальной важности **как** преодолеть, **как** согласовать эти интересы? Мирными, либо иными средствами? И здесь мы видим два принципиально разных подхода, которые вытекают как из отсутствия как **общей стратегии**, так и **единого механизма**, единых международно-правовых стандартов решения проблем международной безопасности. Это – главная практическая проблема, которую необходимо решить для укрепления международной безопасности.

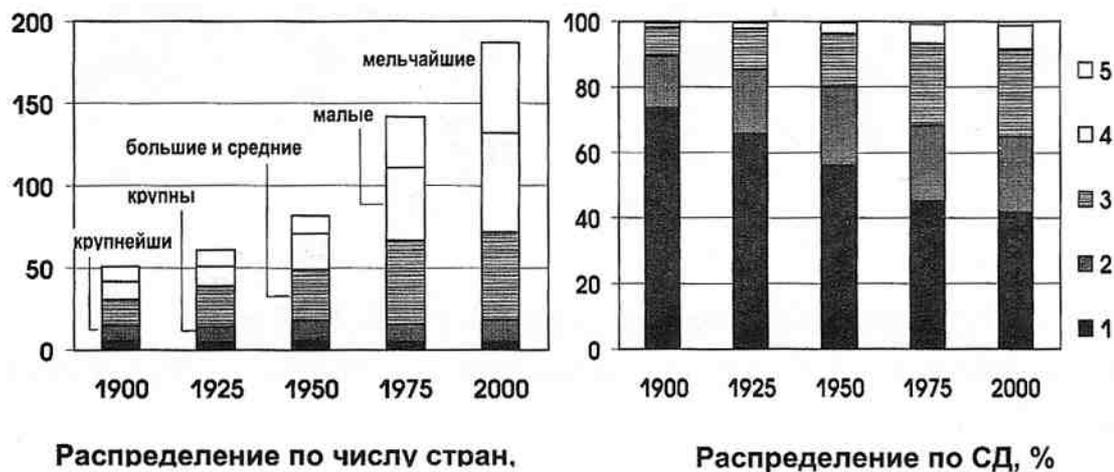
Существует, на самом деле, и множество других различий. Например, сопоставляя национальные интересы, необходимо сопоставлять сами страны, которые, как известно, слишком сильно отличаются друг от друга. И по величине территории, и по численности населения, и по ВВП, и по политическому устройству, и по национальным системам ценностей (которые лежат в основе понимания национальных интересов) и по многим другим параметрам. Так, интересна одна из таких попыток сопоставления, в основе которой лежат разные параметры, предложенные А.Тревишем. «Результаты замеров большинства исторических государств показаны на рис. как соотношения их размерных групп, выделенных по шкале СД вполне формально, без претензий на типологию. Видно, что крупных стран всегда было мало,

¹ The US National Security Strategy. Wash., 2010 г., p. 1.

² Интересна в этой связи оценка реальных возможностей КНДР, данная, например, в книге К.Пуликовского. См.: *К.Пуликовский. Восточный экспресс. По России с Ким Чен Ир*. М.: «Ковчег», 2010 г.

численный прирост давал малые размеры, ныне доминирующие. Пропорции по СД совершенно иные. Вклад в итог великанов постоянно убывал, но все же велик. Он заметно (сравнимо с их числом) вырос у средних стран. Малые и особенно мельчайшие, несмотря на бурное размножение, малоприметны»¹.

Распределение исторических стран по размерным категориям в XX веке

На эволюцию взглядов российской элиты в последнюю четверть века повлияли несколько политических, идеологических и религиозных течений, в которых их авторы выдвигали идею единой Европы. Так, первый папа-славянин, Иоанн Павел II, еще в 1979 году проповедовал единство славян и религий: «И разве не воля Христа, не предопределения Святого Духа в том, что папа-поляк, папа-славянин именно сегодня проповедует духовное единство христианской Европы? Да, есть две великие традиции – традиции Запада и Востока. И хотя мы, поляки, избрали для себя традицию Запада, как это сделали и наши литовские братья, мы всегда с уважением относились к христианским традициям Востока»².

В практическом плане эта проблема хорошо видна на примере отношения России к НАТО. Как справедливо отметил профессор МГИМО(У) А.Богатуров, «Особой, крайне сложной, но неотложной

¹ А.Трейвиш. Что такое государства-гиганты и как с ними бороться. В сб.: Страны-гиганты: проблемы территориальной стабильности. Сборник докладов. М., МГИМО(У), 2010 г., с. 27.

² А.Кримс. Войтыла. Программа и политика папы / Пер. с нем. М.: Изд-во «Прогресс», 1983 г., с. 47.

задачей является продумывание долгосрочной стратегии России в отношении НАТО. Проблема в том, что в среде российских военных и политических экспертов по-прежнему распространено мнение о НАТО как просто о многостороннем военном альянсе. Между тем сегодня эта организация фактически, явочным порядком, в обход формальных международных решений приблизилась к превращению в своего рода универсальный инструмент глобального военно-политического регулирования. Россия, Китай, Индия, Бразилия и многие другие страны вряд ли оценивают эту тенденцию позитивно. Но с ней трудно не считаться»¹.

Эта эволюция НАТО произошла в последние два десятилетия. По сути она означала, что:

– НАТО фактически превратился в военно-политический блок, распространивший свое влияние на весь мир и заявивший о своей глобальной ответственности;

– эта претензия фактически означает, что НАТО попытался (и ему это почти удалось) заменить международные институты безопасности, прежде всего Совет Безопасности. В случаях с Югославией и Ираком это особенно заметно;

– за эти же два десятилетия НАТО реанимировал военно-силовой подход, который, как казалось многим в 80-ые годы XX века, ушел в прошлое;

– наконец, «за скобками» системы безопасности, сложившейся под эгидой НАТО, остались многие страны и прежде всего Россия.

Такая ситуация неизбежно ставит на повестку дня для этих государств вопрос реагирования. Как справедливо считает профессор А.Богатуров, «Можно говорить о двух линиях поведения в этой связи. Первая состоит в том, чтобы противостоять географической и политико-правовой экспансии НАТО. Этим сегодня занимается почти исключительно одна Россия, за которой с холодным любопытством наблюдают из Пекина и многих других столиц»².

¹ А.Богатуров. Равновесие недоверия. Приоритеты России на фоне смены власти в США / Международные процессы, 2009 г., т. 7, № 3 (21).

² А.Богатуров. Равновесие недоверия. Приоритеты России на фоне смены власти в США / Международные процессы, 2009 г., т. 7, № 3 (21).

Действительно, нет и пока не предполагается коалиции «АнтиНАТО». Но такая коалиция может сложиться только в форме государств-сторонников новой архитектуры международной безопасности! Либо в форме новых военных коалиций. Например, «стратегического треугольника» Россия – Индия – Китай, хотя противоречия между Индией и Китаем делают такой союз крайне маловероятным.

На мой взгляд, создание военно-политических союзов, противостоящих НАТО, возможно только с участием России, Китая и Индии. Недостаточный экономический и военный потенциал других государств делает такие союзы практически бессмысленными.

Есть и другая возможность, о которой также говорит А.Богатуров: «Вторая – ее и предстоит обдумывать – может состоять в поиске путей ассоциации с НАТО при условии продолжения ее трансформации из военного блока образца 1949 г. в международную организацию, возможно и с ограниченным членством, но более универсальную по статусу, функциям, распределению расходов и внутреннему регламенту. Пока же можно констатировать: НАТО пытается формировать важнейшие решения по мировым военно-политическим вопросам, а Россия в этом процессе никак не представлена»¹.

Наконец, есть реальная альтернатива НАТО – создание международной архитектуры безопасности, включающей все или основные государства, обладающие военным потенциалом включая страны-члены НАТО. Именно это имел в виду Д.Медведев, заявляя о такой необходимости.

В реальности эта инициатива встретила холодный прием на Западе, лидеры которого пытались и пытаются ее игнорировать. Это и понятно, ведь для НАТО после развала ОВД и СССР сложилась очень комфортная военно-политическая ситуация. Фактически военно-политическая монополия на использование военной силы.

¹ А.Богатуров. Равновесие недоверия. Приоритеты России на фоне смены власти в США / Международные процессы, 2009 г., т. 7, № 3 (21).

2.5.1. Необходимость создания новой архитектуры безопасности

49% граждан России в 2010 году считало (по сравнению с 46% в 2003 году), что военная угроза существует.

ВЦИОМ, осень 2010 г.

Создание новой архитектуры международной безопасности вызвано тремя объективными группами причин, отражающими национальные интересы (потребности) России.

Первая группа.

Реальное усиление вероятности войны для России в невыгодных для нее геополитических условиях. Известно, что граница России с членами этого военного блока реально передвинулась вплотную к нашей стране. И тенденция расширения НАТО в восточном направлении сохраняется: не только Грузия, но и ряд других бывших советских республик не исключают такой возможности.

Это продвижение на восток сопровождалось реальными военно-техническими и организационными мероприятиями на территории новых членов НАТО, что делает расширение НАТО отнюдь не только политической тенденцией.

С военно-политической точки зрения это расширение НАТО означает, что на всем европейском континенте Россия выводится «за скобки» системы европейской безопасности, фактически оказывается в изоляции. Формирование ОДКБ – слабая и малоэффективная, но абсолютно необходимая мера, которая не сможет полностью компенсировать эту тенденцию.

Признание Д.Медведевым в мае 2010 года возможности войны – вполне адекватная, реалистическая оценка ситуации российским лидером, за которой стоит очевидно анализ Генерального Штаба. Прежде всего соотношения военных сил, инфраструктуры, мобилизационной готовности, тенденций военно-технического развития.

Для граждан России угроза войны никогда не была пустым звуком и всегда занимала самое приоритетное место. Наши граждане могут прощать многие ошибки власти именно по этой причине. «Лишь бы не было войны» – это выражение имеет очень глубокий смысл и традицию.

Сохранение вероятности войны, которое при нынешнем соотношении сил и состоянии Вооруженных Сил России всегда была самой приоритетной угрозой для граждан страны¹.

Вторая группа причин, толкающих к созданию новой архитектуры международной безопасности, вызвана несовершенством существующей системы международной безопасности. Это несовершенство практически исключает интересы России. Конфликт с Грузией в августе 2008 года показал реальное положение России в системе международной безопасности. Не смотря на очевидность грузинской агрессии, западные страны оказали этой стране недвусмысленную политическую, экономическую и военную поддержку. И, наоборот, по отношению к России мгновенно была сформирована враждебная коалиция и позиция СМИ.

Не секрет, что за последние 20 лет в Европе сложился фактически новый военно-политический союз стран-членов ЕС, который после лиссабонских соглашений превратился в единую политику нового

¹ К.В.Абрамов. Армия и общество: что думают россияне? ВЦИОМ, 2010, с. 6.

субъекта международных отношений – конфедерации. Поворотным пунктом в самоопределении ЕС как одного из главных политических «акторов» в мире стали 90-е гг. Крутой вираж мировой истории, с одной стороны, потребовал от Союза переоценки своей роли в обеспечении мира и безопасности, а с другой, – значительно расширил пространство возможностей его участия в мировой политике. ЕС ответил на это учреждением Общей внешней политики и политики безопасности (ОВПБ, 1992 г.) и Европейской политики безопасности и обороны (ЕПБО, 1997 г.). Как показал опыт минувших лет, Евросоюз предпринял много усилий, чтобы самоутвердиться на мировой арене...»¹.

Получается, что Россия оказывается исключенной из системы международной безопасности в Европе дважды.

Во-первых, из широкой системы взаимоотношений стран-членов Евросоюза, включающей весь спектр политических, экономических и гуманитарных связей, которые развиваются в конфедерации «Большой Европы».

Во-вторых, из системы безопасности, сформированной собственно НАТО, где безусловным лидером выступают США, которые произвольно трактуют зону ответственности блока, ассоциируя ее со своими национальными интересами.

Частью этой группы причин выступает идея развертывания системы ПРО в Европе, которая является логичным продолжением стратегии США по созданию единого стратегического наступательно-оборонительного комплекса.

Реализация этих намерений неизбежно приведет к обесценению потенциала СНВ России и, как следствие, революционному изменению в соотношении военных сил. Превосходство НАТО и США в военно-стратегической области обеспечит полное военное превосходство, которое компенсировать будет невозможно. Если сегодня страны НАТО производят более 40% ВВП в мире, а Россия – менее 3%, то это экономическое превосходство компенсируется СНВ России. Обесценив СНВ, НАТО добьется полного экономического, военного и

¹ Ю.Борко. Евросоюз и внешний мир: проблемы «мягкой силы» и «единого голоса» / Европейская безопасность: события, оценки, прогнозы. Выпуск 20 (36), 2010 г., с. 2.

политического превосходства, когда интересы России могут игнорироваться Западом в зависимости от потребностей и интересов отдельных стран-членов блока.

Не следует питать иллюзий относительно вероятности реализации этого превосходства. Оно, это превосходство, немедленно отразится либо в скрытой форме (угрозы), либо открытой, прямой форме использования военной силы.

Третья группа состоит в острой потребности консолидации национальных ресурсов России в интересах модернизации. Речь идет о максимальной оптимизации военных расходов интересах опережающего развития. Причем, понимая, что есть такие издержки (как, например, в НИОКР), которые могут помочь, стимулировать модернизацию. Есть и такие (закупка В и ВТ), которые ложатся тяжелым бременем на экономику и планы развития страны.

В целом – открыто, либо скрыто – превалирует общая неудовлетворенность нынешним состоянием дел с международной и европейской безопасностью. Даже у тех политиков и ученых, которые полагают, что существующих переговорных площадок и институтов достаточно для решения вопросов безопасности. Действительно, сегодня в Европе сложилось вроде бы достаточно международных структур – европейский союз, НАТО, ОБСЕ, ОДКБ, СНГ и др., – которые предназначены для обеспечения международной безопасности исключительно тех государств, которые входят в эти структуры, а не защиты всех **без исключения государств**. То есть принцип неделимости безопасности отнюдь не универсален. Зато универсален, как считается, такой институт безопасности, как НАТО.

Вот почему прежде всего необходимо вернуться **к сути**, содержанию инициативы российского Президента, которая предлагает не блоковый и невоенный механизм согласования различных интересов и различий между странами, в том числе (а, может быть, прежде всего) различий мировоззренческих и идеологически.

Сразу же оговорюсь, что выдвигая такой амбициозный проект Д.Медведев не преследовал цели немедленного получения результата. На мой взгляд, главная задача была обозначить наше видение современной концепции безопасности и дать старт переговорному процессу, начать

дискуссию, в ходе которой стороны могли бы договориться по основным острым – старым и новым – проблемам.

Важно было сформулировать проблему и поставить ее в международную повестку дня. Вряд ли Д.Медведев рассчитывал, что эта идея вызовет энтузиазм не только у Запада, но и у других государств. По разным причинам.

Так у крупных мировых игроков – Индии и Китая – есть свои концепции, которые сдерживают их внешне-политическую активность интересами внутреннего развития. Кроме того, Китай, можно ожидать, будет в будущем ориентироваться на создание «китаецентристской» модели концентрируя союзников и сателлитов вокруг Китая.

Но сама дискуссия вокруг этой проблемы чрезвычайно важна для России для продвижения идеи. Другое дело, что России не удалось пока что привлечь широкое внимание. Более того, многие общественные и политические деятели на Западе, да и во всем мире, даже и не слышали о ней. Мои встречи в США, Китае, Индии с экспертами говорят о том, что идея создания новой архитектуры международной безопасности не получила широкой политической и медийной поддержки. Уверен, что избранная Западом тактика замалчивания этой инициативы, оказалась успешной.

В ряде случаев западные политики использовали и другую тактику, а именно – сознательной дискредитации этой инициативы. Ее зачастую называют «слишком абстрактной», «не конкретной», «нереалистичной».

Обвинения в «абстрактности», «нереалистичности» предложений не соответствуют действительности. Как и в любой области отношений между людьми, корпорациями, государствами следовало изначально обозначить, **во-первых**, интересующий предмет обсуждения, **во-вторых**, сформулировать свою позицию в качестве предложения, **в-третьих**, пригласить заинтересованные стороны к дискуссии.

Что и было сделано Д.Медведевым. Как заявил российский представитель при Европейском союзе 12 апреля 2010 года на конференции в Брюсселе «Новые вызовы партнерским отношениям ЕС и России», «Мы не собираемся искусственно форсировать процесс – нужно набрать необходимую «критическую массу» политической воли. Но

процесс должен быть инклюзивным, включать все международные факторы – как государства, так и организаций.

В основу положена идея подготовки нового, юридически обязывающего Договора о европейской безопасности (ДЕБ, учитывающего геополитические реалии сегодняшнего дня, который российский президент так и назвал «Договор о европейской безопасности», подразумевая некий механизм укрепления безопасности. Он также сказал, что «мы просто должны найти площадку, где будет **согласовываться** совокупность самых разных проблем. Мы должны найти **способ** разрешить противоречия»¹.

Таким образом речь не идет о подписании Договора. Сформулирована проблема, которая поставлена в повестку дня. К этой проблеме мы будем постоянно возвращаться, привлекать к ней внимание, обсуждать по разным поводам и в различной связи различные ее аспекты, набирая «критическую массу».

Мы пока что даже не нашли ясного механизма, «способа» решения этой проблемы, но само **начало этого поиска**, уже значит многое. Проблема создания международной системы безопасности, даже если она и не будет решена, очевидно противопоставлена молчаливому согласию с существующей системой, опирающейся на НАТО.

Проблема «выбора площадки» для оптимальных дискуссий и переговоров по Договору о европейской безопасности – достаточно важная, даже самостоятельная тема. Сегодня у многих присутствует формальный подход, в пользу ОБСЕ, которая является на протяжении более 30 лет площадкой для разработки основных принципов и обязательств в области сотрудничества на всем североатлантическом пространстве. А состав членов – покрывает весь спектр на североатлантическом пространстве. Состав же членов – покрывает весь спектр государств.

Но ОБСЕ не является универсальной, общемировой организацией. Сфера ее ответственности ограничена Европой. Крупнейшие новые центры силы – Китай, Индия, Бразилия – не охвачены ОБСЕ. Важную

¹ *Д.Медведев*. Нам не надо стесняться рассказывать правду о войне – ту правду, которую мы выстрадали. Известия, 7 мая 2010 г., с. 2.

роль играют и другие государства, не входящие в ОБСЕ, – Иран, Индонезия, Мексика, Корея.

Кроме того, ОБСЕ создавалась в начале 70-х годов с ограниченными целями. СССР и его союзники стремились зафиксировать послевоенные границы в Европе (что уже оказалось устаревшим), а Запад – стимулировать демократические процессы в Восточной Европе. После того как эти цели потеряли свою актуальность, ОБСЕ превратилась в статистирующую организацию, институт, который используется для ограниченных целей.

Сегодня ОБСЕ уже неспособна решить задачу укрепления безопасности по очевидной причине эгоизма отдельных стран в отношении этой организации, стремления использовать ее в национальных или блоковых целях. Кроме того, ОБСЕ не обладает правоспособностью, и поэтому ее возможности изначально заведомо ограничены. Полностью отдавать идею ДЕБ в ОБСЕ означало бы заранее, изначально ее похоронить, хотя следует признать, что само появление инициативы Д.Медведева оживило эту организацию, ускорило процесс, направленный на повышение эффективности ОБСЕ.

Особо следует остановиться на новых геополитических реалиях и угрозах «сегодняшнего дня». Тех, которые не существовали прежде вообще, либо не достигали масштаба угроз. Так, например, в XXI стало ясно, что распространение информационно-коммуникационных технологий превратилось в реальную угрозу международной безопасности. Соответственно, объективно возникает потребность не только в создании переговорной площадки и обсуждения этой проблемы, но и в «... дополнении мировой разоруженческой повестки дня в части контроля над наиболее опасными видами вооружений и военной деятельности аспектом ИКТ и Мирового процесса информатизации»¹.

Таким образом ОБСЕ, даже оживленная и модернизированная, будет не способна выполнять функции ни предметного обсуждения, ни переговорной площадки. Этот вывод, естественно, не означает, что ОБСЕ следует исключить из этого процесса. Наоборот, если дополнить ее новыми функциями и энергией, она также сможет стать дополнительным,

¹ НТР и мировая политика: учебное пособие / под ред. А.В.Бирюкова, А.В.Крутских. М.: МГИМО(У), 2010 г., с. 91.

вспомогательным инструментом в создании новой архитектуру-международной безопасности.

Отдельно необходимо сказать об ООН и Совете Безопасности ООН, укрепление которых может стать фактором в ускорении процесса формирования новой архитектуры безопасности. Прежде всего в качестве универсальной площадки для дискуссии.

Важное значение может иметь и сознательное укрепление и расширение полномочий этого института.

Вместе с тем традиция, процедуры и масштаб этой организации не позволяют говорить о том, чтобы сконцентрировать ее усилия на прикладных проблемах международной безопасности, превращении ее в реальный механизм по формированию новой архитектуры. Нужен более оперативный, прикладной международный механизм.

Другими словами, Д.Медведев, российская элита в первом десятилетии нового века чувствует, что не хватает возможностей для согласования, совместного обсуждения различных проблем безопасности, что это обсуждение и согласование проходит нередко **без России**, учета её интересов и позиции. Кроме того, из этого признания президента следует, что Россию не всегда, как минимум, устраивают **способы**, с помощью которых решаются проблемы безопасности. Все вместе говорит в пользу того, что Д.Медведев пытается преодолеть растущее игнорирование России и ее интересов. Не случайно он не только использует это слово «просто», но и сделать понятие «безопасность» универсальным.

Известно, что безопасность – главный национальный интерес (потребность). Этот интерес абсолютно приоритетен по отношению к другим интересам (потребностям) нации – экономическим, финансовым, даже социальным. Но:

– **во-первых**, спектр угроз и задач, определяемых понятием «безопасность» стремительно расширился, включая нетрадиционные и глобальные угрозы;

– **во-вторых**, очевидно, что глобализация привела к тому, что понятие «национальная безопасность» и «международная безопасность» становятся все более тождественными.

Так, экологическая безопасность наиболее ярко иллюстрирует практическое совпадение этих понятий. То же самое можно сказать о ядерной безопасности. Видимо сближение этих понятий является неизбежным процессом. Поэтому возникает реальная проблема: перевести эти представления из области противопоставлений в область **взаимной интеграции, взаимного дополнения**, которые могут дать **синергетический эффект**. Усиление национальной безопасности в этом случае будет усиливать международную. И наоборот: укрепление международной безопасности будет укреплять национальную.

Чтобы реализовать эту идею нужно создать такой **алгоритм поведения** государств и **правила поведения** государств, обязательные для большинства стран. Собственно говоря, это и есть новая архитектура безопасности в мире. Сегодня мы имеем ее **отдельные элементы**, иногда эффективные, но не имеем **системы**, которая бы:

- **во-первых**, органично объединяла эти элементы, делала их взаимосвязанными и взаимозависимыми;

- во-вторых, эти система очевидно должна быть дополнена недостающими, очень важными элементами международной безопасности.

Речь идет прежде всего о создании международно-правового механизма, гарантирующего нераздельность представлений о международной и национальной безопасности. Главная трудность в создании такого механизма это добровольное ограничения суверенитета и свободы поведения государств в мире.

Вместе с тем пример стран, входящих в Евросоюз, показывает, что это вполне возможно. Как, впрочем, до этого такой суверенитет, даже в самой чувствительной, стратегической области, ограничивало множество договоров, конвенций и соглашений. Было же реально уничтожено биологическое и химическое оружие, сокращены и даже уничтожены ядерные вооружения, ограничены обычные вооружения и внедрены нормы контроля и проверки за соблюдением договоренностей.

2.5.2. Принципы создания новой архитектуры международной безопасности

«В Лиссабоне были приняты решения о выстраивании современного партнерства..., основанного на принципах неделимости безопасности, взаимного доверия, транспарентности и предсказуемости»¹.

Д.Медведев

«На Соединенных Штатах и Европейском Союзе лежит историческая ответственность предложить создание нового мирового порядка...»².

Из доклада «Перестройка отношений ЕС–США: концептуальный доклад», подготовленного 8 авторитетными европейскими политиками

Усилия, предпринятые в последние годы Россией в области международной безопасности, позволяют, как считает Д.Медведев, «с осторожным оптимизмом» говорить о «перспективах работы» над российской инициативой европейской безопасности. Определения Д.Медведева – «осторожный оптимизм» и «перспективы работы» вполне точно характеризуют реалистичность таких намерений. Можно и нужно говорить о **процессе**, который может привести к определенным результатам, но отнюдь не о результатах. Тем более в ближайшем будущем.

Прототипом новой архитектуры международной безопасности может стать Договор о европейской безопасности (ДЕБ), в основу которого Дмитрий Медведев положил 5 принципов. Эти же принципы могут стать фундаментом и более универсальной, глобальной, а не только евроатлантической системы. Рассмотрим предметнее эти принципы применительно к ДЕБ

Первое. В договоре должно содержаться чёткое **подтверждение** базовых принципов безопасности и межгосударственных отношений на евроатлантическом пространстве. Это:

– приверженность добросовестному выполнению международных обязательств;

¹ *Д.Медведев.* Послание Президента Федеральному Собранию. 30.11.2010 / <http://www.kremlin.ru>

² Цит. по: *Ю.Борко.* Евросоюз и внешний мир: проблемы «мягкой силы» и «единого голоса» / Европейская безопасность: события, оценки, прогнозы. Выпуск 20 (36), 2010 г., с. 2.

– уважение суверенитета, территориальной целостности и политической независимости государств. Уважение всех других принципов, которые вытекают из Устава Организации Объединённых Наций, из этого, без преувеличения, фундаментального документа.

Не стоит думать, что принципы безопасности рождаются в тени кабинетов аналитиков, либо референтов и PR-служб. Такие принципы в той или иной форме рождались жизнью и политической практикой. Так, в основе политики А.Невского лежали религиозные и нравственные принципы. Недаром его самое известное изречение «Не в силе Бог, но в правде».

Этот же принцип А.Невский переносил и на международную область. Напутствия воинов перед битвой, он говорил, что «нельзя преступать чужие пределы». И сам никогда не предъявлял претензий на чужие территории. Среди российских историков «существует мнение, что едва ли не впервые в средневековой Европе А.Невский выдвинул идею нерушимости границ»¹.

Казалось бы зачем вновь обращаться к общепринятой международной норме, ставшей таковой еще в 50–70 годы прошлого века? Неужели нужен этот ритуал, являющийся обязательной частью огромного числа международных договоров и конвенций? Тем более, что ряд критиков Д.Медведева именно из-за этого поспешили объявить его инициативу «абстрактной», «неконкретной», даже банальной?

Действительно, данная формулировка, как видно, не содержит никаких принципиально новых предложений. За исключением одного: подобные международные обязательства должны иметь универсальный характер, т.е. применяться **всеми** государствами по отношению **ко всем** государствам, а не носить избирательный характер. Не секрет, что в последние годы «политическая целесообразность» порой заменяла нормы права.

Президент России добивается лишь подтверждения и актуализации принципов, содержащихся в уставе ООН, других документах, включая Заключительный Акт, подписанный в Хельсинки в 1975 году. Обращает

¹ *Е.Пядышева.* «Не в силе Бог, но в правде» Ъ Международная жизнь, № 8, 2010 г., с. 129.

на себя внимание также акцент, сделанный Д.Медведевым на **политической независимости государства**.

Не секрет, что в последние десятилетия, когда фактически сложилась однополярная военно-политическая система в мире, эти принципы не только размывались, но нередко и нарушались. Под такую политическую практику настойчиво подводились теоретические основания, суть которых сводилась к простой формуле: в эпоху глобализации суверенитет государств должен уступить место наднациональным правилам поведения, которые, как подразумевалось, разрабатываются странами-лидерами глобализации, прежде всего США.

На уровне исследователей – на конференциях, в печатных работах, включая российских ученых – эта формула поднималась бесконечное количество раз. Из нее настойчиво пытались сделать международную норму де-факто. Также де-факто эта норма стала практической политикой ряда стран, предоставив, например, США право на односторонние действия.

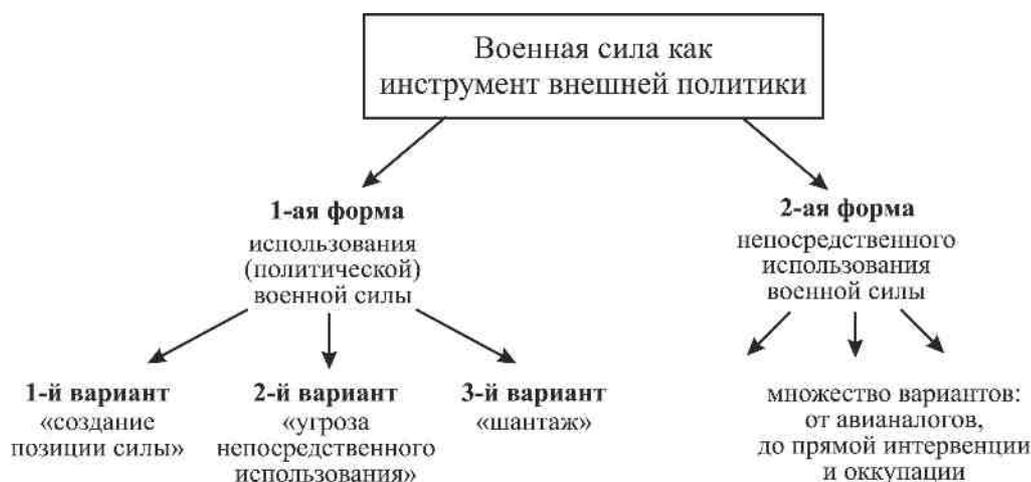
В последние годы именно этот, общепринятый в прошлом постулат, подвергается постоянной ревизии. Руководство США открыто пренебрегает этим принципом, навязывая миру свои представления о демократии, прогрессе, правах человека и, главное, суверенитете. В ход идут: экономическое давление, политический шантаж, информационная агрессия и даже прямое военное вмешательство (Югославия, Ирак, Афганистан). Россия, де-факто, предлагает коллективно осудить такую практику и исключить ее из арсенала международных отношений.

Второе. Следует ясно подтвердить **недопустимость применения силы или угрозы** её применения в международных отношениях.

Следует сказать, что возвращение к принципу отказа от использования военной силы в международных отношениях, который был девальвирован в последние десятилетия, – очень важно. Военная сила стала рассматриваться США в качестве легального, допустимого инструмента под самыми различными предлогами. Если в 50–60 годы XX века это было «защита прав американских граждан», то в начале XXI века – «нарушение демократии», «международный терроризм», «наркоторговля» и другие поводы для военных интервенций.

Подтверждение этого принципа в условиях XXI века в качестве базового принципа архитектуры международной безопасности отнюдь не пустая декларация, а практическая потребность. Его строгое соблюдение может препятствовать, затруднять США, да и другим странам, использовать свои военные преимущества. И не только в Иране, Афганистане, но и в любой точке мира, ведь огромное политическое значение имеет косвенное, не прямое применение военной силы в виде явной или скрытой угрозы. Соответственно подтверждение этого принципа ограничивает политический эффект угрозы применения военной силы.

Для США всегда было принципиально важным сохранить военную силу в качестве инструмента своей внешней политики, который использовался всегда по-разному. Причем косвенное использование, как правило, было многократно эффективнее прямого. В стратегии США этому всегда уделялось много внимания, что можно изобразить на следующем простом рисунке.

Существенно, что Договор (ДЕБ) должен дать гарантии **единообразной трактовки и соблюдения этих принципов**. В последние годы существовал очевидный субъективизм.

Необходимо также закрепить единство подходов к **предупреждению и мирному урегулированию конфликтов** на евроатлантическом пространстве. Что также можно в самом Договоре. А в будущем распространить и на другие регионы. Упор следовало бы сделать на переговорных «развязках» – с учётом мнения сторон и при безусловном уважении к миротворческим механизмам. Это – очень важный элемент

архитектуры. В последние годы число конфликтов растет, а не сокращается. Некоторые из них долго остаются во взрывоопасном состоянии, которое может быть мгновенно нарушено. Это характерно для грузино-осетинско и абхазского, армяно-азербайджанского конфликтов, ситуации в Косово и др. Может быть, нужно закрепить и сами эти процедуры, сам механизм урегулирования споров. Это было бы небесполезно. Уже есть опыт, в т.ч. удачный, действия такого механизма, но созданной процедуры ясной процедуры нет.

В развитие этого принципа инициатива Д.Медведева предполагает переговоры руководителей не только государств, но и созданных на евроатлантическом пространстве международных институтов – Евросоюза, НАТО, ОБСЕ, ОДКБ и СНГ – для обсуждения механизмов обеспечения универсальной безопасности и формировании неделимого пространства безопасности.

Сегодня эта проблема стала особенно актуальна после вступления в силу Лиссабонского договора, в соответствии с которым входящие в Евросоюз государства фактически взяли на себе обязательство о взаимопомощи, т.е. сформировали единое пространство безопасности, за пределами которого остались другие еврейские страны. Евросоюз стал фактически конфедерацией государств, объединенных единой внешней и военной политикой.

Принцип недопустимости применения силы можно рассматривать как расшифровку и детализацию первого, (увеличения суверенитета и территориальной целостности) с упором на создание конкретных переговорных механизмов.

Разумеется, здесь подразумевается признание **равных прав** всех государств – потенциальных участников соглашения, независимо от их принадлежности к политическим союзам и военным блокам.

Третий принцип логически вытекает из второго: **«это гарантии обеспечения равной безопасности. Именно равной безопасности, а не какой-то другой.** И здесь нужно следовать трём «не». А именно:

- не обеспечивать свою безопасность за счёт безопасности других;
- не допускать (в рамках любых военных союзов и коалиций) действий, ослабляющих единство общего пространства безопасности;

– в-третьих, **не** позволять, чтобы развитие военных союзов осуществлялось в ущерб безопасности других участников договора.

Сказанное имеет прямое отношение, например, к такому новому субъекту международных отношений, каким стал Евросоюз после вступления в силу Лиссабонского договора. Как справедливо заметил профессор МГИМО(У) М.Л.Энтин, «Политические и географические границы ЕС нестабильны. В любой момент они могут измениться. С ареалом своего жизненного пространства ЕС так до сих пор и не определился. Куда его может завести внешняя экспансия, остается только гадать. Решение о внешних границах расширения ни Брюсселем, ни столицами «двадцати семи» окончательно не принято. Одни государства хотели бы его продолжить, другие предпочли бы в какой-то момент остановиться. Одни исходят из того, что Союз слишком далеко зашел с интеграцией. Другим хочется ещё большего. Сигналы, подаваемые разными силами внутри ЕС, противоречивы»¹.

Действительно, расширение Евросоюза на юг и восток выглядит вполне вероятным. Некоторым кажется, что даже неизбежным. Но его превращение в военно-политический блок также выглядит вполне неизбежным после лиссабонских соглашений (декабрь 2009 г.). Поэтому для России, выведенной «за скобки» единого оборонного пространства, а также ряда других стран, военное измерение расширения Евросоюза не может ни быть беспокоящим процессом.

И, естественно, должна стать предметом обсуждения на международном уровне. М.Л.Энтин справедливо считает, что «политика в отношении Балкан давно уже отнесена к разряду внутренней. Поглощение субрегиона является лишь вопросом времени. Оно начнется с Хорватии и не остановится, пока все балканские страны не окажутся внутри объединения. В апреле 2009 г., окончательно закрепляя указанный тренд, заявку на вступление подала Албания»². Это расширение влияния неизбежно ведут к росту конкуренции. Как справедливо отмечается в

¹ М.Л.Энтин. Европейский Союз как один из ведущих международных игроков. Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика. 2009 г., № 2 (24).

² М.Л.Энтин. Европейский Союз как один из ведущих международных игроков. Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика. 2009 г., № 2 (24).

Стратегии национальной безопасности России, «Ценности и модели развития стали предметом глобальной конкуренции»¹. Важно поэтому, чтобы такая конкуренция не переходила в военно-политическую область.

Этот принцип имеет огромное значение и для других регионов планеты, например, Центральной Азии и других регионов, где возможно вытягивание различных стран в различные союзы и даже формирование новых военно-политических союзов и коалиций.

Так, например, не исключено формирование союза между Японией, США и Кореей, имеющего очевидную направленность против КНДР. Или США и Пакистана – против Индии, как, впрочем, и пакистано-китайской антииндийской коалиции.

Кроме того, может происходить эволюция двусторонних «стратегических партнерств» в сторону создания военно-политических союзов, а на их основе многосторонних блоков.

Все эти тенденции имеют реальную перспективу и не могут исключаться. Их развитие изначально не должно иметь направленность против третьих стран. Так, расширение российско-индийского стратегического партнерства при существовании таких ограничений может не выйти за рамки широкого военно-технического и политического сотрудничества. При отсутствии таковых, – логично ожидать от него превращение в военно-политический союз с участием ряда центральноазиатских государств.

Развитие ШОС также может развиваться в различных направлениях. Как трансформации в военно-политический блок, так и сохранения «мягких» коалиционных форм.

Как справедливо считает М.Л.Энтин, «... на Молдавию, Украину, Белоруссию и даже Закавказье ЕС также имеет свои виды. Во всяком случае, заигрывание с политическими элитами этих стран Брюссель интенсивно занимается. Мечты о перспективе членства искусно подпитывает. По Лиссабонскому договору любая из них может на него претендовать в случае, если будет удовлетворять политическим и экономическим критериям членства. Забота о достижении этих критериев

¹ М.Л.Энтин. Европейский Союз как один из ведущих международных игроков. Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика. 2009 г., № 2 (24).

прописана в политике соседства ЕС и восточного партнерства. Юридикогеографическим критериям, будучи европейскими странами, они изначально соответствуют»¹.

Равенство прав всех участников соглашения должно воплотиться в равных гарантиях безопасности. Всеобщее признание этого постулата, по сути дела, означало бы постепенную демилитаризацию военно-политических союзов. Действующий устав НАТО предусматривает обязательство членом союза: агрессия в отношении любого из них рассматривается, как агрессия против всех. А если член НАТО сам спровоцирует ответные действия, которые будут квалифицированы им как агрессия? Представим себе, что могло бы произойти, если бы Грузия в момент своего нападения на Южную Осетию являлась членом НАТО?!

Четвёртое. В Договоре (ДЕБ) важно подтвердить, что ни одно государство и ни одна международная организация **не могут иметь эксклюзивных прав на поддержание мира и стабильности в Европе.** В полной мере это относится и к России. Но такая же модель взаимоотношений должна быть обеспечена и для других регионов планеты.

Это, конечно, «камень», брошенный в сторону США, ибо никакая другая страна и не претендует на подобную роль. В Европе размещены американские военные базы, ядерное оружие. США активно вмешиваются в каждую конфликтную ситуацию на континенте. Свежий пример – появление кораблей американского ВМФ у Черноморского побережья Кавказа во время осетино-грузинского конфликта. Расширение НАТО и его продвижение на восток, юг и даже на север, чревато закреплением неоглобалистских тенденций. Так, в последние годы становится актуальным формирование консенсуса стран по Арктике. Если допустить, что НАТО захочет выглядеть гарантом, например, Канады или Дании, то переговоры об использовании этого региона, а тем более его границах, становятся еще более проблемными.

Применительно ко всему миру этот принцип означает, что ни одно государство и ни один блок не могут претендовать на эксклюзивное

¹ М.Л.Энтин. Европейский Союз как один из ведущих международных игроков. – Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика. 2009 г., № 2 (24).

право по использованию военной силы или на принятие других мер по поддержанию стабильности. В противном случае эти претензии превратят в монополизм, определяющий всю систему безопасности и развития в регионе.

Фактически этот принцип направлен на исключение военно-политического доминирования со стороны любого государства или союза в мире. Сегодня или в будущем. Но не только. Экономическое, социальное и гуманитарное развитие во многом предопределяются способностью государств осуществлять свою суверенную внутреннюю и внешнюю политику. Поэтому принцип отказа от эксклюзивных прав на безопасность так или иначе распространяется и на экономическое, социальное и культурное развитие, способность государства обеспечить суверенитет и национальную идентичность.

Этот же принцип означает, что растущая конкуренция между различными ценностями и моделями развития, неизбежная сегодня и в будущем, не будет находиться под очевидным военным влиянием того или иного государства или блока, т.е. у них не будет **дополнительных конкурентных преимуществ**. Это – очень важно и не должно недооцениваться. Борьба за сохранение идентичности – часть процесса конкуренции национальных ценностей. И влияние военной силы должно быть минимизировано.

Этот принцип имеет прямое отношение и к целям национального развития. Выбор государством приоритетов и целей развития, использование в этих целях институтов государства, происходят в зависимости от сохранения нации полного суверенитета. Если этого нет, то нации могут навязать экономические, социальные и иные решения. Как, например, многое было **навязано** СССР и России в прошлом.

Но у этого принципа есть и другая сторона: появление новых угроз и проблем в области безопасности требует конструктивного диалога **всех** заинтересованных сторон. Если у какой-то страны появляется соблазн и возможность «решить проблему» в одностороннем порядке, без консультаций, то это может привести к непредсказуемой реакции других государств. Таких потенциальных сценариев и вариантов реакции может быть множество. Предусмотреть все – невозможно, но возможно и необходимо договориться об отказе от односторонних действий в случае

возникновения новой угрозы, предварительных консультациях, в которых могут принять участие все заинтересованные стороны.

Подобные обстоятельства могут возникать не только на европейском континенте, но и в других регионах мира, где могут пересекаться интересы европейских государств. Так, например, в 1956 году во время Суэцкого кризиса, на Ближнем Востоке столкнулись интересы СССР, Великобритании и Франции, которые не только привели к масштабному использованию военной силы, но и угрозе ядерной войны.

Сегодня такими потенциальными регионами может явиться уже не только Ближний, но и Средний Восток, Закавказье, Арктика, Средиземноморье, да и другие регионы.

И, наконец, **пятое**: «целесообразно установить **базовые параметры контроля над вооружениями и разумной достаточности в военном строительстве**. Очевидно, что военная безопасность не может быть обеспечена без ограничения вооружений, контроля и договоренностей относительно военно-технических мер обеспечения безопасности. В свое время это поняли даже лидеры стран, находившихся в состоянии «холодной войны», запретив и ограничив целые виды и классы оружия включая ОМУ.

Кроме того очевидна взаимосвязь между военным соперничеством и неизбежными военными расходами с развитием государств. Чрезмерные усилия, потраченные на обеспечение безопасности (иногда эксперты считают пределом 8% ВВП), безусловно сказываются на возможностях опережающего развития. Соответственно гонка вооружений, тем более не ограниченная никакими обязательствами, ведет к нерациональному расходованию национальных ресурсов.

С другой стороны, опыт Израиля и США, а также, частично, СССР, показывает, что их инновационные достижения в промышленности во многом были **следствием** развития военных НИОКР. Поэтому принцип «разумной достаточности», узаконенный в международной практике, поможет ограничить чрезмерные для экономики и опасные для стабильности военные расходы.

Кроме того, не секрет, что торговля оружием и услугами на внешнем рынке имеет как негативное, так и позитивное значение. Особенно, если речь идет о серийном производстве новых образцов В и ВТ для продажи

за рубеж. Объем таких продаж может составлять для России более 10 млрд. долларов, а также (как, например, в случае с Индией) обеспечивать особые, «стратегические» двусторонние отношения. И здесь принцип «разумной достаточности» может сыграть свою роль, регулируя объемы и направленность торговли оружием и военной техникой.

Также важно сформировать новое качество **взаимодействия**, новые процедуры, новые механизмы взаимодействия по таким направлениям, как распространение ОМУ, наркотрафик и терроризм.

Очевидно, что новая международная реальность связана с ростом «ассортимента» новых угроз. Новые, в т.ч. нетрадиционные угрозы, уже стали предметом взаимодействия между государствами. Иногда даже более приоритетными, чем прежние. Это относится к борьбе с международным терроризмом, «киберугрозами» и др. В МИДе России был создан даже специальный департамент, отвечающий за эти направления сотрудничества.

Речь здесь идет о выработке целого пакета соглашений по контролю за ядерными и обычными вооружениями в Европе. Старые соглашения (например, Договор об обычных вооруженных силах в Европе) после распада СССР полностью утратили смысл и перестали быть рычагом стабилизации военно-политической обстановки.

Со своей стороны Россия предпринимает все возможное для того, чтобы ее действия по обеспечению безопасности не рассматривались на Западе в качестве угрозы. Так, по мнению большинства западных экспертов, хотя расширение активности НАТО и Евросоюза на постсоветском пространстве и рассматривается в новой военной доктрине России¹ как главная угроза, «... достаточно очевидно, что Россия не собирается наращивать свой военный потенциал на западных границах»².

Пришло время искать новые походы к контролю над вооружениями в мире и особенно в Европе. Это признают уже и здравомыслящие европейцы.

¹ Военная доктрина Российской Федерации. Утверждена Указом Президента России 5 февраля 2010 г. / www.sbef.ru.

² Д.О.Новикова. Российская военная доктрина в редакции 2010 г.: реакции и оценки политических и экспертных кругов Запада. Аналитическая записка ИМИ МГИМО(У) М.: апрель, 2010, с. 5.

Предложенная Россией идея построения новой системы европейской и в перспективе международной безопасности носит концептуальный и долгосрочный характер и устремлена в будущее. Повторю, никто в России и не надеяться, что Договор удастся подписать в краткосрочной перспективе. История дипломатии однако учит, что не сделав первого шага, невозможно сделать последующие шаги к намеченной цели. Мало вероятно, чтобы все государства немедленно отказались от своих взглядов на роль военной силы и соответствующих институтов, признали универсальность принципов безопасности и норм международного права.

У России, реализующей планы экономической и социальной модернизации, есть острая потребность в создании новой архитектуры международной безопасности основанной на прочных принципах. Понимая, что никакие договоры не гарантируют мирного развития страны, мы, конечно же, понимаем и то, что чем благоприятнее будут международные реалии такого развития, тем быстрее и эффективнее будут развиваться процессы модернизации. Эта взаимосвязь – очевидна.

Ясно и другое. Никакое опережающее развитие и качественный скачок в развитии страны сами по себе не обеспечат военной безопасности. Даже страны-лидеры в экономическом развитии становились объектом агрессии и недружественной политики. Поэтому, развивая принципы обеспечения безопасности и международного сотрудничества, мы создаем фундамент для будущего существования нации и государства в качестве независимых субъектов международных отношений, т.е. работаем на свою будущую перспективу. Мы конструируем уже сегодня свое будущее, понимая, что оно зависит не только от нас, но и внешнего, не всегда расположенного к нам мира.

2.5.3. Новая архитектура международной безопасности как политико-идеологическое условие модернизации

«Политические реформы не должны приводить к хаосу и параличу демократических институтов. Они должны укреплять демократию, а не разрушать ее»¹.

Д.Медведев

«... на смену идеологической борьбе либерализма и коммунизма, опиравшейся на военно-политические потенциалы двух сверхдержав, ... пришло господство идеологии политического и экономического либерализма ...»².

*М.Мунтян,
профессор МГИМО(У)*

Модернизация в России во многом предопределяется тем, насколько благоприятны окажутся для нее внешние условия, прежде всего, с точки зрения безопасности страны. Сегодня безопасность становится частью общего политико-идеологического противоборства и конкуренции стран в мире, предопределяется конкурентоспособностью национальных ценностных систем.

«Господство идеологии», опирающееся на мощь той или иной державы, – опасная и реальная угроза для России. Речь идет отнюдь не только о США, но о любой державе, которой, например, сможет стать через 20 лет КНР. Понятно одно: трансформация экономической и военной мощи в идеологическую, когда суверенным государствам **навязывается иная система ценностей и иные нормы поведения** (как правило, удобные и выгодные для тех, кто их навязывает), к сожалению, не только нынешняя, но и, вероятно, будущая реальность. Реальность, которая прямо угрожает безопасности государств и наций.

Для России ситуация осложняется нерешенностью целого комплекса проблем, связанных с национальной самоидентификацией. Прежде всего по отношению к Европе. Как считают некоторые авторы, «... в России нет ясности ни по поводу прошлого, ни по поводу будущего. После кризиса коммунизма и распада СССР в России не только не

¹ Д.Медведев. Наши демократия несовершенна, мы это прекрасно понимаем. Но мы идем вперед / Президент России, 23 ноября 2010 / <http://news.kremlin.ru>.

² Цит. по: М.Мунтян. Идеология глобализма и современный мир / <http://medvedev.viperson.ru>.

сформировался национальный консенсус о причинах этих событий, напротив, обсуждение соответствующих тем только усугубляло раскол»¹.

Подобная ситуация опасна. Прежде всего потому, что когда у правящей элиты и общества нет ясного представления о национальной системе ценностей, то внешняя политика неизбежно сталкивается с необходимостью постоянной корректировки стратегии. В частности, и прежде всего, в Европе, по отношению к которой в России постоянно ведутся споры о ее идентичности. Но и формирование было общей, мировой архитектуры международной безопасности сталкивается все с той же проблемой национальной идентификации – от выбора модели демократии до ассоциации себя с той или иной системой ценностей.

Все это суть идеологии. Даже если нам и не хочется использовать этот термин ни внутри страны, ни применительно к ее внешней политике.

В России, в условиях модернизации, считается, что идеологические разногласия не являются актуальными. Более того, «деидеологизация» как принято считать, создала благоприятные условия для модернизации. Как считает, например, В.А.Чижов – постоянный представитель России при Евросоюзе – «Современные условия, экономическая, научно-техническая и, что немаловажно, идеологическая и правовая основы модернизации кардинально отличаются от тех, которые существовали ранее»².

Это, безусловно, верно. Но до определенного предела. Идеология перестала быть главным противоречием в отношениях между государствами, но отнюдь не исчезла. Даже если Россия «заявит» об ее исчезновении. Она останется потенциально самой опасной угрозой для безопасности, которая может развиваться в реальную угрозу. Как это случилось с радикальным исламом или национал-социализмом.

В этой связи безопасность, как ситуация, при которой риски минимизированы, а благоприятные условия – максимальны, является обязательным условие не только для развития, но и самого существования наций. Категория «безопасность» относится к высшим национальным и государственным приоритетам, поэтому очевидная

¹ М.Липман, Н.Петров. Страна односторонней связи / Огонек, № 48, 6 декабря 2010 г., с. 18.

² В.Чижов. «Партнерство для модернизации» – ключевой элемент сотрудничества России и Евросоюза / Международная жизнь, № 8, 2010 г., с. 37.

угроза безопасности со стороны идеологии является самой опасной угрозой. В Стратегии национальной безопасности России до 2020 года по этому поводу говорится: «национальная безопасность» – состояние защищенности личности, общества и государства от внутренних и внешних угроз, которые позволяет обеспечить конституционные права, свободы, достойные качества и уровень жизни граждан, суверенитет, территориальную целостность и устойчивое развитие Российской Федерации, оборону и безопасность государства»³. Как видно, прямо об идеологической угрозе, национальной идентификации и национальной системе ценностей в Стратегии не говорится. Что, на мой взгляд, плохо. Потому, что важнейшим интересом (потребностью) нации является **сохранение ее идентичности**. Нация, сохранившая идентичность, но потерявшая временно частично или полностью суверенитет, еще может возродиться. Но нация, потерявшая идентичность, даже при формальном сохранении суверенитета перестает быть нацией. История знает примеры как первого, так и второго рода.

Вся идеология формирования новой архитектуры международной (европейской в т.ч.) безопасности строится на равенстве суверенитетов государств, который косвенно предполагает равноправия ценностных и идеологических систем. Но именно косвенно. Между тем, если «идеологический суверенитет» в эпоху глобализации сохранить гораздо сложнее. Тем более если он становится главной мишенью внешней агрессии.

Вот почему особенно важно, чтобы архитектура международной безопасности не размывала, а укрепляла национальную идентичность государств, не вела ко всеобщему универсализму, а содействовала бы многообразию культур и систем ценностей.

Состояние безопасности, т.е. когда международные риски сведены к минимуму, является наиболее благоприятным для любой модернизации.

В том числе риски социокультурные и ценностные.

Между тем мы часто наблюдаем, что процессы интеграции (например, в Евросоюзе) нередко сталкиваются именно с этой проблемой. Еще чаще мы видим, что проблемы безопасности пытаются сделать

³ Стратегия национальной безопасности Российской Федерации до 2020 г. Утверждена Указом Президента РФ от 12 мая 2009 г. / <http://www.kremlin.ru>.

условием для отказа от национальных ценностей. Которые, кстати, лежат в основе национальных интересов.

В противном случае модернизацию приходится проводить, как это было в фашистской Германии в 30-е годы или в СССР, в условиях чрезвычайной мобилизации, отвлекая на это процесс меньше ресурсов, чем это было необходимо. Это и понятно, ведь поддержание готовности к конфликту, тем более – войне, требует фактически милитаризации экономики и общественной жизни.

И, наоборот, когда обстоятельства (внешние силы, международная ситуация, эффективная политика) позволяют в минимальной степени отвлекаться на отражение внешней угрозы, возможности для проведения модернизации многократно увеличиваются. Так, в периоды самого бурного модернизационного процесса Япония и послевоенная Германия тратили менее 1% своего ВВП на военные расходы. Сегодня такие расходы в большинстве ведущих стран не превышают 3%. Эта логика видна из следующего рисунка.

На мой взгляд, общий смысл выступления Дмитрия Медведева можно кратко резюмировать так: Россия не согласна с моделью однополярного мира и произволом какой-то одной сверхдержавы или групп стран. Мы предлагаем изменить этот порочный международный порядок переговорным путем, через поиск компромисса и согласия с участием всех заинтересованных государств, международных и общественных институтов, т.е. создать систему безопасности, которая необходима России в качестве обязательного условия модернизации.

Эту логику понимают и на Западе, когда пытаются «обменять» безопасность на принятие по сути дела **идеологических условий и ценностей.**

Последовавшие события в 2009 году в Южной Осетии, разгоревшиеся в августе, только укрепили уверенность, что такой договор крайне необходим. Российский проект нового соглашения быстро разошелся по миру. Его направили во все страны-члены ОБСЕ, а

также главам государств СНГ. С общим каркасом документа могли ознакомиться все страны.

14 пунктов соглашения предполагают закрепление на евроатлантическом пространстве принципов неделимой и равной безопасности, не нанесения ущерба безопасности друг другу. Любые меры безопасности участника или группы участников договора осуществляются исключительно с учетом интересов безопасности остальных членов соглашения.

При этом никто, в рамках Договора, не должен своими действиями затрагивать коллег, а также обязуется не поддерживать таких действий и не участвовать в них. Это касается не только непосредственно действий против участника соглашения, но и предоставления своей территории и использования территории другого участника в целях подготовки или осуществления вооруженного нападения против одного или нескольких участников договора.

Более того, участники Договора имеют право заранее запрашивать по дипломатическим каналам информацию относительно принимаемых другим участником существенных мер законодательного, административного или организационного характера, которая, по их мнению, затрагивает их безопасность.

Проект Договора предусматривает несколько уровней механизма решения споров. Самый простой – консультации участников Договора. Другие два варианта – конференция членов соглашения и чрезвычайная конференция. Участник Договора, по мнению которого существует нарушение или угроза нарушения его положений, может направить предложение о проведении консультаций, может пригласить партнера или группу партнеров на консультации.

Эхо кавказского столкновения в августе прошлого года отчетливо звучит в 7 статье документа. «Без ущерба для положений статьи 8 настоящего Договора Участник вправе рассматривать вооруженное нападение на другого Участника как вооруженное нападение на него самого, – гласит проект. – В порядке осуществления права на самооборону в соответствии со статьей 51 Устава Организации Объединенных Наций он вправе предоставить Участнику, на которого совершено вооруженное нападение, с его согласия, необходимую

помощь, включая военную, до тех пор, пока Совет Безопасности Организации Объединенных Наций не примет мер, необходимых для поддержания международного мира и безопасности».

В 8 пункте документа, в свою очередь, говорится о созыве чрезвычайной конференции членов договора в случае подобных агрессий с участием как непосредственно сторон конфликта, так и третьих членов соглашения. «Чрезвычайная Конференция Участников является правомочной, если в ней участвуют не менее четырех пятых Участников настоящего Договора, – записано в проекте документа. – Решения Чрезвычайной Конференции Участников принимаются единогласно и являются обязательными. В случае если вооруженное нападение совершено Участником настоящего Договора, либо от него исходит угроза такого нападения, голос этого Участника не включается в общее число голосов Участников при принятии решения»¹.

¹ В.Кузьмин. Проект безопасной Европы. Российская газета, 30 ноября 2009 г.

Глава 2.6. Идеологические аспекты новой системы международной и европейской безопасности: за и против

«... западный мир утомлен собственной культурой, алчностью, эксплуатацией, разделением, собственными лжебогами и разочарованием в ложных обещаниях»¹.

Папа Бенедикт XVI

«Нам (Евросоюзу) необходимо пересмотреть и укреплять отношения с ключевыми партнерами. Прежде всего, я думаю о США, Канаде, России, Китае, Японии, Индии, Бразилии»².

*Херман Ван Ромней,
президент Евросоюза*

Современное состояние международной безопасности трудно понять без признания того факта, что мир в начале XXI века вступил:

- **во-первых**, в период «фазового перехода», т.е. качественных изменений всех основных элементов международных отношений;
- **во-вторых**, этот переход сопровождается крупнейшим **идеологическим кризисом**, поразившим развитие страны и ставший причиной мирового кризиса 2008–2010 гг.;
- **в-третьих**, устойчивость и стабильность развития КНР и Индии в период мирового кризиса объясняется прежде всего тем, что эти страны, сохранившие национальную систему ценностей и идеологию, не были охвачены кризисом идеологии.

Идеологический кризис проявился и в системе международной безопасности, сложившейся после распада СССР и ОВД на условиях США и НАТО. Он, в частности, выразился в том, что к 2011 году сформировались следующие принципиальные политико-идеологические различия в самом понимании международной безопасности.

ЗА

- Консолидация усилий всех государств по обеспечению международной безопасности
- Россия – равноправный участник международных отношений

ПРОТИВ

- Развитие противоречий между союзниками, противопоставление Евросоюза США
- Россия – младший партнер, ведомый развитыми странами, которые определяют нормы ее поведения

¹ Цит. по: *П.Китинг*. Шестнадцать потерянных лет. Почему не сложился «новый мировой порядок». Россия в глобальной политике, 2008 г. Т. 6, № 5, с. 13.

² Президент ЕС заявил о необходимости пересмотра отношений с Россией / <http://ru.proua.com/news/26.02.2010/>.

- Одна цивилизация, один регион в Европе
- Россия как лидер, великая держава, имеющая глобальную ответственность
- Единое правовое пространство всех участников международных отношений
- Участие всех государств в процессах обеспечения международной безопасности
- Соблюдение баланса интересов всех государств, наций и личностей
- Замена одной архитектуры международной безопасности – другой
- Системный подход, основанный на взаимосвязи всех элементов безопасности
- Влажность принципов, в т.ч. правовых и нравственных
- Универсальность норм и принципов
- Россия – за пределами единого (европейского) региона и цивилизационного пространства
- Россия – выталкивается на периферию, ее влияние в мире ставится под сомнение
- Россия – не является полностью частью единого правового пространства
- Ограничение влияния – враждебных, по мнению Западных государств, выборочный подход
- Соблюдение интересов некоторых государств и наций
- Сохранение нынешней архитектуры безопасности опирающейся на нынешние институты
- Субъективный, рефлекторный, односторонний подход
- Приоритет политической целесообразности
- Избирательность норм и принципов, соответствующих западным ценностям

«... опасный вакуум идей относительно долгосрочного развития мира требует чрезвычайных усилий ...»¹.

С.Караганов

Идеологические и культурные аспекты международной безопасности чрезвычайно важны и порой недооцениваются, хотя именно они лежат в основе внешней политики любой страны (группы стран). Отношения России, например, и Европы имеют давнюю историю, о чем иногда забывают. Эта трудная история насчитывает более 1000 лет, но ее последствия сказываются и поныне. И не только недавние – 30–50 лет, – о чем в начале XXI века многие говорят, но и те, которые уходят корнями вглубь веков.

Современные отношения России и Евросоюза отнюдь не исключение, хотя на официальном уровне это и не акцентируется. Между тем, размышляя о проблемах европейской безопасности, нельзя не вспомнить Н.Я.Данилевского, который более полутора веков назад высказал мысль, имеющую, на мой взгляд, значение и сегодня. Не смотря на все последствия глобализации и европейской интеграции: «Дело в том, что Европа не признает нас своими. Она видит в России и в славянах вообще нечто ей чуждое, а вместе с тем такое, что не может служить для нее простым материалом, из которого она могла бы извлекать свои выгоды, как извлекает из Китая, Индии, Африки, большей части Америки и т.д., ... Европа поэтому видит в Руси и в Славянстве не чуждое только, но и враждебное начало. ...Европа понимает или, точнее сказать, инстинктивно чувствует, что под этой поверхностью лежит крепкое, твердое ядро, которое не растолочь, не размолоть, не растворить, которое, следовательно, нельзя будет себе ассимилировать, претворить в свою плоть и кровь, которое имеет силу, и притязание жить своею независимую, самобытную жизнью. ...Европе трудно – чтобы не сказать невозможно – перенести это ... не крестом, так пестом; не мытьем, так

¹ *С.А.Караганов*. Предисловие. К Союзу Европы. М.: РИА Новости, СВОП, сентябрь 2010 г., с. 1.

катаньем, – надо не дать этому ядру еще более окрепнуть и разрастись, пустить корни и ветви вглубь и вширь»¹.

Политико-идеологические аспекты международной безопасности в XXI веке, на мой взгляд, вышли на первое место среди самых актуальных международных проблем. Особенно в период кризиса 2008–2010 годов, хотя на поверхности общественного внимания чаще всего фигурировали финансовые и экономические проблемы. Политика, в том числе олицетворяемая лидерами «Большой восьмерки» и «Большой двадцатки», явилась той «концентрированной экономикой», которая реально определяла состояние международной безопасности.

Но сама по себе политика выступает лишь проявлением идеологии, тех фундаментальных ценностей, которые отстаивала правящая элита. Таким образом экономический и финансовый кризис 2008–2010 годов в действительности стал проявлением **идеологического кризиса либерализма на Западе**. Не случайно, что от кризиса в экономическом плане пострадали меньше всего те страны, которые идеологически меньше зависели от развитых стран и либеральной экономики.

Неудача попыток построения «однополярного мира», «триумфальное настроение правых» завело, – как пишет американский исследователь И.Валлерстайн, – мир в тупик»². Но у этого была и еще одна причина – губительное высокомерие Запада, его элиты, которая искренне считала, что ей удалось построить «идеальный мир», в основе которого лежат «подлинные ценности». Когда так считают, то подобное высокомерие не только не отражает реальности, но и, как показывает история, бывает **строго наказано**.

Сегодня это «высокомерие Запада» мешает решать реальные проблемы, ибо исключает до сих пор новые политические концептуальные подходы, выходящие за рамки этой идеологии. «Реальные проблемы» – экономические и социальные – становятся заложниками идеологии. «... развитие экономики той или иной страны во многом находится под влиянием политики, т.е. зависит от целей, поставленных правящей элитой ... политические интересы, идеология

¹ *Н.Я.Данилевский*. Россия и Европа. Изд-е. шестое. Изд.-во «Глаголь». С-П, 1995 г., с. 40–41.

² *И.Валлерстайн*. Куда идет наш мир? Многополярность и относительный закат американской мощи. Россия в глобальной политике, 2008 г., т. 6, № 5, с. 9.

власть имущих, надолго деформируют экономические законы. Это рано или поздно приводит к взрыву ...»³ – справедливо считает патриарх советской и российской экономики академик О.Богомолов. Именно идеология правящей элиты США и ряда других стран определяла многие годы экономическую, внешнюю и военную политику в мире, включая, естественно, и весь комплекс вопросов, связанных с международной безопасностью.

Мировой кризис 2008–2010 годов стал не только финансовым и экономическим кризисом, но и кризисом идеологическим, и политическим правящей элиты Запада, который с новой остротой поставил на повестку дня вопрос о новой системе международной безопасности. Это подтверждает, например, тот факт, что в тех странах, где не было идеологической либеральной «ломки», экономический и финансовый кризис проявился лишь в той мере, в какой они зависели от стран-лидеров глобализации. В Китае, естественно, сократился экспорт, но падение ВВП «сократилось» до снижения роста на 1–2%. Та же ситуация наблюдалась в Индии, а также исламских государствах, которых не затронул идеологический кризис.

Соответственно и выход из кризиса будет в том же порядке: сначала необходим концептуальный, идеологический посыл, поиск новой философии безопасности, затем – создание новой архитектуры и институтов безопасности (а также модернизация существующих), а затем практические политические шаги по созданию новых норм и правил, регулирующих функционирование новой системы безопасности, в частности, «единого пространства безопасности в Евроатлантике»¹.

Таким образом создание новой идеологической системы взглядов на безопасность неизбежно должно предшествовать практическим шагам, ибо только такая система позволяет сформулировать долгосрочную стратегию по созданию и развитию системы международной безопасности. Эта стратегия должна быть выработана совместно, впрочем, как и ее реализация невозможна одним (группой) государств.

³ О.Богомолов. Наши исследования не были напрасными / Мир перемен, № 3, 2010 г., с. 10.

¹ Д.А.Медведев. Послание Президента Федеральному Собранию. 30.11.2010 / www.kremlin.ru.

Последнее обстоятельство – очень важное. В многополярном мире время коалиций и военно-политических союзов заканчивается. Им на смену должна придти **система** международной безопасности, в которой участвуют в той или иной мере **все** государства. Другими словами система безопасности XX века столкнулась с кризисом. Это – прежде всего **кризис идентичности**. Для того, чтобы его преодолеть, нужно выйти на иной мировоззренческий уровень. Этот кризис идентичности затронул и все существующие институты¹, созданные во второй половине XX века для обеспечения международной безопасности – ООН, ОБСЕ, даже НАТО. Некоторые из них (как ОВД) распались, другие (как ОБСЕ) стагнируют², некоторые (Совбез ООН) – теряют свою эффективность.

Не последнее место в этом процессе преодоления кризиса идентичности принадлежит России, которая всегда была мировым идеологическим лидером, представляя собой не просто нацию, а целую цивилизацию. Она может и должна предложить миру свое новое понимание миропорядка и международной безопасности основанное на принципах гуманизма и приоритета национальных человеческих потенциалов. Не случайно в Стратегии национальной безопасности констатируется, что «... Россия в качестве гаранта благополучного национального развития переходит к новой государственной политике в области национальной безопасности»³.

¹ *С.В.Лавров*. Как преодолеть кризис идентичности / Российская газета, 30 ноября 2010 г.

² Так, саммит ОБСЕ прошел в Астане 1 декабря 2010 года только через 11 лет после последнего саммита.

³ Стратегия национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года. Утверждена Указом Президента РФ от 12 мая 2009 г.

2.6.1. Роль идеологии в политике безопасности

«... марксизм и либерализм дали в нашей стране сходный результат, если иметь в виду тип власти и тип общества»¹.

*И.Харичев,
генеральный директор
журнала «Знание – сила»*

«... именно идеология формулирует тот политический идеал ..., достижения которого становится самоцелью (самоценностью). ... Политический идеал есть синтез соответствующих ценностей ...»².

*М.Хрусталёв,
профессор МГИМО(У)*

Идеология, как «система взглядов, выражающих коренные интересы больших общественных групп»³, применительно к вопросам безопасности означает **систему взглядов элит на международную безопасность**.

Идеология таким образом играет ключевую, даже самую важную роль в определении правящей элитой политики национальной и международной безопасности, которые можно рассматривать как совокупность официально принятых взглядов на государственную стратегию в области обеспечения безопасности личности, общества и государства от внешних и внутренних угроз политического, экономического, социального, военного, техногенного, экологического, информационного и иного характера с учетом имеющихся ресурсов и возможностей.

Такая широкая трактовка на практике включает самый широкий круг (идеологических систем) взглядов даже внутри правящей элиты. Не мой взгляд, проблема заключается именно в этом: у российской правящей элиты до сих пор не сложилось **единой системы взглядов** или хотя бы Лизкой, совпадающей по основным параметрам. Как, например, у правящих элит США, Франции, Великобритании, Германии.

Так, с одной стороны, мы видим как на практике реализуется модель экстенсивного развития, основанная на идее сохранения макроэкономической стабильности и адаптации России к внешним

¹ *И.А.Харичев.* О культурных заимствованиях России / Мир перемен, 2010 г., № 3, с. 184.

² Современная мировая политика: Прикладной анализ / Отв. ред. *А.Д.Богатуров.* М.: Аспект-Пресс, 2009 с. 26.

³ *В.Я.Ядов.* Идеология / Энциклопедический социологический словарь / Под общ. ред. Г.В.Осипова. М., 1995 г., с. 207.

условиям, в том числе условиям безопасности. С другой стороны, все настойчивее сложатся голоса о переходе на интенсивную модель развития, в т.ч. активизации внешней политики и политики безопасности. Как справедливо заявил В.Черный, «подушной безопасности России от глобальных кризисов должны быть не армия бедняков, не накопленные в резервном и национальных фондах и залогом запаса средства, а развитие ее экономики на основе мощного интеллектуального подъема»¹.

С одной стороны, мы слышим, что инновационное развитие основывается на принципах демократии, а, с другой, – инновационное развитие должно обеспечить опережающее развитие России. И не суть важно, насколько окажутся стерильными методы.

Таким образом идеология российской правящей элиты, в т.ч. та ее часть, которая относится к вопросам безопасности, – весьма противоречива, что, естественно, отражается и на внешней политике страны. Которая, к сожалению, нередко бывает не только непоследовательной, но и излишне зависимой от внешних условий.

В России в начале XXI века сохранилось заблуждение относительно значения идеологии, сформировавшееся еще в 80-ые годы прошлого века. «Деидеологизация», «прагматизм» и прочие изыски, на самом деле, во многом виноваты в том, что у элиты России до сих пор не сформировалась относительно устойчивая идеологическая система взглядов, в том числе на вопросы международной безопасности. Спектр таких взглядов чрезвычайно широк: от полного игнорирования национальных интересов России в области безопасности, сохранившееся с 90-х годов в части элиты, до абсолютизации национальных интересов, их отрыва от международных реалий. Что видно, кстати, в повседневной российской политической практике.

Между тем политическая идеология представляет собой прежде всего определенную доктрину (т.е. официальную в той или иной степени, систему взглядов), оправдывающую претензии той или иной группы лиц на власть. Иными словами, политическая идеология – это разновидность корпоративного сознания, отражающая групповую точку зрения на ход

¹ В.Черный. Интеллектуальная революция и Россия / Стратегия России, № 7 (67), июль 2009 г., с. 29.

политического и социального развития общества и потому отличающаяся определенной предвзятостью оценок.

Как средство идейного обеспечения групповых интересов политическая идеология является по преимуществу инструментом элитарных слоев, которые с ее помощью консолидируют групповые объединения граждан, обеспечивают связь с низами, выстраивают определенную последовательность действий в политическом пространстве. Именно от компетентности элит зависит степень идейного оформления тех или иных групповых интересов. И здесь-то как раз у российской элиты возникают проблемы:

– идеология упрощает, даже вульгаризирует и огрубляет действительность. Нередко, в зависимости от адекватности элиты, даже искажает ее. Созданный таким способом образ и представления ценностях могут быть использованы для манипуляции политическим сознанием граждан.

Важно однако, что такая систематизация и даже формализация обязательны. Без них не может быть выработана официальная (доктринальная) система взглядов. Поэтому, когда в России в первом десятилетии XXI века стали появляться концепции и доктрины они во многом оказались вне широкого контекста взглядов элиты, не стали производными от них, а оказались как бы искусственно созданным продуктом Совбеза.

С помощью идеологий политические цели элиты символизируются и получают индивидуальные значения, а политические действия приобретают конкретную направленность. В результате снижается стихийность восприятия политики и хаотичность политического взаимодействия в группе.

Огромное, даже чрезмерно огромное значение в создании эффективной системы европейской безопасности **имеют идеологические аспекты, которые во многом определяют внешнюю политику и позицию стран Евросоюза.** Эти аспекты традиционно играли большую роль в отношениях между Западом и Востоком в Европе, начиная с

раннего средневековья, заложив определенную традицию негативного отношения друг к другу.

Причем во многом эта традиция, на мой взгляд, имеет субъективный характер: как только возникала общая для Европы реальная угроза, будь то наполеоновская Франция или гитлеровская Германия, сразу становилось очевидным, что идеологические противоречия легко преодолимы, а у России и остальной Европы больше общих интересов, чем противоречий. Может быть и сегодня опасения тех кто в российской элите полагает, что «идеологический конфликт РФ с восточными европейцами, где у России безусловно справедливая позиция, будет перенесена на весь комплекс отношений ЕС–РФ»¹, – напрасны?

Это особенно наглядно видно из истории Второй мировой войны, когда очевидная угроза порабощения остальной Европы гитлеровской Германией стала катализатором в развитии отношений СССР и с другими европейскими государствами. Так, уже через месяц с небольшим после нападения Германии, было подписано «Соглашение между правительствами СССР и Великобритании о совместных действиях в борьбе против Германии», которое положило начало формированию антигитлеровской коалиции. «Хотя как отмечают российские критики, – во время переговоров и не были ликвидированы расхождения между СССР и Англией по ряду вопросов, но принятое соглашение имело важное значение в образовании будущего союза государств ...»².

Представляется целесообразным более подробно остановиться на всем наборе аргументов, высказанных противниками инициативы российского президента, а также на позиции представителей разных частей российской элиты по этому поводу, которые в целом выступили достаточно консолидировано, поддержав Д.А.Медведева.

Сразу подчеркну, что в отличие от начала 90-х годов, когда позиции различных идеологических течений и элит резко, иногда даже радикально отличались друг от друга, отношение к инициативе президента России в целом у российской элиты положительное. Так, если либералы начала 90-

¹ Ю.Шевцов. Европа угрожает России. РБК daily / <http://www.rbcdaily.ru/2007/12/14>.

² Н.П.Пархитько. Битва за Москву. Создание антифашистской коалиции. В кн.: Великая Отечественная война: происхождение, основные события, исход: документальные очерки / сост. А.А.Ахтамзян. МГИМО(У), 2010 г., с. 326.

х годов просто принимали позицию США и НАТО без всяких оговорок, а коммунисты и националисты – также безоговорочно отрицали, то в первое десятилетия XXI века можно говорить о **вполне консолидированной внешнеполитической позиции российской элиты по вопросам международной и особенно европейской безопасности**. Эта позиция выражается в стремлении не просто наладить конструктивное сотрудничество с Евросоюзом, **но и стать частью системы общеевропейской безопасности**. Конечно, в России не могут не видеть, что после вступления в силу Лиссабонского договора Евросоюз фактически превратился не только в экономический союз, даже конфедерацию, но и в военно-политическую коалицию. Вот почему часть российской элиты с тревогой, даже опасением, следит за этой эволюцией Евросоюза. Как пишется в одной из статей «Фонда стратегической культуры», «На Западе немало пишут сейчас о том, что Лиссабонский договор усиливает антидемократический и антисоциальный характер Евросоюза, передавая почти все права национальных государств, включая право на объявление войны, органам ЕС и регламентируя чуть ли не все сферы жизни европейцев. В России не слышно даже отголосков этой дискуссии, хотя изменения в Европе не в последнюю очередь касаются как раз России. Достаточно заглянуть в документы рабочих групп, занимавшихся шлифовкой Лиссабонского договора, чтобы понять это окончательно.

Наиболее частая аргументация «еврооптимистов» – необходимость единой политики перед лицом внешних вызовов, которыми называют нарастающий потенциал России и Китая»¹.

Тех, кого в российской элите не настораживают такие моменты, все равно вынуждены признать, что «Вступление в силу Лиссабонского договора откроет перед ЕС также принципиально новые возможности в усилении внешней политики и внешнеэкономической деятельности силовым компонентом. Создание европейской армии он, правда, не предусматривает, но формировать на его базе современные мобильные военные формирования, прекрасно подготовленные и оснащенные военной техникой, для использования в любых регионах планеты станет намного проще. К тому же у государств-членов появится возможность

¹ Фонд стратегической культуры / <http://www.fondsk.ru/article/2010/03/02/>.

продвигать в рамках ЕС структурированное сотрудничество. Это означает, что те из них, которые могут и желают идти по пути военной интеграции гораздо дальше, чем сейчас, смогут это делать беспрепятственно»¹.

Пока что констатируем, что в целом реакция на эти инициативы Д.Медведева на Западе была отрицательной, хотя и в разной степени. И аргументы эти были сплошь и рядом идеологизированы. Складывается впечатление, что у Запада в отношении инициативы Д.Медведева **идеология заменила политику**.

¹ *М.Л.Энтин*. Европейский Союз как один из ведущих международных игроков. Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика. № 2(24), 2009 г., с. 46.

2.6.2. Как пропаганда заменила идеологию в области безопасности

«Пора перестать относиться к «непохожести» российской жизни как к пережиткам, «особенностям транзита», которые скоро исчезнут. Традиционное сознание в России доказало свою устойчивость по отношению к вестернизации»¹.

*Ан. Торкунов,
ректор МГИМО(У)*

«Надо иметь полную картину политического ландшафта, прорабатывать будущую стратегию.»².

*Ю. Дроздов,
бывший руководитель
разведки СССР*

Существует большая разница между идеологией правящей элиты и пропагандой, которая является **средством** внешней политики. В вопросах международной безопасности эта разница имеет огромное значение. Если идеология это устоявшаяся **система** взглядов правящей элиты на систему международной безопасности, (описывающая цели, принципы, ресурсы и средства), то пропаганда – один из инструментов внешней политики.

Мировой опыт показывает, что политика вполне может уступить свое место пропаганде в отношении между различными государствами, т.е. происходит процесс замещения всей реальной политической деятельности одним из инструментов – пропагандой. Такие случаи нередки в современной политической и институтов гражданского общества.

И, наоборот, когда возникают потребности (т.е. остро заявляют о себе национальные интересы), пропагандистские штампы легко уходят «на второй план». Хорошим примером может стать «вдруг» проявившаяся дружба между СССР и США в начале 1970-х годов, когда консерватор Р.Никсон заговорил о «разрядке», в основе которой находился достигнутый СССР паритет в области стратегических наступательных вооружений.

Лучший «деидеологизатор», как показывает история международных отношений, – угроза безопасности, которую надо отразить вместе. Таким образом степень «идеологизированности» внешней политики (а на самом деле – степень пропагандистского влияния) определяется в конечном счете **реальными потребностями** того или иного государства (группы

¹ *Ан. Торкунов.* Фундаментальность в общественных науках / Независимая газета, 07.12.2007.

² *Ю. Дроздов.* <http://www.vrazvedka.ru/forum/viewtopic.php?p=152175>

государств). Соответственно, когда такие потребности минимальны (как, например, у стран Евросоюза по отношению к России), то степень идеологизированности может быть очень высокой. И, наоборот, когда возникают реальные интересы, прежде всего интересы безопасности и экономики, то пропагандистские наскоки вдруг неожиданно исчезают. Так было, например, во времена 2-ой мировой войны, когда США и Великобритания стали абсолютно лояльными СССР и сталинскому режиму.

Идеологические аргументы противников инициативы Д.Медведева хорошо систематизировал и сформулировал руководитель российско-китайских программ Центра европейских реформ Бобо Ло¹. Его изложение позиции Запада очень удобно для того, чтобы систематизировать и формализовать как позицию критиков, так и оппонировать им с российской позиции. Как мы увидим, превалирование идеологических аспектов в такой позиции очевидно. Так, по мнению критиков:

– «... предложении российского президента Дмитрия Медведева создать новую архитектуру европейской безопасности резко разделило Запад на два лагеря. Критики отвергают эту инициативу, усматривая в ней очевидную попытку поссорить западные государства. Более благосклонные аналитики видят в ней искреннее стремление сформулировать концепцию безопасности XXI века».

Россия, как и всякая другая держава, естественно, использует противоречия между другими странами. Для этого и существует дипломатия. Но делать стратегическую ставку на такие противоречия внутри Евросоюза, либо между Европой и США, сегодня было бы наивно. Никто в России этого и не делает. Более того, сама идея новой архитектуры европейской безопасности, предложенная Д.Медведевым, делает уровень двусторонних отношений между государствами менее важным, чем общая международно-правовая база, обязательная для всех государств. Тем самым и использование противоречий между другими государствами даже тактически становится менее перспективным.

¹ Бобо Ло. Медведев и новая архитектура европейской безопасности. 14 апреля 2010 г. / <http://www.polit.ru/institutes/2009/09/03/bezopasnost.html>.

Официальная система взглядов на вопросы безопасности и угрозы изложена в новой военной доктрине Российской Федерации, утвержденной Президентом в 2010 году. Там, в частности, говорится, что, «... Мировое развитие на современном этапе характеризуется ослаблением идеологической конфронтации, снижением уровня экономического, политического и военного влияния одних государств (групп государств) и союзов и ростом влияния других государств, претендующих на всеобъемлющее доминирование, многополярностью и глобализацией разнообразных процессов ...

... несмотря на снижение вероятности развязывания против Российской Федерации крупномасштабной войны с применением обычных средств поражения и ядерного оружия, на ряде направлений военные опасности Российской Федерации усиливаются.

Основные внешние военные опасности:

- стремление наделить силовой потенциал Организации Североатлантического договора (НАТО) глобальными функциями, реализуемыми в нарушение норм международного права, приблизить военную инфраструктуру стран-членов НАТО к границам Российской Федерации, в том числе путем расширения блока;

- попытки дестабилизировать обстановку в отдельных государствах и регионах и подрвать стратегическую стабильность;

- развертывание (наращивание) воинских контингентов иностранных государств (групп государств) на территориях сопредельных с Российской Федерацией и ее союзниками государств, а также в прилегающих акваториях;

- создание и развертывание систем стратегической противоракетной обороны, подрывающих глобальную стабильность и нарушающих сложившееся соотношение сил в ракетно-ядерной сфере, а также милитаризация космического пространства, развертывание стратегических неядерных систем высокоточного оружия;

- территориальные претензии к Российской Федерации и ее союзникам, вмешательство в их внутренние дела;

- распространение оружия массового поражения, ракет и ракетных технологий, увеличение количества государств, обладающих ядерным оружием;

– нарушение отдельными государствами международных договоренностей, а также несоблюдение ранее заключенных международных договоров в области ограничения и сокращения вооружений;

– применение военной силы на территориях сопредельных с Российской Федерацией государств в нарушение Устава ООН и других норм международного права;

– наличие (возникновение) очагов и эскалация вооруженных конфликтов на территориях сопредельных с Российской Федерацией и ее союзниками государств;

– распространение международного терроризма;

Возникновение очагов межнациональной (межконфессиональной) напряженности, деятельность международных вооруженных радикальных группировок в районах, прилегающих к государственной границе Российской Федерации и границам ее союзников, а также наличие территориальных противоречий, рост сепаратизма и насильственного (религиозного) экстремизма в отдельных регионах мира»¹.

– Следующая мысль Бобо Ло: «Иногда на Западе и Востоке считают, что после окончания холодной войны Россия почувствовала, что оказалась на периферии. В 90-ые годы в ней царил политический хаос и социально-экономический кризис, а ее внешнеполитическое влияние резко уменьшилось; в результате, в международной жизни она могла претендовать самое большее на роль младшего партнера. Позднее, когда при Путине экономическая ситуация в России улучшилась, к ней стали относиться как к более влиятельному, но весьма неуклюжему и подчас враждебному государству. Короткая война с Грузией в августе 2008 г. ознаменовала сразу два момента: пик пресловутого возрождения страны и отчуждение между Россией и Европой».

Действительно, правление либералов в 90-ые годы привело к глубокому социально-экономическому кризису. Прав Бобо Ло и другие критики и в том, что в результате этого кризиса «влияние нашей страны резко уменьшилось». Но дальше с его логикой нельзя согласиться: признается, что в результате улучшения ситуации в России она стала

¹ Военная доктрина Российской Федерации / <http://www.scrfgov.ru>

«весьма неуклюжей» и «даже враждебным» государством, т.е. связь прямая: слабая, кризисная Россия – удобная для европейских партнеров, а окрепшая – «неуклюжая» и «враждебная». Может быть именно в этом дело? Часто правящей европейской элите нужна слабая и не способная влиять ни на что Россия, но возникает вопрос: насколько дальновидна такая политика, ведь страны Евросоюза и Россия находятся на одном континенте и связаны миллионами нитей. Ослабление одной из европейских составляющих – будь то Запад или Восток, – как показывает история, неизбежно отражается на безопасности другой половины.

Что, кстати, признается в нынешнем Евросоюзе. Как справедливо полагает Р.Коэн в своей статье в «The New York Times» от 9 марта 2010 года «Чтобы Лиссабонский договор стал не клочком бумаги, а Ван Ромпей – не просто декоративной фигурой, Евросоюзу необходимо выработать четкую стратегию по отношению к Китаю, России, ближневосточному мирному процессу, Афганистану, энергетической безопасности – и это лишь пять проблем, по которым у него отсутствует единая позиция. Кроме того, теперь даже Франция осознала, что соперничество между ЕС и НАТО в ситуации, когда Западу необходима сплоченность для того, чтобы хотя бы удержать свои позиции – это нелепость и идиотизм. Таким образом, европейцам необходимо как следует поработать и над координацией своей военной стратегии»¹.

И, конечно, никак нельзя согласиться с термином «пресловутое возрождение страны». Это возрождение, пусть медленное, непоследовательное, но происходит. И не видеть, и не учитывать этот процесс нельзя, оставаясь реальным политиком. Это возрождение абсолютное: Россия превратилась из страны должника в страну – кредитора, восстановила свой ВВП, свои институты власти и т.п. И это возрождение относительное: Россия становится центром силы, который признают среди других центров в прошлом однополярном мире. Как пишет, например, американский ученый И.Валлерстайн, «... на мировую сцену выходят такие игроки, как Россия, Китай, Индия, Иран ...»². Заметьте, кстати, порядок перечисления этих стран.

¹ Р.Коэн. «Ушел, дружок, совсем ушел. «The New York Times» от 9 марта 2010 г

² И.Валлерстайн. Куда идет наш мир? Россия в глобальной политике, 2008 г. Т. 6, № 5, с. 8.

– Другая сентенция Бобо Ло: «Параллельно с этими процессами происходил еще один: ЕС и НАТО практически полностью отождествились с Европой той эпохи, которая наступила после холодной войны. В прошлом Россия была частью Европы за счет того, что она, с одной стороны, «типичная европейская христианская цивилизация», а с другой, входила в число великих европейских держав: Россия, Франция, Германия и Великобритания. За последние 20 лет процесс европейской интеграции ускорился, и Россия отстала; теперь она оказалась аутсайдером еще в большей степени, чем страны вроде Турции (которая уже более полувека входит в состав НАТО)».

Может быть Россия и отстала за последние 20 лет, но ни географически, ни культурно, ни духовно она не перестала быть частью Европы. И граждане нашей страны не перестали себя идентифицировать себя европейцами. Не перестала Россия быть и великой державой. Во всех смыслах этого слова, включая и экономический (ВВП сопоставим с ВВП Англии, Франции и Германии), а тем более культурный, образовательный, научный.

Россия не может стать аутсайдером, даже если кому-то это очень и захочется, хотя, безусловно, несчастья и неурядицы последних 20 лет, конечно, повлияли на ее восприятие в мире и Европе.

Неправильно говорить и о том, что Россия отстала от интеграционных процессов за последние 20 лет. Напомню, что до конца 80-х годов Россия практически в них не участвовала, более того противопоставляла им «социалистическую интеграцию» в рамках Организации Варшавского Договора (ОВД) и Совета Экономической взаимопомощи (СЭВ). Развитие отношений СССР развивалось на двусторонней основе, из которой исключалось полностью военное, политическое, финансовое и гуманитарное сотрудничество. Сегодня, как справедливо признает бывший Посол России в Брюсселе В.Лихачёв, наступила «эпоха «дорожных карт», когда в область практического сотрудничества переведены целые направления в отношениях России и стран Евросоюза: от сотрудничества в области миграции до сотрудничества в области гражданского, уголовного и торгового права.

В рамках переговоров по второму соглашению представители Евросоюза поднимают вопрос о присоединении Российской Федерации,

как члена Гаагской конференции по международному частному праву, к ряду Гаагских конвенций, в частности, о гражданско-правовых аспектах международного похищения детей (1980 г. и 1996 г.). РФ изучает этот вопрос, она признает значение гаагского правового массива. Но при этом мы видим, что данные конвенции относятся к сфере семейного права, тематика которого не входит в диалог по третьей «дорожной карте». Надо быть просто объективным.

Наконец, «дорожная карта» по формированию общего пространства науки и образования, включая культурные аспекты. В ее основе богатый интеллектуальный, духовно-исторический капитал, тесное переплетение на протяжении нескольких веков культур, знаний и традиций. Все это способствует движению РФ и ЕС по пути интеграции, созданию реально новых, инновационных по сути, инструментов и принципов. За эти годы стороны продвинулись по пути формирования на базе Болонского процесса европейского пространства высшего образования. Разворачивается сотрудничество в рамках запущенной в 2008 г. программы ТЕМПУС – IV. Динамично продвигается сотрудничество в сфере образования по линии открытого в Москве (2005 г.) Европейского учебного института при российском университете МГИМО(У) МИД России. Разрабатывается, с учетом накопленного опыта, Проект программы действий России и Евросоюза по сотрудничеству в сфере культуры.

– Следующий «аргумент» Бобо Ло: «Медведев впервые заговорил об этой инициативе в июне 2008 г., перед конфликтом с Грузией. Ее главной целью было ограничить влияние Америки в Евразии. Медведев подчеркивал, что «атлантизм как единственный принцип исторически изжил себя»; утверждал, что нынешняя европейская архитектура несет «на себе отпечаток идеологии, унаследованной от прошлого»; говорил, что НАТО «никак не может обрести новый смысл своего существования». И главное: Москва призывала провести европейский саммит, посвященный разработке новой хартии по образцу Хельсинской. На всякий случай, Медведев пояснил: «Важно, правда, чтобы все государства – абсолютно все государства Европы – участвовали в нём в своем национальном качестве, оставив блоковые и иные групповые соображения за дверью».

Совершенно неверно связывать инициативу Д.Медведева с какими-то частными, пусть и важными, событиями. Отношения России с ЕС имеют принципиальное значение, что отражается в официальных доктринальных, долгосрочных документах. Так, в Концепции внешней политики Российской Федерации, утвержденной Указом В.В.Путина еще в июне 2000 года, по этому поводу говорится: «... Российская Федерация видит в ЕС одного из своих важнейших политических и экономических партнеров и будет стремиться к развитию с ним интенсивного, устойчивого и долгосрочного сотрудничества, лишённого конъюнктурных колебаний».

Характер отношений с ЕС определяется рамками Соглашения о партнерстве и сотрудничестве, учреждающего партнерство между Российской Федерацией, с одной стороны, и Европейскими сообществами и их государствами-членами, с другой стороны, от 24 июня 1994 г., которое еще не заработало в полную силу. Конкретные проблемы, прежде всего проблема адекватного учета интересов российской стороны в процессе расширения и реформирования ЕС, будут решаться на основе одобренной в 1999 году Стратегии развития отношений Российской Федерации с Европейским союзом. Предметом особого внимания должно стать **формирующееся военно-политическое измерение ЕС** (подч. – *А.П.*)»¹.

Действительно, можно согласиться с критиками в том, что Россия считает, что атлантизм как принцип себя изжил, или, точнее, – почти изжил себя. И не только в представлении российской элиты, которая хотела бы стать частью европейской, но и в реалиях самого атлантизма. Напомню, что атлантизм (точнее – североатлантизм) возник как принцип после 2-ой мировой войны для обороны североатлантического региона, во-первых, и противоборства с СССР и его союзниками как носителей коммунистической идеологии, во-вторых.

Этот принцип, может быть, и был актуален до конца 80-х годов, когда в Европе противостояли две огромные военные группировки, готовые к полномасштабным действиям на всем континенте и даже в мире. Присутствие США, как считалось, ставит перед СССР преграду для

¹ Концепция внешней политики Российской Федерации / <http://www.scrf.gov.ru/documents/>.

нападения на Европу. Но за последние два десятилетия эта военная угроза исчезла: произошло радикальное, в несколько раз, сокращение Вооруженных Сил России, они были выведены из всех европейских государств, а наступательный потенциал – ликвидирован. Соответственно и отпала необходимость американского военного присутствия, да и принципа «антлантизма» как военной составляющей политики Европы и США. Вместо «силовых» принципов обеспечения безопасности настало время «правовых». И Россия уже сегодня положила эти принципы в основу своей политики безопасности. Так, в принятом еще в марте 1992 года законе «О безопасности» (который включил некоторые дополнения в 1993, 2002, 2005, 2006 и 2007 годах), прямо говорится (Статья № 5):

«Принципы обеспечения безопасности.

Основными принципами обеспечения безопасности являются:

- законность;
- соблюдение баланса жизненно важных интересов личности, общества и государства;
- взаимная ответственность личности, общества и государства по обеспечению безопасности;
- интеграция с международными системами безопасности»¹.

Более того, за последние 20 лет мы отчетливо наблюдали два противоречивых процесса. С одной, российской, стороны, – сокращение вооруженных сил и вооружений, уничтожение всей инфраструктуры в Восточной Европе и ее существенно ослабление на европейской части бывшего СССР. С другой стороны, – усиление военной мощи НАТО, продвижение блока на восток, развитие инфраструктуры.

Кроме того, за последние десятилетия НАТО распространил зону своей ответственности далеко за пределы обозначенного региона (превратившись из региональной организации, разрешенной Уставом ООН, в глобальную), а, во-вторых, хотя и исчезли идеологические противники – государства, противостоявшие НАТО в 1949 году, но появляются новые аргументы в пользу глобализации действий и сферы ответственности НАТО.

¹ Закон РФ от 5 марта 1992 г. «О безопасности» / <http://www.scrf.gov.ru/docements/>.

Утверждения о том, что блоки способны обеспечить мир и безопасность опровергаются реальными событиями. После того как в Европе остался один военно-политический союз НАТО, количество войн и конфликтов отнюдь не сократилось, даже увеличилось. И эта мысль разделяется Д.Медведевым, который недвусмысленно сказал: «События 90-х годов в Европе, на ближнем Востоке, на Кавказе ... показывают: никакой блок свои задачи таким образом решить не может и безопасность, к сожалению, поддержать на должном уровне не может»¹.

Блоковая идеология себя исчерпала, так как исчезло блоковая противостоящая идеология и военно-политическая коалиция, поэтому формирование новой архитектуры безопасности предстоит делать самостоятельно суверенным государством (всем, как подчеркнул Д.Медведев) на основе международного права. Что, естественно, противоречит принципу атлантизма. Это можно организационно сделать только на международной конференции, где участвуют, во-первых, все европейские государства в своем суверенном качестве, а, во-вторых, когда изначально нет блоковой составляющей. «Наша общая позиция заключается в том, что безопасность одного государства нельзя обеспечить счѐт безопасности другого. Напротив, она определяется максимально высокой степенью безопасности соседа» – заявил С.В.Лавров².

Особую группу возражений против инициативы Д.Медведева, Бобо Ло объединяет под названием «Трещины и разломы». Его аргументы таковы:

«Кремль стремится использовать внутренние разногласия западного альянса – как между США и Европой, так и между европейскими государствами. В первый раз Медведев выдвинул свое предложение сразу после бухарестского саммита НАТО в мае 2008 г. В ходе этого саммита у членов альянса возникли серьезные разногласия по поводу того, следует ли давать Грузии и Украине статус стран, готовящихся вступить в НАТО.

¹ Д.Медведев. Нам не надо стесняться рассказывать правду о войне – ту правду, которую мы выстрадали. Известия, 7 мая 2010 г., с. 3.

² Совместная статья Министра иностранных дел России С.В.Лаврова и Вице-канцлера, Министра иностранных дел Германии Г.Вестервелле «Ремонт евро» / Российская газета, 31 мая 2010 г.

В итоге им пообещали членство в неопределенном будущем, без указания сроков и без плана по подготовки к вступлению».

Действительно, такие разногласия у стран Запада есть. И как показали дальнейшие события те, кто противился вступлению Украины и Грузии в НАТО, были абсолютно правы, а те, кто спешил их принять, – нет. Это, так сказать, внешние факторы, которые в действительности не зависят от России. Евросоюз расширился, включив в себя большое количество государств с самой разной экономикой, уровнем жизни, историей, традицией. Расширился и НАТО. Это – объективно и неизбежно ведет к росту противоречий, причем таких, которые (по пессимистическим оценкам некоторых экспертов) могут даже взорвать НАТО и Евросоюз изнутри. Но в истории НАТО, и в истории ЕЭС были такие периоды и прежде. В этом смысле любые действия, даже если бы СССР или Россия этого очень хотели, вели бы скорее к консолидации коалиции, а не ее развалу.

Это – объективные разногласия между европейскими государствами, которые отражают разные позиции, в т.ч. и по отношению к России. Но такие же разногласия существуют в НАТО и по вопросам, где Россия вообще не присутствует. Думаю, что не смотря на развитие интеграционных процессов в Европе и глобализации вообще, суверенные правительства и нации будут развивать там, где это возможно, свои специфические национальные черты и особенности. И это, конечно, никоим образом не зависит от России.

Более того, я полагаю, что по мере интеграции России и Евросоюза у России могут и даже неизбежно будут возникать противоречия и разногласия с другими странами за пределами Европы. Это совершенно естественный процесс, который возникает всякий раз, когда та или иная страна приобретает черты некой более крупной общности.

– Следующая мысль Бобо Ло: «Инициатива Медведева стала естественной реакцией на замешательство в Европе. Бухарестский саммит выявил трещины в политике западного альянса в отношении России. Некоторые государства-участники – особенно Германия и Франция – считали, что Запад слишком отдаляется от России и что расширение НАТО на ближайшее время достигло своих естественных пределов. Именно на эту «прагматическую» часть альянса были

рассчитаны первоначальные предложения Медведева, столь откровенно ориентированные на Европу. Политика администрации Буша в отношении России и стран бывшего СССР вызвала в Европе беспокойство, на котором и пытался сыграть Медведев. В более широком смысле, он старался использовать пусть даже подспудные антиамериканские настроения в некоторых европейских государствах и их желание стабилизировать отношения между Европой и Москвой».

Действительно, Россия не скрывает своего желания «стабилизировать, – как говорит Бобо Ло, – отношения между Европой и Москвой». Более того, не просто стабилизировать, но и развивать их по всем направлениям. Поэтому любая угроза рассматривается в Москве серьезно – будь то угроза, исходящая от США или новых членов Евросоюза. В этой связи уместно процитировать мысль бывшего премьера Австралии Пола Китинга, который следующим образом оценивал политику США того периода: «... следовательно позаботиться о рациональном сосуществовании с Россией в рамках имеющихся международных институтов ... С человеческой точки зрения было еще важнее пригласить 140-миллионное население России, изрядно потрепанное в XX столетии, в сообщество процветающих наций.

Вместо этого Соединенные Штаты повели себя так, как это делали другие страны-победители на протяжении всей истории: они беззастенчиво использовали свое выгодное положение, окружив Россию военным щитом и обращаясь с ней как с потенциальным противником, а их сателлиты из Западной и Центральной Европы еще больше настраивали Америку против Москвы»¹.

– Интересны аргументы Бобо Ло в отношении деталей инициативы Д.Медведева: Когда Медведев впервые высказал свое предложение (в Берлине, в июне 2008 г.) Европа практически не отреагировала. Его проект привлек внимание, только когда российский президент представил его более разработанную версию на конференции по вопросам мировой политики, проходившей в Эвиане в октябре 2008 г. К тому моменту (как раз после войны с Грузией) отношения России с Западом – особенно с США – были хуже, чем когда-либо за минувшие двадцать лет.

¹ *П.Китинг*. Шестнадцать потерянных лет. Россия в глобальной политике, 2008 г. Т. 6, № 5, с. 19.

Между заявлением Медведева в Эвиане и его берлинским обращением была большая разница: внимание с Европы переключилось на евроатлантическую сферу. Медведев порицал Вашингтон за предполагаемое участие в грузинском конфликте и осуждал американскую однополярность в целом, но теперь он понимал, что США нельзя исключить из новой архитектуры безопасности...

Но по существу эвианская речь осталась маловразумительной и не содержала практически ничего нового. Соблюдение международного права, государственный суверенитет и территориальная целостность; недопустимость силовых методов воздействия; принцип «равной» и неделимой безопасности; жесткая критика НАТО и его безудержной экспансии – все эти заявления Кремль и министерство иностранных дел не раз делали еще в годы правления Ельцина».

К сожалению, критики Д.Медведева не видят главного в его инициативе – системного подхода к формированию архитектуры европейской безопасности. В системном подходе важны **именно принципы**, которых можно не придерживаться (и не придерживаешься). Именно США в последние годы, да и ряд их сателлитов, **не нуждались** в принципах – приоритете международного права, уважении государственного суверенитета и признании территориальной целостности, недопустимости применения военной силы. Эти принципы, как и вся система, не только нарушались, но и под разными предлогами, – их девальвировали. В последние 20 лет отчетливо присматривается стратегия «размывания» и отказа от этих принципов: нормы международного права пытались сделать обязательными не для всех, «исключив» из числа стран, их соблюдающих, например, США. То же самое – и в отношении принципов суверенитета и территориальной целостности, которые, как оказывается, не являются абсолютными, и в некоторых случаях просто нарушаются.

Именно системность принципов, которые должны быть положены в основу новой архитектуры безопасности, не устраивает критиков инициативы Д.Медведева. Ведь в этом случае им придется признать их **универсальность и обязательность для всех**, не делая исключений для государств, которые уже систематически, неоднократно их нарушали.

Более того, не признают, например, такой принцип, как «равная безопасность» вообще.

Впрочем, критику Д.Медведева за абстрактность, неконкретность его инициативы, Бобо Ло и его сторонники все-таки признают, что «... единственным принципиальным новшеством стал новый тип договора – по образцу Хельсинского, – призванный «на долгие годы в юридически обязывающей форме – обеспечить наши общие гарантии безопасности». Но значимость даже этого пункта еще не доказана. Идея договора «Хельсинки-2» стоит в ряду прочих грандиозных, но по сути пустых проектов вроде «мирового многополярного порядка XXI века», оси Москва-Пекин-Нью-Дели и БРИК (Бразилия, Россия, Индия и Китай). Она не опиралась на современную концепцию международной безопасности. Вместо этого Медведев подчеркивал важность военных вопросов. Мнение, что международная безопасность – это военно-политическая проблематика, отражает культуру более чем трехсотлетней давности; тогда «мягкая сила» и «мягкая безопасность» (в политической и гуманитарной сфере) считались скорее декоративной, нежели основополагающей составляющей.

Конечно в основе международной безопасности лежит много факторов, среди которых по-прежнему военные факторы являются определяющими. Военная сила, как инструмент внешней политики, – исключительная прерогатива суверенных государств и коалиций. Говорить о безопасности, игнорируя фактор военной мощи (как «культуру трехсотлетней давности») – наивно. Только государства вырабатывают основы военной доктрины и осуществляют планы военного строительства. Только государства способна мобилизовать все национальные ресурсы. И только государства способны принять решения об использовании этих ресурсов в своих внешнеполитических целях.

Конечно в XX и XXI веках к числу внешнеполитических инструментов добавились новые, в т.ч. «мягкая сила», которые **в мирное время** способны играть выдающуюся роль. Но отнюдь не заменять военную силу и не обеспечивать военную и международную безопасность. «Мягкая сила», как и любые иные ресурсы нации, выполняют вполне определенные функции, которые им отводятся государством и обществом. Но отнюдь не решающие, если речь идет о

суверенных государствах. Там же, где суверенитет ослаб, или символичен, действительно военная сила вообще не требуется. Впрочем, сила (включая «меткую») вообще.

Надо сказать, что российская элита в последние годы очень болезненно относится к попыткам размыть суверенитет России с помощью «мягкой силы». Эта болезненность проявилась в том числе и в таких концепциях Администрации Президента России, как «суверенная демократия», но ещё больше – в мерах, предпринятых государством по отношению к усилению контроля над институтами гражданского общества в России. Особенно теми, которые используются иностранными государствами или в интересах иностранных государств.

– По мнению Бобо Ло и критиков Д.Медведева сегодня у Москвы происходит смена приоритетов: «развитие медведевской инициативы раскрывает также чувствительность Москвы к изменениям внутри- и внешнеполитических обстоятельств. Относительное единодушие Европы по поводу Грузии, влияние мирового финансового кризиса и – с недавнего времени – возрождение США с приходом Барака Обамы – радикально изменили внешнеполитический контекст деятельности России. Откровенно враждебный по отношению к Америке и НАТО тон больше неэффективен. Это, собственно, было очевидно еще на встрече в Эвиане, когда французский президент Николя Саркози подчеркнул, что любое соглашение по безопасности «от Ванкувера до Владивостока» должно основываться, прежде всего, на НАТО, и призвал Россию к более тесному взаимодействию с уже существующими институтами и механизмами, такими, как Совет Россия-НАТО и Европейская политика безопасности и обороны ЕС.

Сейчас Москва явно стремится сгладить острые углы своей инициативы по безопасности. Когда отношения с США и НАТО начали улучшаться, Кремлю невыгодно омрачать этот процесс».

– Изменилась не внешнеполитическая стратегия, а стало очевидно, что провалилась внешнеполитическая стратегия республиканцев. И не только по отношению к Европе или Ближнему Востоку, но и по отношению к России. Произошла «перезагрузка». Причем по инициативе всех сторон, а не только России. В том числе стала более понятной и

позиция Москвы в отношении грузино-осетинского конфликта. И ошибки Запада и США.

Проблема именно в этом: Запад был вынужден признать, что стратегия «однополярного» мира бесперспективна, что США не все могут в этом мире, а Европа имеет не только схожие, но и отличные от США интересы. Произошла прежде всего корректировка внешнеполитического курса США, а не России.

Российская элита в этих условиях не просто готова признать эти изменения, но и приветствует их. Было бы глупо и непрактично делать вид, что происходящие в США и Европе изменения по отношению к России, не имеют значения. Впрочем, как и преувеличивать это значение: российская элита в первое десятилетие отчетливо сознает, что развитие сотрудничества с США и Европой закономерный и естественный процесс, который в интересах безопасности страны.

Далее Бобо Ло делает весьма примечательное признание в пользу России: «Сейчас модно обвинять западные правительства (в первую очередь, США) в разрушении евроатлантической безопасности. Их ругают за то, что России постоянно утирают нос: особенно это заметно на примере экспансии НАТО на Восток с целью включить в себя большинство стран Центральной и Восточной Европы. В последние несколько лет Запад поддерживал цветные революции в Грузии и Украине; разрабатывал проекты по противоракетной обороне США в Польше и Чехии; безуспешно пытался сбалансировать российские амбиции в постсоветском пространстве – всё это вызвало сильное негодование Москвы. Нынешнюю европейскую архитектуру безопасности, сосредоточенную вокруг НАТО и ОБСЕ, критикуют за то, что она не только не смягчила противоречия, но и довела их до критической точки.

При поверхностном подходе может показаться, что у россиян есть оправдания: нынешняя архитектура безопасности неэффективна во многих отношениях. Она не препятствует войнам; служит плодородной почвой для развития враждебных отношений, – а западные державы используют это в национальных или коллективных (т.е. НАТО) интересах. Однако не следует забывать о том, что характер таких международных организаций зависит от того, какие страны входят в их

состав. При всех достижениях многосторонней дипломатии со времен Второй мировой войны, в международных отношениях господствуют великие державы, а не многосторонние институты».

И я бы выделил особо итог, черту, которая резюмирует размышления по этому вопросу: «Сама постановка вопроса от оправданиях России – абсурд. Россия в XX веке сделала для Европы, ее безопасности больше, чем любая другая страна. И в первую, и во Вторую мировую войну, а тем более после того как в инициативном порядке прекратила военное противостояние, распустила ОВД».

Это весьма примечательное признание, особенно, в связи с тем, что в международных отношениях «господствуют великие державы, а не международные институты».

Именно эту ситуацию и предлагает исправить Д.Медведев, заменив эгоизм великих держав, участием **всех** государств и приоритетом норм международного права.

Не случайно Бобо Ло делает не столько прагматический, сколько пессимистический вывод: «Великие державы не всегда придерживаются международного права; они могут и не уважать суверенитет и территориальную целостность других государств; они будут иногда применять силу во внешнеполитических отношениях; они будут обеспечивать себе безопасность за счет других; они будут преследовать свои государственные интересы так, как сочтут нужным, невзирая на приоритеты и чувства других. **Никакая архитектура в мире не изменит такого положения дел**» (подч. – *А.П.*).

И в этом выводе простая суть всей критики Д.Медведева: новая архитектура безопасности нереальна. Следует признать, что по-прежнему международная безопасность будет основываться на отрицании норм международного права, эгоизме великих держав, готовности использовать военную силу. То есть критики инициативы Д.Медведева **не верят**, что ситуацию можно изменить и предлагают **приспособиться к реалиям, а не менять их**: «Вместо того чтобы искать и без того очевидные недостатки нынешней системы безопасности, нам следует установить, можно ли ее исправить – хотя бы в перспективе. Может ли НАТО больше учитывать российские интересы? Как превратить ОБСЕ в более эффективный институт? Можно ли разрешить патовую ситуацию с

ДОВСЕ (Договором об обычных вооруженных силах в Европе)? Повысится ли уровень европейской безопасности благодаря созданной при поддержке Москвы Организации Договора о коллективной безопасности (ОДКБ)? И выйдет ли Хельсинская хартия на уровень XXI века благодаря новому паневропейскому договору?»

То есть речь идет о сохранении нынешней системы безопасности в нетронутом виде, адаптировав ее и институты к современности, без коренных изменений. Другими словами, критики Д.Медведева говорят о том, что «итак всё хорошо», признавая, что издержки – войны, конфликты, угрозы суверенитету и т.д. – неизбежны и к ним нужно приспособиться.

Говоря о современном состоянии проблемы, Бобо Ло и те, кого он представляет, характеризуют ее следующим образом: «Российские инициативы часто критикуют за невнятность. Причина невнятности, видимо, в следующем: Москва гораздо лучше понимает, что ей не нравится, чем то, какой должна быть альтернативная архитектура. Другое возможное объяснение состоит в том, что медведевское предложение попало в неожиданный контекст: мировой финансовый кризис и, главное, потепление в отношениях России и США.

Администрация Обамы не только говорила о «перезагрузке» американско-российских отношений, но и нашла новые пути взаимодействия с Москвой в тех областях, где роль России представляется важной: контроль над стратегическими вооружениями, иранский ядерный вопрос и Афганистан. В то же время, США практически свели на нет те проблемы, которые раньше служили причиной огромных конфликтов, как, например, расширение НАТО и противоракетная оборона. Благодаря действиям новой администрации изменился психологический климат, а Москва – хоть и с осторожностью – начала осознавать возможность взаимодействия с Вашингтоном по таким вопросам, в которых они оба живо заинтересованы и где она может сыграть реальную роль. Ввиду **перспективы возобновить сотрудничество с США в сфере безопасности, померкли грандиозные планы по внесению системных изменений в международную архитектуру безопасности».**

Это, конечно же, не так. Инициатива Д.Медведева носит, как уже говорилось, не только системный характер, но она представляет собой более общее видение картины мира, в том числе и международной безопасности, места России в мире, даже политической философии современной российской элиты, которая хочет быть «вписанной» в политическую философию развитых государств, найти в ней свое место. Для неё проблемы идентификации – решены.

Но здесь есть и одна важная особенность, которую отметил Бобо Ло: «Обобщая, можно сказать, что Вашингтон снова заинтересовался Москвой, а это вернуло российское стратегическое мышление к старым американоцентристским традициям. Пусть больше половины российского экспорта и иностранных инвестиций приходится на Евросоюз, для руководства России главным игровым полем остаются отношения с США, так как это самая сильная страна в мире, несмотря даже на то, что перед ее властями стоят такие проблемы, каких ни разу не бывало за два прошедшие десятилетия. Можно сказать, что для России **грубая сила важнее географического положения, экономического взаимодействия и культурной близости**» (подч. – *А.П.*).

С этим утверждением, конечно, нельзя согласиться. Инициатива Д.Медведева направлена как раз в противоположном направлении. Как подчеркнул российский президент, необходимо «... создавать такие механизмы, которые будут работать во внеблоковом режиме»¹, т.е. невоенные, договорные, согласительные, любые иные не силовые, а цивилизованные механизмы защиты национальных интересов.

«Пока российско-американские отношения строятся вокруг конкретных приоритетов, в них **практически нет места концепциям и схемам, особенно если Вашингтон, как сейчас, не будет проявлять к ним интереса** (подч. – *А.П.*). Но как только двусторонние отношения испортятся, проект европейского/евроатлантического договора о безопасности получит новый импульс».

Вопрос в том, **до какой степени** испортятся, а также, **неизбежно ли это ухудшение отношений?** Вряд ли можно строить долгосрочную внешнеполитическую стратегию, ожидая такого поворота событий.

¹ *Д.Медведев.* Нам не надо стесняться рассказывать правду о войне – ту правду, которую мы выстрадали. Известия, 7 мая 2010 г., с. 3.

Наоборот, Москва **не хочет** не только ухудшения отношений, но и предлагает создать механизм, способный предотвратить такое ухудшение. Россия полагает, что стабильные отношения с Евросоюзом – обязательное условие реализации всей внешней политики страны.

2.6.3. Необходимость «идеологического прорыва» России.

Россия как цивилизационный и формационный мировой лидер

«Возрождается – уже на новой основе – тенденция к глубокой идеологизации международных отношений ...»¹.

И.Иванов,
министр иностранных дел России,
2003 г.

«... иные уже сейчас замечают, другие заметят вскоре, что сверх того непосильный современный поток уже избыточной и мелочной информации расхищает нашу душу в ничтожность, и на каком-то рубеже надо самоограничиться от него»².

А.Солженицын

Решающим условием создания эффективной системы международной безопасности является превращение России в мирового идеологического лидера. Точнее, возвращение ей этой роли. Логика здесь проста: сегодня господствуют идеологические подходы к безопасности, в основе которых находятся либеральная система ценностей. Если мы хотим, чтобы представления о безопасности базировались на иной системе ценностей, то мы должны прежде всего предложить такую систему, а **только потом**, основанные на ней представления о международной безопасности.

Политическое и идеологическое лидерство в мире тесно связано с лидерством технологическим. Пример США – наглядная иллюстрация «... превращение США в подлинного формационного лидера на заключительной стадии капитализма началось в 60-х – начале 70-х гг. с появлением в этой стране информационно-технологического уклада», – справедливо подчеркивает академик Н.Симония. И далее: «... в течение каких-то двух десятков лет (этот уклад) начал постепенно пронизывать и интегрироваться в сегменты «традиционной» (т.е. индустриальной) экономики. ... именно в США были созданы условия для расцвета инновационных технологий»³.

В этом и может заключаться идеологическое лидерство России в мире. Чтобы мы ни говорили сегодня о недостатках коммунистической

¹ *И.Иванов.* Международная безопасность в эпоху глобализации / Россия в глобальной политике, № 1, январь–март, 2003 г., с. 1.

² *А.Васильев.* Как мы обустроили Россию? / Российская газета. 17 сентября 2010 г. с. 1, 6.

³ *Н.Симония.* Многополярность в эпоху глобализма / Аналитические записки. Апрель–июнь 2010 г., с. 6, 7.

идеологии, СССР в тот исторический период был благодаря ей мировым идеологическим лидером. Лидером, за которым следовали многие государства.

Ведь весь мировой опыт показывает, что лидерами в мире являются страны, которые опережают другие государства не только по темпам роста ВВП, но которые являются прежде всего **лидерами в идеологии**¹, т.е. выдвигают наиболее привлекательные идеи, ценности и инновации. Именно так не протяжении многих десятилетий делают Соединенные Штаты, которые ставят эффективность своей стратегии развития в прямую зависимость от идеологического лидерства. В своем предисловии к «Стратегии национальной безопасности» США в 2010 году президент Б.Обама прямо декларирует: «В то время, когда мы боремся со стоящими перед нами проблемами, мы должны видеть горизонт, находящийся за ними – мир, в котором Америка будет сильнее, безопаснее и способна к преодолению вызовов, **одновременно отвечая ожиданиям всех людей на планете**. Для достижения этого мы должны реализовать стратегию **национального обновления и глобального лидерства**, стратегию, которая восстановит основы американского могущества и влияния»².

Это положение особенно ситуация в связи с идеологическим кризисом либерализма в мире, который во многом был усилен наступившим экономическим кризисом 2008–2010 годов в развитых странах. Примером остроты этого кризиса стал соцопрос, проведенный летом 2010 года в Германии, когда более 80% опрошенных высказались против капитализма и его ценностей. Как справедливо заметил Министр иностранных дел России С.В.Лавров, выступая 1 сентября 2010 года в МГИМО(У), «Сегодня весь мир находится на переломном этапе своей эволюции. Либеральный капитализм прошел по кругу за последние 300 лет и уперся в те же ограничители, прежде всего нравственно-мотивационного порядка, которые были составной частью его «родовых

¹ **Идеология** – зд. система устоявшихся взглядов доминирующей части элиты и общества, в которых отражаются интересы и ценности, цели, а также основные реалии. Идеология – как упрощенное представление о действительности элиты – предлагает идеологемы и систему управления обществом и государством.

² National Security Strategy. Wash. May 2010, p. 1.

мук». Это во многом уравнивает всех перед лицом общего модернизационного вызова...

О реальной повестке дня в Евро-Атлантике, к примеру, говорят дискуссии по поводу т.н. конца прогресса, то есть по таким вопросам, как поиск путей сохранения достигнутого в Европе уровня жизни, приведение потребностей человечества в соответствие с возможностями ресурсной базы планеты, сопряжение стратегий национального развития с необходимостью обеспечения развития в глобальном масштабе. По сути, идет переосмысление самого понятия прогресса»¹.

Другими словами речь идет о том, в мире происходит системная переоценка ценностей, отказ от прежних идей и концепций, объединенных в идеологии либерализма. Для России это означает, что просто скопировать чужой, а тем более казавшийся удачным, опыт, в основе которого лежат либеральные идеи, не удастся, что модернизировать предстоит не только всю экономику, но и общество и, наверняка, государство. Это, в свою очередь означает, что нужна идеология такой модернизации как **система** взглядов элиты (а не отдельный набор часто противоречивых идей) на цели, приоритеты развития, национальные ресурсы и эффективность их использования, а также адекватную оценку (или переоценку) мировых и внутривнутриполитических реалии. Наконец, как **часть** идеологии, нужна общенациональная стратегия, которая не может быть сведена, например, только к социально-экономической стратегии, не представляет собой науку и искусство достижения поставленных целей при отсутствии достаточных ресурсов (а ресурсов никогда не бывает достаточно).

К сожалению, в России продолжается болезнь, связанная со страхами реанимации доминирующей партийной идеологии, когда во второй половине 80-х годов А.Н.Яковлевым был провозглашён курс на «деидеологизацию» идеологии. Сегодня некоторые политологи и журналисты даже апеллируют к Конституции России, запрещающей государственную идеологию. Речь идет о Статье 13 (1) Конституции Российской Федерации, где говорится: «В Российской Федерации

¹ Стенограмма выступления Министра иностранных дел России С.В.Лаврова в МГИМО(У) МИД России, 1 сентября 2010 года / МИД России, 1 сентября 2010 г. / <http://www.nid.ru/brp>.

признается идеологическое многообразие», и (2), где констатируется, что «Никакая идеология не может устанавливаться в качестве государственной или обязательной»¹.

Но, **во-первых**, речь не идет о «государственной» идеологии, а, тем более, «обязательной». Я имею в виду доминирующую (общенациональную) идеологию правящей элиты и общества, где существует система взглядов на общие ценности, интересы, цели и способы развития, допускающая многовариантные толкования, в т.ч. заложенные в Конституции России, ее федеральных законах, традициях и нынешних объективных потребностях.

Во-вторых, такая идеология не может быть «обязательной» или «устанавливаться в качестве «государственной», т.е. монополией государственных институтов. Но она может и должна быть доминирующей хотя бы потому, что победившая на выборах партия обязана иметь свою идеологию.

В-третьих, опыт управления (в т.ч. российский), показывает что корпорация, отрасль, предприятие, СМИ имеют свои идеологии развития в качестве инструмента управления. Более того идеология сегодня рассматривается в качестве обязательного атрибута повышения эффективности управления.

В-четвертых, «отказываясь» от идеологии, элита на самом деле просто дает возможность **чужой идеологии**, формировать систему ценностей, цели и стратегии (часто ложные) развития страны.

Наконец, **в-пятых**, нельзя создать стратегию или долгосрочный план без идеологии. Они – ее частный случай. Так происходит, например, с нынешним «частным случаем» – программами модернизации и инноваций, которые **вне системы** общепринятых взглядов сплошь и рядом допускают разные толкования и даже крупные ошибки.

Как только мы пытаемся выйти за рамки только технологий, мы сталкиваемся с нерешенными идеологическими вопросами, которые имеют большое практическое значение. Так, американские авторы справедливо подчеркивают, например, что «... строительство в России

¹ Конституция Российской Федерации. Раздел первый. Основные положения. Глава I. Основы конституционного строя. / <http://www.constitution.ru/10003000/10003000-3.htm>.

инновационной экономики, экономики знаний, должно стать непрерывным процессом, а не рассматриваться как цель ...»¹. Но тогда, что же формулируется в качестве цели? Пока что модернизация и инновации рассматриваются чаще как цель или даже самоцель, а не процесс.

Таким образом нерешенность мировоззренческих и идеологических задач становится серьезным препятствием для реализации планов модернизации. «Модернизация, «инновация» «опережающее развитие России», – термины, ставшие наиболее популярными в конце первого десятилетия XXI века, неизбежно натываются на известную излишнюю абстрактность, размытость и бессистемность. Насытить эти понятия конкретным содержанием – важнейшая задача, ведь как только мы начинаем рассуждать о модернизации, экономики (не говоря уже об обществе), мы немедленно выходим за рамки только технологических инноваций.

Сегодня такими идеологическими лидерами являются прежде всего те государства, которые не отказались от собственных цивилизационных, религиозных и иных ценностей. Не так уж и важно насколько эти ценности разделяются другими.

В России в последние годы произошли серьезные изменения в информационном обеспечении, которые однако не привели к новому качеству анализа и концептуальных подходов, новым идеям, образам и инициативам. Как справедливо заметил М.Делягин, «...информационный взрыв уже второй раз в истории человечества (после изобретения книгопечатания Гуттенбергом) качественно увеличил объем имеющейся информации. Соответственно, качественно же увеличилось и количество людей, самостоятельно задумывающихся на абстрактные (то есть не имеющие отношения к текущим нуждам практического выживания) темы. Существенно, что эти самостоятельно мыслящие люди из-за ограниченности своих знаний, как правило, приходят к ошибочным выводам, – однако переубедить их в этом устаревшая система управления не может, что является одним из проявлений ее кризиса»².

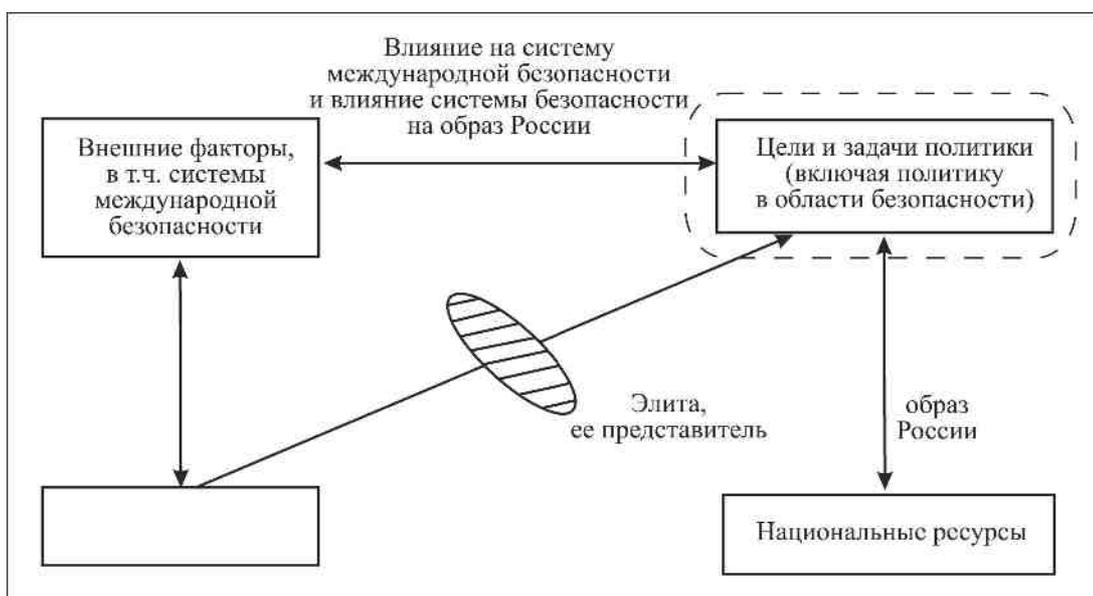
¹ Ярославский план 10-15-20: 10 лет пути, 15 шагов, 20 предостережений / The New York Academy of Science, August 20, 2010. p. iii.

² М.Делягин. Базовые кризисы современного человечества: The Great Transition. Доклад Московскому клубу. М., апрель 2009 г., с. 5.

Известно, что обилие информации не тождественно качеству принимаемых решений. Элита страдает отсутствием государственного мышления. Как сказал А.И.Солженицын, «Государственные размышления – это что-то слишком преждевременное для нас»¹.

Все предпосылки для совершения «идеологического прорыва» России во внешней политике созрели к 2010 году. Но он так пока и не произошёл. На мой взгляд, только потому, что результаты внутренней политики страны пока что не впечатляют: уйдя от конфронтационности (что уже хорошо само по себе), Россия пока что так и не предложила миру привлекательного для большинства образа. Своего и международных отношений. Образа, где отказа от конфронтации уже мало. Нужен конкретный, подкреплённый результатами, позитив. А если его нет, то идея.

А с идеями то, как раз плохо. И не потому, что их нет, а потому, что они пока что не востребованы российской элитой. Эта невостребованность, в свою очередь, объясняется нежеланием правящей элиты (или неспособностью?) сформулировать внятную идеологию развития России, ее будущий желаемый образ; где система международной безопасности занимала бы свое, присущее ей, логичное место. Таким образом приходится вновь обращаться к известной схеме взаимосвязи элементов идеологии, обозначив изначально место в ней образа России, ее будущего. Причем в долгосрочной перспективе.

¹ Это и была моя реальная попытка возврата на Родину / Российская газета. 17 сентября 2010 г., с. 6.

Как справедливо заметил профессор РЭШ И.Феднекин, «Если смотреть на вещи чуть более стратегически, то тотальное запустение в российских общественных и гуманитарных науках означает. Что и подготовка в университетах будущих экономистов, менеджеров, госуправленцев в 95 случаях из 100 является чистой фикцией. Такой же фикцией являются, увы, и многочисленные программы повышения квалификации, обучения «инновационному бизнесу» и проч. В России **практически нет профессоров-обществоведов, способных самостоятельно составить такую программу университетского курса, которая отвечала бы современному уровню развития соответствующей дисциплины.** Специалистом высокого уровня считается у нас тот, кто может адекватно скопировать программу, позаимствованную с сайта какого-нибудь американского вуза; высший пилотаж – это умение подобрать две-три хорошие программы и их грамотно скомпилировать.

Рассуждая еще более глобально, надо четко понимать: подобное положение вещей означает, что Россия сегодня не участвует в глобальной дискуссии о мировой повестке дня ...»¹.

Между тем такое неучастие, безусловно, отражается на позиции и авторитете России, от которой ждут сформулированного ясно вполне идеологического и политического отношения к международной повестке дня. Конечно же и по отношению к вопросам международной безопасности.

Как справедливо заметила Ирина Рудяк, « Попробуем ... сравнить Запад и Восток. Для современного Запада более характерна, конечно же, цивилизационная парадигма. Предпочтение – высоким технологиям, автоматическому промышленному производству, новым направлениям в сфере массовой интернациональной культуры. А для Востока, я употребляю этот термин в собирательном смысле, на первом месте – национальная культура, вера, духовные традиции. Это не значит, что на Востоке пренебрегают достижениями цивилизации, пример цивилизационного рывка в Японии и Китае говорит о многом. Но все же

¹ И.Федюкин. Вернуть на карту мира / Ведомости, 17 сентября 2010 г., с. 4.

почитание традиционной культуры, сбережение духовного потенциала нации на Востоке приобретают иные черты, чем на Западе»².

И в этом просматривается наше преимущество. И.Рудяк верно подметила эту черту, (которую пока что наша элита **не прогнозирует** в отношениях с Европой: «Если в нашей стране сложится единство культуры, цивилизации и производства новых идей, она может очень достойно выйти из кризиса. А закат в Европе наступает потому, что цивилизация там оторвана от культуры. Во многих восточных странах придерживаются только национальной культуры, здесь чересчур преобладают традиции, поэтому не хватает цивилизации. Вот почему за Россией будущее»¹.

Ситуация обостряется в связи с глубинными процессами, вытекающими из фазового перехода человечества из одного состояния в качественно другое. Как справедливо заметил М.Делягин, «Человечество начало глобальный переход к качественно новому состоянию, к принципиальной иной организации самого человеческого общества, чем та, к которой мы привыкли и с которой традиционно отождествляем себя.

Этот переход осуществляется по целому ряду различных направлений и воспринимается нами как волна разнообразных и слабо (либо вовсе не) связанных друг с другом кризисов. Между тем не только их взаимодействие, но и взаимосвязь их на принципиальном уровне представляются очевидными. Нежелание наше обнажить и исследовать эту взаимосвязь вызвано не только все еще отраслевым характером знания (жестко разграничивающим разные его направления и противодействующим тем самым комплексному подходу), но и **страхом обнаружить, что кризисы носят более глубокий характер и требуют от нас больших изменений, чем те, которые мы готовы признать.**

В результате все мы не только «не видим за деревьями леса», но и боимся его увидеть, так как подозреваем, что он будет для нас неудобен, опасен и потребует от нас жертв, о которых мы не хотим думать»².

² И.Рудяк. За Россией – будущее / Стратегия России, № 7 (67), июль 2009 г., с. 41.

¹ И.Рудяк. За Россией – будущее / Стратегия России, № 7 (67), июль 2009 г., с. 43.

² М.Делягин. Базовые кризисы современного человечества: The Great Transition. Доклад Московскому клубу. М., апрель 2009 г., с. 3.

Эта опасность осознается (хотя и не всегда признается) правящими элитами разных стран. Прежде всего в тех, где апеллируют к знаниям, а не вере. Именно поэтому в Европе и США меньше всего хотят признать признаки фазового перехода и необходимость смены идеологии.

Россия стоит не просто особняком, но вне этого процесса. Она добровольно отказалась от идеологии, претензий на идеологическое лидерство и трактовку – политическую и идеологическую – происходящих перемен. Хотя не только имеет на это право, но, может быть, одна из немногих наций способна это сделать. Более того, этого ждут в мире. Ждут от нации, давшей человечеству Ф.Достоевского, Л.Толстого, А.Пушкина, В.Вернадского и другие имена не просто писателей и ученых, **но мыслителей**, способных к качественно новому объяснению происходящих процессов.

Важно понимать, что инициатива, которая должна быть предложена Россией, не будет изначально легко воспринята. Такое могло бы произойти только с очень успешной страной, которая во всех отношениях – социальном, экономическом, правовом и др. – стала бы примером. Россия не стал примером и, наверное, не скоро может им стать. Поэтому ее идеологическая инициатива будет воспринята неизбежно с сомнением и даже с подозрением. И это абсолютно нормально: любое выдвижение, а тем более продвижение, идей встречает очень серьезное сопротивление. Как в свое время сказал Гегель, «Развитие ... есть не бесхитростное и безмятежное проистечение, каким оно бывает в органической жизни, а **жёсткая, яростная работа духа**» (подч. – *А.П.*)¹.

Неизбежно, но это отнюдь не означает, что такие идеи перестают выдвигаться. Более того, без борьбы идей нет развития: когда доминируют идеи одного плана, то общество начинает стагнировать. Именно так происходит сегодня в Европе и США. Именно поэтому там и не способны предложить качественно новые идеи.

Именно поэтому такие идеи должна предложить Россия. Идеи, которые будут отвечать национальным интересам России, но, одновременно, и интересам мирового сообщества. Именно поэтому они

¹ Цит. по: *В.Н.Кузнецов*. Российская идеология XXI века в обеспечении эффективности и безопасности динамично-устойчивого развития России / <http://spkurdyumov.narod.ru/Kuznetsov25>.

могут быть восприняты значительной его частью. Но именно поэтому они и не будут восприняты либеральным Западом.

Отдельная тема – стратегический прогноз и стратегическое планирование, которые непосредственно зависят от идеологии. Более того, я бы сказал, являются прикладным идеологическим продуктом.

Во-первых, образ будущей нации и государства – идеологический продукт. Сегодня этот стратегический прогноз является примитивной макроэкономической экстраполяцией. Разница не просто принципиальная, а качественная: в первом случае сознательно формулируется **цель**, причем цель комплексная, общенациональная. Во втором случае происходит механический перенос современных реалий в будущее. Между тем в эпоху фазового перехода это бессмысленно. Никто не может ясно представить себе развитие тех или иных тенденций просто потому, что появляются и быстро становятся решающими качественно новые факторы – результаты фундаментальных исследований, общественные изменения, изменения в соотношении сил в мире и т.д.

Во-вторых, идеологический прогноз является синонимом постановки задач общенационального масштаба правящей элитой страны, а макроэкономическая экстраполяция превращает результаты такого прогноза в общенациональные цели. Что абсолютно недопустимо.

В-третьих, исходя из результатов стратегических прогнозов (идеологического или макроэкономического) формируется стратегическое планирование, которое может быть амбициозным, либо инерционным. Сегодня оно инерционное.

Сказанное выше имеет самое прямое отношение к проблеме международной безопасности. Если мы используем идеологический прогноз, создаем сознательный образ России в будущей системе международной безопасности и превращаем его в реальность – это одна история.

Если же мы занимаемся макроэкономической экстраполяцией (которая может быть одним из инструментов идеологического прогноза), то мы идем **за реальностью, а не формируем ее.**

Глава 2.7. Международная безопасность и мировой кризис:

ожидание перемен

«На европейском континенте необходимы институты, отвечающие вызовам XXI века, особенно паневропейская структура безопасности с тремя опорами в лице США, объединенной Европы и России»¹.

Т.Грэм

«Задача сегодняшнего дня – найти общее понимание того, как и какие правила игры будут соблюдать все государства, любые администрации и правительственные структуры»².

Ан.Торкунов

Мировой кризис 2007–2010 годов усилил ожидания перемен в сложившейся системе международных отношений. Этот кризис можно назвать импульсом к переменам в мире, нарастающей военно-политической нестабильности, несправедливому мировому правопорядку, финансово-экономической зависимости от мировых финансовых центров. В целом кризис 2007–2010 годов оказался кризисом мировоззренческим, идеологическим гораздо более, чем кризисом финансовым. То, что он не превратился в политический кризис означает только одно: у старой системы остались некоторые резервы существования. Вместе с тем кризис для всех внимательных наблюдателей стал кризисом политического доверия и последним предупреждением о необходимости внесения коренных изменений в сложившуюся систему международных отношений.

Кризис дал ясно понять, что в период «фазового перехода» радикально меняется вся ценностная система, ориентированная либеральной идеологией последнего столетия на ценности и принципы либерализма. Эти ценности и принципы идеологии либерализма должны уступить место другим ценностям и принципам, которые будут определяться новыми реалиями. Прежде всего гуманистическими.

Одной из важнейших таких новых реалий стала, безусловно, возросшая роль человеческого потенциала, его влияния на экономику (до 75% от национального богатства развитых стран), политику (появление новых, «гуманитарных» вызовов и угроз), социальную жизнь (резко

¹ *Т.Грэм*. Взгляд поверх геополитических баталий. Россия в глобальной политике, 2008 г. Т. 6, № 5, с. 169.

² *Ан.Торкунов*. Дефицит демократии и международное сотрудничество / Международные процессы, № 3 (21), 2009 г.

возросшее значение креативного класса) и международные отношения (кризис политики, в основе которой лежала военная сила). Мир переходит в новую реальность, которую великие умы и пророки называли по-разному. Великий русский ученый В.И.Вернадский впервые высказал в октябре 1920 года мысль о науке как решающей, «геологической» силе (несколько позже эта идея приобретет форму концепции «ноосферы», т.е. «сферы разума»). В то время, в охваченной войной России, когда, казалось бы, не было дела до науки, он писал: «Никогда еще в истории человечества не было такого периода, когда наука так глубоко охватывала бы жизнь, как сейчас. Вся наша культура, охватившая всю поверхность земной коры, является созданием научной мысли и научного творчества ... и из него еще не сделаны выводы социального характера»¹.

«Социальные выводы», по-Вернадскому, сделанные в 20-ых годах XX века, привели ко 2-ой Мировой войне. Позже, во второй половине XX века, сделанные ведущими странами социальные выводы привели к созданию либеральной модели мироустройства, исключением из которой являлся СССР со своими союзниками, Китай, Индия и ряд других государств «Правила», которые были разработаны и внедрены либералами – лидерами глобализации, попытались назвать «Универсальными» и обосновать ими процессы глобализации, иногда навязывая их силой другим государствам. Но мировой кризис 2007–2010 годов показал, что эти принципы и правила либерализма не только не универсальны, но и не способны решить назревшие проблемы в мире. В том числе и прежде всего проблемы международной безопасности:

– нельзя согласиться, что некоторые страны могут нарушать нормы международного права, нравственности и игнорировать авторитетные международные институты ради своих национальных интересов;

– нельзя сохранять в мире социальную и политическую несправедливость, которая стала следствием развития политики западных стран;

– нельзя игнорировать возросшую роль человеческого потенциала, национальные системы ценностей и приоритетов, навязывая нациям «универсальные стандарты»;

¹ В.И.Вернадский о науке. Т. 1. Научное знание, научное творчество, научная мысль. М., РАН, «Феникс», 1997, с.131.

– нельзя использовать мировые ресурсы в интересах узкой группы развитых государств, создавая в этих целях международную систему безопасности, основанную для обеспечения интересов узкой группы развитых государств;

– наконец, нельзя недооценивать созидательную, творческую роль народившегося креативного класса в национальной и международной политике, нравственные и религиозные нормы в угоду идеологии либерализма. Как сказал великий русский писатель Н.Бердяев, «Количественная масса не может безраздельно господствовать над судьбой качественных индивидуальностей, судьбой личности и судьбой нации»¹.

Подытоживая, можно сказать, что кризис, наступивший в 2007–2010 годах, стал прежде всего мировоззренческим, идеологическим кризисом той модели международных отношений, которая была создана либералами США и других западных стран во второй половине XX – начале XXI века. Модели, приспособившей глобализацию в интересах узкого круга развитых государств.

¹ Н.Бердяев. Судьба России: Сочинения. М.: ЭКСМО-Пресс, 1998 г, с. 464.

2.7.1. Мировой кризис: логика и последствия

Те страны (такие, как Китай, Индия и несколько других), которые сумели использовать глобализацию в своих национальных интересах, не поступившись своими ценностями, нормами и приоритетами, смогли не только в наименьшей степени пострадать от кризиса, но и использовать все выгоды глобализации в своих национальных интересах. Их успех показал, что подобный подход – единственно перспективный, в будущем для других стран, но он требует пересмотра принципов и норм международной безопасности, отказа от прежних моделей и принципов, созданных в интересах узкой группы развитых либеральных государств. Что касается собственно развитых государств, то они использовали в целом известные антикризисные меры, которые отличались своими масштабами. Причем, чем менее «глобализированы», я бы сказал даже более национально ориентированы были эти страны, тем меньше объемы антикризисных мер им потребовались (Греция, например, зависящая от туризма, пострадала больше всех).

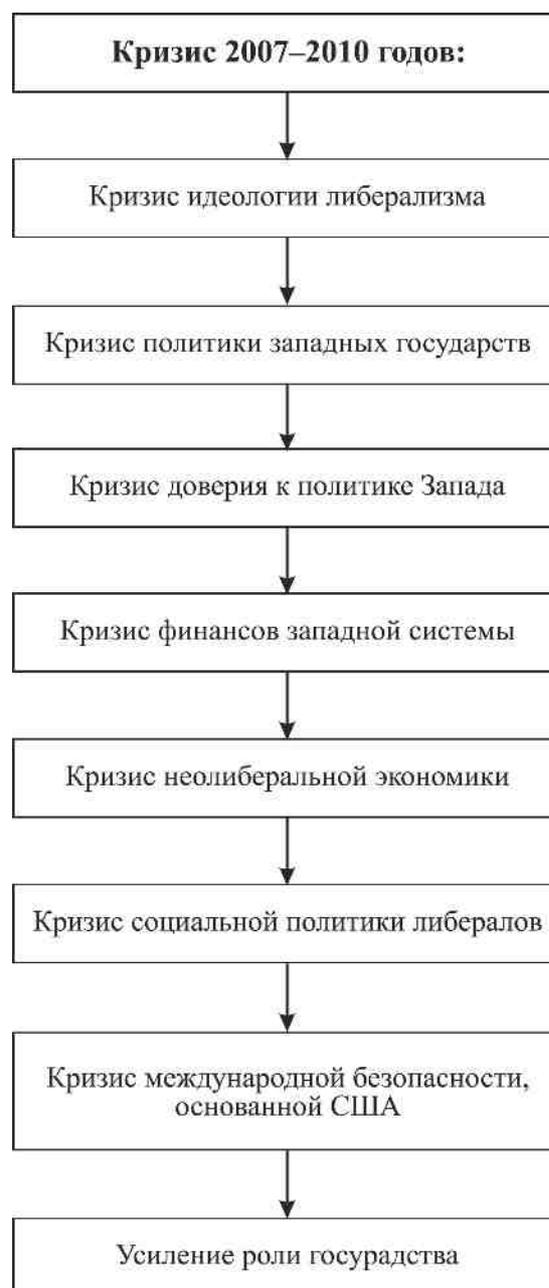
*Объем финансирования государством новых инфраструктурных проектов к ВВП в 2008 г.

1

¹ Антикризисные программы стран-членов АТЭС и роль институтов развития в их реализации. Внешэкономбанк, 2009 г., с. 2.

При этом абсолютно преобладающей тенденцией была поддержка реального сектора экономики и потребительского спроса, а также инвестиции в образование, т.е. в развитие НЧК.

Можно сказать, что логика развития кризиса такова: назревшие идеологические проблемы, привели к политическому кризису, который, к счастью, вылился всего лишь в кризис экономики и доверия. Этот кризис, в свою очередь, стал первопричиной финансового кризиса, который неизбежно превратился сначала в кризис экономический, а затем – социальный. То, что все эти кризисы не закончились войной, – свидетельство определенного резерва и дееспособности международных институтов. Прежде всего «двадцатки» и «восьмерки», а также резко возросших контактов на высшем уровне между лидерами различных государств. В целом – в политике, экономике, финансах – это означало возросшую роль национальных государств и их идеологий. Что видно на следующем рисунке.

Аналогична должны быть последовательность и выхода из кризиса. Представляется, что неизбежен поиск новых мировоззренческих и идеологических решений, предполагающий **отказ от старой** системы международных отношений, моделей межгосударственных и блоковых связей.

Кризис дал импульс не только оптимизации мировой финансовой и экономической системы, но и показал, что такая оптимизация и модернизация в рамках старой (либеральной) парадигмы¹ развития

¹ **Парадигма** – зд. наиболее общий способ видения мира, который предопределяет приемлемость тех или иных норм, принципов и критериев.

невозможны. Нужны новые мировоззренческие и идеологические модели², которые стали бы не универсальными, «глобальными», а общепринятыми и приемлемыми для всех субъектов международного права.

Такие модели и парадигмы могут быть разработаны и приняты только в качестве результата совместной – глубокой, равноправной и взаимно заинтересованной – мировоззренческой и идеологической работы, в основе которой должны находиться принципы, признаваемые **всеми** нациями, народами и государствами. Другими словами, необходимо изначально признать, что «универсальные» принципы глобализации, которые пытались навязать миру страны-лидеры глобализации, – **неприемлемы**. Они не являются ни универсальными, ни общепринятыми, ни, тем более, обязательными.

Что же нужно вместо этих либеральных принципов? А нужны такие принципы, которые органически сочетали и учитывали, синтезировали:

- национальные и международные интересы и ценности;
- суверенитет и нормы международного права;
- национальную и международную безопасность;
- национальное и общечеловеческое развитие;
- социальную и международную справедливость.

² Модель – зд. изображение, некоторый материальный или мысленно представляемый объект или явление, замещающий упрощением оригинальный объект или явление.

Переход человечества к стадии «фазового» (качественного) изменения в начале XXI века неизбежно ведет к качественным изменениям во всех областях. Даже если мы не знаем, или не хотим этих перемен. Но прежде всего это затронет вопросы международной безопасности, где неравномерность мирового развития наблюдается быстрее и наиболее заметно. Налицо – ускорение исторического времени, которое все больше превращает человечество в некую тесно взаимосвязанную сверхсложную систему. «Единственной динамической характеристикой (этой – *А.П.*) системы становится численность населения Земли»¹, – справедливо считает профессор С.П.Капица. Этот

¹ *С.П.Капица*. Об ускорении исторического времени / В кн.: История и математика / Отв. ред. А.Е.Гринин и др. М., 2006 г., с. 15.

же критерий является главным показателем национального человеческого капитала (НЧК).

Мировой кризис 2008–2010 годов показал, что существующие две основные мировые тенденции – глобализация и защита национальных интересов – развиваются отнюдь не в противоречии друг с другом и не равноправно. Глобализация отнюдь не является самостоятельным процессом, а тем более целью политики развитых стран. Она всего лишь **инструмент политики национальных интересов**, который используется там и тогда, где и когда это выгодно, т.е. необходимо для продвижения национальных интересов ведущих государств. Соответственно уступки «в интересах глобализации», а тем более укрепление некоего абстрактного «сотрудничества», чреватые серьезными политическими и экономическими издержками. Так, «перезагрузка» отношений с США в 2009–2010 годах (которая должна была иметь своим следствием ратификацию договора по СНВ и подписание ряда других соглашений) привела к ряду неоправданных уступок со стороны России. Только отказ от поставок военной техники Ирану, например, обошелся нам в 13 млрд. долл.¹ А результаты российско-американской дружбы оказались во многом обесценены победой республиканцев на промежуточных выборах в конгрессе США в ноябре 2010 года.

Кстати, на мой взгляд, эта стратегия правящей элиты США отнюдь не отличается новизной. Как только США добиваются от России каких-либо уступок, немедленно появляются «объективные» причины, которые не позволяют администрации выполнить свои обязательства. К их числу можно отнести смену части конгрессменов, «изменение» общественного мнения, позицию влиятельных СМИ и т.д. Важно одно – вслед за одними уступками должны следовать новые, а выполнение собственных обязательств вновь превращается в новые обещания. И так до бесконечности. Этот откровенный цинизм особенно наглядно проявился во время скандала с публикацией базы данных переписки американских дипломатов и чиновников в ноябре–декабре 2010 года. Который. Впрочем, не открыл ничего нового для профессионалов, но лишний раз высветил эгоизм и цинизм творцов американской политики. Очень

¹ *К.Белянинов*. Конгресс перезагружает «перезагрузку» / Коммерсант, 11 ноября 2010 г., с. 8.

хорошо эта «игра в уступки» была видна на примере взаимоотношений СССР и США в 80-е и 90-е годы по ограничению и сокращению вооружений. Так число уступок со стороны СССР превысило все разумные представления и превратилось в «политику уступок», которая в итоге не привела ни к отказу от ПРО, ни к ограничению распространения НАТО на восток, ни к передаче американцами новых технологий, ни росту американской помощи. Все декларации советской и российской представителей правящей элиты к существенным, даже катастрофическим для СССР и России последствиям: экономическим, политическим, финансовым, демографическим.

Наиболее явно это выразилось в системе международной безопасности, существовавшей до 1990 года. Вот лишь некоторые примеры и последствия уступок СССР и России:

– роспуск Организации Варшавского Договора (ОВД) **не привел** к роспуску НАТО. Наоборот бывшие члены ОВД стали членами НАТО;

– сокращение потенциалов СНВ и ракет средней дальности (РСД) **не привело** к ограничению системы ПРО США. Наоборот. Сегодня рассматриваются варианты развертывания глобальной ПРО в Европе;

– развал СССР **не привел** к созданию полноценных и независимых государств. Наоборот, на территории бывшего СССР развернулась борьба за влияние на эти страны. Прежде всего между США и Россией;

– сокращение ВС и вооружений СССР и Россией **не привело** к аналогичному сокращению ВС и вооружений в НАТО. Наоборот, эти ВС и вооружения сегодня размещены на территории бывших стран ОВД и СССР.

– наконец, уступки со стороны России **не привели** к укреплению системы международной безопасности и, главное, суверенитета России.

Таким образом политика уступок (не только США, но и всей системе глобального либерального лидерства) – абсолютно бессмысленна и бесперспективна. Те государства (Китай, Индия, ряд других), которые сохранили свои национальные интересы и ценности, избежали односторонних уступок, доказали своим примером эффективность национально-ориентированной модели развития.

Мировой кризис стал всего еще одним поводом, который вновь заставил говорить о «возвращении государств с их национальными интересами в мировую политику», об «отсутствии доверия» стран друг к другу и даже об «отдалении Великобритании все дальше от ЕСовских дел» (лидер консерваторов до его избрания премьером Д.Кэмерон даже дал понять, что он «предпочтет вообще не видеть Европу, не общаться с Европой, и не слышать слова «Европа»)¹.

Даже внутри группы стран-лидеров глобализации национальные интересы преобладают. По мнению экспертов, американцы стремятся «децентрализовать и распотрошить» экономические ресурсы Европейского Союза до безопасного для себя уровня. Для этого используется традиционный «антибрюссельский» инструментарий – Великобритания и страны «новой» Европы. Кстати, в греческом вопросе им это где-то удалось. Лондон настоял на более широком участии в финансовой помощи Греции МВФ. Кредит Греции на две трети был предоставлен странами еврозоны и на одну треть – Международным валютным фондом.

Национальный эгоизм в любой форме не является лучшим способом противодействия кризису в условиях глобализации, но именно он возобладал. Многим кажется, что на какое-то время. На мой взгляд, это свидетельствует просто о реалиях. Так в Германии, например, было принято два пакета антикризисных мер, рассчитанных на период 2009–2010 годов, чья общая стоимость составила 132 млрд. евро (1,5% ВВП). В Первом пакете предусматривалось фондирование Немецкого банка развития, покрытие его рисков и поддержка отечественного бизнеса (15 млрд. евро), повышение необлагаемого налогами вычета (до 1200 евро), введение 25% допустимого уровня снижения балансовой стоимости активов сроком на 2 года, финансирование инфраструктурных проектов (3 млрд. евро), увеличение финансирования федеральных и земельных программ, увеличение суммы необлагаемого налога, снижение отчислений на государственное медицинское страхование, а также целый пакет мер по поддержке научных и технологических отечественных проектов, включая автомобильные двигатели и Интернет². Все они носили отчетливый характер поддержки национальной экономики.

¹ В.Билан. Европа: откат к национализму? / <http://www.stoletie.ru>. 05/04/2010.

Пока нерешенными, хоть и заявленными в рамках встреч G20, на сегодня являются¹:

1. Задача сокращения глобальных дисбалансов (дефицита торгового баланса США и профицита в Китае и других странах) и;
2. Связанная с ней задача обеспечения устойчивого долгосрочного роста.

Дискуссия по этим вопросам сводится к давлению на Китай в сторону ревальвации юаня. Китай, надо отдать должное, принимает ответные меры, исходя из собственных национальных интересов. Так, принятая в США программа по стимулированию экономика вынудила власти КНР четыре раза за один год повышать обязательные резервы и, возможно, рост учетной ставки. Все это происходило на фоне роста китайского экспорта в развитие страны и профицита внешнеторгового сальдо, который летом и осенью 2010 года достигал почти 30 млрд. долл. в месяц². На самом деле, для кардинального изменения структуры американской и китайской экономики необходим рост инвестиционной активности, направленной на увеличение доли промышленности и экспортирующих секторов в США и на рост отраслей, работающих на внутренний спрос в Китае. Пока в заметных объемах этой активности не происходит.

Как показывает процитированное исследование ОЭСР, наиболее эффективными оказываются программы, которые способствуют росту спроса в краткосрочном периоде и росту предложения в долгосрочном. К таким программам относятся госинвестиции в инфраструктуру, расходы на активную политику в области рынка труда, включая организацию принудительных курсов повышения квалификации, снижение налогов на доходы, особенно для малообеспеченных семей.

Кризис показал, что один из ключевых факторов доверия к экономике и ее развитию – устойчивость национальной фискальной политики. Поэтому данные программы оказываются наиболее эффективными в странах, где фискальный бюджет и долг были

² Антикризисные программы зарубежных стран и роль институтов развития в их реализации. М.: Внешэкономбанк, 2009 г., с. 5–7.

¹ Антикризисное страноведение: обзор программ стимулирования. 26.02.2010 / <http://slon.ru/blogs/udaeva/post/293890/>.

² *Е.Басманов*. Китайский ответ США / РБК daily, 11 ноября 2010 г., с. 4.

сравнительно не высоки до кризиса, а также когда программы сопровождаются убедительными для рынка обязательствами (credible commitments) по своевременному сворачиванию программ¹. Этот вывод эксперты Внешэкономбанка оформляют в следующем виде:

Этап	Характеристики этапа	Денежная политика	Фискальная политика
I этап: середина 2007 – март 2008	Кризис развивается в США и Великобритании, затрагивая финансовый сектор и рынок жилья. Периодически возникает отток капитала с развивающихся рынков, в результате: – В Российской экономике возникают кризисы ликвидности в финансовой сфере – В странах группы 2а, сильно зависящих от притока капитала и с перегревом экономики, начинается кризис (Казахстан, страны Прибалтики, Ирландия, Испания)	Снижение процентных ставок для недопущения перехода финансового кризиса в экономический. С сентября 2007 по декабрь 2008 ставка ФРС снижена в 10 раз (с 5.25% до 0 – 0.25%)	В США принят первый пакет фискальных стимулов (налоговые возвраты) и продлен срок получения пособий по безработице. Начинают разрабатываться меры по поддержке рынка жилья: налоговые льготы и субсидированная за счет государства реструктуризация саб-прайм и прайм ипотеки.
II этап: март 2008 – сентябрь 2008	– В США проблемы в фин. секторе обостряются, государство вынуждено поддерживать Fannie– Mae и Freddy– Mac. Быстрый рост безработица, хотя ВВП все еще демонстрирует рост; – Развивающиеся (Китай, Индия) и некоторые переходные (Россия) страны демонстрируют устойчивый рост ВВП и финансовых рынков; – Цены на нефть бьют рекорды, доллар дешевеет; – Получает распространение теория decoupling.	Чрезвычайные меры по предоставлению ликвидности. Стабилизация отдельных фин. рынков и поддержка системообразующих компаний. (Bear Stearns, Fannie Mae и Freddy Mac). Китай: массивный рост кредитования (30%).	
III этап: сентябрь 2008 – февраль 2009	Острая фаза кризиса начинается после банкротства Lehman	Задача поддержки экономики выходит на первый план.	Синхронизированная гос. поддержка по решению G20. Меры

¹ Антикризисные программы за рубежом и роль институтов развития в их реализации. М.: Внешэконбанк, 2009 г., с. 7–10.

	Brothers и национализации ING. Кризис доверия на финансовых рынках. Бегство от рисков. Deleveridging. Обвал международной торговли. Спад ВВП или резкое снижение темпов роста в большинстве стран мира. Резкое удорожание доллара	Активное снижение процентных ставок и количественное ослабление (quantitative easing).	разнятся от страны к стране. Основные компоненты: налоговые льготы, субсидии на покупку новых автомобилей взамен на старые, субсидии субфедеральным провинциям, инвестиции в инфраструктуру, телекоммуникации, «зеленую» экономику, образование, здравоохранение и др.
IV этап: март – июль 2009	Теория возникновения «зеленых ростков». Стабилизация падения ВВП в большинстве стран мира. Ралли на фондовых рынках. Восстановление цен на сырье. Закупки Китаем металлов и других сырьевых товаров. Удешевление доллара к другим валютам. Восстановление рынка облигаций. Падение объемов банковского кредитования в развитых странах		
V этап: август 2009 – настоящее время	Положительные темпы роста в США и ЕС. Быстрый возврат к росту в странах Азии. На фондовых рынках активы значительно переоценены, если оценивать по P/E. Ралли замедляется. Рынки становятся нестабильными в ожидании суверенных или субсуверенных дефолтов: реструктуризация долга Dubai– world, снижение рейтинга Греции и т.д. Некоторые из стран вынуждены сворачивать поддержку и сокращать государственные расходы. Доллар вновь дорожает , хотя и не столь сильно, как годом ранее	«Отмирание» чрезвычайных мер предоставления ликвидности. Репетиции стратегий выхода из количественного ослабления	Продолжение ранее принятых мер: налоговых льгот, инвестиционных программ, субсидирования спроса (кроме cash– for– clunkers). Введение дополнительных мер: внимание малому бизнесу и созданию рабочих мест. По итогам Копенгагена возможны дополнительные инвестиции в зеленую экономику

Как видно из следующих примеров, либеральная модель, исчерпавшая себя политико-идеологически, сохраняет определенные (я бы сказал, тактические) ресурсы для своего развития. Прежде всего за счет **собственных национальных** ресурсов и механизмов государственного регулирования. Чем выше национальная дисциплина, эффективность национального государства, т.е. чем больше сохранность национальной системы ценностей, **тем меньше уязвимость от кризиса**. Либеральная «глобализация», таким образом, доказала в условиях кризиса ограниченность созданных ее инструментов влияния, которые не спасли мир ни от финансового кризиса, ни кризиса в экономике, ни от социальных последствий такого кризиса.

Более того, этот кризис показал неэффективность созданной США модели международной безопасности. США не удалось решить ни одной из проблем первого десятилетия в области безопасности: ни в Ираке, ни в Афганистане, ни в Иране, ни в Корее, ни на Кубе, ни на Ближнем Востоке. Это произошло прежде всего потому, что прикрываясь представлениями об универсальных принципах международной безопасности, на практике США стремились добиться исключительно национальных целей. Так, «борьба с международным терроризмом» должна была бы вестись не в Ираке и Афганистане, а – в Пакистане (что, естественно, противоречит интересам США).

Таким образом остается нерешенная ключевая проблема международной безопасности: **создание общепринятой** (не только либеральными странами, но и большинством государств мира) **модели** международной безопасности, которая учитывала бы все национальные интересы, была бы общепринятой, а не навязанной извне, сохраняла бы и развивала национальные ценности всех государств. Это – главное, пока что непреодолимое, противоречие, которое исключительно ярко высветил мировой кризис.

Подытоживая, можно сделать следующие выводы:

1. Мировой экономический кризис в широком контексте. Я полагаю, что кризис 2008–2010 годов это прежде всего кризис **идеологический, мировоззренческий**, который свидетельствует о том, что нынешняя

модель глобализации и международных отношений устарела. Кризис – серьезный импульс к ее пересмотру.

2. В докладе я исхожу из того, что человечество находится на этапе «фазового перехода». Этот термин, принятый в физике и математике, очень точно отражает современный этап развития мира и международных отношений «фазовый переход» – это качественные изменения во всей системе международных отношений – политической, военной, экономической, финансовой и социальной подсистемах.

3. Полноценный выход из кризиса предполагает принципиально новые ответы, соответствующие вызовам «фазового перехода». Это новая архитектура международной безопасности, новая финансовая и экономическая системы, новая расстановка политических и экономических сил в мире.

4. Меры, предпринимаемые государствами по выходу из кризиса, свидетельствуют о том, что большинство стран пока не готово к смене парадигмы мирового развития, используют старые подходы и опираются на прежние реалии.

5. Особое значение в период «фазового перехода» имеет осознание того факта, что **главной целью и главным средством** развития в современном мире выступает **человек**, его способности к творческому труду. Соответственно главным ресурсом государства становится национальный человеческий капитал (НЧК).

6. Новая система международных отношений должна опираться на развитие НЧК, которые определяют не только национальные внешнеполитические приоритеты, но и будущее международных отношений.

7. Выход из мирового кризиса и развитие будущих международных отношений будет зависеть от того, насколько быстро ведущие страны мира откажутся от прежней либеральной идеологии и смогут перейти на новый уровень сотрудничества. Порядок выхода из кризиса тот же, как и вход в него: решение идеологических проблем (в т.ч. доверия), признание необходимыми новых моделей сотрудничества, создание (модернизация) новых механизмов международного сотрудничества и обеспечения безопасности и только затем решение финансово-экономических проблем.

2.7.2. Международная безопасность в условиях кризиса

«Нет сомнения в том, что исторический процесс являет признаки закономерного экспоненциального ускорения»¹.

И.Дьяконов

«В политико-психологическом смысле финансовый кризис сработал на формирование атмосферы чрезвычайности. Страны и правительства в такой ситуации находят извинительным поступать необычно, решительно и даже резко ...»².

*А.Богатуров,
профессор МГИМО(У)*

Кризис 2008–2010 годов показал уязвимость, неадекватность нынешним реалиям существующей системы международной безопасности. Прямо или косвенно это вынуждены были признать все ведущие политики мира. Причем не только на Западе, но и на Востоке. «Идеальные» институты демократии и «идеальные» ценности в условиях кризиса оказались далеко не идеальными. Более того, – даже неэффективными. Так, в 2010 году большой проблемой для стран Евросоюза стал бюджетный дефицит, который даже поставил под вопрос существование евро³.

Текущий дефицит бюджетов стран Евросоюза

	Дефицит, % ВВП
Ирландия	– 14,3
Греция	– 13,6
Великобритания	– 11,5
Испания	– 11,2
Португалия	– 9,4
Исландия	– 9,1
Латвия	– 9
Литва	– 8,9
Румыния	– 8,3
Франция	– 7,5

¹ Цит. по: *С.П.Катица*. Об ускорении исторического времени / В кн.: История и математика / Отв. ред. Л.Е.Гринин и др. М., 2006 г., с. 19.

² *А.Богатуров*. Контрреволюция ценностей и международная безопасность / Международные процессы, 2008 г., т. 6, № 2 (17).

³ *И.Наумов*. Страны PIGS поразил дефицит. Независимая газета, 30 апреля 2010 г., с. 4.

Польша	- 7,1
...	...
Финляндия	- 2,2
Эстония	- 1,7
Люксембург	- 0,7
Швеция	- 0,5
В среднем по Евросоюзу (27 стран)	- 6,8
В среднем по странам еврозоны	- 6,3

Напомню, что экономика России, в особенности НЧП, пострадали от кризиса еще больше. Представление об этом дает сравнение бюджетных расходов в 2010 году по отношению к 2009 году. Подчеркну, что в этом сравнении еще не учитывалась инфляция за 2010 год, которая составила по официальным данным порядка 8%¹.

Изменение статей бюджетных расходов в период кризиса

	Бюджетные расходы 2010 г. к 2009 г., в %
Общегосударственные вопросы	139,8
Образование	108,1
Национальная оборона	105,8
Национальная безопасность и правоохранительная деятельность	100,2
Социальная политика	97,9
Культура, кинематография, средства массовой информации	94,4
Здравоохранение, физическая культура и спорт	91,9
Охрана окружающей среды	90,9
Межбюджетные трансферты	86
Жилищно-коммунальное хозяйство	81,2
Национальная экономика	66,7
Итого	89,4

Источник: расчеты компании ФБК

Это означает, что расходы на НЧП в реальных ценах сократились за 1 год на 10 и более процентов!

¹ С.Куликов. Региональные бюджеты адаптируются к кризису. Независимая газета, 21 апреля 2010 г., с. 4.

Примечательно, что те страны (например, Китай), которые дистанцировались от активного участия в международных делах и смогли сохранить национально ориентированную внешнюю политику, смогли в условиях мирового кризиса не только минимально пострадать от его последствий, но и постепенно усиливать свои международные позиции. Так, тот же Китай. На глобальном уровне, предполагает увеличивать свои международные позиции. Так, тот же Китай, на глобальном уровне, предполагает увеличить свою квоту в МВФ с 3,72% на конец 2008 года до 6,2–6,3% к январю 2011 года, чтобы превзойти квоту Японии (6,13%)¹.

В эти же годы кризиса КНР инициировал такую форму сотрудничества как **стратегический диалог**, в рамках которого устанавливаются новые форматы сотрудничества (и канал влияния) с США, Японией и Россией.

Также менее других стран от мирового кризиса пострадала Индия, благодаря прежде всего избранной еще в 1947 году модели импортозамещающей индустриализации («курса Неру»), а в более широком контексте – приверженности национальным ценностям и сформулированной на этой основе стратегии долгосрочного развития. Это, в частности, объясняет во многом и политическую стабильность в условиях кризиса, которая была обеспечена как избранной стратегией национального развития, так и национально ориентированной политической элитой (премьер М.Синх олицетворял «надежность», «преемственность», «профессионализм», «способность к развитию»), а, взятое вместе, – национально ориентированную идеологию развития.

Таким образом кризис, как это ни покажется странным, укрепил международные позиции и международную безопасность тех стран, которые не пошли на «универсализацию» своих ценностей и диктат глобализации.

Это в той или иной степени признали все государства, особенно те, которые стоят вдалеке от управления глобальными процессами, но претендуют на равноправное участие. Речь идет прежде всего о странах БРИК. Но не только. В той или иной степени этот процесс затрагивает очень многие государства, открывая для России, Китая, Индии, Бразилии новые возможности для сотрудничества в интересах модернизации и

¹ Россия и мир: 2010. Ежегодный прогноз. М., ИМЭМО РАН, 2009 г., с. 93.

укрепления международной безопасности. Так, визит Д.Медведева в Южную Корею в ноябре 2010 года показал не только влияние нового механизма – G20, – но и новые возможности двустороннего сотрудничества – создания аналога программы РФ–ЕС «Партнерство для модернизации»¹. Таким образом мы можем сделать вывод, что мировой кризис не затронул безопасность тех государств, которые сохранили свой суверенитет и самостоятельно. И, наоборот, в наибольшей мере пострадали страны, которые наиболее глубоко и «универсализировались», например, Россия.

Другая проблема – проявившееся в условиях кризиса стремление к односторонним шагам в области международной безопасности великих держав. Так, например, главной проблемой международной безопасности в последние годы стал регион Центральной Азии. Прежде всего из-за поведения США, которые «... рассматривают **регион как стратегическую базу для долгосрочного доминирования там и военного присутствия в Афганистане**. Для Вашингтона предпочтительно объединение Афганистана и центральноазиатских государств в единый регион – Большую Центральную Азию в целях вывода государств региона из-под монопольного влияния сопредельных держав – России и Китая, а Афганистана – из орбиты влияния Пакистана и Ирана. В целом такая стратегия направлена на установление и поддержание **доминирующего влияния США в регионе** на основе усиления там роли Пентагона и НАТО.

Американские эксперты едины в том, что на протяжении последних десяти лет **военная составляющая доминирует в отношениях США с центральноазиатскими странами и часто идет вразрез с общей политикой Вашингтона в регионе**. Так, Министерство обороны США собирается построить ряд военных объектов в Афганистане и в регионе. В частности, недалеко от афганского города Мазари-Шариф, в 50 км от узбекской границы, США намерены разместить оперативную военную базу. В Туркмении, Узбекистане и Киргизии предполагается построить

¹ Д.Медведев строит мост из Сеула в Сколково / Коммерсант, 11 ноября 2010 г., с. 8.

пограничные КПП и тренировочные центры, где американские войска будут готовить местные силы безопасности»¹.

Инициативы России по созданию новой системы международной безопасности, надо признать, не находят поддержки на Западе и прежде всего в США. Они откровенно замалчиваются, даже игнорируются. Как показала расшифрованная переписка «Викилика», под разными предложениями Запад уходит от обсуждения проблемы создания новой архитектуры международной и европейской безопасности. Представляется, что логика правящей элиты США и ведущих стран Запада, а также ассоциированных с ними по вопросам безопасности других стран, – Японии, Пакистана, Ю.Кореи и др. – такова: «существующие механизмы обеспечения безопасности вполне нас удовлетворяют и мы не видим причин их менять». Даже если эти механизмы, как показывает ситуация в Ираке, Афганистане, Пакистане и Иране, не работают.

Только такой логикой можно объяснить подход США и их союзников практически ко всем проблемам международной безопасности. Много объясняет принятие НАТО на лиссабонском саммите новой Стратегической концепции этого союза. Анализ этой Стратегии заслуживает отдельного разговора. Как справедливо признает эксперт МГИМО(У) Е.Пономарева², «Исторический смысл новой Стратегии я вижу в ряде фундаментальных положений, самым непосредственным образом затрагивающих национальные интересы России.

Документ зафиксировал новый «стратегический» вектор развития отношений НАТО с Россией. Этот вопрос вызвал очень острые дискуссии внутри Союза. В частности, в первоначальном варианте новой доктрины НАТО, наряду с задачей построения стратегического сотрудничества с Россией, была зафиксирована необходимость предоставить восточноевропейским странам «дополнительные военные гарантии их безопасности». При этом ни ранее, ни сейчас не уточняется, от кого

¹ *А.Пабат.* Новая большая игра в Центральной Азии и события в Киргизии / Мир перемен, 2010 г., № 3, с. 171.

² *Е.Пономарева.* Лиссабонская перезагрузка / Портал МГИМО(У), 20.11.2010 / www.mgimo.ru/system/.

нужно защищать страны – члены НАТО. Хотя и без того понятно – кто и что имеется в виду»¹.

Ясно, что предоставляя гарантии одним странам, граничащим с Россией, и отказывая Москве в таких же гарантиях, НАТО четко ориентирует направление своей военной стратегии на восток. Даже отрицая формально и вербально такие намерения. Стратегия, как область военного искусства, развивается по своей внутренней логике. Как писал известный русский военный эксперт Е.И.Мартынов, «Каждый народ в известную эпоху имеет свой политический идеал»². Таковым идеалом для государств, объединенных в НАТО, сегодня являются идеалы либеральной глобализации. Те же страны, которые не разделяют таких идеалов, неизбежно становятся **объектом** воздействия. В том числе и военно-политического. Признают это такие страны или нет, – не имеет решающего значения.

Сколько бы сегодня не было разговоров и рассуждений об отношениях НАТО и России, в т.ч. и вероятном сотрудничестве, даже интеграции, логика военного искусства говорит о том, что Россия и другие государства, не входящие в НАТО, – где бы они не находились – **являются потенциальными объектами** военного воздействия. Сегодня это Ирак и Афганистан, а завтра, возможно, Иран, Китай, Индия. Иллюзий испытывать не стоит. Это – логика, вытекающая из существования военных блоков и коалиций.

Этой логике ничуть не противоречит внешнеполитическая риторика, объявляющая **не членом союзов** «партнерами», «друзьями» и даже «союзниками».

Новая доктрина НАТО, принятая 19 ноября, констатировала стратегическую роль сотрудничества с Россией. Прежде всего, в новом документе впервые зафиксировано: НАТО «не является угрозой для России», на чем особо акцентируют внимание натовские чиновники. «То есть до 19 ноября 2010 года – справедливо подчеркивает Е.Пономарева. – НАТО была угрозой для нашей страны. Соответственно, **расширение НАТО преследовало стратегическую цель максимально сузить**

¹ Е.Пономарева. Лиссабонская перезагрузка / Портал МГИМО(У), 20.11.2010 / www.mgimo.ru/system/.

² Е.И.Мартынов. Политика и стратегия. М. «Финансовый контроль», 2003 г., с. 15.

пространство манёвра для России». Для думающих людей это никогда не было тайной. Однако для России перестать «быть угрозой» для НАТО не означает, действительно сделаться её партнером.

Как отмечается в новой Концепции НАТО, теперь союз хочет «видеть реальное стратегическое партнерство между НАТО и Россией» и будет «действовать соответственно, ожидая взаимности от России». Причем, «невзирая на наличие разногласий по отдельным вопросам», страны-члены альянса убеждены, «что безопасность НАТО и России тесно переплетены, и что сильное и конструктивное партнерство, базирующееся на взаимном доверии, транспарентности и предсказуемости может наилучшим образом служить нашей безопасности»¹, замечает Е.Пономарева.

Сотрудничать с Россией НАТО готова по весьма определенному, весьма ограниченному кругу вопросов. Это борьба с терроризмом, наркотики, пиратство и укрепление международной безопасности. Отдельно стоит проблема создания системы широкомасштабной ПРО.

Изначально, здесь присутствует два подхода. **Первый**, еще со времен СССР, заключается в том, что наступательные и оборонительные системы стратегических наступательных вооружений составляют один, единый «наступательно-оборонительный комплекс». Я писал об этом еще в своей докторской диссертации в 1988 году². Усиление одного из элементов – радикально, качественно сказывается на усилении всей системы.

Второй подход, озвученный не раз в США, – «защита от отдельных стран-изгоев» (КНДР, Ирана, Кубы и т.д.). Этот политический подход хорош для деклараций, но не имеет ничего общего ни с реальной военной стратегией, ни стремлением сохранить стабильность и международную безопасность.

Как известно, лидеры стран НАТО одобрили идею создания для евроатлантического региона системы противоракетной обороны, способной защитить территорию всех стран-членов НАТО. Только после этого России предложено «посотрудничать» с альянсом по вопросу ПРО.

¹ *Е.Пономарева*. Лиссабонская перезагрузка / Портал МГИМО(У), 20.11.2010 / www.mgimo.ru/system/.

² *А.Подберезкин*. Значение систем боевого управления, связи и разведки в военной доктрине США. М., Дипломатическая академия, 1988 г.

Еще одна тема – «борьба с терроризмом и наркотиками», непосредственно затрагивающая интересы России, связывается с «постепенной передачей контроля над безопасностью в Афганистане самому афганскому народу». Как сообщил советник Президента США по Афганистану Дуглас Лут, США «планируют завершить этот процесс на территории 34 провинций к концу 2014 г., начав его в 2011 году», что без помощи России сделать будет очень сложно, если не невозможно.

Высокопоставленные американские чиновники отмечают, что операции НАТО в Афганистане являются неотъемлемой частью общей Стратегической концепции. В результате по итогам саммита Россия – НАТО будет расширено соглашение об упрощенном транзите грузов через территорию РФ для сил НАТО в Афганистане и, что особенно важно, из Афганистана, продолжится дискуссия о приобретении для Афганистана партии российских вертолетов в едином пакете с услугами по их сервисному обслуживанию и подготовке пилотов и техников. Наконец, Россия и НАТО готовы расширить центр в Домодедово по подготовке кадров для антитеррористических структур Афганистана, Пакистана и стран Центральной Азии.

Важным вопросом сотрудничества с РФ НАТО считает также сокращение вооружений. По этому поводу требования, как мне представляется, означают буквально вмешательство во внутренние дела: «В будущем при любом сокращении нам следует добиваться согласия России на увеличение прозрачности ее ядерного арсенала в Европе и передислокации этого оружия подальше от территории членов НАТО. Любые дальнейшие шаги должны принимать во внимание неравенство и наличие у России более крупных запасов ядерного оружия малого радиуса действия (курсив мой – *А.П.*)». Вот вам и стратегическое партнёрство! Напомню, что разработка новой концепции проходила на фоне активной работы республиканцев в Сенате США по замораживанию процесса ратификации нового договора по СНВ, и ратификации, скорее всего, в 2010 году не будет. В такой обстановке заявления Б.Обамы о том, что ратификация Договора СНВ-3 является императивом национальной безопасности и краеугольным камнем в отношениях США и России остаются пустым звуком. А «перезагрузка» в отношениях с НАТО, о

которой говорил американский президент накануне саммита, означает лишь односторонние уступки со стороны России.

Также остались зафиксированными в Концепции вопросы, вызывающие существенную обеспокоенность России. Прежде всего, это расширение Североатлантического союза, которое трактуется им как исключительно позитивное явление. «Перспектива дальнейшего расширения и дух сотрудничества в обеспечении безопасности способствовали более широкому распространению стабильности в Европе (Особенно это заметно в Боснии, Македонии, Косове, Сербии – *Е.П.*)». Наша цель – единая и свободная Европа, разделяющая общие ценности. Ее достижению лучше всего будет способствовать возможная интеграция всех европейских стран, которые хотят войти в Евроатлантические структуры». Не могу не привести высказывание Расмуссена по этому поводу, которое лишний раз убеждает в том, что ОНИ и МЫ говорим на разных языках. Генсек НАТО убежден, что «Россия только выиграла от расширения НАТО, поскольку впервые в своей истории получила стабильных и предсказуемых соседей вдоль всей своей западной границы... что было ее мечтой на протяжении веков». Оказывается, расширение НАТО – это реализация многовековой мечты русских! Следующее его мнение заставляет вообще усомниться в его компетентности: «после восстановления безопасности в Восточной Европе впервые с момента падения коммунистической диктатуры в этом регионе начался экономический бум, который, если посмотреть на статистику, также принес России значительные выгоды».

В новой Концепции зафиксировано, что двери НАТО «остаются широко открытыми» для новых членов. С этой целью альянс подтвердил намерение «продолжать и развивать» сотрудничество с Украиной и Грузией «в формате Комиссий Грузия – НАТО и Украина – НАТО». В Концепции не говорится о сроках вступления этих стран, однако уточняется, что сотрудничество должно строиться на базе «решений саммита НАТО в Бухаресте 2008 года, и принимая во внимания евроатлантические устремления и ориентацию каждой из этих стран».

Как известно, в Бухаресте альянс принял несколько туманную политическую декларацию о том, что «Грузия и Украина со временем смогут стать членами НАТО». В связи с этим уместно вспомнить, что

еще Вашингтонская стратегия 1999 г. зафиксировала твердую линию НАТО «на дальнейшее укрепление особых отношений партнерства с Украиной (курсив мой – *Е.П.*)... включая политические консультации по вопросам, представляющим предмет озабоченности для обеих сторон, и по широкому кругу вопросов, касающихся практических аспектов сотрудничества» (пункт 37). И замечу, что от этой линии альянс не отступает. Только к Украине как объекту интереса НАТО добавилась Грузия, не за горами и Молдавия.

И, наконец, последнее, но не менее, а, может, более значимое положение. «Оборона конкретных территорий более не является главной функцией НАТО. Центр внимания перемещается на угрозы и задачи, которые могут возникать в разных местах и в разных формах (курсив мой. – *Е.П.*). Примеры – терроризм, международная преступность. В Стратегии также упомянута энергетическая безопасность, даже, несмотря на то, что в этой области НАТО не будет играть главную роль. Очень большое значение теперь будет придаваться кибербезопасности». Реализация этих положений также требует участия России.

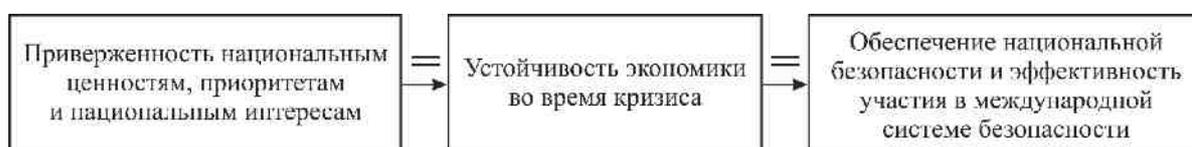
Итак, заинтересованность НАТО в укреплении взаимодействия с Россией имеет очень простые объяснения. Во-первых, на Россию можно переложить часть материального бремени и моральной ответственности за «афганский вопрос». Во-вторых, без России невозможно запустить проект ЕвроПРО (нужны российские РЛС). В-третьих, Россия пока ещё нужна как постоянный член СБ ООН в обеспечении будущих операций, требующих решений этого органа. В-четвертых, как отмечают сторонники сближения России и НАТО, наша страна «играет важную роль в преодолении так называемого «идентификационного кризиса» альянса, выйти из которого без налаживания качественно новых отношений с Россией невозможно. Кроме того, укрепление отношений с Россией будет способствовать тому, чтобы показать релевантность альянса в глаза общественности. Наконец, очень существенное улучшение наших отношений позволит преодолеть опасную напряженность на постсоветском пространстве». Иными словами, авторитет России поможет расширению НАТО.

Осознавая всё это, никаких особых предпочтений России Североатлантический союз тем не менее не предоставил.

Вывод один: никакого действительного, тем более стратегического, партнёрства между Россией и НАТО на условиях новой натовской Концепции быть не может».

В конечном счете понимание того, что такие институты, как и вся система международной безопасности, должны быть модернизированы, стало общим мнением. Важно, как это сделал С.В.Лавров, признать сам этот факт: «За последние 20 лет европейская безопасность **расшаталась по всем параметрам**. Это касается размывания режима контроля над вооружениями, атрофии ОБСЕ, возникновения серьезных конфликтов и опасности их неконтролируемой эскалации, попыток превратить замороженные конфликты в горячие. Высказывания, что «все нормально, ничего менять не надо», убедить не могут. На мой взгляд, ключевыми для анализа сложившейся ситуации вопросами являются теория и практика всеобъемлющего подхода к обеспечению безопасности, включая будущее ОБСЕ и предлагаемое Россией комплексное и прагматичное решение проблемы в форме Договора о европейской безопасности»¹.

Мировой кризис по-разному затронул страны мира. Менее всего – страны, которые в последние десятилетия демонстрировали опережающие темпы роста экономики – Китай, Индию², а, главное, стремление сохранить свои национальные ценности и защитить национальные интересы. Это не случайно. В 2008–2010 годах обнаружилась очевидная зависимость между приверженностью к национальной идеологии, устойчивости экономики к кризису и обеспечением национальной безопасности, которая может быть упрощенно изображена следующим образом.

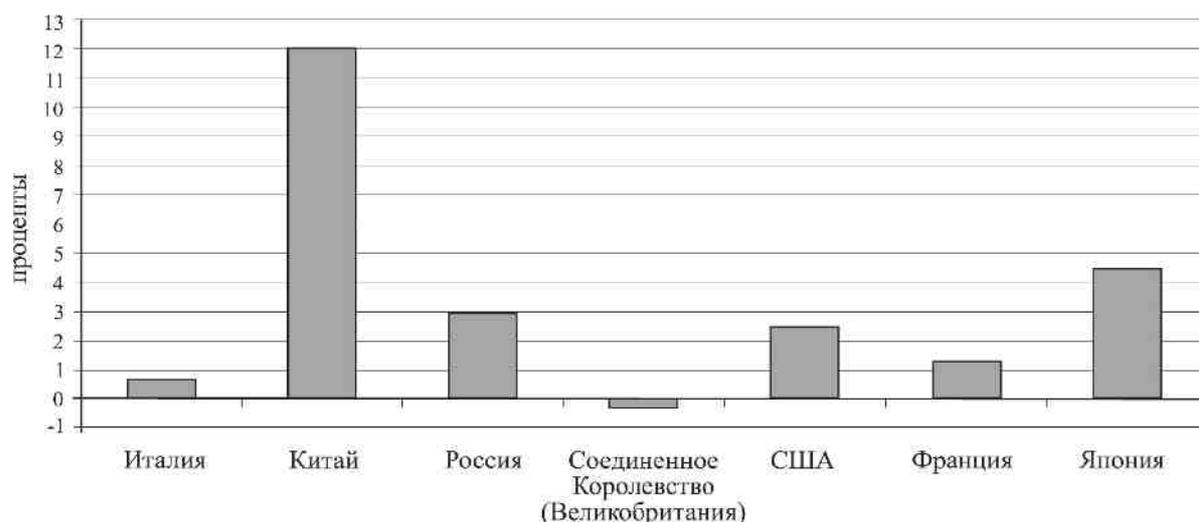
И наоборот. Те государства, которые интегрировались в созданную систему международной безопасности на условиях стран-лидеров

¹ С.В.Лавров. Полный текст статьи Министра иностранных дел России С.В.Лаврова, опубликованной в журнале «Дефанс Насьональ» (Франция) в сокращенном виде, май 2010 года. 24.05.2010 / МИД России / http://www.mid.ru/us_dos.nsf.

² Росстат. База данных / URL: / http://www.gks.ru/bgd/free/b04_03/

глобализации, восприняли «универсальную» систему ценностей либерализма, оказались в числе не только наиболее пострадавших от кризиса (как Россия, Ирландия, Греция), но и стремительно теряют свои позиции в области международной безопасности. Что хорошо видно на следующем рисунке.

**Темпы прироста (снижения) ВВП в I квартале 2010 года
в % к I кварталу 2009 г.**

В их числе не только те страны, которые в наибольшей степени страны, опирающиеся на ресурсную экономику (как Россия), но и развитые государства.

До кризиса 2008–2010 годов Россия, казалось, уверенно развивалась 8 лет, преодолев социально-экономическую катастрофу 90-х годов. Вместе с тем, ее развитие можно точнее охарактеризовать как экстенсивный экономический рост. Это, однако, привело к тому, что страна вернулась в реальную мировую политику¹, как минимум, в качестве участника.

Россия: основные индикаторы 1996–2008 гг.

	1996–1999 (сред)	2000–2004 (сред)	2005	2006	2007	2008
ВВП, млрд. долл.	316	395	764	988	1 292	1 673
ВВП на душу, тыс. долл.	2,1	2,7	5,3	6,9	9,1	11,8
Темпы роста ВВП, % к предыдущему году	–0,3	6,9	6,4	6,7	8,1	6,8

¹ Мировой кризис: угрозы для России. М., ИНСОР, 2009 г., с. 4.

Норма накопления, % ВВП	17,2	18,1	16,7	17,6	20,1	21,6
Норма сбережения, % ВВП	27,1	33,8	33,5	33,8	32,0	31,0
Экспорт нефти и нефтепродуктов, % ВВП	6,7	12,3	15,3	14,9	15,0	16,1
Торговый баланс, % ВВП	8,4	16,2	15,7	14,1	10,1	9,5
Счет текущих операций, % ВВП	3,9	11,2	10,9	11,4	6,0	4,8
ИПЦ, % к предыдущему году (декабрь к декабрю)	38,5	15,5	10,9	9,0	11,9	13,2
Промышленное производство, % к предыдущему году	0,8	6,5	4,0	6,3	6,3	4,0
Реальные доходы населения, % к предыдущему году	-5,3	11,4	9,3	10,0	10,7	7,0

Ключевые показатели – рост ВВП страны и душевого ВВП – характеризовали ее как государство со средним уровнем развития экономики и **большим неиспользованным человеческим потенциалом**. Отставание в этой области (образование, наука, культуры, здравоохранение) крайне негативно сказалось как на структуре экономики, так и на возможностях России влиять в мире.

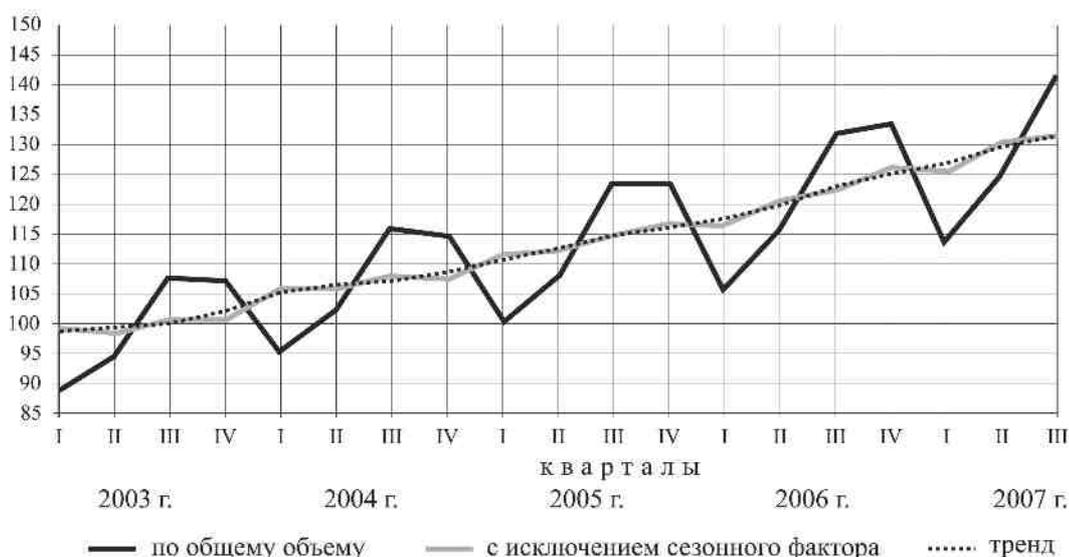
О производстве валового внутреннего продукта (ВВП) во II квартале 2010 года¹.

Объем ВВП России за II квартал 2010 г. составил в текущих ценах 10859,4 млрд. рублей. Индекс физического объема ВВП относительно II квартала 2009 г. составил 105,2%, относительно I квартала 2010 г. – 108,0%. Индекс– дефлятор ВВП за II квартал 2010 г. по отношению к ценам II квартала 2009 г. составил 111,1%.

Объем ВВП за I полугодие 2010 г. составил в текущих ценах 20732,6 млрд. рублей, индекс его физического объема относительно I полугодия 2009 г. составил 104,2%.

¹ О производстве валового внутреннего продукта (ВВП) во II квартале 2010 г. Росстат. База данных / http://www.gks.ru/bgd/free/b04_03/Iss.

Динамика производства ВВП
в % к значению условного среднего квартала 2003 г.
(1/4 номинального значения ВВП за 2003 г.)

Причем в России наиболее «слабыми» отраслями оказались обрабатывающие отрасли и строительство¹, а наиболее «сильной» отраслью – туризма. Что вполне характерно для экономики и политики зависимой страны. Это, также, характеризует Россию как «слабое звено» в системе международной безопасности. Вновь возникает зависимость между степенью развития экономики страны и НСК и международной безопасностью: чем выше ИРЧП, качество НЧК – тем сувереннее, независимее государство и тем эффективнее система международной безопасности. Строго говоря, оказывается, что **настоящая эффективная система международной безопасности может быть создана:**

- суверенными, независимыми государствами;
- нациями с высоким уровнем развития НЧК;
- нациями, сохранившими национальные традиции и ценности.

Отдельная тема – структура развития НЧК и его проявление в социальной сфере, которая становится сегодня более эффективным инструментом внешней политики, чем военная сила. Речь идет об институтах гражданского общества, «мягкой силы», но, главное, такой отрасли как туризм и международные обмены.

Роль туризма и спорта по-прежнему остается недооценкой как с точки зрения укрепления международной безопасности и продвижения

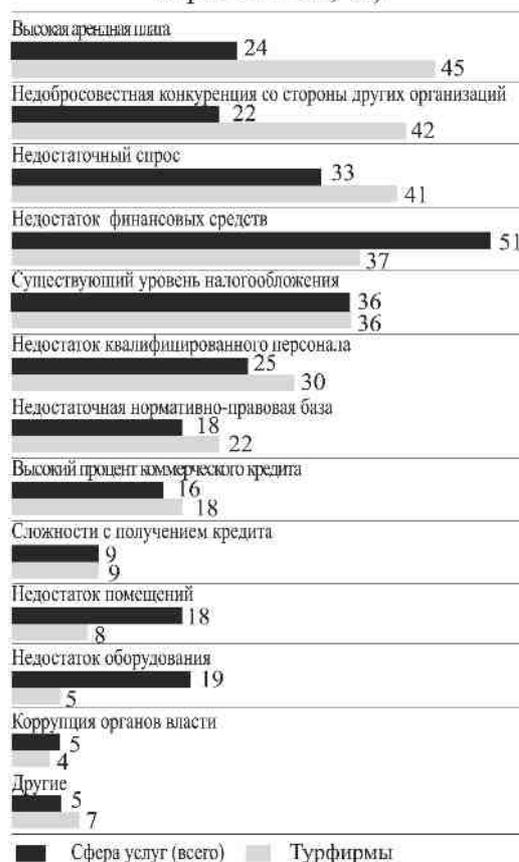
¹ О производстве валового внутреннего продукта (ВВП) во II квартале 2010 г. Росстат. База данных / http://www.gks.ru/bgd/free/b04_03/Iss.

имиджа России за рубежом, так и с экономической точки зрения. А между тем, если согласиться с особым значением НЧП России как фактора международной политики и заявки на культурно-идеологическое лидерство, то именно массовые представители России, прежде всего представители креативного класса, являются той силой, которая может продвигать интересы страны за рубежом. Именно они являются проводниками российских ценностей достижений культуры, спорта, науки и образования на уровне рядовых человеческих контактов.

Не малое значение имеет и экономическая сторона. В современной экономике развитых стран доля туристической индустрии, как и сферы услуг, растет и будет расти. В некоторых странах она составляет главную статью ВВП и доходов, достигая 30%. В этой связи отсталость России, прежде всего с точки зрения привлечения иностранных туристов, – удручает. Как, впрочем, и сфера услуг, которая не только хуже, но и дороже, чем в развитых странах. При этом факторы, влияющие на эту ситуацию, хорошо известны, что неизбежно ставит вопрос о немедленном принятии мер¹.

¹ Д. Николаева. Туризм скрылся за границей / Коммерсант, 11 ноября 2010 г., с. 6.

Факторы, отрицательно влияющие на деятельность турфирм
(доля организаций от общего числа опрошенных, %)

Источник: ГУ-ВШЭ

При этом в первом полугодии 2010 года 59% общей стоимости услуг, оказанных турфирмами, приходилось на выездной туризм (он «является менее выгодным для экономики страны из-за вывоза капитала и отсутствия возможности создания новых рабочих мест», отмечают в ВШЭ), 30% – на внутренний и только 7% – на въездной туризм. Отметим, что еще в июне 2010 года число отдыхающих за границей граждан РФ превысило не только показатели кризисного 2009-го, но и вполне успешного 2008 года, а с ноября российские туроператоры сообщают о том, что новогодние туры за границу уже раскуплены.

В целом российская экономика к концу 2010 года вышла из кризиса. За исключением некоторых отраслей она вышла на докризисные показатели 2008 года. Но можно ли это назвать успехом, ведь те страны, которые выбрали иную модель развития, в частности Индия (импортозамещение), за период кризиса значительно ушли вперед в своем развитии.

**Индекс физического объема ВВП и валовой добавленной стоимости
по видам экономической деятельности в постоянных ценах
(в % к соответствующему периоду предыдущего года)**

	2010 г.			Справочно 2009 г		
	I кварт ал	II кварт ал	I полу- годие	I кварт ал	II кварт ал	I полу- годие
Валовой внутренний продукт в рыночных ценах	103,1	105,2	104,2	90,7	89,0	89,8
в том числе:						
сельское хозяйство, охота и лесное хозяйство	102,7	101,1	101,8	99,2	98,5	98,8
рыболовство, рыбоводство	109,4	106,5	108,0	101,0	101,9	101,5
добыча полезных ископаемых	111,7	105,2	108,4	96,6	94,8	95,6
обрабатывающие производства	113,4	115,3	114,4	75,3	80,4	77,9
производство и распределение электроэнергии, газа и воды	109,0	103,7	106,8	93,0	96,2	94,3
строительство	91,1	99,7	96,1	80,8	79,1	79,8
оптовая и розничная торговля; ремонт автотранспортных средств, мотоциклов, бытовых изделий и предметов личного пользования	99,9	103,7	101,7	92,8	85,4	89,1
гостиницы и рестораны	96,8	100,3	98,6	85,8	82,6	84,1
транспорт и связь	109,5	109,6	109,5	92,6	93,4	93,0

Кризис немедленно сказался на всех планах опережающего развития России до 2020 года, по сути заставил отказаться от принятой «Стратегии 2020». И не только из-за резкого падения ВВП в 2008–2009 годах, но и из-за возникшего крупного дефицита федерального и региональных бюджетов¹.

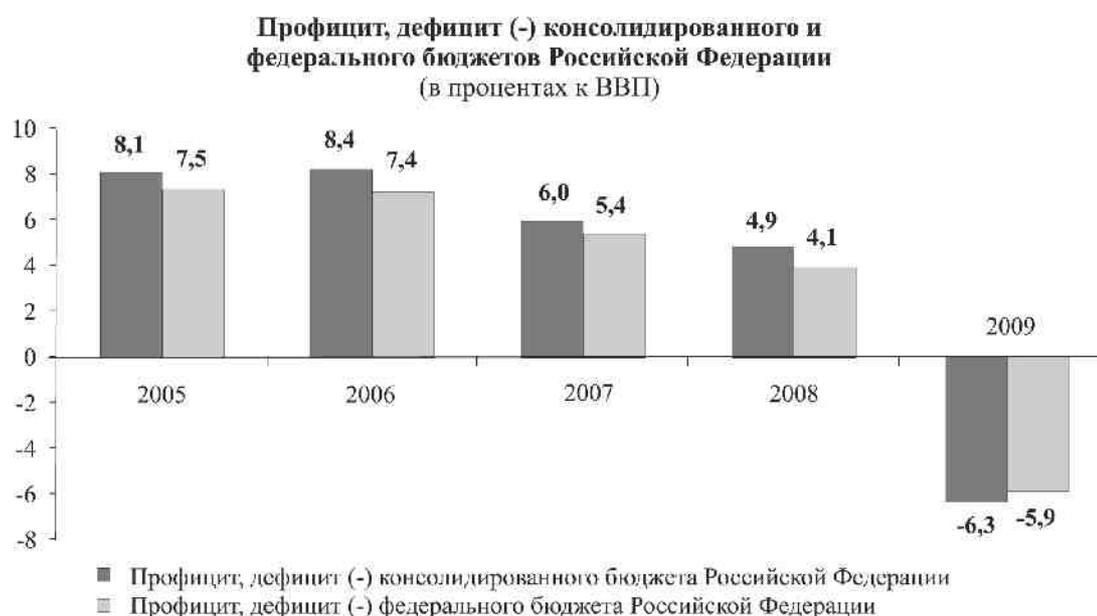
¹ Росстат. База данных / http://www.gks.ru/free_doc/new/finans/fin299.htm

Приходится признать, что антикризисные меры, предпринятых Правительством России, часто были:

– **запоздалыми** (так, вплоть до октября 2008 года почему-то считалось, что Россия останется в стороне от кризиса неким «островом стабильности»);

– **не всегда адекватными** (правительство в конечном счете сконцентрировалось на мерах поддержки финансового сектора, в ущерб идеям развития);

– **потерей стратегической перспективы** (меры были ориентированы на тактические, часто сиюминутные результаты, а не цели «Стратегии 2020»).

При этом кризис остро затронул социальную сферу. Прежде всего из-за инфляции и роста цен на тарифы и услуги. Ситуация в этой области оказалась значительно хуже, чем в странах Евросоюза.

Другими словами российская экономика продемонстрировала все свои негативные особенности и уязвимость от внешних факторов. В том числе и в социальной сфере¹. Модель экономического развития России оказалась антисоциальной, хотя Д.Медведев и В.Путин казалось делали все в условиях кризиса, чтобы не пострадали социальные программы даже в условиях неожиданно возникшего бюджетного дефицита.

¹ Росстат. База данных / URL: / http://www.gks.ru/bgd/free/b04_03/

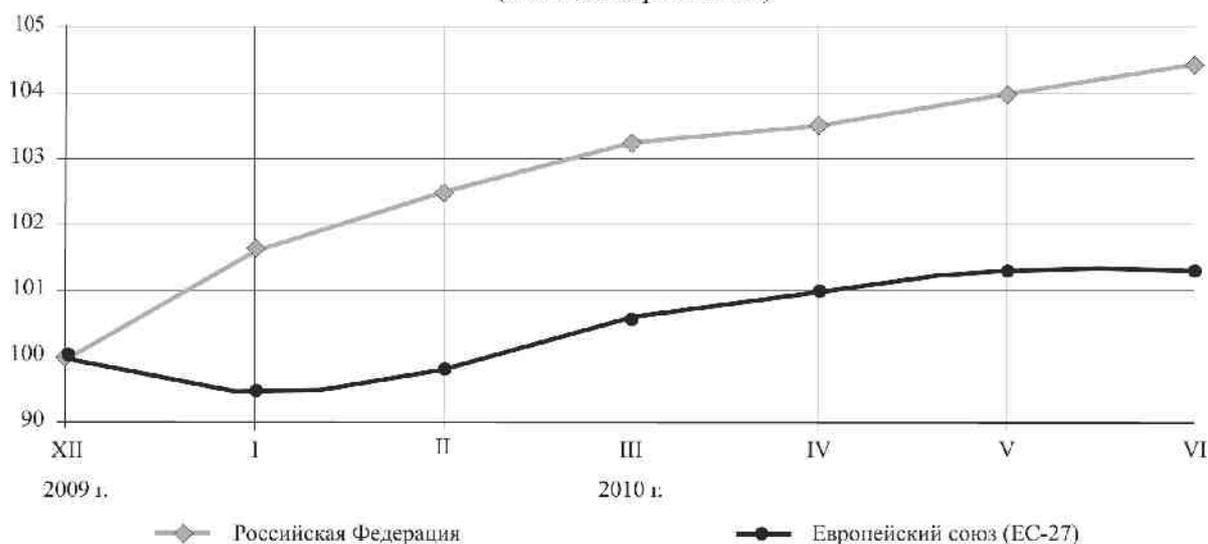
Важно подчеркнуть, что в этот кризисный период Россия не смогла реализовать политически декларированные в 2007–2008 годах планы на опережающее развитие национального человеческого капитала, инновации и модернизацию экономики. Кризис заставил в 2008–2010 годы практически остановить эти замыслы.

По мере стабилизации в 2010 годы наметилось и возвращение не только в политической риторике к идеям инновации и модернизации экономики. На мой взгляд, в слишком узкой части, относящейся только к **технологической модернизации**, точнее – заимствованиям достижений развитых стран. Этим объясняется корректировка внешнеполитического курса о которой фактически заявил Д.Медведев выступая на очередной встрече с послами в МИДе летом 2010 года. Эта корректировка была справедливо расценена многими как односторонняя ориентация на страны Евросоюза в целях модернизации.

Это, конечно же, явное упрощение, хотя акцент на технологическую модернизацию через заимствования неизбежно толкает к этому.

Антисоциальная политика – реальность, хотя лично Д.Медведев и В.Путин делали все в 2008–2010 годы, чтобы этого не произошло. Это – парадокс противодействия личных усилий созданной ими же логике экономического развития.

Индексы потребительских цен
в Российской Федерации и Европейском союзе
(в % к декабрю 2009 г.)

Очевидно, что эгоистическое поведение государств в условиях кризиса оказалось наиболее эффективной моделью поведения. На мой взгляд, это не случайно, а отражает назревшую тенденцию «национализации» внешней политики государства в условиях глобализации.

Тем не менее существует и другой подход, сторонники которого полагают, что совместные действия – более перспективная модель поведения в условиях кризиса. Особенной в области безопасности. Как справедливо отметил профессор МГИМО(У) А.Богатуров, «Финансовый кризис 2008 г. не заслонил беду более общую – кризис миросистемный. Политики, деловой мир и общественность больше тревожатся из-за первого. Это понятно. Но финансовые потери – не единственная угроза. **Деградирует международный порядок, сложившийся после распада СССР, а с ним – модель партнерских отношений между Россией и Западом** (подч. *А.П.*). Между тем эта модель представляет собой несомненную ценность, пусть условия русско-западных отношений и были выработаны с явным преобладанием интересов США и ЕС»¹.

С последней мыслью моего коллеги о «несомненной ценности русско-западных отношений» я не вполне согласен. Ценность таких отношений после развала СССР, т.е. за последние 20 лет, весьма сомнительна. У меня сложилось четкое впечатление, что в ответ на вполне логичную и последовательную модель и стратегию Запада по отношению к России, наша элита так и не предложила такую же логичную и последовательную стратегию. Внешнеполитическая доктрина российской элиты по отношению к Западу колебалась от полного принятия в 90-ые годы западных ценностей и приоритетов, до не всегда последовательного ситуационного реагирования.

Более того, в России в последние годы в конечном счете в целом пришли к консолидированному мнению о необходимости совершенствования международных институтов, а, если надо, то и создания новых механизмов сотрудничества и обеспечения безопасности. Эту позицию элиты по отношению к Европе хорошо сформулировал академик Ан.Торкунов, противопоставив её альтернативной позиции

¹ *А.Богатуров. Контрреволюция ценностей и международная безопасность / Международные процессы, 2008 г., т. 6, № 2 (17).*

обеспечения безопасности: «В Москве с интересом следят за успехами интеграционного проекта Евросоюза. Он представляется очень перспективным. В его рамках значительное число европейских государств объединяет свои усилия для преодоления общих проблем и решения общих задач. Созданные в странах ЕС условия экономического процветания и социального мира показывают, что это получается у них достаточно успешно. Лиссабонский договор позволит ЕС действовать еще более эффективно...

Россия предлагает более реалистичное в обозримой перспективе и более демократичное видение «Большой Европы». В соответствии с ним Российская Федерация, Европейский Союз, все третьи европейские страны должны совместными усилиями создавать мир, в котором хотели бы жить. Важно, чтобы он строился на равноправной основе и в нем уютно чувствовали себя все страны и народы.

В краткосрочной и среднесрочной перспективе речи о том, чтобы оставшиеся вне ЕС европейские страны влились в него, не идет. К этому никто не готов. Евросоюз сам этого не выдержит. Вхождение ЕС в «Большую Европу» также не актуально. С одной стороны, ЕС уже находится в «Большой Европе». С другой – «Большая Европа» пока, скорее, надежда на лучшее будущее, чем реальность.

Но до этого лучшего будущего надо еще дожить в мире и спокойствии. Поэтому Россия стремится в согласии с другими странами реформировать основы обеспечения безопасности в Европе. Если для этого требуется перезаключить ранее подписанные договоры или подписать новые, то этим следует поскорее заняться»¹.

Принципиальный вывод таков: мировой кризис продемонстрировал, что необходим **новый уровень** международного сотрудничества, который может представлять собой **систему мер в области безопасности** в таких областях, как:

- финансовая область и международная торговая;
- использование ресурсов;
- создание единой инфраструктуры транспорта и связи;
- совместных действий против международного терроризма;

¹ *Ан.Торкунов. Дефицит демократии и международное сотрудничество / Международные процессы, № 3 (21), 2009 г.*

– контроля над критически важными технологиями и распространением оружия массового уничтожения (ОМУ);

– но, главное, формирование **общих рамок международного права и поведения государств в мире**, что неизбежно потребует сотрудничества в поиске общих ценностей и разработке общих принципов, т.е. **сотрудничества даже на идеологическом уровне**, уровня понимания глобальных угроз, общих для безопасности национальных государств.

Иногда складывается впечатление, что у такого сотрудничества нет перспектив. Это не соответствует действительности. Мировой опыт говорит о другом. В частности, если речь идет об оказании помощи развитым государствам, то можно констатировать, что только за последнее десятилетие был сделан существенный прогресс. Так, в 2001 г. была принята рекомендация сделать несвязанным весь объем помощи наименее развитым странам, на которые традиционно приходится около трети всей ОПР. Обуславливалось это тем, что при «связывании» закупка товаров и услуг в рамках ОПР становится дороже в среднем на 15–30% и необходимо, чтобы беднейшие страны не теряли данную сумму.

Большинство стран-членов КСР последовало данной рекомендации и в настоящее время (см. табл.) общий объем несвязанной помощи на двусторонней основе стран-членов Комитета составляет 92%, причем у Великобритании он 100%, у Германии – 93%, Франции – 95%, у Японии – 90% (в начале 2000-х гг. он достигал 96%). Таким образом национальный эгоизм может отступить перед общим пониманием объективной потребности.

Структура двусторонней помощи развитию стран «Группы Восьми» (кроме США и РФ) в 2000-2005 гг. (в % от общего количества)¹

ГОД		2000	2001	2002	2003	2004	2005
Все страны Комитета содействия развитию ОЭСР	Н	81,1	79,9	85,3	91,8	91,3	91,8
	Ч	2,7	2,6	3,3	1,6	0,4	1,8
	С	16,1	17,5	11,3	6,5	8,3	6,5
Канада	Н	24,9	31,7	61,4	52,6	56,7	59,4

¹ Д.А.Дегтерев. Отчет по НИР по теме: «Международное содействие развитию как эффективный инструмент продвижения внешнеполитических интересов (по примере США, ведущих стран ЕС, Японии, Китая). М., МГИМО(У), 2010 г., с. 32.

	Ч				0,0	0,3	0,3
	С	75,1	68,3	38,6	47,4	43,0	40,3
Франция	Н	68,0	66,6	91,5	93,1	94,2	94,7
	Ч	25,5	24,3	5,1	3,9		0,2
	С	6,6	9Д	3,4	3,1	5,8	5,1
Германия	Н	93,2	84,6	86,6	94,6	92,2	93,0
	Ч						
	С	6,8	15,4	13,4	5,4	7,8	7,0
Италия	Н	38,2	7,8				92,1
	Ч						
	С	61,8	92,2				7,9
Япония	Н	86,4	81,8	82,8	96,1	94,4	89,6
	Ч	0,5	1,4	8,1	0,5	1,0	6,0
	С	13,1	16,8	9,1	3,4	4,6	4,4
Великобритания	Н	91,5	93,9	100,0	100,0	100,0	100,0
	Ч						
	С	8,5	6,1				

Примечание: Н – несвязанная помощь; Ч – частично связанная; С – связанная помощь развитию.

Источник: подсчет автора на основе данных КСР ОЭСР.

Применительно к Европе и Евросоюзу эти настроения российской элиты нашли выражение в проекте специальной Программы, разработанной и предложенной МИДом России Президенту Российской Федерации в 2010 году. Этот проект документа получил название «Программа эффективного использования на системной основе внешнеполитических факторов в целях долгосрочного развития Российской Федерации»¹.

В определенном смысле Европа стала тем объектом, на котором Россия апробировала свои идеи сотрудничества в многополярном мире. Обращает на себя внимание, что Россия в последние годы резко активизировала свои усилия на всех направлениях, «по всем азимутам». Визиты Д.Медведева и В.Путина в КНР, Вьетнам, Туркмению, Республику Корея, Японию, Индию (декабрь 2010 г.) и другие страны

¹ Программа эффективного использования на системной основе внешнеполитических факторов в целях долгосрочного развития Российской Федерации / <http://www.runenewsweek.ru>.

показывают, что опасения относительно односторонней ориентации России на страны Евросоюза напрасны.

Россия в полной мере осознает свое положение и ответственность в качестве не только мировой, но и великой державы, чьи интересы в равной мере распределены не только в Европе, но и в Азии. Поэтому она не может, да и не должна быть связан только общеевропейскими интересами.

Процесс национальной самоидентификации России, в т.ч. во внешней политике, еще далеко не закончен. Но уже ясно, что курс на опережающее развитие и модернизацию потребует участия в создании принципиально новой модели международных отношений и поведения государств в мире.

2.7.3. Международная безопасность и новое соотношение сил

«Россия уже не раз доказывала, что может сделать то, что другим кажется невозможным»¹.

В.Путин

«Миру нужна новая философия международных отношений»².

*Ан.Торкунов,
ректор МГИМО(У)*

В конце первого десятилетия нашего века стало ясно, что европейской системе ценностей всё более откровенно противопоставляются иные цивилизационные системы ценностей – прежде всего исламская и китайская, – которые будут обеспечивать экономические и иные интересы стоящих за этими идеологиями государств. Но не только. В соотношении мировых сил учитывается прежде всего экономическая мощь государств, выражаемая в объемах ВВП и уровне технологий, качества жизни, индекса развития человеческого потенциала и т.д.

Внутри стран-лидеров происходит радикальное изменение в соотношении сил, которое проявилось уже при жизни нынешнего поколения. Но коренным образом ситуация изменится к 2050 году, когда доля развитых стран в общей численности населения составит абсолютное меньшинство. По оценке А.Г.Вишневого, в 1950 году среди 20 крупнейших по числу жителей стран мира с общим населением 1,9 млрд. человек (около 75% мирового населения) было 10 стран Севера. В 2009-м в первую двадцатку государств, в которых было сосредоточено 4,9 млрд. человек (71% мирового населения) входили только четыре северные страны. По среднему варианту прогноза ООН, в 2050 году в число 20 крупнейших стран с общим населением 6,2 млрд. человек (68% мирового населения) войдут только три страны Севера. Доля Севера в совокупном населении первой двадцатки упала с 34% в 1950-м до 14% в 2007 году, а к 2050-му опустится ниже 10%³.

¹ *В.Путин*. Выступление на расширенном заседании Госсовета «О стратегии развития России до 2020 года» / <http://www.viperson>. 8.02.2008.

² *Ан.Торкунов*. Фундаментальность в общественных науках / Независимая газета, 07.12.2007.

³ *Ан.Вишневский*. Конец североцентризма / Россия в глобальной политике, № 5, сентябрь–октябрь 2009 г., с. 182.

Население 20 наиболее многолюдных стран мира

1950 г.			2009 г.			2050 г.		
1 Китай	545	21,6	Китай	1346	19,7	Индия	1 614	17,6
2 Индия	372	36,3	Индия	1 198	37,3	Китай	1 417	33,1
3 США	158	42,5	США	315	41,9	США	404	37,5
4 Россия	103	46,6	Индонезия	230	45,2	Пакистан	335	41,2
5 Япония	83	49,8	Бразилия	194	48,1	Нигерия	289	44,4
6 Индонезия	77	52,9	Пакистан	181	50,7	Индонезия	288	47,5
7 Германия	68	55,6	Бангладеш	162	53,1	Бангладеш	222	49,9
8 Бразилия	54	57,7	Нигерия	155	55,4	Бразилия	219	52,3
9 Великобритания	51	59,7	Россия	141	57,4	Эфиопия	174	54,2
10 Италия	46	61,5	Япония	127	59,3	Конго	148	55,8
11 Бангладеш	44	63,3	Мексика	110	60,9	Филиппины	146	57,4
12 Франция	42	64,9	Филиппины	92	62,2	Египет	130	58,9
13 Пакистан	41	66,5	Вьетнам	88	63,5	Мексика	129	60,3
14 Украина	37	68,0	Эфиопия	83	64,8	Россия	116	61,5
15 Нигерия	37	69,5	Египет	83	66,0	Вьетнам	112	62,8
16 Испания	28	70,6	Германия	82	67,2	Танзания	109	64,0
17 Мексика	28	71,7	Турция	75	68,3	Япония	102	65,1
18 Вьетнам	27	72,8	Иран	74	69,4	Турция	97	66,1
19 Польша	25	73,8	Таиланд	68	70,3	Иран	97	67,2
20 Египет	22	74,6	Конго (ДР)	66	71,3	Уганда	91	68,2
Всего		1 887	Всего		4 870	Всего		6 239
В т.ч. страны Севера		640	В т.ч. страны Севера		665	В т.ч. страны Севера		622

Примечание. Страны Севера выделены курсивом.

Отдельно необходимо сказать о вероятном изменении в соотношении военных сил в мире. Уже сегодня новые экономические и демографические центры силы вполне амбициозно заявляют о своих политических амбициях¹.

20 стран с наибольшим ВВП

№ п/п	1950 г.		2007 г.	
1	США	1455,9	США	13780,0
2	СССР	510,2	Китай	7099,0

¹ *Ан.Вишневецкий. Конец североцентризма / Россия в глобальной политике, № 5, сентябрь–октябрь 2009 г., с. 189–190.*

3	Великобритания	347,9	Япония	4272,0
4	Германия	265,4	Индия	2966,0
5	Китай	239,9	Германия	2807,0
6	Индия	222,2	Великобритания	2130,0
7	Франция	220,5	Россия	2097,0
8	Италия	165,0	Франция	2075,0
9	Япония	161,0	Бразилия	1849,0
10	Канада	102,2	Италия	1800,0
11	Бразилия	89,3	Испания	1361,0
12	Аргентина	85,5	Мексика	1353,0
13	Мексика	67,4	Канада	1271,0
14	Испания	66,8	Южная Корея	1206,0
15	Нидерланды	60,6	Турция	853,9
16	Швеция	47,3	Индонезия	843,7
17	Бельгия	47,2	Австралия	773,0
18	Швейцария	42,5	Иран	762,9
19	Дания	29,7	Тайвань	698,6
20	Австрия	25,7	Нидерланды	645,5
	Всего	4252,1	Всего	50643,6
	В т. ч. страны Юга	704,4	В т. ч. страны Юга	17632,1
	Доля стран Юга, %	16,6	Доля стран Юга, 96	34,8

При этом обращает на себя внимание, что их доля военных расходов в ВВП продолжает увеличиваться темпами, опережающими другие государства.

Доля военных расходов в ВВП в 20 странах с максимальным ВВП, по оценке ЦРС США

Страна, год	Доля в ВВП, %	Страна, год	Доля в ВВП, %
Турция. 2005	5,3	Иран. 2006	2,5
Китай. 2006	4,3	Великобритания. 2005	2,4
США. 2005	4,1	Австралия. 2006	2,4
Россия. 2005	3,9	Тайвань 2006	2,2
Индонезия. 2005	3,0	Италия, 2005	1,8
Южная Корея. 2006	2,7	Нидерланды. 2005	1,6
Франция. 2005	2,6	Германия. 2005	1,5
Бразилия, 2006	2,6	Испания. 2005	1,2
Индия. 2006	2,5	Канада, 2005	1,1

Иран, 2006	2,5	Япония, 2006	0,8
Великобритания. 2005	2,4	Мексика. 2006	0,5

Эти количественные измерения не учитывают однако важнейших факторов, которые определяют совокупную мощь государства, прежде всего, наличие эффективной идеологии, культурное и духовное наследие, приверженность нации своим ценностям и ее готовность отстаивать национальные интересы. Эти и другие факторы сегодня не поддаются точному измерению и не являются пока что предметом рейтингов, хотя соотношение национальных человеческих капиталов (НЧК) отдельных стран делает такие сравнения возможными и актуальными. Отсутствие соответствующих методик и готовности их использования значительно ограничивают возможности измерения соотношения сил (а, тем более, измерение ее динамики) в мире. Поэтому мы пока что в своем анализе опираемся на количественные измерения экономик государств. Или динамику их развития. Так, например, в ежегодном прогнозе ИМЭМО РАН «Россия и мир: 2010. Экономика и внешняя политика», анализ основывается на темпах прироста ВВП¹.

Темпы прироста ВВП. %

	Оценка МВФ		Оценка ИМЭМО	
	2009	2010	2009	2010
Весь мир	-1,1	3,1	-0,2	3,4
Развитые страны			-2,2	2,0
США	-2,7	1,5	-0,5	3,5
Япония	-5,4	1,7	-3,0	1,5
Зона евро	-4,2	0,3	-3,4	0,9
ЕС 27	-4,2	0,5	-3,3	0,9
Германия	-5,3	0,3	-3,5	1,5
Франция	-2,4	0,9	-2,0	1,4
Италия	-5,1	0,2	-4,0	0,9
Великобритания	-4,4	0,9	-3,5	1,3
Развивающиеся страны			3,5	5,6
Китай	8,5	9,0	9,0	10,0
Индия	5,4	6,4	5,8	6,8

¹ Россия и мир: 2010. Ежегодный прогноз. М., ИМЭМО РАН, 2009 г.

Бразилия	-0,7	3,5	-0,5	3,5
Страны с переходной экономикой			-4,9	1,8
Россия	-7,5	1,5	-8,0	2,5

И далее ученые ИМЭМО комментируют: «МВФ прогнозирует падение производства США в 2009 году на 2,7%, наши же расчеты свидетельствуют о том, что экономика США сократится максимум на 0,5%. Наш прогноз основывается на оценке динамики основных элементов ВВП США по использованию: роста потребления населения, инвестиций, расходов государства, сокращения отрицательного сальдо торговли товарами и услугами. На количественной оценке всех перечисленных выше параметров также основывается наш прогноз о росте ВВП США в 2010 году на 3,5% (оценка МВФ – 0,5%)»¹.

Это видно также из сопоставлений ВВП по 146 странам и территориям мира, проведенным, например, по показателям 2005 года Всемирным банком.

Совокупный объем ВВП **стран**, принявших участие в Глобальном раунде по данным за 2005 г., составил около 55 трлн.долларов США по паритету покупательной способности (ППС). По объему ВВП первая десятка стран мира выглядит следующим образом: США (12,4 трлн. долл.), Китай (5,3 трлн. долл.), Япония (3,9 трлн. долл.), Германия (2,5 трлн. долл.), Индия (2,3 трлн. долл.), Соединенное Королевство (Великобритания) (1,9 трлн. долл.), Франция (1,9 трлн. долл.), Россия (1,7 трлн. долл.), Италия (1,6 трлн. долл.) и Бразилия (1,6 трлн. долл.).

По показателю ВВП **на душу населения** по ППС **наиболее обеспеченными** странами и территориями являются Люксембург (70014 долл./чел.), Катар (68749 долл./чел.), Норвегия (47551 долл./чел.), Бруней (47465 долл./чел.), Кувейт (44982 долл./чел.), США (41674 долл./чел.), Сингапур (41478 долл./чел.), Ирландия (38058 долл./чел.), Макао (37259 долл./чел.), Гонконг (35680 долл./чел.).

Самые бедные страны мира находятся в Африке, к их числу относятся Бурунди, Центрально-Африканская Республика, Демократическая республика Конго, Эфиопия, Гамбия, Гвинея-Биссау,

¹ Россия и мир: 2010. Экономика и внешняя политика. Ежегодный прогноз. М., ИМЭМО РАН, 2009 г., с. 20.

Либерия, Малави, Нигер, Зимбабве, Мозамбик. ВВП на душу населения в перечисленных странах находится в пределах от 250 до 750 долл./чел.

Среди стран СНГ самый большой объем ВВП на душу населения в России – 11861 доллар США, или 28,5% от уровня США. По этому показателю Россия занимает 51-е место в мире. В Казахстане этот показатель составил 8699 долларов США (62-е место в мире), Беларуси – 8541 доллар США (65-е место в мире). Самая бедная страна СНГ Таджикистан – 1413 долларов США (119-е место в мире). Средний по СНГ уровень ВВП на душу населения составил 9202 доллара США. Из числа стран СНГ этот уровень превосходит только Россия, на долю которой приходится почти три четверти совокупного ВВП стран СНГ.

Самыми дорогими странами мира являются Исландия – 154% от уровня цен США, Дания (142%), Швейцария (140%), Норвегия (137%), Ирландия (127%). Для России сопоставимый уровень цен составил 45%. Самые дешевые страны – Исламская Республика Иран, Лаос, Вьетнам, Боливия, Киргизия, Таджикистан, Египет, Эфиопия, Гамбия¹.

Основные результаты приводятся в прилагаемой ВБ таблице. Дополнительная информация, включая показатели на душу населения и сопоставимые уровни цен по трем компонентам ВВП (фактическое конечное потребление домашних хозяйств, фактическое конечное потребление государственного управления и валовое накопление основного капитала) вместе с разъяснениями, опубликована на сайте по адресу www.worldbank.org/data/icp.

Обращает на себя внимание неравномерность развития различных регионов планеты, которая ведет к резкому изменению в соотношении сил в мире уже в самое ближайшее время. Так, очевидно, что мировой экономический центр быстро перемещается в регион Тихого океана. И мировой кризис очевидно усилил эту тенденцию. Это видно как из динамики развития за последние десятилетие, так и трех лет кризиса².

Страны-члены АТЭС имели разные тенденции в динамике темпов роста ВВП в период 2000–2008 гг. Китай, Вьетнам, Индонезия и

¹ Паритет покупательной способности российского рубля составил 12,74 рубля за 1 доллар США.

² Антикризисные программы стран-членов АТЭС и роль институтов развития в их реализации. М.: Внешнеэкономбанк, 2009 г., с. 3–5.

Филиппины были лидерами по темпам роста экономики до 2007 года включительно.

Канада, США, Мексика, Япония, Южная Корея, Малайзия и Сингапур, а также Россия показали наибольшие темпы роста в 2000 году. В Австралии и Новой Зеландии зафиксированы наибольшие темпы экономического роста в 2002 г., в Чили, Гонконге и Тайване – в 2004 г.

Темпы роста ВВП стран-членов АТЭС в 2000-2008 гг., %

	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008
Канада	5,2	1,8	2,9	1,9	3,1	3,1	2,8	2,7	0,5
США	3,7	0,8	1,6	2,5	3,6	3,1	2,9	2,2	1,1
Мексика	6,6	0,0	0,8	1,4	4,2	2,8	4,8	3,3	1,3
Чили	4,5	3,5	2,2	4,0	6,0	5,7	4,0	5,0	3,2
Перу	3,0	0,2	5,0	4,0	5,1	6,7	7,6	9,0	9,8
Россия	10,0	5,1	4,7	7,3	7,2	6,4	7,4	8,1	5,6
Австралия	3,4	2,1	4,1	3,0	3,8	2,8	2,8	3,9	2,1
Япония	2,9	0,2	0,3	1,4	2,7	1,9	2,4	2,1	-0,6
Китай	8,4	8,3	9,1	10,0	10,1	10,4	11,1	11,4	9,0
Индонезия	5,4	3,6	4,5	4,8	5,0	5,7	5,5	6,3	6,1
Малайзия	8,7	0,5	5,4	5,8	6,8	5,0	5,9	6,3	4,6
Сингапур	10,1	-2,4	4,2	3,5	9,0	7,3	8,2	7,7	1,1
Таиланд	4,8	2,2	5,3	7,1	6,3	4,5	5,1	4,8	2,6
Тайвань	5,8	-2,2	4,6	3,5	6,2	4,2	4,9	5,7	0,1
Южная Корея	8,5	3,8	7,0	3,1	4,7	4,2	5,1	5,0	2,2
Новая Зеландия	3,9	2,7	5,2	3,4	4,5	2,8	1,5	3,0	0,3
Филиппины	6,0	1,8	4,4	4,9	6,4	4,9	5,4	7,3	4,6
Гонконг	8,0	0,5	1,8	3,0	8,5	7,1	7,0	6,3	2,5
Вьетнам	6,8	6,9	7,1	7,3	7,8	8,4	8,2	8,5	6,2
Бруней	2,9	2,7	3,9	2,9	0,5	0,4	5,1	0,4	-1,5
Папуа Новая Гвинея	-2,5	-0,1	-0,2	2,2	2,7	3,4	2,6	6,2	7,0

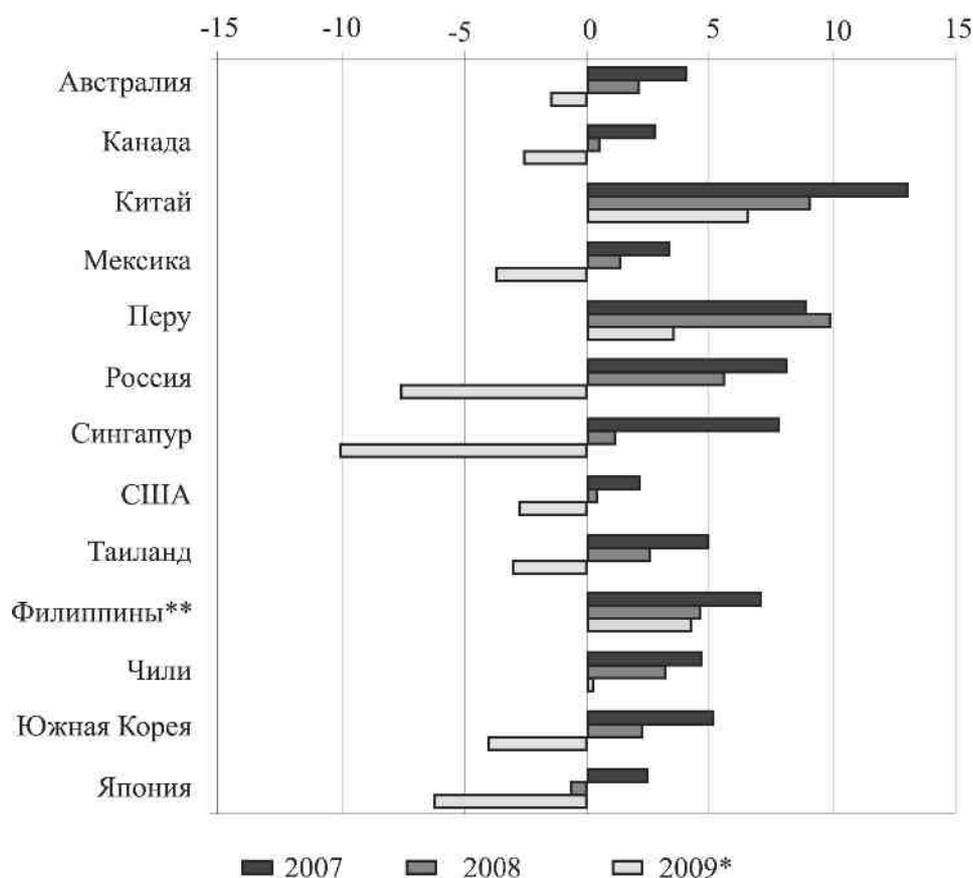
Источник: Международный валютный фонд

Кризис внес серьезные коррективы в темпы развития отдельных стран. Так, экономика Китая оказалась менее подверженной негативному влиянию мировых кризисных явлений, отмечалось лишь незначительное замедление темпов экономического роста в 2008 г. Более того темпы развития Китая в условиях кризиса стали исключительно высокими. Оказалось, что Китай выиграл больше всех от глобализации в условиях

кризиса. Что, естественно, отразилось на соотношении сил в мире и внешней политике Китая уже в 2010 году.

Наиболее пострадавшими от кризиса оказались страны, ориентированные на экспорт товаров и услуг, а также страны являющиеся крупными финансовыми центрами, такие как Сингапур, Южная Корея, Таиланд, Япония, США, Мексика, Канада и Австралия.

Темпы роста ВВП ведущих стран-членов АТЭС в 2007–2009 гг.,%

* Прогноз Международного валютного фонда

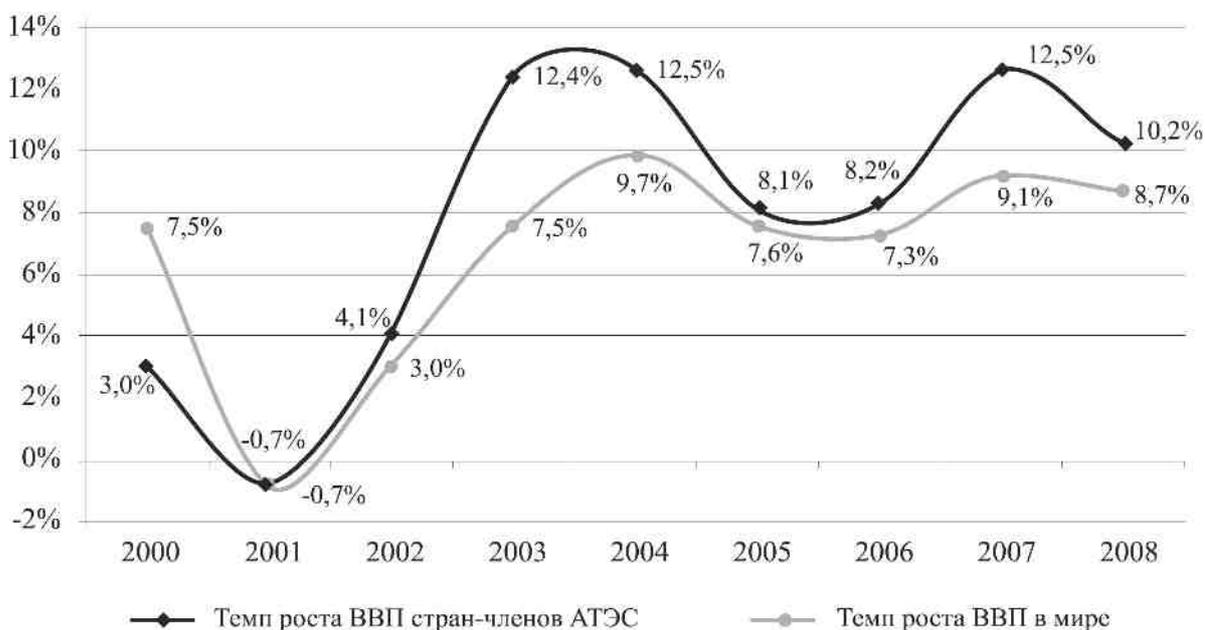
** Прогноз Национального ведомства экономики и развития Филиппин по состоянию на 9 сентября 2009 г.

Менее подготовленными к нынешнему мировому финансово-экономическому кризису оказались Бруней, Япония, Тайвань, Новая Зеландия, Канада, Сингапур, именно в этих странах рецессия оказалась наиболее сильной в 2008 году.

Темп роста экономики США относительно предыдущих периодов в 2007 году уже был меньше темпов роста экономик других ведущих стран-членов АТЭС. Это можно объяснить тем, что современный мировой финансово-экономический кризис начался именно в США в середине

2007 года. В последующие годы США приняли беспрецедентные меры, однако общая тенденция снижения роли экономики США в мире сохранилась.

Темпы роста ВВП в мире и в странах-членах АТЭС в 2000–2008 гг.,%

Источник: Рассчитано по материалам Международного валютного фонда

Очевидно отставание в целом – в динамике и темпах развития – постсоветских стран от общемирового уровня и особенно от стран АТЭС. По всем основным показателям их можно охарактеризовать как страны, относящиеся к группе развивающихся государств. Не только лидеры на постсоветском пространстве – Россия и Казахстан, – но и тем более другие бывшие советские республики, **стремительно отстают от стран АТЭС в своем развитии.** Это отставание заметно как по абсолютным показателям, так и относительным.

Основные показатели международных сопоставлений ВВП за 2005 г.¹

Страны и территории	ВВП (млрд. долларов США по ППС)	Доля страны в совокупном ВВП по ППС (Мир = 100%)	ВВП на душу населения по ППС (долларов США)	ВВП на душу населения по ППС (США = 100%)	ППС (национальных денежных единиц за 1 доллар США)	Сопоставимый уровень цен (%)
СНГ						

¹ О результатах Глобального раунда международных сопоставлений ВВП / http://www.gks.ru/bgd/free/b02_18.

Азербайджан	38,4	0,07	4 648	11,2	1631,6	35
Армения	12,6	0,02	3 903	9,4	178,6	39
Беларусь	83,5	0,15	8 541	20,5	779,3	36
Грузия	15,3	0,03	3 505	8,4	0,7	41
Казахстан	131,8	0,24	8 699	20,9	57,6	43
Киргизия	8,9	0,02	1 728	4,1	11,4	28
Республика Молдова	8,5	0,02	2 362	5,7	4,4	35
Российская Федерация	1697,5	3,09	11861	28,5	12,7	45
Таджикистан	9,7	0,02	1 413	3,4	0,7	24
Украина	263,0	0,48	5 583	13,4	1,7	33
ИТОГО	2269,2	4,13	9202	22,1		43

На фоне быстрого изменения в соотношении сил в мире растет понятная обеспокоенность тем, как будущие экономические и технологические лидеры поведут себя на международной арене. Так, вплоть до конца 2010 года КНР вела очень осторожную внешнюю политику на протяжении всех десятилетий реформ, однако объективное усиление Китая ведет и к росту активности в его внешней политике. Как отмечает эксперт МГИМО(У) В.Корсун, «– Я не исключаю возникновение вооруженного конфликта, тем более что китайские подводные лодки были неоднократно замечены в районе Окинавы, в непосредственной близости к японским островам. Китай настораживает усиление японо-американского альянса, поэтому китайцы ведут себя довольно демонстративно и беспардонно. Идет своеобразная проекция мощи в непосредственной близости от Японии. Небольшие послабления и надежды были связаны с премьером Хатоямой, но его сменили, и опять обозначилась некая неопределенность. С одной стороны, КНР всячески подчеркивает необходимость того, чтобы Япония дистанцировалась от США. Однако на самом деле Китай заинтересован в том, чтобы США как можно дольше обеспечивали ядерный зонтик Японии¹.

Относительно Индии у КНР также есть проблемы, существующие много лет. В.А.Корсун их характеризует следующим образом: «– Проблема китайско-индийского разграничения носит особый характер. У Китая до сих пор нет договора о границах с Индией. Есть только

¹ В.А.Корсун. Возвращение колосса / Портал МГИМО(У). 29.10.2010 / <http://www.mgimo.ru/system/>.

условная линия контроля по границе. И это тоже используется как рычаг воздействия на Дели. Общая территория индийских претензий – 35 тысяч кв. км. Это реальная территория, которую Китай захватил в ходе конфликтов 1959–1960 годов. А Китай выдвигает претензии на 92 тысячи кв.км., считая, что граница должна проходить не по т.н. линии Макмагона (что было согласовано Сеульским соглашением 1914 года), а по реке Брахмапутре, что будет означать потерю Индией штата Аруначал-Прадеш. Между прочим, в этот штате находится около 40% процентов разведанных в Индии запасов нефти и выращивается половина индийского чая. Это очень по-китайски: поменять то, что вам и не принадлежало, на что-то реальное – такая пакетная сделка Дэн Сяопина (отказ от всех претензий за счет Индии) – это одна из китайских стратегем. По-моему, это № 17, она звучит так: «Поменять разбитую черепицу на яшму». Это проблема всерьез и надолго, от этого рычага воздействия китайцы отказываться не будут, особенно в условиях стремлений Индии стать ядерной державой»¹.

Так, в это время очевидно наблюдался всплеск китайского национализма, который уже не скрывал своих международных амбиций. Как отмечает российский исследователь А.Лукин, «... этот секрет ... полностью раскрылся после недавних публикаций **нескольких официальных военных аналитиков, где высказывались те же мысли.** Так, в сразу же приобретшей большую популярность книге «Китайская мечта» профессор Университета национальной обороны (входит в систему Минобороны КНР) старший полковник Лю Минфу считает, что **в XXI столетии Китай должен стать первой державой мира.** В противном случае усилиями США, борьба (а может быть, и война) за лидерство с которыми неизбежна, он будет отброшен на обочину мирового развития. Перечисляя все утверждает, что причина американской враждебности – не идеология, а геополитика. И «даже если Китай станет более капиталистическим, чем Соединенные Штаты, они все равно будут полны решимости его сдерживать». По мнению Лю, борьба Пекина и Вашингтона – это соревнование за мировое лидерство, и **«чтобы спасти себя, спасти мир, Китай должен готовиться стать его**

¹ В.А.Корсун. Возвращение колосса / Портал МГИМО(У). 29.10.2010 / <http://www.mgimo.ru/system/>.

кормчим». «Если Китай не поставит себе целью превзойти по военной мощи США и Россию, то он обречет себя на судьбу третьеразрядной военной державы», – пишет Лю Минфу и призывает: «Превратите несколько мешков с деньгами в патронташи»¹.

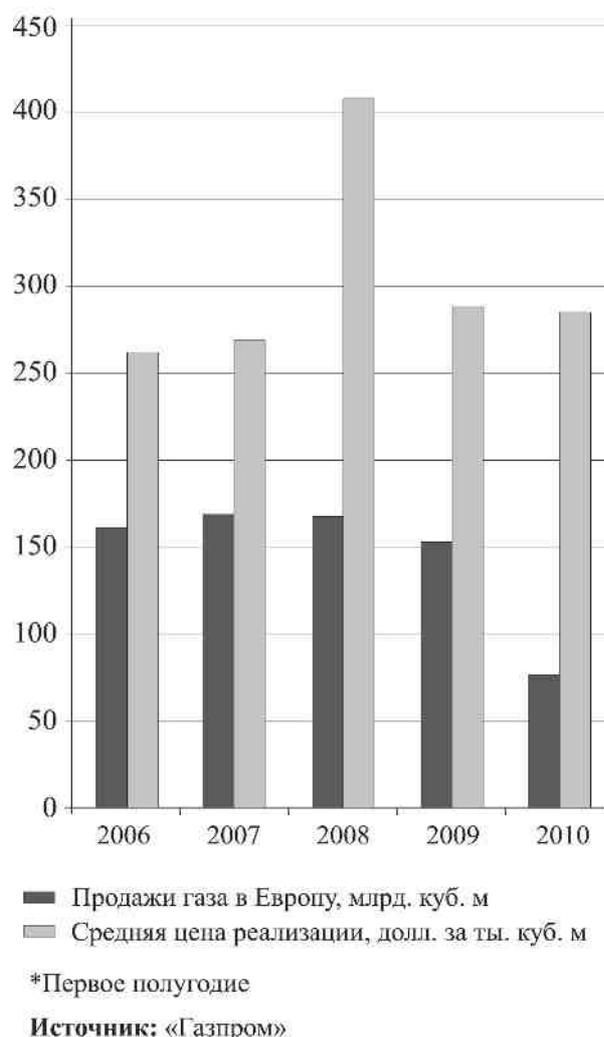
Можно по-разному относиться к этим высказываниям. Во время моих встреч в КНР, например, я слышал от китайских дипломатов, ученых и военных заявления, что такие высказывания «маргинальный характер», «свидетельствуют о китайской демократии». Вместе с тем в идеологической «кузнице» КНР – Высшей партшколе – ее руководители не стали полностью дезавуировать эти высказывания, сославшись на то, что «такая точка зрения существует».

Как бы то ни было Россия должна в своей долгосрочной стратегии ориентироваться не на заявления о намерениях, а на возможное соотношение сил и возможностей. Намерения, как известно, могут быстро измениться, а возможности меняются медленно. Так, большое значение для России в ближайшие годы будет иметь азиатский энергетический рынок, который может достигнуть к 2015–2018 годам 100 млрд. куб. м российского газа и стать сопоставимым с европейским².

¹ *А.В.Лукин.* Внешняя политика Китая – новый поворот? / Россия в глобальной политике, № 2, март-апрель 2010 г.

² *Ю.Шишкова.* Вторая Европа для «Газпрома» / РБК daily, 11 ноября 2010 г., с. 5.

**Показатели поставок газа
на европейский рынок
в течение последних пяти лет**

Даже при более низкой цене реализации (до 200 дол. За 1 тыс. куб. м) это может составить несколько миллиардов долларов ежегодных поступлений в бюджет.

Предполагаются и другие процессы, которые объективно свидетельствуют об утрате Евросоюзом своих позиций¹. Прежде всего в финансовой области, где «борьба за оздоровление государственных финансов», которую органы Евросоюза вели последние 15 лет после подписания Маастрихтского договора, пошла на смарку. Чтобы вернуть государственный долг на докризисный уровень, странам Европейского союза потребуется еще 15 лет. Насколько это будет актуально в 2025 г. И

¹ Так, отдельно нужно говорить о финансовых мерах, необходимых для стабилизации ситуации с госдолгом. См., например: Финансовые Известия, 26 августа 2010 г., с. 3.

как к тому времени будет выглядеть мировая экономика, сказать трудно. Нарастание госдолга опасно по нескольким причинам»¹.

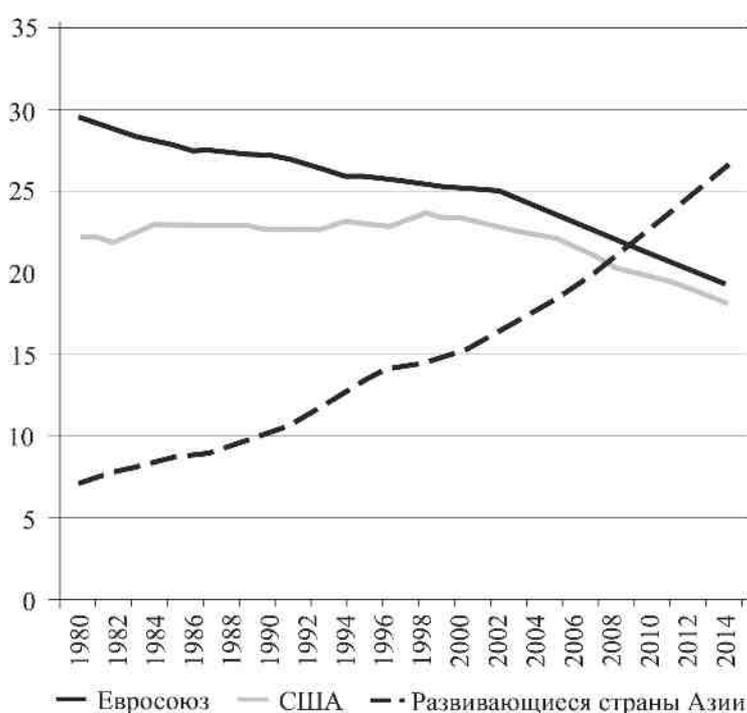
– это ведет к росту зависимости отдельных стран от «старой» Европы;

– это ведет к обострению социальной ситуации;

– это ведет к отказу от социальных программ.

Но не только. В целом доля Европейского союза в мировой экономике уменьшилась с начала века с 25% до 21% в 2008 году, но, главное, имеет **устойчивую тенденцию к дальнейшему снижению**. Не исключено, что к 2025 году страны Евросоюза будут представлять менее 15% мировой экономики, уступая США, Китаю, Индии.

Доля отдельных регионов в мировом ВВП в 1980–2014 гг. %

Источники: World Economic Outlook, IMF

2

Понятно, что в зависимости от соотношения сил будет меняться и политическая, и финансовая, и военная роль отдельных держав.

Не могут не беспокоить все страны (прежде всего быстро развивающиеся) и проблемы экономики США, которые на фоне роста экономики стран БРИК и АТЭС, приобретают угрожающий характер.

¹ О.В.Буторина. Еврозона на вираже кризиса / Россия в глобальной политике, № 2, март-апрель 2010 г.

² О.В.Буторина. Еврозона на вираже кризиса / Россия в глобальной политике, № 2, март-апрель 2010 г.

Кризис 2007–2010 годов, как известно, во многом был вызван именно ростом недоверия к существующей финансовой системе, контролируемой США. Которая, в свою очередь, во многом зависит от состояния экономики самих США. Так, не может не беспокоить как рост внешнего долга США так и снижение внутренних накоплений, наблюдающиеся с 80-х годов¹.

Эти тенденции говорят о том, что в период 2010–2020 годов произойдет **решительное изменение в соотношении сил в мире**. Это изменение неизбежно проявится и в изменении роли отдельных держав и международных институтов. И отнюдь не в пользу США и Евросоюза. Естественно, что вслед за этим произойдет изменение и в соотношении политических и военных сил. В новой конфигурации мировых центров силы неизбежно встанет вопрос о создании **новых военно-политических союзов и коалиций** как представителей «совокупной военно-политической мощи» идеологии и близкой цивилизации.

¹ *J.O'Ntill*. The Outlook for Dollar in the Next Decade / Global Economics Paper № 180, February 17, 2009, p. 10.

Так, уже обращает на себя внимание массивная и активная политика Китая в организации помощи развивающимся странам, которая сопровождается усилением политического влияния КНР.

В последние несколько лет наблюдается значительный рост объемов помощи, которую оказывает КНР. Помощь КНР на цели международного содействия развитию направляется преимущественно на широкомасштабные инфраструктурные проекты, прежде всего наращивание энергетических мощностей и торговое сотрудничество. **Новыми приоритетами являются создание и поддержка институционального потенциала, а также развитие человеческих ресурсов.** В современной политике КНР по содействию развитию отдельных стран можно выделить несколько новых особенностей:

1. Увеличение объема ресурсов, направляемых на повышение институционального потенциала и развитие человеческих ресурсов. Эти изменения могут открыть путь новым возможностям создания партнерств между Китаем и международными донорами для предоставления помощи развивающимся странам.

2. Выделение большого объема ресурсов на реализацию проектов в странах Африки. В последующие пять лет Китай может стать самым крупным донором в Африке.

3. На основе опыта сотрудничества с многосторонними организациями в сфере содействия развитию в центрально-азиатском регионе и в регионе Большого Меконга Китай создает новые многосторонние партнерства, в том числе в рамках Программы развития ООН (ПРООН).

4. В настоящее время правительство КНР поддерживает исследования по развитию новых возможностей для создания международного партнерства, осуществляющего исследования в целях развития на основе диалога Юг – Юг в Пекине¹.

Если к тому времени не будет создана эффективная система международной безопасности или существенно улучшилась

¹ Д.А.Дегтерев. Отчет по НИР по теме: «Международное содействие развитию как эффективный инструмент продвижения внешнеполитических интересов (по примере США, ведущих стран ЕС, Японии, Китая). М., МГИМО(У), 2010 г., с. 89.

существующая, в том числе и институты, которые ее обеспечивают, то новые центры силы потребуют очередного передела мира, ресурсов и сфер влияния.

Очевидно, что новые центры силы и вероятные военные коалиции будут во многом **ориентироваться на свои идеологии**. Мало иметь экономическую и даже военную мощь. Необходима идея, даже идеологическое лидерство, которые смогли бы сконцентрировать и направить ресурсы на достижение поставленной цели.

Именно поэтому необходимо, во-первых, внимательно следить не только за политическими и экономическими, но и идеологическими изменениями, которые неизбежно и динамично будут происходить в 2011–2020 годах в новых центрах силы, а, во-вторых, прилагать все усилия к тому, чтобы попытаться избежать нового противостояния военно-политических коалиций. Альтернативой такому блоковому строительству может стать новая концепция международной безопасности и идея новой архитектуры европейской безопасности.

В России все отчетливее начинают понимать необходимость долгосрочного стратегического прогноза и планирования, в т.ч. и в области безопасности. Это объясняет новый концептуальный подход России. Как сказал один из старейших представителей российской элиты бывший мэр Москвы Ю.Лужков, «Если у социализма и было системное преимущество перед капитализмом, то оно, наверное, состояло именно в системе долгосрочного планирования...»¹.

На мой взгляд, необходимо и **стратегическое планирование в области международной и европейской безопасности**. Причем с участием других государств. Мы должны уже сегодня не только прогнозировать развитие мировой экономики, но и ее последствия для системы международной безопасности. Опыт 2-ой Мировой войны в Европе, на мой взгляд, показал, что старые дипломатические методы, двусторонние переговоры, секретные договоренности и ответные действия против агрессора – малоэффективны². И, наоборот, если бы

¹ Ю.Лужков. Капитализм и Россия. Выпадение из будущего? М.: Московские учебники и картография, 2009, с. 79.

² Очень подробно этот процесс показан в фундаментальном исследовании, снабженном огромным количеством документов, 65 лет Великой Победы: в 6 т. / под общ. ред. С.Е.Нарышкина, акад. А.В.Торкунова. М.: МГИМО-Университет, 2010 г.

европейская политика в 30-ые годы прошлого века были более дальновидны и смогли бы договориться **о системе коллективной безопасности** (а именно к этому сегодня призывает все европейские страны Д.Медведев), то войны и десятков миллионов жертв можно было бы избежать.

Таким образом в связи с редким изменением в соотношении сил у **новой системы международной безопасности может быть несколько точек опоры:**

– **во-первых**, международное право и обязательства государств следовать его нормам, а не концентрироваться на «политической целесообразности» и исключительно «национальных интересах». Здесь следует сохранить доказавшие свою эффективность международные институты. Более того, укрепить и модернизировать их, а также, возможно, создать новые международные институты;

– **во-вторых**, необходима организация, способная объединить все европейские государства от Ванкувера до Владивостока, стать площадкой для согласования интересов всех государств и диалога для принятия совместных решений. Для Азии также необходима аналогичная международная организация. Я бы сказал нужен аналог ОБСЕ для Азии;

– **в-третьих**, общие идеологические и цивилизационные ценности, правила и нормы, учитывающие национальную специфику, по объединяющие не только европейцев, но и другие нации. И здесь огромная роль принадлежит древним цивилизациям Китая, Индии, России;

– **в-четвертых**, общее экономическое, таможенное, финансовое пространство, которое не ограничивается рамками Евросоюза, но включает в себя ведущие азиатские государства;

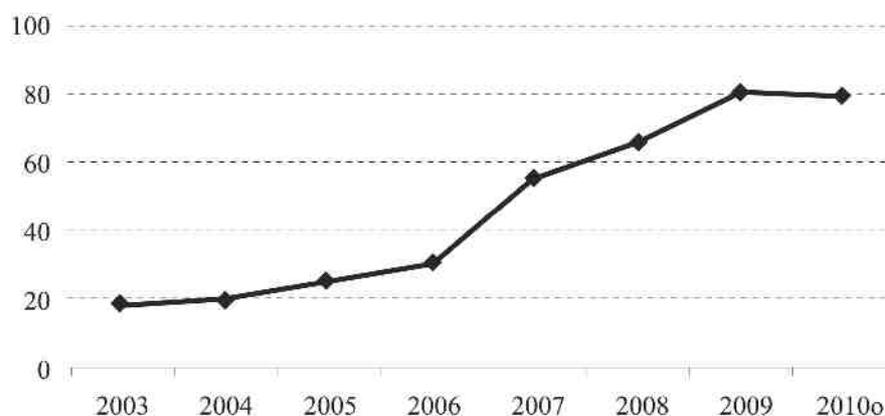
– **в-пятых**, общие стратегии научного, культурного и образовательного развития ведущих мировых государств. Именно эти области будут определять лицо цивилизации, экономики и общества в XXI веке.

И, наконец, главное – успешная реализация планов модернизации России, которая приведет к превращению страны в мирового лидера в НЧП, прежде всего в области культуры, науки, духовности. Этот же

результат станет подтверждением **идеологического лидерства России**, а также военно-технической и экономической самодостаточности, т.е. суверенитета России в мире. **Именно национальный и государственный суверенитеты, основанные на лидерстве в НЧП, останутся главными гарантами международной безопасности.**

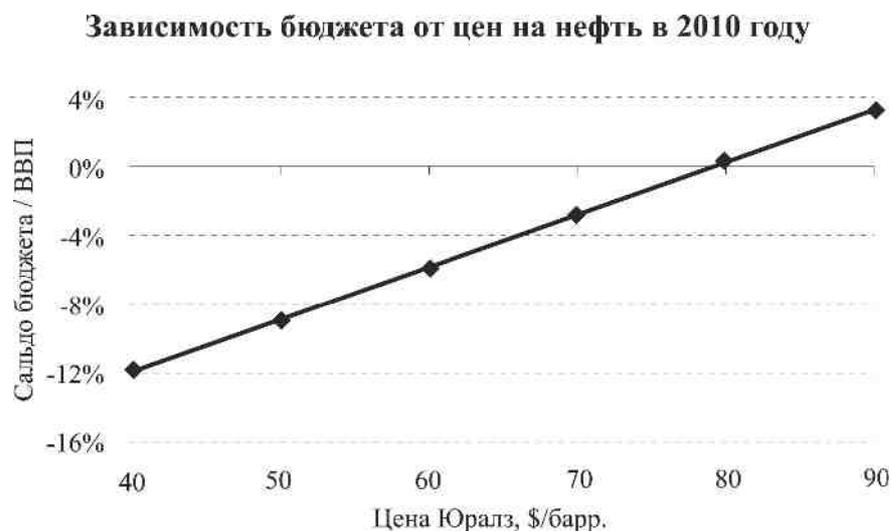
Сегодня руководство России справедливо беспокоит превращение страны в государство, чье благополучие основывается на экспорте энергоносителей. Мировое инвестиционное сообщество считает Россию прежде всего нефтяной державой, что сейчас, пожалуй, как никогда справедливо, принимая во внимание возросшую в последние годы зависимость федерального бюджета от цен на нефть, несмотря на значительные резервы, накопленные в нескольких государственных фондах. Если в 2005 году бюджет был бездефицитным при цене барреля в \$25, то в 2009 – уже приблизительно при \$80. Правительство старается избавиться от этой зависимости и уже сделало первый шаг, зафиксировав плановые расходы бюджета в 2010 году на уровне 2009 года¹.

Цена нефти, при которой бюджет России бездефицитен, \$/барр.

Источник: Тройка Диалог

¹ Россия. Долговые бумаги / Тройка диалог, декабрь 2009 г., с. 10–11.

Источник: Минфин, Тройка Диалог

Как видно из этих данных, Россия за последние годы стала крайне зависимой от цен на энергоносители. Это же свидетельствует о том, что ни о каком лидерстве по НЧП сегодня речь идти не может. А значит и об укреплении национальной безопасности. Это логика может быть изображена на следующем рисунке.

Как видно, «стартовая позиция» начинается с формулирования задач по развитию НЧП в идеологии. Чему, собственно говоря, и были посвящены все выступления Президента и Премьера России в 2010 г. Особенно последующие послание Президента Федеральному Собранию РФ от 30 ноября 2010 года.

Для этого необходимо учесть как сильные и слабые стороны, так и перспективы и опасности в развитии России. По мнению, например, американских ученых, они заключаются в следующем¹:

SWOT-матрица для развития инноваций в России

Сильные стороны

¹ Ярославский план 10-15-20: 10 лет пути, 15 шагов, 20 предостережений. Доклад нью-йоркской академии наук / The New York Academy of Science, August 20, 2010. p. 104.

– Высокий научный и образовательный потенциал, признанный в мире, наличие крупных научно-образовательных центров и большой технологический запас.

– Большой внутренний рынок.

– Значительный объём финансирования государственных инициатив в области поддержки высоких технологий.

– Географическое положение и исторические связи в центре Евразии с прямым доступом на европейские, азиатские и ближневосточные рынки.

Слабые стороны

– Недостаточно развитый спрос на инновации на внутреннем рынке.

– Слабая инфраструктура (доступ к офисным площадям, жилью, телекоммуникациям и т. д.).

– Неразвитая финансовая система (долговое финансирование, прямые и венчурные инвестиции, биржевые площадки).

– Недружественная к высокотехнологичным бизнесам налоговая и правовая система.

– Отсутствие предпринимательских традиций.

– Незнание международных рынков, плохие связи у национального бизнеса.

– Плохая репутация страны у международных инвесторов.

Перспективы развития

– Рост спроса на внутреннем и мировом рынках на продукты и услуги в сфере высоких технологий.

– Существующий разрыв между сильной российской наукой и способностью создавать на базе этой науки новые продукты и новыми компаниями, создающий потенциал быстрого роста в случае внедрения процессов коммерциализации.

– Государственные инфраструктурные проекты: проект «Сколково», технопарки, особые экономические зоны и технологические кластеры.

– Пользующиеся государственной поддержкой институты развития, активно развивающие международное сотрудничество и стимулирующие местные инвестиции: Роснано, Российская венчурная компания, Росинфокоминвест.

– Растущая заинтересованность российской деловой и государственной элиты в инновационных процессах.

– Рецессия в развитых странах, сокращающая возможности трудоустройства и открывающая окно для привлечения мировых талантов в Россию.

– Расширение глобальных инвестиционных институтов и венчурного капитала, ищущих выхода на внешние рынки.

– Большая русская диаспора, особенно в США и Израиле.

Опасности

– Быстрый неконтролируемый рост издержек, в том числе расходов на заработную плату и приобретение недвижимости.

– Конкуренция с зарубежными компаниями.

– Утечка мозгов и технологий, возникновение кадрового голода.

– Коррупция и административные барьеры.

– Агрессивная и зачастую недобросовестная конкуренция со стороны крупных российских компаний.

– Непоследовательная государственная политика/

Надо сказать, что если внимательно проанализировать эти процессы, то обнаруживается, что **по всем направлениям** они развиваются. И развиваются вполне позитивно. Даже не смотря на временные трудности, вызванные кризисом или иными причинами. И эти процессы вызывают нормальное, естественное опасения у Запада.

От решения этих проблем зависит очень многое. И прежде всего, какое **место** займет Россия в будущей расстановке сил в мире. **Какое влияние** она сможет оказать на процессы мирового развития.

Это хорошо понимают в руководстве страны, связывая планы модернизации с внешнеполитической стратегией России. В конечном счете международные отношения будут формироваться наиболее сильными государствами. Сегодня, как ошибочно малы, это монопольное право США (которое перестало быть монопольным еще в прошлом веке). Завтра – монополия развитых стран или союзов развитых стран, где мнение аутсайдеров мирового развития просто не будет учитываться.

Влияние международного права и международных институтов не станет самостоятельным. Как и прежде в истории, им будет позволено толковать события. Иногда не просто гибко, но и откровенно в интересах

сильных государств, которые, безусловно, будут как и прежде пользоваться этими преимуществами.

Вот почему принципиально важно не дать монополизировать это влияние и превратить его в инструмент внешней политики отдельных государств. Это можно сделать при двух условиях:

Во-первых, когда другие государства выйдут на сопоставимый уровень развития (по душевому ВВП, ИРЧП, НЧК и т.д.);

Во-вторых, когда другие государства создадут **свою систему** обеспечения международной безопасности, противопоставят одной военно-политической коалиции – другую.

2.7.4. Будущие проблемы международной безопасности:

«Безопасность через развитие»

«... наше процветание и лидерство всё более зависят от наших возможностей обеспечить наших граждан необходимым образованием, привлекая лучший человеческий капитал»¹.

Б.Обама

«Реакция на внешнеполитические инициативы России говорит о том, что наш акцент **на формуле «безопасность через развитие» побудил многих партнеров по-новому взглянуть на перспективы углубления отношений с нашей страной**»².

С.Лавров

В Стратегии национальной безопасности США от 2010 года безопасность, лидерство, модернизация прямо связаны с лидерством в образовании на всех уровнях, а в целом, в лидерстве по НЧП. Это – предупреждение нам и нашей политике в этой области. Международные отношения, в т.ч. в области безопасности, могут строиться в современном мире только на относительном равенстве НЧК государств, которое позволяет сохранить им не только мнимый, но и реальный суверенитет.

Международные институты, включая нормы международного права и союзы, могут быть только дополнительными, усиливающими этот фактор инструментами.

То, что сегодня может ещё не быть проблемой для международной безопасности, не означает, что она не появится уже в ближайшем будущем. Мировой кризис показал, что международные институты малоэффективны, а государства, в случае чрезвычайных обстоятельств, будут вести себя в соответствии с тем, **как их элиты понимают национальные интересы**, а не следовать сложившемуся в относительно спокойных условиях правилам и нормам поведения.

На мой взгляд, в ближайшие годы – желаем мы того или нет – произойдет резкое обострение международных отношений в борьбе за ресурсы. Это будет связано с тем, что на мировой рынок выйдут новые гиганты – производители и потребители товаров и услуг: Китай, Индия, Бразилия, Мексика, Индонезия, другие государства, которые изменят

¹ National Security Strategy, Wash.: May 20, 2010, p. 29.

² *С.В.Лавров*. «Российская дипломатия в меняющемся мире» / «Федеральный справочник», т. 23 / 30.04.2010 / МИД России / http://www.mid.ru/us_dos.nsf

положение как на сырьевом рынке, так и станут конкурентами старых держав на рынке наукоемкой продукции.

Другая сторона проблемы – активная разработка новых источников энергоресурсов, которые в среднесрочной перспективе могут серьезно изменить ситуацию на мировом рынке. Так, бурный рост добычи сланцевого газа может охватить Китай, Канаду и Европу. Если эти страны повторят газовые успехи США, то Россия может лишиться значительного объема экспортных доходов. Как заявил главный экономист Международного энергетического агентства (МЭА) Фатих Бироль, позиции ведущих стран-экспортеров скоро будут серьезно подорваны. Отечественные эксперты считают, что «Газпрому» в новых условиях придется как минимум менять свою ценовую политику, а как максимум – сдержаннее относиться к новым и дорогостоящим трубопроводным проектам»¹.

Наконец, есть, к сожалению, целая группа внутренних проблем, сдерживающих развитие России, без решения которых **нельзя говорить об обеспечении национальной безопасности**, а, значит, и международной безопасности. Прежде всего речь идет о конкурентоспособности России в экономике. В частности, в создании условий для развития бизнеса. Об этом много говорят вот уже более 20 лет, но в реальности ситуация ежегодно ухудшается практически по всем направлениям, где Россия занимает при международных сопоставлениях одно из последних лет в мире. Например, в исследовании Всемирного банка «Ведение бизнеса 2010»².

Российская Федерация

Регион: Европа и Центральная Азия

Уровень доходов: Доход
выше

Среднего

Население: 141 800 000
Среднедушевой валовой
Национальный доход
(в долларах США\$):

9 622,53

Простота в	Ведение бизнеса 2010 рейтинг страны	Ведение бизнеса 2009 рейтинг страны	Изменение рейтинга
Бизнес	120	118	- 2

¹ С.Куликов. Китайский сланец институт на пятки «Газпрому» / Независимая газета, 16 сентября 2010 г., с. 4.

² См.: Doing business in Russia. 09.09.2010 / <http://russian.doingbusiness.org/> Expbare Economics

Регистрация предприятий	106	88	- 18
Получение разрешений на строительство	182	182	0
Наём рабочей силы	109	104	- 5
Регистрация собственности	45	49	+4
Кредитование	87	109	+22
Защита инвесторов	93	88	- 5
Налогообложение	103	108	+5
Международная торговля	162	160	- 2
Обеспечение исполнения контрактов	19	19	0
Ликвидация предприятий	92	92	0

Примечание: Индекс лёгкости ведения бизнеса за 2009 год был рассчитан заново с учётом методологической доработки и дополнения данными по два новым странам

Критическое значение для обеспечения международной безопасности России имеет развитие национального человеческого капитала (НЧК), чья роль в XXI веке стала по своему значению не меньшей, чем роль военной силы на предыдущем этапе развития человечества. Место страны в мире, ее роль в международных отношениях сегодня уже определяется прежде всего её местом в развитии человеческого капитала. Вот почему любые изменения (в социальной структуре, финансировании, научно-образовательной области и т.д.) имеют принципиальное значение для международных позиций России и ее внешней политики.

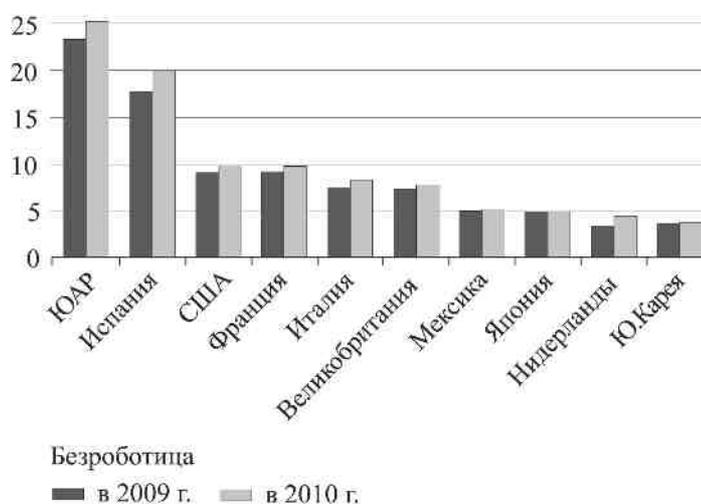
На фоне общих для ведущих государств проблем, таких, например, как безработица, остро стоит проблема сохранения международной безопасности **совместными усилиями** заинтересованных государств. Стремление отдельных государств обеспечить национальные интересы за счет других стран могут привести к росту социальной напряженности и, как следствие, внутривосточной дестабилизации, что наглядно проявилось в 2010 году в Греции, Франции, Италии, Испании.

Так, очевидно, что в условиях кризиса страны G20 не справились с безработицей¹.

¹ РБК daily, 11 ноября 2010 г., с. 4.

Число безработных в мире сегодня достигло 210 млн. человек, сообщила Международная организация труда (МОТ) в специальном отчете, подготовленном к встрече G20 в Сеуле. В странах «большой двадцатки» уровень безработицы колеблется от 5 до 25%. В этом году рост безработицы отмечен в десяти странах G20, в том числе пяти странах G7. В МОТ подсчитали, что для сохранения нынешнего уровня занятости в мире необходимо ежегодно создавать 44 млн. новых рабочих мест, из которых 21 млн. должен приходиться на страны G20.

Страны G20, в которых отмечается рост безработицы, %

Источник: Международная организация труда

Другой аспект – стремительное изменение социальной структуры в обществе, характерное для стран с быстро развивающейся экономикой. Прежде всего – Индии, Китая, Бразилии. Отчасти это справедливо и для России, где «... одним из основных итогов десятилетия стало заметное изменение социально-имущественной структуры российского общества. Судя по данным Левада-центра, самооценки своего материального положения в обществе заметно растут. Если в 2000 году основной, наиболее заметной имущественной группой были те, кто говорил, что «на продукты денег хватает, но покупка одежды вызывает серьезные затруднения» (их было 42 %), то сегодня наиболее многочисленной группой стали отвечавшие: «денег хватает на продукты и одежду, но покупка вещей длительного пользования является для нас проблемой» – 48 %. Первая группа за это время сократилась до 27 %, вторая выросла с 28 % – они поменялись местами.

Нижняя группа самых бедных, тех, кто «едва сводит концы с концами», сократилась с 23 % до 9 %, а тех, кто «может без труда приобретать вещи длительного пользования», выросла с 7 % до 16 %.

Без изменений осталась лишь доля самых состоятельных, кто «может позволить себе достаточно дорогие покупки – квартиру, дачу и многое другое» – менее 1 %.

В стране сегодня сложилось два социальных большинства: обеспеченные продуктами и одеждой – их всего две трети – 65 %, и те, кто не может покупать себе вещи длительного пользования – 84 %. Десять лет назад первых было 36 %, вторых – 92–93 %. Тогда можно было выделить два других большинства: тех, кому хватало денег на продукты – 77–78 %, и тех, кому не хватало на одежду – 65 %.

Точкой перелома здесь можно считать 2006–2007 годы – именно тогда те, кто не мог покупать одежду, оказались в меньшинстве – 48% и 43%. В этот же момент резко сократилась доля бедных на фоне роста доли более состоятельных. В известной мере это можно отнести к результатам осуществленного властью так называемого «левого поворота» осени 2005 года»¹.

Таким образом во всех странах – от Китая, Индии, Бразилии и России до стран Евросоюза – наметились серьезные, даже радикальные, изменения, которые, безусловно, скажутся на международных отношениях. «Социализация» международных отношений неизбежно сформулирует новые приоритеты, даже новую повестку дня в отношениях между государствами в XXI веке. В центре новой повестки дня будет человек, обеспечение условий для его развития.

Таким образом будущая система международных отношений будет определяться прежде всего степенью сотрудничества между государствами в области развития потенциала человека, точнее – национальных человеческих капиталов (НЧК). Там, где это сотрудничество обеспечит развитие, следует ожидать наиболее быстрого развития двусторонних и многосторонних отношений.

¹ С.Черняховский. Из нищих в бедные / Информационный портал «Viperson». 09.09.2010 / <http://www.viperson.ru>.

И, наоборот. Там, где развитие будет проходить за счет других государств, т.е. сдерживать потенциал развития НЧК, эти отношения будут свертываться, переноситься в область конфронтации.

У России есть свои спасения относительно намерений других государств¹. Прежде всего в отношении постсоветского пространства. Так, наибольшее недоверие со стороны Москвы может вызывать цель создания сети зон свободной торговли (ЗСТ) между Европейским союзом и странами-партнерами, провозглашенная в платформе «Экономическая интеграция и конвергенция с политиками ЕС». В принципе, согласно многосторонней системе требований в рамках договоренностей ГАТТ/ВТО, переход к свободной торговле должен, – как справедливо считает И.В.Болгова, – стимулировать торговлю между данными странами и **не создавать дополнительных барьеров для третьих стран**. Региональные соглашения призваны **дополнять принципы формирования многосторонней торговой системы в рамках ВТО, а не противопоставляться ей**. Также, такие соглашения члены ВТО должны заключать лишь с другими странами-членами, тогда как со странами-нечленами – лишь в порядке исключения, хотя на практике соблюдение этого требования неоднозначно.

¹ *И.В.Болгова*. О влиянии программы ЕС «Восточное партнерство» на интеграционные процессы на пространстве СНГ. М.: МГИМО, 2010 г., с. 3–4.

Основные статьи экспорта России и ЕС

РОССИЯ

%

Полуфабрикаты из углеродистой стали

1,59

Алюминий необработанный

1,73

Уголь каменный

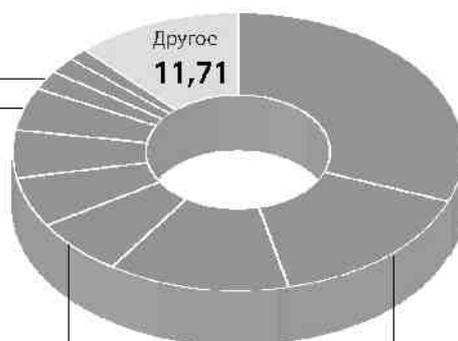
2,44

Черные металлы

4,88

Машины и оборудование

5,51

Источник: ФТС, 2009

Нефть сырая

30,99

Нефтепродукты

15,51

Газ природный

13,05

ЕВРОПЕЙСКИЙ СОЮЗ

Источник: External and intra EU trade. Statistical yearbook (2008)

Телекоммуникации, звуковое, ТВ-, видеооборудование

2,9

Железо и сталь

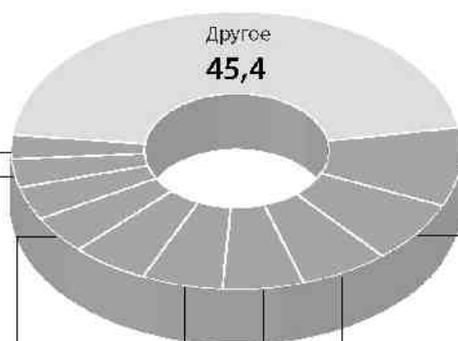
3,2

Оборудование для транспорта

4,0

Электрогенерирующее оборудование

4,4

Транспортные средства

9,4

Продукция промышленного машиностроения

7,2

Электрооборудование

6,4

Специальное оборудование

5,8

Нефть и нефтепродукты

5,7

Медицинские и фармацевтические продукты

5,6

2

Таким образом просматривается избирательный интерес ЕС к странам на постсоветском пространстве.

² К Союзу Европы. Аналитический доклад российской группы международного дискуссионного клуба «Валдай». Август–сентябрь 2010 г., с. 15.

Место Белоруссии в этом процессе пока не определено. Существуют дополнительные трудности, связанные с вступлением страны в ВТО, отсутствие четкого перечня отраслей, которые могут быть подвергнуты либерализации торгового обмена. Между тем у России в целом есть основания для опасений, исходя из опыта таможенного союза с Белоруссией. Как признает российский эксперт из ВШЭ А.И.Суздальцев, «...таможенная зона в рамках Союзного государства России и Белоруссии продемонстрировала свою неэффективность. Структура зоны и ее договорная база способствовали односторонней выгоде белорусской стороны, что в итоге привело к остановке экономической интеграции между Минском и Москвой»¹.

В долгосрочном плане Евросоюз намеревается создать «Экономическое сообщество соседства» («Neighbourhood Economic Community»), которое должно обеспечить условия для участия постсоветских стран в едином европейском рынке.

Адаптация государствами-партнерами европейских норм и стандартов заложена в основание и другой тематической платформы «Энергетическая безопасность», задачами которой являются развитие транспортной инфраструктуры и диверсификация поставок энергоносителей. Реализация этой платформы осложняется в первую очередь тем, что единый энергетический рынок ЕС находится только на стадии становления, и перспективы его развития зависят от исхода внутриевропейской борьбы в сфере либерализации рынков газа и электричества в ЕС.

В энергетической платформе «Восточного партнерства» заложен ряд противоречий на двустороннем уровне. Так, Европейский союз напрямую увязывает заключение с Арменией «Меморандума о взаимопонимании по энергетическим вопросам» с закрытием Медзаморской АЭС. При этом от Украины в обмен на подписание такого же «Меморандума» не требуется закрыть атомные электростанции, хотя там стоят реакторы того же типа, что и на Армянской АЭС². В качестве причины для закрытия

¹ А.Суздальцев. Политика впереди экономики. Россия в глобальной политике. 2010 г., т. 8, № 1, январь–февраль, с. 84.

² Помимо этого, для характеристики нынешнего этапа восточной политики ЕС необходимо напомнить, что Литва, Болгария, Словакия в середине 1990-х гг. согласились с закрытием АЭС фактически в обмен на полноправное членство в ЕС.

Медзаморской АЭС европейские эксперты приводят сейсмическую опасность региона. Критики позиции ЕС в этом вопросе указывают на тот факт, что Спитакское землетрясение 1988 г. станция пережила с достаточным запасом прочности; кроме того, не ясно, где Армения возьмёт до 40% электроэнергии, которую обеспечивает нынешняя АЭС, если она будет закрыта.

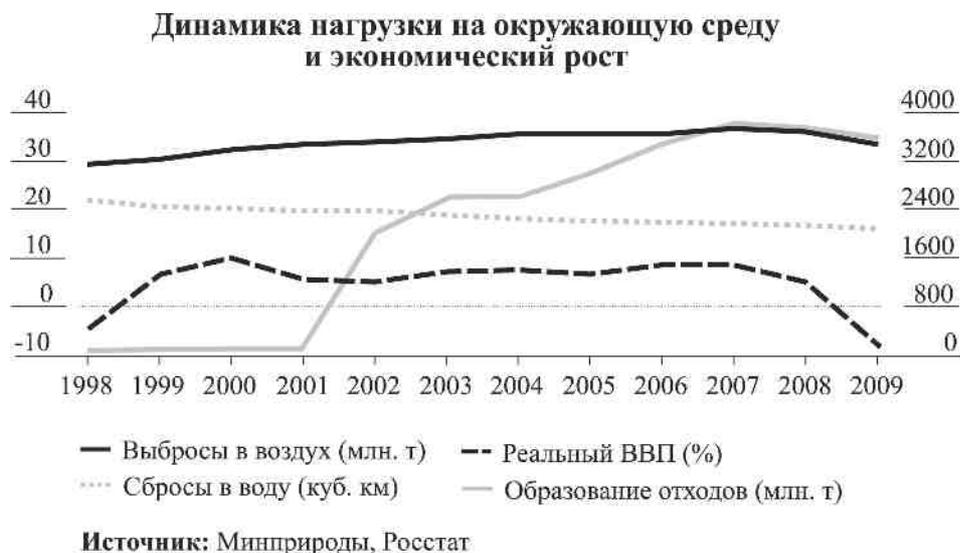
Как написал известный российский эксперт, профессор МГИМО(У) Игорь Томберг, «В Копенгагене в апреле 2010 года Д. Медведев напомнил о российской инициативе по совершенствованию международной правовой базы энергетического сотрудничества, включая новую версию Энергетической хартии»¹. Эта инициатива имеет под собой самое серьезное основание. Энергетика сегодня стала не только объектом политики, но и предметом серьезных спекуляций, которые во многом определяют состояние экономики, фондовых и валютных рынков. Россия, может быть, больше, чем любая другая страна заинтересована в стабильности и защищенности этого рынка надежными международно-правовыми механизмами. Как подчеркивалось ведущими энергетиками мира весной 2010 года, «Мы глубоко озабочены тем, что мировой энергетический рынок сегодня не защищён от спекулятивности, нестабильности и системных рисков, способных нанести серьёзный ущерб мировому экономическому развитию. Развитие мировой энергетики по-прежнему сдерживается **геополитическим соперничеством и политическими противоречиями глобального масштаба**. Эти противоречия не могут быть устранены ни отдельными странами, ни в рамках двухсторонних отношений»².

К числу таких глубоких противоречий, непреодолимых без высокой степени международного сотрудничества, следует отнести прежде всего экологические проблемы. России, безусловно, придется самостоятельно решать многие из них. Так, очевидно, что экономическое развитие в стране по экстенсивному сценарию ведет к росту экологической

¹ *И.Томберг*. О новых правилах игры на энергетическом поле. Фонд стратегической культуры / <http://www.fondsk.ru>. 30.04.2010.

² Итоговая совместная Декларация. Московский международный энергетический форум «ТЭК России в 21 веке». 10 апреля 2010 г. Москва.

нагрузки. Даже в период кризиса 2008–2010 годов, когда было заметное падение промпроизводства, эта нагрузка не уменьшалась³.

Как видно из графика, реальные темпы роста ВВП России в 2009 году были таким же, как в 1998 г., а экологический ущерб – значительно выше. Эта ситуация отнюдь не только внутрироссийская, но неизбежно станет и предметом международных обсуждений и, возможно, конфликтов.

Особенно явно зависимость России от состояния мирового энергетического рынка проявилась в период кризиса 2008–2010 годов, когда цена на углеводороды во многом, если ни в главном определяла доходы российского бюджета. Подсчитано, что увеличение стоимости барреля нефти на один доллар дает приблизительно увеличение дохода российской казне на 1 млрд. долл. в год. Но волатильность такова, что, например, весной 2010 года цена на баррель менялась в течение одной – двух недель на 15–20 долл. Причем факторы, влияющие на цену, могут быть самые неожиданные – от активизации вулкана и аварии на нефтяной платформе до информации рейтинговых агентств о состоянии бюджета Португалии.

Вопросы энергетической политики прямо связаны с проблемами международной и европейской безопасности, более того, являются их следствием. Дело в том, что страны-импортеры и страны-экспортеры взаимодействуют сегодня в рамках биполярной модели, нацелены на

³ А.Шаповалов, О.Сапожков. Природе наметили новые законы / Коммерсант, 25 октября 2010 г., с. 6.

достижение **разных**, а, порой, прямо **противоположных стратегических целей**. Поэтому вопрос принципиальной важности заключается в достижении **политического, стратегического компромисса и баланса интересов**, следствием которого стало бы уже обеспечение энергетической безопасности, включая главные проблемы: транзит, ценообразование, инвестирование.

20 апреля 2009 г., во время своего визита в Финляндию, Президент России поднял вопрос о необходимости радикального совершенствования правовой основы мировой торговли энергетическими ресурсами. Речь шла о том, чтобы совместно с «восьмеркой», «двадцаткой», Евросоюзом, СНГ, ШОС и другими международными и региональными организациями выработать **универсальный, юридически обязывающий документ**. При этом Россия призвала к тому, чтобы участниками договоренности стали как все основные страны-производители, так и страны – транзитеры и потребители энергоресурсов.

Именно об этом российское руководство говорит начиная с саммита «Большой восьмерки» 2006 года. И этой же проблеме посвящен «Концептуальный подход к новой правовой базе международного сотрудничества в сфере энергетики», который претендует на то, чтобы заменить «Энергетическую Хартию» или войти в нее составной частью.

Напомню, что Договор к этой Хартии Россия так и не ратифицировала, не желая допустить ущемления своих интересов, т.е. Хартия не соответствует национальным интересам России. И прежде всего потому, что ключевые проблемы энергобезопасности – транзит, ценообразование, международное регулирование, инвестиции, т.е. все то, что затрагивает интересы производителей, остается вне ее ответственности. В области энергетики наблюдается то же, что и в области безопасности – изменение реалий не затронуло существующих механизмов, более того, делает сотрудничество и взаимодействие неравноправным. Как и в случае с проблемой европейской безопасности, необходим фактически тот же комплекс мер и те же принципы: совместных действий, международного права, диалога всех заинтересованных сторон (в случае с энергобезопасностью, – экспортеров, транзитеров, импортеров). Соответственно, как и в случае с евробезопасностью, нужен и **новый механизм сотрудничества**,

учитывающий интересы всех сторон и преобладание норм международного права. Суть новой концепции: распространить ответственность за «глобальную энергетическую безопасность» как на поставщиков, так и на потребителей и транзитеров энергоресурсов. Вытекающее отсюда требование к Европе: в обмен на безопасные поставки газа, во-первых, обеспечить безопасность спроса, под которой понимается прозрачный и предсказуемый сбыт, а во-вторых, открыть и гарантировать недискриминационный доступ к международным энергетическим рынкам¹.

Также как и в области европейской безопасности не удалось продвинуть российский «Концептуальный подход к новой правовой базе международного сотрудничества в сфере энергетики» как альтернативу Энергетической хартии. Это значит, что на европейском углеводородном рынке отсутствуют единые правила игры, которые бы устраивали и производителя, и потребителя, и транзитера. Другими словами Россия предлагает выработать единые юридические правила игры, но большая Европа эти предложения фактически игнорирует.

Как и в случае с европейской безопасностью, Россия в области энергобезопасности прямо заинтересована в предсказуемых и долгосрочных отношениях с европейскими государствами. И понятно почему: сегодня рынок цен на нефть и газ в основном формирует потребитель, т.е. европейские государства. Но Россия уже инвестирует огромные средства в строительство новых и модернизацию старых трубопроводов. Вопрос в том, не напрасны ли эти инвестиции? Окупятся ли они. Ответить на него можно только в случае обладания долгосрочными (стратегическими) контрактами и эффективными международными механизмами их обеспечения.

«К сожалению, – справедливо отмечает И.Томберг, – стремление российского руководства создать прочную юридическую международную базу энергетической стратегии страны **не находят поддержки не только в западных СМИ, но и в российских и даже в экспертном сообществе.** Без широкой поддержки, разъяснительной работы, пропаганды, наконец, российских предложений в этой сфере проблема так и будет озвучиваться

¹ *И.Томберг.* О новых правилах игры на энергетическом поле. Фонд стратегической культуры / <http://www.fondsk.ru>. 30.04.2010.

лишь высшим руководством без особого отклика в стране и за рубежом»¹. Очевидна прямая аналогия с усилиями России в области евробезопасности последних лет. И хронологически, и политически, и методологически Россия придерживается строго создания механизма диалога для участия всех партнеров, международно-правовой и политической базы такого диалога. Европа – игнорирует.

Подытоживая, можно сослаться на старую формулировку современного внешнеполитического курса России, из которого вытекает и наше видение системы европейской безопасности, сформулированного Ан.Торкуновым: «Внешнеполитический курс РФ далек от идеалистических представлений. В частности, он свободен от иллюзий относительно подлинного характера отношений с Западом, в которых сотрудничество в одних областях – там, где интересы совпадают, – сочетается с соперничеством и конкуренцией. Последняя, впрочем, типична далеко не только для отношений России и ее западных партнеров. Взаимоотношения на мировой арене в целом характеризуются острой конкуренцией за рынки, инвестиции, экономическое и политическое влияние. В итоге, место России в мировой системе определяется и будет определяться ее способностью преодолеть нынешнюю слабость, модернизировать общество, политическую систему, экономику и вооруженные силы»².

Действительно, история дипломатии учат, что справедливые договоры не выпрашивают, бесконечно убеждая в их объективной необходимости. Справедливые и эффективные международные договоры заключаются лишь в том случае, когда все стороны в них заинтересованы не только по объективным соображениям, но и по соображениям вполне субъективным, определяемым соотношением сил в мире и отношением элит. Сегодня, справедливые объективно договоренности, предлагаемые Россией, не встречают поддержки не потому, что они плохи или необъективны, а потому что Россия, ее позиции слабы. Слабы в технологической, энергетической, экономической и социальной областях. Там, где они относительно сильны (как, например, в области

¹ *И.Томберг.* О новых правилах игры на энергетическом поле / <http://fondsk.ru/article.php&id=2987>

² *Ан.Торкунов.* Мир становится другим. Мир и политика, № 1 (28), январь 2009 г.

стратегических ядерных вооружений), – соглашения с трудом, но достигаются: пример тому СНВ-3.

Отсюда следует с неизбежностью и другой вывод: заключение всеобъемлющих договоров о европейской безопасности, в которых прежде всего нуждаются слабые (как Россия), и которые ограничивают произвол сильных, – невозможно, пока обе стороны не станут занимать «позицию силы», которая в сегодняшних международных отношениях означает, не позицию слабости».

Что же должна делать внешняя политика в этих условиях? Каковы ее приоритеты? На мой взгляд, ответ очевиден: во-первых, **содействовать укреплению позиций России в социально-экономической и научно-технической областях, т.е. формировать условия для опережающего развития, а, во-вторых, развивать международное сотрудничество по всем азимутам, укрепляя российские позиции в мире везде, где это возможно.** Собственно эта идея «модернизации внешней политики Д.Медведевым» и стала очевидной в 2010 году.

Причем «укрепление позиций» следует рассматривать не только в экономическом смысле (что находит свое понимание в элите), но, прежде всего, **в социальном плане – как поддержку собственного народа** курса модернизации. Такая социальная составляющая сегодня – самая приоритетная. Она и должна стать лейтмотивом модернизации. Так, безработица и низкий уровень доходов не только сокращает внутренний рынок и сдерживает рост ВВП и производительности труда, но и **лишает правящую элиту политической поддержки большинства граждан.** По опросу ВЦИОМ, например, только 34% граждан чувствуют себя уверенно на рынке труда даже в условиях, когда их зарплаты заведомо отстают от темпов инфляции 2008–2010 годов¹.

¹ Ситуация на рынке труда: итоги 2009 г. и перспективы 2010 г. ВЦИОМ. Март 2010 г.

Страх потери работы остаётся довольно сильным

Индекс вероятности увольнений

33 пункта

Минимальное значение за последний год – 30 пунктов в ноябре-декабре 2009 г.), максимальное значение – год назад, в феврале 2009 г. (48 пунктов)

- 3%** Уверены, что так и будет
- 23%** Считают вполне возможным
- 39%** Считают возможным, но маловероятным
- 29%** Считают практически невозможным
- 5%** Затруднились с ответом

© ВЦИОМ, 2010
119072 РФ Москва, ул. Болотная набережная 7, к. 1. Тел./факс: (495) 740 0007

Март

Примечательно и другой аспект этого явления. Эксперта из Гарварда провели исследование» Регулирование и недоверие» (http://www.economics.harvard.edu/faculty/shleifer/files/distrust_gje2.pdf), из которого следует следующий вывод: чем ниже в стране качество госуправления, тем больше граждан ратует за повышение роли государства в экономике¹.

Эту стратегию ректор МГИМО(У) Ан.Торкунов описал следующим образом: «В свете этого внешняя политика России должна быть нацелена на содействие решению общенациональных задач. К их числу относятся повышение конкурентоспособности нашей экономики, кардинальное увеличение ВВП, дальнейшая интеграция России в мировую хозяйственную систему. В качестве приоритетов внешней политики названы защита национальных экономических интересов, повышение инвестиционной привлекательности России, противодействие дискриминации на внешних рынках»².

Эту, казалось бы, абстрактное утверждение имеет множество конкретных измерений: финансовых, экономических, социальных и др.,

¹ Фактор страха / Ведомости, 2 декабря 2010 г., с. 1, 4.

² Ан.Торкунов. Мир становится другим. Мир и политика, № 1 (28), январь 2009 г.

которые вполне определенной коррелируют друг с другом. Так, положительную динамику в модернизации страны можно вполне сопоставить с повышением ее кредитного рейтинга, которое очень образно сделало ведущее рейтинговое агентство «Standard&Poor's». Россия, по оценке этого агентства, с 2000 по 2006 год прошла следующий путь:

Повышение рейтинга России агентством Standard&Poor's¹

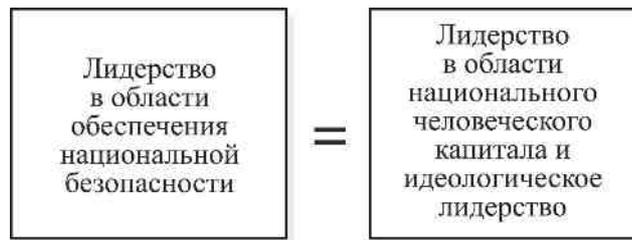
4 сентября 2006 г.	BBB+
15 декабря 2005 г.	BBB
31 января 2005 г.	BBB-
27 января 2004 г.	BB+
5 декабря 2002 г.	BB
26 июля 2002 г.	BB-
19 декабря 2001 г.	B+
28 июня 2001 г.	B
8 декабря 2000 г.	B-

Вместе с тем ей предстоит пройти еще **7 этапов** (от А до ААА), обгоняя последовательно другие страны, вплоть до последнего, седьмого этапа.

Багамы, Израиль (1 этап), Китай, Литву, Словению (2-ой этап), Исландию, Италию (4-ый этап), Бельгию (6-ой этап) и, наконец, группу лидеров – Сингапур, Швейцарию, США и др. страны (7-ой этап), имеющих высший кредитный рейтинг ААА.

Точно также должен быть составлен **поэтапный план опережающего развития**, в основе которого находятся критерии, определяющие НЧК, – образование, доходы, здравоохранение, наука, духовность, др. – при том понимании, что **лидерство в НЧК тождественно безопасности нации и государства**, причем не только военной, но всеобщей, включающей экономическую, социальную, информационную, экологическую, продовольственную и др. области безопасности.

¹ Как догнать Америку / Standard&Poor's.

Собственно военная, а тем более военно-техническая составляющая, национальной безопасности в XXI веке становится всего лишь одним из компонентов национальной безопасности, причем не самым важным. Финансовая, социальная, человеческая составляющие национальной безопасности становятся важнее фактора военной силы, который до XXI века играл решающую роль. Да и сама военная сила становится во многом производной от качества НЧК.

И такая позиция отражает настроение большинства российской элиты, которая **не хочет** слишком активной внешней политики, особенно сопряженной с экономическими затратами. Элита желает, чтобы с ней считались в мире, не игнорировали открыто ее интересы, не заявляли публично о недостатках. Не более того. Других амбиций сегодня нет. И так все понимают, что основная внешнеполитическая проблема России это сама Россия, эффективность ее власти, элиты.

Отсюда во многом и стремление расширить круг внешнеполитических партнеров России. Вплоть до непопулярных режимов в Латинской Америке. Как справедливо отметил Ан.Торкунов, – «К ключевым элементам внешнеполитической линии относится положение о многовекторном характере российской внешней политики. По сути дела, речь идет о том, что Россия должна выстраивать конструктивные отношения со всеми теми государствами, которые представляют для России интерес, решая в каждом конкретном случае конкретные важные для России проблемы. Ключевыми элементами внешнеполитической стратегии России стали прагматическое восприятие внешнего мира и национальных интересов страны с точки зрения ее безопасности; адекватное представление о необходимости коренного пересмотра архитектуры международной безопасности; геоэкономическая ориентация и замена «однополярной» стратегии многовекторной. Актуальной задачей сегодня является полное претворение в жизнь обновленных стратегических установок с тем, чтобы

в максимальной мере использовать открывающиеся международно-правовые возможности в интересах России»¹.

Эта позиция России объективно уменьшает ее слишком большую зависимость от Европы – и как политического, и как экономического партнера. «Разные вектора» позволяют не только диверсифицировать экспорт и импорт, но и продемонстрировать европейским странам глобальный характер внешнеполитических интересов российской элиты, которая не собирается ставить себя в зависимость от позиции и настроений Европы.

Отдельно следует сказать о необходимости укрепления существующих международных институтов безопасности, прежде всего ООН, и создании новых институтов, либо модернизации прежних, таких, например, как ОБСЕ. Как справедливо заметил Д.Медведев на саммите этой международной организации в Астане 1 декабря 2010 года, «ОБСЕ стала терять свой потенциал и нуждается в модернизации.... «Россия последовательно выступает за то, чтобы вдохнуть новую жизнь в принципы Хельсинки, воплощая их на практике. Для этого нужно модернизировать ОБСЕ, стиль и формы ее деятельности, – сказал президент России. – Убежден, что производство все новых обязательств и инструментов для их решения себя исчерпало, но нужна более четкая правовая база и универсальные правила использования ресурсов организации».

Медведев напомнил о том, что Россия в соавторстве с партнерами представила проект устава ОБСЕ с предложениями по упорядочению работы ее структур, и о том, что при создании организации государства-участники смогли подняться над существовавшими тогда идеологическими разногласиями и прийти к консенсусу. «Сегодня нет никаких идеологических барьеров, нет военного противостояния, мы можем и должны объединиться для решения проблем», – считает Медведев.

Также Дмитрий Медведев заявил, что ОБСЕ необходимы единые принципы урегулирования конфликтов на пространстве организации. По его словам, среди таких принципов – неприменение силы, достижение согласия самими сторонами, уважение согласованных переговорных и

¹ *Ан.Торкунов. Мир становится другим. Мир и политика, № 1 (28), январь 2009 г.*

миротворческих форматов, обеспечение прав гражданского населения, оказавшегося в зоне конфликта. «Может быть, самым важным является разработка единых принципов урегулирования конфликтов, и придерживаться их нужно во всех кризисных ситуациях, а не в каких-то избирательных случаях», – сказал президент России¹.

Укрепляя ООН, Россия сохраняет международную структуру безопасности, которая, пусть с известными издержками, обеспечивала мир более 65 лет. Сегодня, на мой взгляд, стоит задача **усиления** этой структуры, в т.ч. и через выдвижение его глобальной концепции безопасности в посткризисном мире. Для этого есть необходимый опыт, наработанный ООН за последние десятилетия.

Международные стратегии развития ООН

1960	провозглашение Первого Десятилетия развития и принятие Международной стратегии развития
1970	провозглашение Второго Десятилетия развития и принятие второй Международной стратегии развития
1980	провозглашение Третьего Десятилетия развития и принятие очередной Международной стратегии развития
1990	провозглашение Четвертого Десятилетия развития и принятие Международной стратегии развития на период до 2000 г.
1994	публикация и распространение доклада Генерального секретаря ООН «Повестка дня для развития»
1995	проведение Всемирной встречи на высшем уровне по вопросам развития
1997	принятие Повестки дня для развития ООН
2000	проведение Саммита тысячелетия ООН, принятие Декларации Тысячелетия ООН и Целей развития тысячелетия
2002	проведение Международной конференции по финансированию развития и принятие Монтеррейского консенсуса
2005	проведение Всемирной встречи на высшем уровне ООН

Надо сказать, что для этого у российской элиты есть определенные основания. И прежде всего объективное ослабление позиций европейских стран в мире, экономика которых постепенно уступает первенство не только Японии, но и Индии и Китаю. Огромные перспективы развития

¹ Составлено *Д.А.Дегтерев*. Отчет по НИР по теме: «Международное содействие развитию как эффективный инструмент продвижения внешнеполитических интересов (по примеру США, ведущих стран ЕС, Японии, Китая). М., МГИМО(У), 2010 г., с. 32.

взаимоотношений у России и со странами Юго-Восточной Азии. Здесь у нее есть большие геополитические и транспортные преимущества наряду европейскими странами.

На мой взгляд, эти обстоятельства следует учитывать в европейских столицах, где необходимо радикально пересмотреть политику по отношению к России и совместимости российско-европейским проблема. В силу процессов, которые в ближайшие два десятилетия изменят геополитическую картину мира, объективные тенденции сближения Восточной и Западной Европы неизбежно станут общепризнанными, даже неизбежным. И чем раньше правительства стран Евросоюза это поймут, тем это будет лучше и выгоднее для всех стран Европы. Всех без исключения. Поэтому необходимо отказаться от практики выдвижения разного рода условий. Таких, например, которые сопутствуют отказу от отмены визовых ограничений. При этом, продолжая свои инициативы, (как, например, на саммите в Астане 1 декабря 2010 года¹, России не следует идти на политические уступки.

Пока же в европейской элите господствуют настроения, которые бывший премьер-министр Австралии Пол Китинг назвал «губительным высокомерием Запада»². И это высокомерие мешает лидерам Евросоюза понять, что мир стремительно меняется и наряду с США, Евросоюзом и Японией на мировую арену выходят новые глобальные игроки и даже региональные лидеры. Как справедливо отметил американский исследователь И.Валлерстайн, «Мы имеем дело еще не с полной анархией, но с массовым геополитическим беспорядком ...»³. И у Европы, и у России в этом геополитическом беспорядке гораздо больше совпадающих интересов безопасности, чем противоречий.

Идея «Безопасности через развитие» была конкретизирована президентом Д.Медведевым в ежегодном послании 30 ноября 2010 года, в части, касающейся внешней политики России. По сути это –

¹ Медведев заявил, что РФ продолжит добиваться отмены визового режима ЕС. 1 декабря 2010 г. / <http://www.interfax.ru/politics/news>.

² *П.Китинг*. Шестнадцать потерянных лет. Почему не сложился «новый мировой порядок». Россия в глобальной политике, 2008 г., т. 6, № 5, с. 13.

³ *И.Валлерстайн*. Куда идет наш мир? Многополярность и относительный закат американской мощи. Россия в глобальной политике, 2008 г. Т. 6, № 5, с. 9.

прагматическая внешнеполитическая программа, которая сводится к следующим направлениям⁴:

(«Пятое») «Нам необходимо наращивать экономическую дипломатию, прямо соотнося её результаты с практической отдачей для модернизации, прежде всего для модернизации. Внешняя политика должна выражаться сейчас не только в ракетах, но и в конкретных и понятных нашим гражданам достижениях: в создании на территории России совместных предприятий и появлении качественных недорогих товаров, в увеличении числа современных рабочих мест и упрощении визового режима.

Я отмечу, что такой прагматичный подход находит понимание у наших зарубежных партнёров, они готовы делиться и своим опытом инновационного развития. Я считаю, что нам нужно адресно работать и с теми странами, и с теми компаниями, которые к этому готовы. Благодаря такой взаимной заинтересованности у нас уже складываются, по сути, модернизационные партнёрства, скажем, с Германией и Францией. Большой потенциал в наращивании инновационной составляющей сотрудничества с Китаем, Индией, Бразилией, Республикой Корея, Сингапуром, Японией, Канадой, Италией, Финляндией, Украиной, Казахстаном, некоторыми другими странами. Эти партнёрства будут ориентированы на пять приоритетов технологической модернизации России.

Существенный резерв в достижении этих целей я вижу в расширении сотрудничества с Европейским союзом и Соединёнными Штатами Америки. Механизмы российско-американского партнёрства нужно использовать для налаживания полномасштабного экономического сотрудничества, улучшения инвестиционного климата и взаимодействия в сфере высоких технологий.

Соглашение между Россией и Евросоюзом «Партнёрство для модернизации», мы эту идею сформулировали как раз ровно год назад, должно работать по следующим трём направлениям. Во-первых, это взаимный обмен технологиями, гармонизация технических норм и

⁴ Д.Медведев. Послание Президента Федеральному Собранию / Президент России. Официальный сайт / 30 ноября 2010 г. / <http://news.kremlin.ru/transcripts/9637>.

регламентов, практическое содействие Евросоюза во вступлении России в ВТО.

Во-вторых, это упрощение визового режима с близкой перспективой его полной отмены.

И, в-третьих, это значительное расширение профессиональных и академических обменов. Именно в этом ключе на следующей неделе я и буду вести разговор с нашими партнёрами в Брюсселе на саммите Россия-Евросоюз.

Шестое. Крайне актуальна задача региональной интеграции России в экономическое пространство Азиатско-Тихоокеанского региона. Надо активнее использовать потенциал российского участия в форуме АТЭС, на других форумах, они недавно как раз прошли. Расширение связей с государствами региона приобретает для нас стратегический характер. Это, кстати, хорошо видно на примере наших отношений с Китаем. Беспрецедентно высокий уровень двустороннего сотрудничества проецируется и на наше партнёрство на международной арене и в свою очередь отражается на росте авторитета и влияния таких объединений, как БРИК и ШОС. Серьёзный резерв мы имеем и в развитии долгосрочного взаимовыгодного сотрудничества со странами Латинской Америки и Африки.

Седьмое. Особым и приоритетным направлением нашей внешней политики, конечно, остаётся пространство СНГ и действующие на нём структуры – ЕврАзЭС, ОДКБ. Мы уже сформировали Таможенный союз и создаём Единое экономическое пространство в рамках ЕврАзЭС. апробируем при этом современные интеграционные схемы и концепции эффективной экономической кооперации. В конечном счёте мы должны действовать в направлении формирования единого экономического пространства – от Арктики до Тихого океана, на всей территории Евразии.

Восьмое. Россия, опираясь на свой уникальный опыт, технические и кадровые ресурсы, может стать инициатором глобальной и трансевропейской системы борьбы с чрезвычайными ситуациями. Около полугода назад, на саммите «большой двадцатки», я выдвинул инициативу по объединению усилий в целях сохранения морской среды от разливов нефти. Теперь нужно вплотную подойти к нашей основной

задаче – обмену наилучшими практиками в этой сфере и предотвращению или ликвидации последствий разливов нефти.

И последнее из международных вопросов. Следует энергичнее налаживать международное взаимодействие в борьбе с пиратством. Мы выдвинули инициативу о создании международного механизма для суда над пиратами. Считаем, что это поможет решить вопрос привлечения пиратов к уголовной ответственности, ведь одним из ключевых побудительных факторов пиратства всё ещё остаётся самый главный – безнаказанность пиратов.

Я жду от внешнеполитического ведомства конкретных результатов работы на всех этих направлениях».